This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

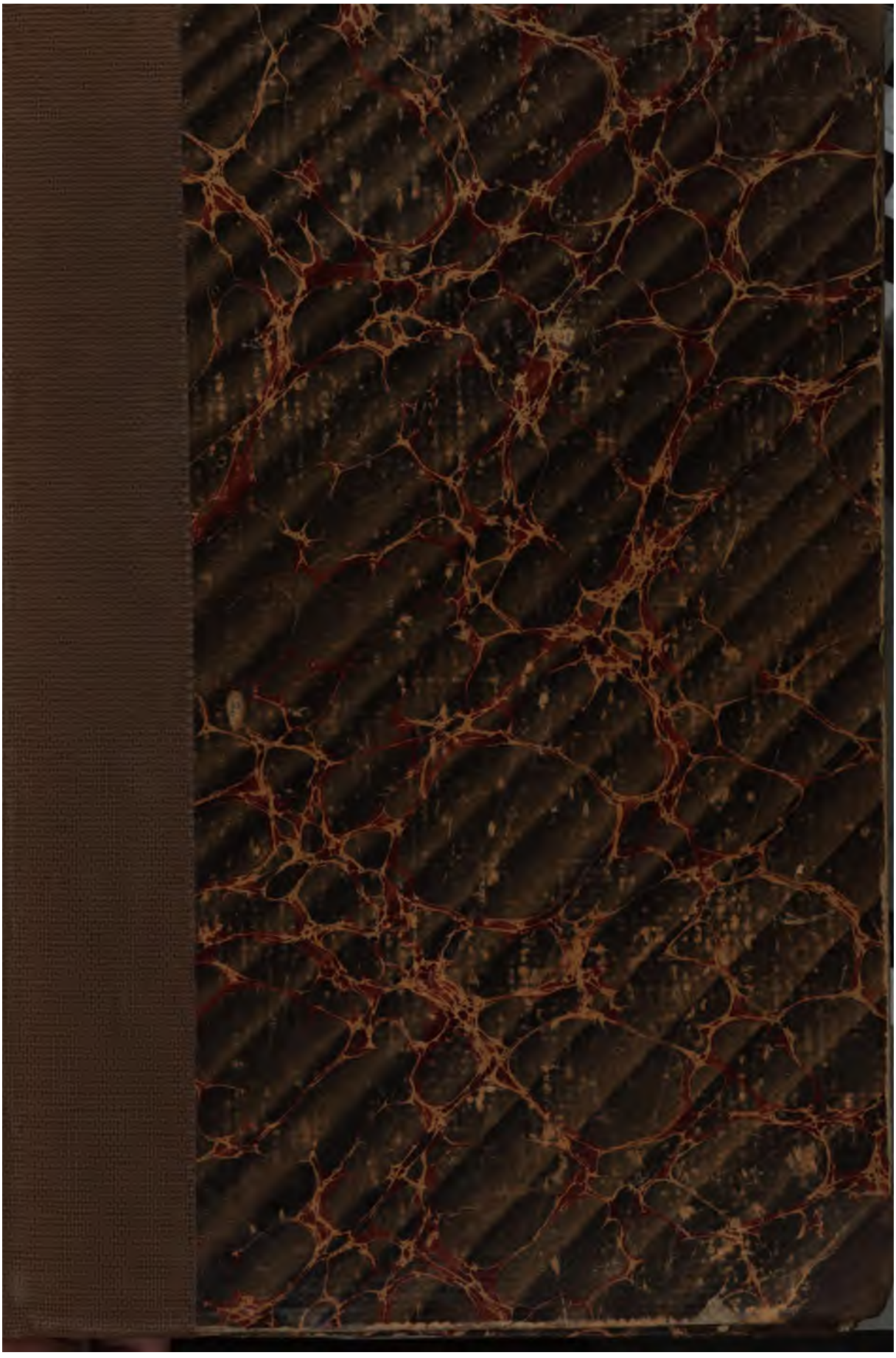
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`



STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

Л. Гренковъ

2033
К-40

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

А. Гренковъ

2033
К-90

СЕКТЫ

ХЛЫСТОВЪ И СКОПЦОВЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Константина Кутепова.

2033

КАЗАНЬ.
Типографія Императорскаго Университета.
1882.

дина: „О скопческой ереси“, изданномъ въ 1845 году (по изд. Кельсіева 110—116 стр. Сбор. прав. свѣд. о раск. III т. Лондонъ. 1862 г.). Упоминая о хлыстахъ, Надеждинъ ограничивается только краткимъ указаніемъ на сущность догматическаго ученія хлыстовъ. Въ 1848 г. послѣдовало изданіе „Указа императрицы Анны Іоанновны св. Синоду“ въ „Чтен. общ. ист. и др. рос.“ VI кн. 66—74. Указъ этотъ относится ко времени перваго громаднаго слѣдствія о московскихъ хлыстахъ, случившагося въ 1733—1734 гг. и сообщаетъ свѣдѣнія отчасти относительно ученія и культа хлыстовъ, отчасти же и историческія, относящіяся къ тому времени. Указъ импер. Анны Іоанновны, впрочемъ, напечатанъ былъ ранѣе, именно въ 1830 г. въ „Полн. Собр. Зак. Рос. Имп.“ въ IX т. Съ 1848 по 1858-й годъ не было ни одного спеціальнаго сочиненія, а равно не было ни одной статьи, посвященной предмету изученія хлыстовской секты. Статьи И. М. Добротворскаго, помѣщенныя въ „Православномъ Собесѣдникѣ“ за 1858 г. 1 и 2 ч. и за 1860 г. 3 ч. были первымъ опытомъ научнаго изслѣдованія хлыстовщины. Съ этого времени въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ появляется рядъ статей, посвященныхъ тому же предмету и разсматривающихъ его съ разныхъ сторонъ; появляются даже опыты „изслѣдованій“ секты, издаются матеріалы, относящіеся къ этому предмету; изученіе секты, повидимому, становится достояніемъ науки. Все, что до сего времени извѣстно въ печати по предмету изслѣдованія хлыстовской секты можетъ быть раздѣлено по своему достоинству и значенію для изслѣдователя на два рода: на источники и пособія.

Соотвѣтственно съ предметами, которые составляютъ содержаніе источниковъ, послѣдніе могутъ быть раздѣлены на двѣ группы; въ однихъ излагается внутренняя сторона хлыстовской секты или, по крайней мѣрѣ, по преимуществу; въ другихъ — внѣшняя. Къ первой группѣ относятъ

1) Пѣсни или такъ называемые духовные роспѣвцы хлыстовъ, которые поются обыкновенно послѣдними во время радѣній. Составленіе роспѣвцевъ принадлежитъ пророкамъ, которые обязаны каждый разъ во время радѣній составлять, импровизировать „пѣснь нову Господеви“. Помимо своего литературнаго достоинства, которое безъ сомнѣнія принадлежитъ пѣснямъ, онѣ представляютъ богатый и въ нѣкоторыхъ случаяхъ единственный источникъ при изученіи секты хлыстовъ. Во многихъ изъ нихъ можно находить множество догматическихъ и нравственныхъ мыслей, а также относящихся къ бытовой сторонѣ хлыстовъ, къ культу и исторіи. Правда, эти мысли большею частію выражены отрывочно, недоконченно и притомъ въ различныхъ пѣсняхъ; но, будучи сведены и сгруппированы, онѣ могутъ составить нѣчто цѣлое и законченное относительно извѣстнаго предмета. Значеніе пѣсенъ, какъ источника при изученіи секты, возвышается еще и потому, что при скудости другихъ источниковъ онѣ являются какъ бы первоисточникомъ. Кромѣ того, пѣсни суть свободныя, непринужденныя произведенія хлыстовъ, въ которыхъ они изливаютъ свои мысли и чувствованія такъ, какъ они на самомъ дѣлѣ мыслятъ и чувствуютъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи превосходство пѣсенъ какъ источника надъ оффиціальными показаніями хлыстовъ, какія они давали въ разное время и разнымъ оффиціальнымъ лицамъ, не можетъ подлежать сомнѣнію. Тогда какъ оффиціальныя показанія хлыстовъ отличаются въ большинствѣ случаевъ неискренностію и потому невѣрностію, въ пѣсняхъ ихъ, напротивъ, можно находить больше искренности и правдивости. Впрочемъ, нужно замѣтить, что не всѣ пѣсни могутъ быть признаны одинаково источникомъ при изученіи секты хлыстовъ. При господствовавшемъ во времена Александра I-го мистицизмѣ многіе изъ лицъ образованныхъ, принадлежавшихъ къ знатному происхожденію, увлекшись хлыстовскими радѣніями, также

сопровождали послѣднія пѣніемъ духовныхъ роспѣвцевъ. Таково было общество Татариновой. Многіе изъ членовъ ея общества занимались составленіемъ духовныхъ пѣсенъ, которыя и употреблялись во время радѣній. Таковы были: Дубовицкій, Поповъ, Лабзинъ, Кошелевъ и нѣкоторые другіе. Такъ какъ эти лица на самомъ дѣлѣ не принадлежали къ обществу хлыстовъ и не раздѣляли ученія послѣднихъ, то понятно, что и въ роспѣвцахъ, составленныхъ ими, нельзя найти хлыстовскаго ученія, за исключеніемъ развѣ ученія о радѣніяхъ и о пророческомъ достоинствѣ каждаго. Впослѣдствіи, роспѣвцы, составленные въ обществѣ Татариновой, перешли къ хлыстамъ, которые пѣли ихъ съ не меньшимъ увлеченіемъ, мало обращая вниманіе на содержаніе и интересуясь по преимуществу внѣшнею, литературною стороною. Само собою понятно, что такого рода роспѣвцы, хотя бы случалось брать ихъ непосредственно у самихъ хлыстовъ, не могутъ служить источникомъ при изложеніи собственно хлыстовской доктрины. Такихъ роспѣвцевъ въ сборникѣ Н. Барсова помѣщено нѣсколько, таковы: №№ 15, 38, 40, 86 и др. Признаки, на основаніи которыхъ можно отличить роспѣвецъ, принадлежащій кому-либо изъ членовъ Татарин. общества, по нашему мнѣнію, могутъ быть двухъ родовъ: внутренніе и внѣшніе. Первые относятся къ содержанію роспѣвца, вторые же—къ внѣшней его формѣ. Въ роспѣвцѣ, принадлежащемъ кому-либо изъ членовъ Татарин. общества, большею частію передается содержаніе какого-либо евангельскаго событія и притомъ въ духѣ православномъ. Точно также роспѣвецъ, принадлежащій кому-либо изъ членовъ Татарин. общества, всегда почти отличается нѣкоторою литературною обработкою стиха. Ни того, ни другаго нельзя встрѣтить въ роспѣвцахъ собственно хлыстовскихъ; въ нихъ всегда можно найти какую-либо частную мысль, изобличающую происхожденіе всего роспѣвца отъ хлыстовъ.

Важное значеніе пѣсенъ, какъ источника при изученіи секты хлыстовъ, признавалось и признается всѣми писателями о хлыстовской сектѣ. Вслѣдствіе этого, съ самаго начала изученія хлыстовской секты стали заботиться о собираніи ихъ. Къ сожалѣнію, до настоящаго времени не существуетъ въ литературѣ полнаго сборника собственно хлыстовскихъ пѣсенъ; сборники же, сдѣланные Добротворскимъ въ его изслѣдованіи: „Люди божіи“ (1) и Барсовымъ: „Духовные стихи людей божіихъ“ (2), будучи не полны, не отдѣляютъ собственно хлыстовскихъ пѣсенъ отъ скопческихъ. Смѣшеніе пѣсенъ хлыстовскихъ и скопческихъ понятно; собиратели ихъ, очевидно, полагаютъ, что при существенномъ сходствѣ хлыстовской и скопческой сектъ и пѣсни той и другой секты поются одинаково какъ хлыстами, такъ и скопцами. Утверждая, что секта скопцовъ есть отдѣльная, существенно отличная отъ секты хлыстовъ, мы вмѣстѣ съ этимъ не признаемъ и того предположенія, что будто бы всѣ духовные роспѣвцы безразлично употребляются какъ въ обществѣ хлыстовъ, такъ и въ обществѣ скопцовъ. Можно еще допустить, что скопцы, дѣйствительно, употребляютъ пѣсни хлыстовскія, но никакъ нельзя допустить, чтобы и хлысты также употребляли пѣсни собственно скопческія. Послѣднія по своему содержанію имѣютъ специфическій, принадлежащій только скопческому ученію, характеръ; при самомъ бѣгломъ чтеніи можно почти безошибочно опредѣлить, какая пѣсня принадлежитъ скопцамъ и какая хлыстамъ. Въ скопческихъ пѣсняхъ всегда почти можно найти указаніе или на „страды“ лжеискупителя, или на „чистоту“, проповѣдуемую имъ, или на „Петербургъ“, какъ мѣсто славнаго пребыванія его, на „Иркутскъ“, какъ мѣсто его странствованія, на

(1) Люди божіи. Казань. 1869 г. 101—200 стр.

(2) Духов. стихи людей божіихъ. Спб. 1870.

„Суздаль“, какъ мѣсто его заключенія и проч. Всѣ эти мысли чужды хлыстовскому ученію; отсюда понятно, что и пѣсни съ такимъ содержаніемъ никакъ не могутъ быть употребляемы хлыстами. Отдѣливъ, такимъ образомъ, пѣсни, принадлежащія собственно скопцамъ и обществу Татариновой; мы все-же получаемъ весьма значительную цифру пѣсенъ хлыстовскихъ (около 200), разбросанныхъ въ двухъ поименованныхъ сборникахъ, въ книгѣ Надеждина (Сбор. Кельсіева III т. Прил. 29. 92) и въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ, какъ то: въ „Чтен. Общ. ист. и древ.“ за 1872 г. въ кн. 1 и 3 и за 1873 г. въ кн. 1, въ „Тул. Еп. Вѣд.“ за 1867 г. №№ 23 и 24 и проч.

2) Записка Сергѣева: „Изъясненіе раскола, именуемаго христовщина или хлыстовщина“. Записка эта была представлена Сергѣевымъ въ св. Синодъ въ 1809 году и составляетъ результатъ его наблюденія и изученія секты хлыстовъ, въ которой онъ самъ пребывалъ въ теченіи шести лѣтъ. Въ ней обстоятельно и съ достаточною полнотою излагается ученіе хлыстовъ о Лицѣ І. Христа и о хлыстовскихъ лжехристахъ; есть, далѣе, указанія на культъ хлыстовъ и на нѣкоторыя черты изъ быта послѣднихъ. Важность и значеніе записки Сергѣева, какъ источника, можно вполнѣ видѣть только при чтеніи статьи: „Русскій простонародный мистицизмъ“ г. Барсова, который первый воспользовался ея содержаніемъ, такъ какъ существующія два изданія этой записки въ „Чтен. Общ. ист. и др. рос.“ (1873 г. 1. V. 31—38 стр. и 1874 г. 3. V. 62 стр.) хотя и пополняютъ одно другое, но въ нихъ многаго не достаетъ, что помѣщено г. Барсовымъ въ его статьѣ.

3) Прекраснымъ пополненіемъ сочиненія Сергѣева можетъ служить рядъ статей Преображенцева, обратившагося изъ секты людей божіихъ. Состоя долгое время въ сектѣ хлыстовъ и будучи жаркимъ послѣдователемъ ея ученія, Преображенцевъ, благодаря

случайнымъ обстоятельствамъ, обратившимъ его вниманіе на исповѣдуемое имъ ученіе и особенно на безнравственную жизнь его согласниковъ, созналь, наконецъ, полную несостоятельность этого ученія и жизни, оставилъ общество хлыстовъ, присоединившись къ православной церкви, и рѣшился письменно изложить исторію своей жизни въ этомъ обществѣ. Первыя его статьи носятъ названіе: „Исповѣдь обратившагося раскольника (изъ секты людей божіихъ)“ (1) и заключаютъ въ себѣ изложеніе обрядовой стороны: о принятіи въ секту, о здравіи именинника, поминовеніяхъ и милостыни; послѣдніе три разсказа суть единственные, не встрѣчающіеся ни въ одномъ изъ извѣстныхъ до сихъ поръ сочиненій о хлыстахъ. Второй рядъ статей, самый длинный и существенно важный, имѣетъ оглавленіе: „Дополнительныя свѣдѣнія къ исповѣди обратившагося раскольника изъ секты людей божіихъ“ (2). Здѣсь кромѣ обрядовой стороны, которая занимаетъ видное мѣсто, есть также указаніе и на ученіе хлыстовъ, преимущественно о церкви. Изложеніе обрядовъ и именно радѣній имѣетъ особенный интересъ потому, что авторъ говоритъ о нихъ въ связи съ тѣми тайными душевными мотивами, которые побуждаютъ хлыстовъ собираться на радѣнія и принимать въ нихъ живое участіе. Но особенно важнымъ представляется намъ въ этомъ довольно обширномъ ряду статей разсказъ автора о своей жизни въ сектѣ хлыстовъ, о положеніи провинившихся дѣвушекъ и вообще о религіозно-нравственномъ состояніи общества хлыстовъ. Этотъ послѣдній отдѣлъ „исповѣди“ Преображенцева займетъ видное мѣсто при изложеніи нами внутренняго быта хлыстовскаго общества. Наконецъ, третій рядъ статей „Духовные

---

(1) Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. №№ 6—8.

(2) Тамъ же, №№ 17. 18. 20—22; 1868 г. №№ 6—8; 1869 г. №№ 9—12. 20. 22—24.

стихи хлыстовъ" заключаетъ въ себѣ изложеніе 16-ти пѣсенъ (1).

Ко второй группѣ источниковъ принадлежатъ: 1) „Основатели секты „людей божіихъ"—лжехристы Сусловъ и Прокопій Лупкинъ". (Православ. Обозр. 1862 г. № 8. 324—328 стр.). 2) „Данныя сороковыхъ годовъ XVIII стол. для исторіи тайной бесѣды святыхъ отецъ". Тамъ же. 444—457 стр.

Первая замѣтка вызвана статьею г. Добротворскаго въ Правосл. Собесѣдникѣ за 1858 г. 1 кн. и составляетъ дополненіе къ ней о жизни и дѣятельности первыхъ основателей секты; вторая же написана по поводу первой и въ дополненіе ея и касается времени 1745 и 1746 годовъ, когда была снаряжена коммиссія для изслѣдованія хлыстовской секты въ Москвѣ.

3) Напечатанный въ сочиненіи Пеликана правительственный документъ, относящійся ко времени сороковыхъ же годовъ XVIII столѣтія (2). Документъ этотъ весьма важенъ въ томъ отношеніи, что подтверждаетъ предполагавшееся до этого времени существованіе у хлыстовъ обряда причащенія тѣломъ и кровію младенцевъ.

4) Исторія Министерства внутр. дѣлъ. Варадинова. Спб. 1863 г. VIII т. Хотя въ этомъ сборникѣ есть свѣдѣнія, относящіеся къ внутренней сторонѣ хлыстовской секты, но они такъ неважны и незначительны, что ихъ можно игнорировать. Историческія же свѣдѣнія, заключающіяся въ этой книгѣ, могутъ имѣть значеніе особенно въ виду крайней скудости этихъ свѣдѣній вообще.

Главнѣйшія между существующими въ настоящее время пособіями по предмету изслѣдованія хлыстовской секты суть слѣдующія:

---

(1) Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. №№ 23—24.

(2) Суд. медиц. изслѣд. скопчества. Спб. 1875 г. 2-е изд. 114—121 стр.

1) „Люди божіи, русская секта такъ наз. духовныхъ христіанъ". Изслѣдованіе И. Добротворскаго. Казань. 1869 г. (¹).

2) „Русскій простонародный мистицизмъ (сообщеніе, читанное въ этнографическомъ отдѣленіи Император. русск. географич. общества. 13 мая 1869 г.) Н. Барсова. Христ. Чтен. 1869 г. Сентябрь. 418—481 стр.

3) „Новѣйшіе изслѣдователи русскаго раскола" Е. Барсова (рецензія на кн. Реутскаго: „Люди божьи и скопцы"). Правосл. Обозр. 1873 г. Январь. 126—162 стр.

4) „Тайныя секты" Мельникова. Русск. Вѣстн. 1868 г. № 5. 5—70 стр.

5) „Бѣлые голуби" его же. Русск. Вѣстн. 1869 г. № 3. 312—388 стр.

и 6) „Люди божьи и скопцы", историч. изслѣд. Н. В. Реутскаго. Москва. 1872 г.

Не представляя каждое въ отдѣльности изъ названныхъ сочиненій полнаго изложенія исторіи, ученія и культа секты хлыстовъ, каждое изъ нихъ можетъ служить дополненіемъ другаго. Краткія историческія свѣдѣнія, сообщаемыя Добротворскимъ, значительно дополняются историческими свѣдѣніями, сообщаемыми Мельниковымъ и Реутскимъ. Догматическое ученіе, изложенное Н. Барсовымъ на основаніи записки свящ. Сергѣева, находитъ себѣ дополненіе въ статьяхъ Е. Барсова и особенно Мельникова въ его „Бѣлыхъ голубяхъ". Нравственное ученіе о „таинственной смерти и воскресеніи", обстоятельно изложенное Добротвор-

---

(¹) Главы, вошедшія въ сочиненіе Добротворскаго, напечатаны были первоначально въ «Правосл. Собесѣд.» за 1858 и 1860 годы, но не съ такою полнотою, въ какой онѣ явились въ отдѣльномъ изданіи ихъ. Кромѣ того, къ этимъ главамъ присоединенъ новый отдѣлъ хлыстовскихъ и скопческихъ пѣсенъ съ объясненіями каждой изъ нихъ. Объясненія эти могутъ отчасти руководить при изложеніи догматическаго, нравственнаго и обрядоваго ученія хлыстовъ.

скимъ, дополняется Мельниковымъ. Культъ, подробно изложенный Добротворскимъ, дополняется, хотя и незначительно, статьею Мельникова.

Степень научнаго достоинства каждаго изъ названныхъ сочиненій и отсюда значеніе ихъ для изслѣдователя—неодинаковы. Тогда какъ Добротворскій, Н. Барсовъ и Е. Барсовъ разсматриваютъ секту хлыстовъ съ научной точки зрѣнія, стремятся опредѣлить и выяснить сущность своеобразнаго ученія и культа хлыстовъ и произнести о нихъ такое или иное заключительное слово, Мельниковъ и Реутскій вовсе чужды этихъ качествъ. Въ частности, трудъ Добротворскаго имѣетъ особенное значеніе для насъ по обстоятельному изложенію нравственнаго ученія хлыстовъ о таинственной смерти и таинственномъ воскресеніи, а также по не менѣе обстоятельному изложенію обрядовой стороны. Трудъ Н. Барсова, кромѣ того, что изъ него можно заимствовать нѣкоторыя мысли изъ записки Сергѣева, важенъ по тѣмъ общимъ выводамъ, которые представилъ Барсовъ въ концѣ своей статьи. Трудъ Е. Барсова есть, можно сказать, первый и единственный опытъ чисто научнаго анализа религіозно-нравственнаго міросозерцанія хлыстовъ. Въ этомъ же трудѣ находится подробное и, по нашему мнѣнію, вполнѣ обстоятельное опроверженіе ходячей гипотезы о происхожденіи хлыстовскаго ученія отъ Кульмана. Что касается сочиненій Мельникова и Реутскаго, то они могутъ имѣть значеніе только при изложеніи исторіи хлыстовъ. Ученіе же и культъ въ первомъ изъ этихъ сочиненій представлены въ высшей степени непослѣдовательно, разбросанно и неопредѣленно; во второмъ-же можно находить то и другое только съ большимъ трудомъ.

Общій недостатокъ, свойственный всѣмъ шести выписаннымъ нами сочиненіемъ, есть совершенное игнорированіе ими одного изъ важнѣйшихъ источниковъ по предмету хлыстовской секты и, именно, пѣсенъ. Вслѣдствіе этого, самымъ лучшимъ изъ этихъ

сочиненій недостаетъ той полноты, какая возможна при изложеніи ученія и быта хлыстовъ. Поэтому, далѣе, вслѣдствіе отсутствія какихъ-либо другихъ болѣе полныхъ источниковъ, во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ нѣтъ даже и намековъ на бытовую сторону изучаемаго нами общества хлыстовъ, которая можетъ быть понятою только при изученіи духовныхъ роспѣвцевъ хлыстовъ. Кромѣ этого весьма важнаго недостатка ни въ одномъ изъ названныхъ сочиненій не замѣчается даже и попытки къ какой либо систематизаціи ни догматическаго, ни тѣмъ болѣе нравственнаго ученія хлыстовъ. Между тѣмъ, такая систематизація возможна, по крайней мѣрѣ, относительно ученія догматическаго.

Существуютъ въ литературѣ и другія пособія по предмету изученія хлыстовской секты. Изъ послѣднихъ видное мѣсто занимаютъ:

1) Статья г. Кельсіева: „Святорус. двоевѣры“ (1), и преимущественно первая ея часть. Въ ней авторъ сообщаетъ разсказъ хлыстовской богини Авдотьи объ обрядѣ причащенія тѣломъ и кровію младенцевъ, а также и грудью дѣвицы. Во второй части той же статьи заключаются собственныя соображенія автора о вѣрованіяхъ и обрядахъ хлыстовъ. По автору, источникъ и начало всѣхъ вѣрованій и обрядовъ божіихъ людей находятся, съ одной стороны, въ восточномъ богомильствѣ, а съ другой—въ язычествѣ, которое до сего времени живетъ еще между русскими простолюдинами.

2) „Къ вопросу о людяхъ божіихъ“ (Правосл. Собесѣд. 1870 г. 1 кн. 15—30 стр.) И. Добротворскаго. Эта замѣтка г. Добротворскаго вошла, какъ приложеніе, и въ отдѣльное изданіе его сочиненія „Люди божіи“.... Вызванная вслѣдствіе нѣкоторыхъ недоразумѣній, возникшихъ между Добротворскимъ и

(1) Заря. 1869 г. № 10, 1—30 стр. и № 11, 1—36 стр.

Мельниковымъ, писавшими о хлыстахъ почти одновременно, названная статья важна въ двухъ отношеніяхъ. Во 1-хъ она констатируетъ на несомнѣнныхъ основаніяхъ фактъ существованія у хлыстовъ обряда моленія предъ чаномъ, соединеннаго съ биченіемъ и во 2-хъ, хотя и несправедливо, какъ намъ кажется, подвергаетъ сомнѣнію другой фактъ, изъ религіозной жизни хлыстовъ, еще болѣе важный, именно обрядъ причащенія тѣломъ и кровію.

3) „Умственныя направленія русскаго раскола“ Щапова. Дѣло. 1867 г. №№ 10, 11 и 12.

4) „Вліяніе протестантства на образованіе хлыстовской, духоборческой и молоканской сектъ“ И. Соколова. Странн. 1880 г. Январь. 96—112 стр.

Обѣ статьи посвящены изслѣдованію одного спеціальнаго вопроса о происхожденіи секты хлыстовъ. При этомъ нужно замѣтить, что послѣдняя изъ двухъ статей составляетъ небольшой отрывокъ изъ сочиненія того же автора: „Отношеніе протестантизма къ Россіи въ XVI и XII вв. М. 1880 г.

Менѣе важное значеніе для насъ имѣетъ слѣдующій рядъ статей, на которыя, однако, приходилось намъ ссылаться въ своемъ сочиненіи, какъ на источникъ:

1) „Хлысты въ тамбовской губерніи, называющіеся богомолами или постниками“. Тамб. Еп. Вѣд. 1862 г. № 5. 203—214 стр.—Статья эта вошла цѣликомъ въ „Бѣлые голуби“ Мельникова. Изъ нея можно заимствовать свѣдѣнія о состояніи хлыстовщины въ тамбовской губерніи—ея распространеніи, ученіи и культѣ.

2) „Замѣтки о хлыстовской и скопческой сектѣ“ А. Р—скаго. День. 1864 г. № 24. „Замѣтки“ касаются главнымъ образомъ бытовыхъ сторонъ жизни хлыстовъ и важность „замѣтокъ“ въ этомъ отношеніи—несомнѣнна.

3) „За Кавказомъ“. Отеч. Зап. 1867 г. № 6. 482 стр. и „Народныя преступленія и несчастія“—тамъ

же 1869 г. № 4. Максимова. Первая статья Максимова замѣчательна особенно потому, что въ ней собраны нѣкоторые устные разсказы народа о культѣ и жизни хлыстовъ; вторая—потому, что въ ней авторъ сообщаетъ свѣдѣнія о религіозно-нравственномъ состояніи сибирскихъ хлыстовъ и скопцовъ, которыхъ онъ имѣлъ случай наблюдать.

4) „Опытъ историческаго обозрѣнія мистическихъ сектъ въ Россіи“ Протопопова. Труды Кіев. Д. Ак. 1867 г. № 10. 89—119 стр. Коротко излагается исторія, ученіе и культъ хлыстовъ.

5) „Монтаны“ (*) В. Калатузова. Эпоха. 1864 г. № 7. Кромѣ того, что авторъ этой статьи указываетъ новыя мѣстности существованія хлыстовъ, онъ представляетъ въ своей статьѣ и нѣчто новое относительно ученія хлыстовъ, напр. объ Искупителѣ, и относительно ихъ быта. Въ 1865 г. эта статья въ извлеченіи была помѣщена въ Тул. Еп. Вѣд. № 13-й подъ тѣмъ же заглавіемъ съ прибавленіемъ при этомъ 10-ти пѣсенъ. Въ 1870 г. она снова была перепечатана въ Сам. Еп. Вѣд. №№ 16, 18—19, 21 и 23 со многими, впрочемъ, измѣненіями и дополненіями подъ названіемъ „О сектѣ монтанской въ селѣ Дубовомъ Уметѣ, самар. уѣзда“.

6) „О монтанской сектѣ въ пригородѣ Ерыклинскѣ, ставропольскаго уѣзда“ свящ. Вратскаго. Сам. Еп. Вѣд. 1875 г. № 15. Въ этой замѣткѣ свящ. Врат-

(*) Такъ называютъ хлыстовъ въ нѣкоторыхъ приволжскихъ губерніяхъ и преимущественно въ самарской. Что подъ именемъ монтанъ нужно разумѣть здѣсь хлыстовъ — въ этомъ, кромѣ сходства ученія и культа первыхъ съ ученіемъ и культомъ послѣднихъ, убѣждаетъ и свидѣтельство Преображенцева. Послѣдній разсказываетъ, что одинъ его товарищъ, находясь въ нижегородской губерніи, былъ, между прочимъ, на бесѣдѣ у монтанъ и убѣдился, что «религіозная тайная бесѣда совершается у нихъ такъ же, какъ и у людей божіихъ, т. е. одинаковое пѣніе, радѣніе и лжепророчество» (Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 22. 273—274 стр.). И, вообще, сношенія между хлыстами и такъ наз. монтанами совершаются безпрепятственно и часто (см. напр. Сборн. Кельс. II вып. 82 стр.).

скаго заключаются интересныя свѣдѣнія относительно радѣній хлыстовъ, послѣ радѣльнаго стола и о такъ наз. „божіихъ судахъ".

7) „Ванька Каинъ". Древ. и Нов. Россія. 1876 г. III. № 11. Въ этой статьѣ издагаются историческія свѣдѣнія о московскихъ хлыстахъ, относящіяся ко времени втораго слѣдственнаго дѣла о нихъ.

8) „Люди божіи въ оренбургской епархіи" свящ. Словохотова. Оренб. Еп. Вѣд. 1880 г. №№ 18—24. По отсутствію признаковъ, на основаніи которыхъ можно было бы причислить „Оренбургскихъ людей божіихъ" къ дѣйствительнымъ хлыстамъ, статья свящ. Словохотова не можетъ служить ни источникомъ, ни пособіемъ при изученіи секты хлыстовъ.

9) „Балашевскіе хлысты". Перм. Еп. Вѣд. 1869 г. 417 стр.

10) „Хлысты". Ворон. Еп. Вѣд. 1871 г. 727 стр. и 1872 г. № 11. 495 стр.

11) „Къ исторіи вѣрованій и нравовъ нашихъ сектантовъ". Сам. Еп. Вѣд. 1867 г. № 10. 266 стр.

12) „Страшное событіе". Орлов. Еп. Вѣд. 1867 г. № 22. (Сообщаются свѣдѣнія объ Акулинѣ Тимоѳеевнѣ—хлыстовской богородицѣ новаго времени).

Въ настоящее время вѣрованія, обряды и бытъ секты хлыстовъ стали составлять предметъ беллетристической литературы. Такъ, Мельниковъ въ своемъ замѣчательномъ романѣ „На горахъ" сообщаетъ очень много свѣдѣній изъ внутренней стороны секты хлыстовъ (Рус. Вѣст. 1875 г., 1876, 1877, 1879 и 1880 гг.). Еще болѣе заслуживаетъ вниманія повѣсть Захеръ-Могоха „Пророчица" по тому спокойствію и безпристрастію, какія составляютъ отличительныя качества этого писателя. Авторъ „Пророчицы" заимствуетъ свой сюжетъ изъ быта тарговицкихъ хлыстовъ и сообщаетъ прекрасныя свѣдѣнія о томъ важномъ значеніи, какое имѣютъ пророчицы и богородицы въ хлыстовскихъ кораблях (Нива. 1880 г. №№ 3, 4, 5....).

В.

О скопчествѣ стали писать сравнительно рано. Первая книга „О скопцахъ“ издана была въ 1819 г. въ Петербургѣ и принадлежитъ Пилецкому, одному изъ членовъ общества Татариновой. Достоинство и значеніе этой книги легко можно видѣть изъ того, что митрополитъ Филаретъ, въ то время бывшій архіепископомъ ярославскимъ, отказался распространить ее между подвѣдомственнымъ ему клиромъ („Изъ воспоминаній покойнаго митр. Филарета“. Правосл. Обозр. 1868 г. 26 т. 520 стр.).... Въ 1845 году издана была замѣчательная для своего времени книга Н. Надеждина: „Изслѣдованіе о скопческой ереси“. На книгу Надеждина можно смотрѣть, какъ на результатъ трудовъ дѣйствовавшей въ то время коммиссіи о скопцахъ подъ предсѣдательствомъ Липранди. Книга Надеждина издана была въ самомъ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, по предположенію Н. Барсова— въ 50-ти экземплярахъ (Христ. Чт. 1869 г. Сентябрь. 427 стр.). Впослѣдствіи, благодаря В. Кельсіеву, она снова была издана уже въ Лондонѣ въ 1862 г. и вошла въ третій томъ его „Сборника правительственныхъ свѣдѣній о раскольникахъ“ (1—240 стр. и „Приложенія“ 1—92 стр.). Со времени перваго изданія „Изслѣдованія“ Надеждина до 60-хъ годовъ въ русской литературѣ не встрѣчается печатныхъ сочиненій о скопчествѣ. Съ 60-хъ годовъ обнаруживается стремленіе къ изученію скопческой секты, выразившееся въ многочисленномъ рядѣ статей и нѣсколькихъ спеціальныхъ изслѣдованій. Но главное, что особенно составляетъ важное пріобрѣтеніе науки — это, безъ сомнѣнія, изданіе множества матеріаловъ о скопчествѣ, которые до сего времени хранились въ разныхъ архивахъ и составляли предметъ не для всѣхъ доступный. Однимъ изъ ревностнѣйшихъ собирателей матеріаловъ о скопчествѣ былъ П. И. Мельниковъ, который издалъ имѣвшійся у него матеріалъ

въ „Чтен. Общ. ист. и др. рос." за 1872 годъ I—IV кн. и за 1873 г. I кн. Огромную массу матеріала (всего 1,104 стр.) Мельниковъ раздѣлилъ на пять отдѣловъ, предпославъ каждому изъ нихъ краткое предисловіе и снабдивъ каждый изъ нихъ собственными замѣчаніями какъ въ текстѣ, такъ особенно подъ строками. Нельзя сказать, чтобы дѣленіе матеріала о скопчествѣ, принятое Мельниковымъ, было удачное и служило къ облегченію пользованія имъ. Собиратель матеріаловъ, строго придерживаясь хронологіи, сообразно съ послѣднею раздѣлилъ и свой матеріалъ; исключеніе въ этомъ отношеніи составляютъ второй и третій отдѣлы. Очевидно, такое дѣленіе отнюдь не можетъ облегчить труда изслѣдователя. Что касается до предисловій и примѣчаній, то относительно первыхъ нужно сказать, что кромѣ перечня имѣющаго войти въ извѣстный отдѣлъ, они не содержатъ въ себѣ почти ничего. О вторыхъ же должно замѣтить, что, при очевидномъ достоинствѣ и значеніи нѣкоторыхъ, большая часть ихъ составляетъ неоднократное повтореніе уже разъ сказаннаго; нѣкоторыя же изъ послѣднихъ обнаруживаютъ въ авторѣ крайнюю нетерпимость къ убѣжденіямъ и взглядамъ другихъ (для примѣра см. Чтен. въ Общ. ист.., 1872 г. 2. 191 стр. 51 примѣч.). Кромѣ Мельникова въ изданіи матеріаловъ участвовали и другіе; такъ напр. Толстой. Шульгинъ и др., о которыхъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Изданные въ настоящее время матеріалы о скопчествѣ составляютъ одинъ изъ главнѣйшихъ источниковъ при изученіи скопческой секты во всѣхъ отношеніяхъ. Всѣ они не могутъ быть строго разграничены по внутреннему ихъ содержанію, такъ какъ въ одномъ и томъ же показаніи скопца, въ одномъ и томъ же донесеніи его, въ одной и той же оффиціальной запискѣ можно встрѣтить и исторію, и ученіе и культъ. Поэтому, оставивъ этотъ способъ дѣленія источниковъ, какъ неудобный, мы можемъ раздѣлить

ихъ по роду ихъ происхожденія и, именно, на три группы, къ которымъ мы присоединимъ новую четвертую группу, заключающую въ себѣ матеріалъ болѣе или менѣе уже обработанный. Такое дѣленіе источниковъ важно въ томъ отношеніи, что оно, какъ увидимъ, отчасти опредѣляетъ сравнительное достоинство и значеніе заключающагося въ каждой группѣ матеріала.

Къ первой группѣ относятся всѣ тѣ письменныя произведенія скопцовъ, которыя составлены ими добровольно, помимо всякаго посторонняго вмѣшательства. По своему достоинству и значенію для изучающаго внутреннюю сторону скопческой секты матеріалъ, заключающійся въ этой группѣ, долженъ занимать первое мѣсто, такъ какъ только въ этихъ произведеніяхъ скопцы откровенно и искренно высказываютъ свои мысли и желанія. Къ этой группѣ относятся:

1) Пѣсни скопцовъ. До настоящаго времени еще не существуетъ сборника собственно скопческихъ пѣсенъ; послѣднія разбросаны въ разныхъ книгахъ, какъ-то: въ книгѣ Надеждина можно насчитывать ихъ до 25 (1), у Н. Барсова—до 5-ти (2), у Добротворскаго до 20-ти (3), у Мельникова болѣе 50-ти (4), у Щебальскаго—3 (5) и проч. Сравнительно съ пѣснями хлыстовъ пѣсни скопческія представляютъ меньше матеріала для уясненія ученія и быта скопцовъ. Большая часть ихъ имѣетъ своимъ содержаніемъ одну мысль о второмъ пришествіи лжеискупителя и лжецаря Селиванова; къ этой мысли присоединяются разныя историческія обстоятельства изъ

(1) Сбор. Кельс. Ш. Пѣсни.

(2) Духов. стихи люд. бож. Спб. 1870 г.

(3) Изслѣдованіе. Казань. 1869 г.

(4) Чт. въ Общ. ист... 1872 г. I, II, III и 1873 г. I въ видѣ матеріаловъ о скопчествѣ.

(5) Рус. Старина 1873 г.

жизни основателя скопческой секты, которыя также служатъ предметомъ многихъ писемъ.

2) Произведенія самого основателя скопческой секты, т. е. его „Посланіе“ и „Страды“ и девять писемъ, писанныхъ имъ къ князю Сергѣеву. Посланіе и письма суть не что иное, какъ нравственныя увѣщанія своихъ послѣдователей жить согласно съ скопческими правилами. Отсюда, значеніе ихъ, какъ источника, не велико и они могутъ только опредѣлять нравственный образъ самого основателя скопческой секты. „Посланіе“ въ первый разъ было издано г. Надеждинымъ въ „приложеніи къ его изслѣдованію“, въ „Сборникѣ“ Кельсіева оно также вошло (III выпуск. 17—26 стр.). Впослѣдствіи, въ 1868 г. оно въ видѣ исправленной нѣсколько формы было напечатано въ „Историческомъ вѣстникѣ“ (III т. 140—168 стр.). Наконецъ, въ 1864 году „Посланіе“ вновь было Толстымъ въ Чтен. Об. ист. и др. рос.“ (1864 г. 4. V. 66—90), но только въ соединеніи съ „Страдами“. Текстъ „Посланія и Страдъ“, изданный Толстымъ (по отзыву Мельникова (Чтен. въ общ. ист. 1872 г. 3. V. 141 стр.), есть самый вѣрный. Безъ всякаго сомнѣнія, мы въ своемъ сочиненіи ссылались на это изданіе „Посланія и Страдъ“. Письма въ количествѣ двухъ изданы были первоначально Надеждинымъ, потомъ помѣщены въ „Сборникѣ“ Кельсіева (III 26—28 стр.) и наконецъ напечатаны Мельниковымъ (Чт. въ общ. 1872 г. 2 181—182 стр.). „Страды“, взятые отдѣльно, суть не что иное, какъ повѣствованіе о тѣхъ приключеніяхъ, какія испытывалъ въ своей жизни основатель скопческой секты до возвращенія изъ Сибири. Такимъ образомъ „Страды“ могутъ имѣть характеръ историческаго документа при изложеніи первоначальной исторіи скопческой секты. Къ сожалѣнію, изложеніе событій въ нихъ до того перепутано, до того темно, какъ это мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, что доискаться на основаніи ихъ исторической правды трудно, а иногда и невозможно. Отдѣльное изданіе „Страдъ“ помѣщено

въ приложеніи къ тому же изслѣдованію Надеждина, которое вошло и въ „Сборникъ“ Кельсіева (III. 1—16 стр.). П. Мельниковъ издалъ первую редакцію „Страдъ“, которая отличается какъ по полнотѣ, такъ и по оглавленію. Послѣднее читается такъ: „страданій свѣта, истиннаго государя батюшки, странствованій и трудовъ дражайшаго нашего искупителя и вселенскаго учителя оглашеніе“ (Чт. въ общ. 1872 г. 3. V. 142—154 стр.).

3) Множество оффиціальныхъ донесеній, которыя подавались скопцами въ разное время и разнымъ лицамъ и учрежденіямъ. Первое по времени появленія донесеніе принадлежитъ камергеру Елянскому, который въ 1804 году на имя Новосильцева представилъ свой проектъ объ учрежденіи въ Россіи ѳеократическаго образа правленія съ приложеніемъ „Части извѣстія, на чемъ скопчество утверждается“. То и другое имѣютъ значеніе только для характеристики состоянія скопчества того времени, когда они писаны были. Изданіе того и другаго документа принадлежитъ Липранди, который напечаталъ ихъ въ „Чтен. общ. ист. за 1867 г. 4. V. 66—82 стр.

4) „Донесеніе о скопцахъ государственнаго крестьянина костромской губерніи, галицкаго уѣзда, слободы Успенской Ивана Андреянова, поданное императору Александру Павловичу, 16 февр. 1825 г.“ (Чтен. въ общ. 1872 г. 3. V. 295—314 стр.). По обстоятельности и, главное, по искренности разсказа донесеніе Андреянова занимаетъ видное мѣсто въ числѣ источниковъ по предмету ученія, культа и быта скопцовъ. По словамъ Варадинова, „рукопись Андреянова написана очень четко и чисто, мелкимъ почеркомъ, почти безъ грамматическихъ ошибокъ не только въ отношеніи правильнаго письма словъ, но даже и въ отношеніи знаковъ препинанія. Если сообразить такой наружный видъ рукописи съ содержаніемъ ея, то нельзя не убѣдиться, что Андреяновъ былъ человѣкъ очень [illegible]ный и начитанный“ (Ист. мин. вн. дѣлъ. VIII т.

5) „Письмо“ и „Второе прошеніе“ закавказскихъ скопцовъ объ освобожденіи скопческаго искупителя, поданныя ими въ 1842 году на имя маіора Пышкина. Будучи буквально сходны между собою „Письмо“ и „Второе прошеніе“ служатъ однимъ изъ многочисленныхъ доказательствъ того положенія, что скопцы всегда вѣрили и вѣрятъ въ своего искупителя и царя Петра III-го Ѳеодоровича, который, по ихъ убѣжденію, гдѣ то скрывается и скоро долженъ занять законно-принадлежащій ему русскій престолъ (Чтен... 1873 г. 1. V. 210—214 стр.).

6) Нѣкоторымъ пополненіемъ „Письма“ и „Втораго прошенія“ закавказскихъ скопцовъ служатъ „Свѣдѣнія о Селивановѣ, доставленныя въ министерство внутреннихъ дѣлъ тобольскимъ купцомъ Василіемъ Поповымъ“ въ его двухъ письмахъ къ министру внут. дѣлъ графу Перовскому въ 1843 году. Свѣдѣнія эти касаются вѣры скопцовъ въ скорый политическій переворотъ (Чтен... 1872 г. 3. V. 154—155 стр.).

7) Съ января прошедшаго 1881 года одинъ изъ сосланныхъ въ Закавказье скопцовъ началъ печатаніе своего разсказа подъ названіемъ: „Голосъ изъ могилы живыхъ мертвецовъ“ (Журн. роман. и повѣстей, изд. „Недѣли“). По извѣщенію редакціи журнала, разсказъ этотъ довольно обширный. Цѣль печатаемаго разсказа, по словамъ самого автора-скопца, есть „спасеніе другихъ, увлекающихся наружностію скопческой секты“. Сознавши всю нелѣпость скопческаго ученія и культа, авторъ-скопецъ, по его признанію, желаетъ „представить на судъ человѣческій именно тѣ стороны скопческой жизни, которыя ускользаютъ отъ посторонняго наблюдателя“... (№ 1. 2 стр.). Судя по первой статьѣ автора-скопца, можно надѣяться, что послѣдній, дѣйствительно, представитъ въ своихъ эпизодическихъ разсказахъ многое такое изъ жизни скопцовъ, что до послѣдняго времени составляло предметъ догадокъ. Однако, нельзя не замѣтить, что онъ нерѣдко сообщаетъ и о такихъ случаяхъ домашней жизни скоп-

цовъ, которые вовсе не могутъ характеризовать скопцовъ, именно какъ скопцовъ.

Ко второй группѣ источниковъ относятся тѣ многочисленныя письменныя показанія скопцовъ, которыя они представляли разнымъ правительственнымъ лицамъ и учрежденіямъ по требованію послѣднихъ. Понятно, этого рода показанія хотя и могутъ служить значительнымъ источникомъ при изслѣдованіи скопческой секты, но достоинство и значеніе ихъ умаляется уже потому, что эти показанія—оффиціальныя, въ которыхъ можетъ заключаться отчасти правда, отчасти преднамѣренная ложь. Послѣдняя черта проглядываетъ вездѣ, гдѣ скопцы говорятъ о своемъ оскопленіи, т. е. о времени, мѣстѣ и о другихъ обстоятельствахъ, сопровождающихъ совершеніе оскопленія. Отсюда, пользованіе этимъ по количеству громаднымъ источникомъ при изученіи скопческой секты можетъ быть только критическое. — Къ этой группѣ относятся:

1) Весьма важное и единственное въ своемъ родѣ „Показаніе крестьянина Ивана Гаврилова“, данное имъ въ 1797 году. Оно положительно и опредѣленно рѣшаетъ вопросъ, бывшій до этого времени только предметомъ предположеній, именно: вопросъ о дѣйствительномъ бѣгствѣ основателя скопческой секты изъ Сибири (Чтен... 1872 г. 3. V. 46—48 стр.).

2) Таково же не менѣе важное въ историческомъ отношеніи „Показаніе фельдфебеля Николая Иванова“, данное имъ въ 1846 году. Историческія свѣдѣнія, сообщаемыя въ этомъ показаніи относятся ко времени счастливаго и вполнѣ спокойнаго пребыванія скопческаго лжеискупителя въ Петербургѣ въ домѣ Кострова. Важно это показаніе особенно потому, что знакомитъ съ характеромъ внутренняго быта скопческаго общества этого времени (Чт... 1872 г. 3. V. 202—210).

3) „Показаніе“ унтеръ-офицера Дениса Архипова, данное имъ въ 1835 году. — Сообщаетъ весьма

важныя историческія свѣдѣнія о Шиловѣ въ то время, когда послѣдній находился въ рижской крѣпости (Тамъ же, 190—195 стр.).

4) „Показаніе" крестьянина Сергѣя Салтыкова, данное имъ въ 1806 году.—Знакомитъ съ состояніемъ около того времени скопчества въ Москвѣ и, именно, въ домѣ купца Колесникова или Масона (Тамъ же. 219—222 стр.).

5) „Показаніе" дезертира Василія Рудынина о скопцахъ, 8—11 февр. 1829 года. Кромѣ историческаго значенія, это показаніе имѣетъ особенную важность при описаніи домашняго скарба въ домахъ скопцовъ, а также въ вопросѣ объ отношеніяхъ скопцовъ между собою, отдѣляемыхъ другъ отъ друга большимъ географическимъ пространствомъ (Тамъ же. 4. V. 78—92 стр).

6) „Показанія" соловецкихъ скопцовъ въ числѣ девяти, предоставленныя ими архимандриту Соловецкаго монастыря Досиѳею въ 1826—1827 г. (Чтен. въ общ. ист. 1872 г. 1. V, 53—111 стр.). Изъ всѣхъ этихъ показаній заслуживаютъ вниманія показанія Кудимова, Созонтича и отчасти Овчинникова по полнотѣ и нѣкоторой обстоятельности изложенія главнѣйшихъ пунктовъ догматическаго ученія скопцовъ, именно: о Лицѣ Іисуса Христа, о лжехристѣ и лжецарѣ Селивановѣ и о второмъ пришествіи Сына Божія. Что касается до показаній прочихъ скопцовъ, то они по своей краткости и совершенной безсодержательности не представляютъ никакого интереса.

Къ третьей группѣ источниковъ относятся всѣ извѣстные до этого времени въ печати правительственные документы о скопцахъ, какъ то:

1) Указы и распоряженія гражданскаго правительства и указы и опредѣленія духовной власти. Этого рода документовъ издано весьма много (Чтен. 1872 г. 3. V. 35—45; 50—58; 210; 231—240 стр., Тамъ же 1875 г. 3. V. 155—158; 162—169; 192—193; 205—206; 224—239 стр. Тамъ же 1872 г. 4. V.

89; 47—49; 92—97; 100—101 стр.). Значеніе ихъ есть чисто историческое: при помощи ихъ можно составить болѣе или менѣе полную исторію правительственныхъ отношеній къ скопцамъ въ разное время. Съ другой стороны, многіе изъ нихъ, особенно относящіеся къ первому десятилѣтію существованія скопческой секты, могутъ служить единственнымъ ключемъ при разрѣшеніи разныхъ сомнительныхъ историческихъ обстоятельствъ, встрѣчающихся при изслѣдованіи исторіи скопческой секты.

2) Не менѣе малочисленны „Выписки изъ дѣлъ о скопцахъ", заключающія въ себѣ разнаго рода докладныя записки, извлеченія изъ допросовъ скопцамъ, частную переписку между офиціальными лицами, рапорты, отношенія и проч. и проч. (Чтен. 1872 г. 3. V. 195—202; 222—231; 241—294 стр.; Тамъ же 4. V. 39—47; 50—78; 99—100; 101—139 стр.; Тамъ же 1873 г. 1. V. 158—162; 169—205; 206—224 стр.). Значеніе этого рода „Выписокъ" изъ правительственныхъ бумагъ тоже, что и указовъ и распоряженій правительства. При этомъ, такъ какъ во многихъ „Выпискахъ" предоставленъ рядъ показаній допрошенныхъ (для примѣра см. Чтен. 1872 г. 4. V. 122—139 стр.) и такъ какъ эти показанія въ большинствѣ случаевъ касаются обстоятельствъ, сопровождавшихъ совершеніе оскопленія, то, очевидно, значеніе этихъ „Выписокъ", какъ источника, увеличивается сравнительно съ первыми правительственными документами.

Четвертую группу источниковъ составляютъ многочисленныя офиціальныя записки, составленныя въ разное время правительственными лицами на основаніи архивныхъ дѣлъ и представленныя въ разныя правительственныя учрежденія. Къ нимъ относятся:

1) „Записка, составленная о Кондратіѣ Селиванові въ министерствѣ внутр. дѣлъ, на основаніи архивныхъ дѣлъ, въ 1857 году.

2) „Сказанія и пѣсни о Кондратіѣ Селивановѣ (Чтен. въ общ. ист. 1872 г. 3. V. 59—141 стр.).

Обѣ записки, говоря объ одномъ и томъ же лицѣ, пополняютъ одна другую. Первая сообщаетъ краткія историческія свѣдѣнія о жизни и дѣятельности основателя скопческой секты; вторая сообщаетъ свѣдѣнія о томъ же самомъ предметѣ, заимствованныя изъ „Страдъ", преданій скопцовъ и ихъ пѣсенъ. Такой систематическій сводъ свѣдѣній о жизни и дѣятельности основателя скопческой секты, не смотря на его неполноту и въ нѣкоторыхъ случаяхъ невѣрность, служитъ не маловажнымъ пособіемъ при изученіи исторіи скопческой секты въ первые 48 лѣтъ ея существованія.

3) „Записка объ Александрѣ Ивановичѣ Шиловѣ", составленная въ 1843 году и потомъ дополненная въ 1857 году. Въ историческомъ отношеніи записка эта неудовлетворительна. Кромѣ неполноты, свойственной ей, въ ней заключаются нѣкоторыя историческія погрѣшности, напр. о происхожденіи Шилова (Чтен. въ об. 1872 г. 3. V. 182—189 стр.). Прекраснымъ дополненіемъ къ этой запискѣ служатъ: „Сводъ свѣдѣній изъ разныхъ дѣлъ", составленный Мельниковымъ (Тамъ же 179—181 стр.) и обнародованныя Щульгинымъ новыя свѣдѣнія о Шиловѣ („Для исторіи русскихъ тайныхъ сектъ въ концѣ осьмнадцатаго вѣка". Заря. 1871 г. № 5. 29—46 стр.); послѣднія свѣдѣнія о Шиловѣ напечатаны и Мельниковымъ (Чтен. въ общ. ист... 1873 г. 1. V. 6—29 стр.). Въ первомъ излагаются легендарныя сказанія о Шиловѣ, имѣющія важное значеніе для характеристики этой замѣчательной въ исторіи скопчества личности. Вторыя же повѣствуютъ о жизни и дѣятельности этого скопческаго „предтечи" въ рижской крѣпости, а также объ отношеніяхъ, существовавшихъ въ это время между Александромъ Шиловымъ и его племянникомъ Иваномъ Шиловымъ и о пропагандированіи послѣднимъ скопчества около Павловска, Петербургской губерніи. Важность и значеніе этихъ свѣдѣній, сообщенныхъ Щульгинымъ, особенно увеличиваются отъ того, что

они проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на исторію возвращенія изъ Сибири скопческаго лжебога, его явленія въ Петербургѣ и потомъ быстраго возвышенія и организаціи имъ многолюднаго скопческаго корабля.

4) „Записки изъ дѣлъ и записокъ о Гроновѣ", составленныя Мельниковымъ. Повѣствуютъ о жизни и дѣятельности „перваго апостола отца-искупителя". При отсутствіи другихъ источниковъ объ этой также замѣчательной личности въ исторіи скопчества, — записки Мельникова имѣютъ важное значеніе (Чтен... 1872 г. 3. V. 314—381 стр.).

5) „Записка о значеніи Селиванова и другихъ лицъ въ скопческой ереси", — составлена въ 1843 году Н. Надеждинымъ (Чтен... 1872 г. 3. V. 163—168 стр.).

6) „Записка о вѣрованіяхъ и обрядахъ скопцовъ", — составлена въ 1844 году Далемъ (Чтен... 1872 г. 3. V. 168—173 стр.).

7) „Выписка изъ дѣлъ о вѣрованіяхъ и обрядахъ скопцовъ". Его же; составлена въ 1843 году (Тамъ же 173—176 стр.).

Всѣ три записки представляютъ весьма скудный и ограниченный матеріалъ по предметамъ, которыхъ онѣ касаются.

8) „Записки о скопцахъ, представленныя министромъ внутреннихъ дѣлъ Л. А. Перовскимъ въ государственный совѣтъ и комитетъ министровъ" — числомъ четыре (Чтен... 1873 г. 1. V. 240—262 стр.). Одна записка принадлежитъ Далю, три прочія изданы подъ редакціею Н. Надеждина. Касаясь разныхъ вопросовъ—вопроса о причинахъ распространенія скопчества и о способахъ къ прегражденію этого распространенія (вторая записка), о различіи и сходствѣ скопческой и хлыстовской сектъ (четвертая записка) и проч., записки не представляютъ ничего особенно важнаго по этимъ предметамъ. Кромѣ этого, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ замѣчаются ошибочныя мнѣнія и заключенія; таково мнѣніе о началѣ скопческой секты на Руси (252 стр., см. еще: 254, 260 стр. и др.).

9) „Записка о законодательствѣ противъ скопцовъ до изданія „Свода законовъ“, составлена Далемъ въ 1845 году (Чтен. 1873 г. 4. V. 21—38 стр., Тамъ же 1873 г. 1. V. 1—5 стр.).

Къ той же четвертой группѣ источниковъ по предмету скопчества принадлежатъ:

10) „Сводъ свѣдѣній о скопческой ереси изъ слѣдственныхъ дѣлъ“ П. Мельникова (Чтен. 1872 г. 2. V. 39—205 стр.). На этотъ „Сводъ“ нельзя смотрѣть, какъ на руководство къ изданнымъ тѣмъ же Мельниковымъ матеріаламъ о скопчествѣ. „Сводъ“ Мельникова хотя многое повторяетъ изъ того, что сказано въ четырехъ прочихъ отдѣлахъ, но онъ точно также сообщаетъ очень много новаго, не встрѣчающагося въ этихъ отдѣлахъ. Сообразно съ количествомъ предметовъ, которыхъ „Сводъ“ касается, послѣдній раздѣленъ на 51 главу. Главы эти въ своей преемственной послѣдовательности не подчиняются какому либо заранѣе намѣченному „Собирателемъ“ плану; рядомъ съ главою догматическаго содержанія можно встрѣтить главу обрядоваго содержанія (гл. 19 и 20) или смѣшаннаго (гл. 45 и 46). Нельзя также сказать, чтобы „Сводъ“ этотъ касался всѣхъ пунктовъ ученія и быта скопцовъ; въ этомъ „Сводѣ“ опущены такіе важные пункты изъ догматическаго ученія скопцовъ, какъ напр.: ученіе скопцовъ о Селивановѣ, какъ о царѣ, ученіе о второмъ славномъ пришествіи Сына Божія, которое, по мнѣнію скопцовъ, уже совершилось, и нѣчто изъ нравственнаго ученія. При томъ, и тѣ пункты, какихъ касается этотъ „Сводъ“, исполнены съ неодинаковою полнотою и обстоятельностію; таковы напр. гл. 33 и 34. Одна же глава, по нашему мнѣнію, вовсе не относится къ предмету изученія скопчества; такова именно 45 глава, въ которой трактуется „о страшномъ судѣ у скопцовъ“ на основаніи двухъ пѣсенъ. Эти послѣднія не имѣютъ положительно ничего скопческаго; онѣ, какъ намъ кажется, принадлежатъ хлыстамъ и отъ нихъ какъ нибудь перешли

и въ скопцамъ. Что это дѣйствительно такъ, въ этомъ достаточно можно убѣдиться, если мы обратимъ вниманіе на ученіе скопцовъ о страшномъ судѣ. Здѣсь мы увидимъ, что страшный судъ, по понятію скопцовъ, будетъ состоять не „въ обличеніи людей божіихъ во грѣхахъ чрезъ уста пророковъ и учителей", какъ полагаетъ собиратель матеріаловъ, но и въ многомъ другомъ. Какъ бы то ни было, хотя „Сводъ свѣдѣній" Мельникова не можетъ служить ключемъ къ рѣшенію всѣхъ догматическихъ, нравственныхъ и обрядовыхъ вопросовъ о скопчествѣ, хотя онъ, далѣе, далеко неудовлетворителенъ и по тѣмъ вопросамъ, которыхъ онъ касается, тѣмъ не менѣе онъ можетъ служить нѣкоторымъ пособіемъ при изученіи секты скопцовъ. Болѣе удовлетворительно, по нашему мнѣнію, выполнены главы: 26-я „о совращеніяхъ въ скопческую ересь" и 29-я „объ обрядахъ и радѣніяхъ". Важное значеніе для изслѣдователя скопческой секты можетъ имѣть послѣдняя 51-я глава, гдѣ сообщаются „разныя свѣдѣнія о скопчествѣ" и преимущественно относящіяся къ быту скопцовъ.

11) „Открытіе тайностей, или обличеніе ереси скопцовъ, ихъ лжеученія и образа богомоленія въ тайныхъ сборищахъ совершаемаго, написанное въ 1834 году и представленное въ св. Синодъ ставропигіальнаго Соловецкаго монастыря архимандритомъ Досиѳеемъ Нѣмчиновымъ". Это сочиненіе есть результатъ и обобщеніе свѣдѣній, добытыхъ Досиѳеемъ отъ находившихся подъ его вѣдѣніемъ скопцовъ. Сравнительно съ показаніями послѣднихъ оно представляетъ мало новаго (Чтен. 1872 г. 3. 1. V. 111—174 стр.).

12) „Исторія министерства внутрен. дѣлъ". Вып. радинова. VIII. Спб. 1863 г. Въ этомъ сборникѣ правительственныхъ распоряженій по расколу находятся свѣдѣнія и о скопцахъ. Хотя эти свѣдѣнія очень не полны, но нѣкоторыя изъ нихъ важны въ томъ отношеніи, что касаются времени послѣ 1843 года, т. е. времени, когда оказываются изданные Мельниковымъ матеріалы скопчествѣ.

Нельзя, наконецъ, не упомянуть и о таблицахъ, приложенныхъ къ сочиненію; въ нихъ сообщаются интересныя числовыя данныя о количествѣ случаевъ невѣроятныхъ показаній скопцовъ и скопчихъ о своемъ оскопленіи, о способахъ оскопленія и проч.; заслуживаютъ вниманія также карты, наглядно представляющія географическое распредѣленіе скопчества въ Россіи въ разные періоды.

Кромѣ этихъ двухъ специальныхъ изслѣдованій о скопчествѣ есть еще два, также специальныхъ, изслѣдованія. Это — „Люди божіи и скопцы“ Реутскаго и „Опытъ изслѣдованія скопческой секты въ симбирской губерніи“ А. П. Крыжина. О первомъ изъ этихъ изслѣдованій произнесъ весьма справедливое сужденіе Е. Карповъ въ извѣстной намъ своей статьѣ: „Новѣйшіе изслѣдователи русскаго раскола“ (Прав. Обозр. 1873 г. Февр. 311—337 стр.). Сочиненіе Реутскаго дѣйствительно, даже въ историческомъ отношеніи мало удовлетворительно; а догматическаго ученія и ученія нравственнаго въ немъ почти вовсе нѣтъ. „Опытъ изслѣдованія“ Крыжина, къ сожалѣнію, неизвѣстенъ намъ въ полномъ видѣ. Мы имѣемъ только краткое извлеченіе изъ этого сочиненія, представленное въ „Изв. Импер. рус. географ. общества“ (1866 г. II т. I отд. 22—24 стр.). Какъ можно заключать изъ этого извлеченія, авторъ писалъ свой „Опытъ изслѣдованія“ на основаніи личныхъ наблюденій надъ скопцами симбирской губерніи, народныхъ сказаній объ этихъ сектантахъ и, наконецъ, пользуясь историческими данными, почерпнутыми имъ изъ архивныхъ дѣлъ. Уже одно перечисленіе источниковъ, на основаніи которыхъ писалъ свой „Опытъ изслѣдованія“ Крыжинъ, говоритъ въ пользу автора и заставляетъ предполагать, что сочиненіе Крыжина, насколько интересно, настолько же и важно въ научномъ отношеніи.

удачна (Расколъ и его значеніе въ народн. русск. исторіи. Спб. 1870 г. 379—384 стр.).

ніи. Изъ извлеченія также узнаемъ, что авторъ „Опыта изслѣдованія“ задается мыслію провести аналогію между ученіемъ нашихъ скопцовъ и ученіемъ Сведенборга, Millenium'a и спиритизма и доказать на основаніи этого заимствованіе нашими скопцами своего ученія изъ Греціи и Волгаріи.

Не богатая спеціальными изслѣдованіями литература по предмету изученія скопчества представляетъ огромный арсеналъ статей. Изъ послѣднихъ по научному достоинству и обработкѣ матеріала заслуживаютъ особеннаго вниманія слѣдующія:

1) „Новѣйшіе изслѣдователи русскаго раскола“ Е. Барсова, рецензія на книгу Реутскаго: „Люди божіи и скопцы“. Авторъ старается доказать то положеніе, что скопчество, не будучи самостоятельною сектою, есть не болѣе какъ хлыстовскій монашескій орденъ. Съ этимъ мнѣніемъ мы не можемъ согласиться, о чемъ и скажемъ въ своемъ мѣстѣ. Важность этой статьи для насъ состоитъ въ томъ, что въ ней можно найти рядъ выписокъ изъ подспудной хлыстовской и скопческой литературы.

2) „Замѣтка о скопцахъ“ М. И. Венюкова, читанная въ отдѣленіи этнографіи (Изв. Импер. рус. географ. общ. 1873 г. IX т. 1 отд. 42—47 стр.). Въ этой замѣткѣ Венюковъ представилъ рядъ любопытныхъ статистическихъ данныхъ о географическомъ распредѣленіи скопчества по губерніямъ въ Европ. Россіи, о количествѣ скопцовъ изъ каждаго сословія, о возрастахъ, въ какихъ скопцы сдѣлались извѣстными правительству, о количествѣ самооскопленныхъ и оскопленныхъ другими лицами и проч. Статистика обнимаетъ періодъ времени отъ 1805 до 1871 года. Впрочемъ, какъ замѣчаетъ самъ авторъ, „имѣющіяся данныя обнимаютъ лишь тѣ случаи, которые были открыты юстиціею и подвергались врачебнымъ опредѣленіямъ“.

3) „Опытъ историческаго обозрѣнія мистическихъ сектъ въ Россіи“ Протопопова. Тр. Кіев. д. ак. 1867 г.

Апрѣль. 333—365 стр. Въ общей формѣ излагается исторія, вѣроученіе и нравоученіе скопцовъ.

4) „Основаніе и характеръ скопческой ереси“ И. М. Добротворскаго и Н. И. Ивановскаго; изложеніе экспертизы на судѣ по дѣлу о скопцѣ Невѣровѣ и др. Прав. Соб. 1875 г. II. 151 стр.

5) „Бѣлые голуби“ П. Мельникова. Рус. Вѣстн. 1869 г. № 3. 388—416 стр. и № 5. 244—294 стр. Матеріалъ, заключающійся въ этой статьѣ, есть историческій. Авторъ не чуждъ нѣкоторыхъ ошибочныхъ мнѣній; такъ онъ утверждаетъ, что скопцы отличаются отъ хлыстовъ „единственно физическимъ уродованіемъ тѣла, составляя съ ними одну и ту же секту“.

6) Менѣе историческаго матеріала заключается въ статьѣ Дмитревскаго: „Скопецъ Андрей Соливановъ и основныя положенія ученія его“. Черниг. Еп. Вѣд. 1868 г. № 23; 1869 г. № 7—8; 23—24; 1871 г. № 7. Впрочемъ, авторъ этой статьи имѣлъ своею цѣлію объяснить происхожденіе секты скопцовъ, которое, по его мнѣнію, должно лежать въ ученіи богомиловъ.

7) „Святорусскіе двоевѣры“ (Отеч. Зап. 1867 г. № 10. 583—619 стр.) и

8) „Свѣдѣнія о скопцахъ“ (извлеченіе изъ чтенія Кельсіева въ Импер. рус. географ. общ.) (Совр. листокъ 1867 г. № 82).

Объ эти статьи Кельсіева сообщаютъ весьма интересныя свѣдѣнія изъ жизни и быта галацкихъ скопцовъ, которыя удалось ему получить отъ послѣднихъ. Есть въ этихъ статьяхъ и собственныя мнѣнія Кельсіева, съ которыми нельзя согласиться, но объ нихъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Представимъ теперь въ заключеніе обзора литературы по предмету изслѣдованія скопчества перечень нѣкоторыхъ статей мелкаго содержанія, на которыя намъ приходилось ссылаться въ своемъ сочиненіи.

1) „О великороссійскихъ безпоповскихъ расколахъ въ Закавказьѣ“ В. Толстаго (Чт. въ общ. ист.... 1864 г. 4. V. 51—65 стр.).

2) „Скопцы въ Якутской области“. Совр. извѣст. 1877 г. № 157. Находятся краткія свѣдѣнія о жизни якутскихъ скопцовъ и ихъ вредномъ значеніи для туземцевъ.

3) „Калужской губерніи скопцы; ихъ вѣроученіе и нравоученіе“. Калужск. Еп. Вѣд. 1871 г. №№ 2, 13—14; 1872 г. №№ 1 и 2.

4) „Новое дѣло о скопцахъ“. Тул. Еп. Вѣд. 1872 г. №№ 5—6.

5) „Скопческая ересь“. Пенз. Еп. Вѣд. 1876 г. № 23; 1877 г. № 1.

6) „Замѣтка къ статьѣ о скопческой ереси“. Тамъ же 1877 г. № 4.

7) „О моршанскихъ скопцахъ“. Нижег. Еп. Вѣд. 1869 г. № 1.

8) „Нѣчто о скопцахъ“. Совр. Извѣст. 1869 г. № 196.

9) „Скопческія секты въ таврической губерніи въ 1865 году“. Москов. Вѣд. 1869 г. №№ 51, 52 и 54.

и 10) Оренбург. Еп. Вѣд. 1881 г. № 1. 32—43 стр. Четыре замѣтки свящ. Коблова о скопцахъ.

Около послѣдняго времени появилось, какъ извѣстно, такъ называемое „новоскопчество“, т. е. появились такіе агитаторы въ средѣ скопцовъ, которые будто бы отвергали необходимость физическаго оскопленія, утверждая, что для спасенія человѣка необходимо только воздержаніе отъ всякаго сношенія съ женщинами. Обстоятельство это было причиною появленія нѣсколькихъ спеціальныхъ сочиненій о скопцахъ съ новымъ направленіемъ. Главнѣйшія между этими сочиненіями суть слѣдующія:

1) „Послѣднее движеніе въ современномъ скопчествѣ“ Н. Сахарова (Хр. Чт. 1877 г. Сент.—Окт. 400—447 стр.). Статья эта излагаетъ внѣшнюю исторію „новоскопчества“ съ достаточною полнотою и обстоятельностію. При отсутствіи другихъ сочиненій по этому предмету, статья Сахарова можетъ быть названа первоисточникомъ.

2) Дополненіемъ статьи Сахарова служитъ статья Сырку, помѣщенная въ томъ же Христ. Чт. за 1879 г. Янв.—Февр. Въ этой своей статьѣ Сырку излагаетъ первоначальную исторію занесенія и распространенія скопчества въ Румыніи, говоритъ также и о внутреннемъ его состояніи тамъ. Такимъ образомъ, статья Сырку имѣетъ такое же важное значеніе первоисточника при изложеніи исторіи новоскопчества, какъ и предшествующая статья Сахарова.

3) „О скопческомъ ученіи по послѣднимъ о немъ извѣстіямъ“ Гурія, еп. таврическаго. Симферополь. 1877 г. Сочиненіе еп. Гурія первоначально было напечатано въ Тавр. Еп. Вѣд. (1877 г. №№ 3, 5, 7, 10, 11, 13—14. 16, 18—19 и 20). Не смотря на значительный объемъ сочиненія преосвящ. Гурія (184 стр.), изложеніе ученія „новоскопчества“ занимаетъ въ немъ только 13 стр. (8—20); остальная часть сочиненія посвящена частію изложенію исторіи скопчества въ таврической губерніи (1—7 стр.), но главнымъ образомъ подробному разбору главнѣйшихъ пунктовъ ученія „новоскопчества“ (21—184 стр.).

4) „Движеніе впередъ въ сектѣ скопцовъ“ А. Забѣлина. Древн. и Нов. Россія 1878 г. 1. № 2. 130—138 стр. Статья, не представляющая ничего новаго сравнительно съ предшествовавшими двумя сочиненіями, можетъ имѣть интересъ и значеніе при рѣшеніи общаго вопроса о причинахъ распространенія у насъ скопчества и о мѣрахъ противъ этого зла.

5) „Путевыя замѣтки“. Москов. Вѣд. 1873 г. № 198. Авторъ замѣтокъ, случайно сошедшійся съ Лисинымъ, новымъ лжеискупителемъ и лжецаремъ скопцовъ, на параходѣ, сообщаетъ краткія свѣдѣнія о характерѣ Лисина и объ его надеждахъ, которыя онъ высказывалъ своему собесѣднику (автору) по поводу тревожнаго состоянія галацкихъ скопцовъ.

Обозрѣніе литературы изучаемаго нами предмета приводитъ насъ, такимъ образомъ, къ тому вполнѣ справедливому выводу, что не смотря на болѣе, чѣмъ двухвѣковое существованіе хлыстовской секты и на столѣтнее—скопческой, научное изученіе той и другой секты еще оставляетъ желать многаго. До настоящаго времени ни та, ни другая секта не подвергалась еще полному и всестороннему научному изслѣдованію одного какого либо писателя, исключая развѣ Надеждина. Между тѣмъ, литература собственно источниковъ по предмету этихъ двухъ сектъ настолько обширна и разнообразна, что дозволяетъ сдѣлать болѣе полное изслѣдованіе о нихъ. Отсюда, наша задача состоитъ въ томъ, чтобы, воспользовавшись всѣмъ извѣстнымъ намъ до настоящаго времени матеріаломъ и научными пособіями по предмету хлыстовской и скопческой сектъ, изложить въ возможной полнотѣ, ясности и опредѣленности: 1) исторію той и другой секты (при этомъ, предварительно изложенія исторіи секты хлыстовъ, мы обратимъ вниманіе на вопросъ о происхожденіи этой секты; предварительно изложенія секты скопцовъ разскажемъ кратко исторію скопчества вообще); 2) ученіе (къ нему непосредственно будетъ примыкать и бытъ) и 3) культъ. Эти стороны изучаемаго нами предмета составятъ, такимъ образомъ, три отдѣла въ нашемъ сочиненіи. Каждую изъ намѣченныхъ нами сторонъ мы намѣрены разсматривать совмѣстно по отношенію къ той и другой сектѣ, т. е. сначала мы изложимъ исторію хлыстовской и скопческой сектъ, потомъ ученіе и т. дал. Такой способъ изслѣдованія той и другой секты, естественный, основывающійся на внутренней и внѣшней генетической связи, существующей между этими двумя сектами, имѣетъ важное значеніе въ томъ отношеніи, что, излагая совмѣстно ученіе хлыстовъ и скопцовъ, а равно и культъ, намъ будетъ легче и удобнѣе показать, съ одной стороны, сходство, а съ другой—различіе между тою и другою сектою и от-

сюда уже вывести заключеніе о самостоятельности и отдѣльности скопческой секты. Это послѣднее обстоятельство важно въ виду существующихъ въ литературѣ мнѣній о совершенной тождественности двухъ изучаемыхъ нами сектъ.

ИСТОРІЯ СЕКТЫ ХЛЫСТОВЪ.

При общемъ взглядѣ на исторію хлыстовской секты нельзя не видѣть, что послѣдняя, соотвѣтственно мѣрамъ правительства — снисходительнымъ или строгимъ, то, повидимому, увеличивалась въ числѣ послѣдователей, то сокращалась. Такимъ образомъ, въ столѣтній періодъ времени отъ 1631 по 1732 гг. хлыстовщина, не подвергавшаяся почти ни одному слѣдственному розыску и преслѣдованію, успѣла охватить собою четыре губерніи: владимірскую, костромскую, нижегородскую и московскую и утвердилась въ этихъ губерніяхъ весьма прочно. Слѣдственное дѣло 1732—1734 гг. на нѣкоторое время парализовало успѣхъ хлыстовской секты въ Москвѣ, но и здѣсь, благодаря энергической дѣятельности главнѣйшихъ агитаторовъ хлыстовщины, укрывшихся отъ суда, хлыстовщина снова появляется и достигаетъ въ своемъ развитіи еще большихъ размѣровъ; бывшія же преслѣдованія имѣли результатомъ своимъ занесеніе ея въ мѣстности, гдѣ она еще не была извѣстна; такимъ образомъ, появляются хлысты въ губерніяхъ: ярославской, петербургской и во многихъ другихъ. Возникшее въ 1745 г. новое слѣдственное дѣло о московскихъ хлыстахъ и тянувшееся до 1752 года имѣло своимъ послѣдствіемъ тоже самое явленіе, т. е. хлыстовщина снова заносится въ мѣстности, еще не зараженныя ею. Нравственная деморализація хлыстовскихъ кораблей, которая стала извѣстной правительству особенно въ 1747 году и которая съ окончаніемъ слѣдствія надъ хлыстами не только не уни-

чтожилась, но еще болѣе увеличилась въ мѣстахъ глухихъ и отдаленныхъ отъ центра Россіи, вызвала въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія реакцію со стороны болѣе строгихъ ревнителей ученія Данилы Филиппова, выразившуюся въ появленіи новой изувѣрной секты — скопческой. Съ этого времени хлыстовщина отходитъ уже на задній планъ; правительство и общество обращаютъ все вниманіе на фактъ физическаго уродства новыхъ сектантовъ, мало интересуясь исторіею и ученіемъ сродныхъ съ ними хлыстовъ. Отсюда, съ половины прошлаго столѣтія и по настоящее время мы имѣемъ только нѣкоторые отдѣльные эпизоды изъ исторіи хлыстовъ, не имѣющіе между собою никакой исторической связи и не могущіе поэтому составить дѣйствительной исторіи хлыстовской секты. Принимая, такимъ образомъ, во вниманіе главнѣйшіе моменты изъ исторіи правительственныхъ отношеній къ хлыстамъ, мы можемъ и самую исторію хлыстовской секты раздѣлить на три отдѣльныя главы. Первая глава (1631—1734 гг.) будетъ обнимать первоначальное возникновеніе хлыстовщины, распространеніе ея и развитіе до перваго слѣдственнаго дѣла о московскихъ хлыстахъ включительно. Вторая (1734—1752 гг.) — появленіе новыхъ хлыстовскихъ кораблей въ Москвѣ и другихъ мѣстностяхъ, закончившееся новымъ слѣдственнымъ дѣломъ о хлыстахъ. Третья, наконецъ, (1752—1880 гг.) будетъ заключать въ себѣ обзоръ отдѣльныхъ фактовъ изъ исторіи хлыстовщины болѣе или менѣе замѣчательныхъ, сдѣлавшихся извѣстными правительству.

I.

1631—1734 гг.

Данило Филипповъ, первый организаторъ хлыстовской секты, былъ, какъ полагаютъ, крестьянинъ юрьевецкаго уѣзда, отданный въ солдаты, но потомъ

бѣжавшій изъ военной службы (1). О жизни и дѣятельности Данилы Филиппова мы не имѣемъ историческихъ свѣдѣній и то, что извѣстно о немъ заимствуется изъ преданій хлыстовъ (2). Изъ этихъ преданій очевидно, что мѣстомъ первоначальной дѣятельности Данилы Филиппова была владимірская губернія и, именно, муромскій уѣздъ. Здѣсь, на горѣ Городинѣ, по легендѣ хлыстовъ, Данило Филипповъ объявилъ себя „саваоѳомъ", „превышнимъ богомъ" и „богатымъ гостемъ"; здѣсь же онъ обозначилъ путь своей сектантской дѣятельности, потопивъ всѣ имѣвшіяся у него церковныя книги въ Волгѣ, какъ ненужныя и безполезныя для человѣка и объявилъ, что для спасенія человѣка необходимо соблюденіе 12-ти заповѣдей, которыя онъ получилъ отъ самого Бога. Заповѣди эти слѣдующія:

(1) Добротворскій 7 стр.

(2) На основаніи такой скудости источниковъ о жизни и дѣятельности перваго организатора хлыстовской секты гг. Реутскій (85 стр.) и Соколовъ (Стран. 1880 г. Янв. 97—98 и 106 стр.) даже отрицаютъ дѣйствительное существованіе Данилы Филиппова и считаютъ его миѳическою личностію. Намъ кажется, впрочемъ, что Данило Филипповъ, какъ и его ближайшій спутникъ—Сусловъ, дѣйствительно существовали и были первыми основателями хлыстовской секты. Такъ заставляютъ думать разсказы хлыстовъ про своего лжесаваоѳа и перваго лжехриста. Изъ этихъ разсказовъ очевидно, что Данило Филипповъ въ отношеніи къ Суслову игралъ роль какъ бы отца и наставника и имѣлъ съ нимъ частыя свиданія; даже предъ смертію своею Данило Филипповъ, какъ передаютъ хлысты, посѣтилъ домъ Суслова, когда послѣдній жилъ въ Москвѣ. Отсюда, было бы непослѣдовательно и несправедливо на основаніи однихъ и тѣхъ же разсказовъ хлыстовъ признавать существованіе одного лица (въ данномъ случаѣ—Суслова) и отрицать существованіе другаго (Данилы Филиппова), потому что тотъ и другой представляются тѣсно связанными между собою не только относительно предмета проповѣди, но и въ отношеніи историческомъ; отрицая существованіе Данилы Филиппова, необходимо допустить и несуществованіе Суслова, но этого-то послѣдняго и не дѣлаютъ названные нами изслѣдователи хлыстовской секты. Между тѣмъ, глубокая вѣра хлыстовъ и ихъ уваженіе къ Данилѣ Филиппову служатъ новымъ доказательствомъ того положенія, что подъ миѳическою личностію лжесаваоѳа скрывается дѣйствительное лицо, которому принадлежитъ первое зерно хлыстовской ереси.

1) Азъ есмь богъ, пророками предсказанный, сошелъ на землю для спасенія душъ человѣческихъ. Нѣсть другаго бога, кромѣ меня.

2) Нѣтъ другаго ученія. Не ищите его.

3) На чемъ поставлены, на томъ и стойте.

4) Храните божьи заповѣди и будете вселенныя ловцы.

5) Хмѣльнаго не пейте, плотскаго грѣха не творите.

6) Не женитесь, а кто женатъ, живи съ женою, какъ съ сестрою. Неженимые не женитесь, женимые разженитесь.

7) Скверныхъ словъ и сквернословія не говорите.

8) На свадьбы и крестины не ходите, на хмѣльныхъ бесѣдахъ не бывайте.

9) Не воруйте. Кто единую копѣйку украдетъ, тому копѣйку положатъ на томъ свѣтѣ на темя, и когда отъ адскаго огня она растопится, тогда только тотъ человѣкъ прощеніе пріиметъ.

10) Сіи заповѣди содержите въ тайнѣ, ни отцу, ни матери не объявляйте, кнутомъ будутъ бить и огнемъ жечь—терпите. Кто вытерпитъ, тотъ будетъ вѣрный, получитъ царство небесное, а на землѣ духовную радость.

11) Другъ къ другу ходите, хлѣбъ соль водите, любовь творите, заповѣди мои храните, бога молите.

12) Святому духу вѣрьте (1).

Это было, какъ обыкновенно полагаютъ, въ 1631 году. Спустя нѣкоторое время послѣ своего религіознаго самозванства Данило Филипповъ прибылъ въ костромскую губернію и устроилъ свое пребываніе въ деревнѣ Старой, находящейся въ 25 верстахъ отъ Костромы, въ домѣ своего брата Ѳеодора Филиппова. Нужно полагать, что ученіе Данилы Филиппова нашло себѣ многихъ послѣдователей, такъ что на но-

(1) Рус. Вѣст. 1868 г. № 5 32—33 стр.

ваго проповѣдника и на его „божій домъ“, куда приходили прозелиты Данилы Филиппова, было обращено вниманіе со стороны властей и другихъ лицъ. Вслѣдствіе этого послѣдняго обстоятельства онъ мало сидѣлъ дома, но большею частію бродилъ по сосѣднимъ губерніямъ — владимірской и нижегородской, распространяя въ нихъ свое ученіе. Впослѣдствіи, онъ даже перенесъ свой „божій домъ“ изъ деревни Старой въ самую Кострому, которая съ того времени стала „горнимъ Іерусалимомъ“ и „верховною стороною“ (1). Въ то время, когда Данило Филипповъ успѣшно распространялъ свою проповѣдь, про него, разсказываютъ хлысты, свѣдалъ патріархъ Никонъ и сталъ его преслѣдовать; преслѣдовалъ 30-ть лѣтъ, пока, наконецъ, не поймалъ его у Макарія нижегородскаго. Привезши въ Москву, онъ посадилъ Данилу Филиппова въ темницу. „И стала мгла по всей землѣ, продолжаютъ хлысты; и столько была мгла по всей землѣ, сколько сидѣлъ въ темницѣ Данило Филипповъ. И освободили его, и отпустили въ Кострому, въ „верховную сторону“ (2). Нелѣпость этого разсказа хлыстовъ очевидна сама собою, такъ какъ извѣстно, что патріаршество Никона началось съ 1652 года и продолжалось до 1658 г., между тѣмъ какъ изъ легенды хлыстовъ видно, что гоненіе на Данилу Филиппова началось ранѣе 1649 г. и продолжалось, далѣе, столько времени, сколько ни одинъ русскій патріархъ не занималъ каѳедры. Какъ бы то ни было, изъ этого разсказа можно вывести одно только правильное заключеніе, что успѣхъ проповѣди Данилы Филиппова обратилъ вниманіе начальства и, вѣроятно, проповѣдникъ не избѣжалъ нѣкотораго наказанія, будучи посаженъ, дѣйствительно, въ какое либо темничное заключеніе. Будучи освобожденъ, онъ сно-

(1) Рус. Вѣст. 1868 г., № 5. 32 стр.

(2) Реутскій. 76—77 стр.

ва еще съ большею энергіею сталъ распространять свое ученіе и въ это время пріобрѣлъ себѣ дѣятельнаго помощника въ лицѣ Ивана Тимоѳеевича Суслова, который теперь замѣнилъ его вполнѣ.

Сусловъ былъ родомъ изъ владимірской губерніи, муромскаго уѣзда, деревни Максаковой. По сказанію хлыстовъ, онъ родился за 15-ть лѣтъ до объявленія Данилою Филипповымъ себя „господомъ-саваоѳомъ“; значитъ, принимая 1631 годъ годомъ самозванства Филиппова, можно полагать, что Сусловъ родился около 1616 года. Рожденіе Ивана Тимоѳеевича хлысты обставляютъ чудесами. По ихъ сказанію, Иванъ Тимоѳеевичъ родился отъ столѣтнихъ стариковъ Тимоѳея и Ирины Нестеревой. По своемъ рожденіи, Иванъ Тимоѳеевичъ долго оставался безъ крещенія, потому что священникъ, видя въ странномъ рожденіи Ивана Тимоѳеевича нѣчто сверхъестественное, отказался совершить надъ нимъ обрядъ крещенія; къ тому же никто не соглашался быть воспріемникомъ новорожденнаго. Долго старикъ, отецъ новорожденнаго, бродилъ по окрестнымъ селамъ и деревнямъ, стараясь отыскать воспріемника сыну и священника, который окрестилъ бы послѣдняго. Наконецъ, спустя уже долгое время, старику удалось отыскать только одного воспріемника; этотъ послѣдній и совершилъ надъ новорожденнымъ обрядъ крещенія; присутствовавшій же при этомъ обрядѣ священникъ до того былъ изумленъ, что не понималъ, что дѣлалось около него, а когда пришелъ въ себя, то увидѣлъ, что онъ находится подъ лавкой на церковной паперти (1). До самой смерти своихъ родителей, послѣдовавшей чрезъ 30 лѣтъ послѣ рожденія Ивана Тимоѳеевича, послѣдній жилъ безвыходно въ ихъ домѣ; потомъ же онъ поселился въ деревнѣ Михайлицахъ, владимірской губерніи, недалеко отъ извѣстной горы Городины. Отсюда,

---

(1) Добротворскій, 9 стр.

спустя три года, позвалъ его къ себѣ въ деревню Старую Данило Филипповичъ, который и далъ ему „божество“, повелѣвъ ему идти на проповѣдь.

Съ этого времени, т. е. съ 1649 года, ученіе Данилы Филиппова пріобрѣло еще большій успѣхъ. Иванъ Тимоѳеевичъ, какъ можно заключать на основаніи легендарныхъ разсказавъ о его страданіяхъ, не меньшій былъ религіозный фанатикъ, чѣмъ самъ Данило Филипповъ; при этомъ, онъ былъ весьма находчивъ и изобрѣтателенъ въ трудныхъ обстоятельствахъ своей жизни; обладалъ способностію кудесничества, чѣмъ не мало удивлялъ толпу и привлекалъ къ себѣ. Возвратившись въ Михайлицы, Иванъ Тимоѳеевичъ ревностно началъ распространять свое ученіе между односельчанами и жителями окрестныхъ селъ. Успѣхъ былъ полный: скоро у него появились 12 апостоловъ, такихъ же фанатическихъ приверженцевъ новаго ученія, какъ и онъ самъ,—и даже богородица. Во главѣ этихъ лицъ Иванъ Тимоѳеевичъ и отправился теперь въ сосѣднюю нижегородскую губернію. Прежде всего онъ появился въ селѣ Павловѣ-Перевозѣ (горбатовскаго уѣзда, на правомъ берегу Оки), отстоявшемъ, по свидѣтельству Димитрія Ростовскаго, отъ Нижняго верстахъ въ 60-ти. Спустившись внизъ по Окѣ къ Волгѣ, Иванъ Тимоѳеевичъ пошелъ съ своею проповѣдію далѣе внизъ по Волгѣ, прибылъ въ село Работки, нынѣшняго макарьевскаго уѣзда, отстоявшее отъ Нижняго верстахъ въ 50-ти, и нѣтъ сомнѣнія, что онъ проходилъ гораздо далѣе. Вездѣ, куда ни приходилъ Иванъ Тимоѳеевичъ, онъ находилъ полную вѣру себѣ и своему ученію; чтобы болѣе очаровать невѣждъ-мужиковъ, онъ пускался нерѣдко на хитрости; такъ было, между прочимъ, въ Работкахъ. Здѣсь, по свидѣтельству св. Димитрія Ростовскаго, находилась „на брезѣ рѣки церковь пуста и ветха“. Въ то время, когда собирались въ нее многочисленные поклонники Ивана Тимоѳеевича, послѣдній „аки христосъ“ выходилъ изъ алтаря „и зряшеся на главѣ

его нѣчто велико обверчено по подобію вѣнца на иконахъ пишемаго, и нѣкія малыя лица красныя по подобію птицъ летаху около главы его, ихъ же глаголютъ быти херувимы....; сѣдшу же ему, вси людіе, тамо собравшіеся, падше поклонишася тому до земли, аки истинному христу.... Въ молитвѣ же взываху къ нему, овіи, Господи помилуй мя, глаголюще; овіи же: о Создателю нашъ помилуй насъ. Онъ же къ нимъ пророческая нѣкая словеса глаголаше, сказующи, что будетъ, каковое воздуха премѣненіе, и утверждаше ихъ вѣрити въ онь несумнѣнно" (1).

Само собою понятно, что такія безумныя дѣйствія самозванца Суслова и цѣлыя скопища праздныхъ и фанатичныхъ людей не могли укрыться отъ взора мѣстнаго начальства. Правда, мы не имѣемъ историческихъ свидѣтельствъ о преслѣдованіяхъ Суслова и его послѣдователей, но что эти преслѣдованія были, въ этомъ удостовѣряютъ разсказы самихъ хлыстовъ. По свидѣтельству послѣднихъ, Суслова и его сорокъ послѣдователей схватили въ селѣ Погостѣ (вѣроятно въ нижегородской губерніи), подвергли розыскамъ и пыткамъ съ цѣлію узнать сущность проповѣдуемаго ими ученія; такъ какъ, однако, этой цѣли не достигли, то, наказавъ ихъ кнутомъ, отправили въ Москву. Здѣсь, по повелѣнію царя Алексѣя Михаиловича, подвергъ пыткамъ Суслова и его послѣдователей самъ патріархъ Никонъ; но и въ этомъ случаѣ ничего отъ обвиняемыхъ не узнали. Поэтому, дѣло о Сусловѣ передано было боярину Морозову, но онъ, „понявъ святость и божество Ивана Тимоѳеевича", отказался производить надъ нимъ слѣдствіе подъ предлогомъ болѣзни. Тогда Иванъ Тимоѳеевичъ отданъ былъ въ руки князя Одоевскаго, который долго пыталъ его огнемъ сначала на Житномъ дворѣ (въ Кремлѣ), потомъ на Красной площади, гдѣ и прика-

(1) «Розыскъ». 18 гл. 3 ч. 28 л.

залѣ распять его на кремлевской стѣнѣ, около Спасскихъ воротъ. Распятый Иванъ Тимоѳеевичъ испустилъ свой духъ, но на третій день воскресъ и явился въ подмосковномъ селѣ Похрѣ. Тутъ снова онъ былъ взятъ, битъ кнутомъ и снова былъ распятъ на крестѣ на томъ же самомъ мѣстѣ, у Спасскихъ воротъ; съ него содрали кожу, но одна изъ учениць его покрыла тѣло чистой простыней и эта простыня превратилась въ новую кожу. Иванъ Тимоѳеевичъ и въ этотъ разъ умеръ, но также въ третій день воскресъ и снова началъ проповѣдывать свое ученіе, называя себя „богочеловѣкомъ“, а также „стародубскимъ христомъ спасителемъ“ (1). Объ этомъ двукратномъ распятіи Ивана Тимоѳеевича хлысты такъ поютъ:

„Послушайте любезные,
Вы господняго ученія...,
Сына божьяго мученья,
Его мучили вездѣ,
Распинали на крестѣ
Пречистыя его мощи;
Распинали его дважды“ (2).

Описанныя нами страданія лжехриста Суслова должны были происходить въ періодъ времени отъ 1655—1670 г. Въ 1672 г. Сусловъ, расказываютъ хлысты, снова былъ взятъ для допроса, но былъ освобожденъ вмѣстѣ съ другими узниками, по случаю благополучнаго рожденія Петра I-го. Съ этого времени, говорятъ хлысты, Иванъ Тимоѳеевичъ поселился окончательно въ Москвѣ и жилъ въ ней 30 лѣтъ (до 1702 г.) весьма спокойно подъ именемъ „темнаго богатины“. Въ Москвѣ онъ имѣлъ собственный домъ въ 3-й мѣщанской улицѣ, называвшійся „домомъ божіимъ“ (3), также „сіонскимъ“ (4) и „новымъ Іеруса-

(1) Добротворскій, 11—12 стр. Тр. К. д. ак. 1867 г. № 10. 96 стр. и Рус. Вѣст. 1868 г. № 5. 38 стр.

(2) Духов. стихи люд. бож. Барсова. № 20. 31—32 стр.

(3) Рус. Вѣст. 1868 г. № 5. 38 стр.

(4) Добротворскій, 13 стр.

лимомъ“ (1), куда собирались послѣдователи Суслова для совершенія своихъ моленій.

Не придавая исторической вѣроятности разсказамъ хлыстовъ о страданіяхъ лжехриста Суслова, о его двукратной смерти и двукратномъ воскресеніи, можно, однако, съ полною вѣроятностію допустить, что Сусловъ, дѣйствительно, не разъ попадался въ руки правосудія, но всякій разъ, благодаря, съ одной стороны, своей изворотливости, а съ другой—сочувствію и денежной помощи своихъ единомышленниковъ, избавлялся отъ заслуженнаго имъ наказанія. Сами хлысты не скрываютъ этой дѣйствительной причины спасенія своего лжехриста. По словамъ пѣсни:

„Стали гости между собою сглядываться,
Золотой казной стали складываться,
Выкупать стали, выручать
И на волю выпускать“....

Или еще:

„Про отца вѣрны спознали,
Скорымъ скоро побѣжали,
У іудеевъ упрошали,
Тайной казной откупали“ (2).

Такимъ образомъ, не страданія и божество мнимаго христа Суслова, а золото и старанія его послѣдователей освобождали его отъ наказаній.

Пройдя трудный и продолжительный путь борьбы съ правительствомъ, Сусловъ, наконецъ, успѣлъ пріютиться въ Москвѣ и здѣсь, съ обычною энергіею и фанатизмомъ, сталъ распространять свое ученіе. Почва, на которой теперь сѣялъ плевелы своего ученія Сусловъ, была не менѣе воспріимчива, чѣмъ и въ предѣлахъ владимірскихъ, костромскихъ и нижегородскихъ. По отсутствію оффиціальныхъ свѣдѣній, трудно, конечно, съ точностію опредѣлить, какъ широко рас-

---

(1) Тр. Кіев. д. ак. 1867 г. № 10. 96 стр.

(2) Добротворскій, № 3. 118 стр. Н. Барсовъ, № 20, 32 стр.

пространилась хлыстовщина въ Москвѣ во времена Суслова. Основываясь, однако, на преданіяхъ хлыстовъ, съ одной стороны, и на нѣкоторыхъ оффиціальныхъ извѣстіяхъ, относящихся по преимуществу къ позднѣйшему времени—съ другой, можно съ вѣроятностію утверждать, что развитіе хлыстовщины шло прогрессивно и масса послѣдователей ея все болѣе и болѣе увеличивалась въ своемъ числѣ. Такъ, изъ преданій хлыстовъ извѣстно, что уже въ 1699 году слухъ о счастливой и благополучной жизни Ивана Тимоѳеевича достигъ до Данилы Филиппова, который поэтому и прибылъ въ Москву; тутъ то, разсказываютъ хлысты:

„Не два солнышка скатилися,
Тутъ два гостя ликовалися:
Гость Данило Филипповичъ,
Гость Иванъ, сударь, Тимоѳеевичъ;
Въ одно они мѣсто съединилися,
Другъ другу они поклонилися“ (1)....

Далѣе, изъ тѣхъ же преданій хлыстовъ извѣстно, что скоро по смерти Данилы Филиппова, или, по сказанію хлыстовъ, по вознесеніи его на небо, правительство, узнавъ о быстромъ распространеніи хлыстовской секты въ Москвѣ, подвергло какъ самого Суслова, такъ и его послѣдователей, новому преслѣдованію. Сусловъ вслѣдствіе этого вынужденъ былъ бѣжать и скитался въ разныхъ мѣстахъ „лѣтъ шестнадцать“; возвратился потомъ въ Москву, построилъ новый домикъ противъ прежняго, въ которомъ, проживъ годъ, а по нѣкоторымъ „три“, „скончался плотію на сотомъ году своей жизни“ (2), „показавъ примѣръ терпѣнія и благочестія на землѣ“ (3). Хотя преданіе хлыстовъ о томъ, что Сусловъ съ 1700 года

(1) Добротворскій, № 4. 110 стр.
(2) Тамъ же, 13 стр. Рус. Вѣстн. 1868 г. № 5. 41 стр.
(3) Тр. К. д. ак. 1867 г. № 10. 97 стр.

скитался „шестнадцать лѣтъ“ и не выдерживаетъ исторической критики, такъ какъ извѣстно, что уже въ 1710 году въ домѣ Суслова, находившемся между Щабаловской и Донской улицами близъ Донскаго монастыря, происходило большое собраніе съ радѣніемъ (1), но то можно допустить съ вѣроятностію, что спокойствіе Суслова и его единомышленниковъ могло быть нарушено вмѣшательствомъ въ ихъ религіозныя дѣла правительства, которое, можетъ быть, снова обратило свое вниманіе на быстро распространявшуюся хлыстовщину. Наконецъ, позднѣйшія оффиціальныя разслѣдованія (въ 1733 г.) также показываютъ, что многіе изъ московскихъ монастырей были заражены хлыстовщиной еще во времена Суслова и несомнѣнно при его дѣятельномъ участіи. Такъ извѣстно, что во времена Суслова хлыстовщина проникла въ женскій Никитскій монастырь; здѣсь представительницами ея были старицы Аграфена Ѳеодорова и Матрена Иванова. Далѣе, хлыстовщина существовала въ Ивановскомъ женскомъ монастырѣ, въ которомъ главную роль играла Анна Иванова, жена Лупкина (въ мірѣ Акулина Иванова) (2). Ко времени же Суслова нужно отнести занесеніе хлыстовщины и въ Варсонофіевскій женскій монастырь, гдѣ распространяла и утверждала хлыстовщину бѣлица Анна Михайлова при дѣятельномъ пособіи Марьи Ивановой Шигиной, крестьянки села Павлова-Перевоза, нижегородской губерніи (3).

Такимъ образомъ, какъ можно судить на основаніи приведенныхъ нами фактовъ, хлыстовщина во времена Суслова пріобрѣла значительный успѣхъ въ Москвѣ. Сусловъ умеръ въ 1716 году и погребенъ былъ при церкви Николы въ Грачахъ. Впрочемъ, ста-

---

(1) Реутскій, 27—28 стр.

(2) Тамъ же.

(3) Рус. Вѣст. 1868 г. № 5. 47 стр.

раніями своихъ приверженцевъ тѣло его скоро перенесено было въ женскій Ивановскій монастырь, гдѣ надъ могилою его устроили памятникъ съ надписью надъ нимъ, что подъ этимъ памятниковъ „погребенъ святой угодникъ Божій". Могила эта и памятникъ долго чествовались хлыстами, пока въ 1739 году, по повелѣнію императрицы Анны Іоанновны, трупъ Суслова вмѣстѣ съ трупомъ другаго христа Прокопія Лупкина не былъ выкопанъ изъ земли „чрезъ палачей, вывезенъ въ поле, сожженъ и развѣянъ по воздуху" (1).

Память о лжесаваоѳѣ Данилѣ Филипповѣ и о первомъ лжехристѣ Сусловѣ до сего времени составляетъ предметъ благоговѣнія хлыстовъ. Дни, въ которые случилось съ ними что либо особенное, хлысты празднуютъ торжественно; такъ, они празднуютъ день Покрова Пресв. Богородицы, такъ какъ, по ихъ преданію, въ этотъ день будто бы умеръ Данило Филипповъ (2). Мѣста, прославленныя какими либо событіями изъ жизни и дѣятельности Данилы Филиппова и Суслова, почитаются хлыстами святыми и они нерѣдко, поэтому, совершаютъ странствованія съ цѣлію поклониться имъ; такъ они ходятъ въ село Кріушино, гдѣ будто-бы погребенъ лжесаваоѳъ; ходятъ, далѣе, въ Кострому и деревню Старую, какъ мѣстности, ознаменованныя пребываніемъ въ нихъ Данилы Филиппова (3); посѣщаютъ, наконецъ, и Спасскія ворота, гдѣ будто бы дважды распинали лжехриста Суслова, а также и церковь св. Николы въ Грачахъ, какъ мѣсто первоначальнаго погребенія Суслова (4). Не меньшимъ благоговѣніемъ со стороны хлыстовъ пользуют-

---

(1) Прав. Обозр. 1862 г. № 3. 326 стр.

(2) Добротворскій, 14 стр. Впрочемъ, по другому преданію извѣстно, что Данило Филипповъ умеръ или вознесся на небо 1 января 1700 года; поэтому, добавляютъ хлысты, и стали считать съ этого дня новый годъ. Рус. Вѣстн. 1868 г. № 5. 39 стр.

(3) Реутскій, 82 стр.

(4) Добротворскій, 14 стр.

ся и вещи, употреблявшіяся лжесаваоѳомъ и лжехристомъ при ихъ жизни. Такъ, столъ, за которымъ, по преданію хлыстовъ, бесѣдовали Данило Филипповъ и Иванъ Тимоѳеевичъ въ то время, когда послѣдній жилъ въ Москвѣ, сохранялся у хлыстовъ до 1845 г.; въ этомъ году столъ былъ взятъ и поступилъ въ кабинетъ раскольничьихъ вещей (1). По свидѣтельству г. Реутскаго, въ одномъ московскомъ хлыстовскомъ семействѣ до послѣдняго времени сохранялись: коврикъ, платокъ, кресло, скамейка и другія вещи, бывшія въ употребленіи во времена Данилы Филиппова и Суслова (2).

Дѣятельность Суслова въ Москвѣ продолжалъ Прокопій Даниловъ Лупкинъ, преемникъ перваго въ званіи „христа“. Существуетъ преданіе, что будто бы Лупкинъ былъ сынъ Данилы Филиппова. О Лупкинѣ достовѣрно извѣстно слѣдующее. Онъ былъ стрѣльцомъ и участвовалъ въ двухъ походахъ противъ Азова. По возвращеніи изъ послѣдняго азовскаго похода въ Москву, Лупкинъ вмѣстѣ съ другими своими товарищами скоро отправленъ былъ въ Нижній Новгородъ для водворенія; причиною этого былъ извѣстный заговоръ стрѣльцовъ противъ Петра I-го. Въ Нижнемъ Лупкинъ жилъ до 1710 года; въ этомъ году, вслѣдствіе особаго указа, Лупкинъ и другіе его товарищи, проживавшіе въ Нижнемъ, снова были вызваны въ Москву для поступленія, очевидно, въ военную службу; однако, отъ этой послѣдней онъ былъ освобожденъ „за падучею болѣзнію“ и ему было позволено снова отправиться въ Нижній. Достовѣрно неизвѣстно, остался ли Лупкинъ въ Москвѣ или же отправился въ Нижній. Есть основаніе думать, что Лупкинъ остался въ Москвѣ, ибо извѣстно, что до 1715 года онъ успѣлъ не только ознакомиться съ хлыстовщи-

(1) Рус. Вѣстн. 1868 г. № 5. 39 стр. 1 примѣч.

(2) Изслѣдованіе его, 82 стр.

ною, но даже, какъ увидимъ, дѣятельно и съ большимъ успѣхомъ распространялъ ее въ селеніяхъ около Углича (нынѣ яросл. губерн.); далѣе, извѣстно также, что въ 1714 году Лупкинъ, дѣйствительно, былъ въ Москвѣ (1); наконецъ, въ пользу предположенія о томъ, что Лупкинъ остался въ Москѣ послѣ 1710 года говоритъ и то обстоятельство, что въ Москвѣ жили жена Лупкина, его сынъ и племянникъ (2); очевидно, остаться Лупкину въ Москвѣ значило тоже, что оставаться въ своемъ домѣ, въ своемъ семействѣ. Если, такимъ образомъ, предположеніе о томъ, что послѣ 1710 года Лупкинъ уже болѣе не жилъ въ Нижнемъ, а находился въ Москвѣ, вѣрно, то, значитъ, онъ имѣлъ возможность въ теченіи шести лѣтъ познакомиться съ Сусловымъ. Хотя мы не имѣемъ достовѣрныхъ извѣстій о существованіи между Сусловымъ и Лупкинымъ близкихъ отношеній, но, принимая во вниманіе, съ одной стороны, что по христологіи хлыстовъ Лупкинъ получилъ свое преемство отъ Суслова, а съ другой—что такому знакомству благопріятствовали обстоятельства,—такъ какъ жена Лупкина еще въ 1710 году, какъ извѣстно, участвовала въ радѣніи, бывшемъ у Суслова,—можно допустить, что сношенія эти могли быть, и повели къ тому, что Лупкинъ сдѣлался достойнымъ преемникомъ Суслова на поприщѣ хлыстовской пропаганды.

Усвоивъ хлыстовское ученіе въ кораблѣ Суслова, Лупкинъ, желая, очевидно, играть такую же роль, какую игралъ Сусловъ, объявилъ себя „христомъ“ и окружилъ себя „апостолами“. Это было, нужно полагать, около 1714 года. Въ 1715 г. Лупкинъ пропагандированъ уже хлыстовское ученіе въ селеніяхъ, расположенныхъ по рѣкамъ Волгѣ и Улеймѣ, въ угличскомъ уѣздѣ, ярославской губерніи. Слухъ о вновь

---

(1) Рус. Вѣстн. 1868 г. № 5. 42 стр.

(2) Реутскій. 27—28 стр. Рус. Вѣстн. 1868 г. № 5. 43—44 стр.

появившейся сектѣ скоро распространился и дошелъ до архимандрита угличскаго Покровскаго монастыря Андроника, который въ 1717 году доносилъ Ростовскому епископу Досиѳею, что „въ отчинѣ Воскресенскаго монастыря въ деревнѣ Харитоновѣ, въ домѣ крестьянина Еремѣя Бурдаева поймано имъ, архимандритомъ, раскольниковъ мужеска пола 11 и женска 10, и въ томъ числѣ одинъ московскій стрѣлецъ Прокопій Лупкинъ“ (1). Стало также извѣстнымъ, что хлыстовщина распространилась въ деревнѣ Данильцовѣ въ нынѣшнемъ рыбинскомъ уѣздѣ; здѣсь во главѣ хлыстовъ находились крестьяне Никита Сахарниковъ и Иванъ Васильевъ. Хотя схваченные хлысты вмѣстѣ съ Лупкинымъ и были приведены въ Угличское духовное правленіе, гдѣ ихъ даже допрашивали о сущности исповѣдуемаго ими ученія, но, по равнодушію къ возникшему дѣлу епископа Досиѳея, который къ тому же въ слѣдующемъ 1718 году былъ казненъ за участіе въ дѣлѣ царицы Авдотьи Ѳеодоровны (2), они оставлены были безъ наказанія и отпущены по домамъ. Вслѣдствіе этого и Прокопій Лупкинъ также оставилъ угличскій уѣздъ и снова прибылъ въ Москву.

Въ Москвѣ, какъ извѣстно, къ этому времени хлысты лишились своего христа Суслова, умершаго въ 1716 году. Поэтому, Лупкину теперь открытъ былъ путь занять мѣсто Суслова въ его кораблѣ. Послѣднее удалось сдѣлать Лупкину скоро. Въ 1717 году онъ первоначально поселился въ домѣ своего племянника, крестьянина Ивана Ѳеодорова Большаго—Соколова, по вѣрѣ также хлыста (3), но, вѣроятно, въ этомъ же году, а быть можетъ и нѣсколько позже, онъ переселился въ домъ Суслова, гдѣ и былъ признанъ

(1) Пол. собр. закон. Рос. Импер. съ 1649 г. IX т. № 6.613. 391 стр.

(2) Прав. Обозр. 1862 г. № 8. 325 стр.

(3) Рус. Вѣстн. 1868 г. № 5. 43 стр.

преемникомъ Суслова. Въ домѣ Суслова Лупкинъ находился до 1723 года; здѣсь оказывали ему большое содѣйствіе старицы Анна, Вѣра и Матрена, чудовскій іеромонахъ Варлаамъ и Алексѣй Трофимовъ (1). Въ домѣ Суслова въ это время нерѣдко происходили большія собранія хлыстовъ. Руководителемъ и главою всѣхъ этихъ собраній былъ всегда самъ Прокопій Лупкинъ. Вотъ что, между прочимъ, говорилъ на слѣдствіи 1745 года Варлаамъ Ѳедотовъ объ уваженіи къ Лупкину и о той роли, какую послѣдній игралъ въ средѣ хлыстовъ. „А послѣ чинимаго злодѣянія, т. е. послѣ причащенія хлѣбомъ и квасомъ, показывалъ Варлаамъ Ѳедотовъ, усмотрѣлъ онъ, Варлаамъ, и прочіе согласники, что идетъ Прокопій Лупкинъ, для котораго вскочили съ лавокъ, и замахали руками, и закричали всѣ громогласно: „царь! царь!“, почитая его, яко христа, и подходя къ тому Лупкину всѣ бывшіе люди, и онъ, Варлаамъ, съ великимъ страхомъ, которому, перекрестясь, кланялись по единому человѣку порознь въ ноги и цѣловали его руку.... Во время верченія, т. е. радѣнія, Лупкинъ говорилъ: „царь великій, богъ великій!“, а о комъ оное было говорено и въ какой силѣ, замѣчаетъ Варлаамъ, того не показано имъ“ (2). Въ 1723 году Лупкинъ пріобрѣлъ собственный домъ за Яузой, въ Таганкѣ, куда онъ переселился,—и съ этого времени до самой смерти, послѣдовавшей въ 1732 году, Лупкинъ никуда не отлучался и жилъ весьма спокойно. О жизни и дѣятельности Лупкина въ это время мы имѣемъ весьма немного свѣдѣній. Извѣстно только, что домъ Лупкина имѣлъ значеніе центральнаго пункта для всѣхъ московскихъ хлыстовъ; сюда стекались хлысты въ извѣстное время для совершенія своихъ радѣній и для поклоненія своему христу; такъ было напр. въ 1726 году, когда къ Луп-

(1) Реутскій, 32 стр.

(2) Прав. Обозр. 1862 г. № 8. 455 стр.

(3) Реутскій, 34—35 стр.

кину собралось много монаховъ и монахинь по случаю „привода“ новаго члена въ общество хлыстовъ. Извѣстно также, что въ домѣ Лупкина во время радѣній совершались гнусный развратъ и отвратительный обрядъ причащенія тѣломъ и кровію младенцевъ (1). Значительное пособіе въ дѣлѣ распространенія хлыстовщины оказывали въ это время Лупкину проживавшіе въ его домѣ Семенъ и Игнатій Шигины съ дѣтьми, недавно переѣхавшіе изъ села Павлова-Перевоза и братья Осиповы Сергѣй и Димитрій. Изъ этихъ лицъ особеннымъ расположеніемъ со стороны Лупкина пользовался Сергѣй Осиповъ. Лупкинъ, какъ обнаружилось на слѣдствіи въ 1747 году, назначалъ его даже въ своего преемника (2). Лупкинъ умеръ

---

(1) Реутскій, 35 стр.

(2) Пеликанъ, 117 стр. — О Сергѣѣ Осиповѣ извѣстно слѣдующее. Онъ, по его показанію, до слѣдствія о хлыстахъ въ 1733 году ходилъ на сборища хлыстовъ вмѣстѣ съ Алексѣемъ Трофимовымъ, крестьяниномъ села Воробьевыхъ Горъ; отъ него, между прочимъ, онъ получилъ небольшую часть пшеничнаго хлѣба, въ которомъ, по словамъ Трофимова, запечено было младенческое сердце и кровь. Трофимовъ наставлялъ Осипова, чтобы онъ въ то время, когда на сборищахъ будутъ приготовлять хлѣбъ, отдѣлилъ $^1/_8$ или $^1/_4$ долю полученнаго хлѣба, растерши ее, всыпалъ бы въ тѣсто; по испеченіи же хлѣба онъ долженъ разрѣзать его на мелкіе кусочки и потомъ раздать своимъ согласникамъ. Осиповъ такъ и поступилъ; раздавая кусочки хлѣба, онъ при этомъ говорилъ: «принимайте оный хлѣбъ и воду вмѣсто тѣла и крови Господня, понеже оный хлѣбъ печенъ, также и въ воду положено младенческое сердце съ кровію». Впослѣдствіи Осиповъ и самъ сталъ приготовлять такое причащеніе. Ходя на собранія къ Лупкину, онъ познакомился съ ростовской дѣвкой Матреной Игнатьевой, къ которой, по словамъ Осипова, онъ «возымѣлъ знаемость» и потому взялъ ее къ себѣ въ домъ. Проведши съ нею, такимъ образомъ, четыре года, Осиповъ прижилъ сына, котораго, окрестивъ по своему обряду, онъ на осьмой день закололъ складнымъ ножикомъ. Вынувъ сердце и выпустивъ кровь, Осиповъ высушилъ то и другое и потомъ въ соединеніи съ этимъ веществомъ сталъ приготовлять хлѣбы. Приготовивъ, такимъ образомъ, пять небольшихъ хлѣбовъ, Осиповъ четыре изъ нихъ употребилъ на двухъ происходившихъ въ то время сборищахъ; а пятый отдалъ строителю Богословской пустыни Димитрію, впослѣдствіи расстригѣ Гусеву (Тамъ же, 118—119 стр.).

9 ноября 1732 года, а 12-го числа этого же мѣсяца съ честію былъ погребенъ въ Ивановскомъ дѣвичьемъ монастырѣ рядомъ съ Иваномъ Тимоѳеевичемъ Сусловымъ. О смерти Лупкина хлысты разсказываютъ слѣдующее. „Въ день смерти, говорятъ хлысты, въ его домѣ находилось множество его послѣдователей; во время „корабельнаго“ радѣнія въ святой кругъ съ небесныхъ круговъ слетѣли безплотные духи: ангелы, архангелы, серафимы, херувимы и вся сила небесная и вознесли христа Лупкина при множествѣ свидѣтелей на небо“ (1). Иначе говоря, Лупкинъ умеръ во время неистовыхъ круженій.

Распространеніе хлыстовщины въ Москвѣ во времена Лупкина совершалось съ бо́льшимъ успѣхомъ и съ бо́льшею систематичностію, чѣмъ какъ это было при Сусловѣ. Этому обстоятельству много содѣйствовали, по нашему мнѣнію, родственныя связи Лупкина. У послѣдняго были жена, сынъ, племянникъ и два брата; всѣ эти лица были преданы до фанатизма хлыстовскому ученію, большинство изъ нихъ пользовалось зна[illegible]тельнымъ вліяніемъ въ обществѣ хлыстовъ и большинство изъ нихъ, наконецъ, жило и дѣйствовало въ разныхъ мѣстахъ Москвы; очевидно, такимъ образомъ, что условія для распространенія ереси были самыя благопріятныя. Въ разсматриваемое нами время хлыстовщина, кромѣ извѣстныхъ трехъ монастырей: Никитскаго, Ивановскаго и Варсонофьевскаго, куда она проникла еще во времена Суслова, охватила еще пять монастырей: Симоновъ, Высокопетровскій, Новодѣвичій, Чудовъ и Богословскую пустынь (2).

---

(1) Рус. Вѣстн. 1869 г. № 5. 324 стр.

(2) Г. Мельниковъ полагаетъ, что въ данное время хлыстовщина проникла въ Вознесенскій и Рождественскій монастыри; въ первомъ изъ нихъ насаждали ее Марья Босая, неизвѣстная по своему происхожденію, а во второмъ іеромонахъ Провъ и инокиня Евпраксія (Рус. Вѣстн. 1868 г. № 5. 47—49). Намъ кажется, что мнѣніе г. Мельникова о Маріѣ Босой, Провѣ и Евпраксіи, какъ о приверженцахъ хлыстовскаго ученія, и

Какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ ученіе и обряды хлыстовщины процвѣтали. Въ Ивановскомъ монастырѣ дѣятельность Акулины Ивановны, жены Лупкина, съ успѣхомъ продолжала инокиня этого монастыря Анастасія, въ мірѣ Агаѳья Карпова. Она слыла за богородицу не только въ Ивановскомъ монастырѣ, но признавалась таковою отъ всѣхъ хлыстовъ, какъ московскихъ, такъ и иногородныхъ. Популярность ея имени и уваженіе къ ней хлыстовъ были велики. Этому не мало содѣйствовалъ ницій старикъ Якимъ Игнатьевъ, проживавшій въ Ивановскомъ монастырѣ. Онъ, ходя по Москвѣ, разглашалъ, что въ Ивановскомъ монастырѣ есть святая и богоугодная старица Настасья, которая всякаго приходящаго къ ней учитъ

какъ о распространителяхъ этого ученія въ двухъ названныхъ монастыряхъ — ошибочно и основано на томъ только предполагаемомъ имъ ранѣе (стр. 45—46) положеніи, что всѣ вообще кликуши и юродивые были хлыстами — ни болѣе, ни менѣе. Между тѣмъ, очевидно, такое предположеніе само по себѣ невѣрно. Въ разсказѣ же Мельникова о трехъ названныхъ лицахъ мы не находимъ ничего такого, что могло бы, дѣйствительно, характеризовать ихъ, какъ послѣдователей хлыстовскаго ученія и то, что сообщено о нихъ, можетъ характеризовать ихъ только или какъ юродствующихъ и кликушъ, или же какъ приверженцевъ старины. Дѣйствительно, Босая была юродивою и кликушею; о ней Мельниковъ разсказываетъ слѣдующее: «однажды, говоритъ онъ, Босая предъ выносомъ Евангелія завизжала, стала ломать себѣ руки, закинула назадъ голову и, трясясь всѣмъ тѣломъ, начала вертѣться». Въ послѣднемъ г. Мельниковъ усматриваетъ «обыкновенный пріемъ хлыстовскихъ радѣній» (48 стр.); намъ кажется, что это обыкновенный пріемъ кликушъ и лицъ, подверженныхъ нервнымъ припадкамъ. Тоже самое должно сказать и объ Евпраксіи. Что касается до Прова, то онъ былъ, очевидно, фанатичный приверженецъ старопечатныхъ книгъ и двуперстнаго сложенія (стр. 48), — слѣд. былъ раскольникъ, но не хлыстъ. Точно также мало вѣроятно предположеніе Мельникова и о томъ, что будто бы иконоборцы — Тверитиновъ, Ивановъ, Максимовъ и др., формально открытые въ Москвѣ въ 1713 г., были также хлыстами или близки къ нимъ (стр. 50). Нельзя также причислить къ хлыстамъ и князя Евима Мещерскаго, проживавшаго въ селѣ Косьмодемьянскомъ, какъ полагаетъ Мельниковъ (53—57 стр.); Мещерскій былъ ни болѣе ни менѣе, какъ мистически настроенный человѣкъ.

„отъ священнаго писанія". Простаки вѣрили словамъ старика и толпами шли къ святой старицѣ. Послѣдняя, понятно, наставляла ихъ въ правилахъ хлыстовской ереси и потомъ приглашала на свои собранія, гдѣ нерѣдко успѣвала окончательно завлекать любопытныхъ въ свою секту (1). Извѣстно также преданіе, переданное крестьяниномъ Иваномъ Андреяновымъ въ его донесеніи императору Александру I-му, характеризующее то уваженіе, какимъ инокиня Анастасія пользовалась отъ своихъ послѣдователей. По этому преданію, послѣдователи ученія Настасьи не иначе называли себя, какъ послѣдователями „вѣры Настасьи Карповой" и что, далѣе, такое показаніе, данное на судѣ, могло избавить виновныхъ отъ наказанія, такъ какъ, по словамъ отставнаго солдата Ивана Петрова—скопца, „царь царя не судитъ" (2); такимъ образомъ, Настасья Карпова признавалась чѣмъ-то въ родѣ царицы. Живя въ Ивановскомъ монастырѣ, Настасья Карпова собирала къ себѣ въ келью многочисленныхъ послѣдователей хлыстовщины—мужчинъ и женщинъ, свѣтскихъ и монашествующихъ и здѣсь съ неистовствомъ предавалась радѣніямъ. Сборища эти имѣли даже азартный и нерѣдко безнравственный характеръ; такъ, многіе во время радѣній били себя палками и цѣпами, нѣкоторые же предавались въ это время разврату. На слѣдствіи 1733 года, между прочимъ, выяснилось, что у самой Настасьи Карповой, на чердакѣ ея кельи, находилась кровать, подъ которой спрятана была постель; при этомъ, одна старица при допросѣ созналась, что вслѣдствіе смѣсительнаго ночлега мужчинъ и женщинъ, происходившихъ нерѣдко въ кельѣ Настасьи Карповой, она прижила ребенка (3). Само собою по-

(1) Реутскій, 32 стр.

(2) Чтен. въ общ. ист.... 1872 г. 2. V. 42 стр.

(3) Полн. собр. зак. Рос. Имп. съ 1649 г. IX т. № 6,613. 392—393 стр.

нятно, что первенство на этихъ сборищахъ принадлежало самой Настасьѣ Карповой. Впослѣдствіи, когда именно—неизвѣстно, Настасья Карпова отстроила новый домъ для сборищъ подъ дѣвичьимъ монастыремъ въ Кочкахъ. Здѣсь оказывала ей содѣйствіе при совершеніи радѣній старица Есѳирь (1). Кромѣ Настасьи Карповой, содержавшей въ своей кельѣ нѣчто въ родѣ хлыстовскаго корабля, въ Ивановскомъ монастырѣ была и другая старица, которая также собирала въ свою келью хлыстовъ и хлыстовокъ. Это была Марья Трофимова. На двухъ радѣніяхъ, бывшихъ въ ея кельѣ, участвовалъ, между прочимъ, іеромонахъ Варлаамъ Ѳеодотовъ, какъ онъ сознался на слѣдствіи 1745 года (2).

Въ монастырѣ Варсонофьевскомъ дѣятельно пропагандировала хлыстовское ученіе бѣлица этого монастыря Марѳа Павлова въ союзѣ съ крестьяниномъ сельца Воробьевыхъ горъ Алексѣемъ Трофимовымъ, о которомъ мы уже упоминали выше. Здѣсь также, какъ и въ Ивановскомъ монастырѣ, образовался цѣлый хлыстовскій корабль; сборища его происходили частію въ кельѣ Марѳы Павловой, частію же въ домѣ московскаго купца-хлыста Степана Яковлева за Пречистенскими воротами. Главную роль на этихъ сборищахъ играла сама Марѳа Павлова, которая даже слыла въ своемъ кораблѣ „богородицей“ (3). Въ Симоновъ монастырь хлыстовщина занесена была и распространена сыномъ Прокопія Лупкина Спиридономъ Лупкинымъ, поступившимъ въ этотъ монастырь въ 1713 году съ именемъ Серафима. Искусно поставивъ себя въ отношеніи къ архимандриту Симонова монастыря, Спиридонъ Лупкинъ успѣшно пропагандировалъ хлыстовщину между монахами, но, съ другой

(1) Реутскій, 32—33 стр.

(2) Прав. Обозр. 1862 г. № 8. 454 стр.

(3) Реутскій, 33 стр.

стороны, будучи не замѣчаемъ въ этомъ преступномъ дѣлѣ, онъ снискалъ себѣ большое довѣріе со стороны архимандрита, который даже въ 1721 году сдѣлалъ его экономомъ монастыря. Это послѣднее обстоятельство, возвысивъ положеніе Лупкина въ средѣ монашествующихъ, дало ему еще бо́льшую возможность распространять и утверждать между послѣдними хлыстовщину. Симоновскій монастырь сдѣлался даже нѣкотораго рода разсадникомъ хлыстовщины; отсюда, между прочимъ, получила свое начало хлыстовщина Высокопетровскаго монастыря. Въ послѣднемъ на поприщѣ распространенія хлыстовщины прославились іеромонахи Филаретъ, въ мірѣ Ѳедоръ Муратинъ, и Тихонъ, въ мірѣ—Тимоѳей Струковъ—оба дворяне и оба единовременно перешедшіе сюда изъ Симонова монастыря (1). О Новодѣвичьемъ монастырѣ извѣстно только то, что здѣсь во главѣ хлыстовщины стояли монахини: Татьяна, Стефанида, двѣ Анны, Февронія и Матрена (2). Въ Чудовомъ монастырѣ главнымъ дѣйствующимъ лицемъ на поприщѣ распространенія и утвержденія хлыстовщины прославились монахъ Іосафъ и просвирникъ Варлаамъ (3). Въ Богословской пустыни распространялъ и утверждалъ хлыстовщину строитель Димитрій Еѳимовъ, въ мірѣ Данила Гусевъ (4) въ сообществѣ съ Кириллою Алексѣевымъ, человѣкомъ неизвѣстнаго происхожденія и званія.

Кромѣ монастырей хлыстовщина въ данное время распространилась и между мірянами. Между послѣдними находились даже такіе, которые содержали дома для хлыстовскихъ сборищъ. Такимъ именно былъ крестьянинъ Яковъ Фроловъ. Онъ первоначально находился въ Варсонофьевскомъ монастырѣ, гдѣ прини-

---

(1) Рус. Вѣстн. 1868 г. № 5. 44—45 стр.

(2) Тамъ же, 47 стр.

(3) Прав. Обозр. 1862 г. № 8. 451—452 стр.

(4) Пеликанъ, 119 стр.

той „богомерзкой ереси“. Комиссія, кромѣ захваченныхъ уже 78 человѣкъ, отыскала еще множество разнаго рода людей, принадлежавшихъ къ хлыстовщинѣ. Замѣчательно, что многіе изъ хлыстовъ добровольно являлись въ комиссію и объявляли себя принадлежавшими къ сектѣ. Въ то время, когда число виновныхъ все болѣе и болѣе увеличивалось, Салтыковъ увѣдомилъ объ открытіи новой ереси Сенатъ, который въ свою очередь сообщилъ объ этомъ открытіи Синоду. Въ послѣднемъ учреждена была „высшая комиссія“ для изслѣдованія тайнъ ученія и богослуженія „богомерзкой ереси“, состоявшая изъ архіепископовъ: Ѳеофана новгородскаго, Леонида сарскаго, Питирима нижегородскаго, графа Остермана, князя Черкасскаго и генерала Ушакова (*). Московская слѣдственная комиссія, окончивъ розыски, представила главныхъ виновниковъ ереси въ Петербургъ. Изъ числа этихъ главныхъ виновниковъ болѣе другихъ замѣчательны: инокини Ивановскаго монастыря Анастасія, Анна и Александра; іеромонахи Высокопетровскаго монастыря: Филаретъ и Тихонъ и экономъ Симоновскаго монастыря Серафимъ. Всѣмъ этимъ лицамъ и многимъ другимъ, представленнымъ въ Петербургъ, высшая петербургская комиссія сдѣлала нѣсколько допросовъ. То, что узнано было комиссіею отъ хлыстовъ, заключалось въ двѣнадцати пунктахъ. Изъ этихъ послѣднихъ очевидно, что уже въ это время основной характеръ хлыстовщины опредѣлился довольно ясно; вмѣсто богослуженія, совершаемаго въ православной церкви, хлысты употребляли радѣнія или круженія, что называли „крещеніемъ духомъ“, въ противоположность крещенію водою, совершаемому въ православной церкви; эти радѣнія они сопровождали разными грубыми самоистязаніями и самобичеваніями. Отношеніе ихъ къ православной церкви

(*) Полн. собр. зак. Рос. Имп. съ 1649 г. IX т. № 6,613. 391 стр.

и ея таинствамъ было враждебное; хлысты хулили законный бракъ, вмѣняя его въ скверну; вмѣсто же брака допускали незаконное сожитіе мужчинъ и женщинъ (1).

Въ октябрѣ 1733 года состоялся приговоръ о послѣдователяхъ хлыстовской секты. По этому приговору трое, признанные виновнѣе всѣхъ другихъ, именно: инокиня Анастасія и іеромонахи Тихонъ и Филаретъ, по разстриженіи и лишеніи сана двухъ послѣднихъ, были казнены на Сытномъ рынкѣ въ Петербургѣ чрезъ отсѣченіе головъ. Другіе, признанные менѣе виновными, были разосланы въ отдаленные монастыри съ утвержденіемъ тамъ надъ ними строгаго надзора, чтобы, какъ говорилось въ опредѣленіи комиссіи, „изъ того монастыря никогда никуда ихъ не выпускать, и писемъ ни къ кому писать не давать, и къ нимъ никого, такожъ и ихъ между собою видѣться отнюдь не допускать“ (2). Такимъ образомъ, отправлены были въ Введенскій дѣвичій монастырь, тобольской епархіи: инокиня Анна, старицы Екатерина Ларіонова, Авдотья Михайлова, Акулина Яковлева и др. Симоновскій экономъ Серафимъ, въ мірѣ Спиридонъ Лупкинъ, по наказаніи кнутомъ, назначенъ былъ въ ссылку въ Охотскій острогъ; однако, прибывъ въ Екатеринбургъ, онъ далѣе этого мѣста не отправился и жилъ въ Екатеринбургѣ въ качествѣ бобыля до 1744 года; въ этомъ же году онъ прибылъ въ Москву, но вслѣдствіе возникшаго тутъ новаго слѣдствія о хлыстахъ въ 1745 году, скрылся изъ Москвы, и что съ нимъ было послѣ этого—неизвѣстно (3).

Полагая совершенно справедливо, что казнію и ссылкою главныхъ представителей хлыстовской секты послѣдняя не уничтожится, св. Синодъ съ цѣлію „пре-

(1) Полн. собр. зак. Рос. Импер. съ 1649 г. IX т. № 6.613. 392—393 стр.

(2) Тамъ же, 393 стр.

(3) Рус. Вѣстн. 1868 г. № 5. 65 стр.

сѣченія и искорененія той богопротивной ереси" въ своемъ письменномъ докладѣ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ предлагалъ: „не соизволитъ ли она распубликовать во всей Россійской Имперіи отъ Синода указами, дабы оной богопротивной ереси участницы... явились въ Синодъ въ Петербургѣ и Москвѣ съ объясненіемъ вины своей безъ боязни, но съ полной надеждой на прощеніе"? При этомъ Синодъ просилъ, чтобы императрица назначила „опредѣленный терминъ" для явки, спустя который неявившіеся, но послѣ какъ нибудь открытые, послѣдователи этой ереси „должны быть наказуемы со всею строгостію законовъ". На это предложеніе Синода послѣдовала резолюція: „въ такой силѣ напечатавъ указы, публиковать, опредѣляя срокъ по генварь мѣсяцъ предбудущаго 1735 года". Жители отдаленныхъ губерній, а именно: кіевской, казанской, астраханской, тобольской и многихъ другихъ обязывались по этому указу являться къ мѣстнымъ архіереямъ; жители же С.-Петербурга и Москвы, а равно мѣстностей близкихъ къ этимъ двумъ городамъ, въ Синодъ. По указу, явившихся велѣно было допрашивать обо всемъ обстоятельно, записывать показанія ихъ и доносить въ Синодъ, отпускать безъ притѣсненій, но обязывать подпиской впредь участниками ереси не быть (1). Не смотря на такія угрозы со стороны правительства ослушникамъ и снисходительность къ раскаявшимся, ни одинъ изъ хлыстовъ не явился добровольно ни къ архіереямъ, ни въ Синодъ (2). Тѣ, которые остались въ Москвѣ, не замедлили возобновить свои собранія; другіе же, убѣжавшіе изъ Москвы, стали распространять хлыстовщину въ разныхъ губерніяхъ, гдѣ они находили себѣ временный пріютъ.

---

(1) Полн. собр. зак. Рос. Импер. съ 1649 г. IX т. № 6,613. 393—395 стр.

(2) Пеликанъ, 114 стр.

II.

1733—1752 гг.

Едва окончились казни и ссылки хлыстовъ, какъ до свѣдѣнія Ѳеофана Прокоповича дошло извѣстіе о существованіи могилъ первыхъ лжехристовъ хлыстовской секты Суслова и Лупкина, находившихся, какъ извѣстно, въ Ивановскомъ монастырѣ. Ѳеофанъ Прокоповичъ немедленно же далъ совѣтнику Топильскому предписаніе, которымъ повелѣвалось ему произвести осмотръ могилъ Суслова и Лупкина и о результатахъ этого осмотра немедленно же сообщить ему. Топильскій, дѣйствительно, осмотрѣлъ могилы и нашелъ: надъ могилою Лупкина былъ только-что отстроенъ новый памятникъ съ надписью на немъ о святости погребеннаго; вблизи могилы Лупкина находилась могила Суслова; памятникъ надъ этою послѣднею могилою былъ уже сравненъ съ землею и надпись, находившаяся на немъ и гласившая о святости погребеннаго, была снесена и вдѣлана въ стѣну церковной трапезы, находившейся недалеко отъ могилы; могилу окружалъ рядъ фруктовыхъ деревьевъ и все небольшое пространство, занимаемое могилою и деревьями было огорожено рѣшеткой съ дверцами. Объ этихъ немногихъ, но тѣмъ не менѣе важныхъ свѣдѣніяхъ, Топильскій сообщилъ Ѳеофану Прокоповичу, который въ свою очередь передалъ разсмотрѣніе ихъ Синоду. Члены Синода, справедливо полагая, что похороненіе тѣлъ ересеначальниковъ при церквахъ и притомъ съ памятниками сдѣлано послѣдователями ихъ съ цѣлію распространить въ народѣ убѣжденіе, что умершіе не только не были ересеначальниками, но „были и святости нѣкоей общники“, отнесли дѣло о могилахъ лжехристовъ къ числу богохульныхъ и потому уголовныхъ. Поэтому, рѣшивъ въ 1736 году памятникъ надъ могилою Лупкина, садикъ, окружающій могилу Суслова, и надпись о его святости, находя-

пуюся въ стѣнѣ церковной трапезы уничтожить, члены Синода передали исполненіе своего приговора Сенату (1). Сенатъ, согласно съ первой статьей Уложенія царя Алексѣя Михайловича о наказаніяхъ богохульниковъ, рѣшилъ: „закопанные въ московскомъ Ивановскомъ монастырѣ трупы богопротивныхъ ересеучителей и еретиковъ Прокопія Лупкина и Ивана Суслова, выкопавъ чрезъ палачей и, вывезши въ поле, учинить съ ними по указамъ“, т. е. вѣроятно сжечь и пепелъ развѣять по воздуху (2).

Въ то время, когда производилось слѣдствіе о могилахъ Суслова и Лупкина, другіе хлысты и въ другихъ мѣстахъ уже совершали свои радѣнія. Такъ было въ фроловскомъ домѣ за Яузой въ Рогожской части, въ Чудовомъ монастырѣ и въ Богословской пустыни. Сборища хлыстовъ въ домѣ Фролова были возстановлены, благодаря, съ одной стороны, дѣятельности Якова Фролова, а съ другой — дѣятельности Нестера Иванова и Андрея Касьянкова; къ этимъ лицамъ присоединился извѣстный уже намъ Сергѣй

---

(1) Собр. пост. по части раскола въ вѣдом. св. Синода. 1. 312—316 стр. См. въ Рус. Вѣстн. 1868 г. 5. 68 стр.

(2) Тамъ же, 360 стр. См. въ Рус. Вѣстн. 68 стр. — Г. Мельниковъ, по поводу открытія трупа въ домѣ Андреяна Петрова — христа людей божіихъ въ 1715 году, высказываетъ предположеніе, что этотъ трупъ былъ трупомъ Ивана Тимоѳеевича Суслова, похищенный хлыстами въ 1739 г., т. е. въ то время, когда его надлежало сжечь «по указамъ» (Рус. Вѣстн. 1869 г. № 5. 329 стр.). Г. Реутскій сомнѣвается въ истинности предположенія г. Мельникова и полагаетъ, поэтому, что трупъ, найденный въ домѣ Андреяна Петрова, былъ не Ивана Суслова, а кого-либо другаго (71 стр.). Дѣйствительно, нельзя не согласиться съ послѣднимъ мнѣніемъ, принимая во вниманіе значительную продолжительность времени, протекшаго отъ года смерти Суслова; Сусловъ умеръ, какъ извѣстно, въ 1716 году; слѣдов. къ 1745 году было уже 28 лѣтъ; трудно поэтому предположить, чтобы трупъ Суслова въ теченіи такого времени могъ сохраниться только съ нѣкоторыми поврежденіями. Итакъ, необходимо допустить, что трупъ Суслова вмѣстѣ съ трупомъ Лупкина былъ, дѣйствительно, сожженъ согласно съ распоряженіемъ Сената и это было исполнено въ 1739 году.

Осиповъ. Этотъ послѣдній въ своемъ показаніи, данномъ имъ въ 1747 году, между прочимъ, говоря о двухъ такихъ сборищахъ, происходившихъ въ домѣ Якова Фролова, сообщаетъ, что они происходили въ нарочно устроенномъ погребѣ и во время ихъ онъ раздавалъ согласникамъ только-что приготовленные имъ куски хлѣба, испеченные въ соединеніи съ кровію и младенческимъ сердцемъ (1). Тоже самое и около этого же времени, по показанію Осипова, происходило въ Богословской пустыни, гдѣ сборищемъ заправляли строитель Димитрій Еѳимовъ и Кириллъ Алексѣевъ, и во многихъ другихъ мѣстахъ (2). Въ Чудовскомъ монастырѣ собранія хлыстовъ были возстановлены дѣятельными стараніями Варлаама просвирника и Варлаама іеромонаха, въ то время бывшаго только монахомъ. Послѣдній, какъ показалъ онъ на слѣдствіи 1745 года, убѣжавъ отъ слѣдствія 1733—1734 гг., поступилъ первоначально въ Богословскую пустынь; принявъ здѣсь монашество, онъ перешелъ въ Чудовъ монастырь и здѣсь въ сообществѣ съ просвирникомъ Варлаамомъ снова предался хлыстовскому ученію и участвовалъ въ двухъ сборищахъ, бывшихъ въ кельѣ просвирника Варлаама. По своему происхожденію іеромонахъ Варлаамъ былъ сынъ крестьянина дворцоваго села Измайлова, приселка Ивановскаго, московкой губерніи и уѣзда. Онъ былъ человѣкъ грамотный; въ секту хлыстовъ вступилъ приблизительно въ 1726 году и былъ увлеченъ въ нее монахомъ Чудова монастыря Іосафомъ. Не смотря, однако, на то, что Варлаамъ всецѣло принадлежалъ хлыстовщинѣ и былъ горячимъ распространителемъ ея, онъ, какъ мы уже видѣли, принялъ монашескій чинъ; впослѣдствіи, въ 1742 году, онъ былъ посвященъ воронежскимъ епископомъ Львомъ въ іеродіако-

---

(1) Пеликанъ, 119 стр.

(2) Тамъ же.

на, а въ 1744 году—въ іеромонаха—грузинскимъ епископомъ Іосифомъ. Въ 1745 году Варлаамъ вмѣстѣ съ другими хлыстами подпалъ подъ слѣдствіе, былъ нѣсколько разъ допрашиваемъ, но неизвѣстно, какова была его судьба послѣ слѣдствія (1). О двухъ сборищахъ въ кельѣ просвирника Варлаама, на которыхъ присутствовалъ самъ Варлаамъ, по отсутствію документовъ, можно сказать только то, что они, по свидѣтельству самого Варлаама, признавались „истинными и небогопротивными, но душеспасительными и бесѣдою тайною святыхъ отецъ“ (2). Участникомъ этихъ сборищъ, кромѣ двухъ Варлаамовъ, былъ еще Иванъ Башмашниковъ, игравшій роль пророка. На одномъ изъ этихъ сборищъ даже совершался торжественный „приводъ“ новаго прозелита (3). Такимъ образомъ, на основаніи этихъ скудныхъ свѣдѣній о состояніи хлыстовщины въ Чудовомъ монастырѣ можно отчасти полагать, что оно было цвѣтущимъ.

Говоря о лицахъ, окружавшихъ лжехриста Лупкина въ то время, когда послѣдній жилъ за Яузой, въ Таганкѣ, мы замѣтили, что Лупкинъ прочилъ въ преемника себѣ крестьянина Сергѣя Осипова. Желаніе и стремленіе Лупкина, однако, не осуществилось; Сергѣй Осиповъ не былъ признанъ московскими хлыстами за христа и не пользовался, поэтому, тѣмъ уваженіемъ и тою популярностію, какихъ домогался онъ самъ и чего желалъ его ближайшій покровитель—Лупкинъ. Причина этой неудачи заключалась въ томъ, что въ Москвѣ послѣ извѣстнаго слѣдствія о хлыстахъ 1733—1734 гг. выдвинулась изъ среды хлыстовъ личность, которая своею таинственною загадочностію и юродствомъ заинтересовала не только всѣхъ московскихъ хлыстовъ, но даже и не-хлыстовъ

---

(1) Прав. Обозр. 1862 г. № 8. 451—452 стр.

(2) Добротворскій. 23 стр.

(3) Прав. Обозр. 1862 г. № 8. 453 стр.

и притомъ знатныхъ по своему происхожденію. Этой-то таинственной личности и суждено было наслѣдовать Лупкину въ званіи христа, по крайней мѣрѣ, по единогласному воззрѣнію хлыстовъ. Это былъ неизвѣстный до сего времени крестьянинъ Андрей или Андреянъ Петровъ,—по мнѣнію г. Мельникова, изъ села Брасова, орловской губерніи, сѣвскаго уѣзда (1).

Можно предполагать, что Андреянъ Петровъ ознакомился съ ученіемъ и бытомъ хлыстовъ еще до слѣдствія 1733—1734 гг. Скрывшись отъ слѣдствія, онъ, спустя малое время послѣ 1734 года, выступилъ на сцену хлыстовской дѣятельности и уже въ 1740 году (2) въ его домѣ, находившемся у Сухаревой башни въ Москвѣ, происходили многолюдныя собранія хлыстовъ. Андреянъ Петровъ выступилъ на поприще своей дѣятельности съ новымъ, до этого времени не встрѣчавшимся у прежнихъ лжехристовъ тактомъ и направленіемъ: онъ принялъ на себя маску юродства, сдѣлался молчальникомъ и всегда что-то прозрѣвалъ въ будущемъ, т. е. онъ усвоилъ себѣ всѣ тѣ качества, которыя такъ дорого цѣнились людьми непосредственной, безотчетной вѣры и благочестія. Путь, избранный Андреяномъ Петровымъ, былъ самый удачный по своимъ послѣдствіямъ. Немного прошло времени, а объ Андреянѣ Петровѣ, какъ о „блаженномъ юродѣ“, „безъ словъ предсказывающемъ будущее“, заговорили уже многіе въ Москвѣ. Не только хлысты, но и не хлысты и изъ послѣднихъ не только люди простые, низкіе по происхожденію, но и люди, считавшіеся образованными, люди, далѣе, высокаго происхожденія, стали мало по малу стекаться къ дому у Сухаревой башни съ тѣмъ, чтобы увидѣть новаго „блаженнаго“ и получить отъ него предсказа-

(1) Рус. Вѣстн. 1869 г. № 5. 328 стр.

(2) По крайней мѣрѣ извѣстно, что въ 1740 году уже было собраніе хлыстовъ въ домѣ Андреяна Петрова. Это собраніе описано г. Реутскимъ. Изслѣд. его, 52 стр.

ніе. Княжна Дарья Хованская и Чаадаева, стремившіяся и тщетно искавшія „истинной вѣры", прослышавъ о существованіи какой-то таинственной вѣры, проповѣдуемой Андреяномъ Петровымъ, полюбопытствовали узнать о сущности послѣдней и съ этою цѣлію пріѣзжали въ домъ Андреяна Петрова. Хотя Андреяну Петрову самому лично не удалось совратить любопытствовавшихъ знатныхъ бырынь, такъ какъ, вѣроятно, онъ не обладалъ краснорѣчіемъ, увлекательностію и тактомъ убѣждать другихъ, но то, чего не могъ исполнить онъ самъ, то исполнили другіе. Хованская совращена была въ хлыстовскую секту крестьяниномъ села Ворсмы Иваномъ Чечеткинымъ, иначе Бѣлымъ, а Чаадаева строителемъ Богословской пустыни Димитріемъ (1). Съ другой стороны, слава объ Андреянѣ Петровѣ, какъ о прорицателѣ и о человѣкѣ святой жизни, пущенная между московскими жителями, отворила ему двери многихъ знатныхъ домовъ въ Москвѣ. Такъ, Андреянъ Петровъ имѣлъ входъ въ домъ графа Шереметьева, княгини Черкасской, графини Головкиной и др. и вездѣ въ нихъ былъ принимаемъ съ честію (2). Само собою понятно, уваженіе и почтеніе къ „блаженному" необходимо сопровождались разнаго рода вещественными дорогими подарками со стороны поклонниковъ Андреяна Петрова. Дѣйствительно, какъ обнаружила слѣдственная комиссія 1745 года, въ домѣ Андреяна Петрова найдено было много дорогихъ иконъ въ золотыхъ и серебряныхъ ризахъ и кіотахъ, множество фарфоровой и хрустальной посуды, ковры, ружья, масса разнаго рода платья, бѣлья и мн. др. (3). У Андреяна Петрова явились лошади, экипажи, человѣкъ десять прислуги; устройство самаго дома отли-

(1) Реутскій, 63—65 стр.

(2) Тамъ же, 42 стр.

(3) Тамъ же, 67 стр.

ніе. Княжна Дарья Хованская и Чаадаева, стремившіяся и тщетно искавшія „истинной вѣры“, прослышавъ о существованіи какой-то таинственной вѣры, проповѣдуемой Андреяномъ Петровымъ, полюбопытствовали узнать о сущности послѣдней и съ этою цѣлію пріѣзжали въ домъ Андреяна Петрова. Хотя Андреяну Петрову самому лично не удалось совратить любопытствовавшихъ знатныхъ барынь, такъ какъ, вѣроятно, онъ не обладалъ краснорѣчіемъ, увлекательностію и тактомъ убѣждать другихъ, но то, чего не могъ исполнить онъ самъ, то исполнили другіе. Хованская совращена была въ хлыстовскую секту крестьяниномъ села Ворсмы Иваномъ Чечеткинымъ, иначе Бѣлымъ, а Чаадаева строителемъ Богословской пустыни Димитріемъ (1). Съ другой стороны, слава объ Андреянѣ Петровѣ, какъ о прорицателѣ и о человѣкѣ святой жизни, пущенная между московскими жителями, отворила ему двери многихъ знатныхъ домовъ въ Москвѣ. Такъ, Андреянъ Петровъ имѣлъ входъ въ домъ графа Шереметьева, княгини Черкасской, графини Головкиной и др. и вездѣ въ нихъ былъ принимаемъ съ честію (2). Само собою понятно, уваженіе и почтеніе къ „блаженному“ необходимо сопровождались разнаго рода вещественными дорогими подарками со стороны поклонниковъ Андреяна Петрова. Дѣйствительно, какъ обнаружила слѣдственная комиссія 1745 года, въ домѣ Андреяна Петрова найдено было много дорогихъ иконъ въ золотыхъ и серебряныхъ ризахъ и кіотахъ, множество фарфоровой и хрустальной посуды, ковры, ружья, масса разнаго рода платья, бѣлья и мн. др. (3). У Андреяна Петрова явились лошади, экипажи, человѣкъ десять прислуги; устройство самаго дома отли-

(1) Реутскій, 63—65 стр.

(2) Тамъ же, 42 стр.

(3) Тамъ же, 67 стр.

чалось роскошью и изяществомъ; стѣны одной комнаты были обиты богатыми для того времени обоями фабрики Затрапезнаго (1) и проч. Такимъ образомъ, благодаря страсти къ диковинкамъ, юродамъ и блаженнымъ, знатные московскіе люди того времени, сами того не зная и не вѣдая, созидали за Сухаревой башней хлыстовскій „божій домъ", „новый Іерусалимъ" и основывали одинъ изъ главнѣйшихъ тогдашнихъ хлыстовскихъ кораблей.

Значеніе Андреяна Петрова въ исторіи хлыстовской секты, безъ сомнѣнія, было велико. Благодаря его вліянію, хлыстовщина окончательно утвердилась въ Варсонофьевскомъ монастырѣ. Въ послѣднемъ почти всѣ, во главѣ съ игуменьей, перешли въ хлыстовщину; здѣсь же Андреянъ Петровъ пріобрѣлъ на собственныя деньги три кельи, которыя служили какъ бы центральными пунктами для всѣхъ прочихъ келій этого монастыря (2). Домъ Андреяна Петрова служилъ общимъ средоточіемъ, куда стекались всѣ московскіе хлысты и даже, какъ обнаружило слѣдствіе 1747 года, хлысты болѣе отдаленныхъ мѣстностей. Такъ, Григорій Артамоновъ, учитель и пророкъ Ѳеодоровскаго Переяславль-залѣсскаго монастыря, нерѣдко бывалъ на собраніяхъ Андреяна Петрова (3). Во время всѣхъ собраній, происходившихъ въ домѣ Андреяна Петрова, послѣдній всегда сохранялъ первенство и принималъ торжественно божескія почести отъ своихъ послѣдователей.

Такимъ образомъ, можно положительно сказать, что благодаря энергической дѣятельности главныхъ агитаторовъ хлыстовской секты: Фролова, строителя Димитрія, двухъ Варлаамовъ и въ особенности благодаря дѣятельности Андреяна Петрова, къ 1740 году

---

(1) Реутскій, 42 стр. Рус. Вѣстн. 1869 г. № 5. 328 стр.

(2) Реутскій, 43—44 стр.

(3) Пеликанъ. 116—117 стр.

хлысты успѣли возстановить въ Москвѣ порядокъ, нарушенный слѣдствіемъ 1733—1734 годовъ. Хлысты теперь предались своему ученію и въ особенности пропагандѣ этого ученія, а также неистовымъ кружеміямъ, еще съ бо́льшимъ азартомъ и фанатизмомъ. Въ данное время до 1745 года хлыстовщина, кромѣ извѣстныхъ намъ осьми монастырей, куда она проникла при предшествовавшихъ двухъ лжехристахъ, охватила пять новыхъ монастырей московскихъ и подмосковныхъ, именно: Егорьевскій, Рождественскій, Страстной, Николаевскій и Перервинскій. Хлыстовщина даже успѣла найти послѣдователей себѣ въ средѣ бѣлаго духовенства; такъ, извѣстны приверженцы ея: свящ. Петръ Васильевъ съ семействомъ и пономарь Казанскаго собора Димитрій Еѳимовъ (1). Очевидно, такимъ образомъ, что корень для развитія и распространенія хлыстовщины остался нетронутымъ при производствѣ слѣдствія о хлыстахъ 1733—1734 гг.; хлыстовщина, не смотря на то, что она подверглась страшнымъ гоненіямъ, преслѣдованіямъ и многіе хлысты подверглись ссылкамъ и даже казнямъ, продолжала развиваться, увеличиваться болѣе и болѣе въ своемъ числѣ. Были, конечно, причины, которыя способствовали произрастанію этого самого по себѣ дикаго и сумасброднаго ученія съ неменѣе дикимъ и сумасбродным культомъ. Кромѣ общихъ причинъ, которыя могутъ быть приводимы въ объясненіе этого вопроса, т. е. невѣжества, которое всегда было присуще русскому народу, не исключая, конечно, большинства монашествующихъ, и нѣкоторой, далѣе, привлекательности богослужебнаго культа хлыстовщины, такъ нравящагося человѣку неразвитому и склонному къ разнаго рода духовной экзальтаціи и видѣніямъ, въ данномъ случаѣ вопросъ этотъ имѣетъ болѣе ближайшее объясненіе и, именно, въ той слѣпой, фанатической привязанности многихъ хлыстовъ этого вре-

(1) Реутскій, 44 стр.

мени къ своему ученію и культу, которая такъ рельефно выразилась во взглядѣ ихъ на своихъ братьевъ и сестеръ по сектѣ, подвергшихся въ 1733—1734 гг. разнаго рода наказаніямъ. „Всѣхъ согласниковъ своихъ, говорилъ о себѣ Сергѣй Осиповъ на слѣдствіи 1747 года, которые по прежнимъ слѣдствіямъ были сосланы или казнены, онъ, Осиповъ, почиталъ за страдальцевъ и угодниковъ божіихъ“ (1). Тоже самое показывалъ о себѣ на слѣдствіи 1745 года и Варлаамъ Ѳедотовъ, который также сосланныхъ и казненныхъ хлыстовъ почиталъ „за святыхъ и мучениковъ“ (2). Казнь Настасьи Карповой глубоко врѣзалась въ память хлыстовъ, которые еще до сихъ поръ помнятъ „о страданіяхъ св. мученицы Настасьи Карповны“. Объ этихъ мнимыхъ страданіяхъ хлысты такъ поютъ:

„Ведутъ красную дѣвицу,
Свѣтъ Настасьюшку Карповну,
У ней ноженьки были скованы,
Очи ясныя платкомъ завязаны,
Ужъ ведутъ ее два полка солдатъ,
Къ тому дворцу государеву,
Къ государынѣ Аннѣ Ивановнѣ“....

Далѣе въ пѣснѣ излагается разговоръ Настасьи Карповой съ Анной Ивановной, сущность котораго состоитъ въ томъ, что государыня будто бы спросила у Настасьи: „которой вѣрѣ она вѣруетъ и которому Богу молится“? Спрошенная отвѣчала, что она тогда скажетъ про это, когда государыня „вышлетъ своихъ вѣрныхъ слугъ“. Анна Ивановна разгнѣвалась и приказала посадить грубіянку „въ темну темницу, подъ красное окошечко, что̀ на Неву рѣку“. Находясь здѣсь, продолжаетъ пѣсня, Настасья простила всѣхъ и каждаго, только „одну государыню Анну Ивановну не простила“. Клятва, положенная Настасьею на госу-

(1) Пеликанъ, 119 стр.

(2) Добротворскій, 22 стр.

дарыню, повѣствуютъ хлысты, исполнилась скоро. Отрубили голову Настасьѣ, а

„Чрезъ три дня померла непрощеная
Государыня Анна Ивановна,
Утроба у нея лопнула“ (1).

Всѣ эти и подобные имъ факты ясно свидѣтельствуютъ, что послѣдователи хлыстовской секты глубоко были убѣждены въ истинности проповѣдуемаго ими ученія и образа богомоленія. Отсюда, никакія ссылки и казни не въ состояніи были уничтожить секту въ ея корнѣ; ссылка и казнь однихъ хлыстовъ послужили сѣменемъ для появленія другихъ и притомъ болѣе фанатичныхъ. Дѣйствительно, какъ обнаружило слѣдствіе 1745—1752 гг., число хлыстовъ въ Москвѣ не только не ограничилось, но увеличилось въ три раза; на самомъ дѣлѣ, конечно, болѣе.

Процвѣтая и увеличиваясь въ числѣ въ самой Москвѣ, хлыстовщина въ данное время быстрыми шагами стала распространяться и въ другихъ губерніяхъ, ближайшихъ и отдаленныхъ. Распространителями хлыстовской секты въ этихъ мѣстностяхъ естественно были тѣ лица, которые вслѣдствіе страха наказаній покинули въ 1733—1734 гг. Москву и принуждены были искать себѣ осѣдлости болѣе спокойной и безопасной. Такимъ образомъ, послѣ слѣдствія о хлыстахъ въ 1733 — 1734 годахъ пропагандисты хлыстовской секты появляются въ нижегородской губерніи, куда убѣжали на время братья Семенъ и Игнатій Шигины и Иванъ Бѣлый или Чечеткинъ; они поселились въ горбатовскомъ уѣздѣ въ селахъ Павловѣ и Ворсмѣ (2). Далѣе, пропагандисты хлыстовской секты появляются въ ярославской губерніи. Здѣсь на поприщѣ распространенія хлыстовщины подвизался крестьянинъ Василій Соплинъ, родомъ

(1) Чтен. въ общ. ист..., 1872 г. 2. V. 43—44 стр.

(2) Полн. собр. зак. Рос. Импер. IX т. № 6,613. 391 стр.

изъ ярославскаго уѣзда, деревни Поздѣевки. Убѣжавъ изъ Москвы, гдѣ онъ жилъ до 1783 г., Соплинъ объявилъ себя христомъ и сталъ распространять хлыстовщину въ своей деревнѣ, а равно и въ ближайшихъ къ ней: Никольской, Данильцовой и т. д. Скоро, такимъ образомъ, въ ярославскомъ уѣздѣ образовался цѣлый корабль съ христомъ Соплинымъ и богородицей Афросиньей Ивановой во главѣ (1). Наконецъ, пропаганда хлыстовщины проникла и въ Петербургъ. Здѣсь распространялъ хлыстовщину московскій купецъ Иванъ Чуркинъ, который, убѣжавъ отъ слѣдствія и, прибывъ въ Петербургъ, завелъ сапожную мастерскую и, повидимому, даже отрекся отъ хлыстовскаго ученія, такъ какъ вступилъ въ законный бракъ. Скоро, однако, въ 1740 году, въ бытность по своимъ дѣламъ въ Москвѣ, Чуркинъ сошелся съ лжебогородицей Авдотьей Прокофьевной, которую и привезъ въ домъ въ Петербургъ. Бросивъ жену, Чуркинъ въ союзѣ съ Авдотьей Прокофьевной снова предался ученію хлыстовъ и сталъ распространять его между своими знакомыми и родными. Спустя малое время, у Чуркина образовался цѣлый корабль; къ нему принадлежали братъ Чуркина Герасимъ, жена, Алексѣй Ивановъ—работникъ мастерской Чуркина и др. Въ этомъ кораблѣ, какъ обнаружило слѣдствіе 1745—1752 гг., совершалось даже причащеніе тѣломъ и кровію младенцевъ. Такъ, перваго ребенка, рожденнаго женою Чуркина по вступленіи въ секту, онъ собственноручно закололъ и по хлыстовскому обычаю приготовилъ въ соединеніи съ кровію и сердцемъ младенца нѣсколько хлѣбовъ, которые и употреблялъ для причащенія своихъ согласниковъ (2).

Кромѣ трехъ названныхъ нами мѣстностей, гдѣ хлыстовщину распространяли московскіе выходцы-

---

(1) Реутскій, 48 стр.

(2) Тамъ же, 52 стр.

щуюся въ стѣнѣ церковной трапезы уничтожить, члены Синода передали исполненіе своего приговора Сенату (1). Сенатъ, согласно съ первой статьей Уложенія царя Алексѣя Михайловича о наказаніяхъ богохульниковъ, рѣшилъ: „закопанные въ московскомъ Ивановскомъ монастырѣ трупы богопротивныхъ ересеучителей и еретиковъ Прокопія Лупкина и Ивана Суслова, выкопавъ чрезъ палачей и, вывезши въ поле, учинить съ ними по указамъ“, т. е. вѣроятно сжечь и пепелъ развѣять по воздуху (2).

Въ то время, когда производилось слѣдствіе о могилахъ Суслова и Лупкина, другіе хлысты и въ другихъ мѣстахъ уже совершали свои радѣнія. Такъ было въ фроловскомъ домѣ за Яузой въ Рогожской части, въ Чудовомъ монастырѣ и въ Богословской пустыни. Сборища хлыстовъ въ домѣ Фролова были возстановлены, благодаря, съ одной стороны, дѣятельности Якова Фролова, а съ другой — дѣятельности Нестера Иванова и Андрея Касьянкова; къ этимъ лицамъ присоединился извѣстный уже намъ Сергѣй

---

(1) Собр. пост. по части раскола въ вѣдом. св. Синода. 1. 312—316 стр. См. въ Рус. Вѣстн. 1868 г. 5. 68 стр.

(2) Тамъ же, 360 стр. См. въ Рус. Вѣстн. 68 стр. — Г. Мельниковъ, по поводу открытія трупа въ домѣ Андреяна Петрова — христа людей божіихъ въ 1715 году, высказываетъ предположеніе, что этотъ трупъ былъ трупомъ Ивана Тимоѳеевича Суслова, похищенный хлыстами въ 1739 г., т. е. въ то время, когда его надлежало сжечь «по указамъ» (Рус. Вѣстн. 1869 г. № 5. 329 стр.). Г. Реутскій сомнѣвается въ истинности предположенія г. Мельникова и полагаетъ, поэтому, что трупъ, найденный въ домѣ Андреяна Петрова, былъ не Ивана Суслова, а кого-либо другаго (71 стр.). Дѣйствительно, нельзя не согласиться съ послѣднимъ мнѣніемъ, принимая во вниманіе значительную продолжительность времени, протекшаго отъ года смерти Суслова; Сусловъ умеръ, какъ извѣстно, въ 1716 году; слѣдов. къ 1745 году было уже 28 лѣтъ; трудно поэтому предположить, чтобы трупъ Суслова въ теченіи такого времени могъ сохраниться только съ нѣкоторыми поврежденіями. Итакъ, необходимо допустить, что трупъ Суслова вмѣстѣ съ трупомъ Лупкина былъ, дѣйствительно, сожженъ согласно съ распоряженіемъ Сената и это было исполнено въ 1739 году.

Осиповъ. Этотъ послѣдній въ своемъ показаніи, данномъ имъ въ 1747 году, между прочимъ, говоря о двухъ такихъ сборищахъ, происходившихъ въ домѣ Якова Фролова, сообщаетъ, что они происходили въ нарочно устроенномъ погребѣ и во время ихъ онъ раздавалъ согласникамъ только-что приготовленные имъ куски хлѣба, испеченные въ соединеніи съ кровію и младенческимъ сердцемъ (1). Тоже самое и около этого же времени, по показанію Осипова, происходило въ Богословской пустыни, гдѣ сборищемъ заправляли строитель Димитрій Ефимовъ и Кириллъ Алексѣевъ, и во многихъ другихъ мѣстахъ (2). Въ Чудовскомъ монастырѣ собранія хлыстовъ были возстановлены дѣятельными стараніями Варлаама просвирника и Варлаама іеромонаха, въ то время бывшаго только монахомъ. Послѣдній, какъ показалъ онъ на слѣдствіи 1745 года, убѣжавъ отъ слѣдствія 1733—1734 гг., поступилъ первоначально въ Богословскую пустынь; принявъ здѣсь монашество, онъ перешелъ въ Чудовъ монастырь и здѣсь въ сообществѣ съ просвирникомъ Варлаамомъ снова предался хлыстовскому ученію и участвовалъ въ двухъ сборищахъ, бывшихъ въ кельѣ просвирника Варлаама. По своему происхожденію іеромонахъ Варлаамъ былъ сынъ крестьянина дворцоваго села Измайлова, приселка Ивановскаго, московкой губерніи и уѣзда. Онъ былъ человѣкъ грамотный; въ секту хлыстовъ вступилъ приблизительно въ 1726 году и былъ увлеченъ въ нее монахомъ Чудова монастыря Іосафомъ. Не смотря, однако, на то, что Варлаамъ всецѣло принадлежалъ хлыстовщинѣ и былъ горячимъ распространителемъ ея, онъ, какъ мы уже видѣли, принялъ монашескій чинъ; впослѣдствіи, въ 1742 году, онъ былъ посвященъ воронежскимъ епископомъ Львомъ въ іеродіако-

(1) Пеликанъ, 119 стр.

(2) Тамъ же.

на, а въ 1744 году—въ іеромонаха—грузинскимъ епископомъ Іосифомъ. Въ 1745 году Варлаамъ вмѣстѣ съ другими хлыстами подпалъ подъ слѣдствіе, былъ нѣсколько разъ допрашиваемъ, но неизвѣстно, какова была его судьба послѣ слѣдствія (1). О двухъ сборищахъ въ кельѣ просвирника Варлаама, на которыхъ присутствовалъ самъ Варлаамъ, по отсутствію документовъ, можно сказать только то, что они, по свидѣтельству самого Варлаама, признавались „истинными и небогопротивными, но душеспасительными и бесѣдою тайною святыхъ отецъ“ (2). Участникомъ этихъ сборищъ, кромѣ двухъ Варлаамовъ, былъ еще Иванъ Башмашниковъ, игравшій роль пророка. На одномъ изъ этихъ сборищъ даже совершался торжественный „приводъ“ новаго прозелита (3). Такимъ образомъ, на основаніи этихъ скудныхъ свѣдѣній о состояніи хлыстовщины въ Чудовомъ монастырѣ можно отчасти полагать, что оно было цвѣтущимъ.

Говоря о лицахъ, окружавшихъ лжехриста Лупкина въ то время, когда послѣдній жилъ за Яузой, въ Таганкѣ, мы замѣтили, что Лупкинъ прочилъ въ преемника себѣ крестьянина Сергѣя Осипова. Желаніе и стремленіе Лупкина, однако, не осуществилось; Сергѣй Осиповъ не былъ признанъ московскими хлыстами за христа и не пользовался, поэтому, тѣмъ уваженіемъ и тою популярностію, какихъ домогался онъ самъ и чего желалъ его ближайшій покровитель—Лупкинъ. Причина этой неудачи заключалась въ томъ, что въ Москвѣ послѣ извѣстнаго слѣдствія о хлыстахъ 1733—1734 гг. выдвинулась изъ среды хлыстовъ личность, которая своею таинственною загадочностію и юродствомъ заинтересовала не только всѣхъ московскихъ хлыстовъ, но даже и не-хлыстовъ

---

(1) Прав. Обозр. 1862 г. № 8. 451—452 стр.

(2) Добротворскій. 23 стр.

(3) Прав. Обозр. 1862 г. № 8. 453 стр.

и притомъ знатныхъ по своему происхожденію. Этой-то таинственной личности и суждено было наслѣдовать Лупкину въ званіи христа, по крайней мѣрѣ, по единогласному воззрѣнію хлыстовъ. Это былъ неизвѣстный до сего времени крестьянинъ Андрей или Андреянъ Петровъ,—по мнѣнію г. Мельникова, изъ села Брасова, орловской губерніи, сѣвскаго уѣзда (1).

Можно предполагать, что Андреянъ Петровъ ознакомился съ ученіемъ и бытомъ хлыстовъ еще до слѣдствія 1733—1734 гг. Скрывшись отъ слѣдствія, онъ, спустя малое время послѣ 1734 года, выступилъ на сцену хлыстовской дѣятельности и уже въ 1740 году (2) въ его домѣ, находившемся у Сухаревой башни въ Москвѣ, происходили многолюдныя собранія хлыстовъ. Андреянъ Петровъ выступилъ на поприще своей дѣятельности съ новымъ, до этого времени не встрѣчавшимся у прежнихъ лжехристовъ тактомъ и направленіемъ: онъ принялъ на себя маску юродства, сдѣлался молчальникомъ и всегда что-то прозрѣвалъ въ будущемъ, т. е. онъ усвоилъ себѣ всѣ тѣ качества, которыя такъ дорого цѣнились людьми непосредственной, безотчетной вѣры и благочестія. Путь, избранный Андреяномъ Петровымъ, былъ самый удачный по своимъ послѣдствіямъ. Немного прошло времени, а объ Андреянѣ Петровѣ, какъ о „блаженномъ юродѣ“, „безъ словъ предсказывающемъ будущее“, заговорили уже многіе въ Москвѣ. Не только хлысты, но и не хлысты и изъ послѣднихъ не только люди простые, низкіе по происхожденію, но и люди, считавшіеся образованными, люди, далѣе, высокаго происхожденія, стали мало по малу стекаться къ дому у Сухаревой башни съ тѣмъ, чтобы увидѣть новаго „блаженнаго“ и получить отъ него предсказа-

---

(1) Рус. Вѣстн. 1869 г. № 5. 328 стр.

(2) По крайней мѣрѣ извѣстно, что въ 1740 году уже было собраніе хлыстовъ въ домѣ Андреяна Петрова. Это собраніе описано г. Реутскимъ. Изслѣд. его, 52 стр.

ніе. Княжна Дарья Хованская и Чаадаева, стремившіяся и тщетно искавшія „истинной вѣры“, прослышавъ о существованіи какой-то таинственной вѣры, проповѣдуемой Андреяномъ Петровымъ, полюбопытствовали узнать о сущности послѣдней и съ этою цѣлію пріѣзжали въ домъ Андреяна Петрова. Хотя Андреяну Петрову самому лично не удалось совратить любопытствовавшихъ знатныхъ бырынь, такъ какъ, вѣроятно, онъ не обладалъ краснорѣчіемъ, увлекательностію и тактомъ убѣждать другихъ, но то, чего не могъ исполнить онъ самъ, то исполнили другіе. Хованская совращена была въ хлыстовскую секту крестьяниномъ села Ворсмы Иваномъ Чечеткинымъ, иначе Бѣлымъ, а Чаадаева строителемъ Богословской пустыни Димитріемъ (1). Съ другой стороны, слава объ Андреянѣ Петровѣ, какъ о прорицателѣ и о человѣкѣ святой жизни, пущенная между московскими жителями, отворила ему двери многихъ знатныхъ домовъ въ Москвѣ. Такъ, Андреянъ Петровъ имѣлъ входъ въ домъ графа Шереметьева, княгини Черкасской, графини Головкиной и др. и вездѣ въ нихъ былъ принимаемъ съ честію (2). Само собою понятно, уваженіе и почтеніе къ „блаженному“ необходимо сопровождались разнаго рода вещественными дорогими подаркаии со стороны поклонниковъ Андреяна Петрова. Дѣйствительно, какъ обнаружила слѣдственная комиссія 1745 года, въ домѣ Андреяна Петрова найдено было много дорогихъ иконъ въ золотыхъ и серебряныхъ ризахъ и кіотахъ, множество фарфоровой и хрустальной посуды, ковры, ружья, масса разнаго рода платья, бѣлья и мн. др. (3). У Андреяна Петрова явились лошади, экипажи, человѣкъ десять прислуги; устройство самаго дома отли-

---

(1) Реутскій, 63—65 стр.

(2) Тамъ же, 42 стр.

(3) Тамъ же, 67 стр.

чалось роскошью и изяществомъ; стѣны одной комнаты были обиты богатыми для того времени обоями фабрики Затрапезнаго (1) и проч. Такимъ образомъ, благодаря страсти къ диковинкамъ, юродамъ и блаженнымъ, знатные московскіе люди того времени, сами того не зная и не вѣдая, созидали за Сухаревой башней хлыстовскій „божій домъ“, „новый Іерусалимъ“ и основывали одинъ изъ главнѣйшихъ тогдашнихъ хлыстовскихъ кораблей.

Значеніе Андреяна Петрова въ исторіи хлыстовской секты, безъ сомнѣнія, было велико. Благодаря его вліянію, хлыстовщина окончательно утвердилась въ Варсонофьевскомъ монастырѣ. Въ послѣднемъ почти всѣ, во главѣ съ игуменьей, перешли въ хлыстовщину; здѣсь же Андреянъ Петровъ пріобрѣлъ на собственныя деньги три кельи, которыя служили какъ бы центральными пунктами для всѣхъ прочихъ келій этого монастыря (2). Домъ Андреяна Петрова служилъ общимъ средоточіемъ, куда стекались всѣ московскіе хлысты и даже, какъ обнаружило слѣдствіе 1747 года, хлысты болѣе отдаленныхъ мѣстностей. Такъ, Григорій Артамоновъ, учитель и пророкъ Ѳеодоровскаго Переяславль-залѣсскаго монастыря, нерѣдко бывалъ на собраніяхъ Андреяна Петрова (3). Во время всѣхъ собраній, происходившихъ въ домѣ Андреяна Петрова, послѣдній всегда сохранялъ первенство и принималъ торжественно божескія почести отъ своихъ послѣдователей.

Такимъ образомъ, можно положительно сказать, что благодаря энергической дѣятельности главныхъ агитаторовъ хлыстовской секты: Фролова, строителя Димитрія, двухъ Варлаамовъ и въ особенности благодаря дѣятельности Андреяна Петрова, къ 1740 году

---

(1) Реутскій, 42 стр. Рус. Вѣстн. 1869 г. № 5. 328 стр.

(2) Реутскій, 43—44 стр.

(3) Пеликанъ. 116—117 стр.

хлысты успѣли возстановить въ Москвѣ порядокъ, нарушенный слѣдствіемъ 1733—1734 годовъ. Хлысты теперь предались своему ученію и въ особенности пропагандѣ этого ученія, а также неистовымъ кружеміямъ, еще съ бо́льшимъ азартомъ и фанатизмомъ. Въ данное время до 1745 года хлыстовщина, кромѣ извѣстныхъ намъ осьми монастырей, куда она проникла при предшествовавшихъ двухъ лжехристахъ, охватила пять новыхъ монастырей московскихъ и подмосковныхъ, именно: Егорьевскій, Рождественскій, Страстной, Николаевскій и Перервинскій. Хлыстовщина даже успѣла найти послѣдователей себѣ въ средѣ бѣлаго духовенства; такъ, извѣстны приверженцы ея: свящ. Петръ Васильевъ съ семействомъ и пономарь Казанскаго собора Димитрій Ефимовъ (1). Очевидно, такимъ образомъ, что корень для развитія и распространенія хлыстовщины остался нетронутымъ при производствѣ слѣдствія о хлыстахъ 1733—1734 гг.; хлыстовщина, не смотря на то, что она подверглась страшнымъ гоненіямъ, преслѣдованіямъ и многіе хлысты подверглись ссылкамъ и даже казнямъ, продолжала развиваться, увеличиваться болѣе и болѣе въ своемъ числѣ. Были, конечно, причины, которыя способствовали произрастанію этого самого по себѣ дикаго и сумасброднаго ученія съ неменѣе дикимъ и сумасбродным культомъ. Кромѣ общихъ причинъ, которыя могутъ быть приводимы въ объясненіе этого вопроса, т. е. невѣжества, которое всегда было присуще русскому народу, не исключая, конечно, большинства монашествующихъ, и нѣкоторой, далѣе, привлекательности богослужебнаго культа хлыстовщины, такъ нравящагося человѣку неразвитому и склонному къ разнаго рода духовной экзальтаціи и видѣніямъ, въ данномъ случаѣ вопросъ этотъ имѣетъ болѣе ближайшее объясненіе и, именно, въ той слѣпой, фанатической привязанности многихъ хлыстовъ этого вре-

(1) Реутскій, 44 стр.

мени къ своему ученію и культу, которая такъ рельефно выразилась во взглядѣ ихъ на своихъ братьевъ и сестеръ по сектѣ, подвергшихся въ 1733—1734 гг. разнаго рода наказаніямъ. „Всѣхъ согласниковъ своихъ, говорилъ о себѣ Сергѣй Осиповъ на слѣдствіи 1747 года, которые по прежнимъ слѣдствіямъ были сосланы или казнены, онъ, Осиповъ, почиталъ за страдальцевъ и угодниковъ божіихъ“ (1). Тоже самое показывалъ о себѣ на слѣдствіи 1745 года и Варлаамъ Ѳедотовъ, который также сосланныхъ и казненныхъ хлыстовъ почиталъ „за святыхъ и мучениковъ“ (2). Казнь Настасьи Карповой глубоко врѣзалась въ память хлыстовъ, которые еще до сихъ поръ помнятъ „о страданіяхъ св. мученицы Настасьи Карповны“. Объ этихъ мнимыхъ страданіяхъ хлысты такъ поютъ:

„Ведутъ красную дѣвицу,
Свѣтъ Настасьюшку Карповну,
У ней ноженьки были скованы,
Очи ясныя платкомъ завязаны,
Ужъ ведутъ ее два полка солдатъ,
Къ тому дворцу государеву,
Къ государынѣ Аннѣ Ивановнѣ“....

Далѣе въ пѣснѣ излагается разговоръ Настасьи Карповой съ Анной Ивановной, сущность котораго состоитъ въ томъ, что государыня будто бы спросила у Настасьи: „которой вѣрѣ она вѣруетъ и которому Богу молится“? Спрошенная отвѣчала, что она тогда скажетъ про это, когда государыня „вышлетъ своихъ вѣрныхъ слугъ“. Анна Ивановна разгнѣвалась и приказала посадить грубіянку „въ темну темницу, подъ красное окошечко, что̀ на Неву рѣку“. Находясь здѣсь, продолжаетъ пѣсня, Настасья простила всѣхъ и каждаго, только „одну государыню Анну Ивановну не простила“. Клятва, положенная Настасьею на госу-

(1) Пеликанъ, 119 стр.

(2) Добротворскій, 22 стр.

дарыню, повѣствуютъ хлысты, исполнилась скоро. Отрубили голову Настасьѣ, а

„Чрезъ три дня померла непрощеная
Государыня Анна Ивановна,
Утроба у нея лопнула“ (1).

Всѣ эти и подобные имъ факты ясно свидѣтельствуютъ, что послѣдователи хлыстовской секты глубоко были убѣждены въ истинности проповѣдуемаго ими ученія и образа богомоленія. Отсюда, никакія ссылки и казни не въ состояніи были уничтожить секту въ ея корнѣ; ссылка и казнь однихъ хлыстовъ послужили сѣменемъ для появленія другихъ и притомъ болѣе фанатичныхъ. Дѣйствительно, какъ обнаружило слѣдствіе 1745—1752 гг., число хлыстовъ въ Москвѣ не только не ограничилось, но увеличилось въ три раза; на самомъ дѣлѣ, конечно, болѣе.

Процвѣтая и увеличиваясь въ числѣ въ самой Москвѣ, хлыстовщина въ данное время быстрыми шагами стала распространяться и въ другихъ губерніяхъ, ближайшихъ и отдаленныхъ. Распространителями хлыстовской секты въ этихъ мѣстностяхъ естественно были тѣ лица, которые вслѣдствіе страха наказаній покинули въ 1733—1734 гг. Москву и принуждены были искать себѣ осѣдлости болѣе спокойной и безопасной. Такимъ образомъ, послѣ слѣдствія о хлыстахъ въ 1733 — 1734 годахъ пропагандисты хлыстовской секты появляются въ нижегородской губерніи, куда убѣжали на время братья Семенъ и Игнатій Шигины и Иванъ Бѣлый или Чечоткинъ; они поселились въ горбатовскомъ уѣздѣ въ селахъ Павловѣ и Ворсмѣ (2). Далѣе, пропагандисты хлыстовской секты появляются въ ярославской губерніи. Здѣсь на поприщѣ распространенія хлыстовщины подвизался крестьянинъ Василій Соплинъ, родомъ

(1) Чтен. въ общ. ист.... 1872 г. 2. V. 43—44 стр.

(2) Полн. собр. зак. Рос. Импер. IX т. № 6,613. 391 стр.

изъ ярославскаго уѣзда, деревни Поздѣевки. Убѣжавъ изъ Москвы, гдѣ онъ жилъ до 1733 г., Соплинъ объявилъ себя христомъ и сталъ распространять хлыстовщину въ своей деревнѣ, а равно и въ ближайшихъ къ ней: Никольской, Данильцовой и т. д. Скоро, такимъ образомъ, въ ярославскомъ уѣздѣ образовался цѣлый корабль съ христомъ Соплинымъ и богородицей Афросиньей Ивановой во главѣ (1). Наконецъ, пропаганда хлыстовщины проникла и въ Петербургъ. Здѣсь распространялъ хлыстовщину московскій купецъ Иванъ Чуркинъ, который, убѣжавъ отъ слѣдствія и, прибывъ въ Петербургъ, завелъ сапожную мастерскую и, повидимому, даже отрекся отъ хлыстовскаго ученія, такъ какъ вступилъ въ законный бракъ. Скоро, однако, въ 1740 году, въ бытность по своимъ дѣламъ въ Москвѣ, Чуркинъ сошелся съ лжебогородицей Авдотьей Прокофьевной, которую и привезъ въ домъ въ Петербургъ. Бросивъ жену, Чуркинъ въ союзѣ съ Авдотьей Прокофьевной снова предался ученію хлыстовъ и сталъ распространять его между своими знакомыми и родными. Спустя малое время, у Чуркина образовался цѣлый корабль; къ нему принадлежали братъ Чуркина Герасимъ, жена, Алексѣй Ивановъ—работникъ мастерской Чуркина и др. Въ этомъ кораблѣ, какъ обнаружило слѣдствіе 1745—1752 гг., совершалось даже причащеніе тѣломъ и кровію младенцевъ. Такъ, перваго ребенка, рожденнаго женою Чуркина по вступленіи въ секту, онъ собственноручно закололъ и по хлыстовскому обычаю приготовилъ въ соединеніи съ кровію и сердцемъ младенца нѣсколько хлѣбовъ, которые и употреблялъ для причащенія своихъ согласниковъ (2).

Кромѣ трехъ названныхъ нами мѣстностей, гдѣ хлыстовщину распространяли московскіе выходцы-

---

(1) Реутскій, 48 стр.

(2) Тамъ же, 52 стр.

хлысты. въ разсматриваемое нами время слѣды хлыстовской секты можно находить и въ другихъ губерніяхъ. Изъ представленной г. Реутскимъ топографической статистики лицъ, бывшихъ подъ слѣдствіемъ 1745—1752 гг., очевидно, что въ то время хлыстовщина была распространена въ большемъ или меньшемъ количествѣ еще въ восьми губерніяхъ. Такъ, послѣдователи хлыстовской секты были въ губерніяхъ: московской, гдѣ въ одномъ московскомъ уѣздѣ были заражены хлыстовщиной 29 селеній; далѣе, они были во владимірской губерніи, въ уѣздахъ владимірскомъ и переяславль-залѣсскомъ; въ костромской—въ уѣздахъ галичскомъ и костромскомъ; въ рязанской—въ уѣздахъ—зарайскомъ и пронскомъ; въ тверской—въ уѣздахъ кашинскомъ и калязинскомъ; въ симбирской—въ алатырскомъ; въ пензенской—въ сарайскомъ и въ вологодской—въ вологодскомъ уѣздѣ (1). Нѣтъ, конечно, сомнѣнія въ томъ, что во всѣ эти восемь губерній хлыстовщина проникла ранѣе 1745 года. т. е. ранѣе времени оффиціальнаго о ней извѣстія. Трудно и даже невозможно опредѣлить, по отсутствію оффиціальныхъ свидѣтельствъ, когда именно и откуда хлыстовщина проникла въ большинство изъ этихъ губерній. Во всякомъ случаѣ, фактъ существованія хлыстовской секты въ этихъ восьми губерніяхъ, равно какъ и въ трехъ вышеназванныхъ, имѣетъ весьма важное значеніе для пониманія исторіи хлыстовской секты. Этотъ фактъ свидѣтельствуетъ о необыкновенной живучести хлыстовщины и о ея способности къ распространенію. И можно предполагать, что въ періодъ времени отъ 1734—1745 гг. зараза хлыстовской ереси охватила значительную часть Россіи, прочно утвердилась въ ней и сдѣлалась неистощимымъ источникомъ, изъ котораго она развивалась по ближайшимъ и отдаленнымъ мѣстностямъ.

---

(1) Реутскій. Приложенія. 181—182 стр.

Внутреннему и внѣшнему благосостоянію хлыстовскихъ кораблей не суждено было, однако, продолжаться долго. Въ 1745 году надъ хлыстами разразилась новая буря. Виновникомъ послѣдней на этотъ разъ былъ извѣстный сыщикъ и разбойникъ XVIII столѣтія Ванька Каинъ или Иванъ Осиповъ Каинъ, сынъ крестьянина, ростовскаго уѣзда, села Иванова. Однажды, говорится въ „исторіи Ивана Каина", попадается Каину безчувственно пьяная женщина. Послѣдняя, подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, сказываетъ за собою „важное дѣло" и Каинъ ее арестуетъ. Протрезвившись, женщина объявила о себѣ, что она купеческая жена Ѳедосья Яковлева, и что ей извѣстны нѣкоторые еретики, „которые часто собираются для исполненія беззаконныхъ дѣлъ въ одномъ домѣ и творятъ богомерзкое служеніе лжехристу Андрюшкѣ, который притворяетъ себя нѣмымъ и ходитъ по улицамъ лѣтомъ и зимою босой и въ одной рубашкѣ и потому многіе почитаютъ его за святаго". Каинъ взялъ отъ купчихи письменную объ этомъ записку, своеручно ею составленную и запечатанную, и въ тотъ же день отнесъ ее къ совѣтнику тайной канцеляріи Казаринову (1). Казариновъ, посовѣтовавшись предварительно съ Левашевымъ, управлявшимъ тогда Москвой, на другой день отправился вмѣстѣ съ секретаремъ тайной канцеляріи въ домъ Каина. Взявши съ собою изъ этого дома Ѳедосью Яковлеву, оба они поѣхали на Покровскую улицу и здѣсь, при помощи военной команды, успѣли арестовать Григорія Сапожникова, котораго тутъ же и отправили въ „Стукаловъ монастырь", т. е. въ тайную канцелярію (2). Поднятый на дыбу, Сапожниковъ указалъ тайной канцеляріи до 20-ти домовъ хлыстовскихъ, къ которымъ сейчасъ были приставлены караулы. На другой день въ Таганкѣ аре-

(1) Прав. Обозр. 1862 г. № 8. 447 стр.

(2) Древ. и Нов. Россія. 1876 г. III. № 11. 235 стр.

стовали купца Якова Фролова и его малолѣтняго сына; сына Каинъ взялъ съ собою, а отца его вмѣстѣ съ прочими, арестованными въ этомъ домѣ, онъ отправилъ въ тотъ же „Стукаловъ монастырь“ (1). Каинъ по своимъ соображеніямъ сталъ допрашивать юнаго Фролова: „гдѣ живетъ Андрюшка нѣмой и съ кѣмъ онъ говоритъ“? Фроловъ признался, что „онъ (Андрюшка) со всѣми тѣми говоритъ, которые имѣютъ съ нимъ въ дѣлахъ его согласіе, а живетъ онъ за Сухаревою башнею“ (2). Посланные для арестованія Андрюшки узнали, что послѣдній въ сообществѣ съ капитаномъ Смурыгинымъ уѣхалъ въ Петербургъ по своимъ дѣламъ. Снаряжена была поэтому скорая погоня за Андрюшкой, которая настигла его въ Петербургѣ. Привезши его и его товарищей въ Москву, перваго, по словамъ Каина, посадили въ „немшоную баню“, т. е. вѣроятно въ пыточную избу. — „Въ немшоной банѣ“ Андрюшку взвѣшивали, „а сколько вѣсу въ немъ оказалось, того знать было мнѣ не можно“, замѣчаетъ авторъ исторіи Ивана Каина (3). „Вѣсу“, дѣйствительно, оказалось очень много. Сначала Андрюшка или Андреянъ Петровъ вздумалъ было разыграть знакомую ему роль нѣмаго, „но силою кнута отверзлись притворныя нѣмыя его уста и онъ принужденъ былъ во всѣхъ своихъ мерзкихъ и богопротивныхъ дѣлахъ принесть повиновеніе“ (4). Въ этомъ своемъ „повиновеніи“ Андреянъ Петровъ признался, что „молчальничество и святость онъ напустилъ на себя, чтобы морочить своихъ покровителей, что пророчества его были обманомъ, придуманнымъ для укрѣпленія въ хлыстахъ вѣры въ мнимую святость и божественность ихъ сборищъ“. Вмѣстѣ съ этимъ при-

(1) Древ. и Нов. Россія. 1876 г. Ш. № 11. 236 стр.
(2) Прав. Обозр. 1862 г. № 8. 449 стр.
(3) Древ. и Нов. Россія. 1876 г. Ш. № 11. 236 стр.
(4) Прав. Обозр. 1862 г. № 8. 449 стр.

знаніемъ Андреянъ Петровъ указалъ на главныхъ учителей и пророковъ хлыстовскихъ, какъ то: на Сергѣя и Димитрія Осиповыхъ, на Бѣлаго или Чечеткина, на строителя Димитрія и другихъ, разсказавъ многое изъ жизни, полной безнравственными дѣяніями, этихъ мнимыхъ угодниковъ божіихъ" (1).

„Для вѣрнѣйшаго изслѣдованія" о вновь открытой „богомерзкой квакерской ереси", или „о тайной бесѣдѣ свв. отцовъ", была учреждена въ Москвѣ особая слѣдственная комиссія, состоявшая изъ совѣтника кн. Шаховскаго, архимандритовъ Гавріила и Лаврентія, ассесоровъ Гренкова и Сытина и находившаяся подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, Сената и св. Синода (2). Правительство еще разъ должно было убѣдиться, что прежнія преслѣдованія не достигли вполнѣ цѣли: перемѣнились мѣста и члены собраній, но зло было такъ же велико по объему, какъ и прежде, если не болѣе. Къ слѣдствію было отыскано въ разное время и изъ разныхъ мѣстъ 416 человѣкъ (3). Въ этомъ числѣ были два священника, одинъ діаконъ, три причетника, два іеромонаха—чудовскій Варлаамъ Ѳедотовъ и Троицко-Сергіевой лавры Меѳодій Лукьяновскій, одинъ іеродіаконъ, одинъ строитель Богословской пустыни Димитрій, два монаха, 25-ть старицъ и бѣлицъ Ивановскаго монастыря, 26-ть старицъ и

(1) Реутскій, 69 стр.

(2) Тамъ же, 67—68 стр. ср. Прав. Обозр. 1862 г. № 8. 451 стр.

(3) Такъ полагаетъ г. Реутскій и, кажется, ошибочно. По крайней мѣрѣ, извѣстно, что при разслѣдованіи хлыстовской ереси въ переяславль-залѣсскихъ монастыряхъ и въ селѣ Преображенскомъ открыто было и привлечено къ слѣдствію 254 человѣка (Судебно-медиц. изслѣд. скопчества. Пеликана. 115 стр.). Мы не имѣемъ возможности положительно сказать, всѣ ли эти лица не были извѣстны г. Реутскому, или только нѣкоторые. То, однако, не подлежитъ сомнѣнію, что ему не были извѣстны хлыстовки Ѳеодоровскаго и Князь-Андреева монастыря, какъ это видно изъ его топографич. статистики (187—189). Такимъ обр., привлеченныхъ къ слѣдствію было гораздо болѣе 416 человѣкъ.

бѣлицъ Варсонофьевскаго монастыря во главѣ съ игуменьею Иринархою Михайловою, 5-ть старицъ Никитскаго монастыря, одна старица Рождественскаго монастыря и др. (1). Мѣстъ, т. е. городовъ, селъ и деревень, изъ которыхъ розыскная полиція брала послѣдователей хлыстовской секты, г. Реуткій въ своей „топографической статистикѣ лицъ, бывшихъ подъ слѣдствіемъ въ 1745—1752 гг.“, насчитываетъ 72 (2). Очевидно, что розыскная полиція дѣйствовала въ отысканіи еретиковъ энергично; но нѣтъ сомнѣнія, что она не только не всѣхъ ихъ отыскала (къ слѣдствію не было отыскано 167 человѣкъ оговоренныхъ), но не могла узнать о всѣхъ мѣстахъ, гдѣ хлыстовщина дѣйствительно существовала.

Изъ множества эпизодовъ, безъ сомнѣнія, бывшихъ въ это громадное слѣдствіе, мы имѣемъ возможность разсказать здѣсь одинъ, довольно наглядно характеризующій современное состояніе хлыстовъ. Въ 1747 году слѣдственная комиссія при обыскѣ дома замочника Евдокима Никифорова въ селѣ Преображенскомъ нашла, между прочимъ, вещи, возбудившія сильное подозрѣніе у слѣдователей, именно: три креста осьмиконечныхъ, изъ которыхъ два были мѣдные, а третій кипарисовый. Въ послѣднемъ, при осмотрѣ его, оказались выдолбленныя два небольшія углубленія съ задвижечками; въ этихъ углубленіяхъ найдены были какія-то крошки завернутыя въ бумажные и камчатые мѣшечки. Произведено было немедленно медицинское освидѣтельствованіе этихъ крошекъ, къ чему были приглашены докторъ Иванъ Багній, аптекарь Либольдъ и три лѣкаря. Экспертиза произведена была чрезъ горячую воду и чрезъ микроскопъ. По этой экспертизѣ оказалось, что крошки, завернутыя въ нѣсколько мѣшечковъ, были частями тѣла, „а ка-

(1) Реутскій, Приложенія. 187—189 стр.

(2) Тамъ же, 183—186 стр.

кихъ частей и каковаго оныя части тѣла признать невозможно", говорили эксперты; при этомъ, въ двухъ мѣшечкахъ найдены были крошки костей, но чьихъ—тоже, по словамъ экспертовъ, „признать невозможно". Евдокимъ Никифоровъ, въ домѣ котораго найдены были всѣ эти мѣшечки съ подозрительнымъ веществомъ, отказался опредѣлить происхожденіе этихъ крошекъ, ихъ употребленіе и значеніе, говоря, что мѣшечки съ крошками принадлежатъ учителю хлыстовъ Григорію Артамонову. Послѣдній, находившійся въ это время въ домѣ Никифорова, тотчасъ былъ арестованъ и приведенъ въ комиссію; на вопросы комиссіи онъ не сталъ отвѣчать, притворяясь нѣмымъ. Скоро, однако, стало извѣстнымъ, какого происхожденія были крошки и кто такой былъ самъ Григорій Артамоновъ.

Въ то время, когда происходилъ обыскъ въ домѣ Никифорова въ селѣ Преображенскомъ, такой же обыскъ, сопровождавшійся арестомъ, происходилъ въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ въ женскихъ монастыряхъ Князь-Андреевомъ и Ѳеодоровскомъ. Въ первомъ изъ нихъ подверглись розыску кельи старицъ Максимиллы и Акулины; въ этихъ кельяхъ были найдены: утвержденные на косыхъ дубовыхъ деревьяхъ два ножа каменные, ядро, зашитое въ холстину и вѣсившее восемь фунтовъ, желѣзное ядро, зашитое въ другую холстину и вѣсившее девять фунтовъ. На слѣдствіи выяснилось, что этими ножами „при богопротивныхъ злодѣяніяхъ и собраніяхъ" хлысты обыкновенно „рубились, а ядрами бились", чему доказательствомъ служили—съ одной стороны—раны, найденныя на тѣлѣ старицъ Максимиллы и Акулины, а съ другой—на ножахъ, ихъ рукояткахъ и на холстинѣ, въ которую зашиты были ядра, были видны признаки крови. Изъ Ѳеодоровскаго монастыря взята была для допроса дѣвка Лукерья Васильева, проживавшая въ этомъ монастырѣ. Эта послѣдняя, хотя первоначально и отказывалась открыть всю истину, однако, не вы-

терпѣвши подъема на дыбу, открыла, что „послѣ производимыхъ на ихъ сборищахъ богопротивныхъ злодѣяній, чинили мужескъ полъ съ женскимъ плотское совокупленіе и рождаемыхъ младенцевъ учитель ихъ Григорій Артамоновъ крестилъ“ (особымъ порядкомъ)....., другой же „учитель ихъ Савелій Прокофьевъ (умре), по наученію Артамонова, кололъ въ груди и разрѣзывалъ брюхо и кровь изъ нихъ испускалъ въ судно, и выжимали сердца, а тѣла зарывали въ кельяхъ и въ сѣняхъ ихъ въ землю“.... „И отъ онаго плотскаго совокупленія и она, Лукерья, одного младенца женскаго полу родила и употребленъ былъ объявленнымъ образомъ..... Дѣвки Елена и Марья (также проживавшія въ Ѳеодоровскомъ монастырѣ) тоже родили младенцевъ, которые и были окрещены, а спустя двѣ недѣли, по повелѣнію Артамонова и другаго учителя Савелья Прокофьева, заколоты, сердца вынуты, кровь выпущена, а тѣла зарыты въ землю“ (1).

Такимъ образомъ, не оставалось сомнѣнія, что крошки, найденныя въ домѣ Никифорова, были частички младенческаго тѣла, крови и костей. Не оставалось также сомнѣнія, что виновникомъ всѣхъ этихъ гнусныхъ убійствъ былъ Григорій Артамоновъ. Вслѣдствіе этого, послѣдняго подвергли новымъ розыскамъ „презельнымъ“. При первыхъ двухъ розыскахъ онъ только кричалъ, а „головою и языкомъ чинилъ якобы нѣмъ“. Однако, третьяго розыска не вытерпѣлъ и призналъ себя виновнымъ въ убійствѣ нѣсколькихъ дѣтей, отрицая при этомъ свое учительское званіе. Въ октябрѣ того же 1747-го г. подвергли розыску старицу Максимиллу и дѣвку Ѳеклу Владимірову. Эти послѣднія признали себя виновными въ блудодѣяніи и указали лицъ, съ которыми они совершали его; Максимилла указала на Григорія Артамонова, а Ѳек-

(1) Пеликанъ, 116 стр.

ла на монаха Ефрема. Артамоновъ, однако, упорно отказывался признать себя виновнымъ въ преступленіи, взводимомъ на него Максимиллою, не смотря на то, что онъ снова былъ нѣсколько разъ розыскиваемъ и поднимаемъ на дыбу. При этихъ новыхъ розыскахъ Артамоновъ признался, что онъ былъ на собраніяхъ въ Москвѣ у чудовскаго просвирника Варлаама, у придворнаго юрода Андреяна, у Якова Фролова, въ Варсонофьевскомъ монастырѣ и проч. Такимъ образомъ, дѣло объ Артамоновѣ и о проживавшихъ въ Ѳеодоровскомъ и Князь-Андреевскомъ монастыряхъ видимо разросталось, увеличивалось болѣе и болѣе въ числѣ лицъ, причастныхъ къ этому дѣлу. Не имѣя возможности, по отсутствію подробныхъ оффиціальныхъ свѣдѣній, изложить весь ходъ этого дѣла и указать важнѣйшія характеристическія черты его, мы перенесемся прямо въ переяславль-залѣсскій Князь-Андреевъ монастырь.

Въ протоколѣ св. Синода отъ 4 декабря 1747 г., между прочимъ, въ третьемъ пунктѣ было изображено: „рождаемыхъ младенцевъ, гдѣ и при комъ изъ учителей, кто изъ нихъ, заколали, и подъ чьими кельями и подъ сѣнями и чѣмъ зарывали“ (1)? Въ исполненіе этого требованія слѣдственная комиссія отправила въ Князь-Андреевъ монастырь капитана Антона Обретина съ командою съ тѣмъ, чтобы онъ произвелъ осмотръ келій подозрѣваемыхъ личностей. Въ своемъ рапортѣ Обретинъ писалъ, что „по обыску его кости нашлись въ кельѣ у старицы Варсонофіи, да дѣвки Алены Петровой, подъ поломъ въ землѣ, а въ сѣняхъ кельи Варсонофьевой и въ погребу костей и тѣла не нашелъ“ (2). Кости, представленныя Обретинымъ въ комиссію, были отправлены ею въ медицинскую контору для освидѣтельствованія. Эксперты—Багній, докторъ

(1) Пеликанъ, 117 стр.

(2) Тамъ же, 119 стр.

терпѣвши подъема на дыбу, открыла, что „послѣ производимыхъ на ихъ сборищахъ богопротивныхъ злодѣяній, чинили мужескъ полъ съ женскимъ плотское совокупленіе и рождаемыхъ младенцевъ учитель ихъ Григорій Артамоновъ крестилъ“ (особымъ порядкомъ)....., другой же „учитель ихъ Савелій Прокофьевъ (умре), по наученію Артамонова, кололъ въ груди и разрѣзывалъ брюхо и кровь изъ нихъ испускалъ въ судно, и выжимали сердца, а тѣла зарывали въ кельяхъ и въ сѣняхъ ихъ въ землю“.... „И отъ онаго плотскаго совокупленія и она, Лукерья, одного младенца женскаго полу родила и употребленъ былъ объявленнымъ образомъ..... Дѣвки Елена и Марья (также проживавшія въ Ѳеодоровскомъ монастырѣ) тоже родили младенцевъ, которые и были окрещены, а спустя двѣ недѣли, по повелѣнію Артамонова и другаго учителя Савелья Прокофьева, заколоты, сердца вынуты, кровь выпущена, а тѣла зарыты въ землю“ (1).

Такимъ образомъ, не оставалось сомнѣнія, что крошки, найденныя въ домѣ Никифорова, были частички младенческаго тѣла, крови и костей. Не оставалось также сомнѣнія, что виновникомъ всѣхъ этихъ гнусныхъ убійствъ былъ Григорій Артамоновъ. Вслѣдствіе этого, послѣдняго подвергли новымъ розыскамъ „презельнымъ“. При первыхъ двухъ розыскахъ онъ только кричалъ, а „головою и языкомъ чинилъ якобы нѣмъ“. Однако, третьяго розыска не вытерпѣлъ и призналъ себя виновнымъ въ убійствѣ нѣсколькихъ дѣтей, отрицая при этомъ свое учительское званіе. Въ октябрѣ того же 1747-го г. подвергли розыску старицу Максимиллу и дѣвку Ѳеклу Владимірову. Эти послѣднія признали себя виновными въ блудодѣяніи и указали лицъ, съ которыми они совершали его; Максимилла указала на Григорія Артамонова, а Ѳек-

(1) Пеликанъ, 116 стр.

ла на монаха Ефрема. Артамоновъ, однако, упорно отказывался признать себя виновнымъ въ преступленіи, взводимомъ на него Максимиллою, не смотря на то, что онъ снова былъ нѣсколько разъ розыскиваемъ и поднимаемъ на дыбу. При этихъ новыхъ розыскахъ Артамоновъ признался, что онъ былъ на собраніяхъ въ Москвѣ у чудовскаго просвирника Варлаама, у придворнаго юрода Андреяна, у Якова Фролова, въ Варсонофьевскомъ монастырѣ и проч. Такимъ образомъ, дѣло объ Артамоновѣ и о проживавшихъ въ Ѳеодоровскомъ и Князь-Андреевскомъ монастыряхъ видимо разросталось, увеличивалось болѣе и болѣе въ числѣ лицъ, причастныхъ къ этому дѣлу. Не имѣя возможности, по отсутствію подробныхъ оффиціальныхъ свѣдѣній, изложить весь ходъ этого дѣла и указать важнѣйшія характеристическія черты его, мы перенесемся прямо въ переяславль-залѣсскій Князь-Андреевъ монастырь.

Въ протоколѣ св. Синода отъ 4 декабря 1747 г., между прочимъ, въ третьемъ пунктѣ было изображено: „рождаемыхъ младенцевъ, гдѣ и при комъ изъ учителей, кто изъ нихъ, заколали, и подъ чьими кельями и подъ сѣнями и чѣмъ зарывали“ (1)? Въ исполненіе этого требованія слѣдственная комиссія отправила въ Князь-Андреевъ монастырь капитана Антона Обретина съ командою съ тѣмъ, чтобы онъ произвелъ осмотръ келій подозрѣваемыхъ личностей. Въ своемъ рапортѣ Обретинъ писалъ, что „по обыску его кости нашлись въ кельѣ у старицы Варсонофіи, да дѣвки Алены Петровой, подъ поломъ въ землѣ, а въ сѣняхъ кельи Варсонофьевой и въ погребу костей и тѣла не нашелъ“ (2). Кости, представленныя Обретинымъ въ комиссію, были отправлены ею въ медицинскую контору для освидѣтельствованія. Эксперты—Багній, докторъ

(1) Пеликанъ, 117 стр.

(2) Тамъ же, 119 стр.

Грегора и два лѣкаря показали, что кости всѣ—звѣрскія, а не человѣческія, „а какія звѣрскія—признать невозможно, ибо оныя всѣ застарѣлыя и переломанныя". Св. Синодъ видимо былъ недоволенъ дѣйствіями комиссіи—съ одной стороны—медленностію и проволочкою возникшаго дѣла, а съ другой—многими важными опущеніями, допущенными при обыскѣ келій Князь-Андреева монастыря и несоблюденіемъ нѣкоторыхъ формальностей. Въ своемъ указѣ отъ 22 августа 1748 года слѣдственной комиссіи св. Синодъ писалъ: „если слѣдствопроизвожденіе паче чаянія и понынѣ не окончено, окончить въ самой скорости.... А чего ради, по отпускѣ означеннаго въ найденныхъ младенческихъ костяхъ и о прочемъ въ св. Синодъ доношенія понынѣ, чему пройде время близъ уже полугода, о томъ, что по слѣдствію оказалось, не рапортовано, и на означенномъ посланномъ для осмотру младенческихъ тѣлесъ офицерѣ, что онъ вышеобъявленнаго одного младенческаго тѣла, кое по разспросу разстриги Матрены зарыто было на церковномъ кладбищѣ подлѣ гробу ея тетки Мареы Ивановой, не осматривано, не взыскивано, и о примѣчаніи земли (не была ли она прежде кѣмъ когда рушена), гдѣ младенческія тѣлеса были зарыты и звѣрскія кости были найдены, на письмѣ объясненія не взято и все то упущено безъ всякаго слѣдствія". Далѣе, говорится въ указѣ, „вмѣсто одного съ командою офицера слѣдовало бы послать въ Переяславль, по важности секрета, отъ переяславльской духовной консисторіи какого достойнаго мужа изъ архимандритовъ или другихъ духовныхъ чрезъ промеморіи, но и то весьма упущено.... и такъ отъ той комиссіи поступлено крайне-жъ неосмотрительно" (1). 30-го августа того же года комиссія представила уже подробный отвѣтъ Синоду. Въ своемъ рапортѣ она, между прочимъ, писала, что

(1) Пеликанъ. 119 стр.

младенческое тѣло, зарытое на кладбищѣ, потому не осматривалось офицеромъ, что „оно оказалось послѣ его посылки, какъ онъ уже возвратился въ комиссію"; далѣе, „примѣчанія земли" не производилось потому, что это обстоятельство, равно какъ необходимость приглашенія достойнаго мужа изъ переяславльской духовной консисторіи, „не пришло въ разсужденіе комиссіи". Однако, чтобы удовлетворить требованію Синода комиссія командировала въ Переяславль-Залѣсскій новаго оберъ-офицера съ тѣмъ, чтобы послѣдній „обще съ духовною персоною" изъ переяславской духовной консисторіи отыскалъ зарытое на кладбищѣ младенческое тѣло, а равно и тѣло зарытое въ кельѣ старицы Варсонофіи въ сѣняхъ. Ни того, ни другаго тѣла оберъ-офицеръ не нашелъ; не было имъ примѣчено и того, чтобы около могилы старицы Максимиллы было какое-либо подозрительное поврежденіе. Этимъ и окончились разслѣдованія комиссіи о тѣлахъ младенцевъ. Вслѣдъ за этимъ, уже въ іюлѣ 1749 года, комиссія опредѣлила подвергнуть медицинскому освидѣтельствованію дѣвственность Лукерьи Васильевой. Васильева оказалась недѣвственною, но, по ея словамъ, она „учинила блудное грѣхопаденіе съ пастухомъ Иваномъ Григорьевымъ въ селѣ Усольѣ", а не во время „богопротивныхъ сборищъ", какъ она показывала прежде и что вообще „все, что она показывала на себя и на другихъ, показывала не стерпя подъема на дыбу и убоясь страху"....
Вслѣдствіе этого, Васильева, равно какъ и двѣ другія дѣвки Марья Ѳедорова и Ѳекла Владимірова, по опредѣленію комиссіи, были переданы духовному суду. Впрочемъ Сенатъ измѣнилъ это рѣшеніе комиссіи. Подвергши предварительно всѣхъ виновныхъ дѣвокъ трехкратной пыткѣ, Сенатъ опредѣлилъ сослать ихъ въ дальнія монастыри „въ тягчайшую работу вѣчно". Это было 22 ноября 1749 года (1). Артамо-

(1) Великанъ, 120—121 стр.

новъ, главный виновникъ всѣхъ описанныхъ преступленій, умеръ до окончанія слѣдствія.

Къ іюню 1752 года было окончено наконецъ слѣдствіе „о квакерской ереси". По приговору суда, лжеучители и лжепророки въ числѣ 34-хъ человѣкъ и лжеучительницы въ числѣ 28-ми, по наказаніи кнутомъ, сосланы были въ тяжкую работу, первые въ Рогервикъ, а вторыя на суконныя фабрики. Прочіе согласники или отправлены были въ дальніе монастыри, или въ тяжкую работу, или же препровождены были въ прежнее мѣстожительство (1). Понятно, что и въ этомъ случаѣ судебные розыски, пытки и ссылки многихъ послѣдователей хлыстовской секты не могли ограничить быстро развивавшагося зла. Хлыстовщина продолжала распространяться, охватывая собою одну за другою губерніи. Религіозно-нравственныя безобразія ея увеличивались неимовѣрно въ своемъ количествѣ. Послѣдователи ея съ такимъ же и даже большимъ фанатизмомъ и остервененіемъ предавались убійству невинныхъ младенцевъ съ цѣлію добыть истинное причащеніе—„самое тѣло и кровь христову", по выраженію Артамонова и Прокофьева (2). Съ неменьшимъ неистовствомъ они предавались грубому безграничному разврату, кощунственно называя его „христовою любовію". — Между тѣмъ, около семидесятыхъ годовъ прошлаго XVIII ст. на окраинахъ нынѣшней орловской губерніи обнаружилось реформаторское движеніе, имѣвшее цѣлію улучшеніе нравственнаго быта погибавшихъ хлыстовъ. Результатомъ этой реформы было появленіе въ средѣ хлыстовъ скопчества. Появившись въ орловской губерніи, скопчество мало по малу стало охватывать одну за другою губерніи. Вслѣдствіе этого, хлыстовщина какъ бы съузилась въ своемъ объ-

(1) Реутскій, 71—72 стр.

(2) Пеликанъ, 116 стр.

емѣ и стала непримѣтною. Правительство даже какъ бы игнорировало секту хлыстовъ. Неудивительно поэтому, что исторія хлыстовской секты съ этого времени прерывается; мы имѣемъ только нѣкоторые эпизоды, относящіеся къ XIX столѣтію, но ни болѣе. Изложеніе этихъ эпизодовъ составитъ содержаніе слѣдующей заключительной главы исторіи хлыстовской секты.

III.

1752—1880 гг.

Въ Москвѣ, не смотря на страшное преслѣдованіе, которому подверглись хлысты въ 1752 году, они не исчезали. Даже въ первой половинѣ XIX ст. существованіе ихъ не прекращалось. Такъ, хлысты послѣдовательно были открыты полиціею въ 1838 г. (1) и въ 1845 г. Въ послѣдній разъ обнаруженъ былъ божій домъ, до сихъ поръ неизвѣстный правительству, съ потаеннымъ при немъ священнымъ колодцемъ. Въ этомъ домѣ отобранъ былъ у хлыстовъ столъ, который они называли „престоломъ“ и считали святынею потому, что за нимъ бесѣдовали главный богъ ихъ Данило Филипповичъ, сынъ божій Иванъ Тимоѳеевичъ и ихъ матери (2).

Въ тамбовской губерніи и, именно, въ селѣ Перевозѣ, кирсановскаго уѣзда, въ началѣ нынѣшняго столѣтія появился христосъ хлыстовъ крестьянинъ Аввакумъ Ивановичъ Копыловъ. Копыловъ былъ вдовъ, велъ строгій, какъ передаютъ его послѣдователи, образъ жизни, умѣлъ читать церковную печать. Будучи отъ природы аскетомъ и ханжею, онъ жилъ постоянно въ уединенной комнатѣ, гдѣ предавался раз-

---

(1) Ист. Мин. вн. дѣлъ. Варадинова. VIII т. 435 стр.

(2) Тамъ же, 504 стр.

наго рода видѣніямъ и галлюцинаціямъ. Однажды, говорили послѣдователи Копылова, онъ послѣ сорокодневнаго поста былъ взятъ двумя ангелами на седьмое небо живымъ; здѣсь, бесѣдуя съ Богомъ лицемъ къ лицу, онъ получилъ повелѣніе отъ Него доходить по книгамъ о томъ, какъ избавиться грѣха и спасать душу, а потомъ научить этому и ближнихъ своихъ. Копыловъ, дѣйствительно, остался вѣренъ этому мнимому повелѣнію. Вообразивъ себя христомъ, сыномъ божіимъ, Копыловъ образовалъ около себя небольшое общество своихъ послѣдователей, нашелъ богородицу въ лицѣ крестьянки села Перевоза Татьяны Черносвистовой и началъ свою проповѣдь о спасеніи людей. Проповѣдь эта была совершенно въ хлыстовскомъ духѣ. Спустя почти двадцать лѣтъ послѣ видѣнія, бывшаго Копылову, слухъ о проповѣдуемомъ имъ и его богородицею ученіи дошелъ до начальства. Вслѣдствіе этого, Копылова и его спутницу вызвали къ слѣдствію и такъ какъ они не обнаружили никакихъ признаковъ раскаянія въ своемъ заблужденіи, но напротивъ упорствовали въ немъ, то ихъ отправили въ кирсановскій тюремный замокъ, гдѣ Копыловъ и умеръ; спутница же его была отправлена на поселеніе. Дѣятельность Копылова продолжали съ успѣхомъ его сынъ Филиппъ и работникъ Перфилъ Кутасоновъ. Оба они сначала дѣйствовали вмѣстѣ, но вскорѣ Кутасоновъ, желая сдѣлаться главою особаго общества, завелъ съ Филиппомъ Копыловымъ споръ о какихъ-то правилахъ своей вѣры и отдѣлился отъ послѣдняго. Такимъ образомъ, въ Павловѣ явилось два корабля. Въ первомъ главою былъ Филиппъ Копыловъ съ лжебогородицею Татьяною Хованскою; во второмъ же Перфилъ Кутасоновъ съ лжебогородицею Лукерьею Камбаровой и съ лжепророкомъ Ефимомъ Кузьминымъ. Оба эти корабля съ успѣхомъ стали распространять хлыстовщину, которая появилась теперь въ борисоглѣбскомъ уѣздѣ, тамбовской губерніи, и въ бузулукскомъ—са-

марской. Такимъ образомъ, дѣло, начатое Аввакумомъ Копыловымъ, нашло себѣ ревностныхъ исполнителей. Послѣдователи Аввакума существовали въ 1851 году, когда производилось слѣдствіе о нихъ Набоковымъ (1).

Въ рязанской губерніи въ царствованіе Екатерины II хлыстовщину распространялъ крестьянинъ села Карина Артемій Игнатовъ. Онъ выдавалъ себя за пророка, посланнаго изъ Москвы Духомъ Св. въ древнее княжество рязанское для проповѣди истиннаго „божества". Мѣстомъ дѣятельности Артемія Игнатова былъ зарайскій уѣздъ. Впослѣдствіи, родной братъ Артемія Сергѣй Игнатовъ распространилъ хлыстовщину еще въ двухъ уѣздахъ рязанской губерніи: въ михайловскомъ и рязанскомъ; кромѣ того, онъ пріобрѣлъ себѣ послѣдователей даже въ тульской губерніи. Но особенно быстро хлыстовщина стала распространяться въ царствованіе Александра I. Около 30-хъ годовъ послѣдовало открытіе полиціею хлыстовскаго корабля въ селѣ Каринѣ; вмѣстѣ съ прочими сектантами взятъ былъ подъ судъ и самъ кормщикъ корабля Никита Силантьевъ. Не смотря, однако, на преслѣдованіе со стороны мѣстныхъ властей, хлысты въ рязанской губерніи нисколько не убывали въ своемъ числѣ. Напротивъ, въ томъ же зарайскомъ уѣздѣ, гдѣ былъ открытъ хлыстовскій корабль, хлыстовщина въ періодъ времени отъ 1841 по 1851 гг. находилась въ цвѣтущемъ состояніи, какъ можно видѣть изъ разсказовъ Преображенцева (2). Она существовала въ предѣлахъ рязанской губерніи и въ 60-хъ годахъ (3), существуетъ, вѣроятно, и теперь.

Въ калужской губерніи хлыстовщина, несомнѣнно занесенная сюда еще въ XVIII стол., сдѣлалась

---

(1) Рус. Вѣстн. 1869 г. № 3. 351—354 стр.

(2) Тул. Еп. Вѣд. 1868 г. № 6. 196—197 стр. и № 7. 230—232 и 235 стр. Ист. Мин. вн. дѣлъ. VIII т. 365—366 стр.

(3) Ист. стат. опис. рязан. губ. Барановича. 286 стр.

извѣстною духовному начальству въ 1802 году. Между послѣдователями ея оказались: священникъ села Князь-Иванова Константинъ Ивановъ и пономарь тогоже села Петръ Семеновъ. Бывшій въ то время епископъ калужскій Ѳеофилактъ указомъ предписалъ благочинному, священнику Іоанну Симеонову „всеприлежнѣйше, какъ только возможно будетъ, дойти до открытія доносимаго и о послѣдующемъ немедленно репортовать". Такъ какъ самъ благочинный по отдаленности отъ села Князь-Иванова не могъ выполнить возложеннаго на него порученія, то онъ, вѣроятно съ согласія преосвященнаго, поручилъ исполненіе этого дѣла священнику села Забѣльни Ивану Сергѣеву. Послѣднему повелѣвалось „благоразумнымъ образомъ войти съ священникомъ Константиномъ Ивановымъ въ тѣсное обращеніе, и, развѣдавъ чрезъ то до точности заблужденіе онаго священника и пономаря, немедленно извѣстить о всемъ". Выборъ былъ удачный: Сергѣевъ скоро сблизился съ Константиномъ Ивановымъ и даже сдѣлался какъ бы его домашнимъ человѣкомъ. Однако, главной цѣли своего хитраго знакомства онъ, по его словамъ, не открывалъ „седьмь мѣсяцевъ и болѣе"; только убѣдившись совершенно въ искреннемъ и дружескомъ расположеніи къ себѣ свящ. Иванова, онъ началъ заводить съ нимъ рѣчь о религіи. Скоро для свящ. Сергѣева сдѣлалось ясно, что его сослуживецъ, свящ. Ивановъ, дѣйствительно зараженъ хлыстовскимъ ученіемъ. Склоняясь, повидимому, на его сторону, свящ. Сергѣевъ достигъ того, что былъ даже принятъ въ общество хлыстовъ съ предварительнымъ выполненіемъ всѣхъ обрядовъ хлыстовскаго чинопріема. Съ этого времени онъ вошелъ въ тѣсное и ближайшее сношеніе со всѣми хлыстами села Князь-Иванова, а равно и съ хлыстами другихъ селъ; онъ участвовалъ въ богослужебныхъ собраніяхъ хлыстовъ, даже совершалъ радѣнія и пѣлъ „роспѣвцы". Здѣсь же, въ Князь-Ивановѣ, свящ. Сергѣевъ познакомился съ скопцами, отъ

которыхъ узналъ о существованіи „царя и искупителя“ Селиванова, проживавшаго въ это время въ Петербургѣ. Съ Селивановымъ онъ даже имѣлъ переписку. Достаточно изучивъ ученіе и культъ хлыстовъ, свящ. Сергѣевъ въ 1809 году представилъ чрезъ своего архіерея въ св. Синодъ составленную имъ записку о хлыстахъ. Эта записка, о которой мы уже говорили выше, носитъ оглавленіе: „Изъясненіе раскола, именуемаго хлыстовщина или христовщина“; къ запискѣ онъ приложилъ еще 7-мь хлыстовскихъ пѣсенъ. Обвиненные въ ереси: свящ. Константинъ Ивановъ, пономарь Петръ Семеновъ и другіе заточены были въ монастыри; впрочемъ, отсюда они скоро были освобождены и свящ. Ивановъ даже получилъ мѣсто пономаря въ селѣ Вишняковѣ, изъ котораго онъ, спустя нѣкоторое время, убѣжалъ и снова сдѣлался послѣдователемъ хлыстовской секты (1).

Въ костромской губерніи дѣятельно пропагандировала хлыстовщину Ульяна Васильева. Родомъ она была изъ деревни Старой, костромской губерніи, и принадлежала къ числу дальнихъ родственницъ Данилы Филиппова. Это послѣднее обстоятельство особенно возвысило Ульяну Васильеву въ глазахъ хлыстовъ. Хлысты боготворили ее и считали праведницею. Сознавая свое божественное происхожденіе, Васильева съ замѣчательнымъ искусствомъ пользовалась своимъ положеніемъ и поддерживала высокое мнѣніе о себѣ. Къ ней стекались хлысты со всѣхъ сторонъ Россіи на поклоненіе и всегда приносили богатые подарки. Выѣзды ея на собранія въ Москву и другія мѣста считались особенною милостію и счастіемъ. Благодаря вліянію на массу и собственному богатству, она имѣла большія связи съ значительными лицами въ Костромѣ. Такъ она привлекла въ свою секту одного священника Алексѣя Дороѳеева, села Бо-

(1) Кал. Еп. Вѣд. 1871 г. № 2. 41—42 стр. и 46 стр.; Чтен. въ общ. ист... 1873 г. 1. V. 30—31; 35—38 стр.

лотова, костромской губерніи. Онъ, по словамъ Арнольди, держалъ у себя разъѣздныхъ лошадей и постоянно ѣздилъ на ночныя собранія хлыстовъ къ Ульянѣ Васильевой. Его жена и сестры также принадлежали къ хлыстовской сектѣ (1). Въ 1838 году, въ бытность въ Москвѣ, Ульяна Васильева, схваченная вмѣстѣ съ другими хлыстами, была отправлена въ Кіево-Фроловскій монастырь на увѣщаніе. Оттуда она была отпущена въ деревню Старую вслѣдствіе притворнаго раскаянія, принесеннаго ею начальству (2). Прибывъ въ свою деревню, она по прежнему вошла въ знакомую ей роль богородицы, ѣздила часто въ Кострому и нерѣдко бывала въ самой Москвѣ, вездѣ принимая божескія почести. Вслѣдствіе этого ее снова схватили и отправили вторично въ монастырь въ 1847 году; здѣсь, вѣроятно, она умерла (3).—Съ удаленіемъ Ульяны Васильевой хлыстовщина въ костромской губерніи не исчезла. Оффиціально извѣстно, что здѣсь хлысты существовали даже въ 1861 году. Главною богородицею у нихъ считалась дѣвка Александра, проживавшая въ Богословской слободѣ, близъ Судиславля, въ приходѣ села Баранъ (4).

Въ самарской губерніи и именно въ селѣ Дубовомъ Уметѣ, самарскаго уѣзда, хлысты подъ именемъ монтанъ были открыты въ 1835 году. По произведенному слѣдствію оказалось, что распространителемъ секты въ этомъ селѣ былъ переселенецъ изъ села Ичиксовъ, алатырскаго уѣзда, симбирской губерніи, крестьянинъ Василій Бѣлопортковъ; онъ же распространилъ хлыстовщину и въ другихъ сосѣднихъ селахъ и даже въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Николаевскаго

(1) Изъ дневн. Арнольди. Сборн. Кельсіева. II. 16 стр.

(2) Ист. Мин. вн. дѣлъ. VIII т. 435—436 стр.

(3) Тамъ же. 620 стр. и Сбор. Кельсіева. II. 132 стр.

(4) Ист. стат. опис. костром. губ. Ірживолоцкаго. 1861 г. 437 стр.

уѣзда. Бѣлопорткову много помогалъ другой крестьянинъ симбирской губерніи Василій Никифоровъ Щегловъ, извѣстный также подъ именемъ „Никифорыга“ и называвшій себя „христомъ“. Въ 1860 и 1868 годахъ хлысты самарской губерніи снова подверглись судебному преслѣдованію. По послѣднему надъ ними судебному слѣдствію оказалось, что въ одномъ Дубовомъ Уметѣ были заражены хлыстовскою ересью 35 семействъ (1).

Въ воронежской губерніи въ сороковыхъ годахъ распространялъ хлыстовщину крестьянинъ Александръ Рудя. Мѣстомъ его пребыванія была слобода Красная. По разсказу самого Руди, онъ познакомился съ ученіемъ хлыстовъ читая какую-то книгу, которую ему далъ какой-то монахъ при встрѣчѣ съ нимъ. Изъ этой книги, говорилъ Рудя на судѣ, „я узналъ много прелестей о сектѣ хлыстовъ“ и впослѣдствіи съ большимъ рвеніемъ сталъ читать книги и пѣть псалмы. Нѣсколько позже, ученикъ и послѣдователь Руди „Микитка Блаженный“ съ успѣхомъ дѣйствовалъ при распространеніи хлыстовской ереси въ другой слободѣ — Алферовкѣ. Онъ сначала пріютился у такъ назыв. „черничекъ“, которыя, принявъ его ученіе предоставили въ его пользу свои кельи. Въ 1857 году „Микитка Блаженный“ былъ схваченъ мѣстными властями и посаженъ въ тюрьму (2).

Въ нижегородской губерніи хлыстовщина жила до послѣдняго времени съ пророкомъ Радаевымъ и другими людьми божіими. Такіе пророки, какъ Радаевъ, смѣло проповѣдывали свое ученіе не только среди народа, но покушались не разъ обратить на путь своей вѣры самихъ православныхъ священниковъ, какъ напр. Минервина и Коронатова, съ которыми вступали и лично и письменно въ диспуты и кото-

(1) Сам. Еп. Вѣд. 1870 г. № 16. 376—378 стр.; Сборн. Кельсіева. II вып. 83—84 стр.

(2) Вор. Еп. Вѣд. 1871 г. № 17. 728—737

рыхъ не разъ публично убѣждали отстать отъ православной вѣры (1).

Во владимірской губерніи существованіе секты хлыстовъ было обнаружено въ 1867 году. Въ этомъ году во владимірской палатѣ уголовнаго и гражданскаго суда разбиралось дѣло о хлыстовской богородицѣ Акулинѣ Тимоѳеевнѣ. Акулина Тимоѳеевна—крестьянская дѣвка изъ деревни Лубенковой, владимірскаго уѣзда. Помощникомъ ея былъ крестьянинъ той же деревни Иванъ Вуколовъ, изображавшій собою ап. Петра. Онъ былъ сынъ зажиточнаго отца и обѣщалъ своимъ родителямъ хорошаго хозяина и семьянина, но, увлекшись ученіемъ хлыстовъ, бросилъ хозяйство, началъ ходить лѣтомъ и зимою босикомъ и издавать странные звуки. Значеніе Вуколова въ средѣ хлыстовъ было большое; безъ него не совершалось ни одного собранія хлыстовъ (2).

Наконецъ, какъ писали въ 1879 г. въ „Голосѣ“, въ Донской области „развитіе хлыстовщины“ приняло „довольно крупные размѣры“. Секта эта появилась тамъ недавно и число ея прозелитовъ, въ теченіи какихъ нибудь полутора года, успѣло достигнуть болѣе ста человѣкъ (3).

---

(1) Правосл. Соб. 1860 г. Дек. 407. 409 стр.

(2) Орлов. Еп. Вѣд. 1867 г. № 22. 1692 стр.

(3) Тул. Еп. Вѣд. 1879 г. № 19. 175 стр.

В.

ИСТОРІЯ СЕКТЫ СКОПЦОВЪ.

1) Исторія скопчества вообще.

Скопчество по времени своего происхожденія весьма древне. Языческая миѳологія напр. возводитъ существованіе фактовъ оскопленія еще къ тому времени, когда царствовали боги. По ея свидѣтельству, Веста, недовольная властолюбіемъ своего супруга Урана, подговорила своихъ дѣтей возстать противъ него и вручила младшему сыну своему Сатурну серпъ, которымъ онъ оскопилъ отца и потомъ сдѣлался властелиномъ вселенной (1). Какъ бы въ отмщеніе за такой безчеловѣчный поступокъ, Сатурнъ впослѣдствіи и самъ былъ оскопленъ своимъ сыномъ Юпитеромъ (2). Съ другой стороны, преданія народовъ, перешедшія затѣмъ въ исторію, также говорятъ о значительной давности обычая оскопленій между людьми. По мнѣнію напр. нѣкоторыхъ ученыхъ, основывающемуся на свидѣтельствѣ римскаго историка IV в. Амміана Марцеллина, скопчество существовало будто бы еще во времена Семирамиды, царицы ассирійской, которая первая ввела евнуховъ (3). О Навуходоносорѣ, царѣ вавилонскомъ (604—568 гг.), существовало въ народѣ преданіе, что будто-бы онъ повелѣвалъ оскоплять всѣхъ военноплѣнныхъ для того, чтобы не имѣть въ числѣ своихъ домашнихъ слугъ ни-

(1) Apollodorus. libr. 1. init. См. у Пеликана, 3 стр.

(2) Natalis Comes, Mythol. libr. II. p. т. 86. См.

(3) Пеликанъ, 3 стр.

кого, кромѣ евнуховъ (1). Наконецъ, въ пользу предположенія о древности скопчества говоритъ и положительное историческое свидѣтельство Библіи. Изъ нея извѣстно, что скопчество существовало еще во времена Моисея. Къ такому положенію приводитъ насъ одно мѣсто изъ книги Второзаконія, гдѣ говорится: *„да не входитъ каженикъ и скопецъ въ сонмъ Господень“* (XXIII, 1).

Если невозможно опредѣлить съ точностію время появленія обычая оскопленій, то также невозможно опредѣлить и народъ, среди котораго онъ въ первый разъ сталъ извѣстнымъ. По мнѣнію однихъ, родиной скопчества должно считать Ассирію, по мнѣнію другихъ—Персію, по инымъ—Ефіопію и т. д.; словомъ, существуетъ множество предположеній и каждое изъ нихъ противорѣчитъ другому. Достовѣрно, впрочемъ, одно, что у всѣхъ почти исторически-извѣстныхъ народовъ древняго востока скопчество, подъ особеннымъ терминомъ „евнушества“, существовало какъ явленіе законное и вполнѣ нормальное. Скопчество существовало у египтянъ, у персовъ, вавилонянъ, ассиріянъ, іудеевъ, мидянъ и т. д. Отъ этихъ народовъ евнушество перешло и къ грекамъ. У послѣднихъ появились даже особые спекуляторы, которые обратили евнуховъ въ предметъ выгодной торговли: они скупали невольниковъ и, оскопивъ ихъ, продавали затѣмъ въ гаремы азіатцевъ (2). Можно думать, что многоженство, существовавшее у всѣхъ почти восточныхъ народовъ, было главною и ближайшею причиною, которая вызвала къ бытію скопчество и которая главнымъ образомъ и болѣе всего поддерживала и питала его. Самое слово „евнухъ“, указываетъ, кажется, именно на такой источникъ происхожденія скопчества. Слово „евнухъ“, очевидно,

---

(1) Joseph. Ant. Jud. lib. 10. c. 16.

(2) Пеликанъ, 3—4 стр.

греческое и происходитъ отъ двухъ словъ: εὐνὴ—брачное ложе и ἔχειν—имѣть и означаетъ, такимъ образомъ, человѣка, имѣющаго въ своемъ вѣдѣніи или охраненіи брачное ложе (¹). Но изъ исторіи извѣстно, что евнухи и употреблялись только съ этою цѣлію, какъ лица не возбуждавшія противъ себя никакихъ сомнѣній со стороны обладателей гаремовъ. Сообразно посту, который занимали евнухи по довѣрію своихъ господъ, требовалось, чтобы евнухъ былъ совершенно лишенъ всѣхъ наружныхъ признаковъ, отличающихъ полъ мужчины отъ пола женщинъ; впрочемъ, требованіе это не было общимъ правиломъ и весьма часто допускались къ этой должности лица съ сохраненіемъ нѣкотораго наружнаго признака, отличающаго ихъ отъ женщинъ.

Кромѣ скопцовъ или евнуховъ, имѣвшихъ спеціальное назначеніе быть охранителями живыхъ сокровищъ, у народовъ древняго востока, безъ сомнѣнія, существовали скопцы и другихъ категорій. Извѣстно, что у египтянъ, по свидѣтельству Діодора сицилійскаго, существовалъ законъ, по которому преступленіе должно быть искупаемо тою частію тѣла, которая его совершила — per quod quis peccat, per idem punitur et item; поэтому, за изнасилованіе женщины, равно какъ за педерастію и другія подобныя преступленія полагалось оскопленіе виновнаго. Тоже

(¹) Впрочемъ, существуютъ и другія объясненія слова «евнухъ». Такъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, евнухъ происходитъ отъ греческихъ словъ: *εὖ νοῦν ἔλειν* и значитъ «разумный», такъ какъ актъ совокупленія иногда понимали какъ дѣйствіе неразумное. Другіе производятъ это слово отъ εὖνις—лишенный и ὀχέυειν—совокупляться. Нужно при этомъ также замѣтить, что кромѣ своего буквальнаго, этимологическаго значенія, слово «евнухъ» имѣло въ древнемъ мірѣ еще другое значеніе и означало извѣстный титулъ, присвоиваемый сильнымъ, могущественнымъ вельможамъ, которые не были оскоплены. Такъ, въ священномъ писаніи упоминается объ евнухѣ Пентефріѣ, купившемъ Іосифа, который былъ начальникомъ тѣлохранителей Фараона, имѣлъ жену, конечно, не былъ скопцомъ (Быт. 41, 45).

самое существовало и въ Персіи (1). Нерѣдко также случалось, что сами скопцы или евнухи, достигали силы и вліянія въ общественномъ положеніи, и въ отмщеніе своимъ оскопителямъ, оскопляли послѣднихъ. По разсказу Геродота, евнухъ Ксеркса Гермотимъ, отыскавъ своего оскопителя, велѣлъ прежде самому ему оскопить своихъ взрослыхъ четырехъ сыновей, а потомъ этимъ несчастнымъ—совершить тоже самое надъ ихъ преступнымъ отцемъ (2). Востокъ, наконецъ, представляетъ намъ даже примѣры самооскопителей и притомъ, что особенно важно, изъ-за религіозно-нравственныхъ, повидимому, мотивовъ. Такъ, въ Сиріи существовалъ особый культъ въ честь богини Цибеллы, учрежденный, по преданію, Атисомъ, оскопленнымъ самою богинею за то, что онъ влюбился въ нее. Жрецы этой богини, называвшіеся почему-то „галлами", предъ своимъ избраніемъ въ эту должность обязывались собственноручно совершить надъ собою операцію оскопленія. Ампутированныя части они обыкновенно полагали на алтарь и потомъ, снявъ ихъ, бѣжали въ городъ, гдѣ бросали ихъ женщинамъ и тѣ, которыя удостоивались получить подобные подарки, обязаны были снабдить будущихъ жрецовъ полнымъ женскимъ одѣяніемъ, такъ какъ послѣ кастраціи, кандидаты навсегда облекались въ женское платье (3). Этотъ культъ мало по малу пріобрѣлъ большое распространеніе между народами востока и впослѣдствіи перешелъ даже въ Грецію и Римъ. Въ Греціи жрецы Цибеллы, кромѣ названія „галловъ", носили еще и другое — „коривантовъ", т. е. головотрясовъ; названіе, какъ очевидно, дано вслѣдствіе извѣстныхъ конвульсивныхъ движеній, которыми сопровождали

---

(1) Целикань, 11 стр.

(2) Herod. VIII. 105 стр.

(3) Исторія религій и тайн. религ. обществъ др. и нов. міра. 4 т. 277, 282—283 стр.

они свои богослужебные обряды. Въ Римѣ обязательно оскоплялся только одинъ верховный жрецъ (1).

Съ началомъ христіанства скопчество не только не ограничилось въ своихъ размѣрахъ, но даже въ нѣкоторые періоды его оно, повидимому, превосходило количество несчастныхъ жертвъ, бывшихъ у народовъ восточныхъ. Притомъ, въ христіанскій періодъ мы видимъ примѣры оскопленій по самымъ разнообразнымъ мотивамъ и побужденіямъ, что хотя и существовало въ древнемъ языческомъ мірѣ, но не представлялось такъ яснымъ и раздѣльнымъ, какъ тоже самое представляется въ періодъ христіанскій.

Мысль, несовсѣмъ ясно выраженная въ миѳѣ объ оскопленіи Атиса Цибеллою и въ учрежденіи первымъ особаго по характеру культа въ честь своей богини, впослѣдствіи все болѣе и болѣе становилась яснѣе и выражалась въ болѣе конкретной формѣ. Уже у Филона, знаменитаго александрійскаго философа, мысль о грѣховности брачнаго сожитія и о неугодности послѣдняго Богу выражена ясно и положительно. Унижая бракъ и считая его дѣломъ не богоугоднымъ, Филонъ, во избѣжаніе брачной жизни, совѣтовалъ оскоплять себя, такъ какъ оскопленіе себя, по его мнѣнію, есть пріятная жертва Богу (2). Во второмъ вѣкѣ по Р. Хр. были два особенно замѣчательныхъ примѣра самооскопленій: Оригена и Леонтія, еп. антіохійскаго; и тотъ и другой указывали на XIX гл. еванг. Матѳея, какъ на основаніе своего самооскопленія. Во второмъ же вѣкѣ, по свидѣтельству Епифанія, въ средѣ христіанъ образовалось даже цѣлое общество, извѣстное подъ именемъ валезіанъ, основнымъ принципомъ нравственнаго ученія котораго было ученіе о необходимости оскопле-

---

(1) Сбор. Кельсіева, III. 23 стр. 28 примѣч.

(2) Philon. opp. s. 186. См. въ Сборн. Кел. 29 примѣч.

нія. Епифаній не передаетъ, кто такой былъ Валисъ и гдѣ жили валезіане, но онъ сообщаетъ нѣкоторыя подробности изъ быта этихъ еретиковъ. Такъ, по словамъ Епифанія, каждый новый членъ общества предъ совершеніемъ надъ нимъ операціи оскопленія долженъ былъ нѣсколько времени воздерживаться отъ употребленія животной пищи; послѣ же совершенія операціи ему дозволялось ѣсть все, что угодно. Далѣе, валезіане, въ видахъ возможно большаго увеличенія числа своихъ единомышленниковъ, пріобрѣтали послѣднихъ не только мѣрами убѣжденій, но даже и насилій (1). Во времена св. Василія Великаго также существовали цѣлыя общества самооскопителей по тѣмъ же религіозно-нравственнымъ побужденіямъ, противъ которыхъ святитель вынужденъ былъ направлять громы своихъ обличеній (2). Въ IX вѣкѣ скопчество развилось до того, что даже, какъ видно изъ осьмаго правила константинопольскаго двукратнаго собора, духовныя лица оскопляли нѣкоторыхъ своеручно и дѣлалось это по тѣмъ же религіозно-нравственнымъ мотивамъ (3). Въ послѣдующее время въ Византійской имперіи также не прекращались примѣры самооскопленій и оскопленій отъ другихъ по тѣмъ же причинамъ. Такъ, уже въ XI вѣкѣ папа Левъ IX ставилъ въ упрекъ восточной церкви, что даже высшія степени іерархіи занимаютъ скопцы (4).

На ряду съ скопчествомъ религіозно-нравственнаго характера въ Византійской имперіи существовало и евнушество почти до IX вѣка. Имена нѣкоторыхъ евнуховъ императорскаго двора даже увѣковѣчились въ исторіи; таковы были: Евтропій при им-

---

(1) Творен. Епифанія кипр. Москва. 1872 г. 3 ч. 18—19 стр.

(2) Basilii Magni opp. т. IV. p. 847.

(3) Кн. правилъ св. апостолъ, св. вселен. и помѣст. собор. Спб. 1843 г.

(4) Сбор. Кельсіева, Ш. 28 стр. 39 примѣч.

ператорѣ Аркадіѣ и Нарсесъ при Юстиніанѣ I. Въ періодъ смутъ и междуусобій, нерѣдко случавшихся въ Византійской имперіи, когда одна царская фамилія соперничала изъ-за власти съ другою, оскопленіе употреблялось какъ вѣрное средство уничтожить всякую надежду на возстановленіе низверженныхъ фамилій и чрезъ то самое обезопасить фамиліи похитителей отъ новаго соперничества. Таковъ былъ Левъ V, который, похитивъ престолъ у Михаила I-го Ранговея, оскопилъ всѣхъ его сыновей. Тоже самое сдѣлалъ и Михаилъ II Заика по отношенію къ сыновьямъ Льва V.

На западѣ скопчество было менѣе развито, чѣмъ на востокѣ. Тамъ не было скопчества изъ-за религіозно-нравственныхъ мотивовъ; не было его и изъ видовъ мести и соперничества; единственное исключеніе составляетъ Абеляръ, который былъ оскопленъ по мести. Что касается до евнуховъ, то они существовали, по крайней мѣрѣ, въ Римѣ. Въ послѣднемъ, по свидѣтельству Ювенала, евнухи, кромѣ своего спеціальнаго назначенія быть охранителями гаремовъ, употреблялись римлянками и для другой цѣли:

Sunt quas eunuchi imbelles, ac mollia semper
Oscula delectent, et desperatio barbae,
Et quod abortivo non est opus (1).

Въ средніе вѣка въ Италіи появился особый родъ скопцовъ-кастратовъ. Слово „кастратъ“ производятъ обыкновенно отъ латинскаго слова „castor“—бобръ и толкуютъ это слово въ томъ смыслѣ, что какъ бобръ во время преслѣдованія охотниками самъ себѣ откусываетъ testiculos, такъ точно поступаютъ и евнухи, оскопляющіе самихъ себя. Въ такомъ именно смыслѣ говоритъ объ евнухахъ Ювеналъ:

(1) D. junii Juvenalis satyrae. Edit. 1664 г. Сатир. 6. 365—367 стих. 192—193 стр.

Imitatus Castora qui se
Eunuchum ipse facit, cupiens evadere damno
Testiculorum (¹)...

Такимъ образомъ, подъ кастратомъ нужно понимать человѣка, лишеннаго только однихъ testiculorum съ частію scroti. Кастраціи подвергались въ Италіи по-преимуществу дѣти, иногда юноши. Цѣль кастраціи была сохранить чистоту, свѣжесть и пріятность голоса. Цѣль эта вполнѣ достигалась и были нѣкоторые кастраты, которые, дѣйствительно, получили въ исторіи громкую славу на поприщѣ пѣнія; таковъ былъ напр. К. Броски, извѣстный подъ именемъ Фаринелли. Говорятъ, число ежегодно окастриваемыхъ съ этою цѣлію простиралось до 4,000 человѣкъ. Уничтожена была кастрація въ Италіи уже въ концѣ XVIII столѣтія, благодаря энергическимъ стараніямъ папы Климента XIV и императора Наполеона I-го (²).

Въ древней языческой Руси, кажется, не могло быть скопчества, такъ какъ, съ одной стороны, предки наши глубоко уважали брачную жизнь и слѣдовательно съ этой стороны они были вполнѣ гарантированы отъ необходимости подвергать тѣло свое истязаніямъ и искаженіямъ. Съ другой—хотя у предковъ нашихъ и было въ обычаѣ многоженство, которое, такимъ образомъ, давало поводъ устраивать своего рода гаремы на подобіе азіатскихъ народовъ и содержать при нихъ евнуховъ, но такъ какъ историческая жизнь русскихъ славянъ начинается сравнительно поздно, когда уже евнушество уничтожилось почти повсемѣстно, и, такъ какъ сношенія ихъ съ востокомъ почти вовсе не существовали до принятія христіанства, то неудивительно, что и въ этомъ случаѣ наши предки были свободны отъ скопцовъ. Ка-

---

(¹) D. junii Juvenalis saturae. Edit. 1664 г. 12-я сат. 35—36 стихи 38 стр.

(²) Сбор. Кельсіева, Ш. 21—22 стр.

рамзинъ положительно утверждаетъ, что наши „предки не скопились“ (1); это общее положеніе Карамзина, очевидно, относится и къ тому времени, когда наши предки были язычниками. Съ введеніемъ христіанства, уже во времена св. Владиміра, встрѣчается въ нашей лѣтописи имя перваго скопца, еретика монаха Адріана, который хулилъ церковь и ея уставы (2). Немного позже мы видимъ примѣръ скопца-мученика въ лицѣ Моисея многострадальнаго, который былъ оскопленъ одною знатною полькою изъ мести (3). Далѣе, отъ 1089—1096 г. на митрополичьей каѳедрѣ въ Кіевѣ возсѣдали, слѣдуя одинъ за другимъ, два скопца, родомъ греки: Іоаннъ II и Ефремъ (4). Въ исходѣ первой половины XII столѣтія встрѣчаются имена скопцовъ, занимавшихъ каѳедры епископскія: Мануила—въ Смоленскѣ и Ѳеодора—во Владимірѣ Волынскомъ (5). Наконецъ, въ первой половинѣ XIV столѣтія также встрѣчается имя епископа скопца Ѳеодосія въ Луцкѣ (6).

Общій обзоръ исторіи скопчества у различныхъ народовъ и націй и въ различные періоды ихъ существованія приводитъ насъ, такимъ образомъ, къ слѣдующимъ общимъ выводамъ. Во-первыхъ, оскопленіе, какъ явленіе единичное, существовало какъ въ древнемъ языческомъ мірѣ, такъ и въ новомъ христіанскомъ и какъ такое оно восходитъ по началу своего происхожденія ко временамъ глубокой древности. Отсюда, во-вторыхъ, скопчество, разсматриваемое съ этой стороны, можно назвать хроническою болѣзнію чело-

---

(1) Ист. гос. рос. т. II. 160 прим. 66 стр.

(2) Никонов. лѣт. ч. I. 112 стр.; Степ. кн. т. I. 166 стр.

(3) Ист. гос. рос. т. II. прим. 5. 5 стр.

(4) Описаніе кіево-Софійск. собора митр. Евгенія. Кіевъ. 1825 г. 72—73 стр.

(5) Ист. рос. іерархія. Кіевъ. 1827 г. т. I. 313 и 404 стр.

(6) Тамъ же. 445 стр.

вѣка, которая, смотря по обстоятельствамъ, то увеличивалась, то уменьшалась въ своихъ внѣшнихъ обнаруженіяхъ..... Въ-третьихъ, дохристіанскій міръ, представляя массу насильственныхъ оскопленій по разнообразнымъ мотивамъ и побужденіямъ, въ культѣ Цибеллы въ первый и единственный разъ представилъ намъ примѣры добровольныхъ самооскопленій, которыя исходили изъ того смутно сознаваемаго побужденія, что самооскопленіе есть дѣло богоугодное и, слѣдовательно, спасительное для человѣка. Въ четвертыхъ, этотъ послѣдній мотивъ оскопленій, т. е. мотивъ религіозно-нравственный, получилъ значительное развитіе въ первый періодъ христіанства. Въ пятыхъ, ученіе о необходимости оскопленія ради религіозно-нравственныхъ цѣлей не сформировалось, однако, въ древнемъ христіанскомъ мірѣ въ особую догматическую и нравственную систему ученія; послѣдователи его при всей своей фанатической привязанности къ изувѣрству, которое они называли средствомъ спасенія человѣка, не осмѣливались ради этого ученія измѣнять основной догматъ христіанства объ искупленіи, совершенномъ Іисусомъ Христомъ и объяснять его съ точки зрѣнія идеи оскопленія. Наконецъ, въ-шестыхъ, въ русской церкви, за исключеніемъ весьма немногочисленныхъ примѣровъ оскопленій и притомъ въ большинствѣ случаевъ, безъ сомнѣнія, носящихъ на себѣ характеръ чужеземный, скопчества не существовало до второй половины XVIII столѣтія.

2) Появленіе скопчества на Руси въ XVIII столѣтіи, причина его возникновенія и отличіе его отъ древняго скопчества.

Во второй половинѣ XVIII столѣтія, когда уже скопчество исчезло съ лица земли у всѣхъ почти образованныхъ народовъ и когда, такимъ образомъ, факты этого кроваваго изувѣрства отошли въ область

прошедшей исторіи, въ Россіи скопчество только что начинало свою исторію. Первое оффиціальное извѣстіе о немъ относится къ 1772 году, когда Турчаниновъ сдѣлалъ донесеніе въ орловскую провинціальную канцелярію о появленіи тринадцати скопцовъ въ принадлежавшей ему деревнѣ Богдановкѣ, сѣвской округи (нынѣ сѣвскаго уѣзда, орловской губерніи). Орловская канцелярія не замедлила увѣдомить о такомъ важномъ сообщеніи Турчанинова петербургское начальство. Императрица Екатерина II указомъ отъ 2 іюля 1772 года поручила произвести судебное слѣдствіе объ открывшихся тринадцати скопцахъ полковнику Волкову (1). Во исполненіе указа Волковъ прибылъ на мѣсто самаго преступленія и въ томъ же 1772 году окончилъ слѣдствіе надъ тринадцатью скопцами. Изъ зачинщиковъ онъ нашелъ только одного Андрея Иванова; другой же—спутникъ послѣдняго, во время производства слѣдствія успѣлъ скрыться и имя его осталось „неизвѣстнымъ“. Согласно съ повелѣніемъ императрицы Екатерины II, Андрей Ивановъ былъ наказанъ кнутомъ въ деревнѣ Богдановкѣ и потомъ сосланъ въ Нерчинскъ въ каторжную работу; тринадцать другихъ скопцовъ были освобождены отъ всякаго наказанія и отправлены въ прежнія мѣста ихъ жительства (2).

Появленіе тринадцати скопцовъ въ Богдановкѣ не есть явленіе случайное и потому скоро преходящее; оно имѣло причины,—и въ самомъ своемъ возникновеніи уже обладало будущностію. Хотя, по отсутствію оффиціальныхъ извѣстій, невозможно опредѣлить, кто такіе были по вѣрѣ тринадцать скопцовъ, равно какъ и ихъ оскопители, но, основываясь на послѣдующихъ фактахъ исторіи скопчества, можно допустить то вѣроятное предположеніе, что назван-

---

(1) Чт. въ общ. ист.. 1872 г. 3. V. 35—37 стр.

(2) Тамъ же. 53 стр.

ныя лица принадлежали къ хлыстовской сектѣ. Такъ, о „неизвѣстномъ“, скрывшемся отъ слѣдствія 1772 г., или что тоже объ основателѣ скопческой секты, извѣстно, что онъ „духовно родился“, т. е. былъ принятъ въ общество людей божіихъ или хлыстовъ въ хлыстовскомъ кораблѣ Акулины Ивановны, находившемся въ орловской губерніи (1). Въ томъ же кораблѣ Акулины Ивановны онъ былъ признанъ богомъ и съ нею-же онъ началъ пропаганду своего ученія (2). Во все послѣдующее время до такъ называемаго „золотаго времени“, т. е. до прибытія въ Петербургъ, онъ попреимуществу жилъ въ хлыстовскихъ кораблях и находилъ въ нихъ отчасти сочувствіе своему ученію, но больше открытую ненависть и злобу. Говоря о послѣднихъ, основатель скопчества выражается, что злоба и ненависть къ нему „своихъ“, т. е. божіихъ людей, хлыстовъ, среди которыхъ онъ жилъ и дѣйствовалъ, и „довела его до креста“ (3). — Къ этимъ въ существѣ важнымъ доказательствамъ происхожденія скопчества отъ хлыстовъ присоединимъ, что свидѣтельства нѣкоторыхъ скопцовъ также указываютъ на хлыстовщину, какъ на источникъ, изъ котораго возникло скопчество. Таково показаніе дезертира Василія Будылина, по категорическому заявленію котораго „секта скопцовъ возникла изъ секты хлыстовщины“ (4).

Итакъ, происхожденіе скопчества находится въ преемственной исторической связи съ сектою хлыстовъ. Обращаясь къ выясненію причинъ, вызвавшихъ скопчество въ средѣ хлыстовъ, нельзя не видѣть, что общею и единственною причиною этого явленія было противорѣчіе между ученіемъ хлыстовъ о

---

(1) Чт. въ общ. ист... 1872 г. 3. V. 299 стр.

(2) Тамъ же, 1864 г. 4. 76 стр.

(3) Тамъ же, 80 стр.

(4) Тамъ же, 1872 г. 4. 86 стр.

нравственности и осуществленіемъ этого ученія. По ученію хлыстовъ, только душа человѣка есть существо чистое и непорочное, заслуживающее вниманія и заботъ; тѣло, какъ созданіе діавола, грѣховно и нечисто; заботиться о немъ значитъ угождать сатанѣ. Отсюда естественный выводъ: всѣ требованія физической природы человѣка, какъ сатанинскія порожденія, необходимо по возможности ограничивать и даже уничтожать. Но ничто изъ естественныхъ требованій организма такъ сильно не возбуждаетъ отвращенія и ничто не можетъ возбуждать противъ себя болѣе гоненій и преслѣдованій, какъ инстинктъ человѣка къ продолженію рода; онъ, по понятію хлыстовъ, есть главнѣйшій источникъ человѣческихъ страданій и онъ-то есть въ особенности злое порожденіе діавола. Поэтому, первая обязанность всякаго „человѣка божія“ уничтожить въ себѣ этотъ грѣховный инстинктъ. Отсюда, бракъ, совершающійся между людьми, „скверна“ и люди, вступающіе въ него, „сыны погибели“; дѣти, рожденныя въ бракѣ, „щенята“. И нужно замѣтить, что подобное воззрѣніе хлыстовъ— не слова только, а искреннее убѣжденіе, которое они всѣми силами старались оправдать своею жизнію и для облегченія къ выполненію котораго они измыслили особые религіозные обряды. Но премѣнять естественные законы, очевидно, не во власти человѣка и хлысты, поэтому, какъ и другіе подобные имъ, скоро должны были горько разочароваться въ своихъ надеждахъ обойти этотъ естественный законъ. Къ тому же путь, избранный ими для осуществленія своей задачи, не только не помогалъ имъ, но прямо приводилъ къ противному, — мы разумѣемъ радѣнія хлыстовъ. И, вотъ, уже на самыхъ первыхъ порахъ мы встрѣчаемъ уклоненія отъ главнѣйшаго правила хлыстовской морали: сначала, какъ и слѣдовало ожидать, эти отступленія совершались тайно и выражались въ фактахъ единичныхъ, но потомъ, мало по малу, какъ бы забывъ первое свое ученіе о грѣховно-

ского сожитія вообще и о необходимости избѣгать его, хлысты стали учить, что „только бракъ законный есть блудъ и скверна, яко противный Богу, а то не есть блудъ, когда братъ съ сестрой, по взаимной склонности, имѣютъ плотскую любовь“ (1). Понятно, къ какимъ ужаснымъ и гибельнымъ слѣдствіямъ должно было привести такое ученіе хлыстовъ о брачномъ и внѣбрачномъ сожитіи. Развратъ самый гнусный и противоестественный царилъ вездѣ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ; радѣнія хлыстовъ превратились въ языческія вакханаліи; появился обрядъ причащенія сердцемъ и кровію младенцевъ, какъ неизбѣжное слѣдствіе дикаго неистовства. Такіе именно факты, характеризующіе жизнь хлыстовъ, были обнаружены, какъ извѣстно уже намъ, при производствѣ слѣдствія о московскихъ хлыстахъ въ 1745—1752 годахъ. Соображая то обстоятельство, что эти факты относятся ко времени, весьма близкому къ первому оффиціальному извѣстію о появленіи скопческой секты, т. е. къ 1772 году, можно положительно утверждать, что образъ жизни хлыстовъ не измѣнился къ лучшему, если только еще не ухудшился и къ этому времени. Дѣйствительно, основатель скопческой секты Селивановъ съ особенною силою направлялъ громы своихъ строгихъ и суровыхъ обличеній именно противъ господствовавшаго въ средѣ современныхъ ему хлыстовъ разврата или, по его выраженію, „лѣпости“. По словамъ Селиванова, вездѣ, во всѣхъ корабляхъ, куда онъ только ни приходилъ, „всѣ лѣпостію перевязаны; то и наровятъ, гдѣ-бы съ сестрою въ одномъ мѣстѣ посидѣть“ (2)....

Хлыстовщина, такимъ образомъ, въ самомъ основномъ своемъ принципѣ, въ своемъ корнѣ, силою роковаго, ничѣмъ неотвратимаго влеченія въ совершен-

---

(1) Реутскій, 50 стр.

(2) Чтен. въ общ. ист.... 1864 г. 4. 79 стр.

но противоположную сторону, пришла въ концѣ концовъ къ самоуничтоженію, къ самоотрицанію. Оставалось, очевидно, или покориться злополучной дѣйствительности, или же найти какой либо исходъ изъ нея, чтобы возвратить хлыстовщинѣ утраченный и забытый идеалъ нравственнаго совершенства. Скопчество и есть именно тотъ путь, которымъ предполагалось возстановить этотъ утраченный хлыстами идеалъ нравственнаго совершенства. Самъ основатель скопческой секты смотрѣлъ на проповѣдуемую имъ „чистоту“ (1) именно съ этой точки зрѣнія. По его словамъ, „чистота есть отъ всѣхъ слабостей удаленіе, какъ то: въ началѣ отъ женской лѣпости, а потомъ отъ клеветы и зависти, отъ чести и тщеславія, отъ гордости и самолюбія, отъ лжи и празднословія“ (2).... Иначе говоря, Селивановъ полагалъ, что съ удаленіемъ половыхъ органовъ удалятся и страстныя стремленія, не будетъ разврата и человѣкъ сдѣлается безстрастнымъ подобно ангеламъ; ему тогда не будетъ нужды собирать богатства, такъ какъ роскошь, какъ и всѣ мірскія удовольствія, потеряютъ тогда для него всякую превлекательность. Въ такомъ именно смыслѣ оскопленіе понималось и всѣми тѣми хлыстами, которые принимали его; никто изъ нихъ не думалъ видѣть въ оскопленіи чего-либо противнаго основнымъ началамъ догматическаго и нравственнаго ученія своей секты. Самъ Селивановъ точно также до извѣстнаго времени вовсе не думалъ отдѣляться отъ хлыстовщины и основывать особую, самостоятельную секту. Обстоятельства, однако, измѣнились. Съ одной стороны явилась надобность дать догматическія основанія оскопленію; осуществленіе ея повело Селиванова къ существенному измѣненію ученія хлыстовъ о лицѣ Іисуса Христа. Далѣе, такъ какъ положеніе Селиванова по воз-

(1) «Чистота»—аллегорическое названіе оскопленія.

(2) Чтен. въ общ. ист.... 1864 г. 4. 67 стр.

вращеніи изъ Сибири радикально измѣнилось и измѣнилось въ пользу его, то у него явилось уже желаніе образовать изъ своихъ почитателей особое общество, отличное отъ хлыстовщины, главою котораго былъ бы онъ самъ; удовлетворяя этому своему желанію, Селивановъ принялъ имя „втораго христа", отвергнувъ основную теорію хлыстовъ о „многократныхъ воплощеніяхъ Христа"; къ этому имени онъ присоединилъ новый, до этого времени не встрѣчавшійся у хлыстовъ, титулъ царя Петра III-го. Наконецъ, особенное положеніе скопцовъ, какъ гражданскаго общества, повело ихъ къ значительнымъ измѣненіямъ тѣхъ принциповъ, на которыхъ утверждаются внутреннее благосостояніе общества и внѣшнее его процвѣтаніе. Слѣдствіемъ всѣхъ этихъ измѣненій, касавшихся, какъ очевидно, самыхъ важныхъ и существенныхъ сторонъ, было окончательное отдѣленіе Селиванова и его послѣдователей отъ хлыстовщины и образованіе новой секты съ особеннымъ вѣроученіемъ, нравоученіемъ и бытомъ.

Нельзя не видѣть, что скопчество, возникшее на Руси въ XVIII столѣтіи, существенно отличается по своему характеру отъ скопчества древняго. Послѣднее большею частію возникало случайно. Возникнувъ случайно, оно скоро искоренялось силою внѣшней власти. Русское скопчество XVIII столѣтія, напротивъ, есть явленіе строго историческое, отличающееся, поэтому, жизненностію и многочисленностію послѣдователей. Далѣе, въ прежнее время, какъ мы видѣли, нѣкоторые религіозные фанатики и послѣдователи ученія о необходимости оскопленія, составляли даже общества своихъ единомышленниковъ; но эти общества, по недостатку прочной внутренней и внѣшней организаціи, имѣли самое непродолжительное существованіе; эти общества почти вовсе не имѣли духа сектаторскаго. Скопчество, возникшее на Руси въ XVIII ст., напротивъ, по своему характеру есть секта и притомъ отдѣльная и самостоятельная.

3) Личность основателя скопческой секты: его происхожденіе и имя; его внѣшній видъ и характеръ.

Въ настоящее время существуютъ три гипотезы о личности основателя скопческой секты. По первой изъ нихъ, высказанной сначала г. Мельниковымъ (1) и потомъ поддержанной и своеобразно доказываемой г. Реутскимъ (2), основатель скопческой секты есть не кто иной, какъ Андреянъ Петровъ, извѣстный лжехристосъ хлыстовъ, дѣйствовавшій въ періодъ времени отъ 1737 по 1745 гг. и потомъ скрывшійся отъ слѣдствія, возникшаго въ 1745 году по дѣлу о московскихъ хлыстахъ. Несообразность этой гипотезы о личности основателя скопческой секты очевидна изъ сочиненія самого г. Реутскаго, который, стараясь, повидимому, аргументировать свое предположеніе о личности основателя скопческой секты, допустилъ совершенно невольно въ другомъ мѣстѣ тогоже своего сочиненія одинъ фактъ, который, будучи вѣренъ самъ по себѣ, ниспровергаетъ, вышеозначенную гипотезу. Такъ, основателю скопческой секты или что тоже Андреяну Петрову въ то время, когда послѣдній былъ признанъ богомъ въ кораблѣ Акулины Ивановны (слѣдовательно около 1773 года или по меньшей мѣры около 1770 г.) г. Реутскій даетъ 45 лѣтъ и, пожалуй, справедливо (3). Но спрашивается, сколько же лѣтъ г. Реутскій дастъ Андреяну Петрову, дѣйствовавшему, по словамъ самого же Реутскаго, въ качествѣ главнаго пророка на радѣніи въ 1740 году (4)? По нашему разчисленію времени, Андреяну Петрову въ 1740 году должно было быть или 12-ть, или по большей мѣрѣ 15-ть лѣтъ; но, очевидно, что

---

(1) Рус. Вѣсти. 1869 г. 3. 389 стр.

(2) Изслѣдованіе его, 73—74 стр.

(3) Тамъ же, 98 стр.

(4) Тамъ же, 52—59 стр.

дитя, какимъ былъ Андреянъ Петровъ въ 1740 году' не могъ по самымъ естественнымъ причинамъ играть той роли, какую онъ дѣйствительно выполнялъ въ періодъ времени отъ 1737 по 1745 гг. Слѣдовательно, или Андреяну Петрову было въ 1740 году не пятнадцать лѣтъ, а вдвое болѣе и потому въ 1770 году ему было не 45 лѣтъ, а 60-тъ, или же самая гипотеза о тожественности Андреяна Петрова и основателя скопческой секты не вѣрна. Мы допускаемъ только послѣдній выводъ, такъ какъ и при томъ предположеніи, что основателю скопческой секты въ 1770 г. было 45-ть лѣтъ, получается число лѣтъ жизни основателя скопческой секты очень значительное, именно 107 лѣтъ; если же теперь присоединить еще 15-ть, то получится 122 года,—число, какъ очевидно, очень невѣроятное и неправдоподобное. Притомъ, въ 1775 г. генералъ-прокуроръ Вяземскій въ своемъ письмѣ къ московскому оберъ-полицмейстеру Архарову даетъ Селиванову только 35 лѣтъ; слѣдовательно гораздо меньше, чѣмъ сколько дано ему Реутскимъ въ 1770 году,— что опять доказываетъ полную невозможность видѣть въ основателѣ скопческой секты Андреяна Петрова (1).— По второй гипотезѣ, высказанной г. Надеждинымъ (2) и потомъ повторявшейся съ различными варіяціями другими, напр. Дмитревскимъ (3), Протопоповымъ (4), основатель скопческой секты есть крестьянинъ села Столбова, орловской губерніи, дмитровскаго уѣзда, Кондратій Селивановъ, или Андрей Селивановъ. Относительно этой гипотезы нужно сказать, что она, по-видимому, болѣе другихъ правдоподобна, такъ какъ въ нѣкоторыхъ оффиціальныхъ бумагахъ основатель скопческой секты, дѣйствительно, называется крестья-

(1) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. Ш. V. 41 стр.
(2) Сбор. Кельсіева. Ш. 76—77 стр.
(3) Черн. Еп. Вѣд. 1868 г. № 23. 1033 стр.
(4) Тр. К. Д. Ак. 1867 г. № 11. 337 стр.

нином села Столбова Кондратіемъ Селивановымъ (1). Однако, и при этой гипотезѣ остается нерѣшеннымъ, какое дѣйствительное имя носилъ основатель скопческой секты, такъ какъ весьма многіе скопцы въ своихъ показаніяхъ называли его не Кондратіемъ, а Андреемъ (2); иные даже называли его Ѳомою и Иваномъ, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ архимандритъ Досиѳей (3); въ одно время, именно во время пребыванія въ санктпетербурской городской больницѣ, основатель скопческой секты даже назывался Семеномъ (4).—По третьей гипотезѣ, наконецъ, высказанной г. Мельниковымъ при обнародованіи имъ матеріаловъ о скопческой сектѣ, основатель скопческой секты есть подпоручикъ Нотебурскаго пѣхотнаго полка Владиміръ Селивановъ, исключенный изъ службы въ 1757 году (5). Эта гипотеза, основанная только на какой-то догадкѣ, что въ царствованіе императора Павла I-го будто бы „въ кіевскихъ затворникахъ“ Кондратіѣ и Андреѣ подозрѣвали подпоручика Владиміра Селиванова и сержанта Андрея Аѳанасьева (6), не имѣетъ за собою никакихъ болѣе доказательствъ.

Если Н. Надеждинъ, писавшій свое изслѣдованіе о скопческой ереси въ 1845 году, по вопросу о личности основателя скопческой секты выразился, что „на этомъ лицѣ преимущественно лежитъ глубокій мракъ“ и что „объ немъ въ точности неизвѣстно, не только какого былъ онъ званія и происхожденія, но и какъ назывался“ (7), то и въ настоящее время, когда, благодаря изданнымъ г. Мельниковымъ матеріаламъ,

---

(1) Чт. въ общ. ист... 1872 г. 3. V. 55 стр.

(2) Показанія соловецкихъ скопцовъ: Овчинникова, Кудинова, Сосоновича и др. Чт. въ общ. ист... 1872 г. 1. V. 57, 68, 87 и др. стр.

(3) Тамъ же, 132 стр.

(4) Сборн. Кельсіева, III. 45 стр.

(5) Чт. въ общ. ист.... 1872 г. 3. V. 60—61 стр.

(6) Тамъ же, 33 стр.

(7) Сборн. Кельс. III. 76 стр.

исторія скопческой секты значительно выяснилась, слова Надеждина о личности основателя скопческой секты остаются во всей силѣ. Дѣйствительно, трудно что-либо опредѣленное высказать, кто такой былъ основатель скопческой секты; быть можетъ ни одно изъ именъ, извѣстныхъ намъ, не есть дѣйствительное имя основателя скопческой секты. И неудивительно. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ ему—человѣку съ раннихъ лѣтъ привыкшему къ бродяжнической жизни, человѣку, далѣе, испытавшему всѣ роды наказаній самыхъ постыдныхъ,—зачѣмъ ему было открывать дѣйствительное свое имя (1)? Гармонировало ли бы, наконецъ, открытіе имъ своего подлиннаго происхожденія и имени съ божескимъ величіемъ и почестями, какими онъ былъ окруженъ отъ своихъ послѣдователей? Единственныя имена, которыми онъ самъ желалъ называться и чтобы другіе называли, были: „батюшка, государь, отецъ, искупитель“ (2); другихъ именъ, касавшихся плотскаго его происхожденія, онъ не желалъ имѣть. Итакъ, даже то предположеніе, допускаемое Надеждинымъ, Мельниковымъ и наконецъ Е. Барсовымъ (3), что основателя скопческой секты нужно называть Кондратіемъ Селивановымъ, по нашему мнѣнію, нельзя считать вѣрнымъ и соотвѣтствующимъ дѣйствительному имени и фамиліи основателя скопческой секты; это имя и фамилію можно

---

(1) Самъ основатель скопческой секты такъ выражется о своей жизни: «я имѣлъ нужду по всѣмъ городамъ ходить, потому что не могъ нигдѣ головушки своей приклонить, ходилъ въ нищенскомъ образѣ и часто перемѣнялъ платье на себѣ» (Чт.... 1864 г. 4. V. 73 стр.). Еще опредѣленнѣе объ этомъ обычаѣ лженскупителя часто перемѣнять свой внѣшній видъ выражается «первый апостолъ» искупителя Громовъ. По его словамъ, «искупитель изволилъ долгое время катать по соборамъ въ орловской губ. и назывался другимъ именемъ» (Чт... 1872 г. 4. V. 289 стр.).

(2) Чтен... 1864 г. 4. V. 68, 71, 80 и др. стр.

(3) Прав. Обозр. 1873 г. Февр. 329 стр.

только прилагать къ нему, какъ условный знакъ, но не болѣе.

По свидѣтельству оффиціальнаго документа, въ то время, когда основателю скопческой секты было лѣтъ тридцать пять, онъ былъ роста средняго, лицемъ бѣлъ, носъ имѣлъ острый, волосы желторусые и не имѣлъ бороды (1). Это оффиціальное извѣстіе о внѣшнемъ видѣ основателя скопческой секты подтверждаютъ съ нѣкоторыми варіаціями и свидѣтельства неоффиціальныя. Такъ, по сказанію одного галацкаго скопца, искупитель скопцовъ былъ „маленькій, худенькій“ (2); нужно, впрочемъ, замѣтить, что послѣднее свидѣтельство относится къ тому времени, когда основателю скопческой секты было уже около семидесяти лѣтъ. Взглядъ у лжеискупителя былъ мягкій, свѣтлый и спокойный, — какъ это можно отчасти видѣть при взглядѣ на его портретъ (3). По словамъ скопца Хорошкѣева, основатель скопческой секты имѣлъ „ликъ благолѣпный“, удостоившійся даже особеннаго уваженія со стороны высокопоставленныхъ лицъ (4).

Нравственный характеръ основателя скопческой секты соотвѣтственно двоякому его внѣшнему положенію видоизмѣнялся въ своемъ внѣшнемъ обнаруженіи дважды. Въ періодъ борьбы съ хлыстами и преслѣдованія со стороны правительства основатель скопческой секты является попреимуществу съ отрицательными свойствами: онъ въ высшей степени скрытенъ, необыкновенно хитръ и не менѣе назойливъ. Въ періодъ внѣшняго своего блеска и благоденствія онъ, напротивъ, обнаруживаетъ въ большинствѣ случаевъ замѣчательную откровенность своихъ мыслей и желаній, старается казаться добрымъ, мягкимъ и

---

(1) Чтен.... 1872 г. 3. V. 40—41 стр.

(2) Отеч. Зап. 1867 г. № 20. 609 стр.

(3) Пеликанъ, таблица 1; фиг. 2.

(4) Чт. въ общ. ист... 1872 г. 3. V. 88 стр. 70

уступчивымъ старикомъ. Не смотря, однако, на такое очевидное различіе въ характерѣ и настроеніи основателя скопческой секты, обусловливавшееся внѣшними, чисто случайными обстоятельствами, общій характеръ его съ своими природными индивидуальными чертами оставался всегда одинъ и тотъ же.

Нельзя отказать основателю скопческой секты въ значительныхъ природныхъ умственныхъ дарованіяхъ. Правда, эти послѣднія не получили должнаго развитія, а будучи направлены въ совершенно превратную сторону, онѣ настолько исказились и настолько потеряли свои природныя достоинства, что присутствіе ихъ вовсе не замѣчается. Вслѣдствіе этого, основатель скопческой секты скорѣе является для посторонняго наблюдателя человѣкомъ лишеннымъ здраваго смысла, идіотомъ, чѣмъ человѣкомъ обладающимъ хотя бы незначительною долею ума и человѣчныхъ понятій. Но что, дѣйствительно, основатель скопческой секты былъ далеко человѣкъ не глупый, въ этомъ убѣждаютъ насъ, съ одной стороны, его „посланіе“ и „письма“, безъ сомнѣнія, написанныя имъ самимъ (1), а съ другой—вся его жизнь, полная приключеній, и дѣятельность, требовавшая слишкомъ много практической мудрости и сообразительности, чтобы достигнуть конечной цѣли и сдѣлать имя свое памятнымъ для потомства. Читая напр. „посланіе“ лжеискупителя нельзя не видѣть, что оно, будучи лишено всякой системы и логической послѣдовательности въ изложеніи мыслей, тѣмъ не менѣе способно произвести самое благопріятное впечатлѣніе на массу, оно написано съ чувствомъ и увлекательностію; въ этомъ, очевидно, заключается причина его успѣха между простолюдинами. Еще болѣе говоритъ въ пользу

(1) Что основатель скопческой секты умѣлъ читать и писать, въ этомъ убѣждаетъ показаніе крестьянина Гаврилова (Чтен... 1872 г. 3. V. 47 стр.). Слѣдовательно, лжеискупитель могъ написать и свое посланіе и письма.

ума основателя скопческой секты его жизнь и дѣятельность. Въ самомъ дѣлѣ, нужно много умѣнья, чтобы отклонить отъ себя нѣсколько разъ грозившую опасность быть схваченнымъ и отданнымъ въ руки правосудія. Во время своего пребыванія въ домѣ крестьянина Пшеничнаго лжеискупитель умѣлъ, напримѣръ, отвести глаза старостѣ и прочимъ крестьянамъ, искавшимъ его четыре раза и, притомъ самымъ блистательнымъ образомъ (1). Еще болѣе проглядываетъ эта практическая сообразительность основателя скопческой секты въ фактѣ его бѣгства изъ Сибири и потомъ прибытія въ Петербургъ. Живя въ Петербургѣ около 20-ти лѣтъ, онъ обратилъ на себя вниманіе такихъ высокопоставленныхъ лицъ, какъ князь Голицынъ, Поповъ, Пилецкій и проч., которые вступали съ нимъ въ бесѣды и всегда были отъ него въ восхищеніи. О Поповѣ извѣстно, что онъ восторгаясь разсужденіями лжеискупителя, воскликнулъ: „Господи! Если бы не скопчество, то за такимъ человѣкомъ пошли бы полки полками (2). Даже самъ государь Александръ осчастливилъ его своимъ посѣщеніемъ.

Религіозно-нравственныя убѣжденія основателя скопческой секты, при всей ихъ чудовищности и очевидной нелѣпости, имѣютъ, однако, то неоспоримое достоинство, что они были вполнѣ искренни и чужды всякихъ матеріальныхъ разсчетовъ и цѣлей. Основатель скопческой секты дѣйствовалъ только ради одной идеи спасти погибавшихъ въ развратѣ хлыстовъ и утвердить между ними свое ученіе о необходимости оскопленія. Такъ смотрѣлъ на свою жизнь самъ лжеискупитель, какъ очевидно изъ многихъ мѣстъ его „Посланія“, (3), такъ позволяетъ смотрѣть и дѣй-

(1) Чтен. въ общ. ист.... 1872 г. 2 стр.
(2) Тамъ же, 88 стр. 70 пр.
(3) Тамъ же, 1864 г. 4.

ствительная исторія его жизни. Ничто такъ особенно не радовало лжеискупителя, какъ извѣстія о пріобрѣтеніи новаго прозелита. Вотъ, между прочимъ, два разсказа объ этомъ, переданныя Андреяновымъ. Лжеискупитель, говоритъ Андреяновъ, всегда имѣлъ обыкновеніе спрашивать у приходящихъ: „убѣленъ ли такой-то и умѣетъ ли радѣть?“ и когда ему отвѣчали, что убѣленъ и умѣетъ радѣть, говорилъ: „ну дай, Господи! Дѣтушки, тотъ у меня и архіерей, кто стоитъ у моихъ дверей; тотъ у меня, отца, и генералъ, кто плоть свою не замаралъ“. Напутствуя разными благожеланіями своего апостола Алексѣя Громова, лжеискупитель, между прочимъ, говорилъ ему: „Алексѣе, сыне! Я, отецъ, посылаю тебя на цѣлую губернію, и если ты встрѣтишься дорогою съ человѣчкомъ, то и подай ему словечко, а онъ тебѣ, можетъ быть повѣритъ, и такъ рыбка по рыбкѣ, будетъ у тебя полонъ неводъ“ (1). Будучи твердо убѣжденъ въ истинности извѣстныхъ хлыстовскихъ нравственныхъ понятій, основатель скопческой секты проводилъ ихъ въ свою жизнь, какъ можно думать, съ большою охотою и энергіею. По крайней мѣрѣ, исторія не сохранила намъ примѣровъ его лицемѣрія и нарушенія имъ правилъ, внушаемыхъ хлыстовскою моралью. Напротивъ, существуетъ нѣсколько изрѣченій лжеискупителя, изъ которыхъ можно видѣть, что онъ самъ ставилъ впереди всего добрую жизнь и усердіе въ исполненіи нравственныхъ обязанностей. Такъ, по разсказу Андреянова, лжеискупитель нерѣдко говаривалъ своимъ дѣтушкамъ: „дѣтушки, вы не только словами, но и образомъ жизни, людишкамъ показывайте примѣры“ (2)! Однажды, когда пришли къ нему нѣкоторые, имѣвшіе обыкновеніе носить на себѣ вериги, и спрашивали его — стоитъ ли носить ихъ, онъ отвѣ-

(1) Чт. въ общ. ист.... 1872 г. 3. V. 301 и 311 стр.

(2) Тамъ же, 304 стр.

чалъ: „въ иное время носите, а въ другое—подъ лавку кладите! Мои дѣтушки носятъ тайные вериги“ (¹). Такимъ образомъ, живя самъ по правиламъ своей секты, основатель скопческой секты побуждалъ къ тому и другихъ. Здѣсь нельзя не отмѣтить еще одной черты изъ характера скопческаго лжеискупителя. Въ то время, когда „искупителевы слуги“, окружавшіе его въ Петербургѣ, обогащались на счетъ щедрыхъ приношеній со стороны богатыхъ посѣтителей и посѣтительницъ и наживали себѣ тысячи, онъ самъ, повидимому, вовсе не интересовался денежными приношеніями и, кажется, ничего изъ нихъ не обращалъ въ свою пользу. Самый образъ жизни его былъ необыкновенно простой и въ тоже время весьма привлекательный для окружавшихъ его. Одинъ изъ галацкихъ скопцовъ, бывшій, по его словамъ, слугою у искупителя, такъ разсказывалъ В. Кельсіеву про домашнюю жизнь лжеискупителя. „Спалъ онъ на доскахъ; только простыней, бывало, ихъ накроетъ. И ѣлъ мало—самую малость. Когда яблоко откуситъ, вишенку съѣстъ, земляничи попробуетъ.... Въ чемъ и душа держалась! Точно восковой — царская порода, извѣстно, деликатная. Молчаливъ былъ очень. Сидитъ, бывало, у столика—ручки сложитъ крестомъ, пальчиками крестное знаменіе, обѣими руками, и голову на нихъ положитъ—значитъ, молится. И такъ цѣлые часы, а не то и цѣлые дни сидитъ“ (²). Отношенія лжеискупителя къ подчиненнымъ проникнуты были духомъ любви и гуманности. Нѣкоторыхъ изъ нихъ, болѣе ловкихъ и способныхъ, онъ приблизилъ къ себѣ и употреблялъ на дѣло своей преступной пропаганды. Не меньшимъ благорасположеніемъ со стороны лжеискупителя пользовались и отчаянные пьяницы и солдаты. О первыхъ онъ выражался такъ:

(¹) Чт. въ общ. ист.... 67 стр.

(²) Отеч. Зап. 181

1772 года прямо вызывало Селиванова на такіе именно поступки. Итакъ, „страды“ лжеискупителя начинаются не до 1772 года, а съ 1772 года и, именно, послѣ перваго оффиціальнаго дознанія о появленіи въ деревнѣ Богдановкѣ тринадцати скопцовъ. Съ этого именно времени должно начинать и исторію скопческой секты.

Начавшись съ 1772 года, исторія скопческой секты уже не прерывается, видоизмѣняясь только по внутреннему и внѣшнему характеру. Первоначально дѣйствуетъ самъ Селивановъ въ союзѣ съ Шиловымъ и другими лицами. Онъ постепенно проводитъ въ сознаніе хлыстовъ идею о необходимости оскопленія; ведетъ съ ними продолжительную и упорную борьбу, пока, наконецъ, озлобившіеся хлысты ни отдаютъ его въ руки правосудія. Религіознаго фанатика и преступника наказываютъ и отправляютъ въ Сибирь. Сѣмя, брошенное Селивановымъ въ трехъ сосѣднихъ между собою губерніяхъ, не только не уничтожается, но приноситъ обильный плодъ. Скопцы, появившіеся въ губерніяхъ орловской, тульской и тамбовской, распространяются и по другимъ губерніямъ—курской, калужской, являются въ Москвѣ и московской губерніи, въ Петербургѣ и въ петербургской губерніи и въ Ригѣ. Возрастая въ массѣ, скопцы плотно соединяются между собою и оказываютъ значительную помощь къ возвращенію сосланнаго Селиванова. Послѣдній съ своей стороны, пользуясь широкою свободою во время своего пребыванія въ Иркутскѣ, не упускаетъ перваго же удобнаго случая совершить бѣгство. Въ 1795 году онъ уже является въ московской губерніи подъ именемъ „трудника“ и „государя Петра Ѳеодоровича“; въ 1797 году его снова арестуютъ въ Москвѣ и отправляютъ въ Петербургъ, гдѣ онъ до 1802 года безотлучно пребываетъ въ Обуховскомъ домѣ. Въ 1802 году Селивановъ получаетъ полную свободу; онъ дѣлается главою всѣхъ петербургскихъ скопцовъ; такимъ же его

признаютъ и скопцы другихъ губерній, которые, поэтому, нерѣдко предпринимаютъ путешествія въ Петербургъ. Петербургское общество скопцовъ достигаетъ высшаго развитія какъ внутренняго, такъ и внѣшняго. Такъ продолжается до 1820 года. Съ другой стороны, и иногородные скопцы, находясь въ постоянной связи съ Петербургомъ, и мечтая о скоромъ воцареніи своего „искупителя и царя Петра Ѳеодоровича“ Селиванова, еще болѣе пропагандируютъ скопчество, которое теперь охватываетъ половину Россіи. Въ 1820 году Селиванова отправляютъ въ суздальскій Спасо-евѳиміевъ монастырь. Здѣсь онъ проводитъ послѣдніе двѣнадцать лѣтъ своей жизни, до 1832 года. Однако, и изъ заключенія своего онъ находитъ средства оказывать вліяніе на своихъ послѣдователей. Скопцы ни мало не уничтожаются въ своемъ числѣ, но еще болѣе увеличиваются, занося свою заразу въ новыя мѣстности.—По смерти Селиванова скопчество нисколько не ослабѣваетъ въ своемъ развитіи; почти ежегодно открывается рядъ судебныхъ процессовъ о скопцахъ. Многіе изъ послѣднихъ во избѣжаніе наказаній оставляютъ добровольно отечество и поселяются за границею. Такимъ образомъ, образуется цѣлое общество русскихъ выходцевъ-скопцовъ въ Румыніи. Въ послѣдней и, именно въ Галацѣ, обнаруживается между скопцами реформаторское движеніе въ началѣ 70-хъ годовъ, имѣвшее цѣлію возбужденіе упавшаго религіознаго фанатизма и исправленіе быта скопцовъ. Движеніе это сообщается и южнымъ губерніямъ Россіи, но вліяніе его на общее теченіе жизни скопцовъ вслѣдствіе кратковременнаго существованія самаго движенія было весьма незначительно.

Расчленивъ теперь общую схему исторіи скопческой секты на составляющія ее части и, принимая во вниманіе главныя [illegible] изъ жизни Селиванова, мы могли [illegible] торію скопческой секты [illegible] будетъ

обнимать дѣятельность основателя скопческой секты въ союзѣ съ другими до 1775-го г.; вторая — дѣятельность его послѣдователей и обстоятельства возвращенія Селиванова изъ Сибири, закончившагося заключеніемъ въ Обуховскій домъ и безвѣстною жизнію въ немъ до 1802 года; третья — жизнь и дѣятельность Селиванова въ Петербургѣ до 1820 года и состояніе скопчества въ другихъ губерніяхъ за это время; четвертая—жизнь и дѣятельность Селиванова въ суздальскомъ монастырѣ до 1832 года и состояніе скопчества въ другихъ губерніяхъ за это время; наконецъ, пятая — будетъ обнимать изложеніе важнѣйшихъ судебныхъ процессовъ о скопцахъ до послѣдняго времени и исторію мелитопольскаго дѣла или такъ называемаго „новоскопчества“. При изложеніи общаго состоянія скопчества въ различныхъ губерніяхъ мы естественно будемъ указывать только главнѣйшіе центры скопчества и излагать такія событія, которыя такъ или иначе могутъ характеризовать секту скопцовъ.

I.

1772—1775 гг.

Прослышавъ, вѣроятно, заранѣе о томъ, что оскопленіе тринадцати человѣкъ села Богдановки получило огласку и уже назначено судебное слѣдствіе, Селивановъ позаботился скрыться отъ грозящей опасности. Едва только Волковъ явился на мѣсто происшествія, другаго „главнаго зачинщика“ уже не стало, онъ убѣжалъ невѣдомо куда и самое имя его осталось „неизвѣстнымъ“. Гдѣ и какъ этотъ „неизвѣстный“ скрывался, объ этомъ онъ разсказываетъ самъ въ своихъ „страдахъ“. Опасаясь, очевидно, быть выданнымъ въ руки правосудія, „неизвѣстный“ не искалъ убѣжища въ домахъ негостепріимныхъ жителей села Богдановки. Минуя послѣднихъ, онъ спрятался въ

ямѣ, въ которую, по его словамъ, „бросали всякую падаль“ и въ ней пролежалъ трое сутокъ, „не пивши и не ѣвши“; потомъ пріютился во ржи, гдѣ пробылъ десять сутокъ; здѣсь, разсказываетъ лжеискупитель, сильно утомившись, я легъ и заснулъ; проснувшись, увидѣлъ около себя волка, хищнически устремившаго на меня свои глаза; но я ему сказалъ: „поди въ свое мѣсто! и онъ послушался меня и пошелъ“. Находилъ себѣ „неизвѣстный“ убѣжище и въ соломѣ, въ которой онъ пролежалъ двѣнадцать сутокъ. Вѣроятно голодъ и жажда, а быть можетъ и нѣсколько утихшая буря судебныхъ розысковъ, побудили его перейти въ домъ „божьяго человѣка“, т. е. хлыста. На него, однако, доказали и пришли, поэтому, съ обыскомъ; лжеискупитель спасся въ пеньковомъ снопѣ. Перешедши затѣмъ къ другому „божьему человѣку“, онъ и тутъ не нашелъ себѣ покоя: явились съ новымъ обыскомъ и лжеискупитель едва спасся подъ свинымъ корытомъ (1). Розыски, наконецъ, прекратились и Селивановъ могъ свободно вздохнуть. Хлысты, которыхъ, очевидно, было громадное количество въ тогдашней орловской губерніи, во время розысковъ прекратившіе свои радѣнія, теперь, съ удаленіемъ опасности, еще съ большимъ энтузіазмомъ предались своимъ неистовствамъ. Въ нынѣшнемъ орловскомъ уѣздѣ находился знаменитый въ то время корабль Акулины Ивановны (2). Основываясь на „страдахъ“, можно думать, что этотъ корабль былъ одинъ изъ многолюднѣйшихъ; онъ

---

(1) Чт. въ общ. ист... 1864 г. 4. V. 73—74 стр.

(2) Дмитревскій (Черн. Еп. Вѣд. 1869 г. № 7. 283 стр.) полагаетъ, что корабль Акулины Ивановны находился въ тульской губерніи; но это мнѣніе ошибочно. Правда, что въ «страдахъ» не сказано, гдѣ находился корабль Акулины Ивановны; но разсказы, а равно и одна пѣсня скопцовъ убѣждаютъ въ томъ, что этотъ корабль находился въ нынѣшнемъ орловскомъ уѣздѣ. Такъ, въ донесеніи Андреянова читаемъ: «искупитель духовно родился въ городѣ [illegible] матушки Акулины Ивановны (Чт... 1872 г. [illegible] мое говорится и въ сохранившейся

вмѣщалъ въ себѣ, по сказанію „страдъ“, тысячу человѣкъ. Главными заправителями этого корабля были Акулина Ивановна и Анна Романовна. Первая, какъ можно видѣть изъ „страдъ“, пользовалась большимъ почетомъ и уваженіемъ со стороны хлыстовъ; она называлась у хлыстовъ не иначе какъ „матушкой“, „помощницей“, „дорогой полковницей“, „владычицей“ и т. п. Ея мнѣніе было рѣшающимъ; она, такъ сказать, санкцировала всѣ предпріятія хлыстовъ. Въ описываемое нами время она достигла уже глубокой старости, и, вѣроятно, по причинѣ послѣдней мысль ея работала плохо и воображеніе было очень слабо. По крайней мѣрѣ, такого рода фактъ, какъ удивленіе и разглашеніе тайны всякому безъ разбора, собщенной ей лжеискупителемъ и состоящей въ томъ, что онъ, лжеискупитель, есть сынъ божій, и рожденъ отъ нея, пречистой дѣвы (1), свидѣтельствуетъ о томъ, что время служенія ея на пользу хлыстовщины прошло по причинамъ естественнымъ.—Анна Романовна обладала всѣми качествами, чтобы пріобрѣсти себѣ громкую извѣстность и глубокое уваженіе не только со стороны хлыстовъ, но и всѣхъ вообще жителей той мѣстности, гдѣ находился корабль Акулины Ивановны. По сказанію „страдъ“, она обладала необыкновенною способностію прекрасно „радѣть“, сопровождала свои радѣнія различными конвульсивными движеніями и вскрикиваніями,—что особенно нравится и дорого цѣнится хлыстами. Далѣе, Анна Романовна одарена

«Какъ ты, нашъ государь,
Ликовалъ, свѣтъ, на землѣ,
Въ верховной сторонѣ,
Въ славномъ городѣ Орлѣ,
У матушки Акулины Ивановны на дворѣ,
Въ большомъ кораблѣ» (Тамъ же—2. V. 41—42 стр.).

Трудно и даже невозможно опредѣлить, въ какой именно части орлов. уѣзда находился этотъ корабль.

(1) Чтен. въ общ. ист... 1864 г. 4. V. 79 стр.

была отъ природы способностію угадывать нѣкоторыя физическія явленія, которыя были особенно важны для жителя тѣхъ мѣстностей, но были для него загадочны и таинственны. По словамъ лжеискупителя, она „узнавала въ морѣ и рѣкахъ, когда будетъ рыбы ловъ, и въ поляхъ хлѣбу урожай". Этого послѣдняго вполнѣ было достаточно, чтобы имя ея сдѣлалось популярнымъ и чтобы къ ней приходили изъ разныхъ мѣстъ съ вопросами о томъ: „сѣять ли нынѣшній годъ хлѣбъ? а также о рыбѣ: ѣздить ли ловить или нѣтъ" (1)? Въ этотъ-то знаменитый корабль и прибылъ Селивановъ послѣ долгихъ и мучительныхъ испытаній, какимъ онъ подвергся вслѣдствіе бывшихъ судебныхъ розысковъ (2). Можно думать, что лжеискупитель гораздо ранѣе зналъ о существованіи этого корабля, а равно и о его заправительницахъ—такихъ важныхъ и авторитетныхъ особахъ, какими были Акулина Ивановна и Анна Романовна. Первымъ дѣломъ Селиванова по прибытіи его въ корабль было посѣщеніе хлыстовскаго радѣнія. Случилось такъ, что радѣніе въ этотъ разъ было весьма многолюдное (до восьмидесяти человѣкъ) и особенно оживленно; главною сорочицею, заправлявшею радѣніемъ, была Анна Романовна. Въ моментъ самаго разгара радѣнія, когда радѣющіе пришли въ энтузіазмъ и полный азартъ,

(1) Чтен. въ общ. ист.... 1864 г. 4 № 76 стр.

(2) Г. Реутскій полагаетъ, что Селивановъ прибылъ въ корабль Акулины Ивановны вмѣстѣ съ Мартынушкою (Изслѣдованіе его—98—99 стр.). Предположеніе это не вѣрно, потому что, какъ очевидно изъ всей исторіи, съ Мартынушной Селивановъ сошелся позже и дѣйствовалъ съ нимъ въ тульской губерніи, какъ послѣднее очевидно изъ «страдъ» (Чтен. въ общ. ист... 1864 г. 4 № 74 стр.). Впрочемъ, предположеніе это покоится на другомъ предположеніи г. Реутскаго, что двое бродягъ, ходившіе въ орловской округѣ и основавшіе 13-ть человѣкъ села Богдановки, были Андрей Ивановъ, т..е. основатель скопческой секты, и Мартинъ Родіоновъ (96—98). Тоже и предположеніе, какъ мы видѣли, не вѣрно, то и о зать тоже.

нечаянно и совершенно неожиданно является въ собраніе странный и никому неизвѣстный человѣкъ и садится у порога комнаты. Анна Романовна, вѣроятно изрекавшая въ это время „общую судьбу“, „вдругъ вся встрепенулась“; такъ передаетъ самъ лжеискупитель. Причина испуга понятна: Анна Романовна полагала, что явившаяся неожиданно личность есть кто либо изъ агентовъ, который имѣлъ цѣлію захватить всѣхъ радѣющихъ. Такъ какъ, однако, такое предположеніе не оправдалось, но, напротивъ, она замѣтила въ пришедшемъ что-то особенно таинственное, то также быстро и мгновенно мысль ея перенеслась совершенно въ противную сторону: въ порывѣ экзальтаціи, она безсознательно, обратившись къ пришедшему, произнесла: „самъ богъ пришелъ, теперь твой конь бѣлъ и смиренъ“ (1)! Между тѣмъ, наступило время искать, въ комъ „живетъ Богъ“. Пророки, посланные Анною Романовною, долго искали этого „бога“, но никакъ не могли отыскать, въ комъ онъ въ данное время находился. Тогда Анна Романовна, обратившись къ пришедшему, сказала: „вотъ гдѣ Богъ живетъ“! Выдвинувши затѣмъ на средину комнаты сундукъ, она сѣла на него, посадила съ собою и „живаго бога“, и обратилась съ такою пророчественною рѣчью къ послѣднему: „ты одинъ откупишь всѣхъ иностранныхъ земель товары, и будутъ у тебя оные спрашивать, но ты никому не давай и не показывай, и сиди крѣпко на своемъ сундукѣ, а теперь же тебя хотятъ всѣ предать; но хотя ты будешь и сосланъ далеко, и наложатъ на тебя оковы на руки и на ноги, но, по претерпѣніи великихъ нуждъ, возвратишься въ Россію, и потребуешь всѣхъ пророковъ къ себѣ на лицо, и станешь судить ихъ своимъ судомъ. Тогда тебѣ всѣ цари, короли и архіереи поклонятся и отдадутъ

(1) Чтен. въ общ. ист.... 1864 г. 4 № 76 стр.

великую честь, и пойдутъ къ тебѣ полки полками“ (¹). Конечно, такой рѣчи Анна Романовна не могла произнести и эта рѣчь, очевидно, есть послѣдующая вставка самого Селиванова. Но фактъ торжественнаго признанія Селиванова „богомъ“ и притомъ во время радѣнія, какъ будто бы подъ наитіемъ Духа, долженъ былъ имѣть для него громадное значеніе. И это тѣмъ болѣе, что въ послѣдующее время отношенія между нимъ и Анною Романовною не только не измѣнились, но даже приняли характеръ дружбы. Анна Романовна часто бесѣдовала съ лжеискупителемъ и въ одну изъ такихъ бесѣдъ вздумала „привести его въ путь“, т. е. формально обратить въ общество хлыстовъ. Едва она взяла крестъ, чтобы благословить лжеискупителя, послѣдній, къ великому изумленію пророчицы, открылъ свои уста и въ первый разъ обратился къ ней съ рѣчью, чего онъ до этого времени не дѣлалъ, притворяясь нѣмымъ. Пророчица впала въ обморокъ, такъ какъ на нее „накатилъ мой духъ“, прибавляетъ лжеискупитель, и въ волненіи отъ страха стала говорить: „о, господи!..... о, куды твой богъ великъ!“ и затѣмъ будто-бы разсказала ему свое видѣніе, состоящее въ томъ, что онъ „богъ надъ богами, царь надъ царями, пророкъ надъ пророками“ (²). Мало того; онъ даже вошелъ въ ближайшія родственныя связи съ запрарительницею корабля Акулиною Ивановною. Послѣдняя признала въ немъ своего „сына божія“, „рожденнаго отъ нея“, „пренепорочныя дѣвы“, „по наитію св. Духа“ (³). Такимъ образомъ, Селивановъ нашелъ въ кораблѣ Акулины Ивановны самый дружественный, быть можетъ, имъ неожидаемый пріемъ. Поэтому неудивительно, что онъ остался жить въ немъ и съ него же началъ свою проповѣдь объ

(¹) Чт. въ общ. ист.... 1864 г. 4. V. 76—77 стр.

(²) Тамъ же, 77 стр.

(³) Тамъ же, 86 стр.

оскопленіи. Однако, прежде чѣмъ приступить къ послѣднему, онъ позаботился подыскать соотвѣтствующаго своимъ планамъ и намѣреніямъ человѣка. Въ этомъ важномъ дѣлѣ оказалъ лжеискупителю значительную помощь Романушка, находившійся въ томъ же кораблѣ Акулины Ивановны. Онъ сдѣлался посредникомъ между нимъ и Александромъ Ивановичемъ Шиловымъ.

Александръ Ивановичъ Шиловъ или иначе Ѳомичевъ былъ крестьянинъ тульской губерніи, но изъ какого уѣзда и села—достовѣрно неизвѣстно. По устно передаваемымъ разсказамъ скопцовъ, а равно и по надгробной надписи, находившейся на памятникѣ (1), обыкновенно считаютъ его уроженцемъ алексинскаго уѣзда, села Маслова. Однако, противъ этого положенія говорятъ нѣкоторые оффиціальные документы. Изъ послѣднихъ видно, что Александръ Шиловъ происходилъ не изъ алексинскаго уѣзда, села Маслова, а изъ тульскаго, села Васильевскаго и былъ крѣпостнымъ крестьяниномъ помѣщика Н. Маслова (2). Трудно, конечно, опредѣленно сказать, которое изъ двухъ мнѣній о происхожденіи Шилова заслуживаетъ бо́льшаго вѣроятія. По свидѣтельству нѣкоторыхъ скопцовъ, Александръ Шиловъ былъ женатъ и имѣлъ дѣтей (3). Но, какъ можно думать на основаніи „страдъ“ лжеискупителя и на основаніи послѣдующей исторіи Шилова, ему не могла нравиться семейная жизнь, какъ грѣховная и противная Богу, по его взгляду. Оставивъ, поэтому, жену, дѣтей и хозяйство, онъ отправился отыскивать „истинную вѣру“. Вѣроятно, послѣдняя сильно занимала его умъ; онъ, по словамъ лжеискупителя, „произошелъ всѣ вѣры, и былъ первѣ крещенецъ, и во всѣхъ вѣрахъ былъ учителемъ“, но

(1) Сборн. Кельсіева, Ш. 99 и 105 стр.

(2) Заря. 1871 г. № 5. 31—32 стр.

(3) Чтен. въ общ. ист.... 1872 г. 3 № 182 стр.

ни одна изъ этихъ вѣръ не удовлетворяла его. Вездѣ, куда онъ ни приходилъ и гдѣ онъ ни жилъ, онъ постоянно высказывалъ всѣмъ и каждому свое разочарованіе: „не истинна наша вѣра и постоять не за что. О, если бы нашелъ самую истинную вѣру Христову, то бы не пощадилъ своей плоти, радъ бы головушку за оное сложить, и отдалъ бы плоть свою на мелкія части раздробить“ (1). Въ тщетныхъ и мучительныхъ поискахъ истинной вѣры, Александръ Ивановичъ прибылъ, наконецъ, въ знаменитый и прославленный всѣми окрестными жителями корабль Акулины Ивановны, думая, конечно, найти тутъ предметъ своего страстнаго желанія. Предчувствіе Александра Ивановича не обмануло его; онъ скоро нашелъ удовлетвореніе своей религіозной потребности, хотя и не прямо изъ корабля Акулины Ивановны.

Жившій въ кораблѣ Акулины Ивановны Селивановъ давно съ нетерпѣніемъ ожидалъ подходящаго человѣка. Нужно предполагать поэтому, что лишь только явился въ корабль Акулины Ивановны Шиловъ, лжеискупитель, наблюдавшій за всѣми вновь являющимися лицами, обратилъ и на него свое вниманіе, и такъ какъ онъ, быть можетъ, произвелъ благопріятное впечатлѣніе на лжеискупителя, то послѣдній поспѣшилъ сдѣлать относительно его надлежащія справки (2). Справки дали самые выгодные результаты. Со своей стороны и Александръ Ивановичъ, искавшій во всякомъ незнакомцѣ своего ора-

---

(1) Чтен. въ общ. ист... 1864 г. 4 № 77 стр.

(2) «Страды» не говорятъ, гдѣ именно происходило призваніе Селивановымъ Александра Ивановича. Хотя г. Протопоповъ и полагаетъ, что Ал. Ивановичъ былъ призванъ лжеискупителемъ въ Тулѣ (Тр. К. Д. А. 1869 г. № 11. 337 стр.), но съ т[illegible] мнѣніемъ нельзя согласиться. Какъ очевидно изъ разсказа о [illegible] при этомъ призваніи принимала участіе и Ан[illegible]на Ивановна жила въ орлов. губ., о[illegible]слѣдней и именно въ кораблѣ Ан[illegible]

кула, также вѣроятно заинтересовался личностію лжеискупителя и также собралъ необходимыя свѣдѣнія о послѣднемъ. Такимъ образомъ, гораздо прежде, чѣмъ высказали другъ предъ другомъ свои желанія и стремленія, они уже узнали другъ друга; стоило теперь только какой-либо сторонѣ сдѣлать рѣшительный шагъ къ соединенію и мучительная загадка обоихъ рѣшалась. Шагъ этотъ былъ сдѣланъ со стороны лжеискупителя. Онъ „чрезъ свои искупительскія уста“ сказалъ: „Романушка, поди, любезный, къ одному человѣку, зовутъ его Александромъ Ивановичемъ, и объяви ему о моемъ спасеніи и истинной вѣрѣ, а онъ давно ищетъ и оною желаетъ на путь истинный прійтить“ (1). Романушка, нимало не медля, пошелъ къ Александру Ивановичу и объявилъ ему то, что приказано было Селивановымъ. Александръ Ивановичъ не тотчасъ принялъ предложеніе лжеискупителя; онъ какъ будто не повѣрилъ словамъ Романушки и выразилъ поэтому желаніе видѣть лжеискупителя лично. Селивановъ, конечно, не заставилъ долго ожидать себя; онъ немедленно же отправился къ Александру Ивановичу и едва только, разсказываетъ лжеискупитель, я подошелъ къ его дому, онъ вышелъ ко мнѣ на встрѣчу и привѣтствовалъ меня слѣдующими словами: „вотъ кого надо, и кого ждалъ сорокъ лѣтъ, тотъ-то и идетъ: ты-то нашъ истинный свѣтъ, и, просвѣтивши всю тьму, освятилъ всю вселенную, и тобою всѣ грѣшныя души просвѣтятся, и отъ грѣховныхъ узловъ развяжутся, и тебѣ я съ крестомъ поклонюсь: ты одинъ, а насъ много, и радъ за тебя головушку сложить, и на мелкія части плоть свою раздробить; кто какъ хочетъ, а я тебя почитаю за сына божія, и ты поживи на землѣ, а я прежде тебя сойду; тебѣ много еще дѣлъ надо сдѣлать на землѣ, свою чистоту утвердить, и всю лѣпость утвер-

(1) Чтен.... 1864 г. 4 № 77 стр.

дить, всѣхъ пророковъ сократить и всю гордость и грѣхъ искоренить“ (1). Какъ бы въ отвѣтъ на привѣтствіе, лжеискупитель благословилъ Александра Ивановича крестомъ и далъ ему „крестъ, свѣчу и мечь“, какъ символы призванія его на дѣло служенія новой миссіи. Далѣе, чтобы, такъ сказать, санкционировать избраніе Александра Ивановича въ своего помощника, лжеискупитель отправилъ его къ своей матушкѣ Акулинѣ Ивановнѣ, которая, какъ говорится въ „страдахъ“, „изволила разговаривать съ нимъ“ и, конечно, приняла его ласково (2).

Немного требуется вниманія, чтобы видѣть, что весь этотъ разсказъ Селиванова о его переговорахъ съ Александромъ Ивановичемъ, въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ, есть кощунственная поддѣлка подъ извѣстный евангельскій разсказъ о томъ, какъ Іисусъ Христосъ, вступая въ общественное служеніе міру, былъ встрѣченъ Іоанномъ Крестителемъ. Но помимо этой стороны, приведенный нами разсказъ имѣетъ то значеніе, что изъ него очевидно какъ то, что лжеискупитель и „искатель истины“ — Александръ Ивановичъ сошлись между собою въ воззрѣніяхъ по вопросу о происхожденіи грѣха, такъ и то, что оба они были согласны и въ вопросѣ о средствахъ противъ этого грѣха. Солидарность, такимъ образомъ, между тѣмъ и другимъ существовала полная; имъ оставалось только соединить во едино свои силы и способности, чтобы начать съ развращенными хлыстами рѣшительную и отчаянную борьбу. На успѣхъ этой борьбы можно было разсчитывать, такъ какъ силы и способности того и другаго были велики и удачно пополняли другъ друга. Если Селивановъ былъ хитръ и изворотливъ и въ тоже время отличался мягкостію характера и видимою скромностію, то Александръ

---

(1) Чтен.... 1864 г. 4 № 78 стр.

(2) Тамъ же, 78—79 стр.

Ивановичъ, обладая не меньшею способностію изворачиваться въ самыхъ запутанныхъ дѣлахъ и морочить людей разными диковинками, вмѣсто скромности и мягкости характера, обладалъ твердостію, рѣшительностію и даже суровостію характера. Александръ Ивановичъ всегда умѣлъ найти средства выпутаться изъ затруднительныхъ обстоятельствъ. Вотъ, между прочимъ, разсказъ, переданный Андреяновымъ, о продѣлкѣ Шилова съ караульнымъ солдатомъ, когда онъ находился въ Шлиссельбургской крѣпости. Въ сосѣдствѣ съ комнатой Александра Ивановича, разсказываетъ Андреяновъ, находился, тоже въ заключеніи, другой скопецъ. Этотъ послѣдній имѣлъ обыкновеніе ходить въ ночное время къ Александру Ивановичу, очевидно, для бесѣды. Не находя препятствія въ этомъ со стороны караульнаго солдата, онъ долженъ былъ однако скрывать свои тайныя посѣщенія отъ другаго солдата, находившагося при комнатѣ Александра Ивановича. Однажды, такое посѣщеніе и было замѣчено послѣднимъ. Не зная, какъ освободиться изъ засады (онъ уже находился въ комнатѣ Александра Ивановича) и возвратиться въ свою комнату, онъ обратился къ Александру Ивановичу. Александръ Ивановичъ, съ свойственнымъ ему мужествомъ и съ сознаніемъ своей ловкости и умѣнья постарался его ободрить. „Не робѣй! ничего не случится“! Послѣ этихъ словъ онъ велѣлъ скопцу какъ можно сильнѣе и притомъ моментально отворить дверь его комнаты, а самому нѣсколько времени обождать выходить изъ нея. Тотъ такъ и сдѣлалъ. Караульный, при размахѣ дверей, сильно ударилъ ружьемъ въ двери, такъ что переломилъ ложу и самъ упалъ на полъ; скопецъ же, дождавшись удобной минуты, выбѣжалъ изъ комнаты, и, прибѣжавъ въ свою, легъ на койку. Понятно, что упавшій караульный солдатъ поднялъ крикъ, на который явились другіе солдаты и самъ начальникъ. Когда послѣдній обратился къ Шилову съ вопросомъ: „хозяинъ, что у тебя случи-

лось?“ онъ отвѣчалъ: „помилуйте, у насъ ничего не случилось; но этотъ солдатъ насъ часто безпокоитъ, а иногда отъ чего-то кричитъ“. Это показаніе Александра Ивановича подтвердили и другіе скопцы, присутствовавшіе при этомъ, такъ какъ послѣднимъ еще заранѣе онъ сказалъ, что нужно отвѣчать. Дѣло кончилось тѣмъ, что невиннаго солдата наказали палками (1). Разсказываютъ, что Александръ Ивановичъ, „творилъ разныя чудеса“ (2). Чудеса эти, очевидно, были не что иное, какъ шарлатанство. Наконецъ, извѣстно, что Шиловъ былъ одинъ изъ отважнѣйшихъ и въ тоже время искуснѣйшихъ скопческихъ „мастеровъ“ (3); но, чтобы быть такимъ, очевидно, нужно имѣть и соотвѣтствующія душевныя качества. Такимъ образомъ, Александръ Ивановичъ не только обладалъ тѣми качествами, какія были у лжеискупителя, но имѣлъ и такія, какихъ не было у послѣдняго, напр. способность совершать операцію оскопленія. Насколько дорого и высоко цѣнилъ Александра Ивановича Селивановъ, это видно изъ тѣхъ нѣжныхъ наименованій и рѣчей, которыми онъ такъ щедро осыпалъ его въ своихъ „страдахъ“. „Онъ (Александръ Ивановичъ) былъ мнѣ, говоритъ лжеискупитель, вѣрный другъ и великій помощникъ, и непобѣдимый воинъ отъ начала и до конца своей жизни, ревностно воевалъ противъ грѣха и много мнѣ помогалъ, и нѣтъ мнѣ нынѣ такова помощника, и нигдѣ не могу избрать, ни въ Питерѣ, ни въ Москвѣ, ни въ другихъ

---

(1) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 3 № 180—181 стр.

(2) Тамъ же, 180 стр.

(3) Шиловъ въ числѣ обязанностей долженъ былъ нести и обязанность «мастера». Къ такому предположенію приводитъ насъ слѣдующее мѣсто посланія: «вотъ тебѣ мой мечъ, обращается къ нему лжеискупитель, ты будешь у многихъ древъ сучья и грѣхъ сѣчь» (Чтен въ общ. ист... 1864 г. 4. V. 78 стр.). И изъ исторіи Шилова видно, что онъ исправно исполнялъ эту свою обязанность (Чт.. 1872 г. 3 № 182—183 стр. и 191 стр.).

городахъ“ (1). Заповѣдуя своимъ дѣтушкамъ „призывать на молитвахъ Александра Ивановича“, лжеискупитель въ другомъ мѣстѣ своихъ „страдъ“ пишетъ: „онъ (Александръ Ивановичъ) по моему благословенію вывелъ васъ (скопцовъ) изъ непроходимой грязи и посадилъ въ царскій садъ, и онъ былъ мнѣ другъ и наперсникъ и вѣрный мой казначей“ (2).... Дѣйствительно, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, Александръ Ивановичъ имѣлъ рѣшающее значеніе для всей дѣятельности лжеискупителя, такъ что не будь перваго, можетъ быть, не было бы въ исторіи скопчества и такъ назыв. „золотаго времени“. Не даромъ, поэтому, скопцы усвояютъ Александру Ивановичу названіе „предтечи“ лжеискупителя (3).

Заручившись такимъ „вѣрнымъ другомъ и неизмѣннымъ помощникомъ“, какимъ былъ Александръ Ивановичъ, Селивановъ съ энергіей приступилъ теперь къ осуществленію своей завѣтной мечты. Грозныя обличенія противъ укоренившихся въ обществѣ хлыстовъ многихъ пороковъ и преступленій, а съ другой стороны, ужасная проповѣдь о необходимости оскопленія, стали слышаться чаще и чаще. „Лѣпость весь свѣтъ поѣдаетъ, говорилъ лжеискупитель, и отъ Бога отвращаетъ, и къ Богу итти не допускаетъ, и потому многіе въ пагубной лѣпости пророки пророчества, учители учительства, угодники и подвижники своихъ подвиговъ лишились“.... Поэтому, продолжаетъ онъ, „удаляйтесь злой лѣпости, и не имѣйте съ сестрами, а сестры съ братьями, праздныхъ разговоровъ и смѣховъ, отъ чего происходитъ лѣпость“ (4). Вооружаясь противъ „лѣпости“ или разврата и убѣж-

---

(1) Чтен. въ общ. ист. 1864 г. 4 № 79 стр.

(2) Тамъ же, 88 стр.

(3) Тамъ же—1872 г. 1 № 70, 71 и 90 стр. — показанія Кудимова и Созоновича.

(4) Тамъ же, 3 № 100 стр.

дая хлыстовъ отстать отъ нея, лжеискупитель вмѣстѣ съ тѣмъ предлагалъ и средство для совершеннаго уничтоженія ея. Средство это есть моментальное убійство въ каждомъ грѣховнаго начала, заключающагося въ половыхъ органахъ: „ужъ змѣю бить, такъ и бей поскорѣе до смерти, покуда на шею не вспрыгнула и не укусила!“, говорилъ онъ еще Александру Ивановичу (1). Можно думать, конечно, что первыми жертвами этого сумасброднаго ученія были самъ Селивановъ и его другъ Александръ Ивановичъ; такъ, по крайней мѣрѣ, передаютъ сами скопцы (2), къ этому, очевидно, должно приводить и простое соображеніе. Были ли послѣдователи этого ученія между хлыстами корабля Акулины Ивановны, — сказать что-либо опредѣленное трудно. Вѣроятно, были; иначе ничѣмъ нельзя объяснить весьма скоро обнаружившееся страшное негодованіе и возстаніе противъ главнаго проповѣдника скопчества со стороны хлыстовъ.

Въ кораблѣ Акулины Ивановны образовалась цѣлая партія, противная Селиванову и его другу. Главными представителями и агитаторами ея были какая-то пророчица, братъ ея и пророкъ Филимонъ. Первая и второй нѣсколько разъ даже покушались убить лжеискупителя; но всякій разъ безуспѣшно (3). Вслѣдствіе этихъ причинъ, а отчасти и потому, что событія 1772 года были еще памятны лжеискупителю, послѣдній рѣшился пока оставить въ покоѣ жестоковыйныхъ хлыстовъ корабля Акулины Ивановны и перенести свою дѣятельность на почву болѣе воспріимчивую. Быть можетъ по указанію своего друга, мнимаго предтечи, лжеискупитель вмѣстѣ съ нимъ отправился изъ орловской губерніи къ сѣверу — въ тульскую губернію, гдѣ также существовало мно-

---

(1) Чтен.... 1864 г. 4 № 79 стр.

(2) Тамъ же. 1872 г. 3 № 101 стр.

(3) Тамъ же, 1864 г. 4 № 75 стр.

радѣнія и во время послѣднихъ они производили операцію оскопленія надъ тѣми, кто желалъ. Такимъ образомъ, вновь были оскоплены: дьячекъ Савелій Алексѣевъ и крестьяне Иванъ Корнѣевъ, Іона Холинъ и Алексѣй Тарасовъ (1). Успѣхъ скопчества чѣмъ далѣе, тѣмъ становился все больше и больше. Кромѣ жителей села Сосновки, оскоплены были тутъ же и нѣкоторые крестьяне другихъ селъ; таковы были Егоръ и Иванъ Дробышевы и Ѳедоръ Кузнецовъ, жившіе въ Правыхъ и Лѣвыхъ Ламкахъ, недалеко отъ Сосновки (2). Въ упоеніи отъ такого успѣха проповѣдники скопчества простерли свой фанатизмъ даже на малолѣтнихъ. Такъ, сначала былъ оскопленъ малолѣтній Алексѣй Топорковъ во время радѣнія (3); вслѣдъ за нимъ оскоплены были еще два мальчика: Дій Карнѣевъ и Иванъ Семыкинъ (4). Всѣхъ оскопившихся до половины марта 1775 года, какъ оказалось по слѣдствію, было до шестидесяти человѣкъ (5).

Само собою понятно, что такое быстрое развитіе зла въ Сосновкѣ и въ ближайшихъ къ нему селахъ не могло оставаться долго тайною для прочихъ жителей этихъ мѣстностей. Скорому открытію этого зла способствовали отчасти и сами проповѣдники скопчества, которые, оскопляя малолѣтнихъ, тѣмъ самымъ дѣлали возможнымъ открытіе послѣдними, по ихъ неразумію, тайны своего оскопленія. Дѣйствительно, въ началѣ марта 1775 года мальчики Иванъ Семыкинъ и Дій Карнѣевъ, по разнымъ обстоятельствамъ, вынуждены были разсказать сначала своимъ родственникамъ, а потомъ мѣстнымъ священникамъ Ивану Емельянову и Герасиму Лазареву о томъ, кѣмъ, гдѣ

---

(1) Реутскій, 106 стр.

(2) Тамъ же, 107 стр. и Чт. въ общ. ист. 1872 г. 3 №. 62 стр.

(3) Реутскій, 107—109 стр.

(4) Чтен... 1872 г. 3 № 63 стр.

(5) Реутскій, 109 стр.

и какъ они были оскоплены. Священники Емельяновъ и Лазаревъ, узнавъ подробности дѣла, донесли объ оскопителяхъ епископу Ѳеодосію; возникло дѣло, и проповѣдники скопчества сочли себя вынужденными, покинувъ фабрику Лушнина, разойтись въ разныя стороны (1).

Селивановъ, какъ можно полагать на основаніи „страдъ", направилъ свой путь къ Тулѣ. Въ сообществѣ съ Мартынушкою,—человѣкомъ извѣстнымъ только по „страдамъ",—онъ сталъ расхаживать по Тулѣ и по ближайшимъ къ ней селамъ и деревнямъ. Разъ въ селѣ Тифинѣ (иначе Тихвинскомъ или Авдотьинѣ, бронницкаго уѣзда, московской губерніи), во время ярмарки онъ былъ схваченъ солдатами, которые привязали его къ телѣгѣ и остригли ему половину головы; но воспользовавшись сномъ караулившихъ солдатъ, онъ убѣжалъ въ примыкавшую къ селу рожь и, такимъ образомъ, благополучно прибылъ къ своему другу Мартынушкѣ (2). Разсказъ этотъ показываетъ съ одной стороны, что уже въ это время Селивановъ былъ отыскиваемъ между разнаго рода „странниками и нищими", а съ другой свидѣтельствуетъ о томъ, что лжеискупитель, принявъ на себя знакомую уже ему маску „нищаго и убогаго", подъ такимъ видомъ ходилъ въ разныя селенія и преимущественно въ то время, когда въ нихъ по какимъ либо обстоятельствамъ бывали многолюдныя собранія народа. Не оставлялъ лжеискупитель своими посѣщеніями и „божіихъ людей", стараясь между ними пріобрѣтать новыхъ прозелитовъ. Въ одно изъ такихъ посѣщеній Мартынушка былъ убитъ „божьими людьми". „Въ единой ночи, разсказываетъ объ этомъ Селивановъ, былъ я съ Мартынушкой у божьихъ людишекъ на бесѣдѣ, и чрезъ его уста Богъ ему предвѣстилъ стра-

---

(1) Чтен. въ общ. ист.... 1872 г. 3 № 63 стр.

(2) Тамъ же. 1864 г. 4 № 74—75 стр.

дальческую кончину, такъ глаголя: „Возлюбленные люди! Летитъ птица вранъ и хочетъ расклевать голову мою, и достать изъ нея мозгъ, а вы, братья, не убойтесь“! Его убили на дорогѣ „два брата отъ божьихъ людей“ (1).

Въ то время, когда Селивановъ совершалъ свои странствованія, слѣдственное дѣло объ открывшихся на фабрикѣ Лушнина и въ Сосновкѣ скопцахъ, продолжалось. Главнымъ слѣдователемъ былъ тотъ же Волковъ, который производилъ слѣдствіе о скопцахъ въ 1772 году. Побывавъ въ Сосновкѣ и на фабрикѣ Лушнина и не нашедши „главныхъ зачинщиковъ“ скопчества, Волковъ, согласно высочайшему повелѣнію, приговорилъ одного скопца къ наказанію кнутомъ и къ ссылкѣ въ каторжную работу, а другаго къ ссылкѣ въ Ригу; осьмерыхъ скопцовъ, бывшихъ первыми жертвами фанатизма Селиванова, т. е. Попова, Плотицына, Семыкина, Прокудина, Топоркова, Алексѣева, Савельева и Ретиваго, отослалъ, по наказаніи батогами, въ Ригу; прочіе, которыхъ было болѣе пятидесяти человѣкъ, оставлены на прежнемъ мѣстѣ жительства безъ наказанія (2). Между тѣмъ, были приняты мѣры и къ отысканію „кіевскаго затворника Кондратія Селиванова“, шатавшагося уже въ Москвѣ, какъ прошелъ о томъ слухъ. Оберъ-полицеймейстеръ Архаровъ, которому было поручено отыскать бродягу Кондратія Селиванова (3), дѣйствительно, скоро напалъ на его слѣдъ.

Бродяга Кондратій Селивановъ послѣ извѣстнаго намъ убійства Мартынушки, опасаясь, вѣроятно, той же самой участи со стороны озлобившихся хлыстовъ, бросилъ тульскую губернію и направился къ Москвѣ. Прибывъ въ Москву, гдѣ, какъ извѣстно, существовало

---

(1) Чт. въ общ. ист... 1872 г. 3 № 147 стр.

(2) Тамъ же, 41—42 стр.

(3) Тамъ же, 40 стр.

множество домовъ людей божіихъ, онъ, однако, не находилъ себѣ пока пріюта ни въ одномъ изъ нихъ. Можно даже думать, что онъ со стороны московскихъ хлыстовъ подвергся преслѣдованію, такъ что, быть можетъ, они-то и распространили слухъ о пребываніи въ Москвѣ извѣстнаго „кіевскаго затворника, именующаго себя Кондратіемъ Селивановымъ“ и изъ этихъ то источниковъ, быть можетъ, и узнало правительство о дѣйствительномъ мѣстонахожденіи скопческаго ересіарха. „А на крестъ меня отдали людямъ, говорилъ впослѣдствіи о себѣ Селивановъ, божьи люди, а я жилъ тогда у жены грѣшницы, Ѳеодосьи Іевлевны, въ домѣ; она меня приняла, а свои не приняли, и доказали и привели въ домъ ея солдатъ.... и приходили къ ней два раза, и не нашли меня, а я уже былъ спрятанъ въ подполье; а послѣ онаго мои людишки и сказали солдатамъ и офицеру: пойдемте въ третій разъ и найдемъ-те его и отдадимъ вамъ въ руки на муки, и приведши ихъ, говорили: берите! онъ здѣсь въ подпольѣ, которые и разломали полъ и вытащили меня за волосы“ (¹). Кто такова была Ѳеодосья Іевлевна, за отсутствіемъ свидѣтельствъ, ничего нельзя сказать опредѣленнаго.

Такимъ образомъ Селивановъ былъ пойманъ и арестованъ. По принятому обычаю—наказывать преступниковъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они совершали свои преступленія, — его сначала отправили въ Тулу, потомъ въ Тамбовъ и наконецъ въ Сосновку. Вездѣ, куда его ни привозили, его подвергали пыткамъ и наказаніямъ, бывшимъ въ употребленіи въ то время; били нещадно плетьми, обливали голову сурпучемъ, драли ротъ, носъ, уши и проч. Наконецъ, согласно съ постановленіемъ, состоявшимся 16-го августа 1775 г., онъ былъ отправленъ въ Нерчинскъ (²). Испытанныя

(¹) Чтен. въ общ. ист... 1864 г. 4 № 80 стр.

(²) Когда именно отправили его—неизвѣстно. Полагаютъ, что послѣднее наказаніе въ Сосновкѣ совершилось 15 сент. 1775 г. (Чт...

лжеискупителемъ истязанія поэтически и въ трогательной для простолюдина формѣ переданы имъ самимъ въ „страдахъ“. Такъ, говоря о наказаніяхъ въ Тамбовѣ, Селивановъ выражается: „кто бранилъ, кто плевалъ и всячески надо мною наругались, а отецъ мой велѣлъ мнѣ все съ радостію принять, хотя не для себя, а для всѣхъ моихъ дѣтушекъ, и для искупленія отъ грѣховнаго паденія“. Говоря далѣе о тягости этихъ наказаній, онъ восклицаетъ: „о, отецъ мой небесный, не оставь ты меня безъ своей помочи и помоги мнѣ все опредѣленное отъ тебя вынести на моемъ тѣлѣ! Ежели да поможешь, то наступлю на злаго змѣя и разорю всю лѣпость до конца“ (1). Еще своеобразнѣе представляются эти наказанія въ „роспѣвцахъ“ скопцовъ:

„Вы послушайте, любезные“, читаемъ въ одномъ изъ нихъ,
„Вы господневи ученые,
Сыны божіи мученые:
Какъ распятъ былъ на крестѣ,
Его мучили вездѣ.
Онъ сидѣлъ на томъ на стулѣ (2);
Отвѣчалъ прежде у Тулѣ,
Наказали его въ Моршѣ,
Пречистыя его мощи.
Пилатъ (3) билъ его мечемъ

1872 г. 3 № 63—64 стр.); слѣд. въ томъ же, вѣроятно, сентябрѣ мѣсяцѣ его и отправили въ Сибирь. Противъ этого предположенія, однако, говорятъ «страды», изъ которыхъ извѣстно, что лжескупитель въ тамбовской тюрьмѣ просидѣлъ около четырехъ мѣсяцевъ (Чтен... 1864 г. 4 № 81 стр.). Но помимо этого, не заслуживающаго особеннаго довѣрія, показанія «страдъ», простое соображеніе приводитъ къ невозможности признать 15-е сент. временемъ послѣдняго наказанія лжескупителя. Въ самомъ дѣлѣ, въ какихъ-нибудь 20-ть дней невозможно пройти столько мытарствъ. Поэтому и наказаніе въ Сосновкѣ совершилось, по нашему мнѣнію, гораздо позже.

(1) Чтен.... 1864 г. 4 № 81 – 82 стр.

(2) Т. е. въ темничныхъ колодкахъ.

(3) Волковъ, производившій слѣдствіе.

По могучимъ по плечамъ,
Его били до руди (1),
Не жалѣлъ свои труды (2) и проч.

Такихъ роспѣвцевъ весьма много и вездѣ лжеискупитель представляется человѣкомъ невинно страждущимъ (3). Признавая Селиванова невинно пострадавшимъ мученикомъ, скопцы еще болѣе увѣровали въ его мнимо-божественное посланничество и въ проповѣдуемое имъ ученіе о необходимости оскопленія. Плоды ихъ искренней вѣры и замѣчательной симпатіи къ преступнику обнаружились весьма скоро.

II.

1775—1802 гг.

Въ орловской губерніи послѣ извѣстнаго слѣдственнаго дѣла о скопцахъ въ 1772 году, и съ удаленіемъ оттуда основателя скопческой секты, скопчество продолжало существовать и распространяться. Въ донесеніи Кирилла, еп. сѣвскаго, св. Синоду въ 1777 году о томъ, что дѣлать со скопцами въ случаѣ обращенія ихъ къ православію, говорится, что ало скопчества „не только не пресѣкается, но еще распространяется“ (4). Рядъ слѣдственныхъ дѣлъ, слѣдовавшихъ одно за другимъ, вполнѣ подтверждаетъ слова еп. Кирилла. Такъ, въ 1799 году стали извѣстны правительству два скопца—крестьяне помѣщицы Дурновой, сельца Васильевскаго, орловской губерніи (5); въ 1800 году еще одинъ скопецъ въ томъ же сельцѣ Васильевскомъ; въ томъ же году были открыты скопцы,

(1) Т. е. до крови.
(2) Чтен... 1872 г. 3 № 106—107 стр.
(3) См. напр. Чтен... 1872 г. 3 № 108—110, 113—115 стр.
(4) Тамъ же, 42 стр.
(5) Тамъ же, 54 стр.

числомъ четверо, въ ливенской округѣ и въ кромской (нынѣ уѣзды орловской губерніи); въ 1801 году снова обнаружились въ сельцѣ Васильевскомъ два скопца (1). Правда, эти слѣдственныя дѣла сравнительно относятся къ позднему времени, именно къ 1800 году по преимуществу, но нѣтъ сомнѣнія, что дѣйствительное начало преступленій, о которыхъ производились дѣла въ 1800 году, восходятъ къ болѣе раннему времени. О калужской губерніи извѣстно, что въ ней въ 1792 г. или даже, можетъ быть, ранѣе существовали скопцы въ имѣніяхъ кн. Прозоровскаго и кнн. Волконскихъ (2). Въ той же калужской губерніи и именно въ жиздринской округѣ были открыты пять скопцовъ въ 1801 году; замѣчательно, что эти скопцы объявили своимъ оскопителемъ крестьянина орловской губерніи (3). Въ курской губерніи, какъ открылъ Юрашкевичъ, производившій слѣдствіе о ливенскихъ скопцахъ, въ щигровской и фатежской округахъ было громадное количество скопцовъ еще до 1800 года; притомъ, эти скопцы, какъ показалъ тотъ же Юрашкевичъ, находились, очевидно, въ ближайшихъ сношеніяхъ съ скопцами орловскими (4). Къ тремъ названнымъ губерніямъ — орловской, курской и калужской смежнымъ между собою, нужно присоединить еще и тульскую губернію, гдѣ, какъ извѣстно, нѣкоторое время странствовалъ лжеискупитель и откуда былъ родомъ Шиловъ. Первое оффиціальное извѣстіе о появленіи скопчества въ тульской губерніи, и именно въ селѣ Васильевскомъ, тульскаго уѣзда, относится къ 1776 году, когда полковникъ Масловъ, которому принадлежало это село, узналъ, что его дворовый человѣкъ Иванъ Шиловъ, племянникъ извѣстнаго Алек-

---

(1) Сборн. Кельс. Ш. 39—40 стр.

(2) Чтен... 1872 г. 3 № 43 стр.

(3) Сборн. Кельс. Ш. 41 стр.

(4) Тамъ же, 40—41 стр.

сандра Ивановича, оскопленъ послѣднимъ (1). Были-ли другіе случаи оскопленій въ этомъ селѣ, а равно и въ другихъ мѣстахъ тульской губерніи, неизвѣстно; можно, впрочемъ, догадываться, что алексинскій уѣздъ, гдѣ находился первооскопленникъ Селиванова Емельянъ Ретивой, изобиловалъ скопцами. Къ этому послѣднему предположенію приводитъ то обстоятельство, что въ 1806 году въ деревнѣ Вышенкахъ въ одинъ разъ взято было 20-ть скопцовъ (2).

Такимъ образомъ, четыре внутреннія губерніи Россіи, въ разсматриваемое нами время, въ большемъ или меньшемъ количествѣ имѣли скопцовъ. Но ни одна изъ этихъ губерній, взятая въ отдѣльности, не имѣла важнаго значенія въ исторіи скопчества разсматриваемаго времени. Значеніе каждой изъ нихъ, равно какъ и всѣхъ вмѣстѣ, было только вспомогательное; общіе центры, къ которымъ онѣ, смотря по обстоятельствамъ, тяготѣли, находились внѣ ихъ. Такими центрами, которые притягивали къ себѣ всѣ имѣвшіяся у скопцовъ силы, были губерніи: тамбовская, московская и петербургская.

Едва только утихла страшная гроза, постигшая скопцовъ въ 1775 году, сосновскіе скопцы, благодаря заботливымъ стараніямъ Ивана Панфилова Казарцова, начали мало по малу стекаться въ одно мѣсто и рѣшать трудный вопросъ о томъ, какъ бы возвратить лжеискупителя изъ Сибири. Уже чрезъ пять лѣтъ, т. е. въ 1781 году, пророчица Анна Софоновна, дочь извѣстнаго скопца Софона Попова, „стала духомъ выпѣвать, какъ отца своего искупителя находить, и кого къ нему изъ дѣтушекъ отрядить“ (3). Мѣсто пребыванія лжеискупителя было отыскано; найдены были и лица, которые могли отправиться къ нему; отыска-

---

(1) Чтен.... 1873 г. 1 № 7 стр.

(2) Реутскій, 117—148.

(3) Чтен... 1864 г. 4 № 83 стр.

ны были, наконецъ, и средства для такого дальняго путешествія и труднаго предпріятія. Вѣроятно, весьма скоро послѣ неоднократнаго „выпѣванія“ пророчицы, скопцы общими силами снарядили въ Иркутскъ Алексѣя Тарасовича и Марка Карповича съ тѣмъ, чтобы послѣдніе отыскали проживавшаго тамъ Селиванова и чтобы они постарались уговорить его къ побѣгу. Вѣруя въ непреложность пророчества Анны Софоновны, что „не они будутъ искать его, а онъ ихъ искать будетъ“, посланные, дѣйствительно, совершенно неожиданно наткнулись на базарѣ на своего батюшку, который ходилъ съ блюдомъ въ рукахъ, собирая подаяніе. Само собою понятно, радость отъ неожиданной встрѣчи была полная. Тѣмъ не менѣе, чтобы отвлечь вниманіе людей посторонннихъ, Селивановъ недолго разговаривалъ съ своими дѣтушками, сказавъ имъ, что „самъ онъ придетъ къ нимъ въ домъ, гдѣ они остановились“. Дѣйствительно, въ эту же ночь онъ прибылъ къ нимъ на постоялый дворъ; разговоръ до того былъ оживленный и интересный для обѣихъ сторонъ, что лжеискупитель даже заночевалъ у своихъ дѣтушекъ. На предложеніе послѣднихъ вмѣстѣ съ ними уѣхать въ Россію, онъ отвѣчалъ уклончиво, говоря, что онъ „видѣлъ сонъ, будто-бы по дорогѣ у васъ разосланы веретья, и нѣтъ мнѣ дороги къ вамъ“ (1). Иначе говоря, Селиванову невозможно было еще бѣжать, такъ какъ за нимъ наблюдали. Послѣ непродолжительнаго пребыванія въ Иркутскѣ, Алексѣй Тарасычъ и Маркъ Карпычъ благополучно возвратились въ Сосновку.

Въ Москвѣ дѣйствовалъ на пользу скопческихъ интересовъ Иванъ Максимовичъ Лушнинъ, прежде бывшій тульскій купецъ, а потомъ капитанъ. Въ виду, вѣроятно, опасности продолжать свои преступныя дѣйствія на фабрикѣ, находившейся въ алексинскомъ

(1) Чтен... 1864 г. 4 № 83 стр.

уѣздѣ, тульской губерніи, Лушнинъ, неизвѣстно, впрочемъ, когда, переѣхалъ въ Москву. Собравъ около себя до десяти человѣкъ единомышленниковъ, онъ началъ распространять скопчество. Свой домъ онъ превратилъ въ „сіонскую горницу“ (1). Но чтобы отклонить отъ себя всякое подозрѣніе со стороны начальства и прочихъ лицъ, чѣмъ либо опасныхъ, онъ содержалъ дѣвку, которая играла роль его любовницы. Правою его рукою былъ прикащикъ Марко Якушовъ. До 1792 года корабль Лушнина пользовался невозмутимымъ спокойствіемъ; число членовъ умножалось и въ тоже время шла дѣятельная переписка съ петербургскими и тамбовскими скопцами; въ этомъ же году кн. Прозоровскій, розыскивая въ Москвѣ мартинистовъ, нечаянно натолкнулся и на скопцовъ лушнинскаго корабля. Вслѣдствіе этого онъ написалъ письмо къ Зубову, прося его освѣдомиться у императрицы о мѣрахъ, какія слѣдуетъ принять противъ открытыхъ скопцовъ. Неизвѣстно, послѣдовалъ ли отвѣтъ на это письмо, но розысковъ о скопцахъ не было. Такимъ образомъ, лушнинскій корабль продолжалъ благоденствовать. Рядомъ съ кораблемъ Лушнина находились въ Москвѣ и другіе скопческіе дома. Такъ, въ Мѣщанской части, въ приходѣ Троицы, что въ Троицкомъ, находился домъ купца-скопца Ѳеодора Евсѣева Колесникова (2). Личность Колесникова весьма замѣчательна въ исторіи скопчества, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ. Къ сожалѣнію, объ этой личности нѣтъ почти свѣдѣній. Извѣстно только то, что Колесниковъ, будучи величайшимъ приверженцемъ скопчества, имѣлъ весьма обширную торговлю съ Сибирью. По торговлѣ онъ былъ извѣстенъ даже Павлу Петровичу, въ то время еще бывшему наслѣдникомъ престола, и самой императрицѣ Екатеринѣ II (3).

(1) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 3 № 43—45 стр.

(2) Тамъ же, 219 стр.

(3) Рус Вѣстн. 1869 г. № 5. 249 стр.

Вблизи дома Колесникова находились еще два скопческихъ дома: купца Жигарева и Тимофеева (1). Изъ Москвы неизвѣстными путями скопчество начало проникать и въ сосѣднія подмосковныя села и деревни. Такъ, изъ дѣла московской уголовной палаты 1813 г. видно, что въ 1790 году скопцы появились въ подмосковномъ селѣ Царицинѣ, гдѣ главою ихъ былъ крестьянинъ Иванъ Сорокинъ; далѣе появились скопцы въ подольскомъ уѣздѣ въ деревнѣ Ѳоминской и въ селѣ Булатниковѣ; наконецъ они обнаружились и въ серпуховскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Максимихѣ (2). Такимъ образомъ, въ Москвѣ и около Москвы ко времени возвращенія лжеискупителя существовало достаточное количество скопцовъ. Число это увеличивалось еще пришлыми скопцами. По замѣчанію г. Мельникова, ко времени бѣгства лжеискупителя изъ Сибири, между скопцами орловской, тульской и тамбовской губерній стали замѣчаться движенія однихъ въ Москву (преимущественно изъ первыхъ двухъ), а другихъ въ Петербургъ (3).

[illegible] петербургской губерніи скопчество распространялось подъ сильнымъ вліяніемъ А. Шилова. Послѣдній, разошедшись съ лжеискупителемъ въ то время, когда сосновское дѣло стало извѣстнымъ начальству, также скрылся отъ слѣдствія; однако, чрезъ нѣкоторое время и онъ былъ отысканъ и согласно съ прежнимъ опредѣленіемъ отправленъ былъ въ Ригу (4), вѣроятно, въ томъ же 1775 году. Прибывъ въ Ригу, онъ нашелъ здѣсь девять сосновскихъ скопцовъ, которыхъ онъ самъ оскопилъ и которые были отправлены на фортификаціонныя работы въ ту же Ригу. Отчасти при помощи своихъ единомышленниковъ, но бо-

(1) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 3 № 221 стр.

(2) Тамъ же, 45 стр.

(3) Рус. Вѣсти. 1869 г. № 5, 245—246 стр.

(4) Чтен... 1872 г. 3 № 42 стр.

лѣе всего самъ лично, Шиловъ, работая въ кузницѣ вмѣстѣ съ солдатами и познакомившись съ ними, сталъ уговаривать ихъ къ оскопленію (1). Пропаганда его имѣла полный успѣхъ: въ 1789-мъ году, по показанію Архипова, было оскоплено уже двѣнадцать человѣкъ. Въ это время главнымъ помощникомъ Шилова былъ инженерн. унт.-офицеръ Савелій Казуткинъ, который по порученію Шилова исправлялъ должность скопческаго „мастера“. Самъ Шиловъ игралъ роль „главнаго пророка и батюшки“ всѣхъ рижскихъ скопцовъ и обыкновенно первенствовалъ во время радѣній. Эти послѣднія происходили въ Ригѣ же, въ домѣ мѣщанина Дегтерева, большею частію по праздникамъ. Во время радѣній Шиловъ читалъ скопцамъ „житіе и страданіе перваго учителя скопцовъ, называемаго искупителемъ“ (2). Не ограничиваясь Ригою, Шиловъ простиралъ свое вредное вліяніе и на другія болѣе отдаленныя мѣстности, между прочимъ на мызу Царскую Славянку, отстоявшую верстахъ въ шести отъ Павловска.

Въ Царской Славянкѣ проживалъ племянникъ А. Шилова, Иванъ Шиловъ. Исторія этого замѣчательнаго для скопчества человѣка слѣдующая. Въ 1776 г. помѣщикъ Масловъ, узнавъ объ оскопленіи Ивана Шилова, отдалъ его въ военную службу въ Шлиссельбургскій пѣхотный полкъ; отсюда Шиловъ былъ переведенъ въ Нарвскій пѣхотный полкъ; въ 1784-мъ году, за болѣзнію, онъ былъ отставленъ отъ службы и отданъ подъ росписку магазенъ-вахтеру Михаилу Гужеву; съ этого-то именно времени Шиловъ и поселился въ мызѣ Славянкѣ, гдѣ былъ нанятъ для присмотра за лѣсопильной и мукомольной мельницами (3). Узнавъ, что дядя его Александръ

---

(1) Чтен... 1872 г. 3 № 182 стр.

(2) Тамъ же, 191—192 стр.

(3) Тамъ же—1873 г. 1. 7 стр.

Шиловъ находится въ Ригѣ. Иванъ Шиловъ началъ съ нимъ дѣятельную переписку отчасти чрезъ почту, но болѣе всего при посредствѣ рижскаго купца Тимоѳея Артамонова. Слѣдствіемъ этой переписки было то, что Иванъ Шиловъ, подстрекаемый своимъ дядею, началъ обширную пропаганду скопчества. Скоро скопчество появилось не только въ Славянкѣ, но и въ другихъ ближайшихъ къ ней мѣстностяхъ, какъ то: въ слободахъ Покровской и Большой, въ Ѳеодоровскомъ посадѣ и въ городѣ Павловскѣ. Въ послѣднемъ, между прочимъ, увлечено было къ скопчеству семейство крестьянина Ивана Фролова, имѣвшаго двухъ сыновей — Якова и Алексѣя, изъ которыхъ Яковъ Фроловъ содержалъ моленную въ Павловскѣ, а Алексѣй—въ Покровской слободѣ (1).

Такимъ образомъ, въ то время какъ Александръ Шиловъ распространялъ скопчество между рижскими солдатами, его племянникъ дѣлалъ тоже самое, но гораздо въ большихъ размѣрахъ, около Петербурга. Однако, дѣятельность Александра Шилова скоро, именно въ 1789 году, сдѣлалась извѣстною начальству. Вслѣдствіе этого, его самого, а равно сосновскихъ скопцовъ и тѣхъ, которые вновь были оскоплены, подвергли наказанію палками; при этомъ Шилова и сосновскихъ скопцовъ, какъ главныхъ виновниковъ, заключили теперь въ Динаминдскую крѣпость съ утвержденіемъ надъ ними строгаго надзора (2). Послѣднее, впрочемъ, мало исполнялось, такъ что Шиловъ, хотя дѣйствительно и не оскоплялъ теперь солдатъ, но переписку съ своимъ племянникомъ велъ безпрепятственно (3). Къ этому времени, между прочимъ, относится неудачное путешествіе Дарьи Климовой и Акулины Ивановой, посланныхъ Иваномъ Шиловымъ

(1) Чтен... 1873 г. 1. 7—9 стр.

(2) Тамъ же—1872 г. 3 № 182—183 и 191 стр.

(3) Тамъ же—1873 г. 1. 12 стр.

въ Ригу для свиданія съ его дядею. Онѣ, прибывъ въ Ригу, уже не нашли здѣсь Александра Шилова; тѣмъ не менѣе узнали, что Александръ Шиловъ находится теперь въ Динаминдской крѣпости и по пріѣздѣ въ Славянку сообщили, конечно, о такомъ великомъ событіи Ивану Шилову (1). Послѣдній, повидимому, нисколько не смутился, когда получилъ такое извѣстіе: онъ по прежнему пропагандировалъ скопчество между окрестными жителями, стараясь въ тоже время по-возможности скрывать отъ лицъ постороннихъ свое сектаторство (2). Свой домъ, который находился около мельницъ, онъ превратилъ въ скопческую молельню, куда стекались съ разныхъ концовъ „дѣвки, молодыя бабы и мужики“ преимущественно въ ночное время. Но и преступной дѣятельности Ивана Шилова не суждено было оставаться долго въ тайнѣ.

Въ 1791 году крестьянинъ мызы Славянки Герасимъ Тихоновъ донесъ писарю Максиму Привалову о происходящихъ въ домѣ Ивана Шилова ночныхъ собраніяхъ. Приваловъ полюбопытствовалъ узнать, что происходитъ во время этихъ собраній и съ этою цѣлію въ одну ночь неожиданно явился въ избу Ивана Шилова. Самого Шилова онъ не засталъ дома, но къ нему пришли уже три женщины. На вопросъ Привалова послѣднимъ: „зачѣмъ онѣ ходятъ къ Шилову?“ онѣ отвѣчали: „насъ Шиловъ учитъ доброму, какъ жить“. Между тѣмъ послано было за Шиловымъ и когда послѣдній явился, то Приваловъ спросилъ и его о цѣли собраній, происходящихъ въ его домѣ, и получилъ тотъ же неопредѣленный отвѣтъ. Привалову, впрочемъ, удалось захватить нѣсколько писемъ, адресованныхъ на имя Ивана Шилова. Когда Приваловъ спросилъ у Шилова: отъ кого писаны эти

---

(1) Заря. 1871 г. 5 кн. 31—32 стр.

(2) Чт. въ общ. ист... 1873 г. 3 № 9—10 стр.

письма, то послѣдній, не придавая, повидимому, никакого значенія своимъ словамъ, открылъ ему, что письма писаны отъ крестьянина Александра Иванова, что Александръ Ивановъ—скопецъ, что онъ многихъ сдѣлалъ скопцами, между прочимъ и его, Ивана Шилова, а дѣлалъ все это для того, чтобы „скопить царствіе божіе и тѣмъ угодить Богу“ (1). Это показаніе Ивана Шилова дало поводъ начать судебныя разслѣдованія прежде всего объ Иванѣ Шиловѣ, а потомъ и о другихъ, соприкосновенныхъ къ этому дѣлу, лицахъ. Дѣло о самомъ Иванѣ Шиловѣ окончилось скоро; онъ, по предписанію императрицы, былъ отправленъ въ Соловецкій монастырь. Подъ слѣдствіе о Шиловѣ подпалъ извѣстный уже намъ крестьянинъ Иванъ Фроловъ, впрочемъ, въ началѣ по причинѣ неотносящейся прямо къ дѣлу Ивана Шилова (2). Затѣмъ, уже по удаленіи Ивана Шилова, арестованы были губернаторомъ лифляндскимъ и эстляндскимъ Броуномъ, по особому предписанію императрицы, Тимоѳей Артамоновъ и жившій въ его домѣ пошехонскій мѣщанинъ Иванъ Кислятниковъ. Оба они, вначалѣ отказавшіеся отъ всякаго сообщества съ Шиловыми, впослѣдствіи сознались, что принадлежатъ они къ „братству“ и Александра Ивановича, т. е. Шилова, почитаютъ „преблагословеннымъ отъ тьмы воспріемникомъ и отцомъ, показующимъ прямой путь ко спасенію“ (3). Кромѣ того, у Артамонова была найдена тетрадь, писанная рукою Александра Шилова и заключавшая въ себѣ тринадцать пѣсенъ. Пѣсни эти, впрочемъ, чисто хлыстовскаго содержанія (4). Къ этимъ лицамъ присоединилось еще новое—нѣкто Алексѣй Васильевъ, динабургскій мѣщанинъ. Онъ, какъ

---

(1) Чт. въ общ. ист... 1873 г. 3 № 10 стр.

(2) Тамъ же, 11 стр.

(3) Тамъ же, 13 и 26 стр.

(4) Тамъ же.

оказалось, прибылъ въ Славянку отъ Александра Ивановича Шилова, конечно, съ какимъ либо порученіемъ, въ то самое время, когда тамъ только что арестовали Шилова Ивана и Фролова. Впрочемъ, Алексѣй Васильевъ изъ-подъ ареста скоро ушелъ (1). Далѣе означенныхъ лицъ судебное слѣдствіе не простиралось. Притомъ и надъ этими лицами гласнаго производства слѣдствія не было, такъ какъ опасались этимъ „разшевелить другихъ раскольниковъ, которыхъ въ Ригѣ находилось много“ (2). Этимъ опасеніемъ „разшевелить раскольниковъ“ отчасти объясняется и слабость наказаній, которымъ подверглись привлеченныя къ слѣдствію лица. Артамоновъ и Кислятниковъ, не смотря на то, что оказались скопцами и принадлежали къ „братству“, просидѣли только нѣсколько времени подъ арестомъ и потомъ были освобождены отъ всякаго наказанія (3). Относительно же Александра Шилова, который, какъ очевидно изъ дѣла, принималъ весьма дѣятельное участіе въ распространеніи скопчества около Павловска, послѣдовало новое предписаніе, чтобы „содержать его подъ крѣпкою стражею такъ, чтобы никакъ никто видѣть его не могъ, и для того никого къ нему не пускать, такъ и писать ему отнюдь ничего не велѣть“.

Нужно предполагать, что не безъ значительнаго участія членовъ „братства“ Александра Шилова скопчество проникло и въ Петербургъ. Въ послѣднемъ около 1790-го г. во главѣ скопцовъ находились ревельскіе мѣщане Гаврила Матвѣевъ и Михаилъ Савельевъ, оскопившіеся хлысты Сидоръ и Иванъ Яковлевы Ненастьевы, имѣвшіе домъ въ староконюшенной улицѣ, купецъ Андрей Костровъ, жившій близъ шестилавочной улицы, и Алексѣй Даниловъ Огород-

---

(1) Чт. въ общ. ист... 1873 г. 3 № 26 и 28 стр.

(2) Тамъ же, 28 стр.

(3) Тамъ же, 29 стр.

Неизвѣстно, когда именно и при какихъ условіяхъ Селивановъ оставилъ Иркутскъ. Принимая, однако, во вниманіе, что лжеискупитель уже въ 1795 году находился въ московской губерніи (1), можно думать, что бѣгство его изъ Иркутска относится или къ 1793 году или даже нѣсколько ранѣе. Объ обстоятельствахъ этого бѣгства сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія Андреяновъ. По словамъ послѣдняго, лжеискупитель, оставивъ Иркутскъ, долгое время странствовалъ по иркутской губерніи, вмѣстѣ съ какимъ-то молодымъ генераломъ. Странствуя, они зашли къ одному крестьянину, у котораго выпросили себѣ пару лошадей, запрягли ихъ „въ зеленую кибитку“ и уѣхали. На дорогѣ ихъ настигла погоня, но такъ какъ послѣдняя не узнала ихъ, то они благополучно прибыли въ какую-то деревню. Здѣсь они нашли пріютъ у какой-то „жонки“, которая спрятала ихъ подъ поломъ. На полу въ это время стоялъ теленокъ и намочилъ, „и мокро, продолжаетъ Андреяновъ, полилося подъ полъ, то царь, увидѣвъ оное, сказалъ генералу: „генералъ, тебя замочитъ“, а тотъ ему отвѣчалъ: „чтобы царя-то не замочило“ (2)! Потомъ основатель скопческой секты (одинъ или вмѣстѣ съ генераломъ—неизвѣстно) перешелъ къ какому-то крестьянину, у котораго пахалъ землю. Однажды, говорится въ донесеніи Андреянова, крестьянинъ за что-то разгнѣвался на лжеискупителя и хотѣлъ его ударить, но послѣдній сказалъ: „эдакъ ты и царя ударишь“. „Развѣ ты царь?“ спросилъ крестьянинъ. Искупитель показалъ ему звѣзду; крестьянинъ испугался и сказалъ царю: „иди, куда знаешь“ (3). — Мы остаемся въ совершенномъ незна-

(1) Чтен... 1872 г. 3 № 46 стр.

(2) Тамъ же,—2 № 52 стр.

(3) Тамъ же,—3 № 299—300 стр.—Эти два свидѣтельства о политическомъ самозванствѣ основателя скопческой секты суть самыя раннія. Правда, въ «страдахъ» лжеискупителя также упоминается имя царя, которое присвоивалось лжеискупителю Анною Романовною, из-

нiи, кто такой былъ этотъ „молодой генералъ“, сопутствовавшій лжеискупителю и гдѣ жили крестьянинъ и крестьянка, у которыхъ Селивановъ нѣкото-

---

вѣстною пророчицею въ кораблѣ Акулины Ивановны; но присвоивалось это имя, очевидно, въ иномъ смыслѣ, въ смыслѣ хлыстовскаго воззрѣнiя на своихъ христовъ; притомъ, оно усвоивалось ему не какъ дѣйствительный, уже существующiй титулъ, а какъ только гадательный, возможный («Посланiе» — Чт. въ общ. ист... 1864 г. 4 № 77 стр.). Такимъ образомъ, основываясь на первыхъ двухъ свидѣтельствахъ, можно допустить то вѣроятное предположенiе, что основатель скопческой секты принялъ на себя имя царя, находясь въ Сибири. Впослѣдствiи, въ бытность въ селѣ Быковѣ, бронницкаго уѣзда, московской губернiи, Селивановъ объявилъ уже себя царемъ Петромъ III Ѳеодоровичемъ (Чт. въ общ. ист... 1872 г. 3 № 48 стр.). Это имя Петра III оставалось всегда именемъ Селиванова и скопцы до сего времени не иначе называютъ своего «батюшку», какъ этимъ именемъ. Какимъ образомъ могла образоваться въ головѣ основателя скопческой секты идея политическаго самозванства и съ какою цѣлiю онъ присоединилъ къ существовавшему уже религiозному самозванству это новое самозванство—подобные вопросы, конечно, не могутъ подлежать безусловному и положительному рѣшенiю. Можно думать, однако, что идея политическаго самозванства явилась въ головѣ основателя скопческой секты подъ вліянiемъ свѣжаго, только что окончившагося предъ отправленiемъ лжеискупителя въ Сибирь самозванства Емельяна Пугачева. На это послѣднее обстоятельство можно находить указанiе въ «страдахъ» самого лжеискупителя. По словамъ лжеискупителя, на дорогѣ въ Сибирь онъ будто бы встрѣтился съ Пугачевымъ, котораго «провожали полки полками и тоже везли подъ великимъ конвоемъ, а меня, продолжаетъ лжеискупитель, везли вдвое того больше и весьма строго, и тутъ которые его провожали, за мной пошли, а которые меня везли, за нимъ пошли».... (Чтен. въ общ. ист... 1864 г. 4 № 82 стр.). Этотъ разсказъ лжеискупителя о его встрѣчѣ съ Пугачевымъ и о происходившей при этой встрѣчѣ размѣнѣ конвоя, какъ несогласный съ дѣйствительною исторiею поимки и казни Пугачева, можно понимать въ смыслѣ указанiя лжеискупителемъ на Пугачева, какъ на ближайшую причину, вызвавшую у него мысль принять на себя имя Петра III. Но и помимо Пугачева, изучаемое нами время изобиловало лже-петрами; такъ извѣстны самозванцы съ именемъ Петра III Дмитрiй Поповичъ въ 1776 году и Николай Шляпниковъ въ 1782 году (Сборн. Кельсiева. III. 117 стр. 151 примѣч.). По свидѣтельству Д. Анучина, «одною изъ характеристическихъ чертъ пугачевщины было появленiе многихъ самозванцевъ. Почти всѣ шайки, дѣйствовавшiя въ пугачевщину, имѣли среди себя смѣльчаковъ, называвшихся Петромъ III». (Графъ Панинъ, усмир. пугачевщ. Рус. Вѣстн.

рое время находился. Соображая послѣдующія обстоятельства исторіи лжеискупителя, такъ и кажется, что „молодой генералъ“ есть не кто другой, какъ извѣстный Масоновъ или Колесниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, Масоновъ, часто пріѣзжая въ Иркутскъ по торговымъ дѣламъ, могъ, конечно, безпрепятственно видѣть начальника своей вѣры и могъ предложить ему свои услуги вывести его, по крайней мѣрѣ изъ иркутской губерніи. Если теперь къ этому присоединить просьбы и вознагражденія со стороны прочихъ скопцовъ, которые, безъ сомнѣнія, знали, кто такой Масоновъ, такъ какъ онъ находился во главѣ цѣлаго корабля, то предположеніе наше получаетъ характеръ еще большей вѣроятности.

Въ 1795-мъ году въ селѣ Быковѣ, бронницкаго уѣзда, московской губерніи, подъ колокольнею появляется странный человѣкъ, „трудникъ какъ безъязы-

---

1869 г. № 5. 150 стр.). Нѣтъ, конечно, сомнѣнія, что всѣ подобные самозванцы могли быть извѣстны основателю скопческой секты, какъ съ другой стороны могло быть извѣстно и то обстоятельство, что большинство этихъ самозванцевъ находило вѣру себѣ и сочувствіе въ народѣ. Этою-то популярностію имени Петра III съ одной стороны, народнымъ легковѣріемъ и народною симпатіею къ Петру III—съ другой,— и пожелалъ воспользоваться основатель скопческой секты. И замѣчательно; тогда какъ его коллеги по самозванству оканчивали свою роль самымъ незавиднымъ и жалкимъ образомъ, онъ съумѣлъ такъ замаскировать свое преступное самозванство, что даже, находясь въ Петербургѣ около 20-ти лѣтъ, не подвергался преслѣдованію за это преступленіе. Правда, число адептовъ этого лжепетра было слишкомъ ограничено; но нельзя сказать того, чтобы эти адепты высказывали свою вѣру въ мнимаго Петра III тайно и скрытно; напротивъ, нѣкоторые изъ нихъ обнаруживали ее открыто; таковъ былъ напр. Кобелевъ, прежде бывшій придворный лакей. Вообще, основатель скопческой секты былъ счастливѣе всѣхъ предшествовавшихъ ему и послѣдующихъ за нимъ самозванцевъ съ именемъ Петра III. Въ самомъ дѣлѣ, нужно удивляться силѣ и жизненности вѣры въ него, какъ Петра III, существующей между скопцами. Какъ показало недавнее мелитопольское дѣло, вѣра скопцовъ въ Петра III, будто бы живущаго на землѣ еще до сего времени и снова открывшагося въ Лисинѣ, не только не уничтожилась, но даже ни мало не ослабѣла.

ченъ, носившій желѣзныя вериги на животѣ и на ногахъ“ (1). Народъ, чуткій вообще ко всякаго рода странностямъ и особенно къ юродивымъ и мнимымъ подвижникамъ, скоро обратилъ вниманіе и на эту загадочную личность; пошли толки, догадки, любопытству не было конца, тѣмъ болѣе, что личность, на которую обращено было вниманіе, при всемъ видимомъ благочестіи ея, не обладала даромъ языка: „маяніемъ, а не языкомъ, разсуждалъ все пальцами“ (2).... Любопытство и удивленіе еще болѣе увеличились, когда „мнимый трудникъ“ совершилъ два „мнимыя чуда“, исцѣливъ жену крестьянина Гаврилова, страдавшую умопомѣшательствомъ и претворивъ въ кувшинѣ квасъ въ воду. Весьма многіе вслѣдствіе этого готовы были уже признать его если не богомъ, то, по крайней мѣрѣ, какимъ-нибудь великимъ угодникомъ божіимъ. „Илія ты пророкъ, или Енохъ, или Іоаннъ Богословъ?“ (3) спрашивали многіе, пораженные подвижничествомъ и чудодѣйственною силою мнимаго трудника. Послѣдній, какъ бы отклоняя отъ себя это высокое званіе, „съ огорченіемъ сталъ молиться Богу рѣчью другимъ языкомъ“, дѣлая въ тоже время пальцемъ на груди „какъ кресты, или звѣзды, и дѣлалъ будто бы артикулъ руками; и вынималъ, будто бы, пипагу“. Наконецъ, послѣ неоднократныхъ усиленныхъ просьбъ, трудникъ, собравшійся отправиться въ Стародубье въ раскольническій монастырь,—при самомъ отъѣздѣ подъ величайшимъ секретомъ сообщилъ крестьянину Ивану Гаврилову и другимъ, бывшимъ въ его домѣ, что онъ не кто иной, какъ „государь Петръ Ѳеодоровичъ“; при этомъ завѣщалъ имъ подъ клятвою, чтобы они до времени коронаціи Павла Петровича, его сына,

(1) Чт. въ общ. ист. 1872 г. 3 № 46 стр.

(2) Тамъ же, 47 стр.

(3) Тамъ же.

рижскимъ и, вѣроятно, другимъ скопцамъ о томъ, что Петръ III живъ и скоро долженъ явиться въ Петербургъ. Проповѣдь эта до того была открыта и совершалась съ такою увѣренностію, что слухъ о ней достигъ даже до императора Павла I. Вслѣдствіе этого, императоръ предписалъ Гинѣ, впослѣдствіи президенту Лифляндскаго оберъ-гофгерихта, представить немедленно въ Петербургъ двухъ главныхъ учителей скопческой секты, находившихся въ динаминдской крѣпости. Гинѣ представилъ ихъ въ началѣ декабря 1796 года. Кто были эти два „главныхъ учителя“ скопчества—неизвѣстно изъ „записокъ“; но не трудно, конечно, догадаться, что одинъ изъ нихъ есть Александръ Шиловъ, другой же, какъ полагаетъ Реутскій, —Софонъ Поповъ (1). Когда они были представлены императору, послѣдній „довольно долго, но тихо, говорилъ съ ними въ кабинетѣ“, такъ что разговоръ этотъ остался тайной. Между тѣмъ, императоръ отдалъ приказаніе Гинѣ препроводить „главныхъ скопцовъ“ къ губернатору Н. П. Архарову, а самому ему какъ можно чаще бывать у этихъ скопцовъ и доносить обо всемъ, что случится важнаго. Гинѣ исполнялъ приказаніе императора въ теченіи трехъ недѣль, но потомъ, какъ бы пораженный молніей, онъ мгновенно оставилъ Петербургъ и ускакалъ въ свою деревню. Что за-причина была столь быстраго и внезапнаго отъѣзда Гинѣ, объ этомъ онъ самъ разсказывалъ Лубяновскому впослѣдствіи такъ: „скопцы въ тотъ вечеръ (т. е. въ послѣднее предъ отъѣздомъ его посѣщеніе) жаловались ему на Архарова, но о себѣ не

(1) Изслѣдованіе его, 122 стр.—Впрочемъ, предположеніе г. Реутскаго мы не раздѣляемъ, потому что достовѣрно извѣстно, что Софонъ Поповъ до апрѣля 1800 г. находился въ Динаминдѣ (Чтен... 1872 г. 3 № 65 стр.). Итакъ, относительно втораго лица, если только оно, дѣйствительно, было, мы остаемся въ неизвѣстности. Прямой смыслъ донесенія коменданта Динаминдской крѣпости даже позволяетъ усомниться въ достовѣрности факта, передаваемаго Лубянскимъ о томъ, что были вызваны изъ Динаминда *два* скопца.

просили, а умоляли его, Гинѐ, сказать Его Величеству, чтобы изволилъ глядѣть въ оба, а не остережется, то кончитъ, какъ и не помышляетъ, и то не за горами. Съ такою увѣренностію они предсказывали, что волосы у него стали на головѣ; не зналъ, на что рѣшиться; вспомнилъ о женѣ и дѣтяхъ, зажалъ себѣ ротъ, глаза и уши, и уѣхалъ" (1). Очевидно, что угрозы относительно жизни императора Павла, высказанныя скопцами Гинѐ, имѣли связь съ слухомъ, болѣе и болѣе распространявшимся и утверждавшимся въ обществѣ петербургскихъ скопцовъ, о скоромъ появленіи императора Петра III въ Петербургѣ и о его воцареніи на россійскомъ престолѣ. Дѣйствительно, едва только тревога, произведенная Шиловымъ, нѣсколько успокоилась, на сцецу дѣятельности въ томъ же направленіи появляется новое лицо, которое сообщаетъ императору Павлу I „вѣрныя и положительныя свѣдѣнія", что Петръ III живъ и находится въ Сибири. Это былъ Масоновъ или Колесниковъ (2). Послѣдній, какъ можно и даже должно полагать, дождавшись пріѣзда мнимаго Петра Ѳеодоровича въ Москву, немедленно поскакалъ въ Петербургъ и узнавъ, что Павелъ I уже встревоженъ слухомъ о Петрѣ III, рѣшился сразу поразить его новымъ свидѣтельствомъ о томъ, что Петръ III, дѣйствительно, живъ, находится въ Сибири и онъ его видѣлъ и разговаривалъ съ нимъ.— Такъ именно нужно понимать разсказъ самихъ

(1) Рус. Архивъ. Изд. Бартенева. 1872 г. 151—152 стр.

(2) Г. Ретгскій полагаетъ, что Масоновъ явился прежде Шилова (Изслѣд. его 122 стр.). Ходъ дѣла, однако, показываетъ противное. Въ самомъ дѣлѣ, Шиловъ содержался у Обольянинова полтора мѣсяца со времени пріѣзда изъ Динаминда (съ 2 дек. 1796 г.) и, какъ извѣстно, одинъ, а если съ другимъ, то съ динаминдскимъ скопцомъ, но никакъ не съ Масоновымъ. По сказанію скопцовъ (Чт... 1872 г. 3 № 112 стр.), подтверждаемому оффиціальными извѣстіями (тамъ же, 184 стр.), едва только Масоновъ явился къ императору, его тотчасъ велѣно было отправить въ крѣпость вмѣстѣ съ Шиловымъ и другими. Выводъ отсюда понятенъ.

скопцовъ объ обстоятельствахъ возвращенія Селиванова изъ Сибири. По этому разсказу, императрица Екатерина II, встревоженная слухами о томъ, что Петръ III живъ и находится въ Сибири, послала для развѣдыванія этого важнаго обстоятельства извѣстнаго ей еще прежде московскаго купца Ѳеодора Евсѣевича Колесникова, котораго она въ шутку прозвала „масономъ“. Колесниковъ возвратился изъ Сибири въ Петербургъ уже въ то время, когда императрицы не было въ живыхъ. Поэтому, онъ явился теперь къ императору Павлу I и объявилъ ему, что дѣйствительно Петръ III живъ и находится въ Сибири. Такъ какъ Колесниковъ при своемъ представленіи императору имѣлъ на себѣ сибирскую зимнюю одежду—„малицу и совикъ“, то императоръ будто-бы разгнѣвался на него за это послѣднее и приказалъ заключить его въ крѣпость (1). Послѣднее обстоятельство объясняется проще. Именно, какъ только Колесниковъ осуществилъ свое дерзкое намѣреніе, императоръ видя, что слухъ о мнимомъ Петрѣ III утверждается болѣе и болѣе и слѣдовательно оставленіе злонамѣренныхъ лицъ внѣ стражи можетъ привести къ дурнымъ послѣдствіямъ, предписалъ князю Куракину о немедленномъ заключеніи Шилова и Масонова, какъ главныхъ виновниковъ этихъ смутъ, въ Шлиссельбургскую крѣпость. Къ этимъ лицамъ присоединились новые скопцы, отчасти уже извѣстные намъ: Матвѣевъ, Огородниковъ, Савельевъ и неизвѣстный до сего времени Агѣевъ, которые, присоединившись къ Шилову, вполнѣ раздѣляли съ нимъ ожиданіе о скоромъ прибытіи въ Петербургъ Петра III. Куракинъ исполнилъ предписаніе императора, вѣроятно, числа 20-го января 1797-го года (2), и всѣ шестеро

---

(1) Чт. въ общ. ист.. 1872 г. 3 № 112 стр.

(2) Такъ можно полагать, основываясь на томъ оффиціальномъ извѣстіи, что Шиловъ былъ отправленъ чрезъ полтора мѣсяца по прибы-

скопцовъ заключены были въ Шлиссельбургскую крѣпость (1).

Итакъ, прибытіе Селиванова въ Москву, повидимому, странное и непонятное, имѣло, очевидно, смыслъ и опредѣленную цѣль. Главный агитаторъ скопчества купецъ Колесниковъ, равно какъ и другіе, ближайшіе помощники, разсчитывали, что какъ только императоръ Павелъ I услышитъ отъ нихъ вѣсть о дѣйствительномъ пребываніи Петра III въ Сибири, онъ непремѣнно повѣритъ имъ, а повѣривши пошлетъ кого либо изъ нихъ отыскать Петра III. Этотъ посланный, какимъ долженъ быть, очевидно, Колесниковъ, какъ человѣкъ видѣвшій Петра III и разговаривавшій съ нимъ, вмѣсто того, чтобы дѣйствительно ѣхать въ Сибирь и отыскивать тамъ несуществовавшаго Петра III, прибылъ бы въ Москву, гдѣ уже находился мнимый „трудникъ и царь Петръ Ѳеодоровичъ“, только что освободившійся изъ-подъ быковской колокольни. Этого-то мнимаго Петра Ѳеодоровича скопцы и намѣрены были теперь представить въ Петербургъ при торжественной, конечно, процессіи и посадить его на русскомъ престолѣ. Разсчетъ скопцовъ,—глупый и сумасбродный, конечно, не удался. Однако, благодаря случайностямъ и особенно снисходительности правительства, обусловливавшейся совершеннымъ непониманіемъ дѣйствительныхъ желаній и намѣреній скопцовъ, послѣднимъ удалось достигнуть своей цѣли, хотя, конечно, не въ прежнихъ сумасбродныхъ размѣрахъ.

27-го января 1797-го года Селивановъ находился уже въ Петербургѣ (2) и, какъ разсказываютъ скопцы, былъ представленъ императору Павлу I. На вопросъ послѣдняго: „ты мой отецъ? онъ отвѣчалъ:

тіи изъ Динаминда (Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 3 № 184 стр.), а прибылъ онъ изъ Динаминда 2 декабря 1796 года (Сборн. Кельс. Ш. 87 стр.).

(1) Чт. въ общ. ист... 1872 г. 3 № 184 стр.

(2) Тамъ же. 48 стр.

грѣху я не отецъ: прими мое дѣло (оскопленіе), и я признаю тебя своимъ сыномъ". Павелъ I будто бы разгнѣвался на мнимаго Петра III за такую его рѣчь, послѣдній же предрекъ ему скорую кончину (1). Хотя мы не имѣемъ оффиціальныхъ свидѣтельствъ, подтверждающихъ сказаніе скопцовъ, но принимая во вниманіе, съ одной стороны, важность преступленія лжеискупителя, т. е. его политическое самозванство, а съ другой—предшествовавшій этому событію фактъ вызова Павломъ I Шилова изъ Динаминда, можно съ вѣроятностію допустить, что и лжеискупитель былъ также представленъ государю; впрочемъ, иначе цѣль призыва лжеискупителя въ Петербургъ будетъ непонятна. Свиданіе лжеискупителя съ императоромъ окончилось тѣмъ, что его велѣно было препроводить въ домъ съумасшедшихъ, иначе въ Обуховскій (2).

Во все время царствованія Павла I, т. е. до 12-го марта 1801-го года, лжеискупитель и лжецарь находился въ обуховскомъ домѣ и жизнь его намъ неизвѣстна. Таково же было положеніе и извѣстныхъ намъ шести скопцовъ, заключенныхъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Судьба не дала Шилову дожить до торжества скопческой ереси; онъ умеръ въ Шлиссельбургской крѣпости съ 5-го на 6-е января 1799-го года, какъ говорятъ скопцы, по оффиціальнымъ же свидѣтельствамъ съ 5-го на 6-е янв. 1800-го года. Смерть и погребеніе Шилова скопцы обставляютъ разными невѣроятными обстоятельствами. По разсказамъ скопцовъ, въ день смерти Шилова, утромъ, будто-бы пріѣзжалъ въ Шлиссельбургъ нарочный курьеръ, по другимъ даже „камергеръ", съ цѣлію взять Шилова и его пятерыхъ товарищей въ Петербургъ. Такъ какъ Шиловъ лежалъ уже мертвый, то курьеръ, оставивъ пока въ Шлиссельбургѣ пятерыхъ

---

(1) Чтен.... 1872 г. 3 № 112—113 стр.

(2) Тамъ же, 66 стр.; Реутскій, 123 стр.

скопцовъ, поспѣшно ускакалъ въ Петербургъ съ извѣстіемъ о смерти Шилова. Чрезъ двѣнадцать дней послѣ смерти послѣдовало высочайшее повелѣніе о преданіи землѣ умершаго и о допущеніи прочихъ скопцовъ—товарищей умершаго—проститься съ нимъ. Погребеніе совершали надъ нимъ со всею торжественностію православные священники и прочее духовенство; при погребеніи присутствовали: комендантъ крѣпости Плуталовъ, плацъ-майоръ Юхаревъ и множество другихъ чиновниковъ. Похоронили его сначала при подошвѣ преображенской горы, близъ берега Невы, но потомъ въ 1802 году, также съ торжественною процессіею, тѣло Шилова перенесено было на верхъ преображенской горы, гдѣ надъ могилою его выстроена была большая часовня будто-бы на средства коменданта крѣпости. При этомъ, добавляютъ скопцы, тѣло Александра Ивановича, не смотря на продолжительное время послѣ его смерти, найдено было неповрежденнымъ, исключая ногтя на пальцѣ ноги, почернѣвшаго вслѣдствіе тѣсноты гроба. Такъ какъ могила Шилова скоро стала привлекать къ себѣ многихъ поклонниковъ, а выстроенная надъ нею часовня сдѣлалась мѣстомъ совершенія операціи оскопленія, то, продолжаютъ скопцы, по рѣшенію „старыхъ скопцовъ“, болѣе благоразумнѣйшихъ, часовня была сломана и на мѣсто ея сначала былъ сдѣланъ каменный сводъ стараніями петербургскихъ купцовъ Борисова и Шеметова, а въ 1829-мъ году воздвигнутъ былъ каменный памятникъ съ надписью (1). Памятникъ этотъ скоро сдѣлался какъ-бы священнымъ сосудомъ, въ которомъ скопцы освящали хлѣбъ, употребляемый ими для причащенія. Съ этою цѣлію на памятникѣ выдолблены были два отверстія, куда и опускали скопцы кусочки хлѣба. Въ существованіи этихъ двухъ отверстій имѣлъ случай убѣдиться и

(1) Чтен... 1872 г. 3 № 184—188 стр.; Сбор. Кельс. Ш. 101—105 стр.

грѣху я не отецъ: прими мое дѣло (оскопленіе), и я признаю тебя своимъ сыномъ". Павелъ I будто бы разгнѣвался на мнимаго Петра III за такую его рѣчь, послѣдній же предрекъ ему скорую кончину (1). Хотя мы не имѣемъ оффиціальныхъ свидѣтельствъ, подтверждающихъ сказаніе скопцовъ, но принимая во вниманіе, съ одной стороны, важность преступленія лжеискупителя, т. е. его политическое самозванство, а съ другой—предшествовавшій этому событію фактъ вызова Павломъ I Шилова изъ Динаминда, можно съ вѣроятностію допустить, что и лжеискупитель былъ также представленъ государю; впрочемъ, иначе цѣль призыва лжеискупителя въ Петербургъ будетъ непонятна. Свиданіе лжеискупителя съ императоромъ окончилось тѣмъ, что его велѣно было препроводить въ домъ съумасшедшихъ, иначе въ Обуховскій (2).

Во все время царствованія Павла I, т. е. до 12-го марта 1801-го года, лжеискупитель и лжецарь находился въ обуховскомъ домѣ и жизнь его намъ неизвѣстна. Таково же было положеніе и извѣстныхъ намъ шести скопцовъ, заключенныхъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Судьба не дала Шилову дожить до торжества скопческой ереси; онъ умеръ въ Шлиссельбургской крѣпости съ 5-го на 6-е января 1799-го года, какъ говорятъ скопцы, по оффиціальнымъ же свидѣтельствамъ съ 5-го на 6-е янв. 1800-го года. Смерть и погребеніе Шилова скопцы обставляютъ разными невѣроятными обстоятельствами. По разсказамъ скопцовъ, въ день смерти Шилова, утромъ, будто-бы пріѣзжалъ въ Шлиссельбургъ нарочный курьеръ, по другимъ даже „камергеръ", съ цѣлію взять Шилова и его пятерыхъ товарищей въ Петербургъ. Такъ какъ Шиловъ лежалъ уже мертвый, то курьеръ, оставивъ пока въ Шлиссельбургѣ пятерыхъ

---

(1) Чтен.... 1872 г. 3 № 112—113 стр.

(2) Тамъ же, 66 стр.; Реутскій, 123 стр.

скопцовъ, поспѣшно ускакалъ въ Петербургъ съ извѣстіемъ о смерти Шилова. Чрезъ двѣнадцать дней послѣ смерти послѣдовало высочайшее повелѣніе о преданіи землѣ умершаго и о допущеніи прочихъ скопцовъ—товарищей умершаго—проститься съ нимъ. Погребеніе совершали надъ нимъ со всею торжественностію православные священники и прочее духовенство; при погребеніи присутствовали: комендантъ крѣпости Плуталовъ, плацъ-майоръ Юхаревъ и множество другихъ чиновниковъ. Похоронили его сначала при подошвѣ преображенской горы, близъ берега Невы, но потомъ въ 1802 году, также съ торжественною процессіею, тѣло Шилова перенесено было на верхъ преображенской горы, гдѣ надъ могилою его выстроена была большая часовня будто-бы на средства коменданта крѣпости. При этомъ, добавляютъ скопцы, тѣло Александра Ивановича, не смотря на продолжительное время послѣ его смерти, найдено было неповрежденнымъ, исключая ногтя на пальцѣ ноги, почернѣвшаго вслѣдствіе тѣсноты гроба. Такъ какъ могила Шилова скоро стала привлекать къ себѣ многихъ поклонниковъ, а выстроенная надъ нею часовня сдѣлалась мѣстомъ совершенія операціи оскопленія, то, продолжаютъ скопцы, по рѣшенію „старыхъ скопцовъ“, болѣе благоразумнѣйшихъ, часовня была сломана и на мѣсто ея сначала былъ сдѣланъ каменный сводъ стараніями петербургскихъ купцовъ Борисова и Шеметова, а въ 1829-мъ году воздвигнутъ былъ каменный памятникъ съ надписью (1). Памятникъ этотъ скоро сдѣлался какъ-бы священнымъ сосудомъ, въ которомъ скопцы освящали хлѣбъ, употребляемый ими для причащенія. Съ этою цѣлію на памятникѣ выдолблены были два отверстія, куда и опускали скопцы кусочки хлѣба. Въ существованіи этихъ двухъ отверстій имѣлъ случай убѣдиться и

(1) Чтен... 1872 г. 3 № 184—188 стр.; Сбор. Кельс. Ш. 101—105 стр.

грѣху я не отецъ: прими мое дѣло (оскопленіе), и я признаю тебя своимъ сыномъ". Павелъ I будто бы разгнѣвался на мнимаго Петра III за такую его рѣчь, послѣдній же предрекъ ему скорую кончину (1). Хотя мы не имѣемъ оффиціальныхъ свидѣтельствъ, подтверждающихъ сказаніе скопцовъ, но принимая во вниманіе, съ одной стороны, важность преступленія лжеискупителя, т. е. его политическое самозванство, а съ другой—предшествовавшій этому событію фактъ вызова Павломъ I Шилова изъ Динаминда, можно съ вѣроятностію допустить, что и лжеискупитель былъ также представленъ государю; впрочемъ, иначе цѣль призыва лжеискупителя въ Петербургъ будетъ непонятна. Свиданіе лжеискупителя съ императоромъ окончилось тѣмъ, что его велѣно было препроводить въ домъ съумасшедшихъ, иначе въ Обуховскій (2).

Во все время царствованія Павла I, т. е. до 12-го марта 1801-го года, лжеискупитель и лжецарь находился въ обуховскомъ домѣ и жизнь его намъ неизвѣстна. Таково же было положеніе и извѣстныхъ намъ шести скопцовъ, заключенныхъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Судьба не дала Шилову дожить до торжества скопческой ереси; онъ умеръ въ Шлиссельбургской крѣпости съ 5-го на 6-е января 1799-го года, какъ говорятъ скопцы, по оффиціальнымъ же свидѣтельствамъ съ 5-го на 6-е янв. 1800-го года. Смерть и погребеніе Шилова скопцы обставляютъ разными невѣроятными обстоятельствами. По разсказамъ скопцовъ, въ день смерти Шилова, утромъ, будто-бы пріѣзжалъ въ Шлиссельбургъ нарочный курьеръ, по другимъ даже „камергеръ", съ цѣлію взять Шилова и его пятерыхъ товарищей въ Петербургъ. Такъ какъ Шиловъ лежалъ уже мертвый, то курьеръ, оставивъ пока въ Шлиссельбургѣ пятерыхъ

---

(1) Чтен.... 1872 г. 3 № 112—113 стр.

(2) Тамъ же, 66 стр.; Реутскій, 123 стр.

скопцовъ, поспѣшно ускакалъ въ Петербургъ съ извѣстіемъ о смерти Шилова. Чрезъ двѣнадцать дней послѣ смерти послѣдовало высочайшее повелѣніе о преданіи землѣ умершаго и о допущеніи прочихъ скопцовъ—товарищей умершаго—проститься съ нимъ. Погребеніе совершали надъ нимъ со всею торжественностію православные священники и прочее духовенство; при погребеніи присутствовали: комендантъ крѣпости Плуталовъ, плацъ-майоръ Юхаревъ и множество другихъ чиновниковъ. Похоронили его сначала при подошвѣ преображенской горы, близъ берега Невы, но потомъ въ 1802 году, также съ торжественною процессіею, тѣло Шилова перенесено было на верхъ преображенской горы, гдѣ надъ могилою его выстроена была большая часовня будто-бы на средства коменданта крѣпости. При этомъ, добавляютъ скопцы, тѣло Александра Ивановича, не смотря на продолжительное время послѣ его смерти, найдено было неповрежденнымъ, исключая ногтя на пальцѣ ноги, почернѣвшаго вслѣдствіе тѣсноты гроба. Такъ какъ могила Шилова скоро стала привлекать къ себѣ многихъ поклонниковъ, а выстроенная надъ нею часовня сдѣлалась мѣстомъ совершенія операціи оскопленія, то, продолжаютъ скопцы, по рѣшенію „старыхъ скопцовъ“, болѣе благоразумнѣйшихъ, часовня была сломана и на мѣсто ея сначала былъ сдѣланъ каменный сводъ стараніями петербургскихъ купцовъ Борисова и Шеметова, а въ 1829-мъ году воздвигнутъ былъ каменный памятникъ съ надписью (1). Памятникъ этотъ скоро сдѣлался какъ-бы священнымъ сосудомъ, въ которомъ скопцы освящали хлѣбъ, употребляемый ими для причащенія. Съ этою цѣлію на памятникѣ выдолблены были два отверстія, куда и опускали скопцы кусочки хлѣба. Въ существованіи этихъ двухъ отверстій имѣлъ случай убѣдиться и

(1) Чтен... 1872 г. 3 № 184—188 стр.; Сбор. Кельс. Ш. 101—105 стр.

Пеликанъ, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ онъ самъ (1). Скопцы, какъ уже отчасти очевидно изъ предъидущаго, не менѣе лжеискупителя благоговѣютъ предъ Шиловымъ. Они весьма заботливо охраняютъ могилу его и говорятъ о немъ не иначе, какъ съ подобающимъ праведнику благоговѣніемъ. Когда предсѣдатель комиссіи о скопцахъ Липранди въ 1844 году свидѣтельствовалъ могилу Шилова, то отставной унтеръ-офицеръ Трусовъ, великій почитатель Шилова, недовольный такимъ дѣйствіемъ Липранди, въ порывѣ негодованія воскликнулъ: „накажи, Господи, того, кто и прахъ его (Шилова) не оставляетъ въ покоѣ". При освидѣтельствованіи же могилы, скопцы, не смотря на сильный морозъ и вьюгу, не смотря на просьбы слѣдователей — надѣть шапки, не согласились сдѣлать этого, боясь оскорбить праведника (2). Скопческая миѳологія причислила Шилова къ лику святыхъ и скопцы всегда поминаютъ имя его во время своихъ радѣній (3). Они же усвояютъ ему имена кн. Дашкова, сопутствовавшаго будто-бы императору Петру III, графа Чернышева и наконецъ, какого-то инженернаго полковника (4).

III.

1802—1820 гг.

Періодъ времени отъ 1802—1820 гг. есть замѣчательнѣйшій во всей исторіи скопчества. Въ это время скопчество дошло до апогея своего величія, далѣе котораго оно не могло уже идти. Точное и опредѣленное формулированіе главнѣйшихъ догмати-

---

(1) Пеликанъ, 113 стр.

(2) Чтен... 1872 г. 3 № 188 стр.

(3) Тамъ же, 181 стр.

(4) Сборн. Кельс. Ш. 99 стр.

ческихъ особенностей, отличающихъ скопческую секту отъ хлыстовщины, свободное, никѣмъ и ничѣмъ не стѣсняемое отправленіе радѣній, открытое воздаяніе лжеискупителю божескихъ и царскихъ почестей его послѣдователями и благоговѣйнаго уваженія его почитателями изъ круга петербургской аристократіи—составляютъ внутреннія характеристическія черты исторіи скопчества въ разсматриваемое время. Быстрое и повсемѣстное распространеніе скопчества и притомъ въ громадныхъ размѣрахъ, совершившееся въ это время (1), установленіе сношеній — письменныхъ и устныхъ между петербургскими скопцами и скопцами другихъ отдаленныхъ губерній, достигшее даже нѣкотораго рода правильности,—составляютъ внѣшніе характеристическіе признаки исторіи скопчества этого времени. Скопцы не иначе называютъ это время, какъ „счастливымъ временемъ, золотымъ вѣкомъ“; Петербургъ именуютъ „православнымъ Питеромъ“, „прибѣжищемъ Христу“, „вертоградомъ“, въ которомъ разцвѣталъ „зеленый райскій садъ“ и „Сіономъ градомъ“. О внутреннемъ и внѣшнемъ состояніи своего общества въ данное время скопцы такъ поютъ:

„Открывъ прежде всего тайну—святой кругъ (2),
Чтобъ присутствовалъ въ сердцахъ Святой Духъ,
Во вторые—далъ знать всѣмъ царскимъ родамъ,
Всѣмъ Вельможамъ, Сенаторамъ, Господамъ (3);

---

(1) При взглядѣ на географическую карту распредѣленія скопчества въ Россіи за время отъ 1805-го по 1839-й годъ, приложенную къ сочиненію Пеликана, оказывается, что въ это время скопчества не существовало (конечно для правительства) только въ губерніяхъ восьми, именно: въ тверской, пензенской, астраханской, ставропольской, полтавской, минской и др. западныхъ губерніяхъ; во всѣхъ прочихъ губерніяхъ скопцы существовали въ разныхъ пропорціяхъ, начиная отъ 8% на 100,000 жителей и доходя до 1% (Пеликанъ. Карта 1-я).

(2) Т. е. лжеискупитель научилъ ихъ радѣть.

(3) Т. е. царской фамиліи и знатнымъ людямъ далъ знать о себѣ, что онъ «христосъ и императоръ Петръ III».

Среди Питера встроенъ былъ домъ,
Самому христу было прибѣжище въ немъ,
Протекалъ тамъ живой воды тихой Донъ,
Разливалась тамъ Сладимъ рѣка (1),
На странѣ были евангелистами Марко да Лука,
Стеречь всему дому мастера;
Тамъ написаны были златыя литера,
Подъ названіемъ: „святой храмъ".
Сходилися, съѣзжалися, со всѣхъ странъ,
Не боялись іудеевъ черныхъ вранъ,
Въ Лаврѣ были бѣлосвѣтскіе скопцы,
А садовнички были все духовные дѣльцы,
Торговали иноземные купцы.
Это было злато время и пора,
Къ намъ явилась благодатная гора,
Посвѣщала благоутренія заря;
Искупитель назвалъ Петеръ „Сіонъ градъ".
Пресчастливы, преблаженны тѣ года:
Приходили къ нему царскіе рода,
Всѣ со страхомъ покоряли сердца,
Прославляли „искупителя-отца" (2).

Память объ этомъ „золотомъ вѣкѣ" сохраняется у скопцовъ даже до настоящаго времени; еще и теперь скопцы съ гордостію напоминаютъ, что въ былое время такіе важные государственные сановники, какъ Милорадовичъ, Суворовъ и другіе съ уваженіемъ относились къ скопцамъ и нерѣдко посѣщали собранія послѣднихъ.

Обстоятельства, при которыхъ появился основатель скопческой секты въ Петербургъ и при которыхъ онъ дѣйствовалъ, были самыя благопріятныя для него. Во главѣ государства въ то время (отъ 1801—1825 г.) стоялъ императоръ Александръ I, человѣкъ необыкновенно впечатлительный отъ природы, мягкій, кроткій и снисходительный къ людскимъ сла-

---

(1) Живой воды тихой Донъ и Сладимъ рѣка значатъ ученіе, проповѣдуемое Селивановымъ.

(2) Чтен... 1872 г. 3 № 130—131 стр.

бостямъ и заблужденіямъ и въ тоже время человѣкъ необыкновенно религіозный, проникнутый высокими чувствами христіанскаго смиренія. Эта религіозность и христіанское смиреніе, благодаря тяжелымъ впечатлѣніямъ, которыя Александръ I испыталъ въ памятный въ отечественной исторіи 1812-й годъ развились до мистицизма. Бесѣдуя съ прусскимъ еп. Эллертомъ, Александръ I такъ выразился о памятномъ для всей Россіи пожарѣ Москвы: „пожаръ Москвы просвѣтилъ мою душу, судъ Божій на ледяныхъ поляхъ Россіи преисполнилъ мое сердце теплотою вѣры. Тогда я позналъ Бога, какъ намъ открываетъ Его священное писаніе; съ тѣхъ только поръ я понялъ Его волю и законъ, и во мнѣ созрѣла твердая рѣшимость—посвятить себя и свое царствованіе Его имени и славѣ“ (1). Къ извѣстному „духовному союзу“ Татариновой, по своему характеру совершенно мистическаго направленія, Александръ I относился вполнѣ сочувственно и возлагалъ даже на него великія надежды. Въ своемъ письмѣ къ оберъ-гофмейстеру Кошелеву, Александръ I, между прочимъ, писалъ, что сердце его пламенѣетъ любовію къ Спасителю, когда онъ читаетъ въ письмахъ Кошелева объ обществѣ Татариновой, и говорилъ, что этимъ обществомъ онъ надѣется истребить ереси скопцовъ и масоновъ“ (2). Такой же взглядъ на этотъ „союзъ“ Татариновой Александръ I высказалъ и въ другомъ своемъ письмѣ къ гр. Милорадовичу, который не одобрялъ своего сына за то, что онъ вступилъ въ общество Татариновой (3). Важнѣйшіе государственные лица въ Петербургѣ точно также проникнуты были духомъ мистицизма. Извѣстно, что А. Н. Голицынъ, министръ народнаго

---

(1) Ист. царст. Александра I и Россія въ его время. Спб. 1869 г. т. I. 19 стр.

(2) Чтен.... 1872 г. 3 № 80 стр.

(3) Рус. Архивъ. 1864 г. 623 стр.

просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, „года четыре слушалъ пророческія слова Татариновой съ сокрушеніемъ и благочестіемъ“ (1). Постоянными членами духовнаго союза Татариновой были: вицепрезидентъ комитета россійскаго библейскаго общества Р. Кошелевъ, надворный совѣтн. М. Пилецкій и мн. другіе (2). Словомъ, петербургское общество въ царствованіе Александра I переживало странную, повидимому, но вполнѣ понятную эпоху, если обратить вниманіе на тѣ историческія обстоятельства, которыя тогда совершались. Кровавая и продолжительная борьба съ Наполеономъ была, кажется, главною виновницею происшедшаго въ средѣ петербургскаго общества религіознаго, умственнаго и нравственнаго переворота. Съ этого именно времени начинаютъ мало по малу исчезать изъ русскаго общества волтеріанизмъ, господствовавшій во времена Екатерины II, карбонарство и либерализмъ и проч. Вмѣсто всего этого возникаетъ страстное исканіе всемірной истины, долженствовавшей объединить всѣ религіозныя убѣжденія, обобщить всѣ обряды богослужебные. „Съ Аустерлицкаго похода, говоритъ современникъ этихъ событій, замѣтно было движеніе совсѣмъ иного духа, по тогдашнему прозванію, религіознаго. Въ частую, бывало, слышишь отъ кого и не ожидалъ: „пора прійти въ разумъ истины, искать царствія Божія и правды Его“ (3). Въ эту эпоху исканія истины въ Петербургѣ образуется множество мистическихъ обществъ, цѣлію которыхъ было именно достиженіе этой всемірной истины; распространяются масонскія ложи, начало которымъ положено было, впрочемъ, ранѣе, возникаетъ піетизмъ, образуются мистическія обще-

---

(1) Рус. Архивъ. 1872 г. 2340 стр.

(2) XIX в. Ист. сбор. изд. Бертеневымъ. Изъ записн. книжки художника Боровиковскаго. 214 и 218 стр.

(3) Рус. Архивъ. 1872 г. 476 стр.

ства Крюднеръ, Татариновой (1), Лабзина—извѣстнаго основателя „Сіонской церкви“ и др.—Самъ Голицынъ, увлеченный духомъ времени, намѣревался осно-

(1) Всѣ почти писавшіе о Татариновой причисляютъ какъ ее, такъ и ея общество къ хлыстовщинѣ. Такъ думаютъ: Липранди въ своей статьѣ «о сектѣ Татариновой» (Чтен... 1868 г. 4), Протопоповъ (Хлысты—Тр. К. д. ак. 1867 г. Октябрь) и особенно Мельниковъ, который стремится видѣть во всѣхъ, посѣщавшихъ Татаринову, хлыстовъ, не исключая и Голицына (Бѣлые голуби—Рус. Вѣстн. 1869 г. № 5. 252 стр. и особенно Чтен.. 1872 г. 3 № 76—80 стр.). Нейтралитетъ въ вопросѣ о Татариновой представляютъ: статья Ю. Толстаго «О духовномъ союзѣ Татариновой» (XIX в. Истор. Сборн.) и «Дополнительныя свѣдѣнія о Татариновой и о членахъ ея духовнаго союза» Іоаннова (Рус. Архивъ 1872 г.). По нашему мнѣнію, ни саму Татаринову, ни ея общество никакъ нельзя причислить къ хлыстовщинѣ. Изъ всего того, что писано и извѣстно о Татариновой, можно сдѣлать только одинъ справедливый выводъ, что радѣнія съ ихъ принадлежностями заимствованы Татариновой отъ Ненастьевыхъ—хлыстовъ, а впослѣдствіи—скопцовъ. У Татариновой такъ же, какъ и у хлыстовъ, употреблялись для радѣній особаго покроя платья («Изъ записной книжки художн. Боровиковскаго». XIX в. Истор. Сборн. 213 стр.); во время радѣній пѣли пѣсни, очевидно, заимствованныя отъ хлыстовъ, какъ то: «Царство, ты, царство».... (Тамъ же, 213 стр.), «Дай намъ, Господи»... (Ист. мин. внутр. дѣлъ Варадинова. VIII т. 86—87 стр.) и проч., пѣли пѣсни и свои, незаимствованныя отъ хлыстовъ, таковы: «Іисусе мой, прелюбезный сердцу, сладость»... (XIX в. Ист. Сборн. 219 стр.); пѣли также и церковныя пѣсни, напр. «Спаси, Господи, люди Твоя».... (Тамъ же, 217 стр.). Во время радѣній сама Татаринова, равно какъ и другіе, пророчествовала (Тамъ же, 213, 214, 219... стр.). Вотъ тѣ признаки, которые даютъ поводъ вышеозначеннымъ писателямъ причислять общество Татариновой къ хлыстовской сектѣ. Но очевидно, что такихъ признаковъ совершенно недостаточно для того, чтобы на основаніи ихъ можно было причислять общество Татариновой къ хлыстовской сектѣ; признаки эти свидѣтельствуютъ только о заимствованіи отъ хлыстовъ средствъ къ достиженію единенія съ божествомъ, но не болѣе. Ни ученія о Даніилѣ Филипповѣ и о множествѣ лжехристовъ и т. п. изъ догматическаго ученія хлыстовъ, ни ученія нравственнаго—Татаринова и члены ея общества не содержали; о первомъ (догматич. ученіи) мы не находимъ никакихъ указаній въ извѣстной до этого времени литературѣ о Татариновой, о послѣднемъ же такъ заключаемъ потому, что многіе члены общества Татариновой имѣли женъ и жили съ ними, а это послѣднее прямо противно основной заповѣди Даніила Филиппова. Итакъ, общество Татариновой есть по своему направленію мистическое, такое же какъ и общество Крюднеръ, Лабзина и др.

вать особое мистическое общество: „новое христіанское сословіе“, цѣлію котораго было бы противодѣйствіе разлившемуся всюду масонству (1). Библейское общество, основанное съ цѣлію распространенія въ народѣ книгъ священнаго писанія, также много содѣйствовало развитію мистицизма, издавая множество книгъ мистическаго содержанія. Противъ этого общества впослѣдствіи особенно сильно вооружался юрьевскій архимандритъ Фотій Спасскій, жившій въ это же царствованіе; онъ называлъ его „беззаконнымъ сборищемъ“, составленнымъ „изъ всѣхъ сектъ“ (2). Господствуя въ жизни, мистицизмъ проникъ и въ литературу. Кромѣ мистическихъ сочиненій, переводимыхъ съ иностранныхъ языковъ, въ это время издавались журналы совершенно мистическаго направленія, таковы были: Сѣверный Меркурій, Сіонскій Вѣстникъ и проч.

При такихъ-то историческихъ обстоятельствахъ суждено было появиться основателю скопческой секты въ Петербургѣ. Мистицизмъ скопческаго лжеискупителя не могъ казаться страннымъ петербургскому обществу, такъ какъ оно само было объято мистицизмомъ. Тѣ внѣшнія дѣйствія, при помощи которыхъ скопцы достигали мнимаго единенія съ божествомъ—ихъ радѣнія,—были не безъизвѣстны весьма многимъ изъ образованнаго петербургскаго общества по собственному опыту, такъ какъ извѣстно, что въ обществѣ Татариновой радѣнія составляли необходимую принадлежность религіознаго культа и на радѣнія смотрѣли здѣсь такъ же, какъ и скопцы (3). Тоже самое должно сказать и о пророчествахъ и о видѣніяхъ, которыми сопровождаются обыкновенно радѣнія; и тѣ

(1) Изъ Зап. книж. художн. Боровиковскаго. XIX в. Ист. Сборн. 218 стр.

(2) Вѣсти. Европы. 1878 г. Декабрь. 611 стр. Фотій Спасскій, юрьевскій архимандритъ.

(3) Чтен... 1868 г. 3 № 23 стр.

и другія существовали въ обществѣ Татариновой и совершались такъ же безсознательно и безсмысленно (1), какъ всегда совершаются они у хлыстовъ и скопцовъ. Только физическое изуродованіе скопцовъ не имѣло примѣра въ петербургскихъ мистикахъ и могло обратить на послѣдователей скопчества строгое и исключительное вниманіе. Но и въ фактѣ оскопленія правительство видѣло только религіозное заблужденіе, вредное лишь для самого заблуждающагося, и для пресѣченія его рекомендовало средства увѣщаній и вразумленій. Въ отношеніи министра внут. дѣлъ, графа Кочубея къ московскому губернатору Беклешеву отъ 5-го іюня 1806 года мы находимъ слѣдующій взглядъ на отношеніе правительства къ скопцамъ. „Какъ уже, по многимъ опытамъ, извѣстно, что заблужденія сего рода (т. е. оскопленія) формальными слѣдствіями и публичными наказаніями не только не пресѣкаются, но и болѣе еще усиливаются, то и найдено было удобнѣйшимъ употребить прежде всего кроткія средства, убѣжденія и вразумленія. Для сего предположено было привлечь довѣріе и откровенность главныхъ секты сей начальниковъ и, посредствомъ ихъ внушеній, дѣйствовать на прочихъ. Мѣра сія столь успѣшное имѣла здѣсь дѣйствіе, что начальники сей секты, удостовѣрясь, что правительство не желаетъ ихъ преслѣдовать, допустили людей, къ сему употребленныхъ, въ ихъ моленную, и убѣжденіями и кроткимъ съ нимъ обхожденіемъ приведены были къ тому, что не только дали обѣщаніе впредь не дозволять оскопленія, но и другимъ внушали, что время къ сему уже прошло, и что сіе средство не должно быть употребляемо. Послѣдствіемъ сего было то, что въ продолженіи двухъ лѣтъ, по всѣмъ наблюденіямъ, дѣйствительно, оскопленіе здѣсь не происходило“ (2). Ука-

(1) Чтен... 1868 г. 4 № 24 стр. «О сектѣ Татариновой».

(2) Тамъ же,—1872 г. 3 № 227—228 стр.

заніе Кочубея на примѣръ имѣетъ свое оправданіе въ исторіи; къ основателю скопческой секты въ то время, когда онъ находился въ домѣ Ненастьевыхъ, дѣйствительно, приходили кн. Голицынъ и графъ Толстой и увѣщевали его прекратить уродованіе людей (1). Указаніе же Кочубея на то, что мѣра увѣщаній имѣла „успѣшное дѣйствіе" заключаетъ въ себѣ историческую невѣроятность и противорѣчитъ всей послѣдующей исторіи скопчества въ Петербургѣ, ибо и послѣ этого повторялись нѣсколько разъ увѣщанія и всѣ они были безплодны, пока, наконецъ, самого основателя скопческой секты не сослали въ Суздаль (2).

Так. обр. положеніе скопцовъ въ Петербургѣ было весьма благопріятное. Если къ этому присоединить, что въ Петербургѣ и его окрестностяхъ еще ранѣе успѣли сформироваться цѣлые хлыстовскіе корабли (3), доставившіе скопцамъ значительное количество новыхъ прозелитовъ, если при этомъ принять во вниманіе общій духъ, воодушевлявшій скопцовъ при мысли, что ихъ батюшка-искупитель и государь Петръ Ѳеодоровичъ находится при нихъ, необыкновенную хитрость, изворотливость и назойливость скопцовъ, то успѣхъ, пріобрѣтенный скопцами въ разсматриваемое время, сдѣлается понятнымъ.

Начало новой блестящей эры въ исторіи скопчества было положено дѣйствіями правительства. Въ 1801 г. послѣдовало первое по времени милостивое и снисходительное распоряженіе Александра I о калужскихъ скопцахъ, которыхъ велѣно было „оставить отъ суда свободными, поелику они подобнымъ невѣжествомъ и вреднымъ поступкомъ (т. е. самооскопленіемъ) сами себя уже довольно наказали" (4). Въ этомъ

(1) Чтен... 1872 г. 3 № 82—83 стр.

(2) Тамъ же, 80, 82, 84 стр.

(3) Эти корабли слѣдующіе: Ненастьевыхъ, Кострова, Огородникова, Добрецова, Крабникова, Артамонова и Солодовникова.

(4) Сборн. Кельс. Ш. 44 стр.

же году, нѣсколько позже, освобождены были изъ Шлиссельбургской крѣпости сосновскіе скопцы: Алексѣевъ, Поповъ, Топорковъ, Семыкинъ и Масоновъ или Колесниковъ, при чемъ первые четверо разосланы были по монастырямъ новгородской и петербургской епархій, а послѣдній получилъ полную свободу. Вслѣдъ за тѣмъ учреждена была особая комиссія, долженствовавшая разслѣдовать всѣ старыя дѣла о скопцахъ, находившихся еще въ заключеніи, и сдѣлать о нихъ новыя распоряженія, руководствуясь при составленіи послѣднихъ правилами снисходительности (1).

Видя такую очевидную милость со стороны правительства, и прочіе скопцы ожили и стали дѣйствовать болѣе энергично. Корабль Ненастьевыхъ успѣлъ завербовать въ свое общество камергера Елянскаго и обратить его въ орудіе своихъ преступныхъ цѣлей.—Алексѣй Михайловичъ Елянскій по своему происхожденію былъ полякъ и служилъ камергеромъ при дворѣ польскаго короля Станислава Августа Понятовскаго. Послѣ третьяго раздѣла Польши онъ перешелъ въ русскую службу съ переименованіемъ изъ камергера въ статскаго совѣтника и принялъ православіе. Елянскій былъ человѣкъ начитанный, по своему характеру онъ былъ склоненъ къ мистицизму и уединенной жизни. Сблизившись съ мистиками того времени: Лабзинымъ, Кошелевымъ, Татариновой, Анною Францъ и друг., онъ еще болѣе предался мистическимъ галлюцинаціямъ, а знакомство съ семействомъ Ненастьевыхъ довело его до оскопленія, которое, неизвѣстно, впрочемъ, когда онъ принялъ. Съ этого времени онъ всецѣло посвятилъ себя, свое жалованье и свое общественное положеніе интересамъ скопчества. Даже изъ Александроневской Лавры, куда онъ былъ помѣщенъ въ началѣ 1802 года по высочайшему по-

---

(1) Сборн. Кельс. Ш. 44—45 стр. и Реутскій. 124 стр.

велѣнію, онъ постоянно отлучался и притомъ на очень продолжительное время и находилъ себѣ преимущественно мѣстопребываніе въ домѣ Ненастьевыхъ. Пріобрѣтеніе Елянскаго имѣло весьма важное значеніе для всѣхъ скопцовъ; благодаря ему скопцы окончательно освободили основателя своей секты изъ-подъ правительственнаго надзора (1). Послѣднее случилось такъ.

Какъ извѣстно, Селивановъ въ царствованіе Павла I находился въ Обуховскомъ домѣ; здѣсь же онъ содержался въ продолженіе цѣлаго года и въ царствованіе Александра I-го. Въ 1802 году императоръ Александръ I, осматривая Обуховскій домъ, обратилъ, между прочимъ, свое милостивое вниманіе и на основателя скопческой секты. Вѣроятно, императору донесено было, что секретный арестантъ „Кондратій Селивановъ", или что тоже скопческій лжеискупитель не имѣетъ никакихъ признаковъ умопомѣшательства; вслѣдствіе сего императоръ, признавая присутствіе секретнаго арестанта въ Обуховскомъ домѣ неумѣстнымъ, повелѣлъ освободить его изъ этого дома и опредѣлить въ богадѣльню при Смольномъ монастырѣ. Это послѣднее и было исполнено въ мартѣ 1802 года и мнимый Кондратій Селивановъ былъ опредѣленъ „въ богадѣльню въ первый сортъ" (2). Однако, Кондратію Селиванову суждено было недолго оставаться въ богадѣльнѣ: чрезъ три съ половиной мѣсяца онъ уже находился въ распоряженіи камергера Елянскаго, который получилъ его изъ богадѣльни въ іюлѣ 1802 года подъ свою росписку, не лишенную нѣкотораго рода странности какъ по формѣ изложенія, такъ равно и по нѣкоторымъ выраженіямъ (3). Остается не-

---

(1) Чтен.. 1872 г. 3 № 214 стр.

(2) Тамъ же, 55 стр.

(3) Росписка эта читается такъ: «бывши Польскаго двора камергеромъ, въ 1793 году переименованъ Россійскаго двора статскимъ совѣтникомъ. По случаю пріобрѣтенія мною *смиренной жизни*, сложилъ я

извѣстнымъ, съ высочайшаго-ли разрѣшенія отданъ былъ Кондратій Селивановъ камергеру Елянскому или безъ этого разрѣшенія; послѣднее, кажется, вѣроятнѣе, потому что освобожденіе лицъ, находящихся въ богадѣльнѣ, совершается вообще безъ испрашиванія на это высочайшей воли. Получивъ въ свои руки иного „Кондратія Селиванова", скопческаго лжеискупителя и лжецаря Петра Ѳеодоровича, Елянскій немедленно передалъ его петербургскимъ купцамъ Ненастьевымъ. Ненастьевы, какъ мы уже замѣчали прежде, имѣли большое знакомство съ высшимъ петербургскимъ обществомъ. Это обстоятельство весьма много содѣйствовало скорому прославленію лжеискупителя. Уже въ первые два года пребыванія Селиванова въ домѣ Ненастьевыхъ слава о немъ, какъ о человѣкѣ праведномъ и святомъ, обладающемъ даромъ прорицанія и даже исцѣленій, распространилась благодаря Ненастьевымъ въ средѣ петербургскаго общества и послѣднее незамедлило почтить „святаго старца" своимъ благосклоннымъ вниманіемъ. Прежде всѣхъ, какъ и слѣдовало ожидать, такое вниманіе къ нему оказали знатныя барыни и купчихи, которыя ежедневно толпами осаждали домъ Ненастьевыхъ, домогаясь получить отъ „старца" благословеніе, назиданіе и какое либо предсказаніе. Послѣдній, конечно, не отказывалъ своимъ посѣтительницамъ въ исполненіи ихъ просьбъ: одѣлялъ ихъ сухариками, пряниками, баранками и финифтяными образками, позволяя цѣловать свои руки и одежду и напутствуя ихъ приличными наставленіями и предсказаніями.

Въ то время, когда скопческій лжеискупитель входилъ мало по малу въ извѣстность между жителями столицы, самъ онъ, равно какъ и его прибли-

---

добровольно патенты, отрекся гражданской службы, получаю, по указу Всемилостивѣйшаго Монарха, пенсію, въ годъ 500 рублей, изъ кабинета, а самъ, имѣя квартиру въ Невской лаврѣ, именуюсь: «польскій дворянинъ Алексѣй Елянскій» (Тамъ же, 36 стр).

женные обдумывали болѣе широкіе планы; они думали теперь о томъ, чтобы сообщить скопчеству извѣстную каноническую и догматическую санкцію, придать ему характеръ абсолютной истины и поставить общество скопцовъ во главѣ русскаго государства. Приведеніе этихъ мыслей въ надлежащую систему поручено было камергеру Алексѣю Елянскому, который уже въ мартѣ 1804 года писалъ къ Н. Новосильцеву: „предстою вамъ, яко таинственно возрожденному и по сердцу цареву избранному мужу, поднося сокровище таинственное на прославленіе истины Господней и на возвышеніе возлюбленнаго отечества, Россъ-Мосоха именуемаго“ (1). Это „таинственное сокровище“, которое приподносилъ Елянскій Новосильцеву, былъ только-что составленный имъ проэктъ о лучшемъ государственномъ устройствѣ въ Россіи съ приложеніемъ „Извѣстія, на чемъ скопчество утверждается“. Историческія обстоятельства, вызвавшія появленіе перваго произведенія, а съ нимъ, очевидно, и втораго были слѣдующія.

Извѣстно, что первые годы царствованія Александра I были годами реформъ и внутреннихъ преобразованій. Старыя учрежденія Петра I и Екатерины II замѣнялись новыми министерствами, совѣтами, канцеляріями; ходилъ даже слухъ, что скоро будутъ измѣнены самые основные законы государства. Душею этихъ преобразованій, кромѣ самого государя, были: Сперанскій, Новосильцевъ, Строгановъ и Чарторыйскій. Съ другой стороны, къ 1804 году уже ясно обозначилась неизбѣжность войны съ Наполеономъ I. Преклоняясь предъ величіемъ военнаго генія перваго консула Франціи, только что надѣвшаго императорскую корону, лучшіе люди Россіи не надѣялись на успѣшный исходъ этой борьбы. Совершенное пораженіе Наполеона считалось дѣломъ невозможнымъ и

(1) Чт. въ общ. ист... 1867 г. 4 № 66 стр.

если бы оно случилось, то, по мнѣнію большинства, его должно отнести къ области чудеснаго, сверхъестественнаго. Такимъ образомъ, все вниманіе и правительства и общества въ данное время было сосредоточено на двухъ главныхъ и самыхъ существенныхъ вопросахъ, касавшихся, съ одной стороны, внутренней политики, а съ другой—внѣшней. Всматриваясь въ сущность представленнаго Елянскимъ проэкта, нельзя не видѣть, что онъ отвѣчалъ тому и другому изъ современныхъ вопросовъ; проэктъ Елянскаго отчасти излагаетъ устройство государства въ его постоянномъ и неизмѣнномъ statu quo, но болѣе всего онъ касается вопроса военнаго устройства. Итакъ, на проэктъ Елянскаго можно отчасти смотрѣть, какъ на продуктъ современнаго состоянія общества, а съ другой стороны, въ этомъ проэктѣ ясно и опредѣленно выражена извѣстная скопческая тенденція о долженствующемъ скоро наступить царствѣ скопцовъ.

Проэктъ Елянскаго при ближайшемъ разсмотрѣніи его содержанія можно раздѣлить на три части (1): въ первой трактуется объ идеальномъ назначеніи „таинственной церкви“ согласно откровенію о ней свыше (2); во второй—излагается государственное и военнное устройство Россіи (3) и въ третьей,—наконецъ, указывается истинное и дѣйствительное средство противъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ, сохраняющееся въ обществѣ скопцовъ, и затрогивается вопросъ объ истинной и ложной церкви (4).

---

(1) Впрочемъ, необходимо замѣтить, что проэктъ Елянскаго трудно поддается строгому разграниченію частей его составляющихъ; въ проэктѣ можно отыскать нѣкоторыя вводныя мысли, которыя могли бы составить особую часть сочиненія, но авторъ ввелъ эти мысли въ главный трактатъ своего сочиненія, а потому естественно и не постарался развить ихъ съ надлежащею полнотою; такова напр. вводная мысль о постриженіи въ монахи скопцовъ (68 стр.).

(2) Чтен. въ общ. ист... 1867 г. 4 № 67 стр.

(3) Тамъ же, 67—70 стр.

(4) Тамъ же, 70—71 стр.

Сказавъ словами Іисуса Сирахова, что тотъ, кто не любитъ царя и не сохраняетъ ему вѣрности, всякую клятву на себя привлечетъ и тотъ, кто не радитъ объ отечествѣ, пусть не считается въ числѣ живыхъ людей, авторъ проэкта тономъ какого-то небеснаго посланника сообщаетъ за тѣмъ „небесное повелѣніе“ о назначеніи таинственной церкви „увѣнчать новымъ лавромъ всероссійскаго монарха“. Возможность и даже необходимость такого назначенія таинственной церкви авторъ доказываетъ съ одной стороны, текстами писанія, гдѣ говорится: „воздайте богови божія и цареви царская“ и гдѣ съ угрозою повелѣвается не скрывать „даннаго отъ небесъ“ таланта; съ другой—онъ доказываетъ историческимъ примѣромъ, указывая на Іисуса Навина, который „гласомъ небеснымъ управлялся и всѣ царства языческія разорилъ“. Такимъ образомъ, заключаетъ авторъ проэкта, Россія при дѣятельномъ и безусловномъ участіи церкви можетъ и даже должна „въ сей вѣкъ сильное и славное дѣйствіе воздвигнуть и всему міру дать почувствовать, яко во истину съ нами Богъ“ (1). Средства, при помощи которыхъ Россія можетъ выполнить эту великую миссію, заключаются „въ слѣдующемъ содержаніи и подвигахъ“.

Во главѣ правленія Россіи остается, впрочемъ номинально, самъ государь императоръ; при немъ долженъ постоянно присутствовать „нашъ настоятель боговдохновенный сосудъ“, т. е. скопческій лжеискупитель и лжецарь, иначе Кондратій Селивановъ. Всѣ „тайные совѣты“, т. е. всѣ важныя государственныя и политическія дѣла „будетъ апробовать“ самъ настоятель, такъ какъ, по словамъ автора проэкта, „въ немъ полный Духъ небесный Отцемъ и Сыномъ присутствуетъ и поэтому все, что онъ изъ устъ своихъ скажетъ, то дѣйствительно Духъ Святый устами его

(1) Чт. въ общ. ист... 1857 г. 4 № 67 стр.

возвѣщаетъ". Второе мѣсто послѣ настоятеля Елянскій назначаетъ себѣ. Обязанность, исполненіе которой приписывалъ себѣ Елянскій, есть обязанность главнокомандующаго войсками или же военнаго министра, выражаясь современнымъ языкомъ. Елянскій, по его словамъ, долженъ „какъ грамотныхъ въ іеромонахи, такъ простячковъ, въ духѣ пророческомъ находящихся, истинныхъ и сильныхъ, набрать не только на корабли, но даже и въ сухопутную армію". Онъ, далѣе, долженъ постоянно присутствовать въ главной арміи „ради небеснаго совѣта и воли Божіей", чтобы, такимъ образомъ, предотвратить ту гибельную по своимъ послѣдствіямъ опасность, какую причинилъ нѣкогда Валакъ, царь моавитскій, введшій израильтянъ въ богопротивныя дѣла по совѣту пророка Валаама. Наконецъ то, что будетъ „недовѣдомо", т. е. непонятно, онъ долженъ представить на разсмотрѣніе и разрѣшеніе своему настоятелю, т. е. скопческому лжеискупителю, являясь по временамъ къ послѣднему и лично „для исполненія совѣта небеснаго" (1).

За тѣмъ, Елянскій трактуетъ и о военныхъ силахъ Россіи. Впрочемъ, „и безъ великихъ силъ военныхъ побѣдитъ Господь всѣхъ враговъ, наружныхъ и внутреннихъ, и силою своею защититъ возлюбленную свою Россію" (2). Церковь — „таинственная, одушевленная, Христовая, которая Духомъ Божіимъ водится" (3) — обладаетъ такимъ величайшимъ таинствомъ и сокровищемъ совѣта небеснаго", что при помощи и этого одного таинственнаго талисмана она въ состояніи сохранить Россію отъ всякаго зла. Таинство это сообщено Іоанномъ Богословомъ въ его Апокалипсисѣ, но сообщено въ такой прикровенной формѣ, что „сколько

---

(1) Чтен. въ общ. ист.. 1866 г. 4 № 69 стр.

(2) Тамъ же, 70 стр.

(3) Тамъ же.

вѣковъ разные толкователи ни трудились", не могли, однако, почерпнуть глубины „богатства сокровеннаго", и это потому, что „время временъ", назначенное въ Апокалипсисѣ, еще не исполнилось. Только въ настоящее время, когда Духъ, озарявшій Тайновидца, водворился въ людяхъ (въ скопцахъ), „дѣятельно исполняется и осуществляется на дѣлѣ то, что священное писаніе буквами изобразило". Именно, изъ XII главы Апокалипсиса видно, что „мужественный полъ на побѣду грѣха раждается отъ церкви Христовой и звѣрю седьмиглавому нетерпимой"; далѣе, въ 10 ст. XIX гл. говорится, что „свидѣтельство Христово есть духъ пророческій". То и другое понято скопцами и содержится ими во всей полнотѣ, т. е. они совершаютъ оскопленія мужчинъ, побѣждая этимъ грѣхъ и седмиглаваго змія и совершаютъ, далѣе, радѣнія, при помощи которыхъ достигаютъ озаренія свыше и пророчествуютъ. Если „сіе таинство премудро министерія россійская соблюдетъ и иностраннымъ землямъ не откроетъ, (то) будетъ всѣхъ сильнѣйшею побѣдительницею всего міра; ибо вся жизнь, сила и слава царства въ таинствѣ совѣта содержится, а кольми паче сокровище совѣта небеснаго слѣдуетъ въ тайнѣ скрывать, дабы видя не видали и слушая не уразумѣли" (1).... Стараясь придать особенную важность и значеніе сохраняющемуся у скопцовъ „величайшему таинству", Ѣлянскій, съ очевиднымъ противорѣчіемъ себѣ, утверждаетъ, что все совершающееся въ обществѣ скопцовъ — оскопленіе и радѣнія — „не новость",—что все это было при апостолахъ, долгое время соблюдалось избранными мужами и послѣ апостоловъ, въ Россіи же первоначально въ чертогахъ княжескихъ хранилось, потомъ перешло въ монастыри и, наконецъ, „духъ Господень, какъ гордости проти-

(1) Чтен. въ общ. ист.. 1867 г. 4 № 71 стр.

вится, а смиреннымъ даетъ благодать, такъ въ простолюдинахъ до нынѣ и скрывался" (1).

Положеніе Елянскаго о томъ, что „величайшее таинство", составляющее „истинное и неоцѣненное сокровище" церкви Христовой, было извѣстно при апостолахъ и многоразличными путями сохранялось въ теченіи вѣковъ, пока не дошло во всей цѣлости къ скопцамъ, затронутое имъ въ проэктѣ какъ-бы вскользь, послужило темою другаго его трактата о церкви внутренней, духовной и внѣшней или плотской и объ истинности и необходимости оскопленія. Трактатъ этотъ имѣетъ такое оглавленіе: „часть извѣстія, на чемъ скопчество утверждается". По своему характеру трактатъ этотъ есть догматико-полемическій и составленъ единственно на основаніи текстовъ священнаго писанія, которые авторъ довольно удачно сгруппировалъ, придавъ имъ, конечно, своеобразное толкованіе. Цѣль трактата очевидна изъ оглавленія его и состоитъ въ томъ, чтобы оправдать скопчество, понимаемое въ смыслѣ извѣстнаго общества, даже, по автору, въ смыслѣ церкви, съ догматической и канонической точки зрѣнія. Сообразно этой намѣченной цѣли, авторъ даетъ прежде всего опредѣленіе о церкви. Церковь, по словамъ Елянскаго, „соборна", то есть „собрана отъ разныхъ родовъ людей"; она „построена изъ единовѣрныхъ и единодушныхъ на апостолахъ" и проч., она, наконецъ, есть „чистѣйшая, неимущая скверны или порока и входъ въ нее падшему естеству по Адамѣ воспрещенъ" (2). Составивъ такое неполное и, очевидно, невѣрное опредѣленіе церкви, авторъ за тѣмъ переходитъ къ подробному изслѣдованію самаго предмета. Изслѣдованіе это можно раздѣлить на четыре части. Въ первой изъ нихъ авторъ касается исторіи церкви ветхозавѣтной и из-

(1) Чтен. въ общ. ист. 1867 г. 4 № 70 стр.

(2) Тамъ же, 72 стр.

лагаетъ исторію учрежденія церкви новозавѣтной (1); во второй—описываетъ постепенное уклоненіе христіанъ отъ истинной церкви и забвеніе ими первоначальной идеи церкви (2); въ третьей—излагаетъ устройство и внутренній бытъ церкви, существующей у скопцовъ и говоритъ о соотвѣтствіи этой церкви первоначальному идеалу церкви, начертанному Іисусомъ Христомъ и осуществленному при апостолахъ (3), и въ четвертой,—наконецъ, разсматриваетъ скопчество, понимаемое уже въ смыслѣ физическаго уродованія, съ догматической, исторической и общественно-соціальной стороны (4).

„Первоначальный Израиль", говоритъ авторъ, до появленія книгъ и усиленія священства руководствовался въ своей жизни единственно „гласомъ божіимъ, устами пророческими возвѣщаемымъ". Какъ только появилась въ людяхъ ученость, стали писать книги, составлять законы, обряды и уставы, „гласъ небесный" былъ отверженъ и всѣми дѣлами стало управлять священство. Послѣднее своимъ властолюбіемъ окончательно и погубило царство израильское (5). Вслѣдствіе духовнаго, „глада", посѣтившаго людей, благодаря вмѣшательству священниковъ, „Непостижимый Отецъ свѣтовъ, по силѣ таинственнаго совѣта, отъ Духа Свята воплотилъ и отъ Маріи Дѣвы вочеловѣчилъ Сына своего или предвѣчное Слово свое". Сынъ Божій или Слово Отнее, освободивъ людей изъ-подъ закона, преподалъ имъ „духовное ученіе", освобождавшее людей „отъ суетнаго преданія отцовскаго, отъ обрядовъ законныхъ и невѣрія, отъ плотской жизни по Адамѣ, отъ мудрости наружной и даже отъ

(1) Чтен. въ общ. ист... 1867 г. 4 № 72—75 стр.
(2) Тамъ же, 75—76 стр.
(3) Тамъ же, 76—80 стр.
(4) Тамъ же, 80—84 стр.
(5) Тамъ же, 72—73 стр.

плотскаго родства“ (1). Вмѣсто книгъ, которыхъ Онъ Самъ ни одной не писалъ на бумагѣ“ (2), Онъ даровалъ вѣрующимъ „небесные дары“ Св. Духа: „посольство, пророчество и прочія блаженства“, которые съ этого времени сдѣлались основаніемъ и сущностію истинной, соборной церкви (3) и которые постоянно пребывали въ вѣрующихъ, какъ объ этомъ „пространно свидѣтельствуютъ книги новаго завѣта“ (4). Такъ какъ, продолжаетъ Елянскій, съ теченіемъ времени явились хулители Св. Духа и такъ какъ вообще міръ не въ состояніи вмѣщать въ себѣ Его благодатныхъ дѣйствій, то „апостолы и воспріемники ихъ тайно хранили даръ пророческій“—этотъ фундаментъ истинной церкви и „въ своихъ посланіяхъ, употребляя хитрость, именовали его помазаніемъ, обрученіемъ и подобными изображеніями“, подражая въ этомъ случаѣ самому Іисусу Христу, который также называлъ даръ пророчества не дѣйствительнымъ именемъ. Такъ точно поступали и послѣдующіе послѣ апостоловъ истинные христіане, скрывая пророчество „въ тайнѣ“ (5). Отвергнувъ книги, какъ ненужныя для людей просвѣщенныхъ и озаренныхъ Духомъ Святымъ, Іисусъ Христосъ, продолжаетъ Елянскій, „и наружной церкви не созидалъ“. Онъ „даже Соломонову камень на камнѣ не оставилъ, явныя церкви домомъ молитвы, а не жилища своего нарекъ, своихъ учениковъ училъ и учитъ внутрь себе царствіе Божіе построить и каждому церковію быть“ (6). Вмѣстѣ съ этимъ Онъ, очевидно, отрицалъ и церковные обряды (7) и суще-

(1) Чтен. въ общ. ист... 1867 г. 4 № 73 стр.
(2) Тамъ же, 75 стр.
(3) Тамъ же, 73 стр.
(4) Тамъ же, 74 стр.
(5) Тамъ же.
(6) Тамъ же, 75 стр.
(7) Тамъ же.

ствованіе самого священства, такъ какъ, по апостолу, истинные послѣдователи Христу—„родъ избранъ, царское священіе“ (1) и потому „отъ мала и до велика вси обоего пола души прикосновеніе Св. Духа въ себѣ ощущаютъ, а иные и во всей плоти разливающагося чувствуютъ“ (2).

Такимъ образомъ, утраченная идея церкви была возстановлена Іисусомъ Христомъ во всей силѣ. Не всѣ, однако, христіане могли сохранить въ цѣлости эту идею церкви. „Привыкши къ обрядамъ мірскимъ, идолопоклонническимъ, стали сами, преобразуя малою разницею, составлять обряды, вѣру и дѣла вѣры основывать на законѣ, дабы было все видимо“ (3).... Появилось снова священство, присвоившее себѣ преемство отъ апостоловъ. на самомъ же дѣлѣ чуждое ему и болѣе похожее на древнихъ жрецовъ, книжниковъ и фарисеевъ (4); появились обряды и суевѣрія, которые произвели свары, споры, раздоры и расколы, раздѣливши грековъ съ римлянами и армянами, римлянъ съ лютеранами, лютеранъ съ кальвинистами и и т. д. (5). Словомъ, въ концѣ концовъ „христіане уподобилися древнему израилю, липнлися живаго Бога“ (6) и христіанство, само по себѣ истинное и возвышенное, вслѣдствіе поступленія въ него „богоотступниковъ и злѣйшихъ міра любителей, блудниковъ и пьяницъ“, превратилось „въ низкое и дешевое христіанство“ (7).

Когда весь христіанскій міръ дошелъ, по истинѣ, до жалкаго состоянія, до полнаго забвенія истинной

---

(1) Чтен. въ общ. ист. 1867 г. 4 № 76 стр.
(2) Тамъ же, 75 стр.
(3) Тамъ же.
(4) Тамъ же, 76 стр.
(5) Тамъ же, 78 стр.
(6) Тамъ же, 75 стр.
(7) Тамъ же, 76 стр.

вѣры и церкви „наше общество, говоритъ Елянскій, возрастаетъ на истиныхъ словахъ Христовыхъ: никто же пріидетъ ко Мнѣ, аще не Отецъ Мой небесный привлечетъ“ (1). „Сбираясь на слово Божіе, продолжаетъ онъ, стараемся быть вси примирившіеся Богу, въ единовѣріи и единодушіи, во любови нелицемѣрной, въ простотѣ сердца“...., „обряднаго моленія“ нѣтъ въ употребленіи; вмѣсто же этого „занимаемся таинственными псалмами, пѣньемъ сіонскихъ пѣсней; тимпаны, гусли, струны, органы подвигаемъ“ и подобно Давиду, скакавшему предъ кивотомъ Господнимъ, и „рабы Божіи въ дому Давидовомъ скачутъ и играютъ, яко младенцы благодатные, пивомъ новымъ упоенные“; „въ книгахъ не нуждаемся, потому что есть одна живая книга самъ Духъ Святый, присутствующій всегда съ нами“ (2). Въ обыкновенной жизни „наблюдается духовная чистота въ высочайшемъ смиреніи“, чистота плоти отъ главы до ногъ и изъ устъ никогда не выходитъ гнилое слово ругательное или клятвенное“; „не дозволяется ближнему лгать, запрещено всякого человѣка обманывать явностію, а быть хитрымъ и мудрымъ, яко змію“ (3); „при всѣхъ обстоятельствахъ стараемся сильнѣйшіи немощи немощныхъ носить“ и проч. (4); наблюдаемъ умѣренность „въ пищи и питіи“, а равно и въ „развлеченьяхъ“ (5). Вообще же, говоритъ Елянскій, „всѣ посланія апостольскія, евангелія и всѣ боговдохновенныя книги могутъ засвидѣтельствовать наши дѣла; ибо тотъ истинный духъ, который ихъ училъ, и насъ учитъ и вѣщаетъ вся сокровенная премудрости..... Ни малѣйшей новости не заводимъ, а старое потерянное отыскиваемъ

(1) Чтен. въ общ. ист.... 1867 г. 4 № 76 стр.
(2) Тамъ же, 77 стр.
(3) Тамъ же, 79 стр.
(4) Тамъ же, 80 стр.
(5) Тамъ же, 79 стр.

и пренебреженное воздвигаемъ, яко Богъ съ нами есть“ (1).

Показавъ весь контрастъ между христіанскою церковію вообще и церковію скопческою въ частности и, указавъ, по своему, полное соотвѣтствіе послѣдней истинной идеѣ церкви, начертанной въ откровеніи и осуществленной при апостолахъ, Елянскій переходитъ къ разсмотрѣнію послѣдняго, самаго важнаго въ общественной жизни, вопроса о физическомъ уродованіи человѣка или о скопчествѣ. Понятно, онъ не признаетъ факта уродованія человѣка „новостію“ въ религіозной жизни скопцовъ. Напротивъ, онъ утверждаетъ, что оскопленіе дозволено въ Писаніи и что это уродство даже возводится на высшую степень самоотверженія человѣка (2). Далѣе, по его словамъ, „въ прежнія времена до седьмаго вѣку отъ Христа было открыто скопчество отъ временъ апостольскихъ и были нарочитые монастыри, бѣлоризцами нареченные, яко изъ убѣленныхъ людей составлялись“. Наконецъ, Елянскій не видитъ въ скопцахъ вредныхъ и безполезныхъ членовъ государства. То правда, говоритъ онъ, что „царю и отечеству нужны министры, полководцы, воины, судьи, земледѣльцы, и прочаго званія люди, но кольми паче нужны, яко соль земли, молитвенники....., молитвенникъ же долженъ быть свободенъ отъ всѣхъ преданій человѣческихъ, дабы слово было къ Богу, и Богъ былъ Слово, и такъ чистъ, яко хрустальный сосудъ въ рукѣ царской, тако предъ очами Божіими и молитвенникъ долженъ быть непорочный“ (3); но кто же можетъ быть чище и прозрачнѣе скопца и кто, слѣдовательно, можетъ быть ближе къ Богу? Очевидно никто, по мнѣнію Елянскаго.

Елянскій представлялъ „проэктъ“ и „Часть извѣстія, на чемъ скопчество утверждается“ Н. Новосиль-

(1) Чтен. въ общ. ист... 1867 г. 4 № 79 стр.

(2) Тамъ же, 80—81 стр.

(3) Тамъ же, 81 стр.

цеву съ тѣмъ, чтобы послѣдній въ свою очередь представилъ то и другое на благоусмотрѣніе государя императора. Первымъ слѣдствіемъ, которое постигло Елянскаго послѣ подачи его „проэкта“ и „Части извѣстія, на чемъ скопчество утверждается“, было усиленіе надзора за нимъ. Къ августу 1804 года открытъ былъ цѣлый рядъ фактическихъ доказательствъ о принадлежности Елянскаго къ скопческому обществу. Такъ, архимандритъ Соловецкаго монастыря своимъ рапортомъ увѣдомилъ Синодъ о перепискѣ Елянскаго съ монахомъ Ѳеофаномъ - скопцомъ, жившимъ подъ надзоромъ въ Соловецкомъ монастырѣ. Далѣе, открыто было письменное ходатайство Елянскаго предъ московскимъ митрополитомъ о хлыстѣ іеромонахѣ Георгіѣ и о двухъ скопцахъ, бывшихъ послушниками въ Невской лаврѣ (1). Поэтому, считая не безопаснымъ для общественнаго спокойствія сумасбродство Елянскаго, выражаемое при томъ такъ открыто и съ такою наглостію, правительство немедленно же отправило Елянскаго изъ Петербурга въ Суздальскій монастырь. Къ 25-му августа того же 1804 года Елянскаго уже не было въ Петербургѣ (2).

Съ другой стороны, правительство, совершенно справедливо предполагая, что „проэктъ“ и „извѣстіе“ составлены не единолично Елянскимъ, но при участіи другихъ скопцовъ и самого лжеискупителя, обратило свое вниманіе и на послѣднихъ. Поэтому, въ томъ же 1804 году къ скопческому настоятелю присланы были по высочайшему повелѣнію князь Голицынъ и графъ Толстой съ цѣлію увѣщанія, чтобы онъ болѣе не дозволялъ совершать оскопленій. Успѣхъ былъ полный; скопческій настоятель далъ обѣщаніе, конечно ложное, кн. Голицину и гр. Толстому, что онъ не будетъ дозволять оскопленій, такъ какъ для

(1) Сборн. Кельс. Ш. 91—92 стр.

(2) Тамъ же, 92 стр.

этого „время миновало“, и послѣдніе успокоились (¹). Такимъ образомъ, „проэктъ“ Елянскаго и его „извѣстіе“ не причинили вреда скопческому обществу и послѣднее во главѣ съ своимъ лжеискупителемъ и лжецаремъ продолжало благоденствовать. Фактъ посѣщенія императоромъ Александромъ I Селиванова въ 1805 году, своеобразно понятый скопцами, даже убѣдилъ послѣднихъ въ явномъ покровительствѣ ихъ обществу и въ особенности ихъ искупителю со стороны правительства.

Нужно предполагать, что слухъ о святости и прозорливости „старца“ или скопческаго лжеискупителя дошелъ до государя Александра I-го. Испытывая то тяжелое и мучительное чувство, которое подавляетъ обыкновенно человѣка въ виду грозящей опасности, императоръ Александръ, отправляясь на войну съ Наполеономъ, осчастливилъ своимъ посѣщеніемъ и прославленнаго старца, съ тѣмъ, чтобы получить отъ него такое или иное предвѣщаніе. Въ дѣйствительности этого посѣщенія государемъ скопческаго лжеискупителя, кромѣ разсказа объ этомъ самихъ скопцовъ, удостовѣряетъ и современникъ Александра I Лубяновскій; притомъ, возможность этого факта нисколько не противорѣчитъ внутреннему настроенію и характеру Александра I. По разсказу скопцовъ, „явный царь“, т. е. Александръ I, пришелъ „къ небесному въ алтарь“, т. е. къ скопческому лжеискупителю и лжецарю въ домъ. Предметомъ разговора были „царскія дѣла“ и именно о томъ — начинать ли войну съ Бонапартомъ или же нѣтъ? и если начинать, то можно-ли надѣяться на побѣду? Отвѣтъ на эти вопросы со стороны „небеснаго царя“ послѣдовалъ отрицательный:

„Не даю благословенья
Тебѣ, явному царю:

(¹) Чт. въ общ. ист... 1872 г. 3 № 227—228 стр.

Не ходи ты на войну:
Безъ тебя врага уйму".

При этомъ, продолжаетъ легенда, небесный царь, подавая лучь надежды на благопріятный исходъ борьбы съ Наполеономъ, говорилъ въ заключеніе „явному царю":

„Какъ познаешь дѣло божье
И увѣруешь въ меня,
Награжу тебя, отецъ,
Соблюду я твой вѣнецъ" (¹).

Разсказъ Лубяновскаго въ сущности повторяетъ то, что разсказываютъ и скопцы. По его словамъ, онъ вмѣстѣ съ Гинѐ, въ одинъ изъ праздничныхъ дней, ради любопытства, заѣхалъ по пути изъ Казанскаго собора къ Селивanову. Послѣдній, едва только они вошли въ комнату, приподнялся съ постели и благословилъ меня, разсказываетъ Лубяновскій, говоря при этомъ: „се, еще одна овца заблудшая возвращается въ стадо"! Потомъ, продолжаетъ Лубяновскій, взявъ меня за руку, спросилъ: „что Алексаша уѣхалъ"? Такой вопросъ, конечно, поставилъ въ недоумѣніе Лубяновскаго и онъ ничего не могъ отвѣтить на него. Между тѣмъ, Селивановъ, замѣтивъ очевидно, что его не понимаютъ, продолжалъ: „ну, государь-то уѣхалъ?".... „Что будешь дѣлать?... А я вотъ еще третьяго дня вотъ здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ, умолялъ его не ѣздить и войны съ проклятымъ Французомъ не начинать. Не пришла еще пора твоя; побьетъ тебя и твое войско, придется бѣжать куда ни попало".... Сообщая эти слова Селиванова, Лубяновскій замѣчаетъ, что „ни одного слога здѣсь нѣтъ моего. Нельзя было не подивиться предсказанію, но еще болѣе посѣщенію и непонятной терпимости" (²).

(¹) Чтен.... 1872 г. 3 № 12[illegible] стр. Пѣсня № 16-й.

(²) Рус. Архивъ. Зап. сенат. О. П. Лубяновскаго. 1872 г. 474—475 стр.

Скопцы, какъ только миновала опасность, грозившая имъ отъ неудавшагося плана поставить скопческое общество во главѣ русскаго государства, предались снова еще съ большимъ ожесточеніемъ и надменностію своему религіозному безумству. Обѣщаніе болѣе не оскоплять никого, данное Селивановымъ Голицину и Толстому, при первомъ же удобномъ случаѣ было нарушено. Оскопляли не только взрослыхъ, но и малолѣтнихъ и притомъ массами, какъ свидѣтельствуетъ фельдфебель Ивановъ (1). Радѣнія въ домѣ Ненастьевыхъ совершались постоянно и притомъ съ небывалою до сего времени торжественностію. Комната, гдѣ совершались радѣнія, устлана была дорогимъ ковромъ съ изображеніями на немъ ангеловъ и архангеловъ (2). Для лжеискупителя устроено было нѣсколько кроватей, на которыхъ онъ обыкновенно проводилъ время, когда его дѣтушки предавались безумнымъ оргіямъ (3). Не принимая лично участія въ радѣніяхъ, лжеискупитель только наблюдалъ за радѣющими и давалъ всему собранію тонъ и одушевленіе. Очевидецъ этихъ шумныхъ скопческихъ оргій, фельдфебель Ивановъ, сообщаетъ слѣдующія весьма интересныя подробности. Въ моментъ пѣнія пѣсни: „царство, ты царство, духовное царство“ отворялись двери и „Богъ“, одѣтый въ короткое зеленое шелковое полукафтанье, въ сопровожденіи „Іоанна Предтечи и Петра апостола“, одѣтыхъ въ темныя рясы, подпоясанныя ремнями, вошелъ въ комнату; всѣ присутствовавшіе моментально пали на колѣна: „Богъ“, между тѣмъ, махая бѣлымъ батистовымъ платкомъ, говорилъ: „покровъ мой святой надъ вами!“ и отправился далѣе въ женскую половину. Окно, соединявшее женскую половину съ мужскою и обыкновенно закрывавшееся, тотчасъ было открыто;

(1) Чтен.... 1872 г. 3 № 204 стр.

(2) Тамъ же, 205 стр.

(3) Тамъ же. 205—206 стр.

„Богъ“ сѣлъ на окнѣ и радѣнія продолжались (1).— Посѣщенія петербургской знати, интересовавшейся таинственною личностію Селиванова, совершались безпрепятственно и деньги, которыя обыкновенно приносились посѣтителями, текли въ домъ Ненастьевыхъ рѣкой. Многіе, поэтому, изъ „искупителевыхъ слугъ“ нажили значительные капиталы; больше всѣхъ обогатился Солодовниковъ, бывшій чѣмъ-то въ родѣ казначея въ обители Ненастьева (2). Сношенія со скопцами другихъ и при томъ весьма отдаленныхъ губерній производились постоянно; одни изъ скопцовъ пріѣзжали въ Петербургѣ съ тѣмъ, чтобы получить благословеніе отъ лжеискупителя; другіе же—чтобы получить утвержденіе въ учительскомъ и пророческомъ званіи (3). Съ нѣкоторыми изъ скопцовъ лжеискупитель велъ переписку; такъ, извѣстно, что къ священнику села Забѣльни, калужской губерніи, въ періодъ времени отъ 1803 по 1808 годъ онъ написалъ до девяти писемъ, называя себя въ нихъ безъ всякаго стѣсненія „Богомъ“ и „искупителемъ“ и увѣщевая его быть вѣрнымъ и послушнымъ сыномъ скопческаго общества (3). Ко времени же пребыванія Селиванова въ домѣ Ненастьевыхъ можно отнести и написаніе имъ своихъ „страдъ“ и „посланія“.

Въ 1811-мъ году Селивановъ изъ дома Ненастьевыхъ перемѣстился въ домъ купца-скопца Ивана Кострова, находившійся въ третьемъ кварталѣ литейной части. Въ домѣ Кострова Селивановъ жилъ до 1817-го года; въ этомъ же году, „за что-то прогнѣвавшись“ на Кострова, какъ передаетъ Андреяновъ (4), онъ перемѣстился въ только что отстроенный домъ

---

(1) Чтен... 1872 г. 3 № 206 стр.

(2) Рус. Вѣстн. 1869 г. № 5. 294 стр.

(3) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 3 № 301 стр., Рус. Вѣстн. 1869 г. № 5, 282—283 стр.

(4) Чтен... 1873 г. 1 № 30—31 стр.

(5) Тамъ же, 300 стр.

купца Михаила Назарова Солодовникова, находившійся около дома Кострова (1).

Домъ Солодовникова по своей обширности вполнѣ соотвѣтствовалъ все болѣе и болѣе возраставшему числу скопцовъ; по свидѣтельству самихъ скопцовъ, въ моленной Солодовникова могли безпрепятственно радѣть отъ двухъ до трехъ сотъ человѣкъ одновременно (2). Домъ этотъ не иначе назывался, какъ „домомъ божіимъ", „горнимъ Сіономъ" и проч. (3). Для того, чтобы отвлечь вниманіе начальства отъ всего того, что совершалось преступнаго и безнравственнаго въ моленной, Солодовниковъ намѣренно приглашалъ важнѣйшихъ государственныхъ лицъ въ многолюдныя собранія скопцовъ, показывая имъ, конечно, только то, что не могло быть преслѣдуемо какъ преступленіе (4). Онъ даже сдѣлалъ болѣе; при помощи могущественныхъ покровителей онъ достигъ того, что входъ полиціи въ его домъ былъ воспрещенъ по высочайшему повелѣнію (5). Такимъ образомъ, общество скопцовъ, ихъ собранія и моленія, получили даже нѣкотораго рода правительственную гарантію. Главными сподвижниками Селиванова въ это время были: Кобелевъ и Громовъ.

Семенъ Ивановичъ Кобелевъ, когда ему было лѣтъ двадцать, отправлялъ должность придворнаго лакея при великомъ князѣ Петрѣ Ѳеодоровичѣ. Сдѣлавшись скопцамъ онъ поступилъ въ общество Селиванова и здѣсь имѣлъ сильное вліяніе на умонастроеніе прочихъ скопцовъ, увѣряя ихъ, что Селивановъ есть дѣйствительно Петръ III, при дворѣ котораго онъ жилъ и служилъ. При этомъ, чтобы еще болѣе по-

---

(1) Реутскій, 135 стр.

(2) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 3 № 70 стр.

(3) Реутскій, 136 стр.

(4) Чтен... 1872 г. 3 № 73 стр.

(5) Тамъ же, 82 стр.

дѣйствовать на умы скопцовъ, онъ съ такою же самоувѣренностію утверждалъ, что государь Александръ Павловичъ знаетъ про существованіе своего дѣда Петра Ѳеодоровича въ обществѣ скопцовъ; объ этомъ, прибавлялъ Кобелевъ, Александръ Павловичъ нерѣдко въ придворной ливреѣ сообщалъ ему. Понятно, такой человѣкъ, какъ Кобелевъ, дорогъ былъ для Селиванова и послѣдній, поэтому, относился къ нему съ большимъ уваженіемъ и любовію, считая его своимъ „наперсникомъ“ и даже своимъ „преемникомъ“ по смерти. Однако, дерзость и нахальство Кобелева, какъ увидимъ, погубили его и онъ принужденъ былъ разочароваться въ своихъ надеждахъ играть главную роль въ средѣ петербургскихъ скопцовъ (1).

Другой сподвижникъ Селиванова Алексѣй Ивановичъ Громовъ былъ уроженецъ галицкаго уѣзда, костромской губерніи. Въ молодости онъ былъ отданъ въ военную службу, но оставался въ ней недолго. Неизвѣстно, бѣжалъ-ли онъ изъ военной службы или, быть можетъ, былъ уволенъ, но только въ 1818-мъ году онъ былъ уже скопцомъ и занималъ весьма видное мѣсто при лжеискупителѣ (2). Основываясь на послѣдующей дѣятельности Громова, которую онъ обнаружилъ послѣ удаленія его изъ Петербурга преимущественно въ предѣлахъ костромскихъ, принимая далѣе во вниманіе его жизнь, полную приключеній (3), можно предполагать, что Громовъ по своему уму, крайне хитрому и изворотливому, по своей энергической дѣятельности, не останавливающейся ни предъ какими препятствіями, по своему религіозному фанатизму и страсти къ пропагандѣ, едвали уступалъ самому Селиванову. Кромѣ того, Громовъ весьма основательно былъ знакомъ со всѣмъ скопческимъ ученіемъ, усвоилъ себѣ послѣднее и умѣлъ передать его дру-

(1) Чтен.... 1872 г. 3 № 211 стр.

(2) Тамъ же, 314—315 стр.

(3) Тамъ же, 316—321 стр.

гимъ. Такъ думаемъ на основаніи донесенія крестьянина Андреянова, который долгое время находился подъ непосредственнымъ руководствомъ Громова и, поэтому, въ своемъ донесеніи всегда ссылается на послѣдняго. Лжеискупитель вслѣдствіе этого дорожилъ Громовымъ, приблизилъ его къ себѣ и наименовалъ его „своимъ первымъ апостоломъ“ (1). Впослѣдствіи, именно въ тридцатыхъ годахъ XIX ст., когда Громовъ успѣлъ уже пріобрѣсти огромную популярность между провинціальными и преимущественно между костромскими скопцами, онъ къ званію „апостола“ присоединилъ еще титулъ „царственнаго имени“ и сталъ именоваться „цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ“. О своемъ царскомъ достоинствѣ Громовъ такъ выражался: „дѣдушка мой, отецъ искупитель, Петръ Ѳеодоровичъ, полгода на царствѣ былъ, а я и полдня не восхотѣлъ царствовать, всю земную справу отдалъ братцу Николюшкѣ (т. е. Николаю Павловичу), всѣми тронами и дворцами благословилъ“ (2). Къ Громову скопцы относятся съ большимъ уваженіемъ и почитаютъ его „за вѣрнаго пророка, искупительскаго апостола и великаго страдателя, назидающаго стада израильскихъ овецъ, государя ихъ, батюшки, Петра Ѳеодоровича III“ (3).

Изъ другихъ лицъ, составлявшихъ штатъ „искупителевыхъ слугъ“, болѣе или менѣе замѣчательны, кромѣ извѣстныхъ содержателей скопческихъ домовъ—Ненастьевыхъ—Сидора и Ивана, Кострова, Васильева, Солодовникова, еще: Илья Ильичъ и Кириллъ Григорьевъ — мѣщане; о нихъ упоминаетъ Андреяновъ въ своемъ донесеніи (4); далѣе, Кононовъ—извѣстнѣйшій фанатикъ (5) и Кузнецовъ.

(1) Чтен... 1872 г. 3 № 315 стр.

(2) Тамъ же, 318 стр.

(3) Тамъ же, 322 стр.

(4) Тамъ же, 300 стр.

(5) Сборн. Кельс. III. 58—59 стр.

Спокойная и безмятежная жизнь Селиванова въ Петербургѣ приближалась уже къ концу. Въ 1818-мъ году начался рядъ нестроеній въ его обществѣ. Алчность къ деньгамъ, жажда чести и славы, особенно обнаружившіяся въ это время между приближенными лжеискупителя, произвели сильное неудовольствіе между ними, ссоры и зложеланіе другъ другу. Съ другой стороны, страстное, необузданное и ничѣмъ неудержимое стремленіе скопцовъ къ пропагандѣ своего физическаго и нравственнаго уродства стало настолько открыто и совершалось съ такою наглостію, что правительство, истощивъ всѣ мѣры кротости и снисходительности, вынуждено было, наконецъ, обратить болѣе серьезное вниманіе и изыскать болѣе рѣшительныя средства для пресѣченія разливавшагося зла. Прежде всѣхъ подпалъ подъ судебное слѣдствіе первый апостолъ скопческаго лжеискупителя Алексѣй Громовъ. Неизвѣстно, въ чемъ онъ обвинялся, но извѣстно то, что судебное слѣдствіе надъ нимъ начато по происканъ другихъ приближенныхъ къ лжеискупителю и главнымъ образомъ по происканъ Ильина и Григорьева. Послѣдніе, опасаясь, что Громовъ, быстро возвышавшійся въ мнѣніи Селиванова, можетъ современемъ пріобрѣсти надъ послѣднимъ исключительное вліяніе, рѣшили запутать его въ какомъ-либо важномъ дѣлѣ, быть можетъ, въ пропагандѣ скопчества, и такимъ образомъ удалить его изъ своего общества. Желаніе враговъ Громова осуществилось; онъ былъ заключенъ, по распоряженію высшей власти, въ Николаевскую крѣпость—въ томъ же 1818-мъ году, хотя ему скоро удалось отсюда бѣжать (1). Въ іюнѣ того же 1818-го года митавскій мѣщанинъ Разсказовъ, принадлежавшій къ скопческому обществу, подалъ петербургскому митрополиту Михаилу письменное раскаяніе въ заблужденіи и объ-

(1) Чтен... 1872 г. 3 № 81 и 315 стр.

яснилъ при этомъ, что Селивановъ называется у скопцовъ „христомъ, богомъ и императоромъ Петромъ III“ (1). Заявленіе Разсказова о чествованіи Селиванова было не новостію для духовнаго и гражданскаго начальства и потому оно осталось безъ послѣдствій. Въ слѣдующемъ 1819 году возникло новое дѣло о петербургскихъ скопцахъ характера уголовнаго. — Началось это дѣло по иниціативѣ петербургскаго генералъ-губернатора, графа Милорадовича. Послѣдній узналъ, что двое изъ его двоюродныхъ племянниковъ, полковникъ Димитрій Григорьевичъ и подпоручикъ Алексѣй Григорьевичъ Милорадовичи, принадлежавшіе до этого времени къ союзу Татариновой, придворнымъ лакеемъ Кобелевымъ были завлечены на собраніе въ домъ Солодовникова и при этомъ Алексѣй Григорьевичъ соглашался даже на оскопленіе. Вмѣстѣ съ этимъ графъ Милорадовичъ узналъ, что въ кораблѣ Селиванова оскоплено нѣсколько нижнихъ чиновъ изъ гвардейскихъ полковъ и матросовъ, особенно изъ ластовыхъ экипажей. Обстоятельство это возмутило графа Милорадовича до глубины души и онъ немедленно же написалъ министру духовныхъ дѣлъ князю А. Н. Голицину, что „къ извѣстному старику, начальнику скопцовъ, собирается много людей всякаго званія, въ томъ числѣ и нижніе военные чины, привлекаются даже молодые люди изъ высшаго сословія, что секта увеличивается и часто происходятъ оскопленія, что городская полиція не можетъ слѣдить за дѣйствіями извѣстнаго старика, ибо ей нѣтъ входа въ его домъ“; при этомъ онъ просилъ Голицына донести о такомъ важномъ обстоятельствѣ государю императору (2). Началось судебное слѣдствіе, которое выяснило, что главными пропагандистами скопческаго ученія, кромѣ Кобелева, были: Иль-

(1) Чтен... 1872 г. 3 № 81 стр.

(2) Тамъ же, 212 стр.

инъ и Григорьевъ, вслѣдствіе чего всѣ трое были сосланы въ Соловецкій монастырь. Сознавая, что удаленіе Кобелева, Ильина и Григорьева въ Соловки не можетъ служить достаточнымъ средствомъ къ уничтоженію скопческой язвы, правительство и въ этомъ случаѣ прибѣгло къ увѣщательнымъ мѣрамъ: всѣмъ скопцамъ, находившимся въ Петербургѣ, была объявлена высочайшая воля, чтобы впредь никто изъ нихъ не осмѣливался оскоплять кого бы то ни было (1). Затѣмъ, 29 окт. 1819 года, по высочайшему повелѣнію, прибыли въ домъ Солодовникова директоръ департамента народнаго просвѣщенія Поповъ и съ нимъ другой чиновникъ, неизвѣстный по фамиліи, — вѣроятно Пилецкій. Цѣлію прибытія ихъ было увѣщаніе Селиванова, чтобы онъ болѣе не позволялъ производить оскопленій; но какъ производилось это увѣщаніе и какія послѣдствія его были — неизвѣстно (2). Въ томъ же 1819 году появилась въ свѣтъ книга: „о скопцахъ“ Пилецкаго, который написалъ ее по порученію государя (3). Книга эта, имѣвшая своею цѣлію, очевидно, опроверженіе скопческаго ученія, въ самомъ дѣлѣ не только не опровергала его, но даже оправдывала въ нѣкоторыхъ пунктахъ; такъ, напримѣръ, въ ученіи о радѣніяхъ. Поэтому неудивительно, что нѣкоторые изъ болѣе знающихъ христіанское ученіе, какъ напр. митрополитъ Филаретъ, бывшій въ то время архіепископомъ ярославскимъ, замѣчали, что книга имѣетъ много нехристіанскаго (4).

---

(1) Чтен... 1872 г. 3 № 83—84 стр. Реутскій. 184 стр.

(2) Сборн. Кельс. Ш 56 стр.

(3) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 3 № 80 стр.

(4) Князь Голицынъ прислалъ Филарету 10-ть экземпл. этой книги съ тѣмъ, чтобы онъ распространилъ ихъ въ обществѣ. Филаретъ заплатилъ 10 руб., но отказался распространить книгу и собственноручно написалъ князю, что онъ положительно не можетъ уважить его просьбы, такъ какъ книга заключаетъ въ себѣ много нехристіанскаго («Изъ воспом. покойн. митр. Филарета». Прав. Обозр. 1868 г. 26 т. 320 стр.).

Въ виду столь нерѣшительныхъ правительственныхъ мѣръ, скопцы нисколько не унывали: они попрежнему продолжали завлекать въ свое общество новыхъ лицъ и, разсчитывая на безнаказанность, оскопляли ихъ. Въ ноябрѣ того же 1819 года графъ Милорадовичъ и оберъ-полицмейстеръ Горголи чрезъ своихъ чиновниковъ узнали, что въ Петербургѣ многіе дома наполнены скопцами, что въ домѣ Васильева (содержателя скопческаго корабля) живетъ „дѣвица рѣдкой красоты", называющаяся и богородицею, и супругой цесаревича Константина Павловича, великой княгиней Анной Ѳеодоровной, и цесаревной Еленой Павловной (1). Неизвѣстно, происходило ли по

(1) Чтен.... 1872 г. 3 № 84 стр. — Кто такова была «дѣвица рѣдкой красоты» по своему происхожденію, мнѣнія изслѣдователей расходятся. По мнѣнію Надеждина (Сбор. Кельс. Ш. 108 стр.) и Мельникова (Чтен.... 1872 г. 3 № 88 стр. 30 примѣч. и 89 стр. 32 прим.) она есть не кто иная, какъ дочь извѣстнаго первооскопленника Софонія Попова, бывшая въ замужествѣ съ лебедянскимъ мѣщаниномъ и потомъ съ нимъ разошедшаяся; по мнѣнію же Реутскаго она дочь лебедянскаго купца Николая Гонева и жена лебедянскаго мѣщанина Катасонова (Изслѣд. Реутскаго, 161 стр.). Чье мнѣніе справедливѣе—трудно опредѣлить. «Дѣвица рѣдкой красоты» замѣчательная авантюристка въ исторіи скопчества. Она первоначально жила въ Москвѣ въ домѣ Колесникова. Принявши на себя двойное самозванство—религіозное и политическое, она пріобрѣла обширную популярность и уваженіе въ средѣ московскихъ скопцовъ. Слухъ о ней достигъ даже до Петербурга и Селивановъ, всегда искавшій и привлекавшій къ себѣ людей способныхъ и искусныхъ, рѣшился вызвать ее къ себѣ. Она дѣйствительно прибыла въ Петербургъ и жила нѣкоторое время при лженскупителѣ. Однако, послѣдній скоро принужденъ былъ раскаяться въ своемъ поступкѣ, такъ какъ дѣвица эта, при рѣдкой физической красотѣ, обладала значительнымъ самолюбіемъ, честолюбіемъ и властолюбіемъ, что уже прямо противно было характеру Селиванова Притомъ, послѣдній находился даже въ опасности потерять чрезъ нее вліяніе на окружающихъ. Поэтому, онъ постарался удалить ее отъ себя и она послѣ этого жила въ домѣ Васильева до 1819 года (Сборн. Кельс. Ш. 109 стр.). Оставивъ Петербургъ, она, вѣроятно, прежде всего прибыла въ Москву. Отсюда разъѣзжала она по рязанской губерніи и въ 1827 году была поймана въ Раненбургѣ и посажена въ острогъ подъ именемъ московской мѣщанки Елены Павловой (Чтен... 1872 г. 4 № 82 и 87—88 стр.

этому случаю слѣдствіе, но только въ началѣ слѣдующаго 1820 года дѣйствія правительства въ отношеніи къ скопцамъ принимаютъ характеръ большей строгости и рѣшительности. 17-го февраля этого года учрежденъ былъ особый секретный комитетъ изъ митрополита Михаила, архіепископа тверскаго Филарета, кн. Голицына, гр. Милорадовича и кн. Кочубея. Результатомъ продолжительныхъ совѣщаній комитета было удаленіе изъ Петербурга 7-го іюня того же года Селиванова и заточеніе его въ суздальскій Спасо-Ефимьевъ монастырь (1). Взятіе лжеискупителя изъ дома Солодовникова и отправленіе его изъ Петербурга совершились съ соблюденіемъ необыкновенной предосторожности и съ выраженіемъ замѣчательнаго вниманія къ дряхлому старику — искупителю скопцовъ. По словамъ скопцовъ, подтверждаемымъ отчасти и оффиціальными извѣстіями, предъ отправленіемъ лжеискупителя изъ Петербурга къ нему прибылъ вечеромъ оберъ-полицмейстеръ Горголи и объявилъ, что къ нему будутъ гости отъ государя. Дѣйствительно, дня черезъ два или три къ нему прибыли часу въ 11-мъ утра два лица: Поповъ и еще кто-то. Поговоривъ съ лжеискупителемъ, они пожали

казаніе Будылина). Ей, однако, скоро удалось убѣжать изъ острога и въ 30-хъ годахъ она является дѣйствующею въ Москвѣ и въ серпуховскомъ уѣздѣ, но снова была поймана и посажена въ Серпуховскую тюрьму подъ именемъ Ирины Николаевой, иначе Елены Павловой (тамъ же, 107 и 112 стр.). Что стало съ той авантюристкой впослѣдствіи — неизвѣстно. Если держаться мнѣнія о происхожденіи ея Надеждина и Мельникова, то нужно допустить, что она послѣдніе дни жизни провела въ домѣ моршанскаго мѣщанина Артема Познякова и умерла въ глубокой старости (болѣе 90 лѣтъ) обезпамятившею старухою (изслѣд. Надеждина. Сборникъ Кельсіева. Ш. 108 стр. 137 прим.). Объ этой «дѣвицѣ рѣдкой красоты» упоминаютъ Андреяновъ въ своемъ донесеніи подъ именемъ Елены Савельевой (Чтен. въ общ. ист. 1872 г. 3 № 300 стр.) и архим. Досиѳей въ своемъ сочиненіи «Открытіе тайностей скопцовъ» подъ именемъ «непотребной дѣвки» (тамъ же, 1 № 155—156 стр.).

(1) Сборн. Кельс. Ш. 56 стр. и Реутскій, 144—145 стр.

плечами и одинъ изъ нихъ (Поповъ), всплеснувши руками, сказалъ: „Господи! если бы не скопчество, то за такимъ человѣкомъ пошли бы полки полками“ (1). По показанію Агѣева—скопца, брали лжеискупителя изъ дома Солодовникова графъ Милорадовичъ и оберъ-полицмейстеръ Горголи съ командою (2). Достовѣрно, однако, извѣстно только то, что, дѣйствительно, лжеискупитель взятъ былъ изъ дома Солодовникова Горголи въ то время, когда всѣ скопцы спали. Привезенъ былъ онъ въ съѣзжій домъ, гдѣ уже готова была дорожная коляска и отсюда (3) его отправили въ два часа ночи по московскому тракту, въ сопровожденіи слѣдственнаго пристава Путвинскаго“ (4). При этомъ внушено было послѣднему, чтобы онъ оказывалъ лжеискупителю во время пути „всѣ выгоды, какія нужны быть могутъ ему, по престарѣлымъ лѣтамъ и изъ уваженія къ человѣчеству, сколь впрочемъ ни суть преступны правила ереси, какія онъ столь долго разсѣевалъ“ (5). Архимандриту суздальскаго Спасо-Ефимьева монастыря Парѳенію заранѣе дано было предписаніе о томъ, чтобы принять начальника секты скопцовъ въ монастырь съ человѣколюбивою ласковостію, съ христіанскимъ расположеніемъ сердца изъ состраданія къ старости его и изъ сожалѣнія о заблужденіи его, и помѣстить его въ кельѣ, которая бы служила, по уединенію своему, къ спокойствію его и ко благоразмышленію“ (6).....

---

(1) Чтен... 1872 г. 3 № 88 стр. 70 прим. Показ. Хорошкѣева.

(2) Тамъ же, 244 стр.

(3) По Реутскому, лжеискупитель изъ съѣзжаго дома былъ перевезенъ въ домъ министерства народ. просвѣщенія и уже отсюда отправленъ былъ въ мѣсто ссылки (145 стр.).

(4) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 3 № 84—85 стр.

(5) Сборн. Кельс. Ш. 56 стр.

(6) Приведенной нами выдержки изъ предписанія архимандриту почему-то нѣтъ въ текстѣ, помѣщенномъ Мельниковымъ въ Чтен... 1872 г. 3 № 57—58 стр. Вообще же этотъ текстъ сравнительно съ текстомъ

Вѣсть о взятіи Селиванова изъ дома Солодовникова, сдѣлавшаяся извѣстною скопцамъ уже по-утру, очевидно, должна была сильно поразить ихъ. Многіе тотчасъ же бросились въ погоню за отъѣзжавшимъ Селивановымъ. Такъ какъ неизвѣстно было, куда именно отправляли лжеискупителя и по какому тракту повезли его, то скопцы, раздѣлившись на партіи, направились въ разныя стороны съ тѣмъ, конечно, чтобы на томъ или другомъ пути нагнать его. Два скопца — Солодовниковъ и Кузнецовъ, полагая, что Селиванова снова повезли въ Сибирь, направили свой путь по московской дорогѣ. Въ Тоснѣ имъ удалось, дѣйствительно, нагнать отъѣзжавшаго Селиванова и здѣсь произошло весьма трогательное прощаніе ихъ съ „батюшкою". Возвратившись въ Петербургъ, Солодовниковъ и Кузнецовъ извѣстили прочихъ скопцовъ о своей встрѣчѣ. Между тѣмъ, скопцы твердо были убѣждены, что удаленіе Селиванова изъ Петербурга совершилось помимо воли императора, что это есть слѣдствіе козней и происковъ нѣкоторыхъ, чѣмъ либо недовольныхъ ихъ искупителемъ (1) и это свое убѣжденіе они выразили цѣлымъ рядомъ демонстрацій, направленныхъ противъ правительства. Въ іюлѣ того же 1820 года, спустя нѣсколько дней послѣ отправленія Селиванова, всѣ петербургскіе скопцы собраны были вмѣстѣ въ домѣ Солодовникова; здѣсь имъ прочитана была Высочайше разсмотрѣнная и одобренная бумага. Въ этой бумагѣ говорилось, что скопцы

у Надеждина нѣсколько короче; такъ напр. 5-й пунктъ у Мельникова короче, чѣмъ тоже самое у Надеждина въ 6-мъ пунктѣ.

(1) По словамъ пѣсни.

«Александръ царь получилъ много досадъ,
Припечалился онъ, горько затужилъ,
Что изъ Питера жива Бога проводилъ:
Не прогнѣвался-бъ мой батюшка творецъ!
Я оставлю сего царствія вѣнецъ.
Видно скоро я во слѣдъ твой покачу,
Безъ него я на землѣ жить не хочу» (Чт... 1872 г. 3 № 132 стр.).

совершенно несправедливо почитаютъ скопчество основаніемъ своего спасенія, что они, далѣе, грубо заблуждаются, почитая начальника своей секты искупителемъ и усвояя ему божественныя свойства, принадлежащія только одному Іисусу Христу, что, далѣе, ихъ мнимый искупитель сосланъ въ монастырь именно за распространеніе скопчества и съ тѣмъ, чтобы онъ тамъ „могъ употребить послѣдніе дни жизни своей на раскаяніе“ и что, наконецъ, всѣ тѣ, которые и послѣ этого будутъ соблазнять другихъ къ вступленію въ скопчество, „подвергнутся строгому взысканію отъ гражданскаго правительства, какъ вредные въ обществѣ люди“ (1). Едва было окончено чтеніе бумаги, какъ изъ многочисленной толпы скопцовъ выступилъ Алексѣй Петровъ, отставной придворный метрдотель, который съ горячностію сталъ защищать и оправдывать удаленнаго лжеискупителя и, павъ на колѣна предъ чиновниками, громко вопилъ о его возвращеніи (2). Спустя мѣсяцъ послѣ этого событія, другой скопецъ Семенъ Кононовъ подалъ прошеніе на имя государя императора, въ которомъ просилъ объ освобожденіи и возвращеніи назадъ въ Петербургъ „отца-искупителя“; его выдержали за это десять недѣль въ полиціи. Выпущенный на волю, онъ снова, уже чрезъ почту, изъ Царскаго села, отправилъ новое прошеніе; на него не послѣдовало никакого отвѣта. Обождавъ нѣсколько времени, Кононовъ подалъ третье прошеніе въ руки государя; государь велѣлъ его выдержать еще три недѣли подъ арестомъ. Но и это не образумило фанатика. Подговоривъ другаго скопца унтеръ-офицера Иванова, онъ вмѣстѣ съ нимъ составилъ четвертое прошеніе отъ имени „всего скопческаго общества“, прося при этомъ уже не объ освобож-

(1) Сборн. Кельс. III. 57—58 стр.

(2) Тамъ же, 58 стр.

(3) Тамъ же, 59—60 стр.

денiи и возвращенiи лжеискупителя, а о дозволенiи, по крайней мѣрѣ, видѣться съ нимъ его послѣдователямъ и поклонникамъ и подалъ его опять государю. Видя, что арестъ и увѣщанiя не дѣйствуютъ на Кононова, государь повелѣлъ отправить его въ Соловецкiй монастырь.—Увѣренность скопцовъ, что государь согласится возвратить Селиванова, жива и сильна была и въ 1823-мъ году. Въ это время подавалъ прошенiе на высочайшее имя купецъ Солодовниковъ, также убѣдительно просившiй императора возвратить „добраго пастыря, полагающаго и самую жизнь за избранныхъ своихъ“; неизвѣстно, впрочемъ, какое рѣшенiе послѣдовало на это прошенiе.

Спокойная жизнь, которою пользовались петербургскiе скопцы въ теченiи почти осьмнадцати лѣтъ, не могла не вліять на распространенiе скопчества въ другихъ губерніяхъ. Между петербургскимъ обществомъ скопцовъ и скопцами другихъ губерній существовали тѣсныя связи, какъ письменныя, такъ и устныя (1). Щадя и терпя представителей скопческой ереси, правительство тѣмъ самымъ давало возможность увеличенiю скопческой заразы путемъ постепенной пропаганды. Впрочемъ, говоря о вліянiи петербургскаго общества скопцовъ на распространенiе скопчества въ разсматриваемое время, мы не думаемъ видѣть въ этомъ вліянiи единственную и глав-

(1) О письменныхъ и устныхъ связяхъ между петербургскими скопцами и скопцами другихъ губерній мы имѣли уже случай убѣдиться, когда говорили о Селивановѣ. Здѣсь замѣтимъ, что петербургскій скопческій корабль имѣлъ какъ бы особыя отдѣленiя, которыя находились въ полномъ распоряженiи отъ центральнаго учрежденiя. Такого именно характера было такъ называемое «кронштадтское братское общество», существовавшее около 1811 года. Это общество, по свидѣтельству фельдфебеля Иванова, было въ полномъ подчиненiи у петербургскихъ скопцовъ и назначенiе его состояло въ томъ, что сюда отправляли всѣхъ вновь вербуемыхъ въ секту скопцовъ для дальнѣйшаго утвержденiя ихъ въ правилахъ скопческой ереси (Чтен... 1872 г. 3 № 206—207 и 208 стр.).

нѣйшую причину быстраго увеличенія скопчества. При изложеніи распространенія скопчества въ періодѣ времени отъ 1775 по 1802 гг. мы достаточно убѣдились, что распространеніе скопчества совершается, такъ сказать, извнутри, само собой. Слѣдовательно, причины увеличенія скопческой заразы лежатъ гораздо глубже и распространеніе скопчества мало зависитъ отъ внѣшнихъ условій. Не придавая, поэтому, безусловнаго значенія одной какой-либо причинѣ, обусловливавшей распространеніе скопческой секты, но принимая во вниманіе всѣ возможныя обстоятельства, такъ или иначе благопріятствовавшія этому распространенію, мы можемъ отчасти понять слѣдующіе факты, представляемые исторіею скопческой секты въ періодъ ея существованія отъ 1802 по 1820 годъ.

Скопцы существовали въ данное время во всѣхъ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ они были до этого времени. Такъ въ 1807 году скопцы открыты были въ малоархангельскомъ уѣздѣ, орловской губерніи; въ 1812 году послѣдовало новое открытіе скопцовъ въ той же орловской губерніи (1). О тамбовской губерніи извѣстно, что въ ней открыты были скопцы около 1819 года (2). Въ тульской губерніи, по показанію скопца фельдфебеля Иванова, существовало множество скопцовъ какъ въ деревняхъ, такъ и въ городѣ Бѣлевѣ (3). Въ Ригѣ вмѣсто одного дегтеревскаго корабля, существовавшаго во время пребыванія тамъ Александра Шилова, образовалось четыре корабля. Главнѣйшій между ними находился въ домѣ скопца чиновника XIV класса Михаила Антоновича Пищулина (4). Относительно калужской губерніи извѣстно, что здѣсь,

---

(1) Ист. мин. внут. дѣл. VIII т. 83 стр.

(2) Чтен... 1872 г. 3 № 239 стр.

(3) Тамъ же, 209 стр.

(4) Тамъ же, 221—222 стр.

какъ обнаружило слѣдствіе 1803 года, къ скопческой сектѣ принадлежало множество лицъ не только крестьянскаго сословія, но и духовнаго. Главнымъ распространителемъ и вмѣстѣ оскопителемъ въ этой губерніи былъ дьячекъ села Краснаго, тарусскаго уѣзда, Аѳанасій Григорьевъ. Первою жертвою его фанатическаго изувѣрства сдѣлался его сынъ Павелъ Аѳанасьевъ, впослѣдствіи послушникъ московскаго Симонова монастыря, котораго онъ собственноручно оскопилъ. Такимъ же образомъ Аѳанасій Григорьевъ поступилъ съ своимъ сослуживцемъ, пономаремъ того же села, Константиномъ Ивановымъ и женой послѣдняго. Впослѣдствіи Григорьевъ вовлекъ въ скопческую секту другаго пономаря села Титова, лихвинскаго уѣзда, Николая Николаева и его жену. Успѣшно распространяя скопчество въ своемъ сословіи, Аѳанасій Григорьевъ еще болѣе успѣшно дѣйствовалъ между крестьянами, изъ которыхъ до 50-ти человѣкъ сдѣлались жертвою его фанатизма (1). Но особенно сильно распространилось скопчество въ разсматриваемое нами время въ Москвѣ и въ московской губерніи. По показанію скопца крестьянина Сакулина, около 1820 года въ Москвѣ число скопцовъ простиралось до тысячи человѣкъ (2). Всѣ они распредѣлялись по отдѣльнымъ домамъ, составляя особенные корабли. Изъ нихъ болѣе другихъ извѣстны: домъ Масолова или Колесникова, находившійся въ мѣщанской части, въ приходѣ Троицы. Начало происхожденія дома Колесникова, какъ извѣстно, восходитъ къ болѣе раннему времени; теперь же онъ сдѣлался однимъ изъ главнѣйшихъ притоновъ всѣхъ скопцовъ. Въ этомъ домѣ происходили нерѣдко оскопленія, для чего устроена была особая печь, гдѣ раскаляли ножъ, употребляемый для оскопленія, и гдѣ обыкновенно со-

(1) Кал. Епарх. Вѣд. 1871 г. № 2. 43—45.

(2) Чтен... 1872 г. 3 № 248 стр.

жигали трупы тѣхъ, которые не выносили мучительной операціи оскопленія (1). — Кромѣ дома Колесникова въ данное время имѣли большое значеніе и другіе скопческіе дома въ Москвѣ. Таковы были: домъ московскаго купца Анофрія Пороховаго близъ Пресненскихъ прудовъ; домъ унтеръ-офицера Семена Ларіонова—въ Серпуховской части и домъ Ивана Богдашова (2). Послѣдній домъ имѣлъ весьма важное значеніе въ средѣ скопцовъ; въ немъ находилась ленточная мастерская, привлекавшая множество женщинъ и дѣвушекъ. Работая въ мастерской, онѣ увлекались скопческимъ ученіемъ, которое ревностно проповѣдывала имъ сестра Богдашова Авдотья Иванова. Стремясь къ увеличенію числа послѣдовательницъ скопческаго ученія, Авдотья Иванова выкупала многихъ дѣвицъ изъ крѣпостнаго состоянія. Послѣднія естественно предавались всецѣло своей благодѣтельницѣ, становясь, такимъ образомъ, ревностными послѣдовательницами скопческаго ученія.

Продолжая свое существованіе въ губерніяхъ, куда скопчество проникло ранѣе, послѣднее проникло и прочно утвердилось въ новыхъ губерніяхъ, бывшихъ до этого времени свободными отъ этой заразы. Такъ, скопцы появились въ губерніяхъ: новгородской (3), рязанской (4), владимірской (5), костромской (6), саратовской (7), симбирской (8), смоленской (9)

---

(1) Чтен... 1872 г. 3 № 219—220 стр.

(2) Тамъ же, 199 и 193—194 стр.

(3) Тамъ же, 240 стр.

(4) Тамъ же, 232—233 стр.

(5) Реутскій, 151—152 стр.

(6) Тамъ же, 152—153 стр.

(7) Тамъ же, 150 стр.

(8) Чтен... 1872 г. 3 № 233—234 стр. Рус. Вѣстн. 1869 г. № 5. 275 стр.

(9) Чтен... 1872 г. 3 № 235—236 стр.

и херсонской (1). По отсутствію оффиціальныхъ данныхъ трудно опредѣлить, какимъ путемъ проникло скопчество во всѣ эти губерніи. Впрочемъ, относительно владимірской и костромской губерній извѣстно, что здѣсь скопчество распространилось благодаря дѣятельности сосланнаго въ Суздаль камергера Елянскаго и солдата Алексѣя Громова. Елянскій въ бытность въ Спасо-Ефимьевомъ монастырѣ познакомился съ монахиней Покровскаго дѣвичьяго монастыря Паисіей. Знакомство это повело къ тому, что Паисія увлеклась скопческимъ ученіемъ и постаралась сообщить послѣднее другимъ. Такимъ образомъ, въ 1812 году въ Покровскомъ монастырѣ образовался цѣлый скопческій корабль; къ нему принадлежали—монахиня Назарета, суздальскія мѣщанки—Матрена и Ирина Биркины, Левъ Биркинъ, отецъ послѣднихъ и мн. др. Скопчество въ монастырѣ до того усилилось, что въ 1812 году владимірскій епископъ возбудилъ противъ Паисіи преслѣдованіе и она была заключена въ переяславскій женскій монастырь. Здѣсь она оставалась до 1820 года. Въ этомъ же году, вѣроятно, по ходатайству петербургскихъ скопцовъ, она снова переведена была въ Покровскій монастырь (2). Находясь въ этомъ монастырѣ, она возобновила скопческія собранія, проникла къ Селиванову, который, какъ увидимъ, находился въ Спасскомъ монастырѣ, сдѣлалась посредствующимъ лицемъ между Селивановымъ и пріѣзжавшими въ Суздаль скопцами и завела, наконецъ, переписку со скопцами симбирской губерніи, иркутской (3) и московской (4). Значеніе Паисіи для скопческаго общества было велико; это видно изъ того наименованія, какое дали Паисіи

(1) Сборн. Кельс. Ш. 48 стр.

(2) Чтен... 1872 г. 3 № 216—217 стр. Реутскій, 151—152 стр.

(3) Чтен... 1872 г. 3 № 217 стр.

(4) Тамъ же, 268—269 стр.

скопцы; ее называли „мироносицей-женой“ и съ такимъ именемъ она вошла въ одинъ скопческій роспѣвецъ (¹). Распространяясь въ Суздалѣ, скопчество проникло и въ другія мѣстности владимірской губерніи. Такъ, уже до 1820 года отецъ Паисій Иванъ Коробовъ и крестьянинъ Иванъ Ѳедосѣевъ судились во владимірской уголовной палатѣ за распространеніе скопческой секты (²).—Въ костромской губерніи, какъ сказано, распространялъ скопчество солдатъ Алексѣй Громовъ (³). Громовъ, послѣ несчастія, постигшаго его въ 1818 году въ домѣ Солодовникова, былъ заключенъ въ Николаевскую крѣпость. Здѣсь, впрочемъ, оставался онъ весьма недолго; въ томъ же 1818 году онъ, благодаря заботливости скопцовъ, находившихся въ Николаевѣ, успѣлъ бѣжать и съ этого времени началась его дѣятельность на пользу скопчества. Первая мѣстность, съ которой Громовъ началъ свою преступную дѣятельность, была нынѣшняя костромская губернія и именно нерехотскій уѣздъ. Здѣсь подъ управленіемъ Громова находилось до пяти сотъ человѣкъ скопцовъ, находившихся въ селеніяхъ: Панинѣ, Ганинѣ, Борисовѣ, Скитинѣ и др. Подъ управленіемъ же Громова находился и „корабль галицкій“, состоявшій изъ ста человѣкъ женщинъ и нѣсколькихъ мужчинъ. Разъѣзжая по скопческимъ селеніямъ, Громовъ нерѣдко посѣщалъ Суздаль, гдѣ находился Селивановъ. Въ Суздалѣ онъ естественно познакомился съ Биркиными и другими скопцами, проживавшими здѣсь въ значительномъ количествѣ. Изъ Суздаля онъ заѣзжалъ въ Шую, гдѣ также находились скопческіе дома. Кромѣ этихъ мѣстностей Громовъ часто ѣздилъ въ Москву и Петер-

(¹) Чтен... 1872 г. 3 № 140 стр. II. № 22.

(²) Тамъ же, 268 стр.

(³) Хотя дѣятельность Громова относится къ позднѣйшему времени, но такъ какъ начало этой дѣятельности положено въ это время, то мы считаемъ болѣе удобнымъ разсказать исторію дѣятельности Громова въ этомъ мѣстѣ, не разрывая ее на части.

бургъ. Такъ продолжалось до 1823 года. Въ этомъ году, вслѣдствіе возникшей непріятности между нимъ и Максимомъ Козьминымъ (1), Громовъ подпалъ подъ судебное слѣдствіе, какъ распространитель скопчества. По приговору суда, онъ отправленъ былъ въ г. Томскъ. Однако, изъ Томска ему скоро удалось бѣжать и онъ снова появился въ той же костромской губерніи. Съ этого времени онъ еще дѣятельнѣе началъ пропаганду скопчества, стремясь въ тоже время „собрать всѣхъ дѣтушекъ подъ единый кровъ“. Вмѣстѣ съ постоянными своими спутниками скопцомъ Николаемъ Никифоровымъ, дворянкой дѣвицей Анной Горталовой и дѣвицей Татьяной Громовъ разъѣзжалъ по Россіи; посѣщалъ Томскъ и намѣревался посѣтить „дѣтушекъ“ за Кавказомъ. Въ 1837-мъ году Громовъ снова былъ пойманъ и отправленъ въ Тобольскую губернію; но и отсюда ему скоро удалось бѣжать. Въ 1843 году Громовъ находился уже въ Петербургѣ и жилъ за московской заставой у скопца Алексѣя Степановича Николаева. Въ 1844 году онъ возвратился въ Кострому, гдѣ опять приступилъ къ пропагандѣ скопчества въ союзѣ съ Николаемъ Никифоровымъ и дѣвицей Анной Горталовой. Въ 1848-мъ году Громова еще отыскивали для привлеченія къ суду, но неизвѣстно, чѣмъ окончился этотъ розыскъ (2). Такимъ образомъ, Громовъ блистательно оправдалъ тѣ надежды, которыя возлагалъ на него Селивановъ, назвавъ его „первымъ апостоломъ“. Благодаря Громову скоп-

(1) Непріятность, дошедшая до открытой вражды, имѣла своею причиною самовольное отдѣленіе Козьмина отъ корабля Громова. Козьминъ, не желая болѣе находиться подъ управленіемъ Громова, отправился въ Петербургъ и здѣсь, при содѣйствіи Ильина и Григорьева, окружавшихъ Селиванова, получилъ отъ послѣдняго званіе учителя «галицкаго корабля». Пріѣхавши въ костромскую губернію, Козьминъ назвался «христомъ», своего брата возвелъ въ достоинство «апостола» и такимъ образомъ началъ самостоятельную, независимую жизнь (Чтен..... 1872 г. 3 № 320 стр.).

(2) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 3 № 310—324 стр.

чество прочно утвердилось въ костромской губерніи и благодаря же ему между скопцами установились тѣсныя отношенія, что, очевидно, не мало содѣйствовало внѣшнему и внутреннему благосостоянію скопческаго общества.

IV.

1820—1832 гг.

По прибытіи въ Суздаль, Селивановъ, согласно извѣстному предписанію былъ помѣщенъ въ отдѣльной кельѣ и надъ нимъ устроенъ былъ бдительный надзоръ. Необходимость послѣдняго была совершенно умѣстна. Еще и мѣсяца не прошло со времени заключенія лжеискупителя въ Спасо-Ефимьевъ монастырь, какъ уже скопцы въ лицѣ своихъ представителей стали искать случая повидаться съ своимъ „батюшкою“ и даже освободить послѣдняго, если бы представилась къ тому возможность. Извѣстный петербургскій купецъ Мих. Солодовниковъ, возвращаясь съ нижегородской ярмарки, по пути заѣхалъ и въ Суздаль 15-го августа, намѣреваясь, конечно, увидѣть Селиванова; однако, намѣреніе это не осуществилось: архимандритъ, узнавъ о пріѣздѣ въ монастырь Солодовникова и о цѣли этого пріѣзда, распорядился немедленно же дать знать о немъ мѣстному городничему и Солодовниковъ тотчасъ былъ высланъ изъ монастыря. Точно также была неудачна попытка увидѣть Селиванова и со стороны другаго скопца, мѣщанина Михайлова, который пріѣзжалъ въ Суздаль 20-го августа подъ видомъ богомоленія вмѣстѣ съ другимъ какимъ-то крестьяниномъ (1). Въ 1822 г. петербургскій купецъ Степанъ Кузнецовъ, по словамъ архимандрита Парѳенія, прибывъ въ Суздаль подъ

(1) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 3 № 86—87 стр.

предлогомъ закупки товаровъ, приходилъ и въ монастырь съ цѣлію узнать о мѣстопребываніи начальника своей секты и о томъ, не нуждается ли онъ въ деньгахъ; Кузнецовъ, по распоряженію архимандрита былъ также высланъ изъ монастыря (1). Уничтожая попытки скопцовъ достигнуть личнаго свиданія съ лжеискупителемъ, архимандритъ Парѳеній, согласно данной ему инструкціи, старался объ обращеніи заблуждающагося „старика“ на путь истины. Хотя архимандриту и удалось убѣдить „старика“ исповѣдаться и пріобщиться св. таинъ 8-го августа 1820 года, чего послѣдній не дѣлалъ въ продолженіи 18-ти лѣтъ, но совершеннаго раскаянія въ заблужденіяхъ архимандритъ не достигъ (2). Этими немногими оффиціальными данными и ограничиваются положительныя свѣдѣнія о жизни Селиванова въ Спасо-Ефимьевомъ монастырѣ. Но кромѣ несомнѣнныхъ оффиціальныхъ указаній, встрѣчается нѣсколько отрывочныхъ и неполныхъ свѣдѣній, передаваемыхъ скопцами. Эти послѣднія указанія, не смотря на ихъ малочисленность и неполноту. даютъ, однако, право заключать, что жизнь начальника секты скопцовъ въ монастырѣ далеко была не уединенною и изолированною отъ общества скопцовъ; напротивъ, лжеискупитель и въ монастырскомъ уединеніи оказывалъ вліяніе на скопцовъ, находилъ время и способы давать приличные совѣты, наставленія и поощренія скопцамъ и даже имѣлъ возможность дарить приходящихъ къ нему разными амулетами: пряниками, пирожками, образочками и проч. Такъ, крестьянинъ Андреяновъ въ своемъ донесеніи сообщаетъ слѣдующій эпизодъ изъ своей жизни, весьма важный въ данномъ случаѣ. У Андреянова явилось желаніе отправиться въ Суздаль и посмотрѣть на мѣсто заключенія скопческаго искупителя. Громовъ, которо-

---

(1) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 3 № 58 стр.

(2) Тамъ же, 87 стр.

му Андреяновъ высказалъ свое желаніе, съ удовольствіемъ согласился исполнить это благое желаніе и 5-го Августа, вѣроятно 1824-го года, оба они были уже въ Суздалѣ. Здѣсь, разсказываетъ Андреяновъ, мы нашли до десяти человѣкъ скопцовъ и до тринадцати человѣкъ женщинъ скопчихъ, пришедшихъ сюда изъ разныхъ сторонъ ранѣе насъ; отъ нихъ мы узнали, что „искупитель изволитъ терпѣливо страдать". На другой день по прибытіи въ Суздаль, продолжаетъ Андреяновъ, мы были въ монастырѣ Преображенія Господня и я видѣлъ мѣсто, гдѣ сидѣлъ искупитель скопцовъ. Вечеромъ того же дня мы выѣхали за городъ, но суздальская дѣвица нагнала насъ и сказала, что „искупитель приказалъ сказать намъ, что напрасно мы торопимся уходить, что все тихо, и что отецъ гнѣвается на тѣхъ, которые скоро насъ выслали, присовокупляя, что не однимъ имъ досталось царство". При этомъ, продолжала дѣвица, искупитель приказалъ передать, что „онъ, отецъ, веселъ, только тѣломъ въ неволѣ, а духомъ всегда на волѣ съ дѣтушками, и чтобы дѣтушки не печалились" (1). По показанію скопца Архипова, данному имъ въ 1845 году, „многіе скопцы ходили къ искупителю въ Суздаль на поклоненіе и получали отъ него волосы его и просфоры" (2). О просфорахъ и волосахъ искупителя съ присоединеніемъ еще чернаго и бѣлаго хлѣба, остающагося отъ стола его, а также обрѣзкахъ отъ одежды его упоминаетъ въ своемъ донесеніи и Андреяновъ, какъ о предметахъ священныхъ подарковъ, которыми надѣлялъ Селивановъ приходившихъ къ нему скопцовъ. Самъ Андреяновъ, по его словамъ, прибывъ въ Петербургъ, привезъ съ собою нѣсколько волосъ съ головы скопческаго искупителя и обрѣзковъ отъ одежды его и эти вещи отдалъ пе-

---

(1) Чтен... 1872 г. 3 № 310—311 стр.

(2) Тамъ же, 193 стр.

тербургскимъ скопцамъ (1). Въ 1823 году при производствѣ слѣдствія надъ скопцами деревни Опаликахъ, нижегородской губерніи, одинъ изъ крестьянъ утверждалъ, что скопцы принимали ученіе отъ Селиванова, ѣздили къ нему въ монастырь, получали отъ него финифтяные образа, пирожки, пряники и проч. (2). Такимъ образомъ, изъ этихъ показаній очевидно, что Селивановъ имѣлъ сношенія съ своими послѣдователями, но были-ли эти сношенія непосредственными—трудно что либо опредѣленное сказать. Во всякомъ случаѣ то несомнѣнно, что Селивановъ поддерживалъ свои сношенія съ обществомъ скопцовъ чрезъ посредство другихъ лицъ, имѣвшихъ къ нему постоянный доступъ. Такими лицами были Матрена и Ирина Биркины — суздальскія мѣщанки. О нихъ, какъ о посредницахъ между Селивановымъ и приходившими въ Суздаль скопцами, упоминаетъ Андреяновъ подъ именемъ „двухъ дѣвицъ“ (3), и Будылинъ (4). Къ Биркинымъ нужно присоединить еще и монахиню Покровскаго монастыря Паисію, скопческую „мироносицу“.

Основатель скопческой секты умеръ въ 1832-мъ году 20-го февраля. Между монастырскою братіею остался слухъ, что онъ предъ смертію „оказалъ раскаяніе въ своихъ заблужденіяхъ и грѣхахъ и по долгу христіанина православной церкви, исповѣданъ и сподобленъ причастія св. Таинъ“ (5). Скопцы, однако, твердо убѣждены, что искупитель ихъ не умеръ, но еще до сихъ поръ живъ и находится по мнѣнію однихъ въ Суздалѣ (6), по мнѣнію другихъ—„въ одномъ

---

(1) Чтен... 1872 г. 3 № 311 и 313 стр.

(2) Ист. мин. вн. дѣлъ. VIII т 136 стр. Впрочемъ, произведенное по этому случаю слѣдствіе не подтвердило доноса крестьянина.

(3) Чтен .. 1872 г. 3 № 310 стр.

(4) Тамъ же,—4 № 80 стр.

(5) Сборн. Кельс. Ш. 98 стр.

(6) Чтен.. 1872 г. 3 № 87 стр.

изъ городовъ россійской имперіи, куда онъ вывезенъ секретно изъ Суздаля“ (1), по мнѣнію третьихъ—„въ земляхъ иркутскихъ“ (2).

О внутреннемъ и внѣшнемъ состояніи скопческой секты, въ разсматриваемое нами время ея существованія, весьма краснорѣчиво свидѣтельствуютъ похожденія скопца дезертира Василія Будылина. Будылинъ происходилъ изъ крестьянъ нижегородской губерніи, арзамасскаго уѣзда, села Выѣздной слободы. Въ 1816 году онъ сданъ былъ въ рекруты и поступилъ въ отдѣльный корпусъ. Перешедши затѣмъ въ г. Георгіевскъ (кавказской области, нынѣ ставропольской губерніи), Будылинъ сошелся съ рядовымъ скопцомъ Никитою Калмыковымъ. Послѣдній соблазнилъ Будылина на оскопленіе и самъ совершилъ надъ нимъ эту операцію. Узнавъ о преступленіи, совершенномъ Будылинымъ, начальство отправило послѣдняго въ Тобольскъ. Дошедши до Тамбова, Будылинъ дальше не отправился. Въ Тамбовѣ онъ остановился въ домѣ скопца Онисима Николаева. Благодаря стараніямъ послѣдняго и особенно другаго скопца крестьянина Ѳомы Гаврилова, Будылинъ скрылся отъ конвойныхъ солдатъ и съ этого времени начались его замѣчательныя похожденія, продолжавшіяся три года, отъ 1825-го по 1828 годъ. Первыя двѣ недѣли послѣ совершеннаго побѣга Будылинъ провелъ въ селѣ Атмановомъ Углѣ, моршанскаго уѣзда, въ домѣ Ѳомы Гаврилова. Здѣсь онъ познакомился съ двумя скопцами и двумя скопчихами, принадлежавшими къ семейству Гаврилова. Изъ Атманова Угла Будылинъ отправился „для достиженія тайны скопческой секты“ въ село Ламки, тоже моршанскаго уѣзда. Въ Ламкахъ въ это время находился цѣлый скопческій корабль, имѣвшій главою однодворца Ивана Добрышева. Проведши въ домѣ

(1) Чтен... 1872 г. 3 № 154—155 стр.

(2) Тамъ же, 165 стр.

Добрышева два дня, Будылинъ отправился по направленію къ Моршанску; по пути посѣтилъ село Корели, гдѣ нашелъ гостепріимство въ домѣ скопца—мельника. Изъ Моршанска, куда Будылинъ прибылъ изъ села Корели, онъ отправился на родину въ село Выѣздную Слободу, нижегородской губерніи. Отсюда онъ направилъ свой путь къ Суздалю. Здѣсь Будылинъ встрѣтилъ дружескій пріемъ въ домѣ Виркиныхъ; отъ нихъ, между прочимъ, получилъ разнаго рода подарки отъ лжеискупителя, содержавшагося въ Спасскомъ монастырѣ, состоявшіе изъ сухариковъ пшеничныхъ, баранокъ и др. Согласно съ повелѣніемъ, даннымъ Будылину Биркиными, онъ, выѣхавъ изъ Суздаля, снова возвратился въ Моршанскъ съ тѣмъ, чтобы передать всѣмъ скопцамъ, проживавшимъ въ Моршанскѣ, данные ему подарки и сообщить имъ нѣкоторыя извѣстія. Прибывъ въ Моршанскъ, Будылинъ остановился въ домѣ скопца мѣщанина Василія Попова, отъ него онъ пришелъ къ Тимоѳею Попову и т. д., пока не обошелъ всѣ скопческіе дома, которыхъ находилось въ Моршанскѣ до восьми. Вездѣ, куда ни приходилъ Будылинъ, онъ находилъ дружескій пріемъ и доставлялъ необыкновенную радость всѣмъ скопцамъ. Изъ Моршанска Будылинъ отправился въ село Русское моршанскаго уѣзда, отсюда снова прибылъ въ Атмановъ Уголъ; посѣтилъ Сосновку и Ламки. Покинувъ моршанскій уѣздъ, Будылинъ переправился въ козловскій, гдѣ посѣтилъ скопцовъ села Стежокъ и г. Козлова. Изъ козловскаго уѣзда Будылинъ отправился въ усманскій уѣздъ; здѣсь былъ въ самомъ городѣ Усмани и въ селѣ Байгорѣ Чулковѣ (1). Такія похожденія Будылина продолжались до 1827-го года; въ этомъ году Будылинъ былъ задержанъ въ козловскомъ уѣздѣ и представленъ въ Козловъ (2).

(1) Чтен... 1872 г. 4 № 78—81 стр.

(2) Реутскій, 177 стр.

Однако, Будылину скоро удалось бѣжать и въ 1828-мъ году онъ уже находился въ г. Раненбургѣ, рязанской губерніи. Здѣсь, какъ передаетъ самъ Будылинъ, онъ старался освободить скопческую богородицу, которая находилась въ раненбургскомъ острогѣ (1). Въ Раненбургѣ, впрочемъ, Будылинъ снова былъ схваченъ и представленъ въ Моршанскъ для допроса. Въ своихъ показаніяхъ, данныхъ имъ 8—11 февр. 1829 года, онъ подробно и чистосердечно разсказалъ исторію своихъ преступныхъ похожденій и указалъ главнѣйшіе центры скопчества въ его время. Въ 1831 году Будылинъ находился уже въ Москвѣ, гдѣ онъ фигурировалъ въ качествѣ обвинителя московскихъ скопцовъ, о которыхъ производилось слѣдствіе еще въ 1827 году по доносу крестьянина Ильи Логинова, но почему-то было прекращено (2). Къ несчастію, смерть, постигшая Будылина во время производства судебнаго слѣдствія надъ скопцами, не дала ему возможности открыть всего, что онъ зналъ о московскихъ скопцахъ.

Странны и въ высшей степени загадочны похожденія Будылина—этого скопческаго авантюриста! До прибытія въ Тамбовъ вовсе неизвѣстный никому, Будылинъ вдругъ становится самымъ близкимъ человѣкомъ всѣмъ скопцамъ тамбовской, нижегородской, владимірской и рязанской губерній, вездѣ его принимаютъ и вездѣ ему довѣряютъ тайны своей секты. Свидѣтельствуя о необыкновенной солидарности, существовавшей въ данное время между скопцами, похожденія Будылина не менѣе свидѣтельствуютъ и о томъ, что скопчество, разъ проникнувъ въ извѣстную мѣстность, уже не оставляетъ ея, но болѣе и болѣе увеличивается въ объемѣ, заражая одно селеніе за другимъ. Дѣйствительно, живучесть скопчества пора-

---

(1) Чтен... 1872 г 4 № 82—83 стр.

(2) Тамъ же, 54—71 стр.

зительна. Въ этомъ фактѣ убѣждаетъ множество судебныхъ процессовъ, бывшихъ надъ скопцами въ данное время. Такъ извѣстно, что въ Москвѣ, старинномъ гнѣздѣ скопчества, въ періодъ времени отъ 1820 по 1832 годъ надъ скопцами производилось десять судебныхъ процессовъ и нѣкоторые изъ нихъ отличались баснословнымъ количествомъ привлеченныхъ къ суду. Таковъ напр. процессъ, бывшій въ 1820—1829 годахъ, когда къ слѣдствію было привлечено семьдесятъ два человѣка. Этотъ процессъ возбужденъ былъ по доносу крестьянина сельца Владычни, московскаго уѣзда, Ивана Матусова. Между обвиненными 72-мя лицами особенно обращали на себя вниманіе унтеръ-офицеръ Семенъ Ларіоновъ—„пророкъ и учитель“ скопцовъ, въ домѣ котораго совершались богомоленія, Ларіонъ Подкатовъ и Настасья Антонова—„пророчица и учительница“ скопцовъ, проживавшая въ домѣ Семена Ларіонова (1). Спустя два года послѣ процесса 1820 — 1829 г. о московскихъ скопцахъ возникло новое слѣдствіе, къ которому привлечено было семьдесятъ пять человѣкъ. Изъ семидесяти пяти человѣкъ только двѣнадцать были извѣстны правительству, остальные шестьдесятъ три человѣка были открыты вновь. Обвинителями московскихъ скопцовъ въ этотъ разъ были крестьяне Илья Логиновъ и Вас. Будылинъ: по ихъ оговору, особенное вниманіе должны были бы обратить на себя тотъ же Ларіонъ Подкатовъ—„злоучитель и главный наставникъ по скопческой сектѣ“, Иванъ Богдашовъ—такой же „злоучитель и наставникъ“, въ домахъ которыхъ происходили богомоленія скопцовъ и совершалась операція оскопленія, далѣе Колмыковъ, Копыловъ и Ефимовъ, считавшіеся главными „мастерами“ въ Москвѣ. Впрочемъ, московская уголовная палата почему-то признала эти обвиненія означен-

(1) Чтен... 1872 г. 3 № 248—287 стр.

ныхъ лицъ „недоказанными“ (1). Прочіе восемь процессовъ о московскихъ скопцахъ менѣе замѣчательны по количеству привлеченныхъ къ слѣдствію скопцовъ (2). Отъ Москвы мало отличалась и тамбовская губернія—этотъ древнѣйшій центръ скопчества. Многіе уѣзды ея, какъ мы уже видѣли, были наполнены скопцами; особенно это должно сказать относительно Моршанска. Въ послѣднемъ, по свидѣтельству Будылина, существовала даже болѣе или менѣе правильно организованная фабрика скопцовъ, въ которой производились и ассигнаціи и паспорты, и золотыя и серебряныя деньги. Управителемъ этой фабрики состоялъ Егоръ Плотицинъ, у котораго былъ собственный домъ съ разными тайниками. Здѣсь же въ Моршанскѣ проживали главнѣйшіе распространители скопчества: Тимоѳей и Ульянъ Поповы, Трофимъ Загородниковъ, Константинъ Невѣровъ, Катерина Холина и др. (3). Относительно другихъ губерній, въ которыя скопчество проникло также гораздо раньше разсматриваемаго времени, должно замѣтить, что въ большинствѣ ихъ скопцы продолжали свое существованіе и по временамъ дѣлались извѣстными правительству.

---

(1) Чтен... 1872 г. 4 № 71—78 стр.

(2) Процессы эти слѣдующіе: 1) Дѣло о московскихъ скопцахъ купцахъ Осипѣ и Максимѣ Васильевыхъ, начавшееся въ 1826 г. и окончившееся въ 1828 г. (Чтен... 1872 г. 4 № 39—47 стр.). 2) Дѣло о скопцахъ крестьянахъ тульской губерніи, алексинскаго уѣзда, Ильѣ Логиновѣ и Филиппѣ Петровѣ (Тамъ же, 54—71 стр.). 3) Дѣло о скопцѣ московскомъ вѣчно цеховомъ Петрѣ Никитинѣ, начавшееся въ 1829 году (Тамъ же, 97—100 стр.). 4) Дѣло о скопцѣ купеческомъ сынѣ Андреѣ Михайловѣ (Тамъ же, 101—102 стр.). 5) Дѣло о скопцахъ крестьянахъ Леонтьѣ Андреевѣ и Тихонѣ Ивановѣ (Тамъ же, 102—104 стр.). 6) Дѣло о скопцахъ и оскопителяхъ въ серпуховскомъ уѣздѣ московской губерніи, начавшееся въ 1831 году и окончившееся въ 1835 году (Тамъ же, 104—105 стр.). 7) Дѣло о скопцахъ крестьянахъ тульской губерніи, бѣлевскаго уѣзда, Ѳедотѣ и Матвѣѣ Ѳедоровыхъ и др. (Тамъ же, 46—47 стр.). 8) Дѣло о скопцѣ, московскомъ мѣщанинѣ, Яковѣ Васильевѣ, начавшееся въ 1827 г. и окончившееся въ 1829 г.

(3) Чтен... 1872 г. 4 № 81—82 стр.

Такъ, въ тульской губерніи были открыты скопцы въ 1823 году (числомъ 5) и въ 1827 году (числомъ 2) (1); въ тамбовской губерніи скопчество обнаружено было въ 1825 году (2); въ калужской—въ 1828 году, когда сдѣлались извѣстными правительству четыре скопца, изъ которыхъ одинъ былъ дьячекъ, а трое—крестьяне (3); въ смоленской—въ 1827 году (4); въ херсонской—въ 1829 году (5) и т. д. Не исчезая въ прежнихъ мѣстахъ своего существованія, скопчество, въ періодъ времени отъ 1820 по 1832 годъ, проникло въ новыя, еще незараженныя этимъ ядомъ, губерніи. Такъ о таврической губерніи извѣстно, что здѣсь въ 1829 году, какъ доносилъ исправляющій должность таврическаго губернатора министру внутреннихъ дѣлъ, открыты были два скопца (6). Въ пермской губерніи, которая защищена была отъ скопческой заразы даже своимъ географическимъ положеніемъ, обнаружено было существованіе скопцовъ въ 1825 году (7). Въ тверской губерніи, которая до этого времени, какъ можно судить на основаніи оффиціальныхъ данныхъ, была свободна отъ скопцовъ, въ 1832 г. обнаружились 68 скопцовъ, изъ которыхъ 43 человѣка принадлежали бѣжецкому уѣзду, остальные же 25—частію новоторжскому, частію вышневолоцкому (8). Въ псковской губерніи и именно въ опочекскомъ уѣздѣ принадлежали къ скопческой сектѣ даже прапорщикъ и помѣщикъ, какъ объ этомъ засвидѣтельствовало произво-

---

(1) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 3 № 46—47 стр. и 1872 г. 4 № 54—71 стр.

(2) Ист. мин. внутр. дѣлъ. VIII т. 240 стр.

(3) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 4 № 96—97 стр. и Кал. Еп. Вѣд. 1871 г. № 13. 300 стр.

(4) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 4 № 50 стр.

(5) Ист. мин. внут. дѣлъ. VIII т. 240 стр.

(6) Чтен... 1872 г. 4 № 100 стр.

(7) Ист. мин. вн. дѣлъ. VIII т. 2 № 40 стр.

(8) Чтен... 1872 г. 4 № 122—135 стр.

дившееся надъ ними въ 1829 году судебное слѣдствіе (1). Наконецъ, относительно бессарабской области и слѣдующихъ пяти губерній: слободско-украинской, екатеринославской, оренбургской, ярославской и вятской должно замѣтить, что здѣсь существованіе скопчества оффиціально сдѣлалось извѣстнымъ въ 1826 году (2). Итакъ, можно безошибочно утверждать, что къ 1832 году, кажется, не существовало ни одной губерніи, которая была-бы совершенно свободна отъ скопцовъ; въ большемъ или меньшемъ количествѣ они существовали вездѣ, во всѣхъ губерніяхъ.

Къ великому удивленію, даже мѣста заключенія не могли сдерживать фанатизма скопцовъ и ихъ страсти къ пропагандѣ своего физическаго и нравственнаго уродства. Такъ было напр., въ разсматриваемое нами время, въ Соловецкомъ монастырѣ.—Какъ уже извѣстно намъ изъ предыдущей исторіи скопчества, въ 1819 году три „мнимыхъ зачинщика“ скопчества: Кобелевъ, Ильинъ и Григорьевъ были отправлены изъ Петербурга въ Соловецкій монастырь. Сюда же чрезъ нѣсколько времени были присланы и другіе фанатики-скопцы: мѣщанинъ Кононовъ, придворный лакей Семенъ Кобелевъ, штабсъ-капитанъ Борисъ Созоновичъ, съ которымъ прибыло еще двадцать человѣкъ, монахъ Ѳофанъ и нѣкоторые другіе. Такимъ образомъ, въ Соловецкомъ монастырѣ къ 1824 году скопцовъ оказалось уже достаточное количество, которые къ тому помѣщены были всѣ вмѣстѣ. Конечно, правительство, отсылая скопцовъ въ Соловецкій монастырь, равно какъ и въ другія мѣста, имѣло въ виду нравственное исправленіе ихъ; не то, однако, оказалось на самомъ дѣлѣ, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ. Скопцы, пользуясь свободою въ сношеніяхъ

(1) Ист. мин. внутр. дѣлъ. VIII т. 246 стр.

(2) См. статист. таблицу Варадинова. Ист. мин. вн. дѣлъ. VIII т. 159—169 стр.

между собою, не-замедлили образовать изъ себя „корабль“ и начать свою обычную дѣятельность. Во главѣ этого корабля стали Кононовъ и Созоновичъ, особенно первый, который былъ душею всего скопческаго общества въ Соловецкомъ монастырѣ. По словамъ Созоновича—это былъ человѣкъ „коварный и вѣрный служитель діавола“; онъ „своими лестьми и пронырствами успѣлъ затмить умы всѣхъ скопцовъ богопротивнѣйшими заблужденіями“ (1). Эти „богопротивнѣйшія заблужденія“ суть не что иное, какъ ученіе о Селивановѣ, какъ объ искупителѣ и о царѣ Петрѣ III. Какъ оказывается, еще ни одинъ изъ жившихъ въ Соловецкомъ монастырѣ не зналъ о тайнахъ скопчества. Кононовъ первый возвѣстилъ имъ эти истины и, конечно, нашелъ между слушателями полную вѣру своимъ словамъ. Какъ можно видѣть изъ показаній скопцовъ, данныхъ ими архимандриту Досиѳею, всѣ они твердо были убѣждены, что Селивановъ былъ истинный искупитель міра и царь Петръ Ѳеодоровичъ и это воззрѣніе на Селиванова получило между ними полное и даже крайнее развитіе (2). Параллельно съ развитіемъ теоретическаго ученія шло также развитіе и культа. Соловецкіе скопцы, не будучи стѣсняемы ни кѣмъ и ни чѣмъ въ своихъ дѣйствіяхъ, безпрепятственно совершали свои радѣнія и притомъ во всѣхъ извѣстныхъ ихъ формахъ: и крестное, и корабельное и др. (3). На этихъ радѣніяхъ они воспѣвали своего батюшку искупителя и воодушевляли себя разными надеждами относительно грядущаго его пришествія. Въ тоже время и во внутреннемъ развитіи скопчества произошло новое явленіе. Въ 1823 году надъ

---

(1) Чтен... 1872 г. 1 № 87 стр.

(2) Чтен... 1872 г. 1 № 68—71 стр. Показ. Кудимова,—89 стр Показ. Созоновича.

(3) Тамъ же, Показ. Созонов. — 96 стр. и «откр. тайн. скопцовъ» архиманд. Досифея, 151—152 стр.

тринадцатью скопцами (1), имѣвшими только „малую печать“, была произведена новая операція, состоявшая въ отрѣзаніи всѣхъ половыхъ частей или въ наложеніи такъ называемой „царской печати“. По единогласному показанію всѣхъ соловецкихъ скопцовъ, главнымъ виновникомъ этого новаго изувѣрства былъ Семенъ Кононовъ, который и убѣдилъ ихъ въ необходимости принять послѣдній, самый высшій видъ оскопленія. Исполнителемъ же этого желанія Кононова былъ штабсъ-капитанъ Созоновичъ (2). Тотъ же Созоновичъ, по его словамъ, совершилъ оскопленіе и надъ Варѳоломеемъ Павловымъ, непринадлежавшимъ къ скопчеству и жившимъ въ томъ же Соловецкомъ монастырѣ въ качествѣ столяра (3). Въ 1824 году Созоновичъ оскопилъ Овчинникова, наложивъ ему „царскую печать“ (4). Понятно, такого рода поступки скоро должны были дойти до слуха монастырскаго начальства, а затѣмъ и до высшаго, какъ гражданскаго, такъ и духовнаго. Этому, вѣроятно, содѣйствовало и дерзкое стремленіе скопцовъ распространять свое ученіе и уродство между монастырскими служителями и даже между монахами. Поэтому, для возстановленія порядка, въ 1824 году посланъ былъ въ Соловецкій монастырь новый настоятель, архимандритъ Досиѳей Нѣмчиновъ (5). Досиѳей, дѣйствительно, не только успѣлъ водворить нарушенный скопцами порядокъ, но весьма многихъ изъ нихъ обратилъ на путь истиннаго раскаянія. Слѣдствіемъ послѣдняго, между прочимъ, было множество письменныхъ показаній скоп-

---

(1) По показанію Овчинникова, было вновь оскоплено не 13-ть, а 16-ть скопцовъ (Его показаніе. Чтен. въ общ. ист.... 1872 г. 1 № 56 стр.

(2) Чтен... 1872 г. 1 №. Показ. Созонов. 88 стр., Степан.—101 стр., Кондрат.—104 стр.

(3) Тамъ же. Показаніе Созоновича—88 стр.

(4) Тамъ же. Показ. Овчинникова—54 стр.

(5) Тамъ же. Предисловіе Мельникова—2 стр.

цовъ, данныхъ Досиѳею въ разное время въ 1826 и 1827 годахъ, на основаніи которыхъ онъ составилъ небольшой экстрактъ объ ученіи и обрядахъ скопцовъ, который, очевидно, тѣмъ важнѣе, что онъ былъ первымъ по этому предмету, если исключить тенденціозное и ничего несообщающее относительно скопчества сочиненіе Пилецкаго „о скопцахъ“. Такъ какъ большинство скопцовъ не умѣло писать, то за нихъ писалъ и составлялъ показанія учитель новоржевскаго уѣзднаго училища Василій Воскресенскій, находившійся въ Соловкахъ за открытое богохульство. Болѣе подробныя и обстоятельныя показанія принадлежатъ Кудимову и Созоновичу. Обративши къ православію въ 1826 году Овчинникова и Кудимова, архимандритъ Досиѳей не зналъ, однако, какимъ образомъ принимать ихъ въ православную церковь. За рѣшеніемъ этого вопроса онъ обратился въ св. Синодъ, вѣроятно, еще въ началѣ 1827-го года, а быть можетъ и въ концѣ 1826 года. Только въ 1828 году 14-го марта послѣдовалъ указъ св. Синода, которымъ предписывалось при принятіи скопцовъ въ православную церковь „сохранять чинъ тотъ же, который употребляется при присоединеніи раскольниковъ вообще, только вмѣсто вопроса, послѣ первой молитвы предлагаемаго, предложить три слѣдующіе: 1) вѣруеши ли яко Господь нашъ, Іисусъ Христосъ, по слову Апостола Петра: „тѣломъ своимъ единою о грѣсѣхъ нашихъ пострада“, и яко къ тому не имѣетъ нужды во иной матери и во иномъ рожденіи, и яко сей самый Іисусъ, вознесыйся отъ насъ на небо, а не иной кто, паки пріидетъ со славою судити живымъ и мертвымъ“?— „Вѣрую“. 2) „Вѣруеши-ли, яко не тѣлеснымъ отсѣченіемъ удовъ плоти достигается царствіе небесное, но вѣрою во Христа Іисуса и духовнымъ умерщвленіемъ тѣхъ удовъ, яже суть по апостолу: блудъ, нечистота, страсть, похоть злая, лихоиманіе“? — „Вѣрую“. 3) „Проклинаеши-ли убо ересь скопческую и вся ереси и отступства, яко истинѣ Божіей и святѣй православ-

ной церкви противныя"? — „Проклинаю" (¹). Какая была дальнѣйшая исторія соловецкихъ скопцовъ—неизвѣстно; только относительно Созоновича существуютъ нѣкоторыя отрывочныя свѣдѣнія. Такъ извѣстно, что онъ былъ принятъ въ православную церковь 10-го іюня 1831-го г., получилъ прощеніе отъ государя и поступилъ на службу въ гарнизонный баталіонъ въ Архангельскъ прапорщикомъ. Терпя крайнюю бѣдность и не имѣя родственниковъ, которые помогли бы ему, онъ тогоже 1831-го года 17-го іюня отправилъ письмо къ извѣстному благотворителю того времени Василію Максимовичу Киселеву, котораго убѣдительно просилъ оказать ему матеріальную помощь. Получилъ онъ эту помощь или нѣтъ—неизвѣстно (²).

Распространяясь и увеличиваясь въ числѣ, скопцы въ данное время обнаруживали иногда крайнюю подлость, коварство и мстительность въ отношеніи къ доносителямъ на нихъ. Такъ было поступлено, между прочимъ, съ извѣстнымъ уже намъ крестьяниномъ Матусовымъ, сдѣлавшимъ въ 1820 году доносъ на московскихъ скопцовъ. Еще не окончилось судебное слѣдствіе надъ оговоренными Матусовымъ скопцами, послѣдній „приноситъ жалобу московскому генералъ-губернатору Голицину на побои отъ скопцовъ за доносъ его и на притѣсненія подкупленныхъ скопцами чиновниковъ московской полиціи". Сущность этой жалобы Матусова состоитъ въ слѣдующемъ. Крестьянинъ Семенъ Барановъ, по наущенію своего дяди Анофрія Пороховаго, зазываетъ Ивана Матусова въ домъ Пороховаго, будтобы для свиданія съ отцемъ его, Матусова, который пріѣхалъ въ этотъ домъ. Не предполагая коварныхъ замысловъ со стороны приглашающаго, Матусовъ, дѣйствительно отправился въ означенный домъ и, пришедши туда, спрашивалъ:

(¹) Чтен... 1872 г. 4 № 95 стр.

(²) Тамъ же.—3 № 325—326 стр.

„гдѣ отецъ мой“? Пороховой на этотъ вопросъ отвѣчалъ: „что тебѣ до отца дѣло?... Ты отъ нашей секты удаляешься, а призвали тебя до того единственно: не согласишься-ли дать подписку, чтобы ни на кого не доносить; а лучше бы согласился такъ, какъ у него, Ѳедора Иванова, отрѣзать стволъ, за что мы тебя наградимъ деньгами“. Озадаченный такимъ вопросомъ, Матусовъ въ отвѣтъ на предложеніе сказалъ, что теперь поздно объ этомъ думать, такъ какъ „дѣло уже производится формою суда“. Въ то время, какъ Матусовъ разсуждалъ съ Пороховымъ, сестра послѣдняго, Степанида Якимова, вынесла что-то „въ бальзанномъ кувшинѣ“ и, приговаривая: „надобно его поподчивать“, предложила напитокъ Матусову. Послѣдній, догадавшись, что въ этомъ напиткѣ есть, вѣроятно, что-то недоброе, отказался отъ предложенія и уже хотѣлъ уйти изъ дома. Было, однако, поздно; Матусова схватили четыре человѣка и начали бить. Удовлетворивши свой звѣрскій инстинктъ, скопцы пригласили квартальнаго надзирателя Вас. Долгова, заранѣе ими подкупленнаго, который и взялъ съ собою Матусова, съ цѣлію отвести въ частный домъ, пригласивъ при этомъ и Пороховаго. Не доѣзжая до частнаго дома, квартальный надзиратель привязалъ покрѣпче арестованнаго Матусова и, обратившись къ Пороховому, сказалъ: „теперь нечего тебѣ бояться: воля наша“. По пріѣздѣ въ частный домъ, Матусова, по его словамъ, „били неоднократно“, принуждая его сказать въ палатѣ, что будто-бы онъ, Матусовъ, требовалъ отъ Пороховаго пять сотъ рублей для подарка присутвующимъ 1-го департамента уѣзднаго суда (1) и что, будто-бы, дѣйствительно, Пороховой, въ исполненіе этого требованія, приносилъ на четвертый день въ часть сто рублей ассигн.

---

(1) Въ этомъ департаментѣ производилось слѣдствіе надъ оговоренными Матусовымъ скопцами.

и шесть серебряныхъ ложекъ. Матусовъ, конечно, не согласился на такое ложное показаніе на себя и требовалъ, чтобы квартальный надзиратель сообща съ нимъ отправился въ домъ Пороховаго и взялъ оттуда кувшинъ для освидѣтельствованія содержимой въ немъ жидкости. Долговъ не исполнилъ этого законнаго требованія и только уже на четвертый день были снаряжены для изслѣдованія всего дѣла два чиновника, которые, однако, по словамъ Матусова, „пробыли въ домѣ Пороховаго самое малое время, изслѣдованія же никакого не чинили"; вмѣсто же послѣдняго они „Матусова посадили въ холодную комнату", донесли о немъ оберъ-полицмейстеру, который, не спрашивая Матусова въ чемъ дѣло, „велѣлъ только остричь половину головы" (1).

Жалоба Матусова сама по себѣ такъ проста и естественна, что не требуетъ особыхъ дополнительныхъ замѣчаній,—и то, что описано въ ней о дѣйствіяхъ скопцовъ также не можетъ, кажется, подлежать сомнѣнію, ибо подобнаго рода расправа скопцовъ съ измѣнниками ихъ обществу входитъ какъ необходимый догматъ въ ихъ практическую жизнь. Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстенъ результатъ этой жалобы.

V.

1832—1880 гг.

По смерти Селиванова скопцы лишились главнаго своего руководителя, но они не лишились того духа, который влилъ въ нихъ основатель скопческой секты и который возбуждалъ и поддерживалъ ихъ религіозный фанатизмъ. Твердо вѣруя, что Селивановъ не умеръ, но еще живъ, что онъ скоро долженъ

(1) Чтен... 1872 г. 3 № 292—294 стр.

явиться въ Москву и произвести религіозно-нравственный и политическій переворотъ, скопцы во имя этой идеи всегда распространяли и продолжаютъ распространять физическое и нравственное уродство. Центръ, гдѣ по преимуществу сосредоточивалась дѣятельность скопцовъ въ данное время, нельзя съ точностію опредѣлить. Основываясь на оффиціальныхъ данныхъ, можно думать, что въ это время какъ будто происходило соперничество въ этомъ отношеніи между Москвою и таврическою губерніею. Относительно первой извѣстно, что въ ней, въ періодъ времени отъ 1832 по 1869 годъ, возникало пять судебныхъ процессовъ о скопцахъ (1). Такъ, въ 1835 году московская уголовная палата разбирала дѣло о скопцѣ Николаѣ Ѳедоровѣ и объ открытыхъ, по его доносу, восьмнадцати московскихъ скопцахъ (2); въ 1837 году открыто было сборище скопцовъ въ домѣ московскаго мѣщанина Ивана Крупчатникова (3); въ 1838 году судилось цѣлое семейство скопцовъ, состоявшее изъ пяти человѣкъ и проживавшее въ Срѣтенской части Москвы (4); въ 1840 году возникло дѣло о двадцати четырехъ скопцахъ крестьянахъ волоколамскаго уѣзда, села Середы (5); наконецъ, въ 1869 году снова поднятъ былъ судебный процессъ о скопцахъ Кудриныхъ, о которыхъ производилось неоднократно слѣдствіе еще ранѣе (6). Съ другой стороны, въ таврической губерніи, начиная съ 1861 г., скопцы постоянно откры-

---

(1) Говоря, что въ періодъ времени отъ 1832—1869 г. въ Москвѣ происходило пять судебныхъ процессовъ о скопцахъ, мы не думаемъ утверждать, что будто-бы, дѣйствительно, въ Москвѣ болѣе пяти судебныхъ процессовъ о скопцахъ не происходило. Быть можетъ, такихъ процессовъ было вдвое болѣе, но они еще не обнародованы въ печати.

(2) Чтен... 1873 г. 1 № 158—161 стр.

(3) Тамъ же, 167—168 стр.

(4) Тамъ же, 169—177 стр.

(5) Тамъ же, 198—200 стр.

(6) Современ. Извѣстія. 1869 г. № 264.

вались правительствомъ и притомъ въ весьма значительномъ количествѣ. Такъ, въ 1861 году скопцы подъ именемъ „Маріамнинской секты монашествующихъ“ обнаружены были въ Далматовѣ, днѣпровскаго уѣзда. Основательницей этой секты была солдатка Маріамна Тимоѳеева, которая въ свою очередь была совращена въ скопчество Сухонинымъ, проживавшимъ въ Николаевѣ. Далѣе, въ 1864 году существованіе секты скопцовъ обнаружено было въ бердянскомъ уѣздѣ, гдѣ главою ея состоялъ нѣкто Бабанинъ, и въ мелитопольскомъ уѣздѣ. Въ послѣднемъ уѣздѣ распространеніе скопчества подъ именемъ „секты шалопутовъ“ приняло весьма широкіе и опасные для всего уѣзда размѣры. По судебному разслѣдованію, произведенному въ 1865 году, оказалось, что скопчествомъ заражены были слѣдующія села: Михайловка, гдѣ существовалъ даже особый конецъ „Тимскій“, исключительно населенный скопцами; Матвѣевка, гдѣ открыто были 11 скопцовъ; Веселое, Новоивановка, Ѳедоровка, Спасское и Новопетровка. Главными распространителями скопчества въ мелитопольскомъ уѣздѣ были: Баздыревъ, Яркинъ, Шаховъ, Работяговъ и Булгаковъ; фамиліи нѣкоторыхъ изъ этихъ вожаковъ скопческой секты встрѣтятся намъ еще въ такъ называемомъ новоскопческомъ движеніи. Скопцы въ означенныхъ селахъ дѣйствовали такъ нагло и ожесточенно, что нѣсколько крестьянскихъ семействъ въ томъ же 1866 году вынуждены были формально просить мѣстное начальство, чтобы оно защитило ихъ отъ скопцовъ, открыто вносившихъ свое варварство во многія семейства. Вслѣдствіе этого мѣстное начальство прибѣгло къ мѣрамъ чрезвычайнымъ: оно предоставило каждому православному право наблюдать за подозрительными лицами и установило еженедѣльный осмотръ шалопутовъ-скопцовъ (1). Мѣры эти, впрочемъ, мало имѣли успѣха. Какъ увидимъ

(1) Москов. Вѣд. 1869 г. №№ 51 и 52.

далѣе, въ 70-хъ годахъ многія селенія мелитопольскаго уѣзда были наполнены скопцами не менѣе, какъ и въ 60-хъ годахъ.

Кромѣ Москвы и таврической губерніи — этихъ главнѣйшихъ центровъ скопчества въ разсматриваемое нами время—скопцы обнаруживали свое существованіе и въ другихъ губерніяхъ. Замѣчательное открытіе скопцовъ было сдѣлано въ 1834 году въ Саратовѣ. Здѣсь около 30-хъ годовъ организовался значительный по количеству членовъ скопческій корабль, имѣвшій огромное вліяніе на другіе корабли той же губерніи. Главою этого корабля былъ купецъ Василій Ивановичъ Пановъ. По своему образованію онъ былъ очень не далекъ: кромѣ книжнаго чтенія—ничего не зналъ. Нерѣдко случалось поэтому, что на вопросы своихъ единомышленниковъ о предметахъ, недоступныхъ его пониманію, онъ мѣшался, говорилъ темно и даже безъ смысла. Будучи не далекимъ по своему уму, Пановъ, однако, имѣлъ какое-то магическое вліяніе на своихъ подчиненныхъ: всѣ его слушались и безпрекословно исполняли его велѣнія. Бывали примѣры, что подчиненные его по цѣлымъ днямъ и даже недѣлямъ не вкушали пищи, свято исполняя повелѣніе своего учителя, и вслѣдствіе такого продолжительнаго поста нѣкоторые умирали даже съ голоду. Питая уваженіе и благоговѣніе къ Панову, Саратовскіе скопцы возвели его даже на пьедесталъ божества: они называли его не иначе, какъ „Богомъ“, „Іисусомъ Христомъ и Святымъ Духомъ“; этими именами, впрочемъ, онъ и самъ называлъ себя. Кромѣ Панова въ саратовскомъ кораблѣ были и другіе скопцы также съ значеніемъ и вѣсомъ, таковы: Ларіонъ Бекетовъ, домъ котораго, расположенный на краю города, въ глубинѣ прилегающаго сада, служилъ „соборомъ“ для саратовскихъ скопцовъ; Ожерельевъ—пропагандистъ скопческаго ученія и др. На богослужебныхъ собраніяхъ саратовскихъ скопцовъ присутствовали не только скопцы города Саратова, но и изъ другихъ селъ и

даже губерній; такъ извѣстно, что въ домъ Бекетова пріѣзжали скопцы изъ села Дальняго Переѣзда, аткарскаго уѣзда, изъ Москвы, напр. купецъ Байбаковъ, изъ Самары и изъ Тулы.

При бездѣятельности тогдашней полиціи, которая даже, какъ свидѣтельствуетъ судебное слѣдствіе надъ скопцами 1834 года, была въ полномъ своемъ составѣ подкуплена скопцами, скопчество въ Саратовѣ процвѣтало и принимало широкіе размѣры: оно болѣе и болѣе увеличивалось въ своемъ числѣ. Уже въ 1832 году стараніями Ожерельева былъ пріобрѣтенъ новый членъ общества, саратовскій мѣщанинъ Курникинъ. Такъ продолжалось до времени саратовскаго епископа Іакова (1832—1847 г.), который первый принялъ дѣятельныя мѣры къ искорененію скопческой секты, свившей свое гнѣздо въ самомъ городѣ. Нужно замѣтить, что въ Саратовѣ еще до прибытія еп. Іакова было образовано въ 1829 году миссіонерское общество, цѣлію котораго было обращеніе на путь истины раскольниковъ разныхъ толковъ. Главными сотрудниками этого братства были: портной Пономаревъ, мѣщанинъ Чекеневъ и купецъ Залетновъ. Впослѣдствіи, къ этому братству присоединился и еп. Іаковъ. Обращаясь съ послѣдователями разныхъ раскольническихъ толковъ, Пономаревъ, между прочимъ, познакомился и съ Василіемъ Ивановичемъ Пановымъ, который еще до этого времени обратилъ свое вниманіе на такого набожнаго и благочестиваго человѣка, какимъ былъ Пономаревъ. Изъ разговоровъ о разныхъ предметахъ и преимущественно религіознаго содержанія Пономаревъ замѣтилъ, что его собесѣдникъ не чуждъ скопческихъ заблужденій. Такъ какъ эта догадка Пономарева все болѣе и болѣе подтверждалась, то онъ не замедлилъ объявить объ этомъ еп. Іакову. Послѣдній обратился къ тогдашнему саратовскому губернатору Переверзеву съ просьбою принять надлежащія мѣры къ обнаруженію и пресѣченію секты скопцовъ, появившейся въ Саратовѣ. Переверзевъ въ сво-

емъ отношеніи къ преосвященному писалъ, что „во всей саратовской губерніи скопцовъ нѣтъ“. Вслѣдствіе этого еп. Іаковъ обратился за совѣтомъ къ жандармскому полковнику Быкову, который и посовѣтовалъ ему позволить одному изъ членовъ братства вступить, конечно притворно, въ общество скопцовъ, съ цѣлію узнать его тайны. Выборъ преосвященнаго палъ на купца Алексѣя Ивановича Залетнова, который, послѣ долгихъ колебаній и просьбъ преосвященнаго, дѣйствительно, вступилъ въ общество скопцовъ, прошедши предварительно всѣ ступени мистическихъ испытаній обряда принятія въ секту, которымъ подвергаютъ скопцы всякаго новичка. Опасенія Залетнова быть насильственно оскопленнымъ со стороны скопцовъ побудили преосвященнаго и полковника Быкова присоединить къ нему еще двухъ членовъ братства—купца Чекенева и мѣщанина Любимова, чтобы, такимъ образомъ, въ случаѣ насилія со стороны скопцовъ, они могли дать имъ отпоръ. Чекеневъ и Любимовъ были приняты Пановымъ; при этомъ, разсказываетъ Чекеневъ, произошло нѣчто чудесное и страшное. „Когда, говоритъ Чекеневъ, я сталъ на колѣна предъ Пановымъ, прося его о пріемѣ въ ихъ общество, я внутренно молился Богу, чтобы помогъ мнѣ безвредно выйти изъ испытанія: Пановъ вдругъ пришелъ въ изступленіе, началъ часто и тяжело дышать и едва было совсѣмъ не задохнулся. Шатаясь, онъ упалъ на руки бывшихъ возлѣ него. Всѣ запѣли хоромъ: „христосъ воскресе“ и подхватили своего пророка на руки. Придя чрезъ нѣсколько времени въ себя, Пановъ сказалъ скопцамъ: „изъ этого человѣка либо выйдетъ великій пророкъ либо отъ него всѣмъ намъ бѣда будетъ“.

Нельзя сказать, чтобы Залетновъ, Чекеневъ и Любимовъ много узнали изъ ученія скопцовъ. Ни объ искупителѣ скопцовъ, ни объ Акулинѣ Ивановнѣ, ни о Шиловѣ они не услышали ни слова. Очевидно, что Пановъ и другіе не такъ скоро посвящали новыхъ

членовъ своего общества: требовалось много времени и нравственнаго искуса, чтобы повѣдать то, на чемъ собственно зиждется все скопчество. Впрочемъ, относительно обрядовой стороны и отчасти нравственной, Залетновъ, Чекеновъ и Любимовъ получили достаточныя свѣдѣнія, чтобы убѣдиться, что Пановъ и всѣ его единомышленники — дѣйствительно скопцы и что религіозно-нравственныя убѣжденія ихъ во всякомъ случаѣ далеко не православныя. Такимъ образомъ, необходимо было приступить къ осуществленію намѣченной цѣли, но тутъ была допущена оплошность, которая едва не испортила всего дѣла.

Быковъ, узнавъ о существованіи секты скопцовъ въ Саратовѣ, счелъ своею обязанностію донести объ этомъ высшему начальству, испрашивая при этомъ разрѣшенія захватить сектантовъ въ одно изъ ихъ собраній. Отвѣтъ на это прошеніе Быкова послѣдовалъ не скоро; между тѣмъ, петербургскіе скопцы успѣли уже узнать о донесеніи Быкова и увѣдомить своихъ братьевъ по вѣрѣ — саратовскихъ скопцовъ, чтобы они „были осторожны, такъ какъ собранія ихъ не безъизвѣстны уже правительству“. Слѣдствіемъ этого было то, что иногородные члены общества немедленно разъѣхались по своимъ домамъ, такъ что саратовскій губернаторъ Переверзевъ, принявшій дѣятельныя полицейскія мѣры къ розысканію скопцовъ вслѣдствіе послѣдовавшаго отъ высшаго начальства предписанія, ничего не могъ найти. Поэтому, въ отвѣтъ на предписаніе, Переверзевъ писалъ, что „хотя въ Саратовѣ и есть много раскольническихъ сектъ, но скопческой рѣшительно нѣтъ, за вѣрность чего онъ твердо ручается“.

Ручательство Переверзева далеко было не твердо и онъ скоро долженъ былъ жестоко разочароваться въ своемъ первоначальномъ убѣжденіи. Полгода, дѣйствительно, прошло, когда скопческихъ собраній не было; но вотъ, когда боязливые толки мало-помалу стихли, скопцы пріободрились. Уже къ л

1833 года, именно въ началѣ святокъ, назначено было торжественное собраніе въ домѣ Бекетова, въ которое долженъ былъ вступить новый членъ общества Родіонъ Пономаревъ. Этотъ Пономаревъ также, какъ и три его товарища, вступилъ въ секту по настоятельному убѣжденію преосвященнаго Іакова и полковника Быкова и по взаимному уговору послѣднихъ въ ночь его пріема въ секту должно было совершиться открытое нападеніе на собравшихся въ домѣ Бекетова скопцовъ съ цѣлію заарестованія ихъ. То, что предполагали еп. Іаковъ и полковникъ Быковъ, удалось какъ нельзя лучше. Ночь, избранная скопцами для ихъ торжественнаго собранія, весьма благопріятствовала имъ: она была темная, къ тому же поднялась сильная вьюга. За часъ до собранія Пономаревъ отправился къ преосвященному Іакову, который, преподавъ ему благословеніе, послалъ его къ Быкову, у котораго уже все было готово. Быковъ, нарядивъ Пономарева въ платье жандарма, оставилъ его при себѣ, а команду свою раздѣлилъ на двѣ части: одни—пѣшіе, переодѣтые въ крестьянское платье, пошли впередъ, другіе—конные, въ своей формѣ, при саблях, слѣдовали за ними по-одаль. Подойдя къ сборному пункту, Быковъ велѣлъ идти пѣшимъ впередъ съ переодѣтымъ Пономаревымъ и занять, по его указанію, всѣ входы и выходы въ домъ, а конныхъ оставилъ при себѣ, готовыхъ явиться тамъ же по первому востребованію. Первый отрядъ тихо приблизился къ дому Бекетова, покровительствуемый темнотою и непогодою. Нѣсколько человѣкъ мгновенно перелѣзли чрезъ заборъ, захватили разставленныхъ скопцами часовыхъ, отбили ворота и заняли всѣ выходы; другіе, между тѣмъ, окружили домъ. Дали знать объ этомъ Быкову, который не замедлилъ прибыть сюда же съ конными жандармами. По странной оплошности скопцовъ, двери въ сѣни были не заперты, а занятые своимъ радѣніемъ и пѣніемъ скопцы не слышали [illegible] —Поэтому, Быковъ,

и Пономаревъ безпрепятственно вошли въ сѣни, а отсюда проникли и въ прихожую, куда дверь тоже не была заперта, и наконецъ вступили въ залу. Радѣніе было въ самомъ разгарѣ; зала была ярко освѣщена. Само собою понятно, испуганные появленіемъ жандармскаго полковника, скопцы и скопчихи бросились въ разныя стороны съ цѣлію скрыться. Залетновъ. Чекеневъ и Любимовъ, также участвовавшіе въ радѣніяхъ, какъ бы ничего не зная, въ свою очередь приняли видъ испуганныхъ и удерживая руками пророковъ, кричали: „помогите родименькіе, спасите насъ: вотъ погибаемъ мы“!

Такимъ образомъ, благодаря отчасти предусмотрительности Быкова и Пономарева, отчасти же стараніямъ трехъ означенныхъ мнимыхъ послѣдователей скопческой секты, всѣ скопцы были арестованы и отправлены въ домъ Быкова; ихъ оказалось тридцать человѣкъ. На другой день Быковъ донесъ губернатору объ арестованіи „какихъ то странныхъ людей“. Губернаторъ, узнавъ, что это скопцы, повелѣлъ отправить ихъ въ тюремный замокъ, гдѣ и было снято съ нихъ первое дознаніе. Хотя арестованные скопцы на допросѣ и признались, кто они и зачѣмъ собирались, но это признаніе ихъ не имѣло дальнѣйшаго хода, такъ какъ Быковъ снималъ съ нихъ допросъ безъ депутатовъ отъ городскаго общества, что̀ однако̀ требовалось, какъ необходимое условіе всякаго законнаго дознанія. Поэтому и скопцы, воспользовавшись этимъ промахомъ Быкова, чрезъ нѣсколько времени отказались отъ своихъ первоначальныхъ показаній на томъ основаніи, что будто-бы эти показанія даны были ими вслѣдствіе насилій и угрозъ Быкова. Вслѣдствіе этого, дѣло, само по себѣ ясное и очевидное, затянулось и только уже спустя четыре года окончательно было рѣшено. По этому рѣшенію пророки, пророч[illegible] другіе члены корабля, болѣе другихъ винов[illegible] правлены были въ Сибирь. Коварство и [illegible] происки скопцовъ—съ одной стороны,

ность и продажность судей—съ другой, весьма вредно отозвались на главныхъ виновникахъ открытія этого скопческаго корабля. Чекеневъ и Залетновъ, вслѣдствіе предписанія не удаляться изъ Саратова, были лишены возможности бывать на ярмаркахъ,—а это, конечно, вредно отзывалось на ихъ торговлѣ. Пономарёвъ долго долженъ былъ защищаться въ томъ, что онъ никогда не принадлежалъ къ скопческой сектѣ, а тѣмъ болѣе не могъ быть главою ея. Кромѣ того, онъ принужденъ былъ долго терпѣть разнаго рода колкости и насмѣшки со стороны тѣхъ же скопцовъ, которые прямо говорили ему: „что голубчикъ? ты пришелъ къ намъ секты открывать! погоди же, мы тебя упечемъ"! и проч. въ этомъ родѣ (1).

Поступленіе многихъ скопцовъ въ военную службу, по опредѣленію судебной власти (2), было причиною усиленія скопчества въ средѣ военныхъ чиновъ, сдѣлавшагося особенно замѣтнымъ и опаснымъ въ разсматриваемое нами время. Такъ, въ 1839 году оберъ-священникъ арміи и флотовъ доносилъ св. Синоду, что „до него дошло тайнымъ образомъ свѣдѣніе о существованіи въ Кронштадтѣ секты или общества, которое, по всей вѣроятности, есть общество скопцовъ и состоитъ изъ двадцати человѣкъ разнаго званія, но болѣе военнаго, подъ начальствомъ такъ называемаго главнаго пророка, третьяго ластоваго экипажа подпоручика Ѳеодора Царенки". Вслѣдствіе этого донесенія немедленно была назначена особая ко-

---

(1) Чтен. въ общ. ист... 1873 г. 1 № 127, 130—132, 138—139 и 147—155 стр., Домаш Бесѣда. 1861 г. «Разсказъ очевидца о дѣйствіяхъ преосвящ. Іакова, по обращенію раскольниковъ въ саратовской губерніи». 764—767 и 809 стр.

(2) Первый указъ объ отдачѣ скопцовъ въ военную службу изданъ былъ, какъ мы уже замѣчали, въ 1807 г. (Чт... 1872 г. 3 № 231—252 стр.). Потомъ это распоряженіе правительства повторялось съ разностями въ 1808 г., въ 1816 г. и т. дал. (Тамъ же,

миссія для производства дознанія о лицахъ, прикосновенныхъ къ обществу скопцовъ. Слѣдствіе вполнѣ подтвердило слухи, дошедшіе до оберъ-священника. 14-го апрѣля того же 1839 года главный командиръ доносилъ начальнику Морскаго штаба, что, дѣйствительно, въ Кронштадтѣ существуетъ „особое общество скопцовъ изъ служащихъ и неслужащихъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ“, что „первенствующимъ лицомъ этого общества, или первымъ пророкомъ, по сказанію многихъ, состоитъ третьяго ластоваго экипажа подпоручикъ Царенко“. Число обнаруженныхъ скопцовъ простиралось до двадцати человѣкъ. Замѣчательно, что большинство скопцовъ, хотя и указывало своихъ оскопителей, но почти ни одинъ изъ нихъ не старался утверждать, какъ обыкновенно дѣлается скопцами въ подобныхъ случаяхъ, что они оскоплены насильственно; большая часть изъ нихъ признавалась, что оскоплены они по собственной волѣ и по желанію спасти свои души. Двое изъ обвинявшихся скопцовъ обнаружили рѣдкое и замѣчательное убѣжденіе въ истинности и спасительности скопческаго ученія. Это были музыканты Леонтьевъ и Котовъ. По единогласному признанію ихъ, они „не намѣрены отстать отъ секты скопцовъ, моленье коихъ почитаютъ за самое священное, и вполнѣ увѣрены, что покойный императоръ Петръ III явится какъ Іисусъ Христосъ для спасенія ихъ. Въ противности чего никакія убѣжденія, ни самыя жестокія наказанія, не заставятъ ихъ быть увѣренными, что они заблуждаются, и когда приготовятся молитвою и постомъ, и будетъ на то воля Божія, то оскопятся, не взирая ни на какое запрещеніе“. Поэтому, они всегда готовы выполнять съ усердіемъ приказанія начальства, никогда ни въ чемъ не ослушаться, служить императору со всею готовностію и „до послѣдней капли крови“, но отъ секты скопцовъ никогда не намѣрены отстать, „давъ къ тому клятвенное обѣщаніе“. По приговору военнаго суда, Царенко назначенъ былъ

къ смертной казни чрезъ сожженіе; Даниловъ же, Андреевъ, Леонтьевъ и Котовъ—къ лишенію военныхъ отличій. Прочіе участники общества подверглись обыкновенному гражданскому суду (1).

Еще замѣчательнѣе и опаснѣе было движеніе скопцовъ кавказской подвижной инвалидной роты въ 1842 и 1843 гг. Исторія образованія этой роты слѣдующая. Въ 1816 году велѣно было „всѣхъ принимаемыхъ въ рекруты отправлять, между прочимъ, и въ Ставрополь къ зачисленію въ войска кавказскаго корпуса". Согласно съ этимъ предписаніемъ, всѣхъ скопцовъ, присланныхъ въ Ставрополь, распредѣлили на службу въ разные полки. Такъ было до 1822 года. Къ этому времени вредъ, происходившій отъ скопцовъ, сталъ весьма замѣтно обнаруживаться; между солдатами разныхъ полковъ стали появляться примѣры оскопленій, чему, очевидно, главною причиною было присутствіе въ этихъ полкахъ скопцовъ. Поэтому, въ 1822 году послѣдовало особое распоряженіе „объ обращеніи главныхъ зачинщиковъ скопческой секты въ крѣпостныя работы". Мѣстомъ работъ для скопцовъ были избраны, съ одной стороны, крѣпости Редутъ-Кале и Сухумъ-Кале, куда отправлялись скопцы изъ Тифлиса, а съ другой-крѣпость Усть-Лабинская, куда посылали скопцовъ изъ Ставрополя. Впрочемъ, крѣпость Усть-Лабинская оказалась неудобною для отосланныхъ туда скопцовъ; къ тому же, между тамошними казачьими семействами стали появляться оскопленія; поэтому, еще въ 1830 году скопцовъ изъ этой крѣпости отправили въ Анапу. Скопцы, находившіеся въ крѣпостяхъ Редутъ-Кале и Сухумъ-Кале употреблялись частію для работъ въ укрѣпленіяхъ по Имеретіи, частію же для сплава провіанта по рѣкѣ Ріону. Тѣже скопцы, которые отправлены были въ Анапу, занимались устройствомъ домовъ для поселянъ,

(1) Чтен. въ общ. ист... 1873 г. 1 № 177—192 стр.

буреніемъ артезіанскаго колодца и проч. Въ 1836 году какъ Анапскіе скопцы, такъ и находившіеся въ крѣпостяхъ Сухумъ-Кале и Редутъ-Кале, были переведены въ черноморскій баталіонъ. Въ 1838 году, по особому распоряженію императора, изъ всѣхъ скопцовъ, находившихся въ этомъ черноморскомъ баталіонѣ, была сформирована особая военно-рабочая рота подъ № 95-мъ,—расположена она была въ Маранѣ, гдѣ скопцы жили въ отдѣльныхъ домикахъ по два и по три человѣка. Чтобы по возможности способствовать ослабленію ихъ фанатизма и даже раскаянію въ своемъ заблужденіи, всю роту раздѣлили на два взвода, по степени приверженности скопцовъ къ своей сектѣ. Тѣ, которые оставили уже свои заблужденія, и тѣ, которые хотя вовсе и не оставили ихъ, но уже близки были къ этому, были причислены къ первому взводу; упрямые же скопцы, которые обнаруживали необыкновенное стремленіе пропагандировать свое ученіе, причислены ко второму.

До 1842 года скопцы вновь образовавшейся „подвижной инвалидной № 95-й роты“ не обнаруживали ничего особенно предосудительнаго; по видимому даже фанатизмъ ихъ мало по малу началъ утихать. Въ этомъ же году изъ среды скопцовъ втораго взвода выдвинулись два фанатика: Басюковъ Флоръ и Кокоревъ Иванъ, которые начали возбуждать умы прочихъ скопцовъ скорымъ пришествіемъ царя израильскаго Петра III“, имѣющимъ придти, по ихъ словамъ, въ 1845 году. Мысль, поданная Басюковымъ и Кокоревымъ, мгновенно пронеслась по всему второму взводу и была принята скопцами съ необыкновенною радостію и восторгомъ, при которыхъ они готовы были даже умереть за своего грядущаго царя. Управлявшій скопцами полковникъ Брусиловъ опасался опасныхъ послѣдствій отъ такой проповѣди для всей роты, и для предотвращенія опасности полагалъ удалить Басюкова въ домъ съумашедшихъ, а Кокорева—въ Сибирь на поселеніе. Опасенія отчасти уже начали

оправдываться. Вѣроятно, около этого времени, послѣдовало отъ сорока трехъ скопцовъ втораго взвода первое письмо къ майору Пыщкину. Въ немъ скопцы излагаютъ весьма подробно главнѣйшій догматъ своего сумасброднаго ученія объ искупителѣ—Петрѣ III и его скоромъ пришествіи. „Объ вѣрѣ нашей и сектѣ, такъ начинается это письмо, извѣстно царю Николаю Павловичу, и кого мы признаемъ царемъ израильскимъ, что онъ насъ будетъ судить и всю вселенную, и всѣхъ царей и королей, и будетъ онъ насъ вѣрныхъ своихъ дѣтушекъ и невѣрныхъ скопцовъ, предъ всѣми царями и королями въ Москвѣ, и котораго мы признаемъ своимъ отцемъ и царемъ израильскимъ, онъ есть Петръ Третій, что царствовалъ въ 1762 г., въ томъ же году и скрывался отъ престола, пошелъ страдать по Россіи“.... Далѣе излагается извѣстная исторія о томъ, какъ мнимый Петръ III предлагалъ императору Павлу I свое дѣло, какъ онъ былъ принятъ императоромъ Александромъ I, какъ его сослали въ Суздаль, какъ потомъ Николай Павловичъ разсылалъ въ Петербургѣ „афишки“, извѣщавшія о кончинѣ въ 1832 году ихъ искупителя, хотя эта кончина на самомъ дѣлѣ была выдумкою и ложью, такъ какъ искупитель ихъ живъ еще и теперь, чему они, скопцы, вѣрятъ всею душею. Изложивъ, такимъ образомъ, то, что составляетъ, такъ сказать, душу ихъ секты, скопцы заключаютъ свое письмо: „что касается, мы брили себѣ лбы, и для того, какъ скопища намъ миновать нельзя было, такъ и нельзя было оставить, чтобы не брить лбы, по нашему закону (1). А на счетъ царской службы мы никогда не отказывали, готовы служить по долгу службы. А за вѣру и секту свою, ради любви Божіей, другъ за друга желаемъ всегда и головы положить,

(1) Брить лбы — обычай не встрѣчающійся у другихъ скопцовъ, вѣроятно, придуманъ Басюковымъ и Кокоревымъ, какъ эмблема ихъ общества.

а ложно не жить, и въ чемъ мы обѣщались Богу поруку дать, чтобы до скончанія жизни не солгать"... Съ другой стороны, дерзость Басюкова, переходившая предѣлы всякаго благоразумія, требовала возможно скораго удаленія его изъ роты и вообще изъ той мѣстности, чтобы, такимъ образомъ, предотвратить неминуемую опасность возгорѣвшагося фанатизма скопцовъ. 16-го августа того же 1842 года Басюковъ, при рапортѣ, подалъ полковнику Брусилову письмо, адресованное на имя императрицы, и при немъ черный шелковый платокъ, и просилъ передать эти вещи по адресу. Письмо это читается такъ: „Милостивой государынѣ императрицѣ Александрѣ Николаевнѣ супругѣ, отъ Фрола Басюкова. Нижайше кланяюсь и вручаю Вамъ корабль трехмачтовый, и въ кораблѣ голуби, называемы Духъ св, посылаемъ мы Тебѣ въ кораблѣ св. Духъ, а писалъ отъ двухъ, отъ Ивана Кокорева и Фрола Басюкова, Саратовской губерніи сынъ Павловъ, города Хвалыни, деревни Демкино, экономическій крестьянинъ, Иванъ Кокоревъ тверской губерніи, города Весьегонскаго, деревни Лобнево, господина Черткова крестьянинъ; при семъ посылаемъ черной платокъ шелковой". Очевидно, что приведенное письмо ничего болѣе не доказывало, какъ только то, что Басюковъ, диктовавшій это письмо, и Кокоревъ, писавшій подъ диктовку, въ своихъ заблужденіяхъ дошли, дѣйствительно, до сумасшествія. По особому предписанію начальника штаба, генералъ-майора Коцебу, ихъ обоихъ велѣно было доставить въ Тифлисъ, что вѣроятно было исполнено весьма скоро.

Между тѣмъ, письмо скопцовъ къ майору Пышкину и ихъ волненія и безпорядки, произведенныя въ это время, вызвали судебное слѣдствіе. Стороны, съ которыхъ предполагалось разсмотрѣть возникшее дѣло, намѣчены были первоначально въ особой резолюціи, неизвѣстно, впрочемъ, кому принадлежащей и потомъ повторены въ предписаніи того же генералъ-майора Коцебу и касались слѣдующихъ пунктовъ:

1) „не скрывается-ли между скопцами какого злоумышленія? 2) не имѣютъ ли они сношеній съ подобными имъ скопцами и не открыли-ли они кому замысловъ своихъ? 3) не имѣютъ-ли намѣренія и твердой воли привести въ дѣйствіе замыслы свои и не сдѣлали-ли къ этому какихъ приготовленій? 4) откуда взялась у нихъ мысль или вѣрованіе, что явится блаженной памяти Петръ III и что означаетъ имѣніе въ каждомъ почти домѣ его портрета? наконецъ 5) что означаетъ имянной списокъ скопцовъ, испещренный знаками луны и нѣсколькими печатями; вообще, какой истинный смыслъ различныхъ мистическихъ бумагъ, у нихъ отобранныхъ“? — Неизвѣстно, производилось ли дознаніе по этимъ пунктамъ и какіе результаты получены были отъ этого дознанія, если послѣднее производилось. Скоро, однако, стало очевиднымъ, что удаленіе изъ роты двухъ главныхъ виновниковъ настоящихъ смутъ не прекратило зла; вмѣсто нихъ выдвинулись новые глашатаи скораго пришествія „царя израильскаго“, которые не менѣе своихъ предшественниковъ волновали умы прочихъ скопцовъ. Это были: Степанъ Крюковъ, Ѳедоръ Аксеновъ и Пантелѣй Харьковскій. Вслѣдствіе этого, найдено было необходимымъ удалить и этихъ лицъ изъ роты и отправить на поселеніе въ Сибирь, прочихъ же скопцовъ, внимавшихъ ученію сумасбродныхъ глашатаевъ, велѣно было наказать плетьми въ присутствіи баталіоннаго командира. Впрочемъ, волненіе и послѣ этого не утихло. Скопцы, убѣжденные въ правотѣ своего дѣла, вторично подали прошеніе полковнику Бреверну объ освобожденіи своего „искупителя и царя“. По произведенному вновь дознанію обнаружилось, что многіе изъ скопцовъ ведутъ уже переписку съ сосланными въ Сибирь: Кокоревымъ, Крюковымъ, Аксеновымъ и Харьковскимъ, получаютъ отъ нихъ наставленія, которыя и передаютъ прочимъ скопцамъ. Какъ подобное могло совершиться въ столь непродолжительный періодъ времени — въ четыре мѣся-

ца (1),—вопросъ этотъ трудно рѣшить, но фактъ этотъ неотразимо свидѣтельствуетъ о необыкновенной пронырливости скопцовъ и ихъ удивительной изобрѣтательности способовъ обдѣлывать самыя, повидимому, трудныя и сложныя дѣла. Убѣдившись, такимъ образомъ, что удаленіе лицъ, считающихся главными, не помогаетъ дѣлу, полковникъ Бреверн рѣшился примѣнить для потушенія волненія другой способъ: онъ предписалъ командиру роты по возможности переводить скопцовъ изъ втораго взвода въ первый, чтобы такимъ образомъ, какъ выражался Бреверн, „разстроить это общество скопцовъ". Къ какимъ результатамъ привела эта новая мѣра, какъ и вообще, что стало съ этою ротою скопцовъ—неизвѣстно (2).

Повторявшіяся время отъ времени движенія въ средѣ скопцовъ и почти постоянно возникавшія о скопцахъ слѣдственныя дѣла вызвали стремленія правительства къ изученію секты скопцовъ. Такъ въ 1843 году Даль и Надеждинъ составили четыре записки о скопцахъ, которыя были представлены министромъ внутреннихъ дѣлъ Перовскимъ въ государственный совѣтъ и комитетъ министровъ (3). Послѣдовавшее въ 1844 году замѣчательное открытіе скопческой моленной въ домѣ Глазунова въ Петербургѣ дало ближайшій поводъ къ учрежденію при министерствѣ внутр. дѣлъ особой комиссіи о скопцахъ съ цѣлію изслѣдованія скопческой секты въ религіозномъ, нравственномъ, общественномъ и политическомъ отношеніяхъ. Предсѣдателемъ этой комиссіи былъ Липранди (4). О результатахъ дѣйствій учрежденной комис-

---

(1) Изъ дѣлъ извѣстно, что предписаніе объ удаленіи въ Сибирь Брюкова, Аксенова и Харьковскаго послѣдовало 31 окт. 1842 г., рапортъ же полковника Бреверна, въ которомъ, между прочимъ, говорилось и объ этой перепискѣ между скопцами, писанъ 17 апр. 1843 г.

(2) Чтен... 1873 г. 1 № 206—224 стр.

(3) Тамъ же, 240—262 стр.

(4) Тамъ же, 160—161 стр.

сіи легко можно судить по сочиненію Н. И. Надеждина „О скопческой ереси", которое было плодомъ дѣятельности этой комиссіи. Очевидно, что комиссія дѣйствовала энергично и съ полною любовію и преданностію къ своему дѣлу. Общіе выводы, сдѣланные комиссіею на основаніи слѣдственныхъ дѣлъ о скопцахъ, должны были глубоко разочаровать тогдашнее правительство, которое не прочь даже было видѣть въ скопцахъ нѣчто православное (1). На самомъ дѣлѣ, какъ положительно доказала слѣдственная комиссія, скопцы не только не православные, но даже и не христіане вообще и что въ общественномъ организмѣ они составляютъ язву, которую необходимо истребить съ корнемъ.

Съ другой стороны, постоянно повторявшіяся слѣдственныя дѣла о скопцахъ, имѣвшія своимъ результатомъ сравнительно жестокія наказанія виновныхъ, побуждали послѣднихъ заблаговременно и добровольно оставлять Россію и искать себѣ мѣстожительства за границею. Начало такихъ переселеній скопцовъ относится еще къ первымъ годамъ текущаго столѣтія (2) и, кажется, первая мѣстность, гдѣ бѣжавшіе изъ Россіи скопцы нашли себѣ осѣдлость была Румынія, особенно Яссы. Въ Яссахъ скопцы существовали еще до 1830-го года и пользовались

(1) Ист. мин. вн. дѣл. VIII т. 505 стр.

(2) Такъ, въ оффиціальныхъ документахъ находимъ, что «проживавшіе въ Яссахъ скопцы въ числѣ восьми человѣкъ прислали на высочайшее имя всеподданѣйшую просьбу, въ коей изъяснили, что удалясь съ давнихъ лѣтъ за границу и поселясь за Дунаемъ, и въ княжествахъ Молдавіи и Валахіи, они послѣ всемилостивѣйшаго манифеста 30-го августа 1814 года прибыли опять въ Россію и нѣкоторые изъ нихъ уже были приписаны въ сословіе жителей Бессарабской области, но послѣ того, и именно въ 1815-мъ году, высланы обратно за границу и потомъ не были уже впущены въ предѣлы Россіи; посему они просили дозволенія возвратиться въ Россію, гдѣ многіе изъ нихъ имѣютъ родныхъ и осѣдлость» (Сборн. постанов. по части раскола. т. I. в. 1. Лондонъ. 1869 г. 175 стр. — См. въ Христ. Чт. 1879 г. Январь—Февраль. 32 стр.).

совершеннымъ спокойствіемъ. Въ 1830-мъ году надъ ними разразилась первая буря, имѣвшаяя своею причиною обнаруженіе скопцами своего фанатизма, жертвою котораго сдѣлались два румынскіе мальчика и одинъ русскій (1). По приговору дивана (государственнаго совѣта), скопцы присуждены были къ смертной казни чрезъ разстрѣляніе. Испуганные такимъ приговоромъ, они разбѣжались въ разныя стороны: одни въ Валахію, другіе—въ Турцію, нѣкоторые же въ Россію. Незначительная часть скопцовъ, впрочемъ, осталась въ Яссахъ. Здѣсь они своими ложными обѣщаніями быть вѣрными сынами православной церкви скоро примирились съ правительствомъ, обѣщая въ то же время не производить болѣе оскопленій ни надъ кѣмъ (2). Понятно, обѣщаніе, данное скопцами, въ самомъ непродолжительномъ времени было нарушено и уже въ 1835 году о скоппахъ возникло новое слѣдствіе. Результатомъ этого слѣдствія было изгнаніе ересіарховъ изъ Яссъ. Впрочемъ, и въ этомъ случаѣ часть скопцовъ — шестьдесятъ человѣкъ—благодаря могущественному покровительству русскаго консульства и въ силу обѣщанія точнаго выполненія всѣхъ условій, продиктованныхъ румынскимъ правительствомъ, осталась жить по прежнему въ Яссахъ подъ личиною православія. Живя въ Яссахъ, скопцы не оставляли своего фанатизма; число ихъ постепенно увеличивалось, съ одной стороны переселенцами изъ Россіи, съ другой же—новыми прозелитами, вербуемыми изъ румынъ. Къ семидесятымъ годамъ настоящаго столѣтія число скопцовъ — мужчинъ простиралось уже до ста человѣкъ; женщинъ же скопчихъ, по предположенію г. Сирку, было не менѣе ста пятидесяти (3). Тѣ скопцы, которые подверглись изгнанію изъ Яссъ въ 1835 году, разсѣялись по разнымъ угол-

(1) Христ. Чт. 1879 г. Янв.—Февр. 34 стр.
(2) Тамъ же, 35 стр.
(3) Тамъ же, 61—62 стр.

камъ Румыніи. Такъ, часть скопцовъ поселилась въ Измаилѣ; здѣсь во главѣ скопцовъ стоялъ Григорій Яковлевъ, самый ревностный распространитель скопчества, бѣжавшій изъ Россіи (1). По случаю строгаго судебнаго преслѣдованія, постигшаго измаильскихъ скопцовъ въ 1859 году, нѣсколько скопцовъ во главѣ съ Григоріемъ Яковлевымъ переселились въ село Николаевку, недалеко отъ Чернаго моря (2). Это новое поселеніе скопцовъ сдѣлалось важнымъ пунктомъ для всѣхъ скопцовъ какъ русскихъ, такъ и заграничныхъ, по тому географическому положенію, которое занимала Николаевка. Будучи расположена на границахъ русскихъ владѣній и румынскихъ, она доставляла скопцамъ полную возможность вести сношенія какъ съ заграничными, такъ и русскими скопцами. Значеніе этого поселенія еще болѣе увеличивалось вслѣдствіе того, что по договору, заключенному въ 1856 году между Молдавіей и Россіей, пограничнымъ жителямъ позволено было по паспортамъ, взятымъ изъ волостнаго правленія на недѣльный срокъ, переходить границу и заниматься полевыми работами. Такіе билеты, между прочимъ, выдавались и изъ николаевскаго волостнаго правленія, въ которомъ старшинами, не безъ происковъ со стороны скопцовъ, всегда оказывались самые фанатичные приверженцы скопчества, какимъ былъ напр. Волошиновъ (3). Понятно, Николаевка въ этомъ случаѣ представляла одинъ изъ выгоднѣйшихъ пунктовъ для всѣхъ скопцовъ. Кромѣ Измаила и Николаевки, скопцы, послѣ слѣдствія надъ ними въ 1835 году, появились въ Бухарестѣ, въ Галацѣ, Новотроицкѣ и т. д. Вездѣ, гдѣ они ни появлялись, число ихъ постепенно возростало, такъ что въ семидесятыхъ годахъ настоящаго столѣтія въ Галацѣ

(1) Христ. Чт. 1879 г. Янв.—Февр. 41—42 стр.
(2) Тамъ же. 63 стр.
(3) Хр. Чт. 1877 г.

напр. оказалось до 205 скопцовъ, въ Бухарестѣ—до 135-ти (¹). Увеличеніе числа скопцовъ, по свидѣтельству преосвященнаго Мельхиседека, производилось частію на счетъ Россіи, частію же на счетъ Румыніи и смежныхъ съ нею княжествъ (²).

Такимъ образомъ, язва скопчества, проникшая первоначально въ Яссы, охватила значительную часть придунайскихъ княжествъ и развитіе ея грозило не меньшею опасностію для этихъ княжествъ чѣмъ и для Россіи. Осмѣливаясь даже пропагандировать физическое уродство между иностранцами и не прекращая совершать его надъ русскими подданными, скопцы, очевидно, еще болѣе пользовались спокойствіемъ внутри своего общества: они безпрепятственно совершали свои моленія и также свободно занимались обсужденіемъ разныхъ пунктовъ теоретическаго ученія своей секты. Плодомъ свободнаго и открытаго разсужденія о разныхъ предметахъ своего общества было замѣчательное движеніе скопцовъ, начавшееся въ 1871-мъ году. Театромъ этого замѣчательнаго движенія былъ Галацъ, откуда оно (движеніе) постепенно перешло въ другія мѣстности придунайскихъ княжествъ и коснулось даже Россіи, гдѣ окончилось громаднымъ судебнымъ процессомъ въ Мелитополѣ.

Движеніе, о которомъ мы говоримъ, вызвано было, по сознанію самихъ скопцовъ, неудовлетворительнымъ религіозно-нравственнымъ состояніемъ скопцовъ. У послѣднихъ, по замѣчанію Волошинова, чѣмъ ни далѣе, тѣмъ „все горше измѣняется планъ истиннаго служенія Богу, какъ въ понятіяхъ, такъ и въ дѣлахъ и вмѣсто надлежащей воздержной жизни по всемъ, они также какъ и всѣ языки (т. е. не скопцы), а въ особенности городскіе скопцы любятъ мірскую суету“ (³). Многіе скопцы въ надеждѣ получить спа-

(¹) Хр. Чт. 1879 г. Ян.—Февр. 62—65 стр.

(²) Тамъ же, 39—40 стр.

(³) Хр. Чт. 1877 г. Сен.—Окт. 403 стр.

сеніе чрезъ одно физическое оскопленіе мало и даже вовсе не заботились о своемъ внутреннемъ усовершенствованіи. „Считая оскопленіе, говоритъ другой реформаторъ Ефимъ Купріяновъ, самою вѣрною гарантіею для душевнаго спасенія“, скопцы не заботятся объ обрѣзаніи „сердечной злобы, гордости, непомѣрной зависти“ и т. п. (1). Такимъ образомъ, по выраженію третьяго реформатора, Ѳедора Безутова, секта скопцовъ „разбрелась“; многіе изъ скопцовъ входили въ тѣсное общеніе съ міромъ, усвоивали себѣ мірскіе обычаи и стали жить уже вовсе не по скопчески (2). Естественно, такой порядокъ не могъ нравиться фанатическимъ приверженцемъ скопческаго ученія. Рѣшившись строго слѣдовать правиламъ своей секты, послѣдніе плотно соединились между собою, составили изъ себя „святое избраніе“, которое девизомъ своей дѣятельности поставило „созданіе вѣры“ (3) и проведеніе ея въ сознаніе прочихъ скопцовъ, опутанныхъ мірскою суетою. Число членовъ „святаго избранія“ было не велико, — всего около сорока человѣкъ. Однимъ изъ вліятельнѣйшихъ членовъ этого „святаго избранія“ былъ скопецъ Семенъ Купріяновъ— человѣкъ весьма богатый, у котораго было множество скопческихъ роспѣвцовъ и посланій. Ему принадлежала первая мысль объ установленіи „святаго избранія“; въ его же домѣ происходили и совѣщанія членовъ „избранія“. Правою рукою Купріянова былъ скопецъ Кузьма Ѳедосѣевъ Лисинъ, уроженецъ московской губерніи, деревни Кнутовой. Переходя изъ селенія въ селеніе по обязанности портнаго, Лисинъ первоначально увлекся духоборчествомъ, потомъ молоканствомъ и наконецъ, сошедшись съ скопцами Ѳедоромъ Мартыновымъ и Волошиновымъ, онъ принялъ

---

(1) Хр. Чт. 1877 г. Сен.—Окт. 404 стр. 2 прим.

(2) Тамъ же, 405 стр.

(3) Тамъ же, 407 и 408 стр.

отъ нихъ „царскую печать“ (1). Съ этого времени Лисинъ душею и тѣломъ предался скопчеству. Поступивъ въ число членовъ „избранія“, Лисинъ снискалъ себѣ особенное благорасположеніе со стороны Куприянова. Послѣдній возлагалъ на Лисина большія надежды и предсказывалъ ему блестящую будущность. „Ты будешь древомъ отъ земли до неба, говорилъ Куприяновъ Лисину, и на этомъ древѣ многія птицы будутъ гнѣзда вить“ (2). По внѣшнему виду Лисинъ, по замѣчанію г. Сахарова, „рѣшительно не производилъ никакого впечатлѣнія. Это—заурядная фигура крестьянина, мѣщанина. Въ немъ нѣтъ ничего, что бы могло подчинить ему другихъ“ (3). Несмотря, однако, на свою заурядную фигуру, Лисинъ всегда могъ отстоять свои убѣжденія; онъ былъ, по замѣчанію знавшаго его, „великій спорщикъ“; во время спора онъ „кричалъ больше всѣхъ и стучалъ при этомъ скрюченными своими пальцами, отчего былъ прозванъ „безпалымъ“ (4). Вслѣдствіе этого страстнаго стремленія къ спору, Лисинъ естественно выдвигался изъ среды своихъ товарищей которые относились къ нему съ большимъ уваженіемъ, предполагая, конечно, въ немъ значительную долю ума и знаній.—Кромѣ Куприянова и Лисина въ числѣ членовъ „святаго избранія“ находились Ѳедоръ Мартыновъ, Иванъ Ковалевъ, Василій Ивановъ, Картомышевъ и др.

Дѣйствія членовъ „святаго избранія“ начались въ концѣ 1871-го года и продолжались до 1-го іюня 1872 года. Предметомъ совѣщаній было усвоеніе и болѣе полное развитіе теоретическаго ученія скопчества, но болѣе всего разсуждали о неудовлетворительномъ религіозно-нравственномъ состояніи современной жизни

(1) Хр. Чт. 1877 г. Сен.—Окт. 415—416 стр.
(2) Тамъ же, 408 стр.
(3) Тамъ же, 416 стр.
(4) Моск. Вѣд. 1873 г. № 198.

скопцовъ. Вслѣдствіе послѣдняго обстоятельства члены „избранія“ естественно должны были войти въ соприкосновеніе съ обществомъ скопцовъ. Бичуя пороки послѣдняго, нападая на лицемѣріе и ханжество нѣкоторыхъ изъ современныхъ скопцовъ, возставая противъ охватившей всѣхъ скопцовъ страсти къ наживѣ и обогащенію, члены „избранія“ указывали на себя какъ на посланниковъ самого искупителя, которые призваны исправить современную жизнь скопческаго общества и привести послѣднее на истинный путь спасенія, отъ котораго оно отшатнулось. „Святое избраніе“, говорилъ Волошиновъ, есть дверь во спасеніе (для всѣхъ скопцовъ), какъ источникъ истиннаго познанія и вѣдѣнія, подъ знаменіемъ силы божіей искупителя II“.... „Ученіе святаго избранія, продолжаетъ Волошиновъ, истекаетъ отъ искупителя, изъ сокровищницы, изъясненной въ его прежнемъ посланіи къ скопцамъ“ (1).... Скопцы, однако, оставались глухи къ призыву начать новую жизнь. Многіе изъ нихъ, не перенося порицаній со стороны членовъ „избранія“, съ своей стороны старались отплачивать порицателямъ такими же и даже большими порицаніями недостатковъ ихъ собственной жизни; нѣкоторые же болѣе раздражительные и нетерпѣливые „бросались, по свидѣтельству Волошинова, бить избранниковъ..... чтобы уничтожить ихъ“ (2). Такимъ образомъ, цѣль „избранія“ не достиглась; нужно было изыскать другое средство, болѣе сильное и болѣе способное произвести религіозно-нравственный переворотъ въ средѣ загрубѣвшихъ скопцовъ. Такое средство было отыскано.

Уже въ первой половинѣ 1872 года на бесѣдахъ „избранныхъ“ въ ихъ пророчествахъ выходило, что „объявится искупитель-батюшка и будетъ у царя на виду и сядетъ на престолѣ“. Это неопредѣленное и

(1) Хр. Чт. 1877 г. Сен.—Окт. 407 стр. 2 прим.

(2) Тамъ же, 407—408 стр.

смутное предчувствіе нѣкоторыхъ скоро сбылось. 1-го іюня 1872 года на курганѣ, близъ Галаца, объявился въ лицѣ Лисина „второй искупитель и царь Петръ III Ѳеодоровичъ“ (1). По словамъ самого Лисина, онъ по своему „божеству“ выше перваго Іисуса Христа, такъ какъ первый Іисусъ Христосъ только страдалъ, а онъ пришелъ прославиться; по человѣчеству же—онъ выше царствующаго государя, такъ какъ послѣдній приходится ему по духу сынъ (2). Первыми исповѣдниками этого втораго скопческаго лжеискупителя и лжецаря были — Ковалевъ и Ивановъ, которые лично были свидѣтелями религіознаго и политическаго самозванства Лисина, изъ которыхъ Ковалевъ тутъ же посвященъ былъ Лисинымъ въ достоинство Іоанна Богослова (3), а Ивановъ въ достоинство Василія Великаго. Къ двумъ названнымъ лицамъ впослѣдствіи присоединились Картомышевъ, изображавшій собою Григорія Богослова и Илію пророка, Купріяновъ и нѣкоторые другіе члены „святаго избранія“. Мало по малу, вѣсть о появленіи „втораго искупителя и царя“ стала распространяться и между рядовыми скопцами, не принадлежавшими къ малочисленному кружку „святаго избранія“.

Прежде всѣхъ, какъ и слѣдовало ожидать, послѣдователями новаго самозванца были туземные скопцы. Изъ послѣднихъ не только галацкіе, но и бессарабскіе скопцы, увѣровавъ во вновь открывшагося искупителя, не замедлили доказать эту свою вѣру въ него цѣлымъ рядомъ дѣйствій: благоговѣя предъ нимъ, нѣкоторые брали грязное его бѣлье и обходились съ нимъ, какъ со святыней; другіе же, въ порывѣ религіознаго фанатизма, рвали на себѣ волосы,

(1) Хр. Чт. 1877 г. Сен.—Окт. 409 стр.

(2) Тамъ же. 413—415 стр.

(3) Впрочемъ, впослѣдствіи Ковалевъ изображалъ собою «лжепредтечу» Шилова и «матушку» Акулину Ивановну; поэтому онъ носилъ и наименованіе: «Александрушки II, матери благодати» (Тамъ же, 415 стр.).

ходили по колючкамъ, утверждая, что они идутъ по стопамъ Спасителя. Религіозному торжеству не было конца; ежедневно совершались молитвы и радѣнія. Но тогда какъ одни изъ названныхъ скопцовъ искренно торжествовали, другіе, скептически отнесшіеся къ новому самозванцу, не замедлили поднять цѣлую бурю протестовъ противъ приверженцевъ Лисина, стараясь по возможности очернить послѣдняго и наложить на него клеймо самозванца и человѣка сумасшедшаго. Раздоръ между приверженцами Лисина и его противниками до того усилился, что потребовалось даже вмѣшательство галацкой полиціи; послѣдняя арестовала нѣкоторыхъ изъ приверженцевъ Лисина, но скоро отпустила. — Къ торжествующимъ туземцамъ-скопцамъ весьма скоро присоединились и русскіе скопцы, которые увѣдомлены были первоначально о появленіи новаго искупителя чрезъ особыхъ „посланниковъ“, разосланныхъ самимъ Лисинымъ. Эти „посланники“, по приказанію Лисина, должны были вездѣ, во время радѣній, читать прокламаціи, извѣщавшія о разныхъ обстоятельствахъ новаго объявленія искупителя и царя. Вслѣдъ за „посланниками“ не замедлилъ явиться въ Россію и самъ Лисинъ. Первая его поѣздка въ Россію была совершена немедленно по объявленіи себя искупителемъ и имѣла своею цѣлію развѣдать о настроеніи русскихъ скопцовъ относительно появленія искупителя. Вторая и третья были совершены нѣсколько позднѣе и сопровождались полнымъ торжествомъ Лисина. Первая мѣстность, гдѣ Лисинъ былъ признанъ „искупителемъ-батюшкой“, былъ городъ Николаевъ. Здѣсь, въ домѣ скопца Давидова, Лисинъ торжественно во время радѣнія назвалъ Ковалева, своего спутника, „Іоанномъ Богословомъ“, а себя „искупителемъ“; Давидову велѣлъ принять „чистоту“ и докончить строющуюся землянку, въ которой предполагалось устроить скопческій „соборъ“. Николаевскіе скопцы, впрочемъ, обнаружили нѣкоторое сомнѣніе относительно достоинства

смутное предчувствіе нѣкоторыхъ скоро сбылось. 1-го іюня 1872 года на курганѣ, близъ Галаца, объявился въ лицѣ Лисина „второй искупитель и царь Петръ III Ѳеодоровичъ“ (1). По словамъ самого Лисина, онъ по своему „божеству“ выше перваго Іисуса Христа, такъ какъ первый Іисусъ Христосъ только страдалъ, а онъ пришелъ прославиться; по человѣчеству же—онъ выше царствующаго государя, такъ какъ послѣдній приходится ему по духу сынъ (2). Первыми исповѣдниками этого втораго скопческаго лжеискупителя и лжецаря были — Ковалевъ и Ивановъ, которые лично были свидѣтелями религіознаго и политическаго самозванства Лисина, изъ которыхъ Ковалевъ тутъ же посвященъ былъ Лисинымъ въ достоинство Іоанна Богослова (3), а Ивановъ въ достоинство Василія Великаго. Къ двумъ названнымъ лицамъ впослѣдствіи присоединились Картомышевъ, изображавшій собою Григорія Богослова и Илію пророка, Куприяновъ и нѣкоторые другіе члены „святаго избранія“. Мало по малу, вѣсть о появленіи „втораго искупителя и царя“ стала распространяться и между рядовыми скопцами, не принадлежавшими къ малочисленному кружку „святаго избранія“.

Прежде всѣхъ, какъ и слѣдовало ожидать, послѣдователями новаго самозванца были туземные скопцы. Изъ послѣднихъ не только галацкіе, но и бессарабскіе скопцы, увѣровавъ во вновь открывшагося искупителя, не замедлили доказать эту свою вѣру въ него цѣлымъ рядомъ дѣйствій: благоговѣя предъ нимъ, нѣкоторые брали грязное его бѣлье и обходились съ нимъ, какъ со святыней; другіе же, въ порывѣ религіознаго фанатизма, рвали на себѣ волосы,

(1) Хр. Чт. 1877 г. Сен.—Окт. 409 стр.

(2) Тамъ же, 413—415 стр.

(3) Впрочемъ, впослѣдствіи Ковалевъ изображалъ собою «лжепредтечу» Шилова и «матушку» Акулину Ивановну; поэтому онъ носилъ и наименованіе: «Александрушки II, матери благодати» (Тамъ же, 415 стр.).

ходили по колючкамъ, утверждая, что они идутъ по стопамъ Спасителя. Религіозному торжеству не было конца; ежедневно совершались молитвы и радѣнія. Но тогда какъ одни изъ названныхъ скопцовъ искренно торжествовали, другіе, скептически отнесшіеся къ новому самозванцу, не замедлили поднять цѣлую бурю протестовъ противъ приверженцевъ Лисина, стараясь по возможности очернить послѣдняго и наложить на него клеймо самозванца и человѣка сумасшедшаго. Раздоръ между приверженцами Лисина и его противниками до того усилился, что потребовалось даже вмѣшательство галацкой полиціи; послѣдняя арестовала нѣкоторыхъ изъ приверженцевъ Лисина, но скоро отпустила. — Къ торжествующимъ туземцамъ-скопцамъ весьма скоро присоединились и русскіе скопцы, которые увѣдомлены были первоначально о появленіи новаго искупителя чрезъ особыхъ „посланниковъ“, разосланныхъ самимъ Лисинымъ. Эти „посланники“, по приказанію Лисина, должны были вездѣ, во время радѣній, читать прокламаціи, извѣщавшія о разныхъ обстоятельствахъ новаго объявленія искупителя и царя. Вслѣдъ за „посланниками“ не замедлилъ явиться въ Россію и самъ Лисинъ. Первая его поѣздка въ Россію была совершена немедленно по объявленіи себя искупителемъ и имѣла своею цѣлію развѣдать о настроеніи русскихъ скопцовъ относительно появленія искупителя. Вторая и третья были совершены нѣсколько позднѣе и сопровождались полнымъ торжествомъ Лисина. Первая мѣстность, гдѣ Лисинъ былъ признанъ „искупителемъ-батюшкой“, былъ городъ Николаевъ. Здѣсь, въ домѣ скопца Давидова, Лисинъ торжественно во время радѣнія назвалъ Ковалева, своего спутника, „Іоанномъ Богословомъ“, а себя „искупителемъ“; Давидову велѣлъ принять „чистоту“ и докончить строющуюся землянку, въ которой предполагалось устроить скопческій „соборъ“. Николаевскіе скопцы, впрочемъ, обнаружили нѣкоторое сомнѣніе относительно достоинства

Лисина и поэтому рѣшились отправить въ Галацъ пророчицу Ѳеклу Ѳокину съ цѣлію навести справки относительно Лисина. Справки дали самые благопріятные для Лисина результаты; въ Галацѣ Ѳокиной объявили, что дѣйствительно, недавно на горѣ „Сіонѣ“ объявился искупитель въ лицѣ Лисина и что онъ уѣхалъ къ „явному царю“. Такимъ образомъ, николаевскіе скопцы должны были успокоиться относительно Лисина.—Нѣсколько труднѣе, но за то важнѣе по послѣдствіямъ было признаніе Лисина за „искупителя“ въ селеніи Матвѣевкѣ, гдѣ въ это время существовали два самостоятельныхъ корабля, враждебно относившихся одинъ къ другому. Въ первомъ изъ нихъ всѣми дѣлами заправляла Ефросинья Яркина; въ этомъ кораблѣ оскопленіе считалось дѣломъ не обязательнымъ. Во второмъ—главное управленіе принадлежало Баздыревой; здѣсь, напротивъ, оскопленіе считалось обязательнымъ. Прибывъ въ Матвѣевку, Лисинъ остановился въ домѣ Работягова, принадлежавшаго къ кораблю Яркиной. Хотя въ этомъ домѣ, равно какъ и въ домѣ Яркиной, уже давно, благодаря „посланникамъ“ Лисина, проповѣдывалось во время радѣній, что „искупитель явился“ и идетъ „перебирать пророковъ и возобновить скопчество“ и хотя, далѣе, указывали даже и признаки, откуда должно ожидать пришествія „искупителя“, и именно—„съ западной стороны“, однако Лисинъ не вдругъ рѣшился объявить себя „искупителемъ“, опасаясь, конечно, потерпѣть неудачу. Онъ рѣшился сначала войти въ роль миротворца между двумя враждовавшими кораблями. Въ своемъ предпріятіи Лисинъ достигъ блестящаго успѣха, хотя и не вдругъ. Упрочивъ свое положеніе, онъ приступилъ теперь къ осуществленію главной цѣли своей поѣздки сюда. Первоначально онъ высказывался о себѣ двусмысленно и неопредѣленно; говорилъ напр., „что настало уже время, что ни съ чѣмъ нельзя скрыться“, называлъ кого-то „пастыремъ“ и прибавилъ къ этому, что „за

границей объявился искупитель при двухъ лицахъ" и проч. Не ограничиваясь словами, Лисинъ рѣшился обнаружить свою власть и на самомъ дѣлѣ. Проживая въ домѣ Латышевыхъ, Лисинъ въ знакъ своего благорасположенія къ одной изъ дочерей Латышева возвелъ послѣднюю во время своего пророчества въ званіе пророчицы. Такое самовольство Лисина возбудило противъ него сильное недовольство со стороны Яркиной, которая даже готова была совершенно разойтись съ нимъ. Впрочемъ, Яркина ограничилась только тѣмъ, что во время богомоленія въ домѣ Рослякова мимоходомъ упрекнула Лисина, что онъ вмѣшивается не въ свое дѣло. Но Лисинъ чувствовалъ себя въ этотъ разъ настолько сильнымъ и независимымъ, что на упрекъ Яркиной отвѣтилъ такимъ же упрекомъ, говоря, что ей самой давно бы слѣдовало позаботиться объ утвержденіи въ званіи пророчицы дочери Латышева, такъ какъ „людямъ не съ кѣмъ молиться". Мало того, Лисинъ прямо высказалъ Яркиной, что роль ея оканчивается, что теперь наступило иное время, когда не учители будутъ распоряжаться божествомъ, а само божество будетъ распоряжаться учителями, что теперь начинается „избраніе", въ которое и она должна войти, если не желаетъ быть отверженной отъ общества скопцовъ. Еще не успѣла Яркина переварить такого неожиданнаго сюрприза отъ Лисина, она сдѣлалась свидѣтельницей новаго загадочнаго и въ тоже время неожиданнаго обстоятельства. Въ домъ Рослякова прибыли гости: Варвара Бездырева, Прасковья Бураковская, Иванъ Петровъ и др. Лишь только они вошли въ домъ Рослякова и увидѣли Лисина, тотчасъ бросились на колѣна предъ послѣднимъ и полные восторга воскликнули: „здравствуй государь-ботюшка! Благодаримъ Бога, что привелось увидѣться". Неожиданность этой сцены и въ особенности наименованіе Лисина „государемъ-батюшкой" должны были произвести сильное впечатлѣніе на присутствующихъ, не

исключая, конечно, и самой Яркиной. Послѣдняя, убѣжденная въ томъ, что Лисинъ—не простой человѣкъ, что онъ „искупитель-батюшка“, который долженъ соединить во едино всѣхъ дѣтушекъ, поспѣшила признать Лисина „вторымъ искупителемъ“. За Яркиною послѣдовали Баздырева, Латышевы, Росляковы и нѣкоторые изъ сосѣдняго селенія Ѳеодоровки. Такимъ образомъ, въ Матвѣевкѣ Лисинъ, послѣ продолжительнаго выжиданія, признанъ былъ наконецъ „искупителемъ“. Вслѣдъ за скопцами этого села стали признавать Лисина въ достоинствѣ „искупителя“ скопцы и другихъ мѣстностей; такъ было напр. въ селахъ: Ѳеодоровкѣ, Тимашовкѣ, Михайловкѣ, Большомъ Токмакѣ и въ городахъ: Мелитополѣ и Бердянскѣ (1). Успѣхъ, очевидно, былъ полный.

Вообразивъ, что время торжества скопчества наступило, что теперь слѣдуетъ произвести страшный судъ, Лисинъ рѣшился отправиться къ „явному царю“. Взявъ съ собою Ивана Ковалева, Григорія Картомышева и двухъ женщинъ, Лисинъ изъ Бердянска направилъ свой путь по направленію къ Москвѣ съ тѣмъ, чтобы отсюда ѣхать въ Петербургъ и представиться лично императору. Вѣря искренно въ возможность осуществленія задуманнаго намѣренія, Лисинъ говорилъ дѣтушкамъ: „провожайте меня съ радостію, а не съ унынiемъ“ (2). Лисинъ былъ уже въ воронежской губерніи, но тутъ случилось то, чего онъ никакъ не ожидалъ: его вмѣстѣ съ товарищами арестовали и отправили въ бирюгинскій острогъ. Началось судебное слѣдствіе о Лисинѣ; къ этому слѣдствію было привлечено сто тридцать шесть человѣкъ. При допросахъ скопцы оказали замѣчательную преданность Лисину и его ученію. Они, не смотря на увѣщанія и разоблаченія сумасбродства ученія, ис-

(1) Хр. Чт. 1877 г. Сен.—Окт. 433—440 стр.

(2) Тамъ же, 415 стр.

повѣдуемаго ими, твердо и непоколебимо стояли за истину своего ученія и даже не стѣснялись высказывать эту свою вѣру публично предъ судьями. Таковъ былъ напр. Картомышевъ. Онъ, выслушавъ резолюцію суда, сталъ на колѣна предъ Лисинымъ, перекрестился обѣими руками, поклонился предъ нимъ до земли и произнесъ: „прости мя, Господи! Согрѣшилъ я, окаянный! Помяни мя, егда пріидеши во царствіи Твоемъ“ (1)! Судебное слѣдствіе продолжалось до 1876-го года. Судъ приговорилъ Лисина къ каторжнымъ работамъ на шесть лѣтъ; прочіе хотя были назначены къ такой же работѣ, но судъ рѣшилъ ходатайствовать о замѣнѣ этого наказанія ссылкою въ Сибирь на поселеніе (2).

Говоря о послѣднемъ движеніи въ современномъ скопчествѣ, представителемъ котораго (движенія) былъ Лисинъ, г. Забѣлинъ, между прочимъ, выражается: „скопчество въ послѣднее время стряхнуло съ себя свою отвратительную внѣшность (разумѣется физическое оскопленіе) и поэтому, естественно, можетъ сдѣлаться весьма заманчивымъ для простыхъ людей съ настроеніемъ къ подвижнической жизни и къ сверхъестественнымъ видѣніямъ и вдохновеніямъ“ (3). Туже мысль объ уничтоженіи или, по крайней мѣрѣ, объ ограниченіи обязательности физическаго оскопленія, введеннаго будто-бы новоскопчествомъ, выражаетъ еп. Гурій въ своей брошюрѣ: „о скопческомъ ученіи по послѣднимъ о немъ извѣстіямъ“ (5 стр.) и неизвѣстный авторъ замѣтки, помѣщенной въ журналѣ „Истина“ (4). Намъ кажется, что такое мнѣніе несправедливо по отношенію къ новоскопчеству и въ

(1) Совр. Извѣст. 1877 г. № 61.

(2) Нов. Время. 1877 г. № 276.

(3) Др. и Нов. Рос. 1878 г. 1. № 2. 137 стр.

(4) Истина. 1877 г. 51 кн. 10 стр. «Нов. религ. движенія въ средѣ русс. сектантовъ».

только 33 человѣка подверглись наказанію, остальные же, по неимѣнію признаковъ оскопленія, отпущены на свободу (1). Въ тульской губерніи, въ дер. Воронцахъ, бѣлевскаго уѣзда, привлечены были къ суду и подверглись законному наказанію пять скопцовъ (2). Наконецъ, въ петербургскомъ военно-окружномъ судѣ разбиралось дѣло о самооскопленіи рядоваго иркутскаго пѣхотнаго полка Юганова (3). — Въ 1870 г., по словамъ „Судебнаго Вѣстника", стало замѣчаться особенно быстрое распространеніе скопчества между лютеранами, проживавшими въ разныхъ уѣздахъ петербургской губерніи (4). — Въ 1871 году были заарестованы и преданы суду сто скопцовъ въ мещовскомъ уѣздѣ, калужской губерніи. Въ этомъ же году судебное слѣдствіе обнаружило существованіе скопцовъ въ значительномъ количествѣ въ козельскомъ уѣздѣ той же губерніи. При этомъ, дознано было, что козельскіе скопцы находились въ сношеніи со скопцами слѣдующихъ 17-ти губерній: пермской, вологодской, тульской, орловской, смоленской, тверской, рязанской, московской, нижегородской, воронежской, с.-петербургской, херсонской, екатеринославской, курской, тобольской, томской и якутской (5). Фактъ этотъ въ высшей степени замѣчательный; онъ неотразимо свидѣтельствуетъ о необыкновенной живучести скопчества и значительной его распространенности въ данное время.—Въ 1873 г. судились 17-ть скопцовъ въ московскомъ окружномъ судѣ; изъ нихъ особенно замѣчательны: Меньшутинъ, Сигитовъ, Соболевъ и др.—(6). Въ 1874 г. подверглись судебному

(1) Голосъ. 1874 г. № 310.

(2) Тул. Еп. Вѣд. 1872 г. № 5. 165 стр.

(3) Моск. Еп. Вѣд. 1869 г. № 6. 12 стр.

(4) Перм. Еп. Вѣд. 1870 г. № 13. 162 стр. изъ «Судебн. Вѣстника».

(5) Калуж. Еп. Вѣд. 1871 г. № 13. 301 стр.

(6) Раскольники и острожники —Ливанова. IV т. 429 стр.

преслѣдованію скопцы уфимской губерніи, гдѣ въ одномъ златоустовскомъ уѣздѣ ихъ привлечено было къ суду до 90 человѣкъ, да въ стерлитомакскомъ уѣздѣ ихъ существовало немалое количество (1). Далѣе въ этомъ же году производилось въ казанскомъ окружномъ судѣ замѣчательное слѣдствіе надъ 14 скопцами, изъ которыхъ особенное вниманіе на себя обратили; отставной штабсъ-капитанъ Невѣровъ, казанскій скопецъ Семенъ Алексѣевъ, скопцы саратовскіе Бекетовы, пензенскіе Плошкины, Дмитріевы и Сидорина (2). Наконецъ, въ томъ же 1874 г. разбиралось дѣло о трехъ скопцахъ въ кронштадтскомъ окружномъ судѣ (3).—Въ 1876 г. возникло новое судебное слѣдствіе надъ скопцами деревни Ахлебиновки, пензенской губерніи и уѣзда, о которыхъ производилось слѣдствіе еще въ 1867 г., когда 11-ть скопцовъ сосланы были въ Сибирь; теперь же къ слѣдствію привлечено было три скопца и одна скопчиха, которые и подверглись законному наказанію (4).

Скопцы не перестаютъ обращать на себя вниманіе общества и правительства даже въ самое ближайшее къ намъ время. По извѣстію газеты „Недѣля“, въ 1879 г. самарскій окружной судъ разсматривалъ обвиненіе 13-ти скопцовъ, возрастомъ отъ 50-ти до 16-ти лѣтъ (5). По сообщенію газеты „Голосъ“, въ Іюнѣ того же 1879 г. въ лавровской волости, орловской губерніи и уѣзда, были задержаны 23 скопца. Всѣ они, какъ оказалось по слѣдствію, имѣли намѣреніе переселиться въ Яссы, къ чему они сдѣлали уже нѣкоторыя приготовленія (6). Такимъ образомъ,

---

(1) Моск Вѣд. 1874 г. № 248.

(2) Прав. Собесѣд. 1875 г. 2 т. 151 стр.

(3) Хр. Чт. 1874 г. 2 т. 930—931 стр.

(4) Пенз. Еп. Вѣд. 1877 г. № 4. 20—21 стр.

(5) Недѣля. 1879 г. №№ 44—45.

(6) Голосъ. 1879 г. № 162.

не уничтожаясь въ предѣлахъ русскаго государства, скопчество продолжаетъ заносить свою заразу и за границу. Наконецъ, по словамъ „Саратовскаго Дневника“, въ Саратовѣ домъ Бекетова служитъ и въ настоящее время мѣстомъ богослужебныхъ собраній скопцовъ. Во главѣ послѣднихъ стоятъ четыре сестры Бекетовыхъ: Авдотья, Пелагея, Прасковья и Дарья. Эти „дѣвственныя сестрички“ успѣшно распространяютъ скопчество какъ въ Саратовѣ, такъ и въ его окрестностяхъ. Въ концѣ 1880 г. онѣ успѣли оскопить оберъ-офицерскую дочь Анну Дмитріеву Бахтіарову, прибѣгнувъ къ насилію. По описанію корреспондента, оскопленіе Бахтіаровой произошло такимъ образомъ. Бахтіарова, будучи знакома съ Бекетовыми, часто ходила къ нимъ въ домъ. Бекетовы уже давно убѣждали ее оскопиться, предлагая даже денегъ, но Бахтіарова не соглашалась. Наконецъ, въ одно изъ такихъ посѣщеній Бекетовы предложили, между прочимъ, Бахтіаровой понюхать изъ пузырька. Лишь только Бахтіарова понюхала—она была уже безъ памяти. Въ это-то время ее и оскопили, вырѣзавъ, какъ говорила сама Бахтіарова, „желѣзку“ изъ-подъ груди. Вещество, находившееся въ пузырькѣ, оказалось „морфіемъ“ (1).

---

(1) Биржевыя Вѣдом. 1881 г. № 116. «Саратов. скопцы» изъ «Саратов. Дневника».

ВТОРОЙ ОТДѢЛЪ.

А.

УЧЕНІЕ СЕКТЫ ХЛЫСТОВЪ.

Въ развитіи религіозныхъ представленій объ отношеніяхъ человѣка къ Богу могутъ быть двѣ крайности. Или человѣкъ собственное сознаніе о себѣ возводитъ на высоту величія, вовсе неестественную для него; или же, на оборотъ, онъ низводитъ свое человѣческое достоинство до уровня прочихъ неразумныхъ живыхъ существъ. Въ первомъ случаѣ, уничтожается существенное различіе между небеснымъ и земнымъ, человѣческимъ и божественнымъ, и человѣкъ доходитъ до гордаго самобоготворенія; во второмъ,—полагается абсолютная противоположность между небомъ и землею, Богомъ и человѣкомъ, въ силу которой не допускается даже малѣйшаго общенія земнородныхъ съ небожителями и человѣкъ по этому самому приравниваетъ свою духовнотѣлесную природу къ природѣ всѣхъ вообще животныхъ. Хлысты въ своемъ религіозномъ міросозерцаніи повторяютъ одно изъ такихъ не чуждыхъ природѣ человѣка заблужденій и, именно, первое. Выходя изъ предположенія, что паденія перваго человѣка въ собственномъ смыслѣ не было, что, слѣдовательно, и теперь каждый человѣкъ своими собственными силами можетъ достигнуть наивысшаго нравственнаго совершенства (можетъ сдѣлаться даже Богомъ) и, усматривая примѣръ послѣдняго въ исторіи жизни и дѣятельности Господа І. Христа, хлысты, развивая далѣе свое положеніе и не останавли-

ваясь на полпути, весьма естественно пришли къ мысли о возможности и даже необходимости новыхъ откровеній, новыхъ явленій І. Христа въ образѣ человѣческомъ. Но, возрыпая нравственную природу человѣка, хлысты вмѣстѣ съ этимъ, въ силу внутренней необходимости, унижали и ограничивали природу божественную. Божество и человѣкъ на самомъ послѣднемъ, крайнемъ пунктѣ, являются столь близкими, столь соприкасающимися между собою, что они мало или даже вовсе неразличаются. Богъ и человѣкъ составляютъ какъ бы одно существо, въ которомъ активною силою является божественный духъ, а силою пассивною самъ человѣкъ. На Божество вслѣдствіе такого отожествленія его съ человѣкомъ переносятся и тѣ недостатки и несовершенства, которыя присущи послѣднему. Слѣдствія изъ этого ученія очевидны. Такъ какъ каждый человѣкъ находится подъ непосредственнымъ водительствомъ Св. Духа, такъ какъ онъ можетъ быть сосудомъ не только божественной благодати, но вмѣстилищемъ Сына и Св. Духа и даже всей святой Троицы, то въ наученіи истинамъ вѣры и благочестія оказываются излишними и безполезными источники христіанскаго вѣроученія — св. писаніе и св. Преданіе, а въ преподаваніи даровъ благодати оказывается излишнею церковь съ ея учрежденіями. Каждый Христосъ, по понятію хлыстовъ, открываетъ своимъ людямъ свое Евангеліе и, поэтому, Евангеліе истиннаго Господа Іисуса Христа не есть единственное. Только въ рѣдкихъ случаяхъ хлысты основываются на св. писаніи, и то именно потому, чтобы показать православнымъ видимое согласіе съ ними и чтобы легче привлечь ихъ на свою сторону. Поэтому полагать, какъ дѣлаютъ это гг. Е. Барсовъ (1) и Н. Барсовъ (2), что будто хлысты не отрицаютъ св. пи-

(1) Правосл. Обозр. 1873 г. Январь. 134—135 стр.

(2) Христ. Чтен. 1869 г. Сентябрь. 442 стр.

санія, какъ источника вѣроученія, кажется, не совсѣмъ справедливо. Въ самомъ дѣлѣ, если хлысты въ доказательство, напр., истины многократнаго воплощенія І. Христа ссылаются на два или три мѣста изъ всего св. писанія, толкуя при томъ и ихъ не такъ, какъ показываетъ текстъ (1), а всѣ другія мѣста въ несравненно большемъ количествѣ отрицаютъ, то отсюда далеко для заключенія о томъ, что будто бы они принимаютъ св. писаніе, хотя и толкуютъ его по своему.—Нѣтъ, хлыстъ твердо убѣжденъ, что все писаніе ложно, что въ немъ нѣтъ истины, что оно не спасительно; истина заключается только въ ученіи ихъ пророковъ, только они одни могутъ вѣдать тайны царствія Божія, а потому это ученіе и спасительно (2); отсюда, первое, какъ ложь, должно быть отвергнуто, а послѣднее, какъ истина, должно быть принято. Далѣе, отрицая церковь, ея таинства, іерархію и обряды какъ нѣчто безполезное и ненужное для истинныхъ духовныхъ христіанъ, хлысты изобрѣли свою идею церкви, измысливъ своеобразные обряды и таинства. Такимъ образомъ, отдѣленіе хлыстовъ отъ православной церкви въ догматическомъ отношеніи—полное и законченное: Божественная личность Іисуса Христа въ ихъ представленіи приняла своеобразный характеръ, священное писаніе и св. преданіе, на которыхъ вселенская церковь утверждаетъ догматы вѣры, ими совершенно отвергнуты и, наконецъ, церковь, какъ руководительницу на пути спасенія, они

---

(1) Рядъ аллегорическихъ толкованій представленъ въ Хр. Чтен. 1869 г. Сент. 443—445 стр.

(2) «Всякое слово учителя, говоритъ свящ. Сергѣевъ о хлыстахъ, по мнѣнію ихъ, есть слово самого Бога». («Изъясн. раск. имен. хлыстовщина» Чтен. въ общ. ист. и др. 1874 г. 3 кн. 65 стр.). По словамъ хлыстовской богини Авдотьи «кто знаетъ грамоту и кто всю эту книгу Библію прочтетъ — тотъ съ ума сойдетъ. Ангелы небесные ничего не читаютъ Господь нашъ Саваоѳъ ничего не читаетъ. Всѣ святые, праведные, пророки и апостолы ничего не читали и не писали». (Заря. 1869 г. № 10, 14—15 стр.).

считаютъ не необходимою. О нравственномъ
, которое и у хлыстовъ вытекаетъ и основы-
я на догматическомъ, не можетъ быть и рѣчи,
ы оно по духу и направленію было въ согласіи
ученіемъ православнымъ. Изъ всего этого вытека-
то положеніе, что ученіе секты людей божіихъ
и хлыстовъ не только еретическое, но даже не-
ристіанское.

Такъ какъ религіозное ученіе хлыстовъ касается
догматическихъ и нравственныхъ пунктовъ, то от-
сюда само собою опредѣляется и планъ разсмотрѣнія
ихъ ученія. Прежде чѣмъ, однако, перейти къ под-
робному разсмотрѣнію того и другаго ученія, счита-
емъ нелишнимъ представить здѣсь краткую исторію
возникновенія ученія хлыстовъ.

Было время, разсказываютъ хлысты, когда Да-
н[illegible] Филипповичъ, крестьянинъ юрьевецкаго уѣзда,
костромской губ. прибылъ въ Стародубъ клязем[illegible]
(городъ владимірской губ. ковровскаго уѣзда). Однаж-
ды онъ взошелъ на гору Городину и здѣсь среди
ангеловъ, архангеловъ, серафимовъ и прочихъ небес-
ныхъ [illegible] сошелъ съ неба самъ Господь Саваоѳъ.
Силы небесныя вознеслись назадъ на небо, а Господь
Саваоѳъ остался на землѣ въ образѣ человѣческомъ,
воплотившись въ Данилѣ Филипповичѣ. Съ этого вре-
мени Данило Филиппович[illegible] сталъ „живымъ богомъ“
и назывался „верховнымъ гостемъ“, „превышнимъ бо-
гомъ“, „богатымъ гостемъ“, его послѣдователи стали
именоваться „людьми божіими“. „Живой богъ“, живя
и дѣйствуя среди людей, преподалъ имъ двѣнадцать
заповѣдей, изъ которыхъ первою онъ узаконялъ бо-
жеское поклоненіе себѣ, а послѣднею требовалъ вѣры
въ Св. Духа. Такъ какъ „живой богъ“ Данило Фи
липповичъ не могъ одинъ распространить своего сп
сительнаго ученія между людьми, разсѣянными
всѣмъ направленіямъ русской земли, и такъ ка
съ другой стороны, онъ долженъ былъ скоро о
вить землю, вознесшись на небо, то еще при с

жизни онъ избралъ сначала въ помощника себѣ, а потомъ и въ преемника одного крестьянина владимірской губ. муромскаго уѣзда, стародубской волости, Ивана Тимоѳеевича Суслова, которому и передалъ достоинство христа" (1).

Явленіе Господа Саваоѳа во плоти люди божіи объясняютъ упадкомъ вѣры и благочестія на землѣ. По словамъ пѣсни, „умные люди", соединившись между собою, отправили въ „святое мѣсто" своихъ представителей. Эти послѣдніе, пришедши въ указанное мѣсто, стали поднимать руки къ небу и стали звать Бога съ неба на землю:

„Господи, Господи, явися намъ, Господи", вопіяли они,
„Въ крестѣ или въ образѣ
„Было бы чему молиться намъ и вѣрити".

Ихъ молитва не осталась безъ удовлетворенія:

„Послушайте, вѣрные мои!" былъ голосъ изъ-за облака,
„Сойду я къ вамъ Богъ съ неба на землю;
И [illegible]я плоть пречистую и облекусь въ нее;
Буду я по плоти человѣкъ, а по духу Богъ" (2).

Такъ совершилось первое явленіе во плоти Господа Саваоѳа; съ этого именно событія, какъ извѣстно, хлысты и начинаютъ свою исторію.

Фактъ явленія лже-саваоѳа Даниды Филипповича въ исторіи религіознаго ученія людей божіихъ служитъ какъ бы прологомъ: Данило Филипповичъ какъ будто для того и явился, чтобы положить начало новымъ откровеніямъ христовъ; далѣе, во все послѣдующее время, Господь Саваоѳъ уже не однажды не сходилъ на землю и не воплощался. Съ Ивана Тимоѳеевича начинается эпоха перевоплощеній христа. Конечно, въ первое время зарожденія мысли о возможности и необходимости многократныхъ воплощеній христа, люди божіи, очевидно, ни чѣмъ дру-

(1) Рус. Вѣст. 1868 г. № 5. 31—34 стр.
(2) Добротворскій, пѣсня № 1. 106 стр.

гимъ не мотивировали пришествіе лже-савасоа и перваго лжехриста, какъ только упадкомъ вѣры и благочестія. Время Данилы Филипповича и Ивана Тимофеевича было временемъ волненій, произведенныхъ исправленіями богослужебныхъ книгъ при патріархѣ Никонѣ. Впослѣдствіи, когда мысль о возможности перевоплощеній І. Христа окрѣпла въ сознаніи сектантовъ, ученіе ихъ объ этомъ предметѣ явилось въ формѣ цѣльной и законченной теоріи, основывающейся на извѣстныхъ, опредѣленныхъ религіозно-нравственныхъ началахъ. Въ этой теоріи, съ одной стороны, былъ установленъ опредѣленный взглядъ на дѣйствительнаго І. Христа, а съ другой — установленъ взглядъ на вновь открывающихся христовъ. Къ основному догмату о перевоплощеніяхъ І. Христа присоединилось много другихъ догматическихъ и нравственныхъ истинъ. Циклъ этихъ послѣднихъ истинъ, т. е. догматическихъ и нравственныхъ, довольно обширенъ; хлыстовская догматика не оставила незатронутымъ ни одного существеннаго догматическаго вопроса; она рѣшаетъ вопросы объ І. Христѣ, о церкви, о загробной жизни и т. д. Нравственная система хлыстовъ вращается главнымъ образомъ около вопроса объ отношеніяхъ человѣка къ Богу и о способахъ богоугожденія. Съ названныхъ сторонъ ученія секты хлыстовъ, т. е. догматическаго и нравственнаго, мы и разсмотримъ послѣднюю. Къ этимъ двумъ сторонамъ мы присоединимъ еще изложеніе бытовой стороны общества хлыстовъ, такъ какъ очевидно, что устройство быта какой бы то ни было секты основывается частію на догматическихъ воззрѣніяхъ, но болѣе всего на нравственномъ ученіи.

1) Догматическое ученіе.

Священникъ Сергѣевъ, принадлежавшій къ сектѣ людей божіихъ и потомъ обратившійся къ церкви православной, говоритъ слѣдующее о воззрѣніи хлы-

стовъ на Богочеловѣка: „они (хлысты) не признаютъ того, что І. Христосъ, совокупивъ въ особѣ своей оба естества божеское и человѣческое, въ самомъ дѣлѣ принялъ на себя содѣйствіемъ Св. Духа отъ Пресвятой Дѣвы Маріи плоть нашу и благоизволилъ родиться отъ нея истинно, яко совершенный младенецъ, во всемъ, кромѣ грѣха, съ другими человѣками соестественный. Они учатъ, что Сынъ Божій духомъ своимъ вселился въ чужую душу и плоть прежде зачатаго и рожденнаго по общимъ законамъ природы человѣка, ради безпорочности его жизни, чистоты сердца и святости дѣлъ" (1). Изъ этого свидѣтельства легко можно видѣть, что ученіе людей божіихъ объ І. Христѣ есть повтореніе древнихъ, существовавшихъ еще во времена апостоловъ, еретическихъ заблужденій и въ этомъ отношеніи хлыстовщина, очевидно, есть явленіе общеисторическое. Хлысты, точно также какъ и древніе докеты и евіониты, признаютъ истину воплощенія І. Христа, хотя и понимаютъ это воплощеніе своеобразно. По ученію хлыстовъ, обожествленный человѣкъ Іисусъ, дѣйствительно жилъ и проповѣдывалъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Евангеліе; Онъ и страдалъ, былъ распятъ на крестѣ и воскресъ. Всѣ эти послѣднія великія событія жизни Господа хлысты весьма подробно излагаютъ въ своихъ „роспѣвцахъ", но передаютъ ихъ въ такомъ обезображенномъ и возмущающемъ чувство истиннаго христіанина видѣ, что самые враги Христовой церкви едвали могли бы придумать что либо болѣе для осмѣянія христіанскаго ученія. Такъ, напр., въ одной пѣсни говорится, что когда І. Христосъ умеръ, то на помощь къ Нему являются и архангелъ Михаилъ, и пророкъ Илія; тутъ же фигурируютъ Косьма и Даміанъ, которые расковываютъ кандалы, а „Флоръ, сударь, Лаверъ и коней своихъ подвелъ"... Тутъ же являются съ услугами и

(1) Хр. Чтен. 1869 г. Сент. 437 стр.

Георгій Побѣдоносецъ, и свят. Никола и наконецъ „сама матушка Царица“. И весь этотъ сонмъ святыхъ присутствуетъ при крестѣ умершаго Іисуса именно для того, чтобы снова призвать Его къ жизни (1). За воскресеніемъ І. Христа послѣдовало Его славное вознесеніе на небеса; эту истину допускали даже хлыстики, хотя и понимали это вознесеніе своеобразно. Именно, они утверждали, что когда І. Христосъ подвергся страданіямъ, обитавшій въ человѣкѣ Іисусѣ до сего времени Сынъ Божій или Христосъ оставилъ его и удалился на небо. Удаленіе Христа изъ человѣка Іисуса было послѣднимъ актомъ божественнаго воплощенія; съ этого времени Христа уже нѣтъ на землѣ между людьми. Если до этого пункта хлысты, повидимому, сходились въ воззрѣніяхъ на лицо І. Христа съ древними еретиками, то дальнѣйшее ученіе ихъ носитъ совершенно своеобразный характеръ. Люди божіи никакъ не могли помириться съ тою мы-

(1) Рус. Вѣстн. 1869 г. № 3. 367—368 стр. Есть, правда, нѣкоторыя пѣсни, въ которыхъ событія земной жизни І. Христа передаются довольно вѣрно и согласно съ повѣствованіемъ о нихъ евангелій. Такъ извѣстно, что обстоятельства рожденія І. Христа, явленіе звѣзды волхвамъ, поклоненіе послѣднихъ Богочеловѣку и явленіе ангеловъ пастухамъ описаны вѣрно. «Дух. стихи людей божіихъ» Барсова [illegible], 27—29 стр. № 32, 51—52 стр.). Съ другой стороны, нѣкоторые эпизоды изъ страданій І. Христа также въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ переданы правильно (Барсовъ,—№ 17, 25—27 стр.; № 24, 38—41 стр. и др.). Но, очевидно, подобныя исключенія не могутъ имѣть значенія при составленіи общаго понятія о взглядѣ хлыстовъ на Богочеловѣка, выраженнаго нами выше. Многіе изъ указанныхъ нами сейчасъ пѣсенъ принадлежатъ такимъ лицамъ, которые въ собственномъ смыслѣ не были хлыстами, каковъ, напр., помѣщикъ Дубовицкій, авторъ очень многихъ хлыстовскихъ пѣсенъ. Во всякомъ случаѣ, то справедливо, что количество пѣсенъ, показывающихъ евангельскую исторію, значительно превосходитъ количество неисказующихъ. Для подтвержденія высказанной нами мысли укажемъ нѣсколько примѣровъ: Барсовъ, № 23, 36—38; № 41, 65; № 39; № 52; № 86; Чт. въ общ. ист. 1873 г. 1 к. 23 стр. II. № 10 и мн. др.; Изслѣдованіе Добротворскаго № 53, 171—174 стр. Нужно замѣтить при этомъ, что пѣсенъ неисказующихъ, кромѣ приведенныхъ нами выше, болѣе, кажется, нѣтъ.

слію, что будтобы І. Христосъ, приходившій однажды на землю для спасенія людей, съ тѣхъ поръ уже никогда не являлся снова во плоти. Такого предположенія уже нельзя допустить потому одному, говорятъ хлысты, что родъ человѣческій съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе уклоняется отъ истины, все болѣе и болѣе развращается; необходимо постоянное и непрерывное поддерживаніе истиннаго ученія и благочестія. Но кто же можетъ это сдѣлать? Это сдѣлать можетъ только Богъ и, именно, чрезъ свою божественную силу, чрезъ Сына. Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ пантеистическаго воззрѣнія на божество, по которому послѣднее постоянно открывается въ человѣкѣ, то какъ Сынъ, то какъ Духъ, съ одной стороны, и подъ вліяніемъ чисто практическихъ соображеній о необходимости „подновлять“ вѣру и благочестіе — съ другой, хлысты признали возможность перевоплощеній І. Христа. Христосъ, говорятъ они, вовсе не возносился на небо (1), какъ думаютъ православные; онъ пребываетъ на землѣ видимымъ образомъ и до сего времени. Исторія его воплощенія, исторія его жизни и дѣятельности, страданія и смерти повторялись въ мірѣ неоднократно. Въ то время, какъ эта исторія оканчивается въ одномъ человѣкѣ, она въ томъ же самомъ порядкѣ и въ такихъ же точно обнаруженіяхъ начинается и продолжается въ другомъ.

„Онъ, т. е. Христосъ Спаситель, пречистой Своей плоти
подвигъ земной кончилъ,

(1) Есть пѣсня, въ которой говорится, что Христосъ вознесся на небеса:

«А теперь», т. е. послѣ страданій и смерти, «нашъ Государь,
Онъ вознесся на небеса,
Творитъ тайны чудеса—
Своимъ вѣрнымъ и избраннымъ (Дух. стихи секты людей божіихъ Барсова, № 52, 83—84).

Но здѣсь, очевидно, рѣчь идетъ о какомъ-либо изъ нихъ лжехристовъ, на что указываютъ слова «ты къ намъ съ неба сокатилъ», «въ тѣснотѣ пребывалъ», т. е. въ темницѣ и проч.

А въ другихъ плотяхъ избранныхъ онъ еще кончаетъ,
А въ иныхъ плотяхъ избранныхъ онъ еще начинаетъ" (1)...

поютъ обыкновенно хлысты. Такихъ христовъ открывшихся, или, по выраженію хлыстовъ, „изобрѣтенныхъ", до сего времени было множество. Изъ нихъ болѣе другихъ замѣчательны: Аверьянъ, явившійся при Димитріѣ Донскомъ, Иванъ Емельяновъ — при Грозномъ, Сусловъ, Лупкинъ, Петровъ и Аввакумъ Копытовъ.

Мы уже замѣтили, что такое обиліе христовъ есть логическое слѣдствіе общаго религіознаго міросозерцанія хлыстовъ и результатъ практическихъ соображеній,—ибо, по словамъ пѣсни:

„Богъ тогда Христа рождаетъ,
Когда все умираетъ" (2).

Но само собою понятно, что однихъ этихъ основаній еще недостаточно для твердаго обоснованія возможности и даже необходимости новыхъ перевоплощеній І. Христа. Необходимо, очевидно, выяснить болѣе основательно возможность такихъ перевоплощеній І. Христа; выяснить эту возможность, съ одной стороны, на основаніи естественности и законности такого явленія, иначе, найти оправданіе этого факта во внутренней жизни самаго человѣка. Съ другой стороны, такъ какъ фактъ многократныхъ воплощеній І. Христа по самому своему происхожденію и существу есть фактъ сверхъестественный, опредѣляемый волею самаго Бога, то необходимо подыскать основанія для него и въ самомъ откровеніи сверхестественномъ. Какъ первый, такъ и второй вопросъ хлысты рѣшаютъ. Припомнимъ слова Сергѣева о хлыстахъ. Онъ говоритъ, что хлысты учатъ, что Сынъ Божій вселился въ душу другого человѣка „ради безпорочности его жизни, чистоты сердца и святости дѣлъ". Тогда какъ

(1) Дух. стихи секты людей Божіихъ. Барсова, № 27. 44 стр.
(2) Тамъ же, 44 стр.

Керинѣъ и другіе древніе еретики учд совершенно такъ о воплощеніи Сына Божія, не посмѣли, однако, вывести изъ этого ученія никакихъ практическихъ послѣдствій, наши сектанты постарались извлечъ изъ этой теоріи нѣчто и для себя. Если сынъ Божій или божественная сила вселилась въ человѣка Іисуса „ради безпорочности его жизни, чистоты сердца и святости воли", то нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, чтобы тотъ же Сынъ или таже божественная сила вселилась и въ другого человѣка, если только послѣдній удовлетворяетъ нравственнымъ требованіямъ. Это послѣднее условіе, т. е. нравственная способность къ воспріятію въ себя христа, съ точки зрѣнія хлыстовъ, вполнѣ возможна; она вытекаетъ изъ самаго существа человѣка, по которому онъ, при извѣстныхъ съ его стороны условіяхъ, можетъ достигнуть полнаго безстрастія и святости и, такимъ образомъ, можетъ содѣлаться чистымъ сосудомъ къ принятію въ себя не только Христа, но и всей св. Троицы. При этомъ, не можетъ служить препятствіемъ низкое происхожденіе человѣка, равно какъ и умственная его слабость. Богъ открывается въ нищихъ:

„Въ нищенскихъ домахъ—
Во чистыхъ душахъ
Ангелы поютъ
Христа даруютъ" (1),

Онъ же открывается и въ людяхъ, чуждыхъ всякаго образованія:

„Какъ и въ этихъ дуракахъ
Самъ Господь Богъ пребываетъ" (2).

Словомъ, для принятія въ себя Христа требуются не плотское происхожденіе человѣка—его званіе, общественное положеніе, умственная зрѣлость и проч., а добрая нравственная жизнь:

---

(1) Добротворскій, № 49, 170 стр.

(2) Тамъ же, № 50, 140 стр.

„За врага Творца проси,
Крѣпость вышняго неси,
За зло злымъ ты не плати:
Бойся—самъ ты во плоти.
Тяготу ближнихъ неси,
Всякій часъ Творца проси;
Мы увидимъ все на дѣлѣ,
Чья душа вѣрна здѣсь въ тѣлѣ.
Неси всякій три креста—
Дожидай въ сердцѣ Христа“ (1).

Три креста, три добродѣтели: молитва за врага, кротость и дѣланіе добра за зло составляютъ нравственныя условія, необходимыя для принятія въ свое сердце Христа. Очевидно, что такія условія со стороны человѣка для полученія въ себя Христа не представляютъ, съ точки зрѣнія хлыстовъ, большаго труда для выполненія. Впрочемъ, нужно замѣтить, даже эти нравственныя требованія, по ученію хлыстовъ, не необходимы, какъ условія для воплощенія Христа въ томъ или другомъ человѣкѣ.

„Безконечный и грѣшными не гнушается
Въ сердцахъ воплощается“ (2).

Значитъ, какъ ни была бы грѣшна жизнь человѣка, Христосъ можетъ и въ немъ воплотиться. Въ этомъ случаѣ очевидно, что всѣ чудесныя и странныя перевоплощенія Христа объясняются единственно его вмѣшательствомъ въ жизнь людей. „Христосъ заранѣе даетъ своимъ вѣрнымъ, въ комъ открыться хочетъ“ (3), говорится въ одной пѣснѣ. Этотъ человѣкъ, заранѣе предопредѣленный Христомъ для своего жилища или, по выраженію хлыстовъ, „избранный“, непремѣнно долженъ сдѣлаться христоносителемъ, какъ бы онъ ни жилъ и что онъ ни дѣлалъ бы. Отсюда мы видимъ, что ученіе людей божіихъ о свободномъ, ни отъ кого

(1) Дух. стихи секта. люд. бож. Барсова, № 23, 38 стр.
(2) Тамъ же, № 88, стр. 134.
(3) Тамъ же, № 27, стр. 44.

другого независимомъ стремленіи каждаго человѣка получить въ свое сердце Христа, разрѣшается въ концѣ въ грубый фатализмъ: Христосъ, или самъ Богъ, какъ первопричина всего, является какъ Deus ex machina, какъ неизбѣжный рокъ.... Не имѣя опредѣленныхъ, такъ сказать, внѣшнихъ, видимыхъ знаковъ для опредѣленія, въ кого въ данное время вселился христосъ, хлысты ищутъ его, строятъ причудливыя догадки и предположенія о томъ, въ комъ живетъ Богъ или христосъ и гдѣ онъ находится. Эти исканія Христа въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ описываются съ замѣчательною поэтическою силою, не чуждою нѣкоторой дѣтской наивности Такъ, по словамъ одной пѣсни, дѣва, полная недоумѣній и тоски, идетъ въ чистое поле, думая, что тамъ она, быть можетъ, найдетъ „своего христа, сына божія“. Долго искала она его, но все напрасно... Наконецъ, ее встрѣчаетъ Іоаннъ Предтеча и спрашиваетъ:

„Что ты, дѣва, богородица, ходишь по полю?
Что ты, матушка, ищешь по чистому?....

Дѣва охотно открываетъ ему тайну своихъ тщетныхъ исканій:

Хожу я, гуляю по чистому полю,
Ищу, не найду Іисуса Христа“....

Въ отвѣтъ на такое благочестивое желаніе дѣвы найти и увидѣть „своего Христа“, „Христовъ пророкъ“ указываетъ ей на церковь, устроенную изъ трехъ родовъ дерева — анисоваго, кипарисоваго и барбарисоваго, въ которой Христосъ возсѣдаетъ на золотомъ престолѣ среди трехъ райскихъ птицъ и призываетъ своихъ вѣрныхъ дѣтушекъ къ радѣнію (1). По другой пѣснѣ, таже дѣва ходитъ по крутымъ горамъ и ищетъ также Христа. Она встрѣчаетъ жидовскихъ дѣтей и спрашиваетъ: „не вы ли, жидовья, Христа распяли“? „Не мы, дѣва, не мы, святая, распяли Христа?“ от-

(1) Добротворскій, № 35, 158—159 стр.

„За врага Творца проси,
Крѣпость вышняго неси,
За зло злымъ ты не плати:
Бойся—самъ ты во плоти.
Тяготу ближнихъ неси,
Всякій часъ Творца проси;
Мы увидимъ все на дѣлѣ,
Чья душа вѣрна здѣсь въ тѣлѣ.
Неси всякій три креста—
Дожидай въ сердцѣ Христа“ (1).

Три креста, три добродѣтели: молитва за врага, кротость и дѣланіе добра за зло составляютъ нравственныя условія, необходимыя для принятія въ свое сердце Христа. Очевидно, что такія условія со стороны человѣка для полученія въ себя Христа не представляютъ, съ точки зрѣнія хлыстовъ, большаго труда для выполненія. Впрочемъ, нужно замѣтить, даже эти нравственныя требованія, по ученію хлыстовъ, не необходимы, какъ условія для воплощенія Христа въ томъ или другомъ человѣкѣ.

„Безконечный и грѣшными не гнушается
Въ сердцахъ воплощается“ (2).

Значитъ, какъ ни была бы грѣшна жизнь человѣка, Христосъ можетъ и въ немъ воплотиться. Въ этомъ случаѣ очевидно, что всѣ чудесныя и странныя перевоплощенія Христа объясняются единственно его вмѣшательствомъ въ жизнь людей. „Христосъ заранѣе даетъ своимъ вѣрнымъ, въ комъ открыться хочетъ“ (3), говорится въ одной пѣснѣ. Этотъ человѣкъ, заранѣе предопредѣленный Христомъ для своего жилища или, по выраженію хлыстовъ, „избранный“, непремѣнно долженъ сдѣлаться христоносителемъ, какъ бы онъ ни жилъ и что онъ ни дѣлалъ бы. Отсюда мы видимъ, что ученіе людей божіихъ о свободномъ, ни отъ кого

(1) Дух. стихи секта. люд. бож. Барсова, № 23, 38 стр.
(2) Тамъ же, № 88, стр. 134.
(3) Тамъ же, № 27, стр. 44.

другого независимомъ стремленіи каждаго человѣка получить въ свое сердце Христа, разрѣшается въ концѣ въ грубый фатализмъ: Христосъ, или самъ Богъ, какъ первопричина всего, является какъ Deus ex machina, какъ неизбѣжный рокъ.... Не имѣя опредѣленныхъ, такъ сказать, внѣшнихъ, видимыхъ знаковъ для опредѣленія, въ кого въ данное время вселился христосъ, хлысты ищутъ его, строятъ причудливыя догадки и предположенія о томъ, въ комъ живетъ Богъ или христосъ и гдѣ онъ находится. Эти исканія Христа въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ описываются съ замѣчательною поэтическою силою, не чуждою нѣкоторой дѣтской наивности Такъ, по словамъ одной пѣсни, дѣва, полная недоумѣній и тоски, идетъ въ чистое поле, думая, что тамъ она, быть можетъ, найдетъ „своего христа, сына божія“. Долго искала она его, но все напрасно... Наконецъ, ее встрѣчаетъ Іоаннъ Предтеча и спрашиваетъ:

„Что ты, дѣва, богородица, ходишь по полю?
Что ты, матушка, ищешь по чистому?....

Дѣва охотно открываетъ ему тайну своихъ тщетныхъ исканій:

Хожу я, гуляю по чистому полю,
Ищу, не найду Іисуса Христа“....

Въ отвѣтъ на такое благочестивое желаніе дѣвы найти и увидѣть „своего Христа“, „Христовъ пророкъ“ указываетъ ей на церковь, устроенную изъ трехъ родовъ дерева — анисоваго, кипарисоваго и барбарисоваго, въ которой Христосъ возсѣдаетъ на золотомъ престолѣ среди трехъ райскихъ птицъ и призываетъ своихъ вѣрныхъ дѣтушекъ къ радѣнію (1). По другой пѣснѣ, таже дѣва ходитъ по крутымъ горамъ и ищетъ также Христа. Она встрѣчаетъ жидовскихъ дѣтей и спрашиваетъ: „не вы ли, жидовья, Христа распяли“? „Не мы, дѣва, не мы, святая, распяли Христа?“ от-

(1) Добротворскій, № 35, 158—159 стр.

вѣкѣ. Христосъ невидимый, идеальный, какъ божественная сила, всегда живетъ среди ихъ, людей божіихъ. Нужна только пламенная молитва и Онъ снова сдѣлается видимымъ, снова воплотится. Вотъ почему хлысты каждое свое радѣніе начинаютъ просительной молитвой, обращенной къ Богу Отцу:

„Дай намъ, Господи,
Къ намъ І. Христа,
Дай намъ сына своего,
Господь Богъ помилуй насъ!“ (1)...

Вотъ почему, далѣе, хлыстовскіе пророки съ такимъ энтузіазмомъ призываютъ радѣющихъ къ прославленію открывшагося христа по общей ихъ молитвѣ и находятъ всегда въ послѣднихъ соотвѣтствующую фанатическую вѣру и преданность. „Свово батюшку роднаго во плоти вы славьте“, взываетъ пророкъ въ своемъ изступленіи,

Слово Божье воплотилось, среди насъ открылось,
Въ полнотѣ оно открылось, въ существѣ явилось,
Съ нами вмѣстѣ обитаетъ и насъ наставляетъ“ (2)....

И люди Божіи вѣрятъ этому призыву своего пророка, вѣрятъ при томъ пламенно и искренно:

Міръ про насъ толкуетъ,
Съ нами Богъ ликуетъ (3),

говорятъ они, выражая недоумѣніе, какъ эта простая истина непонятна народу и мудрымъ міра сего. Впрочемъ и неудивительно, продолжаютъ хлысты:

„Мудрымъ, гордымъ непонятны
Твои тайныя дѣла, т. е. дѣла Бога.
Какъ можно гордымъ понять?
Не туды они глядятъ;
Ты открылъ тайну младенцамъ,
Здѣсь (4) избраннымъ сиротамъ“ (5).

---

(1) Дух. стихи люд. бож. Барсова, № 1. 1 стр.
(2) Тамъ же, № 86, стр. 131.
(3) Тамъ же, № 88, стр. 133.
(4) Т. е. въ хлыстовскомъ соборѣ.
(5) Тамъ же, № 55, стр. 88. Подобное же № 12, стр. 19.

Воплотившись въ одномъ человѣкѣ, Христосъ уже постоянно пребываетъ въ немъ; въ немъ онъ живетъ и дѣйствуетъ, сопровождая его на крестную смерть, которая есть неизбѣжный удѣлъ каждаго христа. Христосъ еще при своей жизни можетъ передать свое достоинство другому достойному по своимъ нравственнымъ качествамъ. Допускалась, такимъ образомъ, какъ бы нѣкоторая генерація христовъ, впрочемъ, вначалѣ чисто духовная. Такъ напр. передалъ достоинство христа Даніило Филипповичъ Ивану Тимоѳеевичу. Впослѣдствіи, при дальнѣйшемъ развитіи своей теоріи, хлысты начали утверждать, что эта передача можетъ совершаться чисто естественнымъ путемъ: отъ крови и плоти могутъ рождаться „христосики". Такимъ образомъ, изъ генерації духовной возникла генерація плотская; идея духовнаго воплощенія, нравственнаго единенія человѣка съ божествомъ мало по малу совершенно оматеріализировалась, получила уже внѣшнюю осязательную форму. Здѣсь она уже, очевидно, превратилась въ единеніе ипостасное. Отсюда само собою понятно и то обыкновенное явленіе въ средѣ хлыстовъ, что одинъ христосъ можетъ превосходить своею силою другого христа, они могутъ между собою соперничать.... По свидѣтельству свящ. Сергѣева, если случится быть двумъ учителямъ въ одномъ и томъ же собраніи, то каждый изъ нихъ старается похвастать своею божескою силою; одинъ говоритъ: „я богъ великъ"; „а я больше тебя", отвѣчаетъ другой (1).

Нелѣпость теоріи хлыстовъ о возможности и необходимости многократныхъ воплощеній І. Христа очевидна съ перваго взгляда. Въ самомъ дѣлѣ, что за побудительныя причины перевоплощеній Сына Божія? Правда, хлысты указываютъ на практическую потребность новаго явленія христа. Но почему же такія

(1) Чтен. въ общ. ист... 1874 г. 3 кн. 71 стр.

явленія не происходили въ продолженіи 5,500 лѣтъ, т. е. до времени воплощенія истиннаго Сына Божія, Господа І. Христа? Вѣдь и въ это время существовало истинное ученіе, наряду съ которымъ были и заблужденія? Почему же тогда не являлись христы для спасенія своей церкви? или, быть можетъ, въ то время еще не существовали истинныя чада церкви? Христіанская церковь, воплощеніе Сына Божія въ это именно время объясняетъ, съ одной стороны, предвѣчнымъ предопредѣленіемъ Божіимъ о спасеніи человѣка, а съ другой—необходимостію нравственнаго подготовленія рода человѣческаго къ принятію Искупителя. Хлысты, конечно, не могутъ становиться на подобную почву, такъ какъ они, отвергая догматъ паденія и искупленія, чрезъ то самое отвергаютъ и божественное предопредѣленіе и необходимость нравственнаго подготовленія людей; слѣдовательно, фактъ явленія Искупителя въ это именно, а не въ другое время для хлыстовъ непонятенъ. Эта очевидная несообразность объясненій хлыстами необходимости перевоплощеній Сына Божія еще болѣе увеличивается, когда мы обратимъ вниманіе на тотъ странный фактъ, что въ теченіи какихъ нибудь ста лѣтъ у хлыстовъ было три христа во главѣ съ господомъ Саваоѳомъ. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, вѣра и благочестіе такъ глубоко упали, что требовалось непрерывное появленіе новыхъ христовъ? Остается, такимъ образомъ, одно объясненіе, что Богъ наполняетъ собою все и во Христѣ является Онъ какъ Сынъ, а Христосъ въ истинныхъ своихъ чадахъ открывается какъ Духъ Святый. Но если такъ, то этимъ перевоплощеніямъ не можетъ быть и числа; они существуютъ и должны существовать, пока существуетъ Богъ, который не иначе мыслитъ, по хлыстовскому воззрѣнію, какъ только по своимъ проявленіямъ въ природѣ и человѣкѣ. Далѣе, хлысты указываютъ на слова І. Христа: „кто заповѣди Мои соблюдаетъ, тотъ во Мнѣ пребываетъ и я въ немъ и Отецъ Мой возлюбитъ его и къ нему

пріидетъ и обитель у него сотворитъ", какъ на основаніе своей теоріи о многократныхъ воплощеніяхъ І. Христа. Но кто уполномочилъ хлыстовъ понимать такъ указанное мѣсто Евангелія? Прямой смыслъ словъ Спасителя слѣдующій: тотъ, кто исполняетъ Мою волю, кто слѣдуетъ въ нравственномъ отношеніи Моей жизни и дѣятельности, кто исполняетъ законъ, преподанный Мною, иначе, кто пребудетъ во Мнѣ, тотъ чрезъ то самое дѣлается единымъ со Мною, единымъ по согласію стремленій и воли, тотъ во Мнѣ и Я въ немъ. Вообще же нужно замѣтить, что толкованіе хлыстами св. писанія въ высшей степени произвольно и извращенно; они, какъ говоритъ свящ. Сергѣевъ, „духовное прелагаютъ на чувственное и чувственное на духовное; представляютъ невидимое видимымъ, неосязаемое осязаемымъ, и видимое и осязаемое—невидимымъ и неосязаемымъ" (1). Впрочемъ, нелѣпость своей теоріи хлысты доказываютъ сами тѣми логическими послѣдствіями, къ которымъ они пришли. Божество, представляемое ими вначалѣ существомъ высшимъ этого міра, одареннымъ силою и могуществомъ, къ которому должно всегда обращаться съ молитвою и благоговѣть предъ нимъ, въ концѣ не отличается отъ человѣка; оно становится достояніемъ послѣдняго и обращается въ полное его распоряженіе. Такіе выводы краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о разложеніи самой теоріи, ея полной несостоятельности. Вотъ почему, быть можетъ, въ настоящее время хлысты уже не говорятъ болѣе о новыхъ явленіяхъ на свѣтъ христовъ; ихъ замѣнили теперь пророками. Итакъ, совершенно напрасно хлысты называютъ себя христіанами, даже еще „истинными, духовными". Христіанскаго въ ихъ ученіи ничего нѣтъ, кромѣ пустаго звука „христосъ". Тотъ Христосъ, который являлся въ міръ для спасенія рода человѣческаго, Христосъ историческій, совершенно не та-

(1) Хр. Чт. 1869. Сент. 442 стр.

Новъ по изображенію слова Божія. Этотъ Христосъ, Спаситель міра, въ котораго вѣруетъ истинно христіанская церковь, есть *единъ*, (1 Тим. II, 5); *единъ* Онъ нашъ верховный *учитель* (Матѳ. XXIII, 8), *единъ основатель* всего христіанскаго *благочестія* (1 Коринѳ. III, 11), и *едино о Немъ благовѣствованіе*, богодухновенными апостолами проповѣданное, кромѣ котораго, *аще что и ангелъ съ небеси благовѣститъ намъ*, принимать не должно (Галат. I, 8); наконецъ, Онъ *вчера и днесь той же и во вѣки* (Евр. XIII, 8). Искупленіе, совершенное Имъ однажды, простирается *на всѣ времена* (Евр. IX, 26); и *на всѣхъ людей* (1 Тим. II, 5); и страданія и смерть Спасителя совершенно достаточны для удовлетворенія правосудію Божію (Рим. V, 15. 17). Христы же, въ которыхъ вѣруютъ люди божіи, суть плодъ созданія болѣзненной фантазіи ихъ самихъ, а не дѣйствительные и истинные, о которыхъ будтобы предсказано было еще въ ветхомъ завѣтѣ и о которыхъ будто бы говорилъ Сынъ Божій устами „стараго христа“.

Пантеистическій взглядъ хлыстовъ на божество самъ собою приводитъ ихъ къ отрицанію и втораго основнаго догмата христіанства, — догмата о троичности лицъ въ Богѣ. Богъ, по ученію людей божіихъ, есть существо единое; онъ троиченъ, но не по лицамъ, а по силамъ, образамъ своего проявленія въ жизни природы и человѣка. Сынъ, всегда присутствуя, невидимо въ средѣ людей божіихъ, часто является видимо, въ образѣ человѣка. Другая сила,—Духъ утѣшитель, „свой глаголъ ниспосылаетъ чрезъ раба своего пророка“ (1). Онъ, какъ поется въ пѣсни: „во всемъ помогаетъ, по всякій день, по всякій часъ, по всяко время“ (2). Преимущественное пребываніе этой божественной силы находится „въ седьмомъ небѣ“;

(1) Прав. Обозр. 1873 г. Январь. 148 стр.

(2) Тамъ же, 149 стр.

но оттуда ее всегда можно „созвать“. „сманить“, была бы лишь нужда въ этомъ и просьба со стороны „божіихъ людей“ (1). Явившись на землю, она, такъ же какъ и сынъ, воплощается въ избраннаго человѣка и обнаруживаетъ свое присутствіе видимо въ тѣхъ звукахъ и словахъ, которыя изрекаетъ пророкъ въ разное время и при различныхъ обстоятельствахъ.

„Саваоѳъ Богъ самъ ликуетъ съ небеси,
А святой—отъ Духъ глаголетъ въ тѣлеси“ (2).

Словомъ, Духъ Святый является такою же благотворною божественною силою во время радѣній хлыстовъ, какою является Сынъ въ наученіи людей божіихъ истинамъ вѣры и благочестія. Но ни Сынъ ни Духъ не имѣютъ личнаго, отдѣльнаго отъ Бога Отца бытія (3). Замѣчательно, что въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ

---

(1) Дух. стихи люд. бож. Барсова, № 65, 100 стр. № 89, 135 стр.

(2) Тамъ же, № 65, 100 стр.

(3) Въ одной изъ хлыстовскихъ пѣсенъ даже, повидимому, проповѣдуется требожіе. Въ ней поется: «Агница-то мати Варвара прекрасна въ троицѣ три бога познала, три окна создала» (Добротвор, № 70, 190). Но подобное мѣсто, очевидно, произошло или отъ совершеннаго непониманія догмата христіанскаго о троичности лицъ въ Богѣ, или отъ неточности въ выраженіяхъ. Фактъ, впрочемъ, въ основаніи приведеннаго двухстишія лежитъ историческій. Дѣйствительно, какъ говорится въ житіи великомученицы Варвары, она, обратившись къ христіанству и, желая исповѣдать вѣру Христову открыто, сопровождая это исповѣданіе различными символическими знаками и дѣйствіями, между прочимъ, въ ознаменованіе своей вѣры въ св. Троицу повелѣла прорубить третье окно въ только что отстроенной новой банѣ. Когда отецъ, не зная, что за причина побуждала его дочь имѣть въ банѣ третье окно, тогда какъ вообще было принято строить бани при двухъ окнахъ, спросилъ ее объ этой причинѣ, то она отвѣчала: «внемли, отче мой, и разумѣй, яже глаголю: три упостаси единаго въ Троицѣ Бога, живущаго въ свѣтѣ неприступномъ, просвѣщаютъ и оживляютъ всякое созданіе, Отецъ, Сынъ и Св. Духъ; того ради повелѣхъ тріемъ окнамъ въ банѣ быти, да едино сіе (показуя перстомъ, глаголаше) воображаетъ Отца, другое Сына, третье Духа Св., яко да и стѣны имя пресвятыя Троицы прославляютъ» (Житія святыхъ. Москва. 1852 г. 39 стр. на обор.). Такимъ образомъ, предполагая, что составитель означенной пѣсни сло-

хлыстовъ Сынъ Божій представляется, повидимому, существомъ личнымъ, обладающимъ свободою; Онъ, какъ говорится въ пѣсни, „гдѣ хочетъ, въ комъ изволитъ—себя открываетъ“ (1); Онъ именуется Сыномъ Божіимъ „ипостаснымъ“ (2), „Судіею живыхъ и мертвыхъ (3), „вѣчнымъ архіереемъ“ (4), который далъ власть прочимъ іереямъ пресуществлять хлѣбъ и вино въ тѣло и кровь Христову (5) и проч. Было бы, однако, ошибочно на основаніи такихъ наименованій предполагать, что хлысты, дѣйствительно представляютъ І. Христа Сыномъ Божіимъ въ собственномъ смыслѣ, вторымъ лицемъ св. Троицы. Нѣкоторые изъ аттрибутовъ, приписываемыхъ хлыстами І. Христу, находятся въ прямомъ противорѣчіи съ общимъ ихъ воззрѣніемъ на это лице. Такъ, напр., хлысты говорятъ о свободномъ произволеніи І. Христа; но какъ можетъ мириться такое понятіе съ другимъ ихъ понятіемъ о многократномъ воплощеніи І. Христа, которое совершается въ силу внутренней необходимости, въ силу невѣдомыхъ законовъ? Очевидно, что тутъ видимое противорѣчіе, объясняемое неяснымъ пониманіемъ самими хлыстами своего ученія. Далѣе, хлысты представляютъ І. Христа судіею живыхъ и мертвыхъ. Но такимъ судіею будетъ не Господь І. Христосъ, истинный и единый Искупитель міра, какъ вѣруетъ вселенская церковь, а христосъ каждаго корабля. Относительно наименованія І. Христа вѣчнымъ

вами о мученицѣ Варварѣ имѣлъ въ виду напомнить этотъ историческій фактъ, мы получаемъ тотъ вѣрный въ общемъ выводъ, что хлысты, дѣйствительно, вѣрятъ въ Троицу, но какъ они понимаютъ этотъ догматъ, изъ приведеннаго мѣста не видно и это мѣсто не можетъ служить доказательствомъ, что хлысты требожники.

(1) Дух. стихи люд. Бож. Барсова, № 27. 44 стр.

(2) Тамъ же,

(3) Тамъ же, № 15, 22 стр.

(4) Тамъ же, № 91, 139 стр.

(5) Тамъ же, № 27, 44 стр.

архіереемъ и установленія Имъ таинства евхаристіи нечего и говорить, что ни то, ни другое не можетъ служить доказательствомъ личности І. Христа съ хлыстовской точки зрѣнія, когда извѣстно, что ни того ни другаго догматическое ученіе хлыстовъ не допускаетъ.

Изъ ученія хлыстовъ о перевоплощеніяхъ Сына Божія и постоянномъ присутствіи среди ихъ Св. Духа легко можно видѣть, какое понятіе они имѣютъ о церкви. Въ самомъ дѣлѣ, православная церковь, вѣруя въ единое пришествіе І. Христа во плоти для спасенія людей, утверждаетъ, что, со времени славнаго вознесенія на небо Господа, Онъ, по обѣтованію, постоянно пребываетъ съ вѣрующими своею благодатію. Органомъ этого невидимаго присутствія Господь избралъ церковь, которой Онъ далъ всѣ необходимыя средства для руководства вѣрующихъ ко спасенію. Церковь есть дѣйствительная хранительница ученія Господа и вѣрная руководительница своихъ чадъ. Въ ней есть таинства, іерархія и богослужебныя обряды, — что взятое вмѣстѣ помогаетъ христіанину въ достиженіи имъ царствія Божія. Церковь, такимъ образомъ, въ ученіи православныхъ христіанъ является существенно необходимымъ звѣномъ, связывающимъ небо съ землею; она есть посредникъ между Богомъ и человѣкомъ. Хлысты, согласно своему принципу, думаютъ о церкви совершенно иначе.—Въ то время, говорятъ хлысты, когда было царство христовъ, не было необходимости имѣть особыхъ органовъ Св. Духа для наставленія въ истинахъ вѣры и благочестія. Такими органами были сами христы. Они и словомъ и дѣломъ наставляли на путь истины своихъ вѣрныхъ чадъ. При каждомъ христѣ находились двѣнадцать апостоловъ, которые своею проповѣдію помогали „уловлять вселенную“. Теперь же, когда наступило царство пророковъ, мѣсто христовъ заняли эти пророки, которые и служатъ посредниками между Богомъ и его людьми. Въ одной хлыстовской пѣсни, принадле-

жащей перу извѣстнаго помѣщика Дубовицкаго, довольно подробно раскрывается идея великаго значенія пророковъ въ дѣлѣ открытія Богомъ тайнъ своимъ чадамъ. Отъ лица самого Бога, который въ пѣсни называется „родителемъ сокровеннымъ для живущихъ въ мірѣ чадъ и откровеннымъ для своихъ", авторъ говоритъ:

„Между мной и человѣкомъ
Какъ посредникъ мой пророкъ....
Кто исчислитъ, какъ полезенъ
На пути душамъ пророкъ?...
Среди вѣрныхъ воздвигаю
Я пророка своего;
Имъ я церковь созидаю,
Снисходя къ ней чрезъ него....
Дѣтямъ вѣры возвѣститель,
Что я всѣхъ ихъ берегу....
Чрезъ пророка я сближаюсь
Съ дѣтьми вѣры здѣсь въ меня (1)...

Такимъ образомъ, пророкъ, по своему близкому общенію съ божествомъ, можетъ легко и одинъ замѣнить церковь и ея учрежденія.

Какъ находящаяся подъ непосредственнымъ покровительствомъ самого христа или вмѣсто него его пророка—церковь наша, говорятъ хлысты, есть церковь истинная, внутренняя, духовная въ противоположность церкви православной, какъ внѣшней и плотской. Этотъ пунктъ ученія хлыстовъ, гдѣ они стремятся выдѣлить свою церковь изъ церкви православной и провести между тою и другою параллель, есть самый любимый хлыстами. Въ разное время и по разнымъ обстоятельствамъ они высказали нѣсколько основаній для раздѣленія церкви на внутреннюю и внѣшнюю, заимствованныхъ притомъ изъ св. писанія. Конечно, основанія эти слишкомъ наивны и могутъ только свидѣтельствовать о крайнемъ непониманіи

(1) Дух. стихи люд. бож. Барсова, № 40, 62—63 стр.

хлыстами самыхъ простыхъ истинъ, сообщаемыхъ въ св. писаніи. Такъ, говорятъ хлысты, мы дѣлимъ церковь на двѣ степени—низшую и высшую и основываемъ это дѣленіе на слѣдующихъ изреченіяхъ св. писанія. Въ XI гл. 4 ст. Апокалипсиса сказано: „сіи суть двѣ маслицы, и два свѣщника предъ Богомъ земли стояща".

Гіонъ, извѣстная толковница Апокалипсиса, объясняетъ это мѣсто въ томъ смыслѣ, что „Божественная истина содержитъ въ себѣ двѣ вещи, изъ коихъ первая вещь долженствуетъ быть явлена и проповѣдана всему міру, а вторая долженствуетъ быть сокровенна; о ней не должно ни при комъ, не знающемъ ея, ни говорить и никому не писать". То есть, говорятъ хлысты, первая вещь, которую должно проповѣдывать вездѣ и всѣмъ, есть церковь православная; она, дѣйствительно, и проповѣдуется всюду и всѣмъ народамъ; вторая же, которую должно хранить, какъ тайну, есть ихъ „божество" или ихъ общество, которое не всякому предлагаетъ свое „тайное ученіе" (1). Далѣе, въ XIII гл. 1 ст. Дѣяній апост. говорится, что въ Антіохіи, въ тамошней церкви были нѣкоторые пророки и учители: Варнава, Симеонъ, Луцій и Манаилъ, которые управляли этою церковію; двухъ изъ нихъ, именно: Варнаву и Савла Духъ Св. повелѣлъ отдѣлить на особое дѣло служенія, какъ это видно изъ слѣдующаго, втораго стиха той же главы. Значитъ, заключаютъ хлысты, и во времена апостольскія церквами управляли не священники и епископы, а пророки; въ нашемъ обществѣ, продолжаютъ хлысты, точно также управляютъ церковію не епископы и священники, а пророки и учители; слѣдовательно, церковь наша есть апостольская, духовная, первенствующая, въ противоположность церкви православной, какъ не апостольской и плотской (2). Наконецъ,

(1) Тульск. Епарх. Вѣд. 1869 г. № 9, 340—341 стр.

(2) Тамъ же, № 12, 439 стр.

самъ І. Христосъ словами: „есть у Меня и другія овцы, которыя не сего двора, и тѣхъ надлежитъ Мнѣ привесть: и они услышатъ голосъ Мой и будетъ одно стадо и одинъ пастырь“ (Іоан. X, 16) ясно указалъ, говорятъ хлысты, на существованіе двухъ особыхъ, существенно отличныхъ друга отъ друга церквей: церкви истинной, благодатной или перваго двора и церкви неблагодатной, неистинной или втораго двора; подъ первымъ дворомъ разумѣется церковь хлыстовъ, подъ вторымъ—церковь православная (1).

Будучи церковію неистинною, не апостольскою и внѣшнею, церковь православная, продолжаютъ хлысты, можетъ имѣть, впрочемъ, нѣкоторое прообразовательное значеніе ихъ церкви, истинной и духовной. Такъ, таинства православной церкви прообразуютъ радѣнія хлыстовъ, подобно тому, какъ ветхій завѣтъ былъ прообразомъ новаго завѣта. Далѣе, въ нѣкоторыхъ церковныхъ пѣсняхъ, употребляемыхъ православною церковію, прямо указывается на прообразовательное значеніе церкви православной. Въ праздникъ Пасхи православная церковь поетъ: „Богоотецъ убо Давидъ предъ сѣннымъ ковчегомъ скакаше играя, людіе же божіи святіи образовъ сбытіе зряще, веселимся божественнѣ“; или еще: „пріидите пиво піемъ новое, не отъ камене неплодна чудодѣемое, но нетлѣнія источникъ изъ гроба одождивша Христа“. Но извѣстно, говорятъ хлысты, что въ православной церкви ни „святаго скаканія“ царя и пророка Давида, ни „пива духовнаго“ или что тоже „источника нетлѣнія“, какъ необходимаго слѣдствія перваго, т. е. скаканія, нѣтъ и не можетъ быть; то и другое существуетъ только въ церкви хлыстовъ, которую она „тайно образуетъ“, по выраженію херувимской пѣсни (2).

---

(1) Тульск. Епарх. Вѣд. 1869 г. № 12, 440 стр

(2) Тамъ же, 440—441 стр.

Если церковь православная не имѣетъ характера церкви истинной, если она, далѣе, служитъ только нѣкоторымъ прообразомъ; то ученіе, предлагаемое ею, не спасительно и въ ней нѣтъ и не можетъ быть полноты духовныхъ дарованій, необходимыхъ для спасенія человѣка. Истинное ученіе, а равно, и полнота духовныхъ дарованій находятся только въ ихъ церкви, т. е. въ церкви хлыстовъ. Въ одномъ изъ своихъ роспѣвцовъ, хлысты, желая представить различіе между ученіемъ православной церкви и своей въ формѣ образной, изображаютъ то и другое ученіе подъ образомъ двухъ рѣкъ—Шата и Втая. Шатъ-рѣка—„шатоватая", „вороватая и несправедливая". Кто пойдетъ на Шатъ-рѣку, тотъ непремѣнно „зашатается", тотъ „удалится отъ корабля", т. е. отъ общества хлыстовъ, а потому удалится и отъ Бога: „въ томъ", т. е. въ невозможности соединиться съ Богомъ „и жизнь его скончается". Поэтому пророки хлыстовскіе часто предостерегаютъ людей божіихъ, чтобы они и близко не подходили къ этой опасной рѣкѣ, такъ какъ въ ней легко можно утонуть и, слѣдовательно, на вѣки погибнуть. Не такова Втай рѣка—тихая и величественная. Она течетъ какъ бы „по бѣлому сахору", „по алому бархату"; „донышко у нея серебряное, круты бережки позолоченыя и усыпанные желтымъ пескомъ". Долина этой рѣки отъ востока до запада, ширина ея во весь бѣлый свѣтъ, а глубина ея никому неисповѣдимая, которую знаетъ только Сынъ Божій да Пресвятая свѣтъ Богородица (1). Желая, далѣе, показать превосходство ученія своего общества предъ ученіемъ православной церкви въ дѣлѣ спасенія человѣка, хлысты усвояютъ своему ученію разнаго рода мистическія и аллегорическія наименованія, указывающія, съ одной стороны, на источникъ, откуда заимствовано это спасительное ученіе, а съ другой—на

(1) Добротворскій, № 38, 161—162 стр. № 39, 103; № 40, 164 стр.

характеръ его. Наше ученіе, говорятъ хлысты,—„ученіе божье“, „тайна божія, заповѣдная отъ всего міра“, „небесная тайна“ (1), „божія наука“, которую далъ самъ „государь-батюшка“, „св. явное евангеліе“, „родословъ книга“ (2)... Тотъ, кто не приметъ этого спасительнаго ученія, кто будетъ нерадивъ къ нему, непремѣнно погибнетъ:

„И цари-то всѣ земные
Пойдутъ они подъ землю;
И накроетъ ихъ земля
Что горючія каменья
За ихъ къ вѣрѣ нерадѣнье“ (3)...

Какъ церковь апостольская, истинно духовная, наша церковь, продолжаютъ хлысты, заключаетъ въ себѣ полноту духовныхъ совершенствъ. Въ ней, какъ и въ церкви первенствующей (1 Кор. 14 гл.) существуютъ чрезвычайныя дарованія; и теперь овому дается Духомъ пророчество, иному даръ языковъ, иному сказаніе языковъ. Всякій, находящійся въ ихъ церкви безъ всякаго внѣшняго посредства можетъ получить въ себя Духа Св., лишь бы только онъ исполнилъ извѣстныя нравственныя предписанія и присутствовалъ на радѣніяхъ:

„Такъ (4) и нынѣ въ сердцахъ вѣрныхъ
Творитъ тоже Святый Духъ:
Наполняется дыханьемъ
Грудь и сердце въ насъ тогда,
Когда съ вѣрою, любовью
Радѣетъ наша душа....
Безъ сомнѣнія молитесь
Такимъ образомъ всегда;

---

(1) Добротворскій, № 3, 106 стр. № 20, 138 стр. № 58, 177 стр.

(2) Дух. стихи сек. люд. бож. Барсова, № 42, 68 стр. 71, 108, № 49, 78 стр. 67, 102 и пр.

(3) Добротворскій, № 20, 139 стр.

(4) Т. е. какъ и во времена апостольскія и именно, когда апостолы, находясь въ Сіонской горницѣ, получили дары Св. Духа.

Святый Духъ васъ самъ научитъ;
Откройте ему сердца“ (1)....

Само собою понятно, что при такомъ болѣе легкомъ и удобномъ способѣ получать дары благодати, таинства православной церкви и ея іерархія, въ воззрѣніяхъ хлыстовъ, оказываются недѣйствительными. „Хотя церковь, т. е. православная, можетъ спасти, обыкновенно увѣщеваетъ пророкъ людей божіихъ, вновь обращающихся въ ихъ секту, но попъ такъ скоро къ царствію Божію не приведетъ, какъ онъ (пророкъ) и притомъ не приведетъ такъ высоко, какъ онъ“ (2). Это потому, говорятъ хлысты, что въ настоящее время„ вся духовность священнаго сана переродилась въ чувственные знаки. Монашескій ангельскій бѣловидный чинъ преобразился въ черный. Вся благодать церковная окаменѣла и обратилась въ дорогія каменья, золото и серебро, которое могло бы многихъ бѣдныхъ пропитать“ (3). Поэтому, говоритъ позднѣйшій лжехристосъ тамбовскихъ хлыстовъ Аввакумъ Копыловъ, „мы почитаемъ священниковъ, какъ богословъ, но примѣру жизни ихъ слѣдовать не можемъ, потому что они имѣютъ женъ и рождаютъ дѣтей. Священники пьютъ вино, а въ винѣ блудъ; священники ѣдятъ мясо, а оно рождаетъ похоти. Поэтому, священникъ и не можетъ отпустить грѣховъ и въ благословеніи своемъ передать Духа Святаго, ибо самъ его лишенъ“ (4). Таинства православной церкви не необходимы и не дѣйствительны. Не нужны они потому, что истинные, духовные христіане, каковы хлысты, не имѣютъ надобности въ чувственныхъ знакахъ,

---

(1) Духов. стихи люд. бож. Барсова, № 2. 3 стр.

(2) Добротворскій, 33 стр.

(3) Хр. Чт. 1869 г. Сентябрь 447 стр.

(4) Рус. Вѣстн. 1869 г. № 3. 355 стр. Объ этомъ убѣжденіи хлыстовъ, что «православная церковь не имѣетъ достаточныхъ средствъ къ совершенному спасенію душъ», свидѣтельствуетъ и обратившійся къ православію сектантъ (Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 8. 265—266 стр.).

какіе составляютъ принадлежность церковныхъ таинствъ: только сущій по плоти плотская мудрствуетъ, а иже по духу—духовная, а идѣже духъ, тамъ свобода. Здѣсь невольно каждому бросается въ глаза очевидное противорѣчіе въ ученіи хлыстовъ. Отвергая таинства на томъ основаніи, что они, какъ состоящіе изъ однихъ будто бы обрядовъ излишни для нихъ,—какъ духовныхъ христіанъ, хлысты сами не только не чуждаются внѣшней обрядности, но даже считаютъ ее существенно необходимою; таковы напр. радѣнія ихъ; тоже самое нужно сказать и о самыхъ таинствахъ, безъ которыхъ они не обходятся, совершая ихъ по своему; крещеніе напр. совершаютъ посредствомъ возложенія образа на голову и поливанія водой (у Аввакума Копылова).—Далѣе, таинства православной церкви не дѣйствительны, потому что совершеніе ихъ не сопровождается никакою видимою перемѣною. Не то происходитъ отъ радѣній; здѣсь каждый можетъ непосредственно получить въ себя Духа Святаго.

Кромѣ пророковъ и пророчицъ, на обязанности которыхъ лежитъ обращеніе не-хлыстовъ въ ихъ секту и совершеніе нѣкоторыхъ религіозныхъ обрядовъ, въ хлыстовскихъ корабляхъ нѣтъ другихъ лицъ, какъ органовъ Духа. Притомъ, и эти лица не имѣютъ собственно значенія посредниковъ между Богомъ и Его людьми, потому что, по принципу хлыстовъ, каждый вѣрующій имѣетъ непосредственное общеніе съ Богомъ. Весьма естественно поэтому, что хлысты, установивъ принципъ общаго равенства между людьми относительно полученія даровъ благодати безъ всякаго посредства въ этомъ, и, допустивъ, далѣе, полную возможность достигнуть еще и здѣсь, на землѣ, совершенной святости и даже присутствія самого Бога или Его Сына и Св. Духа, развивая далѣе свое ученіе, пришли къ уравненію и даже совершенному отожествленію церкви земной и небесной. Въ самомъ дѣлѣ, церковь земная, по понятію хлыстовъ,

есть церковь духовная, внутренняя, апостольская; въ ней постоянно присутствуетъ вся св. Троица невидимо и весьма часто видимо въ нѣкоторыхъ ея членахъ; церковь небесная есть тоже самое. Итакъ, въ своемъ существѣ церковь земная не отличается отъ церкви небесной. Это тожество простирается и на внѣшнія, видимыя свойства той и другой. Здѣсь, на землѣ, говорятъ хлысты, единственно-спасительное и угодное Богу занятіе есть радѣніе, которое составляетъ главное отличіе истинныхъ людей божіихъ отъ прочихъ; и тамъ, на небѣ, это же радѣніе Богу составляетъ также постоянное занятіе святыхъ. Не допуская существеннаго различія церкви земной отъ церкви небесной, не допуская. далѣе, различія и въ самомъ устройствѣ той и другой, хлысты не допускаютъ также различія и между существами, наполняющими небо и землю. Правда, въ хлыстовскихъ пѣсняхъ весьма часто встрѣчаются перечисленія небесной іерархіи: ангеловъ, архангеловъ, херувимовъ и т. д. (1); но эти наименованія чиновъ небесной іерархіи суть не что иное, какъ наименованія людей, перешедшихъ изъ этой жизни, какъ это можно видѣть изъ ученія ихъ объ участи человѣка послѣ его смерти.

По ученію людей божіихъ, участь каждой души по разлученіи ея съ тѣломъ опредѣляется непосредственно послѣ смерти тѣла: каждый человѣкъ соотвѣтственно своей жизни становится или ангеломъ или діаволомъ.

„Кому въ пору надѣвай,
А не въ пору прочь ступай“.... (2)?

---

(1) Дух. стихи люд. бож. Барсова, № 3, 4 стр.; № 33, 53 стр. № 62, 97 стр. и мн. др. Добротворскій, № 37, 160 стр.; № 45, 168 стр. и пр. Упоминается и о злыхъ духахъ, которые называются «воздушными духами» (Барсовъ, № 70, 196 стр.), «злыми духами» (Тамъ же, № 97, 147 стр.), но въ приложеніи къ людямъ.

(2) Духовные стихи люд. бож. Барсова, № 74, 111 стр.

обращается „государь батюшка“ къ своимъ людямъ, предложивъ имъ „вѣчны ризы“, приготовленныя имъ. Иначе говоря, душа человѣческая послѣ своего освобожденія изъ темницы тѣла, или причисляется къ числу блаженныхъ, т. е. она становится или архангеломъ, или ангеломъ, или апостоломъ:

„Какъ у нашего сударя,
Гостя батюшки,
У царя свѣта,
У небеснаго,
Уже положено такъ:
Кому ангеломъ быть,
Кому архангеломъ служить,
Кому быть въ пророкахъ,
Кому въ мученикахъ,
Кому быть во святыхъ,
Кому въ праведныхъ“ (1).

И это опредѣленіе „сударя-батюшки“ надъ многими уже исполнилось. Такъ, по разсказу одного хлыста, обратившагося въ православіе, пророчица Арина, ходившая „въ словѣ“ въ одно изъ собраній возвѣстила чрезъ Духа Св., что Арина Сергѣевна (начальница общины, не такъ давно умершая) опредѣлена въ царствіе небесное, въ дѣвичій полкъ близъ Царицы небесной, Божіей Матери; а Артемій Игнатовъ, Сергѣй Игнатовъ и Сила Варлаамовъ, — тоже принадлежавшіе къ этой общинѣ и также недавно умершіе,—присоединены къ апостоламъ (2).—Или же душа человѣческая снова начинаетъ скитаться по землѣ, переходя въ животныхъ, отвѣчающихъ ея настроеніямъ и наклонностямъ, потомъ переходитъ въ младенца, который также въ глазахъ хлыстовъ есть существо нечистое, такъ какъ онъ есть слѣдствіе грѣха, пока, наконецъ, этотъ младенецъ, заключающій въ себѣ душу

(1) Дух стихи люд. бож. Барсова, № 7, 10 стр.; Чт. въ Общ. ист. 1873 г. 1 кн. № 56, 123 стр.

(2) Тул. Еп. Вѣд. 1869 г. № 9. 338 стр.

хлыста, не сдѣлается снова хлыстомъ. Разсказъ о душепереселеніи подробно представленъ одною хлыстовскою богородицею Силантьевной при допросѣ ея судебнымъ слѣдователемъ. Силантьевна говорила: „прежде, когда еще не родилась этою тлѣнною плотію, не знаю, какое было мое имя и въ чьей плоти пребывала. Объ этомъ мнѣ не открыто свыше, да не соблазнюсь мірскою гордостію о своемъ, може, именитомъ родѣ — происхожденіи“... На вопросъ слѣдователя: сколько ей лѣтъ? она отвѣчала, нѣсколько подумавши: „мнѣ 64 года съ мѣсяцами; но вѣдь это только по плоти; духовныхъ же лѣтъ я не имѣю, имъ нѣсть числа, можа полная тысяча, а може и больше“.... Когда былъ предложенъ вопросъ о томъ, какая участь человѣка послѣ его смерти, Силантьевна отвѣчала: „послѣ смерти человѣка душа его посылается Богомъ, смотря по добродѣтели умершаго, въ другаго человѣка или въ животное; а животное, когда оно околѣетъ, въ человѣка (1).... Есть разные люди на бѣломъ свѣтѣ... есть люди, которые имѣютъ по три, по четыре и болѣе души.... Къ кому благоволитъ Господь своею милостію, того надѣляетъ множествомъ душъ, до полсотни и больше“ (2). Такимъ образомъ, грѣшная душа, прежде чѣмъ перейти въ небо, должна претерпѣвать многія превращенія.

Повидимому, ученіе хлыстовъ о душепереселеніи, имѣющемъ своею конечною цѣлію совершенное очищеніе человѣческой души отъ грѣховъ и предоставленіе ей, такимъ образомъ, полной возможности вступить въ сонмъ блаженныхъ небожителей дѣлаетъ излишнимъ предположеніе о существованіи наряду съ раемъ еще ада и адскихъ мученій, такъ какъ, очевидно, что рано или поздно всѣ люди божіи превра-

---

(1) По вѣрованію дубово-уметскихъ монтанъ, душа каждаго человѣка совершаетъ переселеніе до пятаго колѣна, послѣ чего она уничтожается.—(Сам. Еп. Вѣд. 1870 г. № 18, 423 стр.).

(2) Сам. Еп. Вѣд. 1867 г. № 10. 276—278 стр.

тятся въ чистыя и непорочныя существа, достойныя вкушать райскія радости. Однако, и хлысты, какъ видно изъ нѣкоторыхъ пѣсенъ допускаютъ существованіе ада и адскихъ мученій. Правда, ученіе ихъ объ этихъ предметахъ вовсе неразвито, такъ что нельзя ничего опредѣленнаго сказать, что такое адъ по представленію хлыстовъ и какія предполагаются ими формы мученій людямъ грѣшнымъ. Въ одной хлыстовской пѣсни вотъ что, между прочимъ, сообщаютъ ангелы, архангелы и апостолы, присутствовавшіе при разлученіи души человѣческой съ тѣломъ — этого, по словамъ пѣсни, „дива дивнаго, чуда страшнаго и ужаснаго“:

„Ты прости—прощай,
Тѣло бѣлое!“ обращается къ тѣлу душа,
готовая улетѣть.
„Я въ тебѣ жила,
Тебя тѣшила
А сама себя
Въ муку сверзила.
Какъ итить тѣлу
Въ сыру землю,
Къ лютымъ червямъ
На съѣденіе,
А мнѣ-то душѣ
На мученіе.
Мимо раю шла—
Раю лишилася,
Мимо муки шла—
Муки не обошла“ (1)....

Имѣя смутныя и весьма неясныя представленія о загробной участи людей грѣшныхъ, хлысты съ большею подробностію развили ученіе объ участи, ожидающей людей праведныхъ послѣ ихъ смерти. Какъ уже очевидно изъ предъидущаго, каждый праведникъ непосредственно послѣ своей смерти причисляется

(1) Дух. стихи люд. бож. Барсова, № 62, 97 стр.

или въ чинъ ангельскій, или пророческій, или же апостольскій. Общее мѣсто, куда переселяются изъ этой жизни души людей праведныхъ, есть рай или царство небесное, которое находится въ небѣ. Послѣднее, по представленію хлыстовъ, раздѣляется на семь отдѣльныхъ другъ отъ друга пространствъ, которыя различаются между собою относительнымъ достоинствомъ (1). Высшее небесное пространство, седьмое небо, есть жилище таинственно воскресшихъ людей; низшее пространство или первое небо населяется умершими на землѣ о Христѣ, но еще не воскресшими. Какъ въ первомъ, такъ и въ послѣднемъ небесномъ пространствѣ существуютъ „круги“ (2). Круги низшихъ небесъ называются „восточнымъ сонмомъ“ или „дольними небесами“; круги же высшихъ небесъ—„небесными кругами“. И въ тѣхъ и въ другихъ кругахъ производятся радѣнія, только они совершаются тамъ безъ тѣлодвиженій, потому что дрожь и корча происходятъ отъ совершающейся внутри человѣка борьбы Св. Духа съ темными силами, чего тамъ нѣтъ. Кромѣ радѣній, составляющихъ постоянное занятіе людей праведныхъ, послѣднія испытываютъ и другія райскія блаженства: „утѣха ихъ есть самъ Богъ“, которому они непрерывно воспѣваютъ ангельскія пѣсни: у нихъ никогда не бываетъ „ни скорби, ни печали, ни плача, ни рыданій“, но всегда „веселье

---

(1) Во многихъ хлыстовскихъ роспѣвцахъ встрѣчается это седмиричное число небесъ. Такъ, напр., хлысты поютъ:

«Ужъ кого-то на округу намъ послать,
Намъ Свята Духа со «седьма неба созвать»...

(Дух. стихи люд. бож. Барсова, № 65, 100 стр.). Въ другой пѣсни также говорится, какъ св. Николай отворилъ I. Христу «седьмое небо» (Рус. Вѣстн. 1869 г. № 3. 368 стр.; Добротворскій, № 34, стр. 157; № 29, стр. 150; № 20, стр. 138).

(2) Наименованіе «кругъ» заимствовано хлыстами изъ церковной пѣсни «съ небесныхъ круговъ слетѣлъ Гавріилъ»....

безконечно“ (1). Вообще же, радости райскія такъ велики, что, по словамъ одной пѣсни,

„Когда бъ ихъ видѣли—
Всѣ бъ женаты разженилися,
Не женатые—не женился,—
Всѣ бъ святыми здѣсь учинилися“ (2).

Уже отчасти изъ ученія хлыстовъ о душепереселеніи можно видѣть, что участь, которой подвергается душа непосредственно послѣ смерти тѣла, не есть еще окончательная. Дѣйствительно, хлысты вѣруютъ еще и въ будущую кончину міра. По представленіямъ ихъ, кончина міра будетъ состоять во вторичномъ пришествіи Христа или точнѣе христовъ, за которымъ послѣдуетъ страшный судъ, имѣющій рѣшить окончательную участь каждаго человѣка. Время кончины міра хлысты не обозначаютъ никакими опредѣленными признаками, хотя и полагаютъ, что эта кончина наступитъ скоро.

„Близко, други, страшный судъ!
Богъ придетъ судить, какъ тать“ (3).....

обыкновенно увѣщеваетъ пророкъ своихъ послѣдователей. Изображеніе страшнаго суда носитъ своеобразный характеръ и замѣчательно многими странностями и нелѣпостями. По вѣрованію хлыстовъ, прежде всѣхъ явится „съ седьмаго неба“ (4) Иванъ Тимоѳеевичъ Сусловъ. За его явленіемъ раздастся „труба божія“ самого господа Саваоѳа Данилы Филипповича (5). Въ это-то время и совершится преобразованіе: дольнія небеса, назначенныя для жилища мертвыхъ о христѣ, теперь распадутся и на мѣсто ихъ

---

(1) Барсовъ, Дух. ст. люд. бож. № 69, 105 стр.; № 73, 110 стр.; Чт. въ об. ист... 1873 г. 1. № 11. 76 стр.

(2) Барсовъ, Дух. ст. люд. бож. № 14, 22 стр.

(3) Тамъ же, № 83, стр. 126.

(4) Добротворскій, № 13, стр. 128.

(5) Тамъ же, № 4, стр. 110.

явится „небо ново“, а жившіе до сего времени въ подольныхъ небесахъ люди таинственно воскреснутъ и направятся отъ востокъ солнца къ западу. Земля также преобразится; она, по выраженію одной пѣсни „будетъ свѣтиться“ (1); всѣ хлысты, оставшіеся на землѣ, теперь полетятъ по воздуху на облакахъ, вслѣдъ за таинственно воскресшими (2). Первый сборный пунктъ, по представленію хлыстовъ, назначается въ Москвѣ. Когда зазвонятъ въ московскій царь-колоколъ, то по этому гласу всѣ люди земнаго шара отправятся въ Петербургъ; здѣсь-то произойдетъ страшный судъ. Первоначально будутъ судить хлыстовъ; этотъ судъ будутъ производить тѣ лица, которыя были кормщиками кораблей, подъ управленіемъ самого Данилы Филипповича, который называется въ одной пѣсни „пожинателемъ“ (3). Такимъ образомъ, судей будетъ столько, сколько существовало на землѣ хлыстовскихъ кораблей. Потомъ станутъ судить всѣхъ умершихъ о Адамѣ, т. е. всѣхъ тѣхъ, которые не принадлежали къ сектѣ хлыстовъ. *Тогда* говорятъ хлысты, *истина станетъ и вѣра возможетъ:..., и мзда покажется* (3 Ездр. 7, 33).

Изъ этого описанія хлыстами будущаго страшнаго суда нельзя не видѣть крайней узкости и ограниченности ихъ воззрѣній. Въ самомъ дѣлѣ, по представленію хлыстовъ, мѣстомъ собранія всѣхъ людей

---

(1) Добротворскій, № 17, стр. 134.

(2) Монтаны представляютъ процессъ преобразованія міра нѣсколько иначе. По словамъ пѣсни, въ страшный судъ «батюшка» соберетъ «40 громовъ и 40 молніевъ»; громъ онъ возметъ въ правую руку, молнію же въ лѣвую. Пустивъ первые подъ небеса, а вторые въ тучи дождевыя, онъ потрясетъ всю вселенную:

«Вся вселенная испугается, въ клубокъ свернется;
Ни одна душа не увернется;
Да не токмо душа и вселенная вся».

(Сам. Еп. Вѣд. 1870 г. № 23, п. 4, 527—528 стр.).

(3) Добротворскій, № 20, 139 стр.

будетъ Петербургъ, какъ будто, дѣйствительно, кромѣ и удобнѣе Петербурга нѣтъ другаго мѣста. Далѣе ученіе хлыстовъ о страшномъ судѣ слишкомъ человѣкообразно. Для того напр., чтобы созвать людей на судъ требуется московскій царь-колоколъ.... Эта человѣкообразность представленій будущаго страшнаго суда съ большею рельефностію выступаетъ въ другихъ хлыстовскихъ пѣсняхъ, касающихся того же предмета. Такъ, напр., въ одной хлыстовской пѣсни описывается, какъ „ангелы яства несутъ, какъ они столы разставляютъ, бѣлыя скатерти разстилаютъ“ для угощенія хлыстовь (1). Тоже самое нужно сказать и объ ученіи хлыстовъ о будущихъ наградахъ. Эти награды, по словамъ одной пѣсни, будутъ состоять „изъ коней богатырскихъ, ризъ нетлѣнныхъ, вѣнцовъ семигранныхъ, трубъ живогласныхъ“, которыя будетъ „дарить-жаловать людямъ божіимъ сударь-батюшка сынъ божій“ (2).... Что же касается до нехлыстовъ, то имъ, по словамъ одной пѣсни „батюшка сынъ божій воздастъ отмщеніе“ (3) и они сами надъ собою произнесутъ должный приговоръ (4). Иные хлысты, болѣе благосклонные къ иномыслящимъ, опредѣляютъ послѣднимъ „благую землю“, оставляя за собою небо (5).

2) Нравственное ученіе хлыстовъ.

Въ основѣ нравственнаго ученія хлыстовъ лежитъ общее ихъ воззрѣніе на душу человѣка, какъ на начало доброе, и на тѣло, какъ на начало злое. Одна

---

(1) Сбор. правит. свѣд. о расколѣ Кельсіева. 3 вып. прил. 83 стр. 47 пѣс.

(2) Дух. стихи люд. бож. Барсова, № 59, 92—93 стр.

(3) Добротворскій, № 13, 128 стр.

(4) Тамъ же, № 17, 134 стр.

(5) Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 17, 92 стр.

хлыстовская пѣснь довольно близко знакомитъ насъ съ воззрѣніемъ хлыстовъ на природу человѣка.

Шли братъ (ангелъ) и сестра. Братъ обращается къ сестрѣ:

„О, сестра ты моя,
Голубушка бѣлая!...
Иди милая за мной,
И не думай ни о чемъ".

Сестра на такое доброе предложеніе брата отвѣчаетъ: я рада бы идти вслѣдъ за тобой, но только вотъ моя бѣда:

„Плоть лѣнива, тяжела,
Ищетъ тлѣннаго всегда....
Когда я хочу молиться,
А она на бокъ валится,
А когда стану поститься,
Она яростію злится"....

Тогда братъ начинаетъ воодушевлять сестру и утѣшать ее, обѣщая, что онъ самъ будетъ способствовать усмиренію плоти, что онъ наведетъ на нее гоненіе и рѣшительно скажетъ ей, что участь ея—темный ровъ (могила), гдѣ ее съѣдятъ черви, а мѣсто души—небо—у небеснаго царя (1). По словамъ другой пѣсни

„Плоти наши враны,
Дѣлаютъ обманы;
Наводятъ на душу
Великія раны
Своими дѣлами" (2).

Вообще, плоть у хлыстовъ носитъ много характерныхъ названій; такъ она называется „злымъ зеліемъ" (3), „лютымъ внутреннимъ зміемъ" (4), „злой и

(1) Дух. стихи люд. бож. Барсова, № 99, 149—150 стр.
(2) Тамъ же, № 46, стр. 74.
(3) Тамъ же, № 102, стр. 152.
(4) Прав. Обозр. 1873 г. Янв. 150 стр.; Барсовъ, № 63, 98 стр.

слѣпой природой" (1), которую нужно не жалѣя бить. Совершенно въ иномъ свѣтѣ представляется душа человѣческая. Она, по представленіямъ хлыстовъ, богоподобна; какъ „красна дѣвица" она ликуетъ среди вѣрныхъ — праведныхъ, сестеръ духовныхъ, Богомъ любимыхъ, Сыномъ Божіимъ избранныхъ, Духомъ Святымъ созванныхъ;

„Она Богомъ утѣшается,
Св. Духомъ разблажается,
Читаетъ книгу Евангелье,
Евангелье—толковитое" (2).

Отсюда, актъ разлученія души человѣка съ тѣломъ есть самое пріятное и страстное желаніе хлыстовъ.

„Когда кончимъ путь сей узкій
И придемъ въ вѣчный покой—
И когда уставомъ смерти
Покровъ сбросимъ нашей плоти;
Обнаженною душей,
Какъ пламенной стрѣлой,
Возлетитъ тотъ въ небеса,
Кто распялъ плоть за Христа" (3)...

обыкновенно услаждаютъ себя хлысты. И это наслажденіе, которое каждый хлыстъ непремѣнно долженъ вкусить послѣ освобожденія его души изъ темницы тѣла, хлыстамъ грезится даже какъ бы совершившимся (4).

---

(1) Прав. Обозр. 1873 г. Янв. 150 стр.; Барсовъ, № 63, 98 стр.

(2) Дух. стихи люд. бож. Барсава, № 49, 78 стр.

(3) Тамъ же, № 41, стр. 65.

(4) Тамъ же, № 72, 109 стр. И въ этомъ пунктѣ ученія хлыстовъ встрѣчается также противорѣчіе. Такъ, по словамъ одной пѣсни, «тѣлеса наши храмы божьи» (Барсовъ, № 20, стр. 33). Очевидно, что въ приведенной фразѣ высказывалось или непониманіе составителя пѣсни, или же эту фразу должно понимать въ томъ смыслѣ, что тѣло человѣка составляетъ мѣстопребываніе богоподобной души, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже и самого Бога.

Такое дуалистическое воззрѣніе на природу человѣка привело хлыстовъ и къ соотвѣтственному нравственному ученію. Это послѣднее ученіе можно формулировать такъ: плоть должна быть умерщвляема всевозможными средствами для того, чтобы заключающаяся въ ней душа могла безпрепятственно достигнуть своего назначенія. Такимъ образомъ, въ нравственномъ ученіи хлыстовъ, съ одной стороны предполагается идеалъ нравственнаго совершенства, какъ нѣчто извѣстное, данное, а съ другой — предполагаются опредѣленныя средства для достиженія этого идеала. Идеаломъ нравственнаго совершенства служитъ достиженіе человѣкомъ на землѣ полнаго безстрастія и святости, достиженіе такого душевнаго состоянія, когда человѣкъ становится достойнымъ сосудомъ божественной благодати, когда онъ дѣлается или ангеломъ или христомъ. Но для того, чтобы сдѣлаться достойнымъ храмомъ Божіимъ и низвести въ себя христа или даже всю св. Троицу, для этого требуется постоянное горѣніе духомъ, безпрестанное моленіе, особенно же частое шептаніе молитвы Іисусовой, требуется умерщвленіе плоти, самоистязанія. Иначе говоря, для скорѣйшаго и надежнѣйшаго достиженія нравственнаго идеала существуетъ цѣлая система аскетическихъ предписаній, изъ которыхъ каждое въ отдѣльности имѣетъ долю своего значенія для человѣка, а взятыя въ совокупности непремѣнно приведутъ къ предназначенной цѣли.

Какъ извѣстно, хлысты отрицаютъ догматъ паденія человѣка въ собственномъ смыслѣ. По ихъ мудрствованію, говоритъ священникъ Сергѣевъ, „первый человѣкъ согрѣшилъ не тѣмъ, что вкусилъ плодъ отъ древа, а паденіемъ въ грѣхъ супружескаго совокупленія“ (1). Отсюда понятно, что, по понятію хлыстовъ, человѣкъ какъ до паденія, такъ и послѣ па-

(1) Хр. Чт. 1869 г. Сент. 447 стр.

денія былъ и есть одинъ и тотъ же по своимъ умственнымъ и нравственнымъ силамъ. Но такъ какъ человѣкъ созданъ совершеннымъ, такъ какъ онъ еще заранѣе предназначенъ содѣлаться ангеломъ или христомъ и для достиженія этой послѣдней цѣли онъ обладаетъ совершеннѣйшими внутренними силами, то, очевидно, что достиженіе или недостиженіе идеала совершенства зависитъ единственно отъ воли человѣка. На этомъ-то ложномъ ученіи основано другое ученіе хлыстовъ столь же ложное и еще болѣе вредное для нравственности,—ученіе о таинственной смерти и таинственномъ воскресеніи.

Существуютъ двѣ смерти, говоритъ хлыстовскій пророкъ Радаевъ, смерть о Адамѣ и смерть о Христѣ. Первая есть слѣдствіе божественнаго опредѣленія человѣку: *земля еси и въ землю отъидеши*; отъ этой смерти ни одинъ человѣкъ не избавленъ. Послѣдняя, смерть о Христѣ—таинственная, потому что она состоитъ не въ разрушеніи тѣлеснаго состава человѣка, какъ вещества видимаго и осязаемаго, а въ разрушеніи, уничтоженіи и умерщвленіи другаго зла—невидимаго и неосязаемаго, живущаго внутри человѣка,—зла нравственнаго, себялюбія и гордости. Тотъ, кто уничтожилъ въ себѣ эти демонскія страсти, кто отрѣшилъ свою мысль отъ всего видимаго и осязаемаго, кто сосредоточилъ все вниманіе свое внутри себя, тотъ таинственно умеръ, тотъ болѣе уже не существуетъ въ этомъ грѣховномъ и пагубномъ мірѣ. Углубившись въ самого себя, человѣкъ рано или поздно найдетъ внутри себя царствіе Божіе. Какъ скоро человѣкъ услышитъ этотъ голосъ евангелія, какъ скоро онъ почувствуетъ присутствіе въ себѣ Св. Духа, тогда онъ духовно прозрѣваетъ; предъ его умственнымъ взоромъ открывается новый, невѣдомый до сего времени, міръ, гдѣ царствуетъ только одна добродѣтель, гдѣ нѣтъ мѣста ни зависти, ни гордости т. п.; тогда человѣкъ таинственно воскресаетъ, преобразуется въ новаго человѣка съ новыми силами

стремленіями и желаніями, словомъ, съ новою не-человѣческою природою. Человѣкъ, достигшій таинственнаго воскресенія, по своимъ свойствамъ и дѣйствіямъ мало или даже вовсе не отличается отъ Бога. Онъ обладаетъ такими же божественными аттрибутами, какими обладаетъ само божество. Таинственно воскресшій по своему уму всевѣдущъ; онъ знаетъ самыя тайныя помышленія людей. Радаевъ, въ подтвержденіе этой истины приводилъ фактъ изъ своей жизни,—какъ онъ однажды, вышедши изъ церкви, увидѣлъ внутренними очами сидящихъ за ужиномъ и дѣвицу впереди; „что видѣлъ внутри себя, говорилъ онъ, то было и на самомъ дѣлѣ“ (1). Всевѣденіе пророка не ограничивается только видимыми, подлежащими чувствамъ человѣка, предметами; нѣтъ, он. простирается и на небо, на предметы чисто духовные, лежащіе внѣ предѣловъ человѣческаго знанія. „Зрю, говорилъ одинъ изъ чистопольскихъ пророковъ, духовными глазами Бога, не въ гаданіи, но въ самомъ откровеніи“ (2). Воля таинственно воскресшихъ чиста и свята, она дѣлаетъ только одно добро и не причастна злу. Для таинственно воскресшихъ, какъ совершенно святыхъ и непорочныхъ, не существуетъ покаянія; для нихъ не необходима и самая молитва покаянная. Радаевъ говорилъ о себѣ, что какая-то непонятная внутренняя сила удерживала его произносить конечныя слова молитвы Іисусовой: „помилуй мя грѣшнаго“ (3). Надъ таинственно воскресшимъ нѣтъ и суда не только человѣческаго, но и божественнаго. По словамъ Радаева, Богъ Отецъ уже ничего не хочетъ взыскать на немъ, да и „не можетъ“ (4). Сила и всемогущество таинственно воскресшихъ равны силѣ и могуществу самого Бога, даже въ иныхъ

(1) Добротворскій, стр. 89.

(2) Тамъ же, стр. 88. 4 прим.

(3) Тамъ же, 86—87 стр.

(4) Рус. Вѣстн. 1869 г. № 3. 341 стр.

дуетъ предпринимать противъ грѣховнаго тѣла? Воздержаніе, трудъ и постъ, отвѣчаютъ хлысты, сберегаютъ душу въ тѣлѣ, умерщвляютъ плоть и освобождаютъ человѣка отъ злой природы, убиваютъ змія внутренняго. Всего же болѣе содѣйствуютъ умерщвленію плоти радѣнія и самоистязанія. Первое условіе каждаго вновь обращающагося въ ихъ секту есть обѣщаніе воздерживаться отъ супружескаго сожитія. Поэтому, каждый, вступающій въ ихъ секту, если женатъ, долженъ прекратить супружескія отношенія. Гласнаго расторженія брака при этомъ не бываетъ; супруги должны жить въ братскомъ согласіи или, по выраженію хлыстовъ, „въ духовномъ супружествѣ“, но не болѣе. Объ этомъ супружескомъ воздержаніи каждаго хлыста говорилъ еще лже-саваоѳъ Данило Филипповичъ, который это правило внесъ даже въ законодательный кодексъ. Шестая заповѣдь, данная имъ гласитъ: „не женитесь, а кто женатъ, живи съ женой, какъ съ сестрой. Не женимые не женитесь, женимые разженитесь“. Дѣйствительно, всѣ хлысты свято исполняютъ эту заповѣдь, конечно, съ одной только формальной стороны. Вступая въ незаконныя связи съ женщинами, хлысты тѣмъ не менѣе съ крайнимъ презрѣніемъ смотрятъ на всѣхъ, вступающихъ въ законый бракъ. По свидѣтельству Андреянова, хлысты такъ напр. отзываются о вступившемъ въ бракъ: „такой-то удавился или окрутился; младенцевъ называютъ грѣшками и пр.“ (1). По словамъ „богини“ Авдотьи, „супружеское житье—предъ людьми мерзость, предъ Богомъ дерзость“ и поэтому „живая книга не отмѣняетъ супружеское житье“, а „поноситъ, проклятію, треклятію, четвероклятію предаетъ“ (2). У хлыстовъ существуютъ цѣлыя повѣсти, изображающія всѣ вредныя послѣдствія сожитія съ

---

(1) Хр. Чт. 1869 г. Сентябрь, 444 стр.

(2) Заря. 1869 г. № 10. 1 отд. 5 стр.

женщинами. Вотъ напр. любопытная повѣсть о женѣ, потаившей грѣхъ стыда ради. Повѣсть эта, между прочимъ, знакомитъ насъ и съ хлыстовской метапсихозой. Въ храминѣ съ открытою дверью нарисована дѣвица; предъ нею свинья „одраная, шерсти не имущая и огнь и смрадъ изъ себя испускающая". По сказанію повѣсти, дѣвица страшно испугалась этой свиньи, побѣжала къ окну и хотѣла выскочить, но вдругъ слышитъ за собою гласъ человѣчь: „стой, стой, душа моя, не ужасайся". Оказалось, что эта свинья была не кто другая, какъ ея мать: „азъ преокаянная мати твоя, проклятая отъ Бога, признавалась она, гнусные грѣхи творила я съ отцомъ твоимъ" (1). Такой презрительный взглядъ на супружескій союзъ образовался у хлыстовъ подъ вліяніемъ извѣстнаго уже намъ ихъ взгляда на грѣхъ перваго человѣка. — Далѣе, средствомъ умерщвленія плоти служитъ постъ. Нужно замѣтить, что хлыстовскіе корабли не согласны между собою относительно употребленія пищи, такъ что одинъ корабль запрещаетъ ту пищу, которую позволяютъ ѣсть въ другомъ. Въ большинствѣ кораблей воспрещены: мясо, вино и потребленіе табаку. Запрещеніе ѣсть мясо имѣетъ свое основаніе въ ученіи хлыстовъ о переселеніи душъ людей послѣ смерти тѣла въ различныхъ животныхъ, соотвѣтствующихъ наклонностямъ человѣка. Изъ опасенія, чтобы вмѣстѣ съ мясомъ не заразиться нечестіемъ злой души, заключенной въ извѣстномъ животномъ, хлысты и воздерживаются отъ употребленія всякой вообще мясной пищи (2). Употребленіе вина запрещается на

---

(1) Прав. Обозр. 1873 г. Январь. 326 стр.

(2) Вѣроятно, вслѣдствіе этой причины, а быть можетъ и потому, что употребленіе мясной пищи физически вредно, скопцы также строго воздерживаются отъ употребленія мясной пищи. Если хлыстовская богородица Авдотья говорила, что «проклята всяка плоть», то лженскупитель скопцовъ прямо высказалъ, что онъ не берется отвѣчать за грѣхъ мясоядѣнія: «дѣтушки! мяса не ѣшьте. Я, отецъ, за всѣ грѣхи берусь

основаніи словъ ап. Павла: *не упивайтеся виномъ, въ немъ же есть блудъ* (Еф. 5, 18). Поэтому, еще лжесаваоѳъ Данило Филипповичъ пятою заповѣдію запретилъ всякій хмѣльный напитокъ. Наконецъ, самымъ вѣрнымъ и самымъ радикальнымъ средствомъ умерщвленія плоти служатъ радѣнія и самоистязанія. Извѣстно, что многія новыя и древнія секты, какъ то: евхиты, бичующіеся и пляшущіе и наконецъ квакеры къ числу богоугодныхъ дѣлъ относили, между прочимъ, и пляски при своихъ богослуженіяхъ. Подобно этимъ сектамъ и въ хлыстовщинѣ бѣганье и верченье составляютъ необходимую принадлежность всѣхъ ихъ радѣній. И какъ у древнихъ сектантовъ самоистязанія имѣли значеніе прежде всего аскетическое, дѣлались съ цѣлію изнуренія плоти, такъ и у нашихъ сектантовъ радѣнія, соединенныя съ разнообразными самоистязаніями, имѣютъ тоже первоначальное значеніе. Во время верченья и круженья хлысты обыкновенно приговариваютъ:

„Богу порадѣйте,
Плотей не жалѣйте,
Марѳу (1) не щадите
Богу послужите“ (2).

Затѣмъ уже эти богослужебныя дѣйствія хлыстовъ имѣютъ значеніе духовнаго веселія и ликованія.

Когда естественныя потребности организма будутъ совершенно подавлены, когда они перестанутъ заявлять о своемъ существованіи, тогда духъ человѣка, какъ бы высвобожденный изъ темницы, безпрепятственно можетъ углубиться въ самого себя и заняться собственнымъ самопреобразованіемъ. Безъ по-

---

отвѣчать, а за этотъ грѣхъ не берусь отвѣчать». (Чтен. въ общ. ист. 1872 г. 3. 305—306 стр.).

(1) По понятію хлыстовъ, евангельская Марѳа есть аллегорическое имя плоти, подобно тому, какъ подъ Маріей,.. ея сестрой, нужно разумѣть душу.

(2) Прав. Соб. 1858 г. 2 ч. 380 стр.

слѣдняго, все, что ни дѣлаетъ человѣкъ, не имѣетъ цѣны и человѣкъ никогда не достигнетъ блаженнаго состоянія таинственно воскресшихъ. „Въ наружности и въ наружныхъ дѣлахъ совершитися, т. е. безстрастія достигнути и святости невозможно“ (1), говоритъ хлыстовскій пророкъ Радаевъ. Только духъ человѣка путемъ самоусовершенствованія можетъ достигнуть этого блаженства. Въ ряду добродѣтелей, которыя долженъ воспитать въ себѣ каждый стремящійся стать таинственно воскресшимъ, первое и самое видное мѣсто занимаютъ двѣ: вниманіе къ себѣ, соединенное съ молитвою Іисусовою и самоотверженіе. По словамъ Радаева, частое произношеніе молитвы Іисусовой сопровождается видимыми осязательными чудесами: тутъ и любовь къ Богу и людямъ великая, и вѣра, и надежда, и самоотверженіе; словомъ, всѣ добродѣтели, которыя въ свою очередь производятъ внутреннее общеніе, единеніе и связь души съ Христомъ. Въ силу такой великой важности и значенія молитвы Іисусовой Радаетъ называетъ ее „Ильиной колесницей“, „Богомъ всѣхъ добродѣтелей и дарованій благодатныхъ“, „царицей добра“ (2) и проч. Второе необходимое условіе для очищенія духа есть полное самоотверженіе. По смыслу ученія Радаева, крайнее самоотверженіе каждаго человѣка должно состоять не въ одномъ только отреченіи отъ всего грѣховнаго и эгоистическаго; нѣтъ, самоотверженіе Радаева простирается на всѣ естественныя законныя дарованія и даже на все, даруемое человѣку свыше самимъ Богомъ. По его ученію, каждый человѣкъ долженъ отречься не только отъ богатства, славы и всего земнаго, но и отъ своего разума, памяти, всѣхъ вообще способностей и даже „обнаружитися должно отъ всего благодатнаго“ (3). Въ одной хлыстовской пѣсни

(1) Добротворскій, 68 стр.

(2) Тамъ же, 70—71 стр.

(3) Тамъ же, 72 стр.

необходимость безусловнаго отреченія отъ своей воли изображается подъ образомъ продажи товара съ одной стороны и покупки его съ другой. Подъ товаромъ разумѣется ученіе хлыстовъ или самая ихъ секта. Продающій этотъ товаръ проситъ очень дорого, не дѣлая никакой уступки. „Хотя вовсе не берите, уступки не будетъ“, говоритъ онъ. Въ концѣ пѣсни выясняется, что требуется для пріобрѣтенія товара. Именно, желающій пріобрѣсти драгоцѣнный товаръ, т. е. вступить въ общество хлыстовъ, долженъ совершенно отречься отъ своей воли и предаться безусловному водительству хлыстовскихъ пророковъ (1).

Тотъ, кто исполнилъ всѣ нравственныя требованія, можетъ надѣяться, что онъ рано или поздно, но непремѣнно удостоится блаженства таинственно воскресшихъ. Самъ Радаевъ, такъ подробно и всесторонне развившій теорію о таинственномъ умираніи и воскресеніи, выясняетъ на самомъ себѣ и самый процессъ духовнаго перерожденія. „Сначала я сомнѣвался, разсказываетъ пророкъ, не ошибочно ли я думаю, что во мнѣ Духъ Божій; полно, не вражій ли; но когда въ сердцѣ моемъ сказалъ Духъ: „молись Божіей Матери“ и я исполнилъ, молившись цѣлую недѣлю, то Духъ Святый сталъ мною „водить“ и когда случалось, что противился я Духу, за это страдалъ недѣль по шести.... Я сталъ жить въ кельи, въ лѣсу, на пчельникѣ, куда перетаскалъ и книги свои, вдругъ меня сильно двинуло и стало захватывать дыханіе, и сталъ я умирать таинственно. Послѣ того ходилъ я исповѣдываться къ священнику, но Духъ къ причастію меня не допустилъ. Я сдѣлался боленъ, а потомъ чрезъ недѣлю почувствовалъ въ себѣ Духа Божія говорящаго: „вставай, иди причащаться“. Я всталъ и былъ здравъ, но воли своей во мнѣ уже не было. Я причастился и ободрился и начало меня „гонять“

(1) Дух. стихи люд. бож. Барсова, № 97. 147—148 стр.

и „водить“ Духомъ Божіимъ. Съ тѣхъ поръ своей воли не имѣю, во всемъ во мнѣ дѣйствуетъ Св. Духъ“ (1).

Нѣтъ, конечно, сомнѣнія въ томъ, что тѣ средства, какія практикуютъ хлысты для достиженія мнимаго таинственнаго воскресенія, взяты изъ евангелія и какъ откровенныя—святы и спасительны; но съ другой стороны, нельзя также сомнѣваться въ томъ, что эти спасительныя средства въ ученіи и практикѣ хлыстовъ являются вредными и богопротивными. Непрестанная молитва, заповѣданная апостоламъ словами: „непрестанно молитесь“ (1 Солун. 5, 7), смиреніе и самоотверженіе, заповѣданныя Господомъ и Имъ Самимъ исполненныя на Себѣ, при благоразумномъ употребленіи могутъ, дѣйствительно, приблизить человѣка къ Богу. Но послѣднее возможно только въ томъ случаѣ, когда каждый, исполняя нравственныя предписанія, будетъ руководствоваться при этомъ исполненіи внушеніями слова Божія и церкви; иначе же, самыя добрыя намѣренія и средства превратятся во вредъ. Между тѣмъ, хлысты, отвергнувъ наставленія вѣры и церкви и предавшись ничѣмъ не сдерживаемому порыву чувства и воображенія, дѣйствительно, въ силу, такъ сказать, естественной необходимости, изъ того, что само по себѣ спасительно, извлекаютъ зло и вредъ. Такъ напр., кто заповѣдалъ, чтобы человѣкъ отрекался отъ всѣхъ природныхъ способностей и сверхъестественныхъ дарованій? Гдѣ

---

(1) Рус. Вѣстн. 1869 г. № 3. 348—349 стр. Этотъ разсказъ Радаева о своемъ духовномъ преобразованіи возбуждаетъ, какъ очевидно, нѣкоторыя возраженія. Въ самомъ дѣлѣ, изъ разсказа видно, что Радаевъ возноситъ молитву Божіей Матери, исповѣдуется и пріобщается св. таинъ, тогда какъ ни того, ни другаго, ни третьяго, хлыстовская догматика не признаетъ. Примирить такую несообразность разсказа Радаева съ ученіемъ хлыстовъ возможно однимъ путемъ. Именно, или весь разсказъ этотъ есть выдумка, разсчитанная на легковѣріе массы, или же необходимо предположить, что самъ Радаевъ увлекшись хлыстовщиной, невольно уважалъ нѣкоторыя требованія и истины православія.

сказано, чтобы человѣкъ отрекся отъ своего ума, памяти, возвышенныхъ стремленій и проч.? Кто изъ пророковъ или другихъ святыхъ мужей самъ ли отрекался отъ благодатныхъ даровъ или наставлялъ этому другихъ? Между тѣмъ, всѣ эти крайности входятъ въ нравственную систему Радаева, какъ существенно необходимыя. Да и что такое будетъ человѣкъ безъ сознанія, безъ желаній, безъ всѣхъ вообще тѣхъ качествъ, которыя отличаютъ его отъ другихъ существъ? Очевидно, это нѣчто безличное, idee fixe, это то самое „ничто“, до котораго старались доходить послѣдователи браминской теософіи путемъ погруженія въ нирвану. Но если евангельскія добродѣтели въ ученіи хлыстовъ такъ обезображены и представляются для посторонняго наблюдателя столь дикими и нелѣпыми въ своихъ крайнихъ выводахъ, то еще безумнѣе ученіе ихъ о той цѣли, къ которой, по ихъ мнѣнію, приводитъ исполненіе евангельскихъ предписаній. Въ самомъ дѣлѣ, не есть ли плодъ болѣзненной фантазіи ученіе хлыстовъ о возможности сдѣлаться Богомъ? Здравый смыслъ, конечно, никогда не допуститъ той нелѣпой мысли, что будто человѣкъ, при помощи непрестанной молитвы, самоотверженія и самоистязанія, получаетъ вмѣсто человѣческихъ свойствъ свойства божественныя, вмѣсто человѣческой воли волю божественную. Только самообольщенный и изступленный фанатикъ можетъ дойти до такой высочайшей духовной гордости, до такого грубаго самобоготворенія. Слово Божіе положительно утверждаетъ, что до тѣхъ поръ, пока человѣкъ находится на землѣ, невозможно ему достигнуть безусловной святости (Іак. III, 2; 1 Іоан. I, 8). Невозможно и личное единеніе съ Богомъ, при которомъ дѣйствіями человѣка распоряжался бы не самъ человѣкъ, а Богъ вмѣсто него: человѣкъ всегда сохраняетъ свою волю (Іак. II, 12) и всегда остается человѣкомъ. Исторія пророческаго служенія какъ нельзя лучше доказываетъ эту откровенную истину. Пророки Божіи, будучи

озаряемы божественною благодатію, будучи органами дѣйствій Св. Духа, въ тоже время всегда оставались людьми со всѣми человѣческими свойствами.

Идя въ разрѣзъ съ требованіями здраваго смысла и внушеніями святой вѣры, ученіе хлыстовъ о таинственномъ воскресеніи въ высшей степени пагубно для самой нравственности. Убѣжденные, что не самъ человѣкъ дѣйствуетъ, а живущій въ немъ Духъ Святый, хлысты подъ этимъ священнымъ знаменіемъ производятъ самые безнравственные поступки. Въ доказательство этого мы укажемъ на два явленія въ жизни таинственно воскресшихъ: на незаконное сожитіе съ женщинами во всевозможныхъ видахъ и на ихъ кощунство надъ священнѣйшими и дорогими каждому христіанину лицами и предметами. Самъ Радаевъ, первый представитель нелѣпой теоріи о таинственномъ воскресеніи, какъ нельзя болѣе оправдываетъ на себѣ нашу мысль. Онъ, по его собственному сознанію на судебномъ слѣдствіи, имѣлъ связи съ тринадцатью женщинами. Трудно, конечно, представить, чтобы человѣкъ, умертвившій въ себѣ плоть и достигшій высшей степени нравственнаго совершенства, могъ низойти до такого скотскаго невоздержанія. Но отсюда-то и можно видѣть, насколько таинственно воскресшіе достигаютъ дѣйствительно нравственнаго совершенства? Этого мало; развратъ, хотя и самъ по себѣ заслуживаетъ полнаго порицанія и законнаго наказанія, но онъ все же составляетъ явленіе человѣческое и какъ такое можетъ имѣть свои причины, можетъ, далѣе, быть уничтоженъ путемъ чистосердечнаго раскаянія и, такимъ образомъ, человѣкъ покаявшійся можетъ ожидать себѣ помилованія. Но развратъ, существующій у хлыстовъ, не такого характера. „Все, говорятъ хлысты, что ни дѣлаетъ человѣкъ, не онъ дѣлаетъ, а живущій въ немъ Духъ Божій, слѣд., и развратъ каждаго пророка не его дѣло, а дѣло Духа Божія“.... Такъ дѣйствительно и смотрѣлъ самъ Радаевъ на свой грѣхъ

съ тринадцатью женщинами (1). Такимъ образомъ, даже то, что по общечеловѣческому признанію гнусно и грѣховно, даже это, по ученію хлыстовъ, происходитъ не отъ человѣка, а отъ живущаго въ немъ Духа Святаго; Богъ есть виновникъ нечестія и зла. Ученіе хлыстовъ о невмѣняемости пророку всевозможныхъ преступленій, имъ совершаемыхъ, не находитъ себѣ родственнаго ни въ одной изъ существовавшихъ досель религій. Оправдывая преступныя дѣйствія одного лица, хлысты переносятъ это оправданіе и на все общество. Мы разумѣемъ „свальный грѣхъ“, совершаемый ими во время радѣній и извѣстный подъ именемъ „Христовой любви“. Здѣсь уже не одинъ пророкъ предается гнусному разврату, а все общество. „Въ порывахъ грубой чувственности, говоритъ Барсовъ, пробуждающихся съ особенною силою вслѣдствіе бѣганья и прыганья одновременно съ порывами мистическаго экстаза, хлыстъ, лишенный руководства св. церкви, не въ состояніи усмотрѣть инъ законъ, противоюющъ закону ума; онъ отожествляетъ одно съ другимъ, порывъ грубаго инстинкта съ мистическимъ экстазомъ, и тотъ и другой возводитъ къ общему источнику; для него нѣтъ тутъ насилія совѣсти“ (2). Далѣе, весьма часто случалось, что предсказанія пророка не оправдывались на дѣлѣ. И что же? Пророкъ, вмѣсто того, чтобы сознаться въ своемъ обманѣ, оправдываетъ свою ложь, ссылаясь на то, что и другіе, угодившіе Богу, также иногда обманывали. Таковъ былъ Радаевъ, который въ оправданіе своей безчестной лжи ссылался на обманъ, будто бы совершенный апостоломъ Петромъ (3).

---

(1) Русск. Вѣстн. 1869 г. № 3. 338 стр.

(2) Хр. Чт. 1869 г. Сентябрь, 472 стр.

(3) Добротворскій, 85 стр.

3) Бытъ хлыстовъ.

До сего времени мы разсматривали общество хлыстовъ съ теоретической его стороны, т. е. излагали ученіе хлыстовъ и взгляды ихъ на разные предметы. Теперь, конечно, намъ интересно взглянуть на это общество съ бытовой его стороны, посмотрѣть, что такое это общество въ своей дѣйствительной жизни, каково его устройство, какова жизнь въ этомъ обществѣ, въ какія отношенія ставятъ себя сектанты къ господствующему православному обществу и опредѣлить значеніе этого общества для господствующей церкви, общества и правительства.

Общество хлыстовъ, безъ сомнѣнія, не имѣетъ характера какого либо союза политическаго или гражданскаго. Устройство этого общества, равно какъ отношенія членовъ его между собою и къ иномыслящимъ, наконецъ, интересы его носятъ на себѣ характеръ религіозно-нравственный и всецѣло проникнуты послѣднимъ. Поэтому, и разсматривать общество хлыстовъ слѣдуетъ какъ религіозную общину. Связанные одними интересами вѣры и нравственности, хлысты образуютъ изъ себя общее братство. Братство это имѣетъ множество мистическихъ символовъ, подъ которыми обыкновенно хлысты изображаютъ его. То оно изображается подъ символомъ роскошнаго сада— „зеленаго, большаго, царскаго“, — который насадилъ „самъ батюшка“ и избралъ для него „кипарисовыя древа“ (1); то подъ символомъ „большаго дерева“, въ вѣтвяхъ котораго скрываются они — „божьи птички“ (2); то подъ символомъ „дѣвственной дѣвы“ которая „краснѣе солнца, виднѣе свѣта и бѣлѣе снѣга“; она нерѣдко „плачетъ и рыдаетъ, ожидая гостя доро-

(1) Дух. стихи люд. бож. Барсова, № 47, 75 стр.; Добротворскій, 30, 152 стр.

(2) Барсовъ, № 6, 8 стр. № 44, 71 стр.; Добротворскій, 69, 189 стр.

таго, батюшку роднаго“ (¹); то подъ символомъ „духовнаго царства“, въ которомъ „благодать великая“, ибо въ немъ присутствуетъ вся св. Троица; въ этомъ царствѣ живутъ люди „праведные“, живутъ они и „не унываютъ, но всегда на Господа надежду полагаютъ и на Св. Духа уповаютъ“ (²). Этотъ обширный садъ или громаднѣйшее колоссальное дерево, пустившее свои вѣтви далеко во всѣ уголки русской земли раздѣляется на множество отдѣльныхъ общинъ или „кораблей“. Юридическое устройство этихъ кораблей одинаково и всѣ они отличаются между собою только большимъ или меньшимъ числомъ членовъ; въ одномъ кораблѣ, напр., десять человѣкъ, въ другомъ двадцать, въ третьемъ до пятидесяти и т. д. Каждый корабль, какъ бы онъ ни былъ малъ, совершенно самостоятеленъ и ни въ чемъ независимъ отъ другаго и переходъ изъ одного корабля въ другой строго воспрещается правилами (³). Каждый корабль имѣетъ своихъ особыхъ правителей или, по терминологіи хлыстовъ, „кормщиковъ“ (⁴). Этими послѣдними могутъ быть какъ мужчины, такъ и женщины (⁵). Являясь по преимуществу блюстителемъ вѣры и нравственности членовъ своего корабля, каждый кормщикъ въ тоже время есть въ нѣкоторомъ смыслѣ хозяинъ въ ввѣренной ему общинѣ: онъ хранитъ у себя общій капиталъ, составляемый обыкновенно хлыстами для удовлетворенія тѣхъ или другихъ потребностей, общихъ всѣмъ членамъ извѣстнаго корабля (⁶). Всѣ прочіе члены корабля, по ученію хлыстовъ, равно-

---

(¹) Барсовъ, № 43, 70 стр.; Добротворскій, 59, 178 стр.

(²) Барсовъ, № 12, 19 стр.; Добротворскій, 57, 176 стр.

(³) Чт. въ общ. ист. 1874 г. 3 № 68 стр.

(⁴) Барсовъ, № 28, 76 стр.; Добротворскій, № 9, 123 стр. № 56, 175 стр.; Чт. въ об. ист. 1874 г. 3 № 68 стр.

(⁵) Чт. въ об. ист. 1874 г. 3 № 68 стр.

(⁶) Тул. Епар. Вѣд. 1867 г. № 7. 242—243 стр.

правны, такъ что „если бы въ наше общество, т. е. въ общество хлыстовъ поступилъ архіерей или сенаторъ, говорилъ одинъ хлыстъ, таковый сталъ бы равнымъ духовнымъ братомъ каждому члену нашего божества“ (1). Каждый членъ корабля не только нравственно, но даже, такъ сказать, формально, въ силу юридическихъ предписаній обязанъ помогать своему собрату по вѣрѣ. Таковъ именно смыслъ, такъ называемой у хлыстовъ, „божьей округи“, цѣль которой, очевидно, состоитъ въ возможно правильномъ и своевременномъ оказаніи матеріальной и, конечно, нравственной помощи нуждающимся (2). Съ этою же цѣлію у хлыстовъ существуетъ особый обрядъ собиранія милостыни. Обрядъ этотъ довольно оригиналенъ и мы опишемъ его со словъ обратившагося къ православію хлыста. Начальникъ общества заранѣе объявляетъ прочимъ членамъ корабля, что въ такой-то день будетъ раздаваться милостыня. Члены, поэтому, предварительно запасшись деньгами, приходятъ въ моленную въ назначенный день. Помолившись, они подаютъ затѣмъ принесенную сумму своему начальнику въ размѣрѣ отъ 10 к. и до рубля, по желанію; цѣлуютъ у него руку и просятъ о молитвахъ. Собранныя деньги начальникъ убираетъ, а вмѣсто нихъ ставитъ на столъ ранѣе приготовленную чашку, въ которой положена извѣстная сумма денегъ. Далѣе, начальникъ, перекинувъ чрезъ плечо полотенце, беретъ чашку съ деньгами и восковую свѣчу, поддерживая послѣднюю полотенцемъ; всѣ прочіе въ это время поютъ довольно скоро молитву Іисусову (Дай намъ Господи....) о здравіи подавшихъ милостыню. Слѣдуетъ потомъ раздача денегъ нуждающимся; получившіе прикладываются къ свѣчѣ и рукѣ начальника и кланяются послѣднему до земли. Окончивши

---

(1) Тул. Еп. Вѣд. 1869 г. № 9, 342 стр.

(2) Дух. стихи люд. бож. № 6, 9 стр.

эту первую раздачу, начальникъ обращается въ передній уголъ и всѣ въ это время поютъ туже молитву Іисусову только уже протяжнымъ и печальнымъ напѣвомъ о упокоеніи усопшихъ душъ. Слѣдуетъ новая раздача милостыни. Въ томъ и другомъ случаѣ деньги, полученныя отъ начальника могутъ быть обратно отданы ему подъ тѣмъ предлогомъ, что „молиться за милостыню не въ силахъ“ (1). — Такимъ образомъ, устройство хлыстовскаго корабля имѣетъ даже нѣкоторый соціальный характеръ.

Отношенія хлыстовъ между собою носятъ характеръ дружбы и даже любви. Сергѣевъ, говоря о нѣкоторыхъ добрыхъ качествахъ хлыстовъ, между прочимъ, замѣчаетъ: „они (хлысты) между собою очень дружелюбны; хотя и бываютъ между ними ссоры, но небольшія и скоро забываются“ (2). Въ пѣсняхъ хлыстовъ весьма часто слышатся призывы къ любви, къ единенію.

„Будемъ вмѣстѣ жити,
Другъ друга любити,
Себя забывати,
Христа взирати“ (3).... поется въ одной пѣснѣ.
„Другъ здѣсь друга всякъ люби,
Кто заспоритъ уступи“ (3), поется въ другой.

Вотъ между прочимъ, замѣчательное по поэтической силѣ и чувствамъ описаніе свойствъ и плодовъ любви:

„О, любовь, любовь,
Ты сладчайшая
Твоя силушка величайшая!
Ты виновница
Всѣхъ спасаемыхъ....
О, любовь, любовь,
Любовь чистая....

---

(1) Тульск. Еп. Вѣд. 729 стр.

(2) Христ. Чт. 1869 г. № 9. 479 стр.

(3) Дух. ст. люд. бож., № 18, 29 стр.

(4) Тамъ же, № 87, 132 стр.

Умножаешься,
Разливаешься,
Чтобъ всѣхъ плѣнить,
Въ себѣ помѣстить.....
Ты течешь, любовь,
Въ сердце Божье,
Вопіешь, любовь:
Слушай всѣ меня:
Я одна чиста,
Дочь небесная!
Красотой моей полны небеса,
Всѣ мною живутъ,
Всѣ міры міровъ;
Разливаюсь я
Вода Божія,
Наполняю я
Дути праздныя" (1).

Далѣе, во многихъ пѣсняхъ люди божіи призываются къ смиренію, тишинѣ и миру (2), къ воздержанію отъ лести и отъ нанесенія другъ другу обидъ (3) и проч. Въ ознаменованіе соединяющаго хлыстовъ душевнаго братства, они зовутъ себя не иначе, какъ ласковыми уменьшительными именами: Романушка, Ульянушка, Иванушка и проч. При встрѣчѣ другъ съ другомъ они всегда выказываютъ почтеніе и уваженіе, выражающееся въ низкихъ поклонахъ. Замѣчательно, между прочимъ, слѣдующее явленіе, подмѣченное священникомъ Сергѣевымъ. Когда кто либо изъ хлыстовъ приходитъ въ домъ своего единовѣрца, то, раскланявшись (по мѣстному обычаю), онъ спрашиваетъ: „чистъ ли полъ?" Это значитъ: всѣ ли въ этомъ домѣ ихъ согласія и нѣтъ ли иновѣрцевъ? Когда хозяинъ скажетъ, что „полъ чистъ", т. е. всѣ одной вѣры, тогда они поклонятся одинъ другому по сво-

(1) Дух. ст. люд. бож., № 19, 29—34 стр.
(2) Тамъ же, № 73, 110 стр.; № 85, 130 стр.; № 87, 133 стр.
(3) Тамъ же, № 34, 54 стр.; Доброте

му; если же скажетъ, что „полъ нечистъ“, тогда они только поздравляютъ другъ друга просто (1). При разговорахъ между собою, а равно и съ нехлыстами хлысты, какъ замѣчено, всегда воздерживаются отъ употребленія словъ „діаволъ“, сатана“, „чертъ“ и проч. и вмѣсто этихъ словъ, оскверняющихъ, по ихъ мнѣнію, языкъ и утѣшающихъ это самое существо, называютъ его „врагомъ“, „врагомъ божіимъ“ и „нечистымъ“ (2).

Въ своей домашней жизни хлысты живутъ, какъ свидѣтельствуютъ нѣкоторые наблюдатели, гораздо богаче и чище православныхъ односельчанъ. Если хлыстовъ въ извѣстной мѣстности много, то они стараются селиться особнякомъ отъ православныхъ домовъ (3). По свидѣтельству свящ. Сергѣева, хлысты любятъ ходить опрятно, а достаточные и щеголять (4). Брадобритіемъ и нѣмецкимъ платьемъ не гнушаются. Между ними не встрѣчается пьянства“ (5).... Далѣе, какъ свидѣтельствуютъ тѣже наблюденія, хлысты „умны и значительно развиты; потолковать съ ними очень пріятно; особенно, когда они увѣрены, что вы въ карманъ къ нимъ не лезете и вѣроисповѣданія ихъ не эксплоатируете“ (6). Такимъ образомъ, прежней вражды противъ книжнаго образованія, которую будто бы проповѣдывалъ Данило Филиппович, между современными хлыстами не замѣчается. Напротивъ, Авакуму Копылову, когда онъ былъ на седьмомъ небѣ

---

(1) Чт. въ об. ист.... 1874 г. 3 № 66 стр.

(2) Существуетъ, впрочемъ, одна пѣсня, гдѣ употреблено с «чертъ». Добротворскій, № 51, 171 стр.

(3) День. 1864 г. № 24. 8 стр.

(4) Впрочемъ, Аввакумъ Копыловъ, христосъ тамбов. хл строго воспрещалъ женщинамъ носить наряды и украшенія и п валъ имъ повязывать платки на головѣ какъ можно ниже и «скромности ради» (Тамб. Еп. Вѣд. 1862 г. № 5. 208 стр.).

(5) Хр. Чт. 1869 г. Сентябрь. 479 стр.

(6) День. 1864 г. № 24. 8.

Богъ велѣлъ „доходить по книгамъ“ о томъ, что есть грѣхъ, и что спасеніе (1).... Поэтому, между хлыстовскими пророками встрѣчаются лица довольно развитыя и знакомыя не только съ духовной литературой, но и съ свѣтской; таковъ былъ напр. Радаевъ, пророкъ арзамазскихъ хлыстовъ. Изъ свѣтской литературы у хлыстовъ по преимуществу находятся въ употребленіи книги мистическаго содержанія. Здѣсь не излишне наименовать нѣкоторыя изъ этихъ книгъ, которыя когда либо случалось видѣть или даже отбирать судебнымъ слѣдователямъ у хлыстовъ. Изъ сочиненій Эккартсгаузена у хлыстовъ въ употребленіи: „Облако надъ святилищемъ“. Спб. 1803 г.; „Ключъ къ таинствамъ натуры“. 4 ч. Спб. 1804 и 1820 гг. и пр. Изъ сочиненій Юнга Штиллинга: „Побѣдная повѣсть“. Спб. 1815 г., „Тоска по отчизнѣ“ въ переводѣ Дубянскаго. Спб. 1816 г. и др. Изъ сочиненій г-жи Гіонъ: „Изъясненіе на Апокалипсисъ“. Москва 1816 г., „Правила жизни“ и проч. Изъ сочиненій Дюмца встрѣчается „Таинства креста“ въ переводѣ Ястребцова. Спб. 1820 г.

Само собою понятно, что общій строй жизни хлыстовъ, описанный нами, всегда допускалъ и допускаетъ исключенія. Поэтому весьма нерѣдко случалось, что равноправность, составляющая основу хлыстовскаго корабля или братства нарушалась самовластіемъ хлыстовскихъ пророковъ, всегда стремящихся подчинить себѣ всѣхъ прочихъ членовъ корабля (2). Обыкновенное также явленіе въ обществѣ хлыстовъ, что начальникъ корабля вмѣсто того, чтобы обращать деньги, собираемыя имъ съ хлыстовъ, на благотворительныя цѣли общества, обращаетъ ихъ въ свою пользу (3). Съ другой стороны, коммуни-

---

(1) Рус. Вѣстн. 1869 г. № 3. 351—352 стр.

(2) Тул. Еп. Вѣд. 1869 г. № 9. 343 стр.

(3) Тул. Еп. Вѣд 1867 г. № 7, 242 стр.

стическій характеръ устройства хлыстовской общины неизбѣжно ведетъ къ бездѣятельности и къ стремленіямъ прожить на чужой счетъ, отсюда же естественно происходятъ бродяжничества и скитанія изъ одного корабля въ другой, что вызвало извѣстное правило, запрещающее эти бродяжничества. Наконецъ, и въ отношеніяхъ между собою хлысты далеко не „кроткіе агнцы“, какъ обыкновенно они величаютъ себя. И тутъ возможны такія возмутительныя преступленія, которыя не могутъ быть терпимы ни въ какомъ обществѣ. О нѣкоторыхъ изъ этихъ преступленій, притомъ постоянныхъ и необходимыхъ, мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ, теперь же приведемъ не безъинтересный разсказъ о балашевскихъ хлыстахъ, характеризующій фанатическую до съумасшествія настроенность нѣкоторыхъ хлыстовъ. За двѣсти верстъ отъ слободы Песчанки, тамбовской губерніи, борисоглѣбскаго уѣзда, есть селеніе Уварово, гдѣ проживалъ „отецъ и наставникъ“ хлыстовъ. Сюда-то въ Уварово и двинулись около Троицына дня сектанты слободы Песчанки. На возвратномъ пути „нѣкто Василій, подъ наитіемъ какой-то таинственной силы, схватываетъ одну дѣвушку шестнадцати лѣтъ и раздѣваетъ до нага; затѣмъ тащитъ къ озеру и бросаетъ въ воду“.... „Окончивъ дѣло крещенія, восторженный изувѣръ кидается на товарища, духовнаго своего брата, и наноситъ ему крѣпкіе удары, въ чемъ помогаютъ ему лже-Варвара (баба, назвавшая себя Варварою великомученицею) и третья женщина Пелагея. Сильно обороняясь, битый ускользаетъ въ овражъ, желая скрыться. Скрываясь, онъ часто оглядывался и видѣлъ: Василій, упустивъ товарища, собралъ обѣихъ женщинъ и, обнявъ ихъ, пустился съ ними въ дикую пляску, сопровождаемую неестественными и соблазнительными тѣлодвиженіями. Вдоволь натѣшившись, лжехристосъ съ ожесточеніемъ принялся цѣловать Варвару и Пелагею попеременно съ побоями; тѣ отвѣчали тѣмъ же“... Наконецъ, въ довершe-

ніе безобразій скачущіе и пляшущіе рѣшили кому-то принести жертву; жребій этотъ палъ на Пелагею, которая и была замучена до смерти самымъ неистовымъ образомъ. Но это еще не все; неистовства продолжались. Василій самъ подвергъ себя страданіямъ, для чего не разъ ложился подъ идущихъ лошадей. При въѣздѣ въ слободу, онъ одѣлся въ женскую порванную рубаху, а Прасковья осталась нагою, и въ такомъ видѣ они совершили свой въѣздъ въ село. Лже-Варвара пѣла стихи:

„Встаетъ солнце со лучами,
Идетъ Петро со ключами.
Души наши выпущать,
А христіанскія сажать“ (1).

Конечно, явленіе, описанное нами, есть аномальное и такимъ считается по воззрѣнію самихъ хлыстовъ. Поэтому, то общее положеніе, что братство хлыстовъ есть союзъ крѣпкій, могучій, поддерживаемый дѣятельными пособіями другъ другу,—вѣрно. Не даромъ, поэтому, въ народѣ ходитъ молва, что „кто рѣшился принять и придержаться хлыстовской вѣры, тотъ уже не живетъ безъ достатка. Тамъ рука руку моетъ, одинъ другому помогаетъ и добрымъ совѣтомъ, и нужными деньгами“ (2). Если же дѣйствительно, братство хлыстовъ составляетъ крѣпкій союзъ, то существованіе такого братства, очевидно, не безопасно для православной церкви. При коренномъ правилѣ этой секты: „свѣтъ зажигается не для того, чтобы подъ спудомъ его скрыть, не на то вблна овцѣ дается, чтобы одна она ее носила, но чтобы и другихъ одѣвала и обогрѣвала, что должно данный талантъ не зарывать въ землю, а приращивать, да не безплодны явимся на судъ Христовъ“ (3),—оказывается, что однимъ изъ главнѣйшихъ стремленій секты есть не-

(1) Перм. Еп. Вѣд. 1869 г. № 36.
(2) От. Зап. 1867 г. № 6. 501 стр.
(3) Тул. Еп. Вѣд. 1862 г. 214 стр.

обузданный прозелитизмъ. Въ настоящее время, какъ передаетъ обратившійся къ православію хлыстъ, все вниманіе хлыстовъ обращено на дѣтей, такъ какъ, по ихъ соображенію, „если попы съумѣютъ малолѣтнимъ втолковать церковщину, то намъ тогда трудно будетъ таковыхъ склонить въ божество; а какъ мы малолѣтнихъ заблаговременно просвѣтимъ свѣтомъ благодати святой, тогда на нихъ церковщина не подѣйствуетъ и при такой поддержкѣ божествю наше не утратитъ своей силы“ (1). Но и помимо прозелитизма, составляющаго общую принадлежность всякаго религіознаго общества, безполезность, а во многихъ случаяхъ очевидный и существенный вредъ хлыстовъ для господствующей церкви, общества и государства сдѣлаются очевидными, если мы обратимъ вниманіе, съ одной стороны, на тѣ отношенія, въ какія ставятъ сами себя хлысты къ послѣднимъ, а съ другой — на ученіе ихъ о плотскомъ воздержаніи и на практическія послѣдствія этого ученія.

Отношенія хлыстовъ къ всѣмъ вообще не хлыстамъ и въ особенности къ православнымъ носятъ на себѣ характеръ непримиримой вражды, ненависти и презрѣнія. Причина этого главнымъ образомъ и прежде всего заключается въ религіозномъ разномысліи и особенно въ той духовной гордости и заносчивости, которыя такъ рельефно выдѣляютъ хлыстовъ изъ всѣхъ другихъ религіозныхъ обществъ. Далѣе; много благопріятствовали образованію такихъ враждебныхъ отношеній и историческія условія, въ которыхъ находились хлысты въ теченіи свыше двухсотлѣтняго своего существованія, — условій, которыя всегда были для нихъ не благопріятны, а въ иныхъ случаяхъ даже и невыносимы. Поэтому, отчасти становится понятнымъ слѣдующій полный вражды и ненависти взглядъ хлыстовъ на православное общество и правительство.

---

(1) Тул. Еп. Вѣд. 1868 г. № 7. 232—233 стр.

Православный народъ — это, по словамъ пѣсенъ, „злой міръ, житейскій родъ“ (1) „невѣрный народъ“ (2), „злые люди, тати, злой князь міра“ (3), „хищникъ злой“ (4); „огненная рѣка“, для безопаснаго перехода которой хлысты просятъ у своего батюшки „богатырскаго коня“ (5). Не менѣе язвительными эпитетами пользуется отъ хлыстовъ и православное правительство духовное и гражданское. Правительственныя лица — это, по выраженію хлыстовъ, „черные враны“ (6), „звѣри“ и притомъ „кровожадные“ (7), „волки злые“ (8); „безбожные іудеи“ (9), „злые фарисеи“ (10) и проч. и проч. (11). Само собою понятно, что жизнь

---

(1) Добротворскій, № 59, 178 стр.

(2) Дух. стихи люд. бож. Барсова, № 22, 35 стр.

(3) Тамъ же, № 24, 40 стр.

(4) Тамъ же, № 34, 54 стр.

(5) Тамъ же, № 68, 103 стр.

(6) Добротворскій, № 12, 127 стр.; Барсовъ, № 23, 37 стр.; 21, 34 стр.

(7) Добротворскій, № 8, 122 стр.; Барсовъ, № 21, 34 стр.

(8) Добротворскій, № 29, 150 стр.; Барсовъ, № 55, 88 стр

(9) Добротворскій, № 26, 146 стр.

(10) Тамъ же, № 7, 119 стр.

(11) Существуетъ, впрочемъ, у хлыстовъ одна пѣсня, въ которой излагается усердная молитва людей божіихъ къ Создателю о православномъ царѣ. Сдѣлаемъ изъ нея нѣсколько выдержекъ.

«Ужъ и дай ему (царю), Господи,
Ему въ сердце Св. Духа,
Во уста Родословъ книгу;
И внуши ему, Господи,
Чтобъ не гналъ людей божіихъ;
Увѣнчай его славою,
Взвесели сердце радостью....
Продли дни его царствія
И на лѣта на многія
Въ вожделенномъ во здравіи....
Еще дай Ему, Господи,
На совѣтъ людей избранныхъ
И святыхъ Духомъ призванныхъ,
Чтобъ впередъ шелъ Божій родъ» (Барсовъ, № 13, 216—217).

среди „хищныхъ звѣрей“ всякому непріятна. Хлысты, поэтому, тяготятся своею жизнію и нерѣдко высказываютъ про свое тяжелое житье-бытье среди міра:

„Намъ грустнешенько
Съ міромъ лютымъ жить:
Вездѣ злоба, лесть,
Коварство лежитъ,
Не спускаютъ съ глазъ
Бога любящихъ,
Ищутъ гдѣбъ убить
Насъ каменьями,
Надъ нами хотятъ
Наругатися“ (1).

Или еще:

„Чужая сторонушка (2) безъ вѣтра сушитъ,
Безъ вѣтра сушитъ, безъ солнца печетъ;
На чужой сторонушкѣ умѣючи жить,
Старому—малому покорному быть,
Буйной головушкой—поклончивой жить,
Ретиву сердечушку спокойному быть“ (3).

Цѣль и мотивы приведенной нами молитвы хлыстовской—понятны; хлысты молятся, чтобы православный царь былъ милостивъ къ ихъ обществу и не преслѣдовалъ ихъ; подъ этимъ необходимымъ условіемъ они просятъ у Создателя всѣхъ милостей православному царю. — Такъ какъ молитва эта единственная во всей извѣстной намъ литературѣ хлыстовской, то она, очевидно, не можетъ составлять существеннаго противорѣчія уже высказанному нами взгляду о хлыстовской литературѣ въ извѣстномъ ея направленіи. При этомъ, нельзя не замѣтить, что внѣшній складъ молитвы, а равно и теченіе мыслей довольно послѣдовательное, заставляютъ подозрѣвать въ составителѣ этой молитвы извѣстнаго помѣщика Дубовицкаго, который хотя и былъ мистикомъ, но не былъ въ собственномъ смыслѣ хлыстомъ. Слѣдовательно, приведенная нами молитва даже не можетъ и считаться произведеніемъ хлыстовъ.

(1) Добротворскій, № 84, 126—127 стр.

(2) Т. е. люди не ихъ согласія.

(3) Добротворскій, № 81, 196 стр.

Жизнь эта до того тяжела и невыносима, что даже

„Стало тошно на землѣ
Жить послѣднимъ сиротамъ“ (1).

Считая весь міръ, все общество не-хлыстовъ погрязшимъ во грѣхахъ, всецѣло проникнутымъ зломъ и недоброжелательствомъ къ нимъ, хлыстамъ, послѣдніе всегда чуждаются этого „злаго міра“, смотрятъ всегда съ какой-то подозрительностію на окружающихъ ихъ. Пророки хлыстовскіе весьма часто предостерегаютъ своихъ вѣрныхъ дѣтушекъ отъ сношеній съ „злымъ міромъ“.

„Бѣдныя голубицы!“ взываетъ къ нимъ пророкъ,
„Чистотой вы одѣвайтеть,
„Вѣрой возвышайтесь.
А по чистому полю гулять берегитесь
Со злымъ міромъ не водитесь,
У него не учитесь....
Вы назадъ не озирайтесь,
Но впередъ простирайтесь.
Кто же станетъ озираться,
Станетъ оставаться;
А прочь отъ стадочка отстанетъ,
Опять не пристанетъ“ (2).

Они же всегда побуждаютъ ихъ быть готовыми къ отчаянной борьбѣ съ этимъ злымъ міромъ. „А теперь“, т. е. пока живешь на землѣ, „мои друзья“, обращается пророкъ къ божіимъ людямъ,

Вооружимъ сами себя,
Живой вѣрой, какъ щитомъ,
Словомъ божьимъ, какъ мечемъ,
Смиреніемъ, какъ копьемъ,
Любовію, какъ огнемъ.
Смѣло будемъ наступать,
Терпѣніемъ побѣждать;

(1) Барсовъ, № 48, 76 стр. Ср. № 4, 5 стр. № 34, 53 стр.; Добротворскій, № 80, 195 стр.

(2) Добротворскій, № 59, 178—179 стр.

Врагу мѣста не давай,
Сердце свое ограждай (1)....

Но такъ какъ, очевидно, такими средствами не всегда удобно побѣждать „злой міръ“, ибо не всѣ способны къ самопожертвованію, то въ большинствѣ случаевъ для этой борьбы съ міромъ хлысты употребляютъ низкія и въ тоже время вредныя для общества и церкви средства. Хотя оффиціально и неизвѣстно, но тѣмъ не менѣе, основываясь на нѣкоторыхъ свидѣтельствахъ, заслуживающихъ, по нашему мнѣнію, полной вѣры, можно положительно утверждать, что хлысты крайніе лицемѣры, употребляютъ для своихъ эгоистическихъ цѣлей подкупы и интриги, прямо направленныя ко вреду общества и православной церкви. Такъ, одинъ изъ обратившихся къ православію хлыстъ свидѣтельствуетъ, что хлысты „и въ своей обыденной жизни крайніе лицемѣры“.... „Неправда, злоба, ненависть и мерзкія дѣла блудныя“ — составляютъ обычное явленіе въ ихъ жизни, но дѣлается все это „тайно“, чтобы никто не видѣлъ; если же случится замѣтить, то въ этомъ случаѣ указываютъ на „вражію силу“, какъ на причину (2). Можно видѣть изъ этого, насколько искренни должны быть отношенія хлыстовъ къ православнымъ, если они даже обманываютъ самихъ себя. Дѣйствительно, какъ передаетъ одинъ священникъ, много времени наблюдавшій за жизнью хлыстовъ, всѣ отношенія хлыстовъ къ православной церкви проникнуты крайнимъ лицемѣріемъ и безграничною ненавистью. „Если хлыстъ, по словамъ священника, да начнетъ ходить къ обѣднѣ— это самый аспидъ-то и есть! Ужъ непремѣнно предается съ яростію оскверненію святыни и скопцовъ подъучаетъ (3).... Тотъ же обратившійся къ право-

(1) Дух. стихи люд. бож. Барсова, № 5, 6 стр.
(2) Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 8. 267—268 стр.
(3) День. 1864 г. № 24. 8.

славію хлыстъ говоритъ, что „наружнымъ видомъ хлысты ничѣмъ не отличаются отъ православныхъ: ходятъ въ церковь Божію очень часто, исповѣдаются и сообщаются святыхъ таинъ ежегодно и уличить ихъ въ расколѣ, поэтому, весьма трудно“ (1); но все это дѣлается ими, по словамъ тогоже обратившагося хлыста, для отвода глазъ начальству или, по выраженію скопцовъ, „страха ради іудейска“. Въ тяжкую годину преслѣдованій со стороны правительства, хлысты стараются находить себѣ агентовъ въ кругу даже полицейскихъ чиновниковъ и при помощи ихъ провѣдываютъ о мѣрахъ, предпринимаемыхъ противъ нихъ правительствомъ. Такъ было, между прочимъ, въ кораблѣ, гдѣ находился обратившійся къ православію хлыстъ и, именно, въ царствованіе Николая I (2). Если, далѣе, кто либо изъ священниковъ рѣшился донести своему начальству объ уклоненіи хлыстовъ отъ православной церкви, то въ этомъ случаѣ хлысты употребляютъ всевозможныя интриги, чтобы запутать самого доносителя и оправдать себя. Такъ, разсказываетъ тотъ же бывшій сектантъ, священникъ села Новопанскаго михайловскаго уѣзда, рязанской губерніи, имѣлъ процессъ съ хлыстами, но по неимѣнію доказательствъ уличить ихъ въ ереси, изъ своего прихода былъ удаленъ и переведенъ въ другой—бѣдный и нѣсколько времени, какъ обвиненный, состоялъ на дьячковской должности. Такой поучительный случай, продолжаетъ разскащикъ, до того озадачилъ духовенство, что священники, хотя и замѣчали въ своихъ приходахъ хлыстовъ, но, не имѣя явныхъ доказательствъ, рѣдко и даже почти совсѣмъ не доносили о нихъ епархіальному начальству. Поэтому и всѣ сектанты, сообразно наружному виду ихъ религіозности, въ статистическихъ церковныхъ вѣдо-

(1) Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 8. 265—266 стр.

(2) Тул. Еп. Вѣд. 1868 г. № 7. 231 стр.

мостяхъ обыкновенно значились православными христіанами (1).

По принципамъ своего соціальнаго быта хлысты совершенно безполезны и даже вредны для общества и государства. — Въ основѣ каждаго государства, конечно, лежитъ семейство. Но о послѣднемъ не моможетъ быть и рѣчи у хлыстовъ. Отрицая въ принципѣ законный бракъ и считая его „скверной", хлысты не имѣютъ любви къ своимъ дѣтямъ, рожденнымъ ими въ незаконномъ сожитіи. Мало того; они даже презираютъ своихъ дѣтей, называя ихъ „грѣшками" и приписывая рожденіе ихъ слабости человѣческой природы. Такимъ образомъ, нравственная связь между родителями и дѣтьми уничтожается; отецъ вооружается противъ сына, сынъ противъ отца. Въ хлыстовской литературѣ существуетъ повѣсть, объясняющая отношенія отца къ сыну даже за предѣлами этой жизни. По словамъ повѣсти, отецъ и сынъ, находясь въ мукахъ, взаимно себя укоряютъ и проклинаютъ. Сынъ и отецъ изображены въ темницѣ, среди пылающаго огня (2).

Изъ такого воззрѣнія хлыстовъ на бракъ и въ особенности на своихъ дѣтей, прижитыхъ ими внѣ брака, логически должно было бы вытекать и соотвѣтствующее ему воззрѣніе на самый фактъ преступленія: блудный грѣхъ, какъ нарушеніе извѣстнаго правила, долженъ быть преслѣдуемъ и наказуемъ. Всматриваясь, однако, въ ученіе хлыстовъ и въ особенности въ ихъ внутренній бытъ, который создалъ это ученіе, мы видимъ у нихъ другое, совершенно противоположное первому воззрѣніе. Заповѣдь о воздержаніи отъ сожитія съ женщинами, данная сначала Данилою Филипповичемъ и потомъ повторявшаяся нѣсколько разъ лжехристами и лжепророками,

(1) Тул. Еп. Вѣд. 1868 г. № 7. 232 стр.

(2) Прав. Обозр. 1873 г. № 1. 326 стр.

очевидно, есть общая по своему характеру и простирается на всѣ возможные виды плотскаго невоздержанія. Но хлысты какъ-то съумѣли обойти такой очевидный и ясный смыслъ этой заповѣди и существенно ограничили приложеніе ея. „То не есть блудъ, когда братъ съ сестрой, по взаимной склонности, имѣютъ плотскую любовь, а блудъ и скверна есть бракъ законный, яко противный Господу“, разсуждала хлыстовская богородица Марѳа Павловна (1). Такимъ образомъ, по смыслу этихъ словъ лжебогородицы, повторявшихся и другими, напр. Алексѣемъ Трофимовичемъ (2), внѣ законнаго брака всякому открыта широкая дорога относительно плотскаго сожитія съ женщинами. Казалось бы, логически слѣдовало бы вовсе уничтожить первую заповѣдь, данную Данилою Филипповичемъ и вмѣсто нея внесть въ кодексъ новую, существенно отличную отъ первой. Этого, однако, хлысты не сдѣлали формально и до настоящаго времени заповѣдь Данилы Филипповича остается во всей силѣ. Спрашивается, какъ же теперь примирить двѣ вещи, повидимому, совершенно непримиримыя между собою — съ одной стороны, ученіе о безусловномъ воздержаніи отъ плотскаго сожитія съ женщинами, а съ другой — ученіе о возможности разврата въ самыхъ широкихъ размѣрахъ? Это очевидное противорѣчіе хлысты разрѣшаютъ ученіемъ о такъ называемомъ „духовномъ супружествѣ“. По ученію хлыстовъ, каждый мужчина можетъ имѣть у себя „духовную супругу“, равно какъ и каждая женщина можетъ имѣть „духовнаго супруга“. При этомъ супружествѣ ни выбора, ни предложенія, ни сватовства и другихъ обрядовъ, не бываетъ, такъ какъ „самъ Духъ Святый укажетъ, кому соединиться, кому составить одно“ (3). Какъ духовное, супружество это должно

(1) Реутскій, 50 стр.

(2) Тамъ же, 51 стр.

(3) Самар. Еп. Вѣд. 1872

быть тайнымъ, скрытымъ отъ всѣхъ; никакихъ внѣшнихъ, видимыхъ послѣдствій отъ него не должно быть. Если это супружество будетъ сохранять такой характеръ, то ни одинъ человѣкъ не имѣетъ права обличать супруговъ въ блудныхъ грѣхахъ, ибо, говорятъ хлысты, „если его или ее, т. е. хлыста или хлыстовку, замѣченныхъ въ блудномъ дѣяніи, Духъ Святый чрезъ пророковъ не обличаетъ, то какъ смѣемъ мы обличать и осуждать ихъ во грѣхахъ? Стало быть, они во грѣхахъ своихъ приносятъ Богу тайное покаяніе“ (1). Иное дѣло, если это супружество становится открытымъ, явнымъ, такъ что его замѣчаютъ не только братья и сестры по сектѣ, но и посторонніе; въ этомъ случаѣ никакихъ извиненій и послабленій не можетъ быть оказываемо „духовнымъ супругамъ“; дѣянія ихъ разсматриваются уже какъ преступленія и сами они какъ преступники подвергаются всякаго рода упрекамъ, насмѣшкамъ и изгнанію изъ общества. Послѣдней участи, конечно, незавидной и жалкой, чаще всего, подвергаются неопытныя и увлекающіяся дѣвушки. Положеніе провинившихся дѣвушекъ крайне тяжело и, можно сказать, невыносимо. Иная изъ нихъ съ радостію вступила бы въ бракъ съ своимъ соблазнителемъ, но этому желанію препятствуетъ законъ хлыстовскій; поэтому, далѣе, хлысты никакъ не допускаютъ, чтобы провинившаяся дѣвушка вступила въ законный бракъ. Такимъ образомъ, разъ впавшей въ блудный грѣхъ дѣвушкѣ въ силу необходимости, приходится переносить всѣ тѣ мученія и терзанія, какимъ подвергаютъ ее всѣ хлысты и, въ особенности, близкіе родственники. Отсюда, нерѣдко въ средѣ хлыстовъ происходятъ кровавыя и возмутительныя драмы, оканчивающіяся часто трагически, т. е. самоубійствомъ преслѣдуемой и виноватой или же нанесеніемъ ею себѣ жестокихъ и опас-

(1) Тул. Еп. Вѣд. 1869 г. № 20, 247 стран.

ныхъ ранъ и болѣзней. Насколько въ самомъ дѣлѣ, тяжело бываетъ положеніе провинившихся дѣвушекъ и насколько бываютъ жестоки къ виновнымъ хлысты, объ этомъ весьма краснорѣчиво свидѣтельствуютъ два факта, переданные обратившимся къ православію хлыстомъ. Мы постараемся передать ихъ возможно короче и своими словами.

Одна пророчица дѣвица согрѣшила. Чтобы избавиться отъ явныхъ послѣдствій своего недавняго грѣха, она рѣшилась прибѣгнуть къ обычному въ этихъ случаяхъ средству: приняла нѣсколько купороснаго масла съ цѣлію истребить плодъ, хотя о существованіи его она еще и сама не могла знать. Подходитъ, между тѣмъ, храмовой праздникъ; присутствіе ея въ этотъ день на радѣніи совершенно необходимо. Считая себя совершенно справедливо грѣшницею, а съ другой стороны, боясь принести публичное покаяніе въ своемъ грѣхѣ,—такъ какъ, по правиламъ, такой грѣхъ не терпимъ въ обществѣ хлыстовъ, — она рѣшилась принести Богу „тайное покаяніе“. Это тайное покаяніе состояло въ томъ, что она, взявши кусокъ сѣры, зажгла свѣчу, надъ которой и держала сѣру: разгорѣвшаяся сѣра капала на ея ноги. Весьма понятно, что ноги разболѣлись страшно и уже поэтому одному она не могла присутствовать на радѣніи. Тѣмъ не менѣе, узнавъ, что въ этотъ день будутъ ея близко знакомыя подруги, не смотря на страшную боль и нравственное мученіе, пророчица рѣшилась итти на соборъ; ее принесли на рукахъ. Въ страхѣ и смущеніи, больная заревѣла коровой и упала къ ногамъ пророка и завопила, обливаясь горькими слезами: „государь, нашъ батюшка, духъ святой, прости и помилуй меня грѣшницу недостойную“. Пророкъ, не догадываясь въ чемъ дѣло, по обычаю пророкаетъ ей слово Божіе: „не кричи, возлюбленная моя душа; ты за свою болѣзнь получишь отъ меня, духа св., [illegible]ша. Я богъ духъ святой болѣзнь оставлю тебя *чистую дѣ-*

ву; исцѣлю твою болѣзнь, съ главы не сниму *дѣвственный вѣнецъ*". Такимъ образомъ, пророкъ не узналъ о ея грѣхѣ, да и она сама не сочла нужнымъ открываться; поэтому, ни мало не смущаясь, она и впослѣдствіи вошла въ знакомую ей роль пророчицы. Уже спустя нѣкоторое время, она сама добровольно оставила хлыстовское общество, переѣхавъ къ своему „духовному любимому брату" въ качествѣ работницы (1).

Другой случай еще болѣе замѣчательный и вполнѣ обрисовывающій нравственную физіономію хлыстовскаго общества обратившійся къ православію сектантъ приводитъ изъ своей жизни. Приходя въ совершенный возрастъ, говоритъ онъ, „по примѣру другихъ я полюбилъ молодую дѣвушку духовною любовію; я сталъ оказывать ей склонность, дарилъ ее платками и др. вещами. Маша (такъ звали его возлюбленную сестрицу) тоже оказывала и мнѣ взаимную склонность: дарила меня полотенцами и шила мнѣ рубашки.... Такую любовь мы продолжали честно три года. Наконецъ, она довела насъ до грѣха" (2). Естественно, что послѣ этого у нихъ обоихъ явилось смущеніе и страхъ быть узнанными на радѣніяхъ, когда ихъ пророки пророкали частную судьбу. Этого, однако, они напрасно боялись; пророки даже „иногда и похваливали за благочестивую жизнь". Иное дѣло—послѣдствія самаго ихъ поступка. Маша оказалась беременною. Чтобы истребить плоды грѣха, она всячески старалась мять животъ, съ этою цѣлію перевѣшивалась чрезъ жесткія ребра досокъ, ложилась на камни и проч. Узнавши это, говоритъ онъ, „я сталъ упрашивать ее, чтобы она не дѣлала сего, обѣщался взять ее замужъ". Но этого послѣдняго никакъ нельзя было сдѣлать, потому что бракъ сторого воспрещенъ

(1) Тул. Еп. Вѣд. 1869 г. № 20, 247—249 стр.
(2) Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 18, 123—124 стр.

одною изъ заповѣдей сектантовъ (¹). Дѣйствительно, мѣстный священникъ, опасаясь отвѣтственности предъ начальствомъ ни за что не соглашался совершить брака безъ согласія родителей Маши (а они были также хлысты). Между тѣмъ, пришло время родовъ. Что и какъ было поступлено съ виновною, объ этомъ мы заимствуемъ разсказъ одной изъ родственницъ виновной. „Какъ только взошла Марья (въ домъ со двора), матушка разразилась надъ ней страшною бранью, начала ее клясть, такъ что жутко слушать. Марья упала къ ногамъ родительницы своей, просила у ней и у батюшки прощенія; но мать своими ногами отъ себя ее отсунула съ крѣпкой угрозой во весь вѣкъ не простить ей такого грѣха и начала ее всячески бранить и клясть. Долго Марья лежала на полу и жалобно кричала; но матушка все ее бранила и кляла. Марья съ пола поднялась и съ крикомъ вышла за дверь. Вдругъ слышу ворота скрипнули. Я кинулась на дворъ посмотрѣть: слышу, Марья кричитъ за воротами. Я вслѣдъ за нею бѣгу, она кричитъ, а сама идетъ подъ гору. Я за ней и схватила ее за руку; спросила ее: куда же ты идешь, милая головушка? Марья остановилась; плачетъ и говоритъ мнѣ: отжила я свой вѣкъ, прости меня, милая невѣстка, больше не жить мнѣ. Услышавши эти слова ея, я стала ее уговаривать и сама горько заплакала.... Кое какъ уговорила ее, привела домой, сама со слезами стала уговаривать матушку: ты ее погубишь, а съ ней и мы пропадемъ, на насъ ее взыщутъ и засудятъ насъ тогда. Матушка сробѣла. Ну теперь уже, видно, нечего дѣлать, сказала она. Я сходила за бабушкой. Какъ только матушка услышала крикъ ребенка, вдругъ вскочила и начала ногами бить Марью. Мы съ бабушкой скоро схватили ее и отвели прочь.... На другой день мальчика окрестили. Когда ушла бабушка, съ того времени матушка запретила Марьѣ кормить

(¹) Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 18. 124 стр.

ребенка грудью. Марья кормитъ его по ночамъ, когда уснетъ матушка, а днемъ она рѣдко кормитъ его, развѣ когда матушка выйдетъ куда. А теперича принуждаетъ Марью въ Москву его отвезть въ воспитательный домъ“ (1). Только спустя мѣсяца три участь провинившейся дѣвушки была облегчена. Усиленныя просьбы его и ея, а также и ея брата, не принадлежавшаго къ сектѣ, убѣдили „злую и безчеловѣчную старуху“ отпустить дочь свою въ домъ ея совратителя, который и обвѣнчался съ нею по обряду православной церкви (2).

Достовѣрность переданныхъ нами фактовъ, не можетъ быть оспариваема. Мало того, можно думать, что подобные этимъ факты не только могутъ быть въ обществѣ хлыстовъ, но они необхолимо должны быть вслѣдствіе своеобразно устроеннаго хлыстами внутренняго быта. Тамъ, гдѣ нѣтъ законнаго удовлетворенія извѣстнымъ требованіямъ человѣческой жизни, тамъ удовлетвореніе ихъ обыкновенно совершается путемъ противозаконнымъ, путемъ преступленій. Хлысты, очевидно, только платятъ должную дань своему неразумію и непониманію самыхъ простыхъ законовъ человѣческой жизни.

---

(1) Тул. Еп. Вѣд. 1869 г. № 23. 337—338 стр.

(2) Тамъ же, 342 стр.

В.

УЧЕНІЕ СЕКТЫ СКОПЦОВЪ.

Изъ ученія секты хлыстовъ непосредственно выродилось ученіе секты скопцовъ. Такъ, хлыстовское ученіе о возможности и необходимости многократныхъ перевоплощеній І. Христа могла навести Селиванова на мысль о другократномъ только явленіи Сына Божія во плоти; ученіе хлыстовъ о безусловномъ воздержаніи отъ всякаго сообщенія между мущиною и женщиною, практически приводившее къ возмутительнѣйшимъ и безнравственнымъ явленіямъ, послужило Селиванову исходною точкою для развитія ученія о необходимости оскопленія. Но, допуская генетическую связь ученія секты скопцовъ съ ученіемъ секты хлыстовъ, мы далеки, однако, отъ мнѣнія гг. Е. Барсова (1), Мельникова (2) и др., для которыхъ между ученіемъ скопцовъ и хлыстовъ нѣтъ и не можетъ быть никакого существеннаго различія. Такое мнѣніе названныхъ изслѣдователей, намъ кажется, основано на нѣкоторыхъ недоразумѣніяхъ. То, что заимствовано скопцами отъ хлыстовъ въ ученіи, по нашему мнѣнію, касается только общаго религіознаго и нравственнаго міросозерцанія. Такъ, въ религіозномъ ученіи скопцовъ господствуетъ тотъ же мистицизмъ и пантеизмъ, какіе составляютъ принадлежность хлыстовскаго религіознаго воззрѣнія; въ ученіи нравственномъ господствуетъ тотъ же дуализмъ, какой

---

(1) Прав. Обозр. 1873 г. № 2, 312 стр.

(2) Рус. Вѣстн. 1869 г. № 3. 388 стр.

Врагу мѣста не давай,
Сердце свое ограждай (1)....

Но такъ какъ, очевидно, такими средствами не всегда удобно побѣждать „злой міръ“, ибо не всѣ способны къ самопожертвованію, то въ большинствѣ случаевъ для этой борьбы съ міромъ хлысты употребляютъ низкія и въ тоже время вредныя для общества и церкви средства. Хотя оффиціально и неизвѣстно, но тѣмъ не менѣе, основываясь на нѣкоторыхъ свидѣтельствахъ, заслуживающихъ, по нашему мнѣнію, полной вѣры, можно положительно утверждать, что хлысты крайніе лицемѣры, употребляютъ для своихъ эгоистическихъ цѣлей подкупы и интриги, прямо направленныя ко вреду общества и православной церкви. Такъ, одинъ изъ обратившихся къ православію хлыстъ свидѣтельствуетъ, что хлысты „и въ своей обыденной жизни крайніе лицемѣры“.... „Неправда, злоба, ненависть и мерзкія дѣла блудныя“ — составляютъ обычное явленіе въ ихъ жизни, но дѣлается все это „тайно“, чтобы никто не видѣлъ; если же случится замѣтить, то въ этомъ случаѣ указываютъ на „вражію силу“, какъ на причину (2). Можно видѣть изъ этого, насколько искренни должны быть отношенія хлыстовъ къ православнымъ, если они даже обманываютъ самихъ себя. Дѣйствительно, какъ передаетъ одинъ священникъ, много времени наблюдавшій за жизнью хлыстовъ, всѣ отношенія хлыстовъ къ православной церкви проникнуты крайнимъ лицемѣріемъ и безграничною ненавистью. „Если хлыстъ, по словамъ священника, да начнетъ ходить къ обѣднѣ— это самый аспидъ-то и есть! Ужъ непремѣнно предается съ яростію осквернению святыни и скопцовъ подъучаетъ (3).... Тотъ же обратившійся къ право-

(1) Дух. стихи люд. бож. Барсова, № 5, 6 стр.
(2) Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 8. 267—268 стр.
(3) День. 1864 г. № 24. 8.

славію хлыстъ говоритъ, что „наружнымъ видомъ хлысты ничѣмъ не отличаются отъ православныхъ: ходятъ въ церковь Божію очень часто, исповѣдаются и сообщаются святыхъ таинъ ежегодно и уличить ихъ въ расколѣ, поэтому, весьма трудно“ (1); но все это дѣлается ими, по словамъ тогоже обратившагося хлыста, для отвода глазъ начальству или, по выраженію скопцовъ, „страха ради іудейска“. Въ тяжкую годину преслѣдованій со стороны правительства, хлысты стараются находить себѣ агентовъ въ кругу даже полицейскихъ чиновниковъ и при помощи ихъ провѣдываютъ о мѣрахъ, предпринимаемыхъ противъ нихъ правительствомъ. Такъ было, между прочимъ, въ кораблѣ, гдѣ находился обратившійся къ православію хлыстъ и, именно, въ царствованіе Николая I (2). Если, далѣе, кто либо изъ священниковъ рѣшился донести своему начальству объ уклоненіи хлыстовъ отъ православной церкви, то въ этомъ случаѣ хлысты употребляютъ всевозможныя интриги, чтобы запутать самого доносителя и оправдать себя. Такъ, разсказываетъ тотъ же бывшій сектантъ, священникъ села Новопанскаго михайловскаго уѣзда, рязанской губерніи, имѣлъ процессъ съ хлыстами, но по неимѣнію доказательствъ уличить ихъ въ ереси, изъ своего прихода былъ удаленъ и переведенъ въ другой—бѣдный и нѣсколько времени, какъ обвиненный, состоялъ на дьячковской должности. Такой поучительный случай, продолжаетъ разскащикъ, до того озадачилъ духовенство, что священники, хотя и замѣчали въ своихъ приходахъ хлыстовъ, но, не имѣя явныхъ доказательствъ, рѣдко и даже почти совсѣмъ не доносили о нихъ епархіальному начальству. Поэтому и всѣ сектанты, сообразно наружному виду ихъ религіозности, въ статистическихъ церковныхъ вѣдо-

(1) Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 8. 265—266 стр.

(2) Тул. Еп. Вѣд. 1868 г. № 7. 231 стр.

мостяхъ обыкновенно значились православными христіанами (1).

По принципамъ своего соціальнаго быта хлысты совершенно безполезны и даже вредны для общества и государства. — Въ основѣ каждаго государства, конечно, лежитъ семейство. Но о послѣднемъ не моможетъ быть и рѣчи у хлыстовъ. Отрицая въ принципѣ законный бракъ и считая его „скверной", хлысты не имѣютъ любви къ своимъ дѣтямъ, рожденнымъ ими въ незаконномъ сожитіи. Мало того; они даже презираютъ своихъ дѣтей, называя ихъ „грѣшками" и приписывая рожденіе ихъ слабости человѣческой природы. Такимъ образомъ, нравственная связь между родителями и дѣтьми уничтожается; отецъ вооружается противъ сына, сынъ противъ отца. Въ хлыстовской литературѣ существуетъ повѣсть, объясняющая отношенія отца къ сыну даже за предѣлами этой жизни. По словамъ повѣсти, отецъ и сынъ, находясь въ мукахъ, взаимно себя укоряютъ и проклинаютъ. Сынъ и отецъ изображены въ темницѣ, среди пылающаго огня (2).

Изъ такого воззрѣнія хлыстовъ на бракъ и въ особенности на своихъ дѣтей, прижитыхъ ими внѣ брака, логически должно было бы вытекать и соотвѣтствующее ему воззрѣніе на самый фактъ преступленія: блудный грѣхъ, какъ нарушеніе извѣстнаго правила, долженъ быть преслѣдуемъ и наказуемъ. Всматриваясь, однако, въ ученіе хлыстовъ и въ особенности въ ихъ внутренній бытъ, который создалъ это ученіе, мы видимъ у нихъ другое, совершенно противоположное первому воззрѣніе. Заповѣдь о воздержаніи отъ сожитія съ женщинами, данная сначала Данилою Филипповичемъ и потомъ повторявшаяся нѣсколько разъ лжехристами и лжепророками,

(1) Тул. Еп. Вѣд. 1868 г. № 7. 232 стр.

(2) Прав. Обозр. 1873 г. № 1. 326 стр.

очевидно, есть общая по своему характеру и простирается на всѣ возможные виды плотскаго невоздержанія. Но хлысты какъ-то съумѣли обойти такой очевидный и ясный смыслъ этой заповѣди и существенно ограничили приложеніе ея. „То не есть блудъ, когда братъ съ сестрой, по взаимной склонности, имѣютъ плотскую любовь, а блудъ и скверна есть бракъ законный, яко противный Господу“, разсуждала хлыстовская богородица Марѳа Павловна (1). Такимъ образомъ, по смыслу этихъ словъ лжебогородицы, повторявшихся и другими, напр. Алексѣемъ Трофимовичемъ (2), внѣ законнаго брака всякому открыта широкая дорога относительно плотскаго сожитія съ женщинами. Казалось бы, логически слѣдовало бы вовсе уничтожить первую заповѣдь, данную Данилою Филипповичемъ и вмѣсто нея внесть въ кодексъ новую, существенно отличную отъ первой. Этого, однако, хлысты не сдѣлали формально и до настоящаго времени заповѣдь Данилы Филипповича остается во всей силѣ. Спрашивается, какъ же теперь примирить двѣ вещи, повидимому, совершенно непримиримыя между собою — съ одной стороны, ученіе о безусловномъ воздержаніи отъ плотскаго сожитія съ женщинами, а съ другой — ученіе о возможности разврата въ самыхъ широкихъ размѣрахъ? Это очевидное противорѣчіе хлысты разрѣшаютъ ученіемъ о такъ называемомъ „духовномъ супружествѣ“. По ученію хлыстовъ, каждый мужчина можетъ имѣть у себя „духовную супругу“, равно какъ и каждая женщина можетъ имѣть „духовнаго супруга“. При этомъ супружествѣ ни выбора, ни предложенія, ни сватовства и другихъ обрядовъ, не бываетъ, такъ какъ „самъ Духъ Святый укажетъ, кому соединиться, кому составить одно“ (3). Какъ духовное, супружество это должно

(1) Реутскій, 50 стр.

(2) Тамъ же, 51 стр.

(3) Самар. Еп. Вѣд. 1870 г. № 18, 422 стр.

быть тайнымъ, скрытымъ отъ всѣхъ; никакихъ внѣшнихъ, видимыхъ послѣдствій отъ него не должно быть. Если это супружество будетъ сохранять такой характеръ, то ни одинъ человѣкъ не имѣетъ права обличать супруговъ въ блудныхъ грѣхахъ, ибо, говорятъ хлысты, „если его или ее, т. е. хлыста или хлыстовку, замѣченныхъ въ блудномъ дѣяніи, Духъ Святый чрезъ пророковъ не обличаетъ, то какъ смѣемъ мы обличать и осуждать ихъ во грѣхахъ? Стало быть, они во грѣхахъ своихъ приносятъ Богу тайное покаяніе“ (1). Иное дѣло, если это супружество становится открытымъ, явнымъ, такъ что его замѣчаютъ не только братья и сестры по сектѣ, но и посторонніе; въ этомъ случаѣ никакихъ извиненій и послабленій не можетъ быть оказываемо „духовнымъ супругамъ“; дѣянія ихъ разсматриваются уже какъ преступленія и сами они какъ преступники подвергаются всякаго рода упрекамъ, насмѣшкамъ и изгнанію изъ общества. Послѣдней участи, конечно, незавидной и жалкой, чаще всего, подвергаются неопытныя и увлекающіяся дѣвушки. Положеніе провинившихся дѣвушекъ крайне тяжело и, можно сказать, невыносимо. Иная изъ нихъ съ радостію вступила бы въ бракъ съ своимъ соблазнителемъ, но этому желанію препятствуетъ законъ хлыстовскій; поэтому, далѣе, хлысты никакъ не допускаютъ, чтобы провинившаяся дѣвушка вступила въ законный бракъ. Такимъ образомъ, разъ впавшей въ блудный грѣхъ дѣвушкѣ въ силу необходимости, приходится переносить всѣ тѣ мученія и терзанія, какимъ подвергаютъ ее всѣ хлысты и, въ особенности, близкіе родственники. Отсюда, нерѣдко въ средѣ хлыстовъ происходятъ кровавыя и возмутительныя драмы, оканчивающіяся часто трагически, т. е. самоубійствомъ преслѣдуемой и виновной или же нанесеніемъ ею себѣ жестокихъ и опас-

(1) Тул. Еп. Вѣд. 1869 г. № 20, 247 стр.

ныхъ ранъ и болѣзней. Насколько въ самомъ дѣлѣ, тяжело бываетъ положеніе провинившихся дѣвушекъ и насколько бываютъ жестоки къ виновнымъ хлысты, объ этомъ весьма краснорѣчиво свидѣтельствуютъ два факта, переданные обратившимся къ православію хлыстомъ. Мы постараемся передать ихъ возможно короче и своими словами.

Одна пророчица дѣвица согрѣшила. Чтобы избавиться отъ явныхъ послѣдствій своего недавняго грѣха, она рѣшилась прибѣгнуть къ обычному въ этихъ случаяхъ средству: приняла нѣсколько купороснаго масла съ цѣлію истребить плодъ, хотя о существованіи его она еще и сама не могла знать. Подходитъ, между тѣмъ, храмовой праздникъ; присутствіе ея въ этотъ день на радѣніи совершенно необходимо. Считая себя совершенно справедливо грѣшницею, а съ другой стороны, боясь принести публичное покаяніе въ своемъ грѣхѣ,—такъ какъ, по правиламъ, такой грѣхъ не терпимъ въ обществѣ хлыстовъ, — она рѣшилась принести Богу „тайное покаяніе“. Это тайное покаяніе состояло въ томъ, что она, взявши кусокъ сѣры, зажгла свѣчу, надъ которой и держала сѣру: разгорѣвшаяся сѣра капала на ея ноги. Весьма понятно, что ноги разболѣлись страшно и уже поэтому одному она не могла присутствовать на радѣніи. Тѣмъ не менѣе, узнавъ, что въ этотъ день будутъ ея близко знакомыя подруги, не смотря на страшную боль и нравственное мученіе, пророчица рѣшилась итти на соборъ; ее принесли на рукахъ. Въ страхѣ и смущеніи, больная заревѣла коровой и упала къ ногамъ пророка и завопила, обливаясь горькими слезами: „государь, нашъ батюшка, духъ святой, прости и помилуй меня грѣшницу недостойную“. Пророкъ, не догадываясь въ чемъ дѣло, по обычаю пророкаетъ ей слово Божіе: „не кричи, возлюбленная моя душа; ты за свою болѣзнь получишь отъ меня, духа св., много душевнаго барыша. Я богъ духъ святой болѣзнію пытаю твою вѣру, не оставлю тебя *чистую дѣ-*

ребенка грудью. Марья кормитъ его по ночамъ, когда уснетъ матушка, а днемъ она рѣдко кормитъ его, развѣ когда матушка выйдетъ куда. А теперича принуждаетъ Марью въ Москву его отвезть въ воспитательный домъ" (1). Только спустя мѣсяца три участь провинившейся дѣвушки была облегчена. Усиленныя просьбы его и ея, а также и ея брата, не принадлежавшаго къ сектѣ, убѣдили „злую и безчеловѣчную старуху" отпустить дочь свою въ домъ ея совратителя, который и обвѣнчался съ нею по обряду православной церкви (2).

Достовѣрность переданныхъ нами фактовъ, не можетъ быть оспариваема. Мало того, можно думать, что подобные этимъ факты не только могутъ быть въ обществѣ хлыстовъ, но они необхолимо должны быть вслѣдствіе своеобразно устроеннаго хлыстами внутренняго быта. Тамъ, гдѣ нѣтъ законнаго удовлетворенія извѣстнымъ требованіямъ человѣческой жизни, тамъ удовлетвореніе ихъ обыкновенно совершается путемъ противозаконнымъ, путемъ преступленій. Хлысты, очевидно, только платятъ должную дань своему неразумію и непониманію самыхъ простыхъ законовъ человѣческой жизни.

---

(1) Тул. Еп. Вѣд. 1869 г. № 23. 337—338 стр.

(2) Тамъ же, 342 стр.

В.

УЧЕНІЕ СЕКТЫ СКОПЦОВЪ.

Изъ ученія секты хлыстовъ непосредственно выродилось ученіе секты скопцовъ. Такъ, хлыстовское ученіе о возможности и необходимости многократныхъ перевоплощеній І. Христа могла навести Селиванова на мысль о другократномъ только явленіи Сына Божія во плоти; ученіе хлыстовъ о безусловномъ воздержаніи отъ всякаго сообщенія между мущиною и женщиною, практически приводившее къ возмутительнѣйшимъ и безнравственнымъ явленіямъ, послужило Селиванову исходною точкою для развитія ученія о необходимости оскопленія. Но, допуская генетическую связь ученія секты скопцовъ съ ученіемъ секты хлыстовъ, мы далеки, однако, отъ мнѣнія гг. Е. Барсова (1), Мельникова (2) и др., для которыхъ между ученіемъ скопцовъ и хлыстовъ нѣтъ и не можетъ быть никакого существеннаго различія. Такое мнѣніе названныхъ изслѣдователей, намъ кажется, основано на нѣкоторыхъ недоразумѣніяхъ. То, что заимствовано скопцами отъ хлыстовъ въ ученіи, по нашему мнѣнію, касается только общаго религіознаго и нравственнаго міросозерцанія. Такъ, въ религіозномъ ученіи скопцовъ господствуетъ тотъ же мистицизмъ и пантеизмъ, какіе составляютъ принадлежность хлыстовскаго религіознаго воззрѣнія; въ ученіи нравственномъ господствуетъ тотъ же дуализмъ, какой

---

(1) Прав. Обозр. 1873 г. № 2, 312 стр.

(2) Рус. Вѣстн. 1869 г. № 3 388 стр.

присущъ хлыстовскому ученію. Вести параллель между ученіемъ хлыстовъ и скопцовъ далѣе этого, значитъ, по нашему мнѣнію, итти противъ данныхъ, представляемыхъ скопческою литературою. Въ самомъ дѣлѣ, послѣдняя во всей ея цѣлости представляетъ намъ только развитіе ученія о лицѣ І. Христа, о Селивановѣ, который, по мнѣнію скопцовъ, есть второй искупитель міра и царь Петръ III Ѳеодоровичъ, о второмъ славномъ пришествіи І. Христа, которое, по мнѣнію скопцовъ, совершилось въ лицѣ Селиванова— въ ученіи догматическомъ и развитіе ученія о необходимости оскопленія—въ ученіи нравственномъ. О другихъ пунктахъ догматическаго и нравственнаго ученія существуютъ только нѣкоторыя отрывочныя и неполныя указанія или же даже вовсе не упоминается объ нихъ. Таковы именно пункты ученія о церкви, объ ангелахъ и о душепереселеніи—въ догматическомъ отношеніи и ученіе о таинственной смерти и таинственномъ воскресеніи — въ нравственномъ, которые, какъ извѣстно, входятъ въ ученіе хлыстовъ. Мы не позволяемъ себѣ на основаніи отсутствія въ скопческой литературѣ этихъ пунктовъ ученія отрицать присутствіе ихъ вообще въ догматическомъ и нравственномъ ученіи скопцовъ; но мы позволяемъ себѣ сдѣлать на основаніи этого-то, по нашему мнѣнію, законное и правильное заключеніе, что эти пункты ученія не имѣютъ важнаго значенія въ религіозно-нравственномъ ученіи скопцовъ. То, что составляетъ, такъ сказать, душу ученія секты скопцовъ, что составляетъ сущность его, сводится только къ двумъ предметамъ: къ ученію о Селивановѣ и объ оскопленіи. Поэтому, изложить ученіе о Селивановѣ, значитъ тоже, что раскрыть всю догматику скопцовъ, изложить ученіе объ оскопленіи — значитъ тоже, что представить систему нравственнаго ученія скопцовъ. Отсюда, наша задача—изложить ученіе скопцовъ объ этихъ основныхъ предметахъ съ возможною полнотою, ясностію и опредѣленностію, предпославъ первому из-

ложеніе взгляда скопцовъ на Богочеловѣка и, присоединивъ къ послѣднему изложеніе физіологіи оскопленія. Такъ какъ, однако, своеобразность догматическаго и нравственнаго воззрѣнія скопцовъ имѣла существенное вліяніе на бытовую сторону общества скопцовъ, то къ тремъ названнымъ сторонамъ изслѣдованія секты скопцовъ мы присоединимъ и изложеніе быта скопцовъ. При этомъ, въ виду смѣшенія ученія и быта секты скопцовъ съ ученіемъ и бытомъ секты хлыстовъ, существующаго во всѣхъ почти извѣстныхъ сочиненіяхъ о скопчествѣ, мы считаемъ необходимымъ изложить то и другое въ связи съ ученіемъ хлыстовъ. Такой методъ изслѣдованія раскроетъ намъ разность между ученіемъ хлыстовъ и ученіемъ скопцовъ и окажетъ очевидную и несомнѣнную помощь при установленіи общаго взгляда на значеніе скопческой секты въ ряду другихъ сектъ.

1) Догматическое ученіе.

По ученію хлыстовъ, истинный Сынъ Божій, Господь І. Христосъ, приходилъ въ міръ съ тою цѣлію, чтобы научить людей истинамъ вѣры и нравственности. Во время своей земной жизни Онъ, дѣйствительно, преподалъ законъ вѣры и нравственности и научилъ людей совершать радѣнія, которыя служатъ весьма важнымъ, можно сказать, единственнымъ средствомъ въ дѣлѣ спасенія людей. За свои обличенія іудеевъ и фарисеевъ, Господь І. Христосъ подвергся гоненіямъ со стороны ихъ, преперпѣлъ многія мученія и страданія, былъ распятъ на крестѣ и воскресъ.— Скопцы, соглашаясь съ взглядомъ хлыстовъ на І. Христа, какъ на нравственнаго учителя и законодателя, расходятся съ ученіемъ ихъ о цѣли пришествія въ міръ Сына Божія. І. Христосъ, говорятъ они, приходилъ въ міръ не для того только, чтобы научить людей истинамъ вѣры и нравственности, но главнымъ образомъ и особенно потому, чтобы ввести меж-

ду людьми оскопленіе. Въ ветхомъ завѣтѣ, разсуждаютъ скопцы, было предписано обрѣзаніе; но это только тѣнь и образъ великаго таинства, открытаго І. Христомъ въ новомъ завѣтѣ (1). Притомъ, продолжаютъ скопцы, и это спасительное средство, сообщенное людямъ въ ветхомъ завѣтѣ, мало по малу стало приходить въ забвеніе, такъ что родъ человѣческій окончательно предался „лѣности“ и мірской суетѣ. Тогда „Отецъ свѣтовъ, не хотя погубить родъ человѣческій до конца“, послалъ своего Сына, который и освободилъ людей отъ плотской жизни по Адамѣ: „соблазняющіе уды тѣла руби, ломай“ (Мѳ. 18, 8 — 9), сказалъ онъ (2). І. Христосъ самъ освятилъ употребленіе этого спасительнаго средства: вступая въ общественное служеніе міру, Онъ принялъ отъ Іоанна Предтечи оскопленіе, которое въ Евангеліи обозначено подъ именемъ „крещенія огнемъ“ (3). Вся жизнь и дѣятельность Спасителя, по мнѣнію скопцовъ, состояла только въ разъясненіи истиннаго смысла оскопленія и въ совершеніи его надъ своими послѣдователями. Такъ, говорятъ скопцы, „Господь І. Христосъ на вечери умывалъ ноги у своихъ учениковъ, т. е. Сынъ Божій оскопилъ ихъ. Это подтверждается тѣмъ, что когда Господь молился въ саду одинъ (?), то ученики его спали и имѣли духъ бодръ, а плоть немощну отъ скопчества, и отъ того не могли съ нимъ молиться Отцу небесному. Іуда, продавшій Господа на смерть, изшедъ удавился, т. е. женился“ (4). Страданій и смерти Богочеловѣка не было, но подъ страданіями и крестомъ должно разумѣть „го-

---

(1) Нѣкоторые скопцы, какъ увидимъ, даже отожествляютъ ветхозавѣтное обрѣзаніе съ оскопленіемъ

(2) Чтен. въ общ. истор. 1867 г. 4 кн. 73 стр.

(3) Чтен. въ общ. истор. 1873 г. 1 кн. стр. 151 и 1872 г. 1 кн. 143 стр.

(4) Чтен. въ общ. истор. 1872 г. 3 кн. 303 стр.

ненія и мученія отъ жидовъ“ (1). Смерть І. Христа была естественная, послѣ которой „Его душа вмѣстѣ съ Божествомъ вознеслась на небо, а тѣло предалось на землѣ тлѣнію“ (2).

Какъ извѣстно, хлысты, признавая дѣйствительность воскресенія Господа, не признаютъ, однако, Его славнаго вознесенія на небо. По ихъ мнѣнію, Сынъ Божій для поддержанія вѣры и благочестія среди истинныхъ своихъ послѣдователей, постоянно пребываетъ съ ними невидимо и очень часто открывается видимо, воплощаясь въ какомъ-либо избранномъ человѣкѣ. Открывшійся, такимъ образомъ, видимо Сынъ Божій повторяетъ въ своей жизни и дѣятельности всю исторію истиннаго І. Христа, какъ она описана въ Евангеліи. Это ученіе хлыстовъ о постоянныхъ и непрерывныхъ перевоплощеніяхъ Сына Божія составляетъ сущность догматическаго ихъ ученія и отличаетъ секту хлыстовскую отъ всѣхъ другихъ сектъ, такъ что даже самая близкая и, повидимому, совершенно тожественная съ сектою хлыстовскою секта скопческая никакъ не можетъ быть отожествлена съ нею въ этомъ пунктѣ догматическаго ученія. Если сущность догматическаго ученія въ сектѣ хлыстовъ составляетъ ученіе о постоянныхъ перевоплощеніяхъ І. Христа, то въ сектѣ скоповъ такою сущностію служитъ ученіе ихъ о второмъ славномъ пришествіи Богочеловѣка въ лицѣ Селиванова или, что тоже, въ лицѣ русскаго императора Петра III. Между этими двумя пунктами догматическаго ученія двухъ названныхъ сектъ, кажется, не можетъ быть никакого сходства, потому что основанія и характеръ ихъ различны. Тамъ, т. е. въ сектѣ хлыстовъ явленіе христовъ обусловливается внутреннею необходимостію: Христосъ долженъ открыться, иначе

---

(1) Чтен. въ общ. истор.... 1872 г. 1 кн. 94 и 95 стр.

(2) Тамъ же, 72 стр.

родъ человѣческій погибнетъ, и основывается на извѣстныхъ изрѣченіяхъ Спасителя: „вселюся въ ны“, „обитель у него (человѣка) сотворимъ“ и проч. Здѣсь, т. е. въ сектѣ скопцовъ явленіе Сына Божія есть свободный актъ Его Самого, о которомъ Онъ предсказалъ въ первое свое пришествіе въ міръ и, слѣдовательно, основанія этого явленія, очевидно, иныя, чѣмъ у хлыстовъ. „Въ писаніи, говоритъ Андреяновъ въ своемъ донесеніи со словъ учителя своего Громова, сказано, что пріидетъ Сынъ Божій во славѣ, пошлетъ святыхъ ангеловъ, и ангелы отдѣлятъ овецъ отъ козлищъ: не тоже ли самое нынче? Отецъ-искупитель пришелъ во славѣ, отдѣляетъ овецъ отъ козлищъ, и у насъ новая земля, и мы стоимъ какъ на облацѣхъ; ибо мірскаго не творимъ“ (1). Далѣе, тамъ, т. е. въ сектѣ хлыстовъ каждый вновь открывшійся христосъ во всемъ, и по жизни и по дѣятельности, совершенно похожъ на истиннаго І. Христа. Между какимъ нибудь Иваномъ Тимоѳеевичемъ или Лупкинымъ и І. Христомъ нѣтъ никакого различія. Здѣсь, т. е. въ сектѣ скопцовъ характеръ вновь пришедшаго сына божія иной, отличный отъ перваго І. Христа; первый І. Христосъ приходилъ въ уничиженномъ состояніи; „въ первое свое пришествіе, говорили скопцы Милютинскаго корабля, І. Христосъ пришелъ, принялъ на себя рабій зракъ, проповѣдывалъ спасеніе нищимъ и самъ былъ нищимъ“ (2). Второй христосъ, открывшійся въ лицѣ Селиванова, правда, также повторяетъ во своей жизни земную жизнь Богочеловѣка, но вслѣдъ за воскресеніемъ должно послѣдовать Его прославленіе, которое совершится прежде, чѣмъ послѣдуетъ естественная смерть искупителя—Селиванова (3). „Въ нынѣшнія послѣднія времена,

---

(1) Чтен. въ общ. истор... 1872 г. 3 кн. V, 313 стр.

(2) Тамъ же, 1873 г. 1 кн. V. 61 стр.

(3) Какъ смерть, такъ и воскресеніе своего лжехриста скопцы понимаютъ аллегорически. Поэтому, если сказано, что за воскресеніемъ

говорили скопцы того же Милютинскаго корабля, Сынъ Божій, по своему обѣтованію, пришелъ во славѣ, т. е. въ лицѣ россійскаго императора, Петра III Ѳеодоровича, съ тѣмъ, чтобы водворить среди всѣхъ людей единственное спасительное крещеніе огнемъ, т. е. оскопленіе. Но это пришествіе и, слѣдующее за тѣмъ торжество скопцовъ, совершится тогда, когда исполнится число скопцовъ" (1).

Итакъ, первый догматъ, существенно отличающій скопческую секту отъ хлыстовщины, есть ученіе ихъ о Селивановѣ, какъ „о второмъ христѣ". Въ предисловіи такъ называемыхъ „Страдъ" лжеискупителя говорится, что Селивановъ явился въ міръ во второй разъ. „Начало страданія о возлюбленномъ нашемъ государѣ-батюшкѣ, искупителѣ нашемъ, который пришелъ „во вторы" на землю души на пути спасенія забрать, а грѣхъ весь изодрать" (2). Далѣе, въ духовныхъ пѣсняхъ скопцовъ Селивановъ неоднократно называется „вторымъ христомъ": „у насъ нынче второй христосъ воскресъ" (3), поется въ одной пѣснѣ; называется „вторымъ спасителемъ" (4), „вторымъ гостемъ" (5) и проч. Такимъ образомъ, даже сами послѣдователи Селиванова, которые пѣли стихи въ честь его, смотрѣли на него съ иной точки зрѣнія, чѣмъ хлысты на своихъ христовъ. Они, очевидно, не отожествляли Селиванова съ другими религіозными самозванцами, являвшимися до него; съ личностію Селиванова они соединяли другія мечты, иныя надежды, чѣмъ какими питали себя хлысты при взглядѣ на

должно послѣдовать прославленіе и потомъ естественная смерть искупителя, то здѣсь въ смыслѣ скопческомъ нѣтъ противорѣчія.

(1) Чтен. въ общ. истор... 1873 г. кн. 1. 61 стр.

(2) Сборн. Кельс. 3 вып. Прилож. 1 стр.

(3) Тамъ же, П. № 21, 47 стр.

(4) Тамъ же, П. № 1, 30 стр. и № 22, 48 стр.

(5) Тамъ же, П. № 41, 77 стр.

г. Мельниковымъ безъ всякой связи съ другими и положены имъ въ основаніе своего мнѣнія безъ предварительной критической провѣрки. Между тѣмъ, въ данномъ случаѣ особенно необходимо такое отношеніе къ фактамъ, представляемымъ скопческою литературою. Въ данномъ случаѣ, по нашему мнѣнію, требуется не „общее народное мнѣніе“, на которое ссылается г. Мельниковъ и которое въ большинствѣ случаевъ ошибочно и не показанія частныхъ лицъ, которыя всегда противорѣчатъ другъ другу и потому не всѣ могутъ быть безусловно вѣрными, а духъ и направленіе всего ученія секты, общая идея, проходящая чрезъ все ученіе и, наконецъ, прежде и болѣе всего взглядъ самого основателя секты. Взглядъ основателя секты на свое самозванство мы уже отчасти видѣли. Къ тому, что уже сказано, мы присоединимъ еще, что основатель скопческой секты никогда не думалъ отожествлять себя съ подобными себѣ самозванцами, которыхъ до него, какъ извѣстно, было много. Напротивъ, онъ всегда и вездѣ старался обособить себя отъ другихъ самозванцевъ и присвоивалъ себѣ одному все то, что хлысты имѣли обыкновеніе усвоивать своимъ многочисленнымъ христамъ. Такъ, въ своемъ „Посланіи“ онъ категорически заявляетъ своимъ дѣтушкамъ, что онъ „для всѣхъ ихъ есть одинъ учитель“, что всѣмъ прочимъ, именующимъ себя учителями и пророками, они „не должны вѣрить“ (1), что онъ есть единый судья всѣмъ имъ (2) и что онъ, наконецъ, пришелъ въ міръ, между прочимъ, и съ тою цѣлію, чтобы „сокращать пророковъ“ (3). Далѣе, основная идея, которая служитъ центромъ всего ученія скопцовъ о своемъ искупителѣ есть, безъ сомнѣнія, мысль о второмъ славномъ пришествіи І. Христа. По ученію

(1) Чтен. въ общ. истор.... 1864 г. 4 кн. 71 стр.

(2) Тамъ же, 67 стр.

(3) Тамъ же, 71 и 72 стр.

скопцовъ, это второе пришествіе уже совершилось; живущій на землѣ „второй искупитель“ скоро явится на судъ и тогда наступитъ царство славы. Спрашивается, зачѣмъ скопцамъ допускать возможность многократныхъ воплощеній І. Христа? Не будетъ ли допущеніе этой возможности находиться въ прямомъ и очевидномъ противорѣчіи съ характеромъ всего ученія скопцовъ? Итакъ, то положеніе, что сущностію догматическаго ученія скопцовъ служитъ ученіе ихъ о второмъ славномъ пришествіи Богочеловѣка, а не ученіе о многократныхъ воплощеніяхъ Сына Божія, остается въ силѣ. Тѣ противорѣчія, на которыя мы указали и которыя, повидимому, приводятъ къ противному, находятъ свое объясненіе изъ другихъ источниковъ. Ученіе Елянскаго о постоянно совершающемся въ душѣ человѣка рожденіи І. Христа, Его положеніи въ ясли, бѣгствѣ въ Египетъ и проч. есть, очевидно, ученіе его ума, растроеннаго крайнимъ мистицизмомъ; Елянскій даже не признаетъ, повидимому, пришествія І. Христа во плоти. По словамъ Елянскаго, „мы нынѣ ни единаго вѣмы во плоти, хотя и разумѣли во плоти Христа, но нынѣ къ тому не разумѣемъ. Да и апостолы никому въ мірѣ, растворяя вѣру, не говорили о родствѣ или родѣ Христовомъ, а только о страданіи, ученіи, о воскресеніи, а рождество всякъ вѣрующій во Христа долженъ ощущать въ себѣ и во глаголѣ пророческомъ Христа“ (1). Но для всякаго, конечно, очевидно, что у скопцовъ такого ученія не существуетъ. Далѣе, толкованіе Максима Кузьмина и многихъ другихъ, подобныхъ ему, на которыхъ ссылается и г. Мельниковъ, вовсе не авторитетно. Максимъ Кузьминъ, очевидно, хлыстъ, усвоилъ себѣ хлыстовское ученіе, примѣшавъ къ нему и ученіе скопцовъ. Такихъ людей, какъ Кузьминъ, въ древней исторіи скопчества было очень много, такъ какъ извѣстно,

(1) Чтен. въ общ. истор. 1867 г. 4 кн. 74 стр.

что скопческая секта, возникнувъ на почвѣ хлыстовщины, въ первое время своего существованія вербовала въ ряды своихъ послѣдователей преимущественно хлыстовъ. Поэтому, весьма неудивительно, что многіе хлысты, сдѣлавшись скопцами, оставались въ тоже время и хлыстами. Наконецъ, фактъ недавняго объявленія новаго искупителя въ лицѣ Лисина менѣе всего доказываетъ положеніе о томъ, что скопцы будто бы допускаютъ ученіе о необходимости перевоплощеній І. Христа. Фактъ этотъ имѣлъ временное значеніе и разсчитанъ былъ, по сознанію самихъ скопцовъ (1), на то, чтобы собрать и поддержать распадавшуюся секту. Далѣе, самъ Лисинъ, хорошо понимая ученіе своего лже-искупителя и видимо стараясь замаскировать свой поступокъ, противный основной догмѣ лже-искупителя, такъ объяснялъ свое избраніе въ скопческаго искупителя: „наши пророки предсказывали по евангелію, говорилъ онъ на судѣ, о второмъ пришествіи, говорили, что спаситель Селивановъ и дѣва Марія должны опять придти въ міръ, что сила Селиванова во мнѣ. Я тогда былъ оскопленъ и принялъ пророчество“ (2). Такъ точно смотрѣли на Лисина и другіе скопцы. По ихъ мнѣнію, говоритъ Сахаровъ, „въ Лисинѣ явилась искупительская сила или въ него вошелъ тотъ самый І. Христосъ, который явился за 1876 лѣтъ, родившись отъ Дѣвы Маріи, тотъ самый, который явился во второй половинѣ XVIII стол. въ лицѣ Петра III или Кондратія Селиванова“ (3). Впрочемъ, послѣдующая исторія Лисина (его арестъ и заключеніе въ бирючинскій острогъ) измѣнила взглядъ скопцовъ на фактъ явленія Лисина и приблизила этотъ взглядъ къ взгляду хлыстовъ на факты перевоплощеній І. Христа. Въ ученіи ново-

---

(1) Христ. Чтен. 1877 г. Сент.—окт. 406—407 стр.

(2) Тул. Еп. Вѣд. 1877 г. № 2. 43 стр.

(3) Христ. Чтен. 1877 г. Сент.-окт. 414 стр.

скопчества фактъ явленія новаго искупителя Лисина представляется уже не исключительнымъ и единственнымъ, но такимъ, повтореніе котораго возможно и въ будущее время. Такъ какъ въ ученіи новоскопчества догматъ о возможности появленія другихъ лжеискупителей занимаетъ главное мѣсто въ ряду другихъ догматовъ, то мы считаемъ удобнымъ здѣсь представитъ все ученіе новоскопчества.

„Богъ есть духъ, говоритъ одинъ изъ послѣдователей новоскопчества Волопиновъ, свѣтъ, сила, всевѣденіе и всемогущество безконечное, невидимое и непостижимое не только человѣкомъ, но и ангеломъ". Богъ, далѣе, троиченъ, но не по лицамъ, а по силамъ; Сынъ Божій и Святый Духъ „суть двѣ силы Божіи, воздѣйствующія по исполненію всѣхъ судебъ и велѣній Божіихъ на всемъ пространствѣ существованія и владычества Божіяго"... Бога, наконецъ, никто и нигдѣ не видѣлъ и видѣть не можетъ (1). Будучи невидимымъ и непостижимымъ, Богъ открывается въ мірѣ и человѣкѣ или какъ божественное слово или какъ божественный духъ. Такое самооткровеніе божества совершается съ неизбѣжною необходимостію для поддержанія міра и, въ частности, человѣка. — Первоначально ни міра, ни человѣка не существовало; существовалъ только одинъ Богъ, окруженный безплотными духами. Послѣдніе возгордились противъ Бога и обнаружили „невѣріе въ Сына Божія и Троицу святую". За грѣхъ непослушанія и невѣрія безплотные духи вмѣстѣ съ своимъ начальникомъ Денницей были низвернуты „въ неисповѣдимую пропасть". Въ этой пропасти они долго подвергались различнымъ мученіямъ. Такъ какъ часть согрѣшившихъ духовъ покаялась, то милосердный Богъ чрезъ свою силу Сына Божія создалъ видимый міръ и вмѣстѣ перваго человѣка Адама. Послѣдній былъ созданъ въ эфир-

(1) «О скопч. ученіи по послѣднимъ о немъ извѣстіямъ», стр. 15.

номъ тѣлѣ и былъ одаренъ „неограниченной рождательной способностію“ производить подобные себѣ эѳирныя тѣла. Эти многочисленныя эѳирныя тѣла предназначались для жилища падшихъ духовъ, которые при помощи эѳирныхъ тѣлъ могли бы загладить свой грѣхъ и чистыми и совершенными войти въ рай. Впрочемъ, способность производить подобныя себѣ эѳирныя тѣла могла сохраниться у Адама только подъ условіемъ исполненія данной ему заповѣди о невкушеніи плодовъ древа жизни. Адамъ, пожелавъ имѣть жену себѣ, уже чрезъ это отчасти вышелъ изъ повиновенія волѣ Божіей; чрезъ этотъ противный Богу поступокъ Адамъ хотя и не лишился раждательной способности производить подобныя себѣ эѳирныя тѣла, но онъ могъ теперь производить такія тѣла только при совмѣстномъ желаніи съ своею женою. Впослѣдствіи, Денница, явившись во снѣ Евѣ въ образѣ змія, соблазнилъ ее вкусить запрещеннаго плода. Ева вкусила, склонивъ къ тому же и своего мужа. Вкушеніе плодовъ древа жизни произвело моментальную и существенную порчу у Адама и Евы: эѳирное скрылось внутрь, вмѣсто же него образовалось плотское тѣло съ грѣховными органами, явилась похоть; первое удовлетвореніе ея и есть „запрещенный плодъ“. Съ этого времени Адамъ лишился совершенно способности производить эѳирныя тѣла; вмѣсто послѣднихъ явились матеріальныя тѣла. Заключенныя въ нихъ души, которыя суть не что иное какъ падшіе духи, умерли и въ такомъ состояніи должны оставаться до тѣхъ поръ, пока не воскреснутъ, переходя изъ одного человѣческаго тѣла въ другое, хотя бы такой переходъ продолжался 2000 лѣтъ (1). Такимъ образомъ, первоначальная цѣль мірозданія не была достигнута, падшіе духи не могли загладить своего грѣха; они безконечно должны были переходить изъ

(1) «О скопч. ученіи по послѣдн. о немъ извѣстіямъ», 9—12 стр.

одного тѣла въ другое. Такъ продолжалось до того времени, пока не явился на землю Сынъ Божій по милосердію Бога Отца. Явившись на землю, Сынъ Божій принялъ въ себя душу праотца людей Адама, которая путемъ смиренія и раскаянія, переходя изъ Еноха въ Ноя, изъ Ноя въ Авраама и т. д., достигла, наконецъ, такого „чистонепорочнаго состоянія", что сдѣлалась достойною божества (1). Во время своей земной жизни Сынъ Божій былъ гонимъ, принялъ распятіе и смерть и воскресъ; чрезъ это онъ даровалъ вѣрующимъ въ Него оправданіе отъ грѣховъ и возможность переходить въ рай. Впрочемъ, для усвоенія себѣ этихъ благодатныхъ даровъ необходимо исполненіе ученія, преданнаго І. Христомъ въ Его Евангеліи. Каждый вѣрующій въ І. Христа и желающій себѣ спасенія необходимо долженъ „таинственно умереть со Христомъ", т. е. отречься отъ своей воли и уничтожить свою самость. Далѣе, каждый желающій себѣ спасенія долженъ принять и оскопленіе, которое также заповѣдано Іисусомъ Христомъ въ 19 гл. евангелія Матѳея (2). Наконецъ, каждому человѣку дается благодать Духа Святаго, которая помогаетъ ему въ исполненіи нравственныхъ обязанностей и разъясняетъ истинный смыслъ „притчъ и прохожденій Христовыхъ„ (3). Когда душа достигнетъ „полнаго совершенства", когда она выполнитъ „жизнь и прохожденіе Спасителя", она переходитъ къ Богу, дѣлается, „одно существо съ нимъ" (4). Такой порядокъ душеспасенія существовалъ во все время земной жизни І. Христа, существовалъ онъ и послѣ І. Христа.— Однако, спустя нѣкоторое время, „ученіе о способахъ перехода душъ въ рай заглохло и обратилось въ

---

(1) «О скопч. ученіи по послѣдн. о немъ извѣстіямъ», 17 стр.

(2) Тамъ же, 12 стр.

(3) Тамъ же, 15 стр.

(4) Тамъ же, 16 стр.

одинъ наружный обрядъ, не могшій уже вести ко спасенію". Требовалось, такимъ образомъ, новое явленіе искупителя, который возстановилъ бы утраченные способы душеспасенія. Дѣйствительно, въ XVIII ст. явился искупитель въ лицѣ императора Петра III или Кондратія Селивановa. По своему божеству или „по внутреннему богочеловѣку" Селивановъ былъ равенъ Сыну Божію, явившемуся въ первый разъ. Новый искупитель, какъ и первый, преподалъ истинное ученіе о душеспасеніи. Такъ какъ, однако, и это ученіе скоро было забыто людями, то Саваоѳъ послалъ на землю въ третій разъ своего сына, который и явился въ лицѣ Кузьмы Ѳедосѣева. Явленіе третьяго искупителя не есть еще послѣднее и не исключаетъ возможности рано или поздно явиться четвертому искупителю и т. д. (1).

Сопоставляя, такимъ образомъ, между собою ученіе хлыстовъ о лжехристахъ, ученіе скопцовъ о лжеискупителѣ Селивановѣ и ученіе новоскопчества о лжеискупителѣ Лисинѣ, нельзя не видѣть, что послѣднее сходно съ первымъ. Иначе говоря, ученіе новоскопчества въ своемъ развитіи пришло снова къ хлыстовщинѣ, изъ которой оно выродилось. Какъ велико число послѣдователей новаго ученія—трудно опредѣлить. Вѣроятно, число ихъ слишкомъ ограниченно, тѣмъ болѣе, что изобрѣтатели этой теоріи успѣли сообщить свое ученіе самому органиченному кружку скопцовъ.

Второй пунктъ, также существенно отличающій догматическое ученіе скопцовъ о своемъ лже-христѣ, есть ученіе ихъ о Селивановѣ, какъ о царѣ. Этотъ послѣдній догматъ тѣсно связанъ въ представленіи скопцовъ съ первымъ догматомъ и составляетъ необходимое дополненіе онаго; оба они, взятые вмѣстѣ, образуютъ одинъ догматъ,—догматъ о второмъ слав-

(1) «О скопч. ученіи по послѣдн. о немъ извѣстіямъ», 13 стр.

номъ пришествіи Сына Божія въ лицѣ Селиванова. Иначе говоря, ученіе скопцовъ о Селивановѣ, какъ о второмъ христѣ, и ученіе ихъ о немъ, какъ о царѣ, составляетъ то, что мы выше назвали сущностію догматическаго ученія скопцовъ и что, по нашему мнѣнію, существенно отличаетъ скопческую секту отъ хлыстовской. Намъ теперь, конечно, важно знать тѣ основанія, на которыхъ скопцы утверждаютъ свое ученіе о второмъ славномъ пришествіи Сына Божія, равно какъ любопытно знать и самое ученіе ихъ объ этомъ предметѣ.

I. Христосъ, говорятъ скопцы, въ первое свое пришествіе въ міръ весьма ясно предрекалъ своимъ ученикамъ, что онъ снова явится въ міръ, что это Его второе явленіе будетъ существенно отлично отъ перваго; въ первый разъ онъ приходилъ только послужить міру, во второй же разъ онъ придетъ судить міръ. Пророчество объ этомъ второмъ славномъ пришествіи Сына Божія находится въ 24 гл. евангелія Матѳея. Тамъ говорится, что Сынъ человѣческій явится „на облацѣхъ небесныхъ“, окруженный „ангелами“,—явится Онъ „съ силою и славою многою“. Прежде же этого явленія Сына человѣческаго, на небѣ будетъ „знаменіе Сына человѣческаго“ и проч. То, что I. Христосъ предрекалъ своимъ ученикамъ, теперь буквально многое исполнилось, а остальное исполняется; I. Христосъ, дѣйствительно, явился въ лицѣ Селиванова, который есть не кто другой, какъ русскій императоръ Петръ III. „О любезные дѣтушки! взывалъ основатель скопческой секты, для вашего спасенія послалъ Господь единороднаго своего сына, который рожденъ отъ тысячи колѣнъ царскихъ и нареченъ царемъ израильскимъ“ (1).... „Обо мнѣ, говорилъ онъ въ другомъ мѣстѣ, пророки за сорокъ лѣтъ прорекали, что Господь пріидетъ и судить станетъ и принесетъ чистоту“ (2).

(1) Чтен. въ общ. истор. 1864 г. 4 кн. 86 стр

(2) Тамъ же, 70 стр.

Рожденіе „новаго единороднаго сына Божія“ было чудесное,—такое, какое было и рожденіе І. Христа. Онъ воплотился, говорятъ скопцы, отъ приснодѣвы Елизаветы Петровны. Она, „царица небесная“, „Сіонъ гора“, „божественная клеща, уголь огненный въ себѣ державшая“ (1), родила его, „разблажившись Святымъ Духомъ“ и потому, очевидно, родила его „не отъ похоти плотскія и не отъ похоти мужескія“, какъ и говорится въ евангеліи (2).

„Рожала я, рожала я,
Рожала я да не мучилась,
Была дѣвой, была дѣвой,
Породя дѣвой осталася“,

поютъ обыкновенно скопцы отъ лица Елизаветы Петровны (3). Помолясь Саваоѳу, Елизавета Петровна затрубила въ золотую трубу, утроба ея растворилась и на рукахъ ея явилось „вознѣзженное дитя“ (4). Она

---

(1) Чтен. въ общ. истор... 1864 г. 3 кн. 91 стр.

(2) Тамъ же, 1 кн. 56 и 89 стр. и мн. др.

(3) Тамъ же, 1873 г. 1 кн. 116 стр.

(4) Судя по настоящему разсказу скопцовъ о рожденіи «новаго сына Божія» и, принимая во вниманіе послѣдующій ихъ разсказъ объ этомъ же предметѣ, должно полагать, что скопцы понимаютъ здѣсь рожденіе плотское, а не духовное. Между тѣмъ, нѣкоторые скопцы говорятъ только о духовномъ рожденіи лженскупителя отъ Елизаветы Петровны. Такъ, Андреяновъ въ своемъ донесеніи, говоря о происхожденіи скопческаго искупителя, выражается: «искупитель изъ царскаго рода, царь; духовно родился въ городѣ Орлѣ, отъ чистыя дѣвы, матушки Акулины Ивановны» (Чтен въ общ. истор. 1872 г. 3 кн. 299 стр). Точно также и газацкіе скопцы понимаютъ рожденіе лженскупителя отъ Елизаветы Петровны въ смыслѣ духовномъ. По словамъ ихъ, то мнѣніе, что будто бы Елизавета Петровна родила скопческаго искупителя по плоти «по соображенію не выходитъ. Въ писаніи сказано, продолжаютъ они, что прежній отецъ пуще отца роднаго; значитъ и она мать ему по духу» (Отеч. Зап. 1867 г. № 10, 606 стр.). Такимъ образомъ, сами скопцы еще недостаточно опредѣленно выяснили себѣ основной догматъ своего ученія. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что перваго мнѣнія, т. е. мнѣнія о плотскомъ происхожденіи искупителя отъ Елизаветы Петровны, держится большинство скопцовъ.

удивилась, „горючьми слезми“ залилась и благодарила Саваоѳа за это чудесное рожденіе сына. Узнавъ объ этомъ чудесномъ рожденіи, вся вселенная перекрестилась, земля и небо обновились, ангелы, архангелы и вся небесная сила помолилась, а „стѣны ада повалились“, такъ какъ, „не устояли адски крѣпости, чтобы не было уже лѣпости, чтобы избавилъ Богъ отъ слѣпости“ (1). Рожденный такимъ образомъ, отъ Елизаветы Петровны сынъ былъ истиннымъ сыномъ Божіимъ и императоромъ русскимъ Петромъ III Ѳеодоровичемъ. Какъ сынъ Божій, онъ обладалъ и божественными свойствами: всевѣдѣніемъ (2), всемогуществомъ (3), проявляющимся во власти вязать и рѣшить грѣхи (4) и судить живыхъ и мертвыхъ (5). По своимъ божественнымъ свойствамъ вновь родившійся сынъ Божій даже превосходилъ прежде являвшагося истиннаго Сына Божія. „У нынѣшняго сына Божія, говорилъ Громовъ Андреянову, больше благодати, чѣмъ у прежняго. Господь Саваоѳъ далъ искупителю по мѣрѣ такую власть во всемъ, что помимо искупителя ни одна душа не спасется“ (6). Въ нынѣшнемъ сынѣ Божіемъ, какъ воспѣлъ одинъ изъ пророковъ во время радѣнія, пребываетъ самъ „Господь Саваоѳъ и съ ручками и съ ножками“ (7).

По сказанію однихъ скоптовъ, рожденіе новаго богомладенца случилось въ Голштиніи (8), по сказанію другихъ—въ Россіи (9). Елизавета Петровна, по

---

(1) Чтен. въ общ. истор. 1872 г 3 кн. 92—93 стр. № 1.

(2) Дух. стихи люд. бож. Барсова, № 42, 68 стр.

(3) Тамъ же.

(4) Чтен. въ общ. истор... 1864 г. 4 кн. 86 стр.

(5) Тамъ же, 67 стр.

(6) Тамъ же, 1872 г. 3 кн. 303 стр.

(7) Тамъ же, 301 стр.

(8) Тамъ же, 1 кн. 89 стр.

(9) Тамъ же, 68 стр.

рожденіи сына, царствовала въ Россіи только два года (а по свидѣтельству другихъ и вовсе будто бы не царствовала); потомъ, оставивъ престолъ одной изъ своихъ приближенныхъ фрейлинъ, весьма похожей на нее и „лицомъ и нравомъ“ (1), сама отправилась въ орловскую губернію, гдѣ и доживала послѣдніе годы своей жизни подъ именемъ простой женщины Акулины Ивановны. Между тѣмъ, сынъ Елизаветы Петровны Петръ Ѳеодоровичъ, достигши отрочества, принялъ оскопленіе. Это происходило, по единогласному показанію всѣхъ скопцовъ, въ Голштиніи. Прибывъ въ Россію, Петръ Ѳеодоровичъ вступилъ въ бракъ съ Екатериной Алексѣевной, которая, узнавъ о неспособности его къ брачной жизни, стала ненавидѣть его и искала удобнаго случая лишить его жизни. Случай этотъ представился скоро. Петръ Ѳеодоровичъ занялъ русскій престолъ. Такъ какъ онъ своею политикою возбудилъ неудовольствіе со стороны бояръ и народа, то Екатерина воспользовалась этимъ, и, склонивши на свою сторону многихъ высокопоставленныхъ лицъ, задумала низвергнуть его съ престола и забрать въ свои руки императорскую власть. Дѣйствительно, едва только Петръ III отправился вмѣстѣ съ своими друзьями „въ Ранбоумъ“ (Ораніембаумъ) для обозрѣнія любимыхъ своихъ голштинскихъ войскъ, какъ многіе изъ русскихъ людей отреклись отъ императора и присягнули Екатеринѣ Алексѣевнѣ. Узнавъ объ измѣнѣ, Петръ III не зналъ, что дѣлать. Онъ отправился въ Кронштадтъ, но тамъ его не пустили. Тогда Петръ III написалъ одно за другимъ два письма Екатеринѣ Алексѣевнѣ, которая въ отвѣтъ ему написала записку, чтобы онъ, для общаго спокойствія, письменно отрекся отъ престола въ пользу ея. „Петръ III не восхотѣлъ наслаждаться временнымъ житьемъ, а лучше согласился съ

(1) Чтен. въ общ. истор... 1872 г. 1 кн. 89 стр.

народомъ божьимъ страдать (т. е. съ нами, со скопцами), считалъ сіе больше для себя богатствомъ, нежели питерское сокровище, ибо онъ, взирая на возмездіе небесное, оставилъ Питеръ“ (1). Такъ передаютъ исторію отреченія Петра III скопцы въ своемъ „благовѣствіи“, поданномъ ими въ 1845 году кн. Голицыну. По разсказамъ другихъ скопцовъ, исторія послѣднихъ дней царствованія Петра III была иная, не похожая на описанную. По свидѣтельству Созоновича, императрица Екатерина Алексѣевна будто бы съ цѣлію удаленія Петра III съ престола составила противъ него смертный заговоръ. По ея плану Петръ III долженъ быть убитъ въ Ропшинскомъ дворцѣ; но Петръ III, предупрежденный объ этомъ злоумышленіи на его жизнь, подкупилъ одного изъ часовыхъ, который и былъ убитъ вмѣсто него. Избавившись, такимъ образомъ, отъ явной смерти, Петръ III бѣжалъ изъ дворца и въ продолженіи трехъ дней находился въ какомъ-то „каменномъ столбѣ, не ѣвши и не пивши“ (2). Обстоятельства, однако, поправились скоро: Петръ III успѣлъ добѣжать до Москвы; здѣсь проведши нѣсколько времени, онъ обратилъ въ свою скопческую вѣру нѣсколько человѣкъ. Изъ Москвы Петръ III отправился за границу и тамъ проповѣдывалъ, что онъ есть богочеловѣкъ, пришедшій спасти родъ человѣческій отъ „лѣпости“, совершая надъ всѣми увѣровавшими въ него „огненное крещеніе“. Возвратясь обратно въ Россію, искупитель Петръ III „пріялъ подвигъ безмолвія“, сдѣлался молчальникомъ, отправился въ орловскую губернію, гдѣ пребывала пресв. богородица Акулина Ивановна, т. е. императрица Елизавета Петровна и многіе вельможи, оставшіеся вѣрными искупителю Петру III Ѳеодоровичу, какъ-то: князь Дашковъ, графъ Чернышевъ и друг. (3). Здѣсь, въ кораб-

(1) Рус. Вѣстн. 1869 г. № 3. 404 стр. 1 прим.

(2) Чтен. въ общ. истор... 1872 г. 1 кн. 90 стр.

(3) Тамъ же, 3 кн. 94 стр.

лѣ Акулины Ивановны или Елизаветы Петровны, онъ началъ свое общественное служеніе міру. Подражая І. Христу, Селивановъ сталъ проповѣдывать всему міру о необходимости оскопленія и совершалъ послѣднее надъ всѣми, увѣровавшими въ него. Но какъ первый Христосъ за свою проповѣдь объ оскопленіи подвергался гоненіямъ со стороны невѣрующихъ іудеевъ и фарисеевъ, такъ точно и второй христосъ Селивановъ испыталъ на себѣ тоже самое. „Обратите ваше вниманіе внутрь себя, говорилъ лжеискупитель своимъ дѣтушкамъ, и уразумѣйте, что истинный вашъ отецъ, чистоты ради, на землѣ явился и претерпѣлъ многіе страды, гоненія, озлобленія, біенія, поруганія, охуленія, оплеванія, судимъ былъ и влачимъ и терзаемъ, странствовалъ сорокъ лѣтъ, и всѣ члены и суставы мои раздроблены, и головушку мою горячимъ сургучемъ обливали, и въ дальнія страны отсылали, и всю дорогу палашемъ удары на моемъ тѣлѣ накладали, сто темницъ я обошелъ, и всѣхъ моихъ дѣтушекъ нашелъ; все сіе принялъ и претерпѣлъ, ради вашего спасенія и утвержденія закона Христова и чистоты“ (1). При этомъ. желая, очевидно, провести болѣе точную параллель между жизнію и дѣятельностію истиннаго Господа І. Христа и жизнію и дѣятельностію своего лжеискупителя и лжецаря скопцы указываютъ на нѣкоторые частные факты. „Прежній Сынъ Божій, говорятъ скопцы, воскрешалъ мертвыхъ и исцѣлялъ отъ разныхъ болѣзней и недуговъ“, т. е. поясняютъ скопцы сообразно съ своимъ аллегорическимъ толкованіемъ священныхъ событій, „воскрешалъ мертвыхъ грѣхами и исцѣлялъ болѣзни грѣховъ“. „Нынѣшній сынъ божій не все ли тоже творитъ?“ Онъ „принимаетъ изъ міра мертвыхъ грѣхами и духовно воскрешаетъ ихъ“. „Прежній Сынъ Божій вывелъ изъ ада пророковъ и святыхъ отцовъ,

(1) Чтен. въ общ. истор.... 1864 г. 4 кн. 70 стр.

а нынѣшній не тоже ли творитъ? Выводитъ изъ міра, ада, пророковъ и святыхъ". „Прежній Сынъ Божій сѣялъ сѣмя доброе, а нынѣ государь батюшка не доброе ли сѣмя сѣетъ" (1)? Прежній Сынъ Божій былъ преданъ Іудою въ руки мучителей за тридцать сребренниковъ, нынѣшній сынъ божій также былъ проданъ духовенству за столько же денегъ (2). Прежній Сынъ Божій былъ распятъ на крестѣ и нынѣшній сынъ божій также преданъ былъ на крестъ; при распятіи послѣдняго въ Сосновкѣ присутствовалъ Пилатъ, т. е. судебный слѣдователь Волковъ; тутъ же присутствовали—мать сына божія, которую изображали скопцы болѣзновавшею о лжеискупителѣ; іудеи предатели, т. е. измѣнившіе ему хлысты; тутъ же находилось древо крестное, что̀ скопцы видятъ въ спинѣ мужика, на которой по обычаю того времени наказывали лжеискупителя; тутъ же протекалъ потокъ Кедронъ, т. е. рѣчка, протекавшая въ Сосновкѣ и проч. (3). Прежній Сынъ Божій послѣ многократныхъ страданій умеръ и нынѣшній сынъ божій, по наказаніи въ Сосновкѣ, также умеръ: онъ сосланъ былъ въ Иркутскъ, гдѣ пробылъ около 20 лѣтъ. Но какъ первый Сынъ Божій послѣ своихъ крестныхъ страданій и смерти торжественно воскресъ и прославился, такъ точно и второй сынъ божій, убѣжавъ изъ Сибири, какъ бы воскресъ; находясь же въ Петербургѣ, гдѣ онъ могъ безпрепятственно совершать радѣнія и принимать божескія поклоненія, онъ какъ бы прославился.

Такимъ образомъ, заключаютъ скопцы, второй Сынъ Божій, явившійся въ лицѣ Селиванова, совершилъ первую половину своего великаго дѣла: Онъ

---

(1) Чтен. въ общ. истор.... 1872 г. 3 кн. 303 стр.

(2) Тамъ же, 106 стр. № 4 и Калуж. Еп. Вѣд. 1871 г. № 13, 10 стр.

(3) Тамъ же, 3 кн. 113—115 стр. II. № 6; 122—127 стр. II № 15 и 1864 г. 4 кн. 86—87 стр.

претерпѣлъ страданія и крестную смерть, послѣ чего торжественно воскресъ. Теперь этотъ второй искупитель долженъ скоро явиться во всей своей Божественной славѣ и произвести всеобщій судъ. Это послѣднее составляетъ, по мнѣнію скопцовъ, второе важное дѣло, которое долженъ совершить искупитель Петръ III.

Какъ извѣстно, хлысты учатъ, что время страшнаго суда еще не наступило, хотя они и вѣруютъ, что время это слишкомъ близко. Скопцы, напротивъ, убѣждены, что страшный судъ уже наступилъ и совершается во-очію всѣхъ. Искупитель Петръ III, сосланный въ Суздаль, не умеръ; онъ живъ и вотъ скоро наступитъ время окончательнаго его прославленія.

Увѣренность скопцовъ, что искупитель живъ, сильна и непоколебима. Эту свою увѣренность скопцы нѣсколько разъ доказывали своими письменными прошеніями объ освобожденіи заключеннаго искупителя, которыя они подавали императору и другимъ лицамъ. Такъ, въ 1832 г., уже по смерти лжеискупителя, скопцы Никифоръ Ѳеодоровъ и Иванъ Лазаревъ подавали прошеніе императоту объ освобожденіи и возвращеніи ихъ искупителя изъ Суздаля (1). Въ 1842 году, какъ извѣстно, отъ закавказскихъ скопцовъ подвижной инвалидной роты послѣдовали два прошенія, одно за другимъ, въ которыхъ они съ наивностію, свойственною только дѣтямъ, утверждали, что Селивановъ живъ и скоро долженъ явиться на судъ (2). Въ 1847 году тобольскій купецъ Василій Поповъ, долго наблюдавшій за петербургскими скопцами и находившійся въ близкихъ сношеніяхъ съ ними, писалъ о нихъ слѣдующее: „за достовѣрное утверждается, что искупитель, иначе нарицаемый второй спаситель

(1) Сборн. Кельс. III. 168 и 227 стр.

(2) Чтен. въ общ. истор... 1873 г. 1 кн., 211 и 214 стр.

и многострадальный государь-батюшка, Петръ Ѳеодоровичъ третій, изъ Спасско-Суздальскаго монастыря выведенъ секретно, скрытъ въ одномъ изъ городовъ Россійской имперіи, и соблюдается до назначеннаго имъ дня въ тайномъ мѣстѣ, не всѣмъ еще и скопцамъ извѣстномъ, о чемъ знаютъ лишь апостолы и пророки скопцовъ, кои провѣщаютъ, что скоро послѣдуетъ государственный переворотъ, и тогда этого религіознаго гоненія на израиля не будетъ, и искупитель ихъ всѣ власти смягчитъ и покоритъ. А что Селивановъ этотъ хотя и отмѣченъ по секретнымъ актамъ Суздальскаго монастыря умершимъ въ 1832 году, то вовсе несправедливо и это сдѣлано лишь по ихъ происками, выдуманная маска или смутная завѣса формальнаго отвода, сквозь которую было бы трудно и невозможно проникнуть глубоко таившуюся истину. Для этого вывоза Селиванова изъ Спасско-Суздальскаго монастыря, покрытія слѣдовъ и настоящаго мѣстопребыванія искупителя ихъ, пожертвованъ весьма огромный капиталъ“ (1). Нельзя сказать, чтобы эта дикая вѣра скопцовъ ослабѣла между ними и въ настоящее время. Одинъ изъ галацкихъ скопцовъ въ 60-хъ годахъ говорилъ, между прочимъ, В. Кельсіеву, что онъ будто бы даже удостоился гдѣ-то увидѣть „милостиваго“, т. е. лжеискупителя и это видѣніе такъ поразило его, что у него, „языкъ отнялся“ и онъ, поэтому, не могъ разсказать о своемъ видѣніи любопытнымъ (2). Утверждая съ настойчивостію, что искупитель живъ и „странствуетъ въ смиренномъ образѣ, принимая порученія“ (3) или, по мнѣнію другихъ скопцовъ, онъ „сидитъ гдѣ-то въ восточной сторонушкѣ, въ неволюшкѣ“ (4), скопцы полагаютъ, что

(1) Чтен. въ общ. истор. 1872 г. 3 кн. 154—155 стр.

(2) От. Зап. 1867 г. № 10, 615 стр.

(3) Тамъ же.

(4) Изслѣд. Добротворскаго. Пѣсня № 21, 140 стр.

искупитель ихъ потому не идетъ въ седьмое небо, чтобы не оставить своихъ дѣтушекъ, „безъ защитушки, безъ оградушки“, чтобы они не сдѣлались добычею „звѣрей лютыхъ“, которые могутъ „разогнать ихъ по темнымъ лѣсамъ, по крутымъ горамъ“ (1). По мнѣнію скопцовъ, однажды уже былъ совѣтъ „у всей святой троицы“ о томъ, что дѣлать съ искупителемъ, остающимся еще до сего времени на землѣ. Рѣшено было взять его на небо, но тутъ самъ искупитель сказалъ:

„Ужъ и какъ же мнѣ
Ихъ (скопцовъ) оставити!
Станутъ горько они,
Слезно плакати“.

Поэтому рѣшено было нѣсколько времени обождать (2).

„Потерпи еще время малое....
Придетъ часъ тебѣ,
Пора-времячко,
Отопрутся замки крѣпкіе....
„Тогда судъ будетъ и рѣшеніе“,

говорилъ самъ небесный царь своему возлюбленному сыну. Этотъ часъ или „пора времячко“, по мнѣнію скопцовъ, скоро должны наступить. Многія пророчества, относящіяся ко времени страшнаго суда, уже исполнились. Енохъ и Илія, о которыхъ сказано въ писаніи, что они явятся прежде втораго пришествія І. Христа, уже пришли: „кто можетъ видѣть, говорилъ одинъ скопецъ, тотъ видитъ, кто у отца искупителя Илья и кто Енохъ“ (3). Антихристъ, о которомъ также въ писаніи сказано, что онъ долженъ предварить своимъ пришествіемъ явленіе Сына Божія, уже явился на землѣ и давно совершаетъ свои діавольскія дѣла. Этотъ антихристъ есть не кто иной,

(1) Изслѣд. Добротворскаго. Пѣсня № 18, 136—137 стр.
(2) Изслѣд. Реутскаго, 293—295 стр.
(3) Чтен. въ общ. истор. и др. 1872 г. 3 кн. 312 стр.

какъ французскій императоръ Наполеонъ I. Согласно ученію отцевъ церкви о рожденіи антихриста, Наполеонъ I родился отъ блудницы, русской императрицы Екатерины Алексѣевны, которая, по удаленіи императора Петра III, предалась „лѣпости“ со своими вельможами и даже съ самимъ діаволомъ, отъ котораго она и родила этого антихриста. Воспитавъ его въ россійской академіи въ Петербургѣ, Екатерина отправила его во Францію, гдѣ онъ, благодаря своему необыкновенному уму, достигъ императорскаго престола и сталъ бичемъ и страшною грозою для всѣхъ народовъ. Само русское правительство, говорятъ скопцы, скоро узнало въ Наполеонѣ предсказаннаго въ писаніи антихриста и Святѣйшій Синодъ повелѣлъ объявить Наполеона I по всѣмъ церквамъ „сыномъ погибели“ (1). Антихристъ Наполеонъ I еще и до сего времени живъ и проживаетъ въ Турціи. Рано или поздно, но онъ непремѣнно обратится въ скопческую вѣру и сдѣлается „великимъ сосудомъ благодати божіей“ (2). Наконецъ, говорятъ скопцы, даже многое и изъ того, что собственно касается Сына человѣческаго, уже исполнилось въ дѣйствительности. *Тогда*, т. е. во второе пришествіе І. Христа *явится знаменіе Сына человѣческаго на небеси* (Мѳ. 24, 30). Это знаменіе или признакъ, по которому можно отличить истиннаго Сына человѣческаго отъ ложнаго, суть страданія, которымъ сынъ человѣческій долженъ подвергнуться со стороны невѣрующихъ іудеевъ и фарисеевъ (3). Такое знаменіе или такія страданія искупи-

(1) Эта сказка скопцовъ основана на воззваніи Свят. Синода, составленномъ еп. тверскимъ Меѳодіемъ, которое въ 1805 году, дѣйствительно, читалось во всѣхъ церквахъ. Тамъ Наполеонъ I. дѣйствительно названъ «антихристомъ», но конечно въ иномъ, аллегорическомъ смыслѣ. Чтен. въ общ. истор. и древн. росс. 1872 г. 3 кн. 94 стр. 75 прим.

(2) Чтен. въ общ. истор. и древ. рос. 1872 г. 1 кн. 74 стр.

(3) Такъ показывалъ Кудимовъ. Чтен. въ общ. истор. и др. рос. 1872 г. 1 кн. 73 стр.

теля уже совершились. Сынъ человѣческій или христосъ Селивановъ претерпѣлъ многія гоненія, былъ битъ кнутомъ и отправленъ въ Иркутскъ подъ конвоемъ. — *И узрятъ Сына человѣческаго, грядуща на облацѣхъ небесныхъ съ силою и славою многою* (Мѳ. 24, 30). Что такое облацы небесныя? спрашиваютъ скопцы. Св. апостолъ Павелъ въ посланіи къ Евреямъ замѣчаетъ о всѣхъ перечисленныхъ имъ впереди праведникахъ, какъ о непреложныхъ свидѣтеляхъ истинности христіанской вѣры: поэтому и мы, говоритъ апостолъ, *толикъ имуще облежащъ насъ облакъ свидѣтелей..... Терпѣніемъ да течемъ на предлежащій намъ подвигъ...* (12, 1). Значитъ, „облацы небесныя“, на которыхъ явится сынъ человѣческій или что тоже „облакъ свидѣтелей“, упоминаемый апостоломъ Павломъ, означаетъ „толпу, собраніе людей“. Иначе: эти „облака небесныя“ означаютъ ихъ, скопцовъ, среди которыхъ и явился искупитель міра (¹). Это явленіе искупителя было „съ силою и славою многою“, согласно евангельскому пророчеству. Сынъ человѣческій Селивановъ явился среди скопцовъ, число которыхъ ежедневно возрастаетъ, — а это безпрерывное умноженіе скопчества и есть „сила сына человѣческаго“. Далѣе, христосъ Селивановъ непремѣнно воцарится на россійскомъ престолѣ, на которомъ онъ явитъ славу свою и, такимъ образомъ, тогда исполнится и вторая часть евангельскаго пророчества, т. е. явленіе сына человѣческаго будетъ „со славою“. — *И пошлетъ ангелы своя съ трубнымъ гласомъ великимъ, и соберутъ избранныя его отъ четырехъ вѣтръ отъ конецъ небесъ до конецъ ихъ* (Мѳ. 24, 31). Явившійся христосъ Селивановъ уже давно послалъ своихъ ангеловъ съ проповѣдію о себѣ, которые суть не кто другіе, какъ скопцы. Что подъ ангелами разумѣются скопцы, въ этомъ убѣждаетъ насъ другое мѣсто пи-

(¹) Сборн. Кельс. III. 185 стр.

санія, говорятъ скопцы. Пророкъ Малахія въ ветхомъ завѣтѣ говоритъ объ Іоаннѣ Предтечѣ: *се Азъ посылаю ангела Моего* (3, 1); вмѣсто ангела явился І. Предтеча, который былъ скопецъ (1). Такъ и въ означенномъ мѣстѣ евангельскаго пророчества подъ ангелами должно разумѣть также скопцовъ. Отецъ искупитель посредствомъ своихъ ангеловъ (скопцовъ) собираетъ избранныхъ въ одно мѣсто изъ всѣхъ четырехъ концевъ Россіи, онъ отдѣляетъ овецъ отъ козлищъ, и теперь, прибавляютъ скопцы, „у насъ земля новая и мы стоимъ какъ на облацѣхъ: ибо мы мірскаго не творимъ“ (2).

Такимъ образомъ, по представленію скопцовъ, предварительныя, такъ сказать, дѣйствія страшнаго суда уже совершились; недостаетъ только одного искупителя—царя. Но и этотъ послѣдній не замедлитъ своимъ явленіемъ:

„Скоро батюшка явится,
Красно солнце прикатится,
Въ домъ Давидовъ возвратится
На престолъ воцарится“ (3).

Мысль о скоромъ явленіи лжеискупителя видимо тревожила и тревожитъ всѣхъ скопцовъ. По словамъ одной пѣсни, искупитель долженъ былъ явиться чрезъ шесть лѣтъ по заключеніи въ Спасо-Евѳиміевскій монастырь (4). По словамъ другой, время окончательнаго страшнаго суда должно считать не годами и мѣсяцами, а „часами“ (5). Наконецъ, болѣе терпѣливые опредѣляютъ это время вообще какъ „скоронаступающее“ и полагаютъ, что искупитель медлитъ своимъ явленіемъ потому, что онъ, отецъ,

---

(1) Такъ объяснялъ Кудимовъ. Чтен. въ общ. ист. 1872 г. 1 кн. 65 стр.

(2) Чтен. въ общ. истор. 1872 г. 3 кн. 312 стр.

(3) Сборн. Кельс. 3 в. Пѣсня № 3. 32 стр.

(4) Изслѣд. Добротв. 137 стр. № 18.

(5) Изслѣд. Реутскаго, 201 стр.

„Взялъ такое иго,
Все складаетъ книгу,
Тайну книгу отецъ сложитъ,
На престолѣ ее положитъ“ тогда
Коней тайныхъ заложитъ,
Спуститъ батюшка десницу,
Катать будетъ въ колесницѣ
По израильскому роду“ (1).

По мнѣнію другихъ, это „удерживающее“ явленіе искупителя заключается въ томъ, что еще не наполнилось скопцами апокалипсическое число 144 тысячи; когда оно наполнится, тогда и наступитъ „царство христово“. Такъ полагали, между прочимъ, скопцы Милютинскаго корабля (2).

Отличаясь въ вопросѣ о времени совершенія страшнаго суда, скопцы отличаются, далѣе, отъ хлыстовъ и въ ученіи о характерѣ этого послѣдняго суда. Страшный судъ по ученію хлыстовъ — характера чисто духовнаго. Дѣйствительно, хлысты вовсе чужды мысли о какомъ-либо политическомъ преобладаніи; всѣ ихъ мечты устремляются къ небу, къ міру высшему этого видимаго міра. Тамъ, въ небѣ, настоящее ихъ блаженство, гдѣ, по ихъ представленію, они будутъ ликовать съ своимъ господомъ Саваоѳомъ Данилою Филипповичемъ и гдѣ они безпрепятственно будутъ совершать свои радѣнія. Не такого характера страшный судъ и слѣдующая за нимъ жизнь въ ученіи скопцовъ. Цѣль религіознаго фанатизма скопцовъ не въ небесахъ, а на землѣ; они ждутъ себѣ торжества и блаженства не тамъ, въ другомъ, лучшемъ мірѣ, но здѣсь, въ этомъ свѣтѣ, въ этой жизни, даже въ этомъ самомъ быту, который существуетъ теперь, съ перемѣною только его въ пользу ихъ, скопцовъ.

---

(1) Чтен. въ общ. истор .. 1872 г. 3 кн. 156 стр.

(2) Тамъ же, 1873 г. 1 кн. 61—62 стр.

„Что вы, вѣрные-избранные!“ обращается искупитель
Селивановъ къ своимъ дѣтушкамъ-скопцамъ,
„Я дождуся той поры, времячка,
Перебирать буду всяко сѣмячко.
Я отъ чистыхъ не укроюся,
Надъ царями царь я откроюся;
Завладѣю всѣми престолами
И короною со державою:
Всѣ цари, власти мнѣ поклонятся“ (1)...

„Придутъ, други, таки годы“, говорилъ Селивановъ,
„Укачу я въ царски роды,
Отступятся всѣ уроды“ (2)....

Мысль о воцареніи Селиванова на россійскомъ престолѣ есть главнѣйшая въ ученіи скопцовъ. Селивановъ долженъ занять по праву принадлежащій ему русскій престолъ и тогда устройство русскаго государства приметъ другой видъ: императоръ Петръ III будетъ управлять государствомъ, а Наполеонъ I начальствовать надъ правовѣрными полками, т. е. скопцами. У скопцовъ есть даже болѣе грандіозныя мечты. По ихъ представленію, говоритъ Андреяновъ, „бѣлый царь, т. е. императоръ Петръ III соединитъ въ одну семью русскую, французскую и турецкую земли“ (3).

Страшный судъ совершится, по мнѣнію однихъ скопцовъ, въ Москвѣ, по мнѣнію другихъ—въ Петербургѣ (4). Прежде страшнаго суда „Саваоѳъ съ своимъ вторымъ сыномъ“ „заложатъ новые города и губерніи“ по преимуществу въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ страдалъ лжеискупитель. Далѣе послѣдуетъ закладка „новыхъ соборовъ—чудныхъ“; въ нихъ будутъ поставлены иконы „премудрыя и чудотворныя“, а свѣчи—„пудовыя“. Заложатъ также нѣсколько церквей приход-

(1) Сборн. Кельс. 3 в. Прилож. П. 27, 60 стр.

(2) Тамъ же, П. 2, 34 стр.

(3) Чтен. въ общ. истор. 1872 г. 3 кн. 311 стр.

(4) Тамъ же, 154 стр.

скихъ и монастырей — „не простыхъ“. Колокола на всѣхъ колокольняхъ будутъ повѣшены „звонкіе и дивные“ (1). Окончивши эти предварительныя работы,

„Станетъ отецъ“, по словамъ другой пѣсни,
„Въ златую трубу назирати,
А самъ плакати и рыдати,
Какъ судъ божій совершати“ (2).....

Мгновенно „государь-батюшка“ грянетъ въ 12 своихъ трубъ и тогда-то „сырая земля потрясется, небеса поколеблются, божьи люди перепугаются“, вся вселенная застонетъ въ отчаяніи, потому что „государь-батюшка“ постоитъ только за своихъ дѣтушекъ, „за вѣрныхъ, святыхъ и праведныхъ“ (3); ангелы небесные запоютъ въ это время „на гласы жалкіе, заунывные“; они будутъ пѣть:

„Про страды искупителя, про мученіе
И про крестъ его, про терпѣніе,
Про путь дальне похожденіе
И про трудныя его ступенечки“ (4).

Вслѣдъ за этимъ, по всей новой Россіи пойдетъ неумолкаемый и оглушительный звонъ. По „первому звону“ явится Илья-пророкъ, — не тотъ, котораго ожидаютъ православные, а „новый и второй“; онъ „многихъ выгонитъ изъ старой Россіи вонъ, а иныхъ отдастъ въ полонъ“. По „второму звону“ явятся „небесные пророки“; эти послѣдніе „станутъ разбирать всякіе пороки: что, гдѣ за кѣмъ есть—станутъ вездѣ чисто мести“ (5). Между тѣмъ, по гласу Саваоѳа,

„Короли будутъ съѣзжаться,
Въ Москвѣ будутъ утверждаться,

---

(1) Наслѣдов. Реутскаго, 197 стр. Пѣсня.
(2) Русск. Старина 1878 г. 22 т. 473 стр. Скопч. пѣсня №
(3) Наслѣд. Добротворскаго, 141 стр. № 22.
(4) Тамъ же, 143 стр. № 24.
(5) Наслѣдов. Реутскаго, 198 стр. Пѣсня.

Всѣмъ царямъ будетъ извѣстно,
Соберутся въ одно мѣсто“ (1)....

Въ свою очередь и скопцы также станутъ стремительно слетаться въ одно мѣсто со всѣхъ четырехъ сторонъ:

„Отъ бѣлой зари, отъ Сіонъ горы“, поютъ обыкновенно скопцы, какъ бы созерцая это чудное и великое событіе,
„Отъ востокъ-страны отъ Иркутскія...
Летятъ голуби, летятъ бѣлые,
Летятъ тучами, за крестъ мучимы:
Все скопцы, бѣльцы, земли греческой,
Именитые, знаменитые;
Знамена несутъ, кандалы трясутъ,
Въ колкола звонятъ—сокола манятъ“ (2)....

Сюда же, нужно полагать, будутъ стекаться и всѣ не-скопцы (3).

Когда, такимъ образомъ, всѣ люди и со всѣхъ сторонъ соберутся въ одно мѣсто, съѣхавшіеся короли, цари и вельможи „вздумаютъ въ это время синодомъ скрыть отъ сиротъ на малое время ихъ отца“. Но тутъ грозно выступитъ предъ пророками самъ царь и скажетъ:

Идетъ дѣло ко амину,
Покажите ту храмину.
Вы подайте намъ тѣ вѣсти,
Гдѣ посаженъ, въ коемъ мѣстѣ,

т. е. лжеискупитель. И пророки, послушные голосу царя, дѣйствительно, покажутъ ему эту „храмину“, а которые не укажутъ

„Тѣмъ и острый мечъ покажутъ:
Будутъ головы рубить,
Что которые не могутъ
Про батюшку протрубить.

---

(1) Русск. Стар. 1878 г. 22 т. 473 стр.; Скопч. пѣсня № 3.

(2) Изслѣдов. Добротвор., II. № 19, стр. 137.

(3) Чтен. въ общ. истор.... 1872 г. 2 кн. 185—186 стр.

Много будетъ убіенныхъ
Всему міру на удивленье;
Многіе будутъ дивоваться,
На батюшку увѣряться“ (1).

Вслѣдъ за этимъ „праведный судья“, т. е. искупитель Петръ III Ѳеодоровичъ станетъ судить всѣхъ „правымъ судомъ“ (2). Судъ начнется съ пророковъ, которыхъ онъ первыми потребуетъ „на свое пречистое око“ (3); потомъ станетъ судить всѣхъ скопцовъ и не-скопцовъ. Въ это время многіе отъ страха наказанія будутъ „прятаться отъ страшнаго суда“; многимъ придется „до сыта наплакаться отъ своихъ дѣлъ“; отрадно будетъ только тѣмъ, которые „въ богѣ находили предѣлъ“. „Слабымъ и старымъ слугамъ“, которые „дешево цѣнили божество и христа повинили“ будетъ сказано: „подите прочь, въ темную ночь; вы свѣтъ христовъ проспали“... Праведнымъ будетъ милость; съ ними „праведный судья“ будетъ „бесѣдовать, говорить и чудеса творить“ (4). Окончивши судъ надъ пророками и всѣми скопцами и не-скопцами, искупитель Петръ III Ѳеодоровичъ „смиритъ явнаго царя и весь его синодъ“ (5). Перваго онъ удалитъ съ русскаго престола и самъ „въ пречистомъ своемъ тѣлѣ“ воцарится „въ обновленной и очищенной отъ всякой нечистоты“ Россіи „на короткое время“ (6). Для управленія всею Россіею онъ приметъ „скипетръ и державу“ (7). Тогда-то исполнятся слова Апокалипсиса: „всѣ цари земные и короли, падши,

---

(1) Русск. Стар. 1878 г. 22 т. 473 стр.

(2) Сборн. Кельс. Ш. Прилож. 80 стр. № 43.

(3) Русск. Стар. 1878 г. 22 т. 473 стр.; Изслѣд. Добротворск. 149 стр. № 28.

(4) Изслѣд. Реутскаго, 199—200 стр. Пѣсня.

(5) Сборн. Кельс. Ш. 80 стр. II. № 43.

(6) Изслѣд. Реутскаго, 198 стр. и Чт. въ общ. ист... 1872 г. 1. 70 стр.

(7) Изслѣд. Реутскаго, 199 стр.

поклонятся отцу-искупителю — второму богу и великому страдальцу—и вручатъ ему короны свои и скипетры, весьма сожалѣя, что они не познали такого сокровища, находившагося между людьми" (1). Слава новаго „царя-бога" будетъ чрезмѣрно велика. Его величію будетъ удивляться „вся небесная сила"; его будутъ прославлять всѣ люди и всѣхъ званій. Когда, говорятъ скопцы, „пречудное и пречистое живое лико" его будетъ поставлено „на всѣхъ сооруженныхъ и богомъ благословенныхъ престолахъ", тогда вездѣ и всюду будетъ „трубушка трубить", что это не спадающій страдательной первой цвѣтъ, что таковыхъ цвѣтовъ и на землѣ нѣтъ"! Между тѣмъ, продолжаютъ скопцы, искупитель, въ своемъ неизреченномъ милосердіи, пошлетъ во всѣ концы вселенной апостоловъ и пророковъ, которые „посѣятъ въ каждой землѣ по зернышку пшеницы, каждое же-зернышко произведетъ пшеницы на тридцать кораблей" (2). Иначе говоря, тогда весь родъ человѣческій приметъ оскопленіе. Здѣсь, конечно, самъ собою является вопросъ: какимъ образомъ будетъ происходить продолженіе рода человѣческаго? Одни скопцы полагаютъ, что люди будутъ существовать безконечно, не измѣняясь въ числѣ (3); по мнѣнію другихъ, продолженіе рода человѣческаго будетъ зависѣть не отъ плотскаго соединенія, но единственно отъ цѣлованія, ибо, говорятъ они, „Богъ силенъ и изъ камней воздвигнуть чада Аврааму" (4).

Такъ, заключаютъ скопцы, совершится страшный судъ, предвозвѣщенный въ Евангеліи. Самъ искупитель Петръ III, послѣ временнаго управленія Россі-

(1) Изслѣд. Реутскаго, 199 стр. и Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 1. 70 стр.

(2) Чтен. въ общ. истор...: 1872 г. 1. 70 стр.

(3) Тамъ же, 94 стр.

(4) Тамъ же, 1873 г. 1. 60 стр.

ею, умретъ естественною смертію; тѣло его будетъ положено въ ракѣ благовѣрнаго князя Александра Невскаго, въ которой, по мнѣнію скопцовъ, теперь никакихъ мощей не находится, и она предназначена собственно для скопческаго искупителя (1); божество же его удалится въ седьмое небо для соединенія съ господомъ Саваоѳомъ, матушкой Акулиной Ивановной и предтечею Александромъ Ивановичемъ (2). Видимый міръ будетъ существовать безконечно въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ находился во время страшнаго суда и люди, въ немъ находящіеся, также будутъ наслаждаться благами безконечно (3); въ чемъ, однако, будетъ состоять это наслажденіе—неизвѣстно; вѣроятно, также какъ и у хлыстовъ, въ совершеніи радѣній.

Изъ представленнаго нами ученія скопцовъ о страшномъ судѣ можно отчасти замѣтить, что въ этомъ ученіи ни слова не говорится объ умершихъ и о воскресеніи мертвыхъ.[2] Дѣйствительно, большинство скопцовъ отрицаетъ догматъ воскресенія мертвыхъ и въ этомъ пунктѣ своего ученія они, очевидно, отличаются отъ хлыстовъ. Такъ, крест. Иванъ Андреяновъ въ своемъ [illegible] говоритъ, что галицкія пророчицы, дѣвки Арина и Ѳекла, возратившись изъ Петербурга отъ лжеискупителя, говорили прочимъ скопцамъ: „за умершихъ не должно молиться“ (4). Точно также и Елянскій отрицаетъ необходимость молитвы за умершихъ (5). Самъ основатель скопческой секты, впрочемъ, допускаетъ воскресеніе только тѣхъ душъ, которыя „въ семъ вѣкѣ обѣщаются Богу и своему от-

---

(1) Чтен. въ общ. истор... 1872. 1. 71 стр.

(2) Изслѣд. Реутскаго, 223—225 стр. и Изслѣд. Добротворскаго, 136—137 стр.

(3) Чтен. въ общ. истор... 1872. 1. 94 стр.

(4) Тамъ же, 3. 302 стр.

(5) Тамъ же, 1867. 4. 80 стр.

цу-искупителю въ несумнѣнной вѣрѣ, чистотѣ и послушаніи, въ кротости и смиреніи, отъ начала своей жизни и до конца послужить" (1)...

2) Нравственное ученіе.

На первый взглядъ представляется, что въ нравственномъ ученіи скопцы совершенно сходны съ хлыстами; и тѣ и другіе стремятся достигнуть святости и безстрастія; разность только въ томъ, что хлысты достигаютъ этой цѣли одними средствами, а скопцы другими. Въ самомъ же дѣлѣ, при болѣе тщательномъ разсмотрѣніи нравственнаго ученія этихъ сектъ, оказывается, что отличіе скопцовъ отъ хлыстовъ въ этомъ отношеніи простирается гораздо далѣе. Цѣль нравственнаго усовершенствованія у хлыстовъ не та только, чтобы достигнуть безстрастія и святости, но чтобы вселить въ себя христа, чтобы содѣлаться христомъ. Это послѣднее есть главнѣйшая и существенная цѣль всей нравственной дѣятельности хлыстовъ. У скопцовъ, само собою понятно, не можетъ быть и рѣчи о такой цѣли нравственнаго совершенства; догматическое ученіе ихъ, какъ извѣстно, исключило возможность перевоплощеній І. Христа; слѣд., и изъ нравственной системы ученіе о необходимости каждому человѣку достигать воплощенія въ себя христа— по необходимости было исключено. Поэтому, высшая цѣль нравственнаго совершенства человѣка, по ученію скопцовъ, есть состояніе абсолютной невозможности грѣшить. Это послѣднее достигается чрезъ оскопленіе.

При изложеніи исторіи скопческой секты мы старались по возможности выяснить происхожденіе скопчества и показали, что скопчество возникло на почвѣ хлыстовщины и было слѣдствіемъ нравствен-

(1) Чтен. въ общ. истор... 1872. 2. 184 стр.

наго разложенія послѣдней. Не повторяя, поэтому, того, что уже сказано, мы теперь постараемся только представить сущность ученія основателя скопческой секты о необходимости оскопленія, изложеннаго имъ въ своемъ „Посланіи“. Ученіе объ этомъ предметѣ онъ излагаетъ подъ аллегорическою формою „лѣпости“, т. е. всякаго вообще половаго отношенія между мужчиною и женщиною. „Лѣпость“, по взгляду лжеискупителя, есть одно изъ величайшихъ золъ въ мірѣ; она есть лютый змѣй, пожирающій весь міръ; она отъ Бога отвращаетъ и къ Богу не допускаетъ (1). По своимъ свойствамъ она неотразимо привлекаетъ къ себѣ всякаго, близко обращающагося брата съ сестрою; въ этомъ случаѣ она подобна магниту, притягивающему къ себѣ желѣзо, моли, которая съ жадностію пожираетъ предметы (2). Поэтому, говоритъ лжеискупитель, чтобы воздержаться отъ „лѣпости“, чтобы достигнуть „чистоты“ необходимо прежде всего удаленіе самаго органа соблазняющаго и притомъ быстрое и моментальное: „ужъ змію бить, такъ и бей поскорѣе до смерти, покуда на шею не вспрыгнула и не укусила“ (3). Но кромѣ этого необходимо также, чтобы и умъ былъ свободенъ отъ нея и сердце не занималось ею (4); для этой послѣдней цѣли необходимо воздерживаться отъ всякихъ личныхъ сношеній съ женщинами, „отъ праздныхъ разговоровъ и смѣховъ, отъ чего происходитъ уже лѣпость“ (5). Только съ соблюденіемъ того и другаго условія возможно достигнуть совершенной „чистоты“, которая, такимъ образомъ, есть „отъ всѣхъ слабостей удаленіе, какъ-то: въ началѣ отъ женской лѣпости, а потомъ отъ кле-

(1) Чтен. въ общ. истор. 1864. 4. 66 стр.
(2) Тамъ же, 69 стр.
(3) Тамъ же, 79 стр.
(4) Тамъ же, 68 стр.
(5) Тамъ же, 69 стр.

веты и зависти, отъ чести и тщеславія, отъ гордости и самолюбія, отъ лжи и празднословія" (1).

Какъ ни безумно ученіе основателя скопческой секты, какъ ни изувѣрно и ни ужасно преступленіе, проповѣдумое имъ, оно, какъ извѣстно, нашло себѣ многочисленныхъ послѣдователей, которые совершали операцію оскопленія съ готовностію, съ мужествомъ и терпѣніемъ, приводящими посторонняго наблюдателя въ необъятный страхъ и ужасъ. По взгляду скопцовъ, оскопленіе—это „тайна Божія", которая заповѣдана отъ всего міра и открыта только имъ, скопцамъ; объ этой „тайнѣ" говорилъ І. Христосъ и еще болѣе Іоаннъ Богословъ въ своемъ Откровеніи (2). Оскопленіе — это „Божье знамя", съ которымъ они, скопцы, пойдутъ на страшный судъ, которое они получатъ на вѣки и послѣ страшнаго суда (3). Оскопленіе — вѣрное средство получить будущее блаженство (4); оно есть истинное „убѣленіе" не только тѣла, но и души (5); оно же дѣлаетъ человѣка способнымъ „къ вдохновенію и видѣнію Бога" (6). Конечно, для всякаго здравомыслящаго человѣка очевидно, что въ основаніи ученія скопцовъ лежитъ самый узкій, самый наивный эгоизмъ, который, однако, очень привлекателенъ для невѣжды. И въ самомъ дѣлѣ, кто не согласится подвергнуться извѣстнаго рода временнымъ лишеніямъ, чтобы устроить себѣ прочную будущность? Ученіе скопцовъ обѣщаетъ своимъ адептамъ всевозможныя блага въ настоящей и будущей

---

(1) Чтен. въ общ. истор... 1864. 4. 67 стр.

(2) Тамъ же. 1867. 4 70—71 стр. и Чт. въ общ. ист... 1873. 1. 128 стр.

(3) Изслѣд. Добротворскаго. Пѣсни №№ 15, 131 стр.; 19, 137 стр.; 22, 141 стр.

(4) Дух. стихи сек. люд. бож. Барсова. №№ 47, 46 стр.; 53, 85 стр.

(5) Сборн. Кельс. Ш. 123 стр.

(6) Чтен. въ общ. ист... 1872. 2. 151 стр.

жизни и грозитъ ужасами ада невѣрующимъ. Понятно, что очень трудно, даже почти невозможно для умственно-слѣпаго человѣка не поддаться такой приманкѣ, съ одной стороны, и устоять противъ ужасовъ ожидающихъ его наказаній—съ другой, т. е. въ томъ случаѣ, если онъ слѣпо и всецѣло не подчиняется этому ученію.

Ученіе скопцовъ объ оскопленіи опирается на извѣстныя историческія и догматическія основанія. По ихъ представленію, оскопленіе или собственно необходимость его одновременна появленію первыхъ людей. Богъ, говорятъ скопцы, сотворилъ Адама и Еву людьми „безплотными“, т. е. неимѣвшими половыхъ органовъ. Какъ скоро они нарушили заповѣдь Божію и, прельщенные діаволомъ, съѣли запрещенныя яблоки, подобія запрещенныхъ плодовъ выросли на ихъ тѣлѣ: у мужчинъ—сѣмянныя testiculi, у женщинъ—груди. Тогда они „сшиста листвіе смоковное и сотвориста себѣ препоясанія“ и въ такомъ видѣ предстали предъ разгнѣваннаго Создателя. Такъ какъ половые органы явились на тѣлѣ человѣческомъ по ухищренію діавола, соблазнившаго прародителей, то ихъ должно уничтожать, чтобы очистить тѣло, созданное Богомъ и испорченное врагомъ (1). По представленію, впрочемъ, галацкихъ скопцовъ, первые люди были сотворены съ половыми органами, хотя и въ невинномъ состояніи; впослѣдствіи же діаволъ, явившись во снѣ Евѣ, началъ ее смущать и дѣйствительно соблазнилъ (2). Какъ средство для удаленія лишняго нароста на человѣческомъ тѣлѣ въ в. завѣтѣ, продолжаютъ скопцы, было установлено обрѣзаніе для мужчинъ, которое, по мнѣнію однихъ, есть только прообразъ оскопленія, по мнѣнію же другихъ—самое оскопленіе (3). Поэтому, говорятъ скопцы, всѣ ветховавѣт-

(1) Чтен. въ общ. ист... 1873. 1. 60 стр.

(2) От. Зап. 1867 г. № 10. 597—598 стр.

(3) Тамъ же. 595 стр.

ные праведники и пророки были скопцами; Ной тоже былъ скопецъ и скопчество свое, которое онъ скрывалъ отъ дѣтей своихъ, обличилось въ извѣстномъ случаѣ, разсказанномъ въ Библіи (1); І. Христосъ и апостолы были скопцы (2). Далѣе, вся вообще христіанская церковь до временъ Константина В. сохраняла во всей силѣ оскопленіе. Елянскій въ своей „Части извѣстія, на чемъ скопчество утверждается", между прочимъ въ оправданіе мысли, что въ древней христіанской церкви, дѣйствительно, существовало оскопленіе, указываетъ на монастыри, которые были будто бы скопческими; далѣе, въ подтвержденіе той же мысли онъ ссылался на книги Баронія 12 вѣковъ, на Прологи, Четьи-Минеи и проч. (3). Саратовскіе скопцы указывали также на Четьи-Минеи, гдѣ говорится о нѣкоторыхъ святыхъ, бывшихъ скопцами (4). Со времени Константина В., который будто бы первый сталъ строить „явные храмы и вводить обряды", скопчество мало по малу начинаетъ уничтожаться (5). — У насъ на Руси, продолжаютъ скопцы, также существовало скопчество съ самаго введенія христіанства. Объ этомъ свидѣтельствуетъ „Полный мѣсяцесловъ", изданный въ Петербургѣ въ 1817 году, гдѣ указываются многіе митрополиты-скопцы. Объ этомъ же свидѣтельствуетъ книга „Указаніе пути въ царствіе небесное"—сочиненіе Иннокентія иркутскаго. Въ ней прямо говорится, что „во всякомъ человѣкѣ есть грѣхъ, а грѣхъ есть такая язва, которая сама собою, т. е. безъ лѣкарствъ, не излѣчивается; а у нѣкоторыхъ людей эта язва такъ глубока и опасна, что излѣчить ее можно не иначе, какъ прижиганіемъ и вырѣзываніе-

(1) Соврем. Лист. 1867 г. № 82.
(2) Чт. въ общ. ист... 1872. 3. 303 стр.
(3) Тамъ же, 1867. 4. 81 стр.
(4) Тамъ же. 1873. 1. 128 стр.
(5) Тамъ же, 1872. 1. 81 стр.

емъ“ (¹). Извѣстно также и то, что патріархъ Никонъ былъ скопцомъ и изъ-за скопчества поссорился съ царемъ Алексѣемъ Михаиловичемъ (²). Словомъ, по словамъ Елянскаго, скопчество и скопческія „дѣла“ существовали въ Россіи отъ временъ кн. Владиміра и сначала хранились въ чертогахъ княжескихъ, потомъ въ монастыряхъ обитали и наконецъ они неизмѣнно пребываютъ до сего времени въ простолюдинахъ (³). Поэтому, продолжаетъ онъ, „мы истинные послѣдователи Христу,—родъ избранъ, царское священіе, люди обновленія, Бога боящіеся, царя почитающіе“ (⁴).

Здѣсь, конечно, излишне входить въ разборъ фактовъ, приводимыхъ скопцами въ оправданіе своего ученія объ оскопленіи. Достаточно замѣтить, что ветхозавѣтное обрѣзаніе, въ которомъ скопцы хотятъ видѣть прообразъ своего оскопленія, по своему характеру и цѣли установленія совершенно отлично отъ оскопленія. Въ ветхомъ завѣтѣ чадородіе считалось однимъ изъ величайшихъ благодѣяній Божіихъ, такъ что женщина, неимѣющая дѣтей, почиталась отверженной Богомъ (1 Цар. 1, 6). Поэтому предполагать, что будто бы обрѣзаніе было установлено съ цѣлію ослабленія и даже совершеннаго уничтоженія способности къ размноженію,—въ высшей степени странно и нелѣпо. Самъ Богъ, благословляя людей, между прочимъ благословилъ и бракъ: *сего ради оставитъ человѣкъ отца своего и матерь свою и прильпится къ женѣ своей: и будета два въ плоть едину* (Быт. 2, 24); и въ другомъ мѣстѣ: *растителся и множителся и наполните землю* (Быт. 1, 28; 9, 1). Очевидно, обрѣзаніе не имѣло цѣлію сокращать родъ человѣческій; оно служило символомъ соединенія человѣка съ Бо-

(¹) Чт. въ общ. ист... 1873. 1. 128—129 стр.
(²) От. Зап. 1867. № 10. 608 стр.
(³) Чт. въ общ. ист... 1867. 4. 70 стр.
(⁴) Тамъ же, 76 стр.

гомъ и указывало человѣку, что дѣти, какъ и всякій другой даръ, *есть даръ Божій* (Быт. 17, 11). Наконецъ, если гдѣ, то именно въ древней христіанской церкви оскопленіе преслѣдовалось какъ преступленіе, оскорблявшее Самого Бога. Святые апостолы опредѣлили строгія правила относительно скопцовъ. „Скопецъ, аще отъ человѣческаго насилія, или въ гоненіи таковымъ содѣланъ, или такъ рожденъ, и аще достоинъ, да будетъ епископъ. Самъ себя скопившій да не будетъ принятъ въ клиръ: самоубійца бо есть и врагъ Божія созданія“ (1). Вообще, древняя церковь всегда карала самооскопленныхъ лицъ, какъ преступниковъ, что видно между прочимъ, изъ примѣровъ Оригена и Леонтія, епископа антіохійскаго, изъ которыхъ первый былъ лишенъ сана пресвитерскаго, а послѣдній даже епископскаго.

Далѣе, скопцы, желая, повидимому, быть основательными, указываютъ на нѣкоторыя мѣста свящ. писанія, которыя, по ихъ мнѣнію, оправдываютъ и даже узаконяютъ оскопленіе. Прежде всего они, конечно, цитуютъ всѣ тѣ мѣста ветхозавѣтнаго писанія, гдѣ говорится объ обрѣзаніи. Такъ, они ссылаются на 5 гл. 2—8 ст. книги Іисуса Навина, гдѣ говорится объ установленіи обрѣзанія; указываютъ, далѣе, на 17 гл. 14 ст. книги Бытія, гдѣ говорится, что „погубится душа отъ рода своего у того, кто не обрѣжетъ плоти крайнія своея въ день осмый“; ссылаются, наконецъ, на 1 гл. 41, 48—50 ст. 1-й кн. Маккавейской, гдѣ излагается безумное повелѣніе царя Антіоха о запрещеніи обрѣзанія между іудеями и проч. (2). Видя въ ветхозавѣтномъ обрѣзаніи прообразъ своего оскопленія и даже самое оскопленіе, скопцы, естественно, обращаютъ въ свою

(1) 21 и 22 пр. См. 23 и 24 пр. «Правила свв. апост. и вселен. соборовъ»

(2) Чт. въ общ. ист... 1873 г. 1. 129—130 стр. и Тамъ же, 2. 152 стр.

пользу и тѣ мѣста ветхозавѣтнаго писанія, гдѣ говорится объ евнухахъ и каженикахъ. Такъ, еще Елянскій въ своей „Части извѣстія, на чемъ скопчество утверждается“ указывалъ на 56 гл. 4—7 ст. кн. пр. Исаіи, гдѣ сказано, что „каженикамъ лучшее мѣсто сыновъ и дочерей дается“ (1). На это же изреченіе пр. Исаіи указывали и скопцы саратовскаго корабля; къ нему они присоединяли еще изреченіе кн. Премудрости Соломона ст. 14-й 3 главы, гдѣ тоже самое прилагается къ евнухамъ (2). Въ новомъ завѣтѣ, продолжаютъ скопцы, оскопленіе было узаконено Самимъ І. Христомъ словами: *суть скопцы, иже изъ чрева матерня родишася тако: и суть скопцы, иже оскопишася отъ человѣкъ, и суть скопцы, иже исказиша сами себе царствія ради небеснаго* (Мѳ. 19, 12). Этими словами, говорятъ они, І. Христосъ прямо оправдываетъ оскопленіе и считаетъ его даже совершенно необходимымъ для достиженія царствія Божія. Далѣе, св. Іоаннъ Предтеча, говоря объ І. Христѣ, замѣтилъ: *Той* (І. Христосъ) *вы креститъ Духомъ Святымъ и огнемъ* (Мѳ. 3, 11), т. е. І. Христосъ, комментируютъ скопцы, будетъ крестить „огненнымъ крещеніемъ“, иначе „оскопленіемъ“. Эти два послѣднія изреченія новозавѣтнаго писанія составляютъ самыя фундаментальныя и общераспространенныя между скопцами доказательства о необходимости оскопленія (3). Но очевидно, что ни то, ни другое мѣсто пи-

---

(1) Чт. въ общ. ист... 1867 4. 80 стр.

(2) Тамъ же, 1873. 1. 129 стр.

(3) Ссылаются также и на другія мѣста изъ Новаго Завѣта, которыя, по мнѣнію скопцовъ, такъ или иначе доказываютъ мысль о необходимости оскопленія. Такъ, они говорятъ, что І. Христосъ повелѣлъ *отсѣкать соблазняющій удъ* (Мѳ. 5, 29—30); ап. Павелъ совѣтуетъ *умерщвлять уды* (Кол. 3, 5); наконецъ, въ Апокалипсисѣ говорится о *дѣвственникахъ*, т. е. о «скопцахъ», которые предстоятъ предъ престоломъ Божіимъ (14, 1—5).

санія не оправдываетъ ученія скопцовъ объ оскопленіи.

Смыслъ словъ Спасителя станетъ понятнымъ для насъ тогда, когда мы обратимъ вниманіе на предъидущую бесѣду Спасителя. Приведенныя слова Господь изрекъ противъ заключенія, что лучше не жениться, чѣмъ не исполнить всѣхъ обязанностей брака. „Если такая обязанность нужна по отношенію къ женѣ, говорили ученики въ отвѣтъ Господу, то лучше не жениться“ (Мѳ. 19, 10). „Нѣтъ, отвѣчалъ Спаситель, не всѣ могутъ, исполнить это, т. е. не всѣ могутъ не жениться, но только тѣ, которымъ это дано“ (Мѳ. 19, 11). А дается это тѣмъ во 1-хъ, которые отъ природы рождены неспособными къ брачной жизни—*иже отъ чрева матерня родишася тако.* Во 2-хъ тѣмъ, которые, по совѣту мудрыхъ и благочестивыхъ мужей, добровольно принимаютъ на себя обѣтъ дѣвства; *хощу*, говоритъ апостолъ, *да вси человѣцы будутъ, якоже и азъ*, т. е. такими же дѣвственниками; ибо, продолжаетъ онъ, *не оженивыйся печется о Господнихъ... а оженивыйся печется о женѣ...* (Кор. 7, 7, 32—33). Наконецъ, въ 3-хъ, могутъ не вступать въ бракъ и тѣ, которые, по внутреннему, благочестивому побужденію, по особому произвольному обѣту (напр. монашества) обрекаютъ себя на жизнь безбрачную, цѣломудренную, желая распинать плоть свою со страстьми и похотьми ради Христа и Его Евангелія (1 Кор. 9, 25—27; Гал. 5, 24). Такимъ образомъ, въ словахъ Спасителя вовсе нѣтъ и мысли о необходимости физическаго оскопленія въ дѣлѣ спасенія человѣка. Очевидно, что слово „скопецъ“, употребленное І. Христомъ, имѣетъ другой смыслъ. Оно означаетъ здѣсь не человѣка, лишеннаго извѣстныхъ тѣлесныхъ органовъ, — потому что такое оскопленіе можетъ быть только одно, а въ словахъ І. Христа представляются три вида скопчества,—а здѣсь разумѣется человѣкъ, у котораго умерщвлены всѣ страсти и похоти, какъ и говоритъ объ этомъ ап. Павелъ

въ посланіи къ Колоссаямъ: *умертвите уды ваша* (3, 5), а не сказалъ „отымите или отрѣжьте уды ваши". Слѣд., умертвить уды, значитъ умертвить грѣховныя страсти, нечистыя побужденія. Это послѣднее достигается постояннымъ бдѣніемъ надъ своими мыслями и желаніями и сокрушенною сердечною молитвою; слѣд., духомъ, внутренно, а не по наружности или физическимъ изуродованіемъ себя (Римл. 8, 13; Гал. 5, 16; Еф. 2, 8—9). Да и вообще, можетъ ли имѣть какую либо цѣну и значеніе предъ Богомъ такое дѣло, какъ, напр, лишеніе у себя какого нибудь члена? Изреченія хлыстовъ: „не трудно бороться съ умерщвленнымъ врагомъ, а ты поборись съ живымъ" и „что за побѣда надъ врагомъ, когда врагъ умерщвленъ? — тутъ нѣтъ божьяго дѣла, одно только малодушіе" (1) — вполнѣ справедливы. Сами скопцы новѣйшаго времени уже признали маловажность и даже совершенное ничтожество физическаго оскопленія. Вотъ что говоритъ Ефимъ Куприановъ, одинъ изъ послѣдователей „новоскопчества": „человѣкъ, хотя бы десять разъ оскопился, но если не будетъ душею чистъ, справедливъ и благочестивъ, то его скопчество не даетъ ему ни малѣйшаго оправданія предъ Богомъ... Если оскопленіе, столь высоко цѣнимое, считается абсолютно святымъ, то и всѣ оскопленные, находящіеся при турецкихъ сераляхъ и персидскихъ дворахъ, могутъ надѣяться на полученіе вѣчнаго блаженства" (2). Но и независимо отъ этого послѣдняго, т. е. что скопчество не оправдываетъ и не можетъ оправдать человѣка предъ Богомъ, приводитъ ли оно человѣка, дѣйствительно, къ той цѣли, для которой оно главнымъ образомъ и употребляется? Иными словами, оскопленіе, употребляемое

---

(1) Христ. Чтен. 1869 г. № 9. 446 стр. 1 пр. и Русск. Вѣсти. 1868 г. № 5. 14 стр.

(2) Христ. Чтен. 1877 г. Сент.—Окт. 404 стр. 2 прим.

скопцами, избавляетъ ли ихъ отъ чувственныхъ, грѣховныхъ пожеланій? Становятся ли они въ самомъ дѣлѣ безстрастными, чуждыми всякой похотливости? Далеко нѣтъ. Лишая себя только естественной способности къ дѣторожденію, скопцы не спасаютъ плоти отъ похотей и страстныхъ вожделѣній, которыя теперь еще съ большею, чѣмъ прежде, силою возстаютъ въ ихъ сердцахъ и приводятъ въ страстное волненіе всю душу. Сами скопцы сознаются, что послѣ операціи оскопленія у нихъ съ необыкновенною силою начинаютъ развиваться страсти самыя дикія и пороки самые гнусные (1). Объ этомъ нравственномъ состояніи скопца говорилъ еще премудрый сынъ Сираховъ: *желаніе скопче растлитъ ли дѣвицу? Такожде творяй нуждею суды. Кая польза идолу отъ жертвы? Не имать бо ясти, ни обоняти: тако гонимый отъ Господа, зряй очима и стеняй, якоже евнухъ осязаяй дѣвицу и воздыхаяй* (20, 4; 30, 19—21). Очевидно, умъ плоти, противъ котораго воюетъ духъ, живетъ не въ зарождающихъ только органахъ, но въ цѣломъ организмѣ. Скопецъ борьбы не избѣгаетъ и мучится въ самыхъ паденіяхъ своихъ.

Скопцы видятъ основаніе для оскопленія въ словахъ Предтечи объ І. Христѣ: *Той вы крститъ Духомъ Святымъ и огнемъ* и называютъ это огненнымъ крещеніемъ или оскопленіемъ. Но огненное крещеніе— это болѣзненныя страданія и искушенія ради Христа, въ которыхъ христіанинъ, какъ золото въ горнилѣ огненномъ, очищается отъ скверны грѣховныхъ. *Проидохъ*, говорятъ свв. мученики, *сквозь огнь и воду и извелъ ны еси въ покой* (Пс. 65, 10). Это толкованіе огненнаго крещенія во Христѣ подтверждается словами Спасителя: *огнь* скорбей, страданій и мученій *пріидохъ воврещи на землю и како хощу, аще бы* онъ уже *возгорѣлся*. Ибо и *Азъ крещеніемъ* на кре-

(1) Сборн. Кельс. Ш. 221 стр. 304 прим.

стѣ огненнымъ, кровавымъ, самымъ мучительнымъ *имамъ* скоро *креститися, и како удержуся, дондеже скончаются* Мои ужасныя страданія (Лук. 12, 49—50)!

Въ ряду доказательствъ, приводимыхъ скопцами въ оправданіе своего ученія о необходимости оскопленія нельзя не отмѣтить еще одного доказательства, заимствуемаго ими изъ строя жизни церковной. Доказательство это имѣетъ своею цѣлію оправдать существованіе скопцовъ, какъ общества съ извѣстными цѣлями и состоитъ въ указаніи на аналогическое явленіе, существующее въ православной церкви, именно на институтъ монашескій. Скопцы говорятъ: „если признавать нарушителями началъ общежитія скопцовъ, то не падаетъ ли доля обвиненія въ томъ же и на господствующее учрежденіе монаховъ, такъ какъ, продолжаютъ они, цѣль тѣхъ и другихъ одна и таже и какъ отъ первыхъ ничего быть не можетъ, такъ и отъ послѣднихъ не должно быть по уставу церкви". Мысль о монашествѣ скопцовъ въ первый разъ выражена самимъ основателемъ скопческой секты, который прямо утверждалъ, что скопцы „получили монашескій чинъ" (1); потомъ эта мысль косвенно была выражена Елянскимъ, который, какъ извѣстно, хотѣлъ всѣхъ скопцовъ сдѣлать іеромонахами (2); онъ же, далѣе, указывалъ на существованіе въ древней церкви монастырей, которые, по его словамъ, „составлялись изъ однихъ убѣленныхъ людей" (3). Какъ тотъ, такъ и другой, выражая мысль о монашествѣ скопцовъ, не имѣли, однако, въ виду защищать существованіе общества скопцовъ, какъ особаго монашескаго института. Въ первый разъ эта послѣдняя мысль ясно была выражена въ 1868 году по поводу Плотицынскаго дѣла, хотя и осталась безъ всякаго

---

(1) Чт. въ общ. ист... 1864. 4. 87 стр.

(2) Тамъ же, 1867. 4. 67—68 стр.

(3) Тамъ же, 81 стр.

развитія. Неизвѣстный авторъ письма къ редактору „Современныхъ Извѣстій", подписавшійся буквами „Ф. М.", имѣя въ виду защитить скопцовъ, привелъ съ этою цѣлію нѣсколько евангельскихъ текстовъ, подходящихъ къ цѣли и потомъ въ заключеніи выразилъ уже приведенную нами мысль о равноправномъ положеніи скопцовъ и монаховъ (1). Противъ этой мысли неизвѣстнаго автора, конечно, прежде всего должно возразить, что иное дѣло достигать дѣвства путемъ нравственной борьбы и иное дѣло достигать того же путемъ физическаго уродства; первое есть нравственный подвигъ, а второе — преступленіе. Если къ этому присоединить, что скопцы нерѣдко употребляютъ насиліе надъ человѣкомъ, оскопляютъ, далѣе, дѣтей, то преступленіе ихъ еще болѣе увеличивается и, очевидно, никакъ не можетъ быть терпимо въ обществѣ. Итакъ, приравнивать положеніе скопцовъ къ положенію монаховъ — нелѣпо и пропагандисты этой мысли, очевидно, не отличаютъ того, что̀ добро и что̀ зло, что̀ составляетъ добродѣтель и что̀ составляетъ преступленіе.

Такъ какъ съ ученіемъ скопцовъ о необходимости оскопленія тѣсно связано фактическое осуществленіе этого ученія и такъ какъ это послѣднее по самому своему существу есть внѣшнее дѣйствіе, требующее извѣстнаго времени, мѣста и средствъ для своего обнаруженія и такъ какъ, наконецъ, это внѣшнее дѣйствіе необходимо должно сопровождаться извѣстными физіологическими и психологическими измѣненіями субъектовъ, подвергающихся этому дѣйствію то мы и постараемся изложить самую физіологію оскопленія и показать: ученіе скопцовъ о видахъ или формахъ оскопленія мужчинъ и женщинъ, время появле-

---

(1) Соврем. Извѣст. 1868 г. № 196.

нія этихъ видовъ оскопленія, образъ совершенія ихъ, совершителей или операторовъ, производящихъ оскопленіе, мѣсто и время совершенія оскопленія и, наконецъ, послѣдствія оскопленія для тѣлесной и духовной природы людей, подвергающихся этой операціи.

3) Физіологія оскопленія.

По ученію скопцовъ, оправдываемому множествомъ дѣйствительныхъ фактовъ, существуютъ только два вида оскопленій какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ: не полное оскопленіе или, по терминологіи скопцовъ, „малая печать", „первая чистота", „первое убѣленіе", „первая печать", „ангельскій чинъ", „сѣсть на пѣгаго коня" и полное или, по терминологіи скопцовъ, „царская печать", „вторая чистота, „второе убѣленіе", „архангельскій чинъ", „сѣсть на бѣлаго коня". Всѣ эти термины, очевидно, мистическаго характера и основываются на извѣстныхъ изреченіяхъ св. писанія, своеобразно понятыхъ скопцами. Такъ, терминъ „печать" заимствованъ скопцами изъ Апокалипсиса VII гл. 2 ст., гдѣ говорится объ ангелѣ, имѣвшемъ „печать Бога живаго" или, по толкованію скопцовъ, „печать ихъ оскопленія" (1). Терминъ „чистота" или на языкѣ скопцовъ „дѣвство" также основано на изреченіи Іоанна Богослова (Апок. XIV. 4) (2). Терминъ „убѣленіе" также заимствованъ изъ писанія, какъ можно думать на основаніи словъ Колесникова: „надобно уподобиться ангеламъ безплотнымъ, и для того умертвить плоть свою и очистить чувствія",—сказанныхъ имъ Салтыкову въ объясненіе слова „обѣлиться", къ чему онъ склонялъ Салтыкова (3). Терминъ „чинъ ангельскій" и „чинъ архангель-

(1) Чт. въ общ. ист... 1873 г. 1 № 62 стр.

(2) Тамъ же, 1872 г. 4. 86 стр.

(3) Тамъ же, 3 № 219—220 стр.

скій“ понятны изъ предъидущаго; объ этихъ терминахъ показывалъ Матусовъ (¹). „Сѣсть на пѣгаго и бѣлаго коня“, какъ можно полагать, заимствованы изъ Апокалипсиса. Кромѣ этихъ терминовъ у скопцовъ существуютъ и употребляются другіе, обозначающіе и указывающіе вообще на актъ оскопленія, таковы: „спустить жидовскую кровь“, „увѣрить въ путь“, „обѣлиться“ (²), „умертвить въ себѣ Адамовъ грѣхъ“ (³) и проч. Въ физіологическомъ отношеніи первый видъ оскопленія или „малая печать“ состоитъ въ отнятіи однихъ только testiculorum съ частію scroti (⁴)—у мужчинъ и въ поврежденіи uteri и отнятіи clitoridis — у женщинъ. Второй видъ оскопленія или „царская печать“ состоитъ въ отнятіи самаго ствола, называемаго „ключемъ бездны“—у мужчинъ и въ отнятіи грудей у женщинъ (⁵).

Первый видъ оскопленія для мужчинъ по своему происхожденію одновременъ появленію скопческой секты; въ этомъ согласны показанія всѣхъ скопцовъ. Относительно втораго вида оскопленія показанія скопцовъ раздѣляются между собою. Такъ называемые „старые“ или „чистые скопцы“, принимая первый видъ оскопленія, рѣшительно возстаютъ противъ втораго вида оскопленія и тѣхъ, которые совершаютъ его надъ собою, они называютъ „псами“. По ихъ мнѣнію, отнятіе всего члена во 1) не основано на законѣ (какой здѣсь разумѣется законъ—неизвѣстно); во 2)—это дѣлается не для спасенія души, но изъ разсчета, что не примутъ въ военную службу, когда у нихъ не можетъ держаться urina и въ 3) самъ основатель скоп-

---

(¹) Чт. въ общ. ист... 1872 г. 3 № 253 стр.

(²) Тамъ же, 299 и 311 стр.

(³) Тамъ же, 220 стр. и Чт. въ общ. ист. 1873 г. 1. 60 стр.

(⁴) Эти члены у скопцовъ называются «удесными близнятами» и «ключемъ ада».

(⁵) Чт. въ общ. ист... 1872 г. 4 № 86 стр.

ческой секты будто бы строго воспрещалъ отсѣченіе всего члена. При этомъ, старые скопцы говорятъ, что этотъ второй видъ оскопленія появился послѣ 1816 г. и принадлежитъ къ нововведеніямъ такъ называемыхъ „замосковныхъ скопцовъ". Въ свою очередь послѣдніе, желая оправдать второй видъ оскопленія, утверждаютъ, что полное обрѣзаніе членовъ у мужчинъ совершается на основаніи словъ Апокалипсиса, гдѣ сказано: „аще единое лоно возбудится, тотчасъ и другое воспалится: нѣсть инаго врачеванія, какъ взять мечъ, да и отсѣчь" и поэтому, естественно, относятъ появленіе этого рода оскопленія къ самому началу существованія скопческой секты (1). Съ мнѣніемъ „замосковныхъ скопцовъ" о времени появленія втораго вида оскопленія нельзя не согласиться. Извѣстно, что Шиловъ, находясь въ рижской крѣпости, совершалъ оскопленіе не только чрезъ отнятіе testiculorum, но и ствола (2). Самъ основатель скопческой секты едвали не былъ скопцомъ съ царскою печатью; къ этому предположенію приводитъ разсказъ его „о туркѣ", съ которою онъ боролся во время своего пути въ Сибирь (3). Обстоятельства, вызвавшія появленіе втораго вида оскопленія, безъ сомнѣнія, заключались, съ одной стороны, въ высшей степени религіозно-фанатической настроенности скопцовъ, а съ другой—въ тѣхъ физіологическихъ послѣдствіяхъ, къ которымъ приводилъ первый видъ оскопленія. По естественному физіологическому закону, отнятіе testiculorum, лишая человѣка способности оплодотворенія, не лишаетъ его, однако, способности соитія; это послѣднее и дѣлалось скопцами; поэтому, для предотвращенія послѣдней возможности имѣть физіологическія сношенія съ женщинами, многіе фанатики-скоп-

---

(1) Чт. въ общ. ист... 1872 г. 3 № 89 стр. съ примѣч. 72.

(2) Тамъ же. 191 стр.

(3) Тамъ же. 1864 г. 4 № 82—83 стр.

цы рѣшились на отнятіе у себя всѣхъ половыхъ органовъ.

Относительно времени, съ котораго началось оскопленіе женщинъ, трудно что либо опредѣленное сказать и сами скопцы въ этомъ вопросѣ несогласны между собою. По мнѣнію „старыхъ или чистыхъ скопцовъ“, оскопленіе женщинъ не было установлено основателемъ скопческой секты и выдумано уже впослѣдствіи „замосковными скопцами“ (1). Съ этимъ мнѣніемъ „старыхъ скопцовъ“ едвали можно согласиться, такъ какъ трудно предположить, чтобы основатель скопческой секты, вербуя въ свою секту женщинъ, могъ въ тоже время оставлять ихъ безъ физическаго изуродованія съ цѣлію пресѣчь половыя сношенія ихъ съ мужчинами. Дѣйствительно, уже до 1820 г. существовали факты оскопленій женщинъ, какъ объ этомъ можно заключать на основаніи мнѣнія государственнаго совѣта о наказаніи скопчихъ, высказанному въ 1820 г.; но въ чемъ состояло оскопленіе женщинъ въ то время—неизвѣстно (2). Вопросъ о томъ, какъ оскопляются женщины, кажется, въ первый разъ возникъ въ 1824 г., когда императоръ Александръ Павловичъ пожелалъ узнать о формахъ оскопленія женщинъ. Въ это время Министерство внутреннихъ дѣлъ въ отвѣтъ на такое желаніе государя дало такой отвѣтъ: „сколько изъ имѣющихся въ Министерствѣ свѣдѣній почерпнуть можно о средствахъ, употребляемыхъ къ оскопленію женскаго пола, они состоятъ въ томъ, что нѣкоторые скопцы отрѣзываютъ у женщинъ груди до самыхъ костей, каковые примѣры открыты розысканіями, произведенными въ тамбовской губерніи, и подтверждены представленіями губернатора; но другимъ свѣдѣніямъ, менѣе положительнымъ, вырѣзываютъ будто бы у женщинъ находящіяся надъ грудями

(1) Чт. въ общ. ист.... 1872 г. 3 № 87 стр. 72 пр.

(2) Тамъ же, 239—240 стр.

млекопитательныя железа; прочія женщины, обыкновенно, при вступленіи въ секту, не подвергаютъ себя никакому поврежденію членовъ, но исполняютъ одни лишь обряды, введенные сектою" (¹). Потомъ, этотъ вопросъ поднимался въ 1827 г. по поводу открытія множества скопчихъ въ калужской и др. губерніяхъ. Въ этотъ разъ Медицинскій совѣтъ Министерства внутреннихъ дѣлъ, котораго спросили о средствѣ оскопленія женщинъ, далъ заключеніе, что такого рода оскопленіе, т. е. съ лишеніемъ способности дѣторожденія, можетъ состоять въ вырѣзываніи яичниковъ (ovaviorum), что операція эта весьма важна и сопряжена съ величайшею для жизни опасностію, и что если бы когда либо, послѣ такой операціи, женщина осталась въ живыхъ, то все-таки нѣтъ точныхъ и вѣрныхъ признаковъ, по которымъ можно несомнѣнно распознать, что операція сдѣлана, такъ какъ остающіеся на животѣ рубцы могутъ случиться отъ нечаянныхъ или умышленныхъ ранъ, равно и толщина тѣла у оскопленныхъ можетъ происходить и отъ другихъ причинъ. Касательно же вырѣзыванія наружныхъ дѣтородныхъ частей у женщины, что дѣлается иногда, то этого рода оскопленія, по заключенію Медицинскаго совѣта, не лишаютъ женщину дѣторожденія (²). Вопросъ о признакахъ оскопленія женщинъ былъ возбужденъ и въ 1831 г. московскимъ стряпчимъ Карніолинъ-Пинскимъ по случаю открытія скопчихъ въ серпуховскомъ уѣздѣ, московской губерніи. Московская медицинская контора на разсмотрѣніе которой представленъ былъ возбужденный вопросъ, отвѣчала въ томъ же смыслѣ, въ какомъ отвѣчалъ въ 1827 г. Медицинскій совѣтъ (³).

Изъ этого краткаго обозрѣнія исторіи оскопленія женщинъ ясно открывается, что оскопленіе женщинъ,

---

(¹) Исторія Мин. внутр. дѣлъ. Н. Варадинова, кн. VIII. 135 стр.

(²) Тамъ же, 242 стр.

(³) Чт. въ общ. ист... 1872 г. 4 № 111—112 стр.

вопреки показанію Будылина, приведенному нами выше не имѣло опредѣленныхъ формъ и совершалось различно. Дѣйствительно, какъ говоритъ собиратель матеріаловъ о скопчествѣ г. Мельниковъ, у однихъ женщинъ повреждены только тайныя мѣста, у другихъ повреждены только соски, у третьихъ только подрѣзаны груди, у четвертыхъ отрѣзаны груди совершенно до костей, у нѣкоторыхъ же встрѣчается поврежденіе грудей вмѣстѣ съ поврежденіемъ тайныхъ мѣстъ. При этомъ, какъ замѣтно изъ дѣлъ о скопцахъ, „отрѣзываніе грудей совершенно до костей была обыкновенная форма оскопленія до 1825 или 1830 г.; впослѣдствіи, этотъ видъ оскопленія женщинъ замѣчается рѣже, но не перестаетъ выходить изъ употребленія, особенно у моршанскихъ скопцовъ“ (1). Впрочемъ, принимая во вниманіе показаніе Будылина, можно предполагать, что вниманіе скопческихъ операторовъ обращено было прежде всего на дѣторадныя части, которыя и подвергались разнаго рода уродованіямъ, что и обозначалось названіемъ „малой печати“. Впослѣдствіи, видя, что этого рода уродованія не приводятъ къ цѣли и женщины-скопчихи не только не избавлялись отъ тѣлесной похоти и возможности имѣть сношенія съ мужчинами, но даже забеременивали и рождали дѣтей, скопческіе операторы стали отрѣзывать имъ груди.

По словамъ скопцовъ, во времена основателя скопческой секты оскопленіе совершалось посредствомъ отнятія „удесныхъ близнятъ“ раскаленнымъ желѣзомъ (малая печать). Впослѣдствіи, такъ какъ такой способъ оскопленія былъ слишкомъ мученителенъ для человѣка, лжеискупитель, будто бы „снисходя слабости человѣческой“, дозволилъ производить эту операцію острымъ орудіемъ. Этотъ послѣдній способъ оскопленія состоитъ въ слѣдующемъ: первоначально

---

(1) Чт. въ общ. ист... 1872 г. 2 № 152—153 стр.

стягивали scrotum ниткою и потомъ; оттянувъ ее вмѣстѣ съ testiculis, клали на дерево, заставляли долото или ножъ (1) и однимъ ударомъ молотка отдѣляли эту часть тѣла (2). „Царская печать“ или полное оскопленіе совершалось такимъ же образомъ. При этомъ, этотъ видъ оскопленія совершался или совмѣстно съ первымъ и поэтому вмѣстѣ съ scroto и testiculis перевязывался и стволъ и также оттягивался (3), или же этотъ видъ оскопленія совершался отдѣльно, послѣ, иногда даже и прежде совершенія неполнаго оскопленія или „малой печати“. Послѣдній способъ оскопленія, по мнѣнію Пеликана, болѣе безопасенъ для жизни оскопляющагося, чѣмъ первый (4). Такъ какъ, очевидно, по совершеніи операціи оскопленія того и другаго вида должна образоваться значительная рана и человѣку оскопившемуся грозитъ при этомъ опасность истечь кровію, то скопцы, понятно, имѣютъ нѣкоторыя предохранительныя средства противъ этой опасности, которыя и употребляютъ. Изъ перевязочныхъ средствъ, употребляемыхъ скопцами послѣ операцій, по свидѣтельству Пеликана, встрѣчались разнаго рода бинты, мѣшочки для перевязыванія scroti, Т—образная повязка и другія. (5). Далѣе, изъ врачебныхъ средствъ, находимъ у скопцовъ разнаго вида пластыри, мази, спускъ, мѣдный купоросъ и пр.; такихъ веществъ Пеликанъ насчитываетъ до 65 названій (6). При этомъ, по свидѣтельству того же Пеликана, многіе скопцы съ царскою печатію вставля-

(1) Въ выборѣ орудій скопцы не стѣсняются; иногда для совершенія операціи они довольствуются кускомъ разбитаго стекла, желѣза отъ крышъ и бычачей кости, конечно, обточенной.

(2) Чт. въ общ. ист. 1872 г. 1 № 95 стр. и Тамъ же, 3 170 стр.

(3) Такъ оскоплены были Назаевъ и Васильевъ, по ихъ показаніямъ

(4) Суд.-мед. насл. скопч. 3 стр.

(5) Тамъ же, 93 стр.

(6) Тамъ же. Прилож. 35—39 стр.

ютъ особые оловянные или свинцовые шпеньки въ отверстіе urethri для воспрепятствованія, по ихъ показанію, самопроизвольному истеченію urinae (1). Затягиваніе раны, образующейся отъ оскопленія, совершается въ теченіе 4—6 недѣль (2).

Само собою понятно, что какъ первый, такъ и второй видъ оскопленія, по извѣстнымъ физіологическимъ причинамъ, долженъ причинять страшную и нестерпимую боль субъектамъ, подвергшимся операціи. Были даже случаи смерти многихъ несчастныхъ жертвъ, которыя не переносили мучительной операціи. Такъ, арх. Досиѳей, со словъ скопцовъ, находившихся въ Соловецкомъ монастырѣ, передаетъ фактъ смерти одного крестьянина, совершившійся въ Петербургѣ на глазахъ самого лжеискупителя (3). Скопецъ Салтыковъ въ своемъ показаніи утверждалъ, что Колесниковъ бросалъ въ печь трупы всѣхъ тѣхъ, которые умирали, не выдержавъ операціи оскопленія (4). Не смотря, однако, на показанія этихъ скопцовъ, не смотря, далѣе, на естественную возможность подобныхъ явленій при совершеніи операціи оскопленія,— возможность еще болѣе усиливающуюся отъ небрежнаго отношенія „мастеровъ“ къ своимъ жертвамъ, и отъ отсутствія дѣйствительныхъ врачебныхъ средствъ для остановленія крови у оскопленныхъ,—существуютъ многія показанія скопцовъ о совершенномъ будто бы отсутствіи боли при операціи оскопленія. По словамъ напр. галацкихъ скопцовъ, совершеніе оскопленія полнаго или неполнаго—сопровождается такимъ же незначительнымъ ощущеніемъ, какъ если бы „комаръ укусилъ“ (5). По показанію о себѣ москов-

---

(1) Суд.-мед. изсл. скопч. 3 стр.

(2) Тамъ же.

(3) Чт. въ общ. ист... 1872 г. 1 № 127 стр.

(4) Тамъ же, 3 № 220 стр.

(5) Отеч. Зап. 1864 г. № 10, 598—599 стр.

ского мѣщанина Якова Васильева, онъ, не смотря на то, что получилъ полную царскую печать, не чувствовалъ, однако, никакой боли; при этомъ, замѣчаетъ онъ, даже и „крови нисколько не было“ (1). Конечно, всѣ эти и подобныя имъ показанія не могутъ заслуживать никакой вѣры и всѣ они, очевидно, суть плодъ непомѣрной хвастливости скопцовъ и преднамѣренной лжи, направленной къ тому, чтобы воодушевить и поддержать малодушныхъ, готовыхъ сдѣлаться жертвами фанатическаго изувѣрства.

Какъ производилось и производится оскопленіе женщинъ, равно какъ насколько мучительна бываетъ для нихъ эта операція — отвѣтовъ на эти вопросы нельзя найти въ показаніяхъ скопцовъ и скопчихъ. Извѣстно только то, что при отнятіи грудей у женщинъ употребляются ножъ и вилка или бляха (2).

Многіе скопцы въ данныхъ ими показаніяхъ утверждали, что наложеніе „малой печати“ они производили сами надъ собою; такъ показывали о своемъ оскопленіи крестьяне Ѳедоровъ, Григорьевъ въ 1832 г. (3) и мн. др. Физическая возможность совершенія такой операціи надъ собою не можетъ быть оспариваема. Существовали даже примѣры самооскопленій втораго вида, т. е. съ царскою печатію, какъ очевидно изъ показанія о себѣ московскаго цѣховаго Ефима Алексѣева (4). Впрочемъ, не смотря на физическую возможность совершенія надъ собою операціи оскопленія, большинство скопцовъ оскопляется другими. Лица, совершающіе у скопцовъ оскопленіе, называются „мастерами“; такъ они названы въ показаніи Салтыкова (5). Для того, чтобы сдѣлаться скопче-

---

(1) Чт. въ общ. ист... 1872 г. 4 № 51 стр.

(2) Тамъ же, 91 стр. Показаніе Будлина.

(3) Тамъ же, 125—127 стр.

(4) Тамъ же, 3 № 261—262 стр.

(5) Тамъ же, 221 стр.

скимъ „мастеромъ“ требуется только физическая сила, ловкость и полное душевное равнодушіе и спокойствіе. Должность „мастера“ не есть какая нибудь спеціальная должность; „мастеромъ“ можетъ быть всякій скопецъ, способный совершать операцію оскопленія и каждый скопецъ, дѣйствительно, считаетъ своимъ священнымъ долгомъ пріобрѣсти навыкъ въ совершеніи этой операціи съ тѣмъ, чтобы собственными руками оскопить двѣнадцать жертвъ и, такимъ образомъ, пріобрѣсти званіе „апостола“ съ правами старѣйшины и наставника (¹). Отсюда, естественно предположить, что никакихъ особыхъ посвященій въ эту должность не бываетъ и въ показаніяхъ скопцовъ, дѣйствительно, не упоминается о такомъ посвященіи. Отсюда же очевидно, что число „мастеровъ“ неопредѣленно: оно можетъ быть въ данной мѣстности и больше и меньше; вообще же, вездѣ, гдѣ есть скопцы, тамъ непремѣнно есть и „мастера“. Болѣе извѣстные „мастера“ въ исторіи скопчества: Шиловъ, который находясь въ Ригѣ, оскопилъ 12 человѣкъ (²), Созоновичъ, ни мало неуступавшій Шилову; онъ также оскопилъ въ Соловецкомъ монастырѣ 13 человѣкъ (³).

Существуютъ ли особыя „мастерицы“ для совершенія оскопленія женщинъ—изъ дѣлъ не видно. Всѣ женщины, у которыхъ найдены были какія-либо поврежденія на тѣлѣ, свидѣтельствующія объ ихъ оскопленіи, единогласно показывали, что такія поврежденія произошли сами собою, вслѣдствіе болѣзни. Такъ напр. показывали о себѣ Иванова въ 1831 г., Силина, Тимоѳеева и др. въ 1832 г. (⁴). Понятно, что

(¹) Объ этомъ стремленіи каждаго скопца см. рапортъ Лавранди, приведенный въ выдержкѣ у Надеждина. Сборн. Кол. Ш. 175 стр. 243 прим.

(²) Чт. въ общ. ист.... 1872 г. 3 № 191 стр.

(³) Тамъ же, 1 № 88 стр.

(⁴) Тамъ же, 4 № 109 и 132 стр.

ко, замѣтить, что подобное, дѣйствительно, могло быть въ тѣхъ случаяхъ и въ то время, когда положеніе скопческаго общества было безопасное и спокойное; общее же явленіе то, что оскопленіе совершается безъ всякихъ обрядовъ, не обусловливаясь опредѣленнымъ временемъ и мѣстомъ. И дѣйствительно, не смотря на массу показаній скопцовъ, ни въ одномъ изъ нихъ нельзя найти подробнаго описанія обрядовъ при совершеніи операціи оскопленія; не можетъ быть, чтобы скопцы, открывъ многое изъ ученія и культа, скрывали всегда обрядъ совершенія оскопленій. Очевидно, что такого обряда нѣтъ у скопцовъ и они не заботятся о составленіи его.

Относительно времени и мѣста совершенія оскопленій надъ женщинами, по отсутствію оффиціальныхъ свидѣтельствъ, можно сказать предположительно тоже, что и относительно времени и мѣста совершенія оскопленій надъ мужчинами, т. е. что оскопленіе надъ женщинами совершается вездѣ и всегда при удобномъ случаѣ и также безъ всякихъ религіозныхъ обрядовъ.

Оскопленіе мужчинъ какъ полное, такъ и неполное сопровождается по отношенію ко всей тѣлесной и духовной природѣ ихъ одними и тѣми же слѣдствіями, за исключеніемъ только способности спеціально половыхъ отправленій, которыя у лицъ съ неполнымъ оскопленіемъ ограничиваются только потерею способности къ оплодотворенію, у лицъ же съ полнымъ оскопленіемъ они теряютъ всякое специфическое отличіе отъ соотвѣтствующихъ женскихъ органовъ. То и другое оскопленіе одинаково измѣняетъ весь тѣлесный организмъ человѣка и налагаетъ своеобразный, специфическій отпечатокъ на духовной природѣ оскопленнаго. Различіе во вліяніи оскопленія на ту и другую природу оскопленнаго обусловливается только временемъ совершенія его. Именно: тѣ лица, которыя подверглись оскопленію въ малолѣтствѣ или вообще до наступленія періода половой зрѣлости, ис-

пытываютъ на себѣ вліяніе этой операціи въ высшей степени и полное; напротивъ, лица, подвергшіяся оскопленію въ зрѣломъ возрастѣ или вовсе не испытываютъ на себѣ вліянія оскопленія въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ, или же испытываютъ его въ этихъ случаяхъ въ малой степени; но то несомнѣнно, что и эти лица не освобождаются совершенно отъ такого или иного вліянія этой операціи. Частныя обнаруженія вліянія оскопленія на тѣлесный организмъ человѣка состоятъ въ слѣдующемъ. Во 1) лица, подвергшіяся оскопленію въ малолѣтствѣ, сохраняютъ на всю жизнь дискантный голосъ. Это явленіе, какъ намъ уже извѣстно изъ обозрѣнія исторіи скопчества вообще, было замѣчено въ римской имперіи и поэтому тамъ практиковалось оскопленіе малолѣтнихъ въ видахъ споспѣшествованія пѣнію. Это же явленіе, какъ свидѣтельствуютъ наблюденія Кельсіева надъ галацкими скопцами (1), Венюкова (2) и Пеликана — надъ русскими, всегда и вездѣ замѣчается у всѣхъ скопцовъ и теперь. Причина этого явленія, по мнѣнію Пеликана, „зависитъ отъ пріостанавливающагося, вслѣдствіе касперація, развитія гортани, находящейся въ тѣсной симпатической связи съ половыми органами. Гортань у оскопленныхъ въ младенчествѣ по своимъ размѣрамъ приближается или къ дѣтской, или къ женской, или средней между мужской и женской. Отсюда—высокій голосъ (soprano) у кастратовъ“ (3). Лица, подвергшіяся оскопленію въ зрѣломъ возрастѣ, по свидѣтельству Пеликана, или вовсе не измѣняютъ своего голоса или же измѣняютъ его мало; послѣдній у нихъ остается слабѣе, хрипливѣе (4). Далѣе во 2) лица, оскопленныя въ малолѣтствѣ, теряютъ всякую

(1) Совр. Листок... 1867 г. № 82.

(2) Чт. Венюкова о скопчествѣ. Сарат. Епар. Вѣд. 1873 г. № 10. 281 стр.

(3) Пеликанъ, Суд.-мед. изсл. скопчества, 57 стр.

(4) Тамъ же, 58 стр.

растительность волосъ, исключая головы. Это явленіе также замѣчалось и Кельсіевымъ, и Венюковымъ. и Пеликаномъ. У лицъ оскопленныхъ въ зрѣломъ возрастѣ волосы постепенно выпадаютъ, становятся рѣже и короче. Наконецъ, въ 3) цвѣтъ лица блѣдно-желтый, сходный, по словамъ Кельсіева, съ цвѣтомъ сыраго картофеля, безжизненный, но моложавый (1), а иногда, напротивъ, старообразный, морщинистый— также составляетъ специфическую принадлежность людей, оскопленныхъ въ малолѣтствѣ.

Не ограничиваясь частными измѣненіями, оскопленіе сопровождается общимъ измѣненіемъ всего организма у лицъ, оскопленныхъ въ дѣтствѣ. Кельсіевъ увѣряетъ, что онъ легко и безошибочно можетъ отличить скопца по наружности (2). Дѣйствительно, какъ говоритъ Пеликанъ, „кастратъ ближе всего подходитъ къ женскому организму. но безъ тѣхъ прелестей, безъ тѣхъ физическихъ и нравственныхъ качествъ, которыми природа такъ щедро надѣляетъ молодую, созрѣвающую дѣвушку. Все тѣло, при избыткѣ въ немъ влаги, получаетъ вялый, одутловый видъ; кожа получаетъ особенную мягкость и блѣдность; клѣтчатка и мышцы становятся дряблыми. Въ преклонныхъ лѣтахъ у кастратовъ обыкновенно замѣчаются большіе животы и поступь ихъ дѣлается затруднительною, тяжелою. Потребность въ пищѣ у нихъ уменьшается; потъ становится кислымъ; моча ихъ содержитъ менѣе мочевины и другихъ продуктовъ метаморфоза азотистыхъ веществъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, измѣненія тѣлосложенія этихъ искуственныхъ уродовъ даютъ имъ нѣкоторыя побочныя преимущества въ санитарномъ отношеніи. Всѣ тѣ болѣзни, въ которыхъ плотность

(1) Г. Кельсіевъ, по его словамъ. опредѣляя по наружности возрастъ двухъ скопцовъ. одному изъ нихъ далъ 25 лѣтъ, другому же 18, тогда какъ оба они оказались старше 40 лѣтъ. (Отеч. Зап. 1867 г. № 10, 587 стр.).

(2) Совр. Листокъ. 1867 г. № 82.

или напряженность волоконъ составляетъ способствующую причину болѣзни, встрѣчаются у нихъ рѣже; сюда напр., принадлежитъ: грыжа, ломота, каменная болѣзнь, плѣшивость головы и проч. Давно уже замѣчено, что кастраты почти никогда не подвергаются проказѣ (elephantiasis), лишайнымъ сыпямъ. При ихъ, по большей части, пассивномъ образѣ жизни, они рѣдко страдаютъ умопомѣшательствомъ; даже бывали примѣры (особенно у меланхоликовъ), что послѣ самооскопленія душевное разстройство проходило" (1). При всемъ этомъ скопцы отличаются значительною долговѣчностію, какъ это можно видѣть изъ статистики скопчества по возрастамъ, сдѣланной г. Венюковымъ. Изъ этой таблицы, между прочимъ, видно, что въ теченіи 66 лѣтъ (отъ 1805—1871 гг.) было открыто скопцовъ: отъ 65—70 л. 51 мужч. и 16 женщ.; отъ 70—95 л. мужч. 109 и женщинъ 39; отъ 95—103 л.— мужч. 30, женщинъ 0 (2).

Не менѣе важными послѣдствіями сопровождается оскопленіе для лицъ оскопленныхъ въ дѣтствѣ и въ духовной сферѣ. „Все, говоритъ Пеликанъ, что составляетъ принадлежность мужскаго характера, остается у нихъ недоразвитымъ. Въ тотъ переходный періодъ жизни человѣка, когда онъ изъ мальчика, предававшагося невиннымъ развлеченіямъ дѣтскаго возраста, становится юношей и когда въ немъ пробуждается цѣлый рядъ новыхъ ощущеній, новый взглядъ на жизнь, на свой долгъ и обязанности въ отношеніи къ обществу, — у нормальнаго человѣка, въ это время, вслѣдствіе развитія половой дѣятельности, появляется влеченіе къ другому полу: онъ сперва инстинктивно начинаетъ испытывать потребность любви, вмѣстѣ съ тѣмъ у него возникаютъ вы-

(1) Пеликанъ. 59 стр.

(2) Чт. о скоп. Венюк. Изв. Импер. р. геогр. общ 1873 г. IX. 44—45 стр.

сокія стремленія души къ благородной дѣятельности, къ совершенію подвиговъ, чувство преданности къ отечеству и проч. Все это чуждо юношѣ-кастрату, оскопленному въ малолѣтствѣ: въ это время онъ остается безразличнымъ къ окружающей его средѣ; въ душѣ его нѣтъ и зачатка благородныхъ стремленій, сознанія долга, обязанностей гражданина; у него нѣтъ *будущности* и онъ живетъ только жизнію окружающей его среды, гдѣ видитъ лишь примѣры необходимости оскопленія, и вся обстановка этой жизни подчиняетъ его вліянію секты, инстинктивно привязываетъ его къ ней. При наступленіи возмужалости, для него не существуетъ счастія семейной жизни, ему чужды мужество и высшая фантазія; всего чаще взамѣнъ этихъ качествъ у него развиваются многіе пороки людей съ ограниченнымъ кругозоромъ, съ низкимъ уровнемъ нравственности: эгоизмъ, хитрость, лукавство, коварство, алчность къ деньгамъ" (1) и т. п.

О физіологическихъ послѣдствіяхъ того и другаго вида оскопленія женщинъ, т. е. „малой и большой печати", должно сказать только то, что то и другое оскопленіе не лишаетъ женщину возможности забеременивать и рождать дѣтей. Дѣйствительно, какъ говоритъ Пеликанъ, „даже случаи крайняго съуженія половой щели отъ неправильнаго срощенія, послѣ вырѣзанія клитора, частей малыхъ и большихъ губъ, могутъ быть устранены; иногда безъ кровавыхъ операцій, и извѣстны примѣры, что подобнымъ образомъ изуродованныя женщины забеременивали и благополучно рождали (Лозинскій докторъ въ Закавказьѣ наблюдалъ нѣсколько случаевъ); нѣкоторыя же изъ нихъ предавались проституціи, не говоря уже о таинственныхъ совокупленіяхъ ихъ съ братьями по ученію. Поэтому, о вліяніи этого рода поврежденій на

(1) Суд.-мед изсл. скопчества, стр. 68—69.

половую дѣятельность ихъ (женщинъ) можно сказать только то, что, уменьшая воспріимчивость ихъ или раздражительность (похотливость) или вообще расположеніе ихъ къ совокупленію (особенно при отнятіи клитора), они составляютъ въ тоже время механическое (но устранимое) препятствіе (какъ напр. искуственное срощеніе большихъ губъ) къ нормальному соитію и рожденію. Что же касается вырѣзыванія цѣлыхъ сосковъ и грудей, то не подлежитъ сомнѣнію, что такое изуродованіе женщины дѣлаетъ ее навсегда неспособною къ кормленію ребенка грудью" (1). Вслѣдствіе всего этого, въ настоящее время, какъ можно думать на основаніи свѣдѣній, сообщенныхъ Кельсіевымъ о галацкихъ скопцахъ, скопцы уже не производятъ никакой операціи оскопленія надъ женщинами. Они, причисливъ весь прекрасный полъ къ классу „нечистыхъ и вонючихъ животныхъ", относятся къ нему съ крайнимъ презрѣніемъ и полагаютъ, что во время страшнаго суда всѣ женщины, какъ неимѣющія на себѣ „печати", будутъ стоять въ числѣ козлищъ, въ числѣ людей отверженныхъ и предназначенныхъ къ вѣчнымъ мученіямъ (2). Относительно вліянія оскопленія на духовную сферу женщинъ изслѣдователи скопческой секты расходятся между собою. Надеждинъ, принимая то положеніе, что оскопленіе женщинъ производитъ существенное измѣненіе во всемъ ихъ организмѣ, дѣлаетъ ихъ „вялыми, безцвѣтными, и безжизненными", очевидно, допускаетъ такое или иное вліяніе его и на духовную сферу женщинъ (3). Напротивъ, Пеликанъ, выходя изъ того несомнѣннаго и дѣйствительнаго физіологическаго факта, что „для полнаго измѣненія половой дѣятельности женскаго организма необходимо лише-

(1) Суд.-мед. изсл. скопчества, 128 и 129 стр.

(2) Совр. Лист. 1867 г. № 82.

(3) Сборн. Кельсіева III. 128—129 стр.

ніе болѣе существенныхъ органовъ, какъ напр. ovariorum" приходитъ къ тому выводу, что оскопленіе женщинъ, не производя существенныхъ измѣненій въ ихъ организмахъ, не производитъ измѣненій и въ ихъ духовной сферѣ (1).

Хотя ученіе скопцовъ, какъ мы видѣли, допускаетъ только два вида оскопленія мужчинъ и женщинъ, однако, въ дѣйствительности встрѣчаются и другіе виды оскопленія, которые могутъ быть сведены къ двумъ. Одинъ изъ этихъ видовъ оскопленія есть плодъ религіознаго фанатизма скопцовъ, неостанавливающагося въ измышленіи способовъ уродовать себя и одинаково присущъ какъ мужчинамъ-скопцамъ, такъ и женщинамъ-скопчихамъ. Другой же изъ нихъ есть результатъ того положенія скопцовъ и въ обществѣ и въ государствѣ, въ которое они поставлены какъ явные преступники и нарушители началъ общежитія, и принадлежитъ только мужчинамъ-скопцамъ. Первый изъ этихъ видовъ, неизвѣстный по времени своего происхожденія, состоитъ въ умышленномъ нанесеніи себѣ ранъ скопцами и скопчихами, попреимуществу крестообразно расположенныхъ, посредствомъ остраго орудія или же посредствомъ прижиганія раскаленнымъ желѣзомъ, а также горячею сѣрою. Раны эти, какъ показали медицинскія освидѣтельствованія, встрѣчаются даже у лицъ не оскопленныхъ, но принадлежащихъ къ сектѣ. Эти раны, далѣе, какъ показали тѣже освидѣтельствованія, встрѣчаются на различныхъ частяхъ тѣла, но преимущественно на груди (такихъ случаевъ у Мельникова приведено два для мужчинъ и одинъ для женщинъ), ногахъ—повыше колѣна (три случая), рукахъ (два случая), животѣ (одинъ у Мельникова и нѣсколько было извѣстно Лозинскому); далѣе, были находимы раны на лопаткахъ, подъ мышками, на поясницѣ и крестцѣ; эти послѣд-

(1) Суд.-мед. изсл. скопчества—Пеликана. 52 стр.

ніе случаи были наблюдаемы на скопцахъ закавказскихъ врачемъ Лозинскимъ (1). Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти раны, какъ произведенныя, по свидѣтельству медиковъ, умышленно, имѣютъ въ основѣ своего происхожденія религіозный фанатизмъ скопцовъ и скопчихъ, побуждавшій ихъ ко всякаго рода уродованіямъ себя съ цѣлію, конечно, убить плоть свою и сдѣлать ее безстрастною. Въ этомъ убѣждаютъ два показанія, данныя двумя скопчихами и однимъ скопцомъ. Въ 1827 г. коллежская регистраторша Бржежицкая и солдатка Дарья Петрова, смоленской губерніи, города Юхнова, говорили на судѣ, что въ ихъ сектѣ „за разные грѣхи разные полагаются поклоны и прижигается огнемъ тѣло, для истребленія грѣха". Скопецъ унтеръ-офицеръ Максимъ, показывая сестрамъ по вѣрѣ раны на своихъ ногахъ, говорилъ при этомъ, что онъ и подобные ему „терпятъ это для Бога и для спасенія души" (2). Далѣе, причиненіе ранъ тѣлу дѣлается скопцами въ томъ убѣжденіи, что они чрезъ это повышаются на нѣсколько ступеней въ общей лѣстницѣ святыхъ. Такъ, по показанію закавказскихъ скопцовъ, они, причиняя себѣ раны на нижнихъ оконечностяхъ, крестцѣ и поясницѣ, чрезъ это самое причисляются къ лику „пятикрылыхъ ангеловъ"; полагая же себѣ рубцы на переднихъ поверхностяхъ обоихъ плечъ, а также на спинѣ и лопаткахъ, они становятся уже „шестикрылыми ангелами" (3).—Второй видъ оскопленія, по образу совершенія операціи, подраздѣляется на нѣсколько частныхъ видовъ. Впрочемъ, сущность послѣднихъ одинаково состоитъ въ томъ, что скопцы, лишая себя способности оплодотворенія или, по крайней мѣрѣ, стремясь къ этому,

---

(1) Чт. въ общ. ист... 1872 г. 2 № 153—154 стр. и Суд.-мед. изсл. скоп. Пеликана. 44 стр.

(2) Чт. въ общ. ист... 1872 г. 2 № 154 стр.

(3) Суд.-мед. изсл. скоп. 44 стр. 2 пр.

въ тоже время не лишаютъ себя половыхъ органовъ. Этой цѣли скопцы достигаютъ двоякимъ путемъ: или дѣйствуя на половыя органы извнѣ или же извнутри. Къ первой категоріи относятся такъ называемые „перевертыши“ или „крученики“, которые, по свидѣтельству Надеждина, перекручивая себѣ въ дѣтствѣ „сѣменные канатики“ или „сѣменники“, къ которымъ привѣшены tisticuli и, разрывая, такимъ образомъ, всякую органическую связь между ними и остальнымъ тѣломъ, лишаются впослѣдствіи способности оплодотворенія (1). Далѣе, къ той же категоріи относятся „проколыши“, въ первый разъ открытые въ дерптскомъ уѣздѣ. лифляндской губерніи, въ 1841—42 гг.; впрочемъ, фактически не доказано существованіе такихъ лицъ и мнѣніе о нихъ основано на народной молвѣ. По этой молвѣ, проколыши будто бы прорѣзываютъ или прокалываютъ „сѣменные канатики“ и, такимъ образомъ, достигаютъ того же, чего достигаютъ и перевертыши (2). Къ этой же категоріи относится такъ называемая „искуственная гипоспазія“ или перевязка половаго органа. Операція эта, какъ показывалъ о себѣ 10-лѣтній мальчикъ Иванъ Ефимовъ, состоитъ въ томъ, что половой органъ перевязывался въ двухъ мѣстахъ; вслѣдствіе этого, urethra срослася, urina же проходила чрезъ отверстіе, образующееся у корня половаго органа; сюда же должно проходить и сѣмя; слѣдствія изъ этого по отношенію къ оплодотворенію понятны (3). Впрочемъ, Пеликанъ сомнѣвается или, по крайней мѣрѣ, ограничиваетъ дѣйствіе этого способа оскопленія относительно оплодотворенія, именно: способъ этотъ дѣйствителенъ только тогда, „когда отверстіе urethrae открывается у самаго корня ствола (да и то невсегда)“ (4). Нако-

(1) Сборн. Кельсіева. Ш. 126 стр.

(2) Тамъ же, 126—127 стр.

(3) Чт. въ общ. ист. 1872 г. 2 № 154 стр.

(4) Суд.-мед. изсл. скоп. 28 стр.

нецъ, къ той же первой категоріи нужно отнести попытку скопцовъ оскоплять мальчиковъ „посредствомъ насильственнаго введенія testiculorum, чрезъ паховое кольцо, въ полость живота, съ цѣлію уничтоженія ихъ развитія“. Такихъ попытокъ въ 1865 г. открыто три, но всѣ онѣ не доказаны судебно-медицинскимъ освидѣтельствованіемъ (1). Ко второй категоріи способовъ оскопленія себя безъ потери половыхъ органовъ относятся всѣ тѣ многочисленные случаи изъ судебной практики, когда скопцы обвинялись въ намѣренномъ принятіи въ себя разнаго рода веществъ, такъ или иначе парализующихъ половую дѣятельность. Такихъ случаевъ у Пеликана представлено достаточно (2). Не перечисляя всѣхъ ихъ, скажемъ только, что скопцы употребляютъ острую водку (азотную кислоту), настой какихъ-то травъ, далѣе употребляютъ электрическій токъ и пр. И все это дѣлается ими съ цѣлію уничтожить половую дѣятельность.

Такимъ образомъ, простое перечисленіе довольно многочисленныхъ видовъ оскопленія, встрѣчаемыхъ у скопцовъ, убѣждаетъ, что послѣдніе въ своей изобрѣтательности способовъ къ лишенію себя половыхъ отправленій переиспытали всевозможныя средства и притомъ такія, указать которыя не всегда можетъ самый опытный медикъ. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что скопцы, согласно съ ученіемъ своего лжеискупителя и вообще съ практикою древнихъ, держатся попреимуществу первыхъ двухъ видовъ оскопленія, т. е. „малой и большой печати“, не придавая, повидимому, значенія всякаго рода нововведеніямъ, тѣмъ болѣе, что послѣднія основаны на практическихъ разсчетахъ.

„Въ заключеніе обозрѣнія разныхъ видовъ оскопленія, существующихъ у скопцовъ, нельзя не упомя-

---

(1) [illegible] скоп. 35 стр.

стр.

нуть о такъ называемыхъ „духовныхъ скопцахъ". Послѣдніе принимая ученіе прочихъ скопцовъ о лжеискупителѣ и лжецарѣ, отвергаютъ, однако, необходимость оскопленія. Скопцы этого рода извѣстны еще подъ именемъ скопцовъ „постнаго корабля", вѣроятно потому, что они не только не ѣдятъ мяса, но и рыбу считаютъ проклятою (1). Происхожденіе этихъ скопцовъ, по мнѣнію Липранди, относится къ 1819 г. когда трое изъ приближенныхъ къ лжеискупителю были сосланы въ Соловецкій монастырь; въ это именно время лжеискупитель будто бы разрѣшилъ послѣдователямъ своимъ „не оскоплять вновь посвящаемыхъ въ секту, чтобы чрезъ то спасать ихъ отъ рукъ фарисеевъ" (2).

4) Бытъ скопцовъ.

Говоря объ обществѣ хлыстовъ, мы замѣтили, что послѣднее по своему характеру и принципамъ дѣятельности есть религіозно-нравственная община, неимѣющая какого либо политическаго оттѣнка. Нельзя этого сказать объ обществѣ скопцовъ. Общество скопцовъ по своему характеру, будучи, безъ сомнѣнія, религіозно-нравственной общиной, въ тоже время есть, также безъ сомнѣнія, политическая община съ извѣстными политическими тенденціями и направленіемъ. Изъ исторіи скопческой секты и еще болѣе изъ догматическаго ученія скопцовъ о мнимомъ второмъ пришествіи І. Христа въ лицѣ императора Петра III съ полною очевидностію и несомнѣнностію открывается, что признаніе скопцами основателя своей секты императоромъ Петромъ III, живущимъ до сихъ поръ гдѣ-то въ отдаленной мѣстности и имѣющимъ скоро явиться въ Москву съ тѣмъ, чтобы произвести

(1) Чт. въ общ. ист... 1872 г. 1 № 78 стр.

(2) Суд.-мед. изсл. скоп. 52 стр. 3 прим.

религіозно-нравственный и государственный переворотъ, есть фактъ историческій, не могущій подлежать спору и разногласіямъ со стороны всѣхъ тѣхъ, кто обратитъ вниманіе на этотъ фактъ. Послѣдніе, безъ сомнѣнія, признаютъ также, что мысль о скоромъ воцареніи лжеискупителя и лжецаря Петра III Ѳеодоровича на россійскомъ престолѣ есть вожделѣннѣйшая и пріятнѣйшая мечта всѣхъ скопцовъ; что эта мысль, далѣе, составляетъ общеобязательный догматъ для всѣхъ истинныхъ скопцовъ и что, наконецъ, какъ общеобязательный догматъ, эта мысль, дѣйствительно, раздѣляется и пріемлется всѣми скопцами, чему доказательствомъ служатъ неоднократныя просьбы объ освобожденіи мнимаго царя Петра III Ѳеодоровича изъ заключенія. Точно также изъ исторіи скопческой секты и отчасти изъ ученія ихъ очевидно, что кромѣ царя Петра III у скопцовъ существуетъ еще своя особая царица небесная и земная Елизавета Петровна, скрывшаяся на время и благополучно умершая въ кромскомъ уѣздѣ, орловской губ., подъ именемъ крестьянки Акулины Ивановны; существуетъ у скопцовъ и свой цесаревичъ, Константинъ Павловичъ, добровольно отказавшійся отъ престола и странствовавшій подъ именемъ Алексѣя Громова; есть у скопцовъ своя цесаревна Елена Павловна и княгиня Марья Ѳедоровна въ лицѣ „дѣвицы рѣдкой красоты“; есть свой князь Дашковъ и графъ Чернышевъ въ лицѣ Шилова и пр. Словомъ, скопческая миѳологія изобилуетъ именами государственныхъ лицъ и чиновниковъ и всѣмъ этимъ лицамъ всегда давалась и дается скопцами полная вѣра.

Такимъ образомъ, общество скопцовъ, разсматриваемое со стороны теоретической, со стороны его ученія, вѣрованій и надеждъ, насколько все это сдѣлалось исторически извѣстнымъ, необходимо должно признать обществомъ государственнымъ, политическимъ, имѣющимъ во главѣ особаго царя „тайнаго“, особенный штатъ государственныхъ лицъ и чинов-

никовъ, особенныя, наконецъ, политическія мечты, имѣющія скоро осуществиться. Сами скопцы не иначе смотрятъ на свое общество, какъ на особое царство. Они считаютъ себя, по выраженію г. Кельсіева, „придворными его императорскаго величества Господа І. Христа, батюшки искупителя, милостиваго государя Петра Ѳеодоровича“ (1). Самый любимый символъ, подъ которымъ они любятъ изображать свое общество, есть символъ „полковъ“, набранныхъ и управляемыхъ „дорогимъ полковникомъ батюшкой, воеводой ихъ“, который „набиралъ полки премудрые — кавалерію духовную“ изъ всѣхъ четырехъ сторонушекъ, изъ земель французскихъ и иркутскихъ (2). У матушки государыни есть свои „дѣвически полки“ (3). У каждаго полка есть свои „царскія знамена“ (4). Конь—„бѣлый, храбрый, могучій“ составляетъ также непремѣнную принадлежность этихъ „полковъ“, этой „кавалеріи“. Самъ батюшка обыкновенно покатываетъ „на бѣломъ, храбромъ конѣ“, у котораго „золотыя подковы“, „хвостъ жемчужный“, „гривушка позолоченая“ и проч. (5). Считая свое общество особымъ, отдѣльнымъ царствомъ, скопцы отнюдь не исключаютъ его изъ общей русской государственной жизни. Напротивъ, они считаютъ послѣднюю въ полной зависимости отъ своего царства и, по ихъ убѣжденію, послѣднее всегда оказывало и оказываетъ вліяніе на первую. Русскіе цари суть только, по словамъ скопцовъ, „явные цари“, т. е. такъ признаваемые отъ другихъ по ошибкѣ, по незнанію (6); на самомъ же дѣлѣ есть только одинъ истинный царь—„тайный“, „бѣлый царь“, т. е.

---

(1) От. Зап. 1867 г. № 10, 592 стр.

(2) Изсл. Добротворскаго, пѣсни № 32, 154 стр.; № 6, 138 стр.

(3) Дух. стихи люд. бож. Барсова, №№ 7, 11; 48, 76—77 стр.

(4) Тамъ же, № 47, 75 стр.

(5) Изслѣд. Добротворскаго. П. № 6, 118 стр.

(6) Чт. въ общ. ист. 1872 г. 3 № 128 стр.

скопческій лжеискупитель, который добровольно отказался отъ престола съ тѣмъ, чтобы получить его послѣ (1). И „явные цари", дѣйствительно, знаютъ, утверждали галацкіе скопцы, что рано или поздно, но имъ необходимо отдать престолъ истинному государю Петру Ѳеодоровичу (2). Будучи только намѣстниками русскаго престола, временными управителями его, „явные цари", по понятію скопцовъ, всегда находились и находятся подъ вліяніемъ „тайнаго", „бѣлаго", истиннаго царя. Усмиреніе извѣстнаго пугачевскаго бунта есть дѣло „бѣлаго царя". Онъ, недовольный Екатериною за то, что она давала предпочтеніе французамъ предъ русскими, повелѣлъ своему любимому казаку Емельяну Пугачеву назваться его именемъ, т. е. Петромъ III и возвратить ему престолъ. Екатерина, видя, что нѣмцевъ бьютъ, послала къ нему русскихъ—Панина и Суворова. „Ваше императорское величество, отецъ и искупитель, не прикажите крови лить, хочетъ супруга ваша прославить Россію", говорилъ Суворовъ. Искупитель уступилъ этой просьбѣ и велѣлъ Пугачеву перестать, — что тотъ и сдѣлалъ, отдавшись добровольно на муки (3). Счастливый исходъ войны 1812 г. также обязанъ „бѣлому царю". При этомъ, по мнѣнію однихъ скопцовъ, „бѣлый царь" будто бы давалъ совѣты и благословенія „явному" царю Александру Павловичу (4), по мнѣнію же другихъ, наоборотъ, „бѣлый царь", т. е. скопческій лжеискупитель приглашалъ будто бы Наполеона въ Россію съ тѣмъ, чтобы отдать въ его руки русскій престолъ; но такъ какъ, продолжаютъ скопцы, Наполеонъ не принялъ этого приглашенія, а захотѣлъ своими силами достиг-

---

(1) Чтен. въ общ. истор. 1872 г. 3 № 311 стр.
(2) От. Зап 1867 г. № 10, 610 стр.
(3) Тамъ же, 612 стр.
(4) Тамъ же, [illegible] 1872. 3 № 122 стр.

нуть русскаго престола, то и былъ изгнанъ изъ Россіи (1). Наконецъ, усмиреніе бунта господъ при Николаѣ Павловичѣ объясняется просто тѣмъ, что искупитель Петръ III Ѳеодоровичъ помолился и господа помѣшались; не на дворецъ пошли, а къ сенату; тутъ ихъ картечью (2)... Мало этого; скопцы видимо интересуются вообще политическими дѣлами и всегда истолковываютъ ихъ съ своей точки зрѣнія. Кельсіеву удалось получить отъ галацкихъ скопцовъ одинъ документъ, приписываемый основателю скопческой секты. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ полнаго текста этого документа и принуждены довольствоваться свѣдѣніями, сообщенными корреспондентомъ „Современнаго Листка“. Въ этомъ документѣ, по словамъ корреспондента, „страннымъ мистическимъ слогомъ скопческій богъ говоритъ о вліяніи на наше отечество и на весь міръ французской цивилизаціи, о томъ, что это вліяніе распространяется все болѣе и болѣе, и когда оно дойдетъ до самой Сибири, это время будетъ поворотною точкою въ жизни Россіи: тогда не она должна будетъ подчиняться вліянію чуждой народности, а ея вліянію долженъ подчиниться весь міръ“ (3). И это любопытство скопцовъ политическими событіями имѣетъ, по нашему мнѣнію, свое основаніе въ догматическомъ ихъ ученіи. Извѣстно, что по ученію скопцовъ, искупитель Петръ III Ѳеодоровичъ при воцареніи на россійскомъ престолѣ соединитъ въ одно государство земли русскую, французскую и турецкую; какъ же, въ самомъ дѣлѣ, не интересоваться скопцамъ общимъ положеніемъ политическихъ дѣлъ?.. Далѣе, въ томъ же догматическомъ ученіи имѣетъ свое объясненіе и любовь ихъ къ Россіи, въ которой, по ихъ искреннему убѣжденію, долженъ воцариться Петръ III, предварительно очистивъ ее отъ нечистоты.

(1) Чт. въ общ. ист... 1872 г. 3. 208 стр. Показаніе Иванова

(2) Отеч. Зап. 1867 г. № 10, 613 стр.

(3) Соврем. Лист. 1867 г. № 82.

Признаніе своего общества отдѣльнымъ, самостоятельнымъ царствомъ естественно влекло и влечетъ скопцовъ къ фактическому осуществленію этой идеи. Въ первое время существованія скопческой секты скопцамъ, дѣйствительно, удалось отчасти осуществить эту идею. Тогда какъ общество хлыстовъ всегда представляло и представляетъ въ управленіи безграничный ~~поликратизмъ~~, общество скопцовъ, напротивъ, представляло долгое время абсолютный монархизмъ. Во главѣ скопческаго царства de jure и de facto стоялъ самъ основатель скопческой секты. Онъ былъ полнымъ „хозяиномъ“, царемъ не только въ томъ кораблѣ, въ которомъ жилъ, но и во всѣхъ другихъ (1). Всѣ послѣдователи его составляли собою одинъ нераздѣльный корабль „царскій“ (2). Жившіе при лжеискупителѣ и лжецарѣ относились къ нему всегда, какъ къ своему верховному главѣ; никто изъ нихъ не дерзалъ называть себя наставникомъ или пророкомъ, помня, конечно, слова своего общаго царя батюшки, запрещавшія эту дерзость (3). Самые приближенные къ нему, имѣвшіе значительное вліяніе въ обществѣ скопцовъ, носили скромный титулъ „искупительскихъ слугъ“ (4). Далѣе, чтобы подчинить своей власти провинціальныхъ учителей и пророковъ, безъ которыхъ, очевидно, не могли обходиться провинціальные корабли, лжецарь придумалъ особый родъ посвященія, состоявшій въ томъ, что каждому новоизбранному учителю онъ лично вручалъ „крестъ и платокъ“. Только подъ условіемъ полученія этихъ послѣднихъ вещей члены корабля могли принять къ себѣ новаго учителя (5). Такъ, между прочимъ, были

---

(1) Чт. въ общ. ист... 1872 г. 2 № 205 стр.

(2) Сборн. Кельс. III. Прилож. 62 стр. Пѣсня.

(3) Чт. въ общ. ист... 1864 г 4 № 71 стр.

(4) Тамъ же, 1872 г 3 № 126 стр. Пѣсня.

посвящены отъ лжецаря Алексѣй Громовъ для костромскаго корабля и потомъ для галицкаго корабля Максимъ Кузьминъ (1). По удаленіи въ Суздаль, лжецарь передалъ управленіе сыну Михаила Солодовникова, при которомъ „всѣ дѣла шли попорядку и безъ перемѣны, какъ и прежде шли“ (2). Духъ монархизма господствовалъ нѣкоторое время и послѣ смерти лжецаря. Такъ, извѣстно, что около 40-хъ годовъ настоящаго столѣтія скопцы признавали своимъ верховнымъ начальникомъ какого-то батюшку Павла Ивановича, проживавшаго въ г. Бѣлгородѣ, курской губерніи. По ихъ мнѣнію, Павелъ Ивановичъ благословленъ на управленіе и начальство непосредственно отъ „самого батюшки, милосердаго искупителя, императора Петра Ѳеодоровича“, и уже его именемъ благословляетъ прочихъ мѣстныхъ начальниковъ (3). Г. Мельниковъ, на основаніи архивныхъ дѣлъ свидѣтельствуетъ, что у скопцовъ, дѣйствительно, до послѣдняго времени существовалъ рядъ преемственныхъ начальниковъ, которые данною отъ лжецаря властію благословляли учителей на управленіе кораблями (4). Въ настоящее время этотъ духъ монархизма особенно ясно обнаруживается въ стремленіи скопцовъ централизовать всѣ дѣла, относящіяся до скопчества. Еще Надеждинъ замѣтилъ у скопцовъ существующее у нихъ „невольное влеченіе сближаться между собою, жить если не вмѣстѣ, то по сосѣдству другъ съ другомъ“ (5). Конечно, такое сближеніе можетъ быть объяснено общимъ у всѣхъ людей инстинктомъ; но у скопцовъ это сближеніе получаетъ особый характеръ и значеніе. Сближаясь между собою, избирая опре-

---

(1) Чт. въ общ. ист... 1872. 3 № 317 и 320 стр.

(2) Тамъ же, 2 № 205 стр.

(3) Сборн. Кельс. Ш. 174 стр.

(4) Чт. въ общ. ист.... 1872 г. 2 № 89 стр.

(5) Сборн. Кельс. Ш. 199 стр.

дѣленные пункты для взаимныхъ свиданій и переговоровъ, скопцы, безъ сомнѣнія, преслѣдуютъ коллективныя цѣли и задачи, относящіяся къ благосостоянію всего царства скопцовъ, какъ единаго и нераздѣльнаго. Главнѣйшіе пункты, гдѣ сосредоточивались и сосредоточиваются дѣла, относящіяся до скопчества, по свидѣтельству г. Бажанова, суть слѣдующіе: Петербургъ, Москва и Одесса—въ Россіи, Яссы и Бухарестъ — за границею (1). Каждый изъ этихъ городовъ имѣетъ спеціальное назначеніе въ скопческомъ мірѣ. Москва и Петербургъ, имѣя безспорно религіозное значеніе — первая, какъ мѣсто будущаго славнаго царствованія Петра III, второй же, какъ мѣсто, освященное уже кратковременнымъ царствованіемъ его — имѣютъ значеніе, съ одной стороны, какъ пункты, гдѣ сосредоточиваются торговые интересы, а слѣд. и капиталы скопцовъ, съ другой же— какъ удобнѣйшіе пункты для выслѣживанія за правительственными распоряженіями о скопцахъ. Одесса, хотя и не имѣетъ еще религіознаго значенія, но она въ будущемъ необходимо должна получить это значеніе по убѣжденію скопцовъ: „Адестъ будетъ второй Питеръ, катать въ немъ будетъ искупитель“ (2). Теперь же Одесса выполняетъ болѣе скромную, по понятіямъ скопцовъ, роль: она служитъ передаточнымъ пунктомъ, откуда переправляются за границу всѣ новые прозелиты, вербуемые скопцами изъ разныхъ губерній. Яссы и Бухарестъ представляютъ собою то гнѣздо, куда обыкновенно скопцы отсылаютъ изъ Одессы новыхъ прозелитовъ. По свидѣтельству русскаго консула, писавшаго въ 1863 г., въ Бухарестѣ и Яссахъ образовалось цѣлое скопческое общество; лица, вновь поступающія въ это общество, по словамъ консула, „всѣ безъ исключенія суть молодые

(1) Пеликанъ Суд. мед. изсл. скопч. 76 стр.

(2) Сборн. Кельс. III. Прилож. 37 стр.

русскіе изъ простаго званія, часто даже малолѣтніе, которыхъ скрывающіеся въ Имперіи сектаторы или ихъ агенты склоняютъ къ побѣгу за границу“ (1).

Признаніе своего общества отдѣльнымъ, самостоятельнымъ царствомъ ведетъ скопцовъ далѣе и приводитъ къ рѣшительному и ничѣмъ неотвратимому практическому вопросу объ отношеніи ихъ къ русскому императору или, по ихъ выраженію, „къ явному царю“. Понятно, при рѣшеніи этого вопроса необходимо должно было произойти противорѣчіе между убѣжденіемъ и дѣйствіемъ, между теоріею и дѣйствительностію. Одни скопцы, сознавая гибельныя послѣдствія явнаго неповиновенія царствующему государю, не повинуются послѣднему только внутренно, исполняя наружно все, что требуется закономъ. Такъ поступаютъ они, по собственному признанію ихъ, „страха ради іудейска“, т. е. во избѣжаніе преслѣдованія (2). Въ такомъ именно смыслѣ слѣдуетъ понимать всѣ завѣренія скопцовъ о готовности ихъ исполнять всѣ требованія императора, которыя они въ разное время высказывали устно и даже письменно (3). Въ этомъ же смыслѣ мы допускаемъ и мнѣніе нѣкоторыхъ ученыхъ о не-антиполитическомъ будто бы и не-антиправительственномъ направленіи скопческаго общества. Таковы мнѣнія Крыжина, который утверждаетъ, что „скопчество, хотя и проповѣдывало непризнаніе власти..., но оно не проповѣдуетъ никакихъ ложныхъ идей демократизма“ (4); — Кельсіева, который выражаетъ даже мысль, что „скопцы относятся къ высшей власти съ довѣріемъ“ (5), и, нако-

---

(1) Суд.-мед. изсл. скопч. 76 стр.

(2) Сборн. Кельс. Ш. 180 стр.

(3) См. напр. устныя показанія кронштадтскихъ скопцовъ и письменныя—скопцовъ кавказской подвижной инвалидной роты. Чт. въ общ. ист.... 1873 г. 1 № 187 и 212 стр.

(4) Изв. Импер. рус. географ. общ. 1866 г. II т. I отд. 23 стр.

(5) Совр. Лист. 1867 г. № 82.

нецъ, Е. Барсова, по мнѣнію котораго, „самозванство Селиванова имѣетъ въ виду не-политическую цѣль; напротивъ, политическій фактъ направленъ здѣсь къ религіозной пропагандѣ“ (1). — Другіе скопцы, болѣе послѣдовательные и фанатичные, желая остаться вѣрными основной догмѣ своего ученія, не только внутренно не повинуются законному государю, но при удобномъ случаѣ высказываютъ свое внутреннее убѣжденіе и de facto. Сюда относится немалочисленный рядъ открытыхъ и возмутительныхъ по своему характеру протестовъ противъ императора. Такъ, въ 1837 г. скопецъ Андреянъ Жигалкинъ на судѣ объявилъ, что онъ „не признаетъ власти царствующаго государя императора, потому что скопецъ долженъ отвѣчать только своему царю Петру Ѳеодоровичу, которому принадлежитъ по вѣрѣ“ (2). Нѣсколько позднѣе тоже самое выразили скопцы, проживавшіе въ Петербургѣ, но только въ формѣ болѣе дерзкой и вполнѣ возмутительной (3). Въ 1829 г. скопецъ Будылинъ въ своемъ показаніи говоритъ о всѣхъ скопцахъ вообще, что они „императора Николая Павловича не признаютъ“ (4).... Такіе факты, конечно, не единственные, показываютъ, по нашему мнѣнію, истинное отношеніе скопцовъ къ царствующимъ особамъ и отсюда ко всему правительству, вытекающее изъ всего ученія скопцовъ. Намъ кажется, поэтому, что отрицать антиполитическое и антиправительственное направленіе скопческой секты, какъ дѣлаютъ это вышеназванные ученые,—несправедливо.

Постоянныя преслѣдованія, которымъ подвергаются скопцы отъ гражданскаго и духовнаго правительства, естественно лишаютъ ихъ возможности со-

---

(1) Прав. Обозр. 1873 г № 2. 313 стр.

(2) Сборн. Кольс. III. 231 стр.

(3) Тамъ же. 232 стр.

(4) Чт. въ общ. ист... 1872 г. 4 № 88 стр.

единиться вмѣстѣ и составить одно неразрывное общество. Та вожделѣнная и пріятная мечта скопцовъ, что они составляютъ особое царство, управляемое искупителемъ и царемъ Петромъ III Ѳеодоровичемъ. по физической невозможности осуществить ее, остается, дѣйствительно, только мечтой. Лишенные возможности жить вмѣстѣ, разбросанные по разнымъ уголкамъ Россіи, Сибири, Кавказа и Задунайскихъ княжествъ, скопцы, подобно хлыстамъ, по свѣему мѣстожительству подраздѣляются на множество мелкихъ общинъ. Эти общины или иначе называемые „корабли“ въ своей жизни и въ своемъ управленіи независимы другъ отъ друга. Каждый корабль имѣетъ своего особаго правителя или „учителя“, поставленнаго главнымъ начальникомъ секты. Власть учителя — подобно власти „кормщика“ хлыстовскаго корабля — безгранична въ отношеніи къ подчиненнымъ; въ его распоряженія не можетъ вмѣшиваться учитель другаго корабля. Временный управитель дѣлами петербургскаго скопческаго корабля скопецъ Василій Ѳедоровъ на жалобу, принесенную ему учителемъ корабля псковской губерніи, опочекскаго уѣзда, о томъ, что учитель корабля порховскаго уѣзда Василій Евстифѣевъ его, Ѳедорова, „безпокоитъ“, писалъ: „если кто тебѣ, т. е. Ѳедорову по сердцу и по любви братской скажетъ: „хлѣбъ да соль!“ ну такъ: „прошу пожаловать“, а если не по любви, во вредъ напираетъ на обѣдъ, таковымъ издавна лежитъ пословица: „ну, братъ, пришелъ ты незванный, такъ и поди недранный“ (1). Кромѣ религіозно-нравственнаго значенія, которое принадлежитъ учителю скопческаго корабля, какъ наставнику вѣры и благочестія въ скопческомъ смыслѣ (2), каждый учитель корабля подобно хлыстовскому кормщику завѣдываетъ имущественною частію всего корабля.

(1) Чт. въ общ. ист... 1872 г. 2 № 204—205 стр.

(2) Тамъ же, 3 № 301 стр.

Говоря объ устройствѣ хлыстовскаго корабля, мы замѣчали, что въ послѣднемъ члены корабля не только нравственно, но даже, такъ сказать, юридически обязаны помогать другъ другу; замѣчали также, что пользованіе имуществомъ въ хлыстовскомъ кораблѣ носитъ признаки коммунизма. Если въ хлыстовскомъ кораблѣ то и другое осталось неразвитымъ вполнѣ, то въ скопческихъ корабляхъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ, это достигло значительнаго развитія. По словамъ крестьянина Андреянова, каждый, вновь вступающій въ общество скопцовъ, обязанъ принести все свое имущество къ учителю того корабля, въ который онъ вступаетъ, такъ какъ по мнѣнію скопческихъ учителей, „каждый поступающій въ путь Божій долженъ отдаваться Богу душею и плотію“ (1). Собиратель матеріаловъ г. Мельниковъ замѣчаетъ, что члены нѣкоторыхъ кораблей „не имѣли частнаго имущества и по вступленіи въ секту продавали его и клали у ногъ своего учителя“ и это дѣлалось, какъ показывали нижегородскіе и орловскіе скопцы, „по примѣру апостоловъ“, о которыхъ въ Дѣяніяхъ говорится: *не бяше бо нищъ ни единъ въ нихъ: елицы бо господіе селомъ, или домовомъ бяху, продающе, приношаху цѣны продаваемыхъ, и полагаху при ногахъ апостолъ; даяшеся же комуждо, его же аще кто требованіе* (2). Принимая въ свое полное распоряженіе имущество вновь поступающихъ въ общество скопцовъ, учители нерѣдко производили спеціальные сборы денегъ съ членовъ корабля во время моленій. Такъ, въ то время, когда жилъ основатель скопческой секты въ Петербургѣ и въ Суздалѣ, производились сборы для содержанія лжеискупителя и его штата (3). Существовали также сборы для содержа-

(1) Чт. въ общ. ист.. 1872 г. 3 № 307 стр.

(2) Тамъ же, 2 № 118—119 стр.

(3) Тамъ же. 179 стр. и Тамъ же, 3 № 307 стр.

нія скопческихъ учителей. Кромѣ этихъ сборовъ и другихъ, подобныхъ имъ, въ скопческихъ общинахъ производили нерѣдко сборы съ спеціальною цѣлію подкуповъ разныхъ чиновниковъ и полиціи. Такъ, извѣстно, что саратовская полиція была подкуплена въ полномъ своемъ составѣ скопцами корабля Панова. Очевидно, деньги, требуемыя на такой предметъ, собирали со всѣхъ членовъ корабля, какъ одинаково заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ (1).

Естественно, при такомъ устройствѣ скопческихъ кораблей существованіе каждаго члена корабля вполнѣ гарантировано и должно быть безбѣднымъ. По свидѣтельству обратившагося къ православію изъ секты людей божіихъ, скопцы въ оказаніи другъ другу матеріальной помощи превосходятъ даже хлыстовъ (2). Извѣстна также замѣчательная заботливость скопцовъ объ освобожденіи изъ мѣстъ заключенія своихъ братьевъ по вѣрѣ, при которой они пускаютъ въ ходъ, по выраженію преосвященнаго Мелхиседека, „всѣ свои тайныя пружины“ (3). Такъ, Будылинъ, по собственному его показанію, въ 1828 г. путешествовалъ въ Раненбургъ, рязанской губерніи, съ тѣмъ, чтобы освободить изъ тамошняго острога скопческую богородицу. Самъ Будылинъ точно также бѣжалъ отъ слѣдовавшаго за нимъ конвоя, благодаря заботливости скопцовъ (4). Вообще же, скопцы никогда не допустятъ погибели своего брата по сектѣ, если только не встрѣтится неодолимыхъ препятствій.

Тѣсныя взаимныя отношенія, существующія между членами одного корабля, простираются далѣе и производятъ то, что всѣ скопцы и всѣхъ мѣстностей образуютъ собою какъ бы одну массу, одно общество,

---

(1) Чт. въ общ. ист... 1872 г. 2 № 180 стр.

(2) Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 22, 274—275 стр.

(3) Христ Чтен. 1879 г. Янв.—Февр. 42 стр.

(4) Чт. въ общ. ист... 1872 г. 4 № 82 и 79 стр

которое живетъ одними интересами, одною жизнію, производятъ, наконецъ, то, что скопцы прекрасно знаютъ другъ друга, знаютъ то, что совершается въ той или другой мѣстности, знаютъ и то, что намѣрено предпринять противъ нихъ правительство. Изъ исторіи скопческой секты мы уже знаемъ, насколько солидарны между собою скопцы, насколько они проникнуты единодушіемъ и общими интересами. Замѣчательнѣйшія похожденія Громова и Будылина составляютъ настоящій романъ, дѣйствія котораго охватываютъ множество губерній, уѣздовъ и селъ. Точно также изъ исторіи скопческой секты намъ извѣстно отчасти о существующихъ у скопцовъ устныхъ и письменныхъ сношеніяхъ, которыя они производятъ между собою не смотря на значительное географическое разстояніе, отдѣляющее ихъ другъ отъ друга. Во время пребыванія Селиванова въ Петербургѣ между послѣднимъ и скопческими кораблями, разсѣянными въ разныхъ отдаленныхъ губерніяхъ, установились сношенія, имѣвшія видъ нѣкоторой правильности. Петербургскій скопческій соборъ, разсылая письма къ разнымъ лицамъ, употреблялъ, напр., для запечатанія ихъ особыя печати, съ вырѣзанными на нихъ особыми символическими изображеніями. Такъ, Громовъ, живя въ Галичѣ, получилъ изъ петербургскаго скопческаго собора письмо, которое было запечатано особою печатью. На послѣдней были вырѣзаны: корабль, гора Голгоѳа, надъ которой возвышался крестъ; ниже этихъ символовъ были вырѣзаны нѣсколько буквъ. Скопецъ Захарій Григорьевъ, начальствуя надъ скопческимъ кораблемъ псковской губ., опочекскаго уѣзда, получалъ письма изъ петербургскаго собора, которыя имѣли также печати. Одна изъ такихъ печатей имѣла слѣдующія символическія изображенія: надъ щитомъ были изображены съ правой стороны солнце, съ лѣвой— новолуніе, обращенное къ внѣшней сторонѣ; среди этихъ знаковъ изображенъ голубь, спускающійся на щитъ; щитъ обхватывали двѣ пальмовыя вѣтки обык-

новенной формы; на щитѣ вырѣзаны буквы: Г. Б. ИС. въ первой строкѣ и ДУ. НА.—во второй (1). При производствѣ слѣдствія въ 1825 г. надъ скопцами Солодовниковымъ и Аггѣевымъ, съ одной стороны, и Потаповымъ—съ другой, открылись письменныя сношенія, существовавшія между скопцами гг. Петербурга, Нижнеудинска и Суздаля (2). Въ болѣе ближайшее къ намъ время письменныя сношенія между скопцами пріобрѣли еще болѣе правильный и организованный характеръ. У скопцовъ, какъ дознано судебнымъ слѣдствіемъ надъ орловскими скопцами въ 1863—1864 гг. (3) и какъ видно изъ свидѣтельства епископа румынскаго Мелхиседека (4), существуетъ особая азбука, при помощи которой они сообщаютъ другъ другу важныя извѣстія о своемъ обществѣ. Далѣе, тоже слѣдствіе надъ орловскими скопцами открыло, что скопцы имѣютъ у себя такъ называемыхъ „миссіонеровъ", которые бываютъ двоякаго рода: странствующіе и постоянные. „Первые", по словамъ г. Бажанова, „большею частію, принадлежатъ къ категоріи второстепенныхъ покровителей, рѣдко бываютъ скопцы, а если и скопцы, то оправданные; они всегда снабжены паспортомъ, денежными средствами и путешествуютъ подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ, а въ сущности имѣютъ двоякую задачу: наборъ новыхъ сподвижниковъ и передачу извѣстій родителямъ, дѣти которыхъ проживаютъ у скопцовъ въ столицахъ; вмѣстѣ съ тѣмъ они увѣдомляютъ о мѣрахъ, предпринимаемыхъ правительствомъ противъ скопцовъ. Странствующіе миссіонеры обращаются со всѣми своими свѣдѣніями къ учрежденнымъ постояннымъ коммиссіонерамъ, которые по большей части живутъ въ большихъ городахъ,

(1) Чт. въ общ. ист... 1872 г. 2 № 203 стр.

(2) Сборн. Кельс. Ш. 178 стр.

(3) Пеликанъ, Суд.-мед изсл. скопч. 77 стр.

(4) Христ. Чтен. 1879 г. Январь—Февр. 46—47 стр.

и имъ-то передаютъ словесно все, о чемъ ихъ просили, а отъ нихъ забираютъ свѣдѣнія, нѣтъ ли, напримѣтѣ, такихъ родителей, которые бы согласились на отдачу дѣтей. Постоянные миссіонеры, уже въ свою очередь, заботятся о томъ, чтобы ко времени прихода странствующихъ были заготовлены всѣ нужные имъ мѣстные матеріалы, и полученныя отъ послѣднихъ извѣстія передаютъ по околоткамъ чрезъ довѣренныхъ лицъ, которыя въ тайнѣ исполняютъ порученія съ свойственною ихъ сектѣ отчетливостію. Странствующіе коммисіонеры, по указаніямъ постоянныхъ, уже прямо отправляются въ указанное имъ мѣсто, уговариваются о платѣ и или уводятъ съ собою мальчиковъ, или уходятъ съ обѣщаніемъ, что родители сами привезутъ ихъ" (1).

Письменныя сношенія между скопцами не ограничиваются только предѣлами Россіи, но они простираются далеко за предѣлы ея и достигаютъ отдаленныхъ мѣстностей Сибири, Кавказа и Задунайскихъ княжествъ. О существованіи сношеній между скопцами Сибири и Россіи свидѣтельствуетъ крестьянинъ Андреяновъ въ своемъ донесеніи. По его словамъ, нѣкоторые изъ орловскихъ скопцовъ ходили въ Сибирь къ сосланнымъ туда скопцамъ и, возвратясь оттуда, „хвалили тамошнюю жизнь" (2). Произведенное въ 1845 г. слѣдствіе надъ таврическими скопцами открыло письменную связь между скопцами села Малой Знаменки, мелитопольскаго уѣзда и г. Красноярска. Это же слѣдствіе открыло такую же связь со скопцами, находящимися за Кавказомъ, въ Имеретіи (3). Что же касается до существованія письменныхъ сношеній между скопцами Россіи и Задунайскихъ княжествъ, то въ существованіи этихъ сноше-

---

(1) Пеликанъ, Суд.-мед. изсл. скопч. 77 стр.

(2) Чт. въ общ. ист.... 1872 г. 2 № 146 стр.

(3) Сборн. Кельс. III. 179 стр.

ній удостовѣряетъ преосв. румынскій Мелхиседекъ. Послѣдній, при производствѣ слѣдствія надъ измаильскими скопцами въ 1859—1861 гг., имѣлъ въ рукахъ значительную массу скопческихъ писемъ, адресованныхъ къ разнымъ лицамъ изъ разныхъ мѣстностей. Между этими письмами было, между прочимъ, письмо Кирилы Карпова и Акулины Антоновны изъ села „Осники“ (вѣроятно Осинки), рязанской губерніи, къ скопцу Ивану Ивановичу, проживавшему въ Румыніи. Письмо помѣчено 17 числомъ марта 1858 г. Мы приводимъ здѣсь выдержку изъ этого письма, сдѣланную г. Сырку. „Скопцы села „Осники“ называютъ румынскаго скопца „своимъ благодѣтелемъ“, благодаря его за подарокъ, который имъ послалъ и который они получили отъ 8 прошлаго февраля вмѣстѣ съ письмомъ, и по полученіи его вся братія и сестры собрались вмѣстѣ и прочли его всѣ съ радостію, приняли подарокъ, *горько плакали* отъ жалости по немъ, приговаривая: „нѣтъ ево! нѣтъ ево!“; затѣмъ молились за него, желая жить ему многа лѣта, *царствовать*, имѣть успѣхъ во всемъ, достигнуть спасенія души и пребывать въ тѣлесномъ здравіи. Всѣ ему кланяются до земли по обязанности и обычаю христіанскому, т. е. по обычаю скопцовъ, — желаютъ другъ другу всего лучшаго, отвѣшивая поклонъ. Извѣщаютъ его, что его письмо дошло съ такою скоростію, какъ будто летѣло, и желаютъ, чтобы и ихъ отвѣтъ полетѣлъ къ нему съ такою же поспѣшностію, ради чего какъ будто убаюкиваютъ его (письмо) слѣдующими риѳмованными выраженіями: „лѣти письмо наше туда, кто получаетъ безъ труда. Говорить то говоритъ, а Кирила еще повторитъ“. Далѣе говорятъ, что они въ такомъ хорошемъ настроеніи духа, какъ будто бы напились чего; извѣщаютъ его о нѣкоторыхъ дѣлахъ секты; а именно о нѣкоемъ Борисѣ, находившемся у нихъ и приготовившемъ пять человѣкъ къ *опредѣленію* (вѣроятно къ оскопленію), но взятомъ *въ руки* (т. е. схваченъ полиціею); что онъ ушелъ отъ нихъ

и не имѣютъ болѣе свѣдѣній о немъ и что вмѣстѣ съ нимъ были двѣ *вдовочки* и двѣ *дѣвочки*; описываютъ свое печальное положеніе, и что преслѣдованіе или гоненіе лишило ихъ почти всего, но впрочемъ имѣютъ надежду на Ивана Ивановича. Акулина Карповна, пишутъ, ушла въ московскую губернію, но тамъ горько плачетъ. Извѣщаютъ его, что не получено отъ него письмо на имя Петра Леонтьева и не слышали ничего о немъ. Разсказываютъ, что тамъ секта много терпитъ отъ преслѣдованій правительства и что они были въ заключеніи двѣ недѣли и освободились только благодаря помощи одного бывшаго секретаря, котораго они очень хвалятъ, не называя его, однако, по имени: „назови его—какъ васъ и находятся у насъ, о которомъ просимъ васъ считать его нашимъ дорогимъ гостемъ, онъ близкій нашъ знакомый, и еще можемъ сказать, что онъ достоинъ похвалы; съ самаго начала христіанскаго вѣка мы не нашли такого добродѣтельнаго человѣка; мы защищены отъ *зимняго времени* и *бурныхъ вѣтровъ*“ (1).

Приведенная нами выдержка изъ письма скопцовъ, живщихъ въ отдаленныхъ другъ отъ друга мѣстностяхъ, знакомитъ насъ какъ съ характеромъ скопческой переписки вообще, такъ въ частности указываетъ на тотъ языкъ—таинственный, непонятный для не-скопца, на которомъ обыкновенно пишутъ скопцы и на которомъ они говорятъ, на ту осторожность, съ какою говорятъ скопцы о лицахъ, и на обыкновеніе всегда почти употреблять риѳму въ выраженіяхъ. Далѣе, приведенная выдержка прекрасно свидѣтельствуетъ о той быстротѣ и точности, съ какими вообще передаются изъ одной мѣстности въ другую событія, совершающіяся въ скопческомъ мірѣ. Очевидно, скопцы, благодаря простому, но вѣрному и быстрому способу сообщенія, имѣютъ полную возможность слѣ-

(1) Христ. Чтен. Январ.—Февр. 1879 г. 48—49 стр.

дить за всѣмъ, что происходитъ въ ихъ средѣ не только по всей Россіи, но и далеко за предѣлами ея. Благодаря этому же способу, скопцы имѣютъ полную возможность своевременно узнавать о распоряженіяхъ правительства и сообщать о нихъ по всѣмъ скопческимъ кораблямъ вѣрнѣе и даже иногда скорѣе, чѣмъ путемъ обыкновенной почтовой корреспонденціи. Извѣстный фактъ изъ исторіи слѣдственнаго дѣла о саратовскихъ скопцахъ можетъ служить наглядным подтвержденіемъ высказаннаго нами послѣдняго положенія.

Въ своей обыкновенной домашней жизни скопцы отличаются трудолюбіемъ и промышленностію. Богатство и трудолюбіе были, кажется, идеаломъ самого Селиванова, который въ своихъ „страдахъ“ говоритъ о себѣ: „и дастся ему вилы, цепъ и пила“ (1). Въ одной скопческой пѣсни воспѣваются скопцы— „купцы земли греческой, милліонщики знаменитые“ (2). Факты трудолюбія и промышленности скопцовъ засвидѣтельствованы многими очевидцами ихъ жизни. Такъ, по словамъ Крыжина, въ симбирской губерніи между совратившимися въ скопчество крестьянами становилось замѣтно улучшеніе въ ихъ хозяйственномъ быту, они перестроивали дома въ болѣе обширномъ видѣ, одѣвались чище, жили лучше и опрятнѣе своихъ односельцевъ и нѣкоторые начинали вести мелочную торговлю. У главнаго скопца симбирскаго, алатырскаго мѣщанина Милютина, на поясной фабрикѣ, говорятъ, обезпечены были работой до 200 женщинъ и дѣвокъ (3). По свидѣтельству Реутскаго, осмотрѣнныя имъ въ Москвѣ, въ домѣ Кудриныхъ, мастерскія находились въ отличномъ порядкѣ и чистотѣ; работницы занимались своимъ дѣломъ съ при-

---

(1) Чт. въ общ. ист... 1864 г. 4 № 70 стр.

(2) Тамъ же, 1872 г. 3 № 166 стр.

(3) Дѣло. 1867 г. № 12, 196—197 стр.

мѣрнымъ трудолюбіемъ и аккуратностію (1). Любви къ трудолюбію и промышленности скопцы не покидаютъ и въ мѣстахъ своей ссылки. Въ туруханскомъ краю скопцы дѣлались распространителями ремесленности между туземцами. Они, между прочимъ, ввели тамъ въ употребленіе незнаемую дотолѣ пилу продольную и поперечную, самопрялку, которую потомъ усвоили и остяки, улучшили лодочное мастерство, были лучшими кузнецами и снабжали своими издѣліями жителей на пространствѣ болѣе 300 верстъ (2). О якутскихъ скопцахъ извѣстно, что у нихъ земледѣліе идетъ сравнительно успѣшно; далѣе, они настроили мельницъ вѣтряныхъ и водяныхъ, развели огородныя овощи, скотоводство и распространили мастерство въ разныхъ видахъ (3). Нерѣдко случалось, что страсть скопцовъ къ промышленности вредно отзывалась на благосостояніи мѣстныхъ жителей. Такъ, корреспондентъ „Современныхъ Извѣстій“ замѣчаетъ, что „наплывъ скопцовъ въ якутскую область нанесъ опасный ударъ правильному развитію мѣстной торговли и промышленности. Деньги, разъ попавшія въ руки скопцовъ, не выходятъ изъ ихъ общины“ (4). Являясь на городскихъ рынкахъ въ качествѣ мѣнялъ, скопцы весьма часто причиняютъ существенный вредъ денежной торговлѣ. „Отказываясь, говоритъ Надеждинъ, по взаимному согласію принимать монету стараго чекана подъ предлогомъ, что она потерта, они вдругъ роняютъ ее въ курсѣ, потомъ скупаютъ за безцѣнокъ и, опять поднявши, пускаютъ въ оборотъ. Одно время они занимались ввозомъ въ Имперію золотой французской монеты съ повышеніемъ нарицательной цѣнности ея свыше настоящей,—противъ чего

(1) Пеликанъ, Суд.-мед. изсл. скопч. 79 стр.

(2) Дѣло. 1867 г. № 12, 197 стр.

(3) Совр. Извѣстія. 1877 г. № 157.

(4) Тамъ же.

министерство финансовъ должно было неоднократно принимать мѣры" (1).

Далѣе, извѣстно, что въ обыкновенной своей жизни скопцы наблюдаютъ трезвость и умѣренность (2). Женщины-скопчихи чуждаются нарядовъ и различныхъ украшеній (3), мужчины-скопцы, также не подчиняясь модѣ, любятъ носить платье по преимуществу крапчатаго цвѣта (4). Наконецъ, извѣстно и то, что въ обыкновенной своей жизни скопцы не чужды тѣхъ пороковъ, противъ которыхъ они собственно направляютъ уродованія своего тѣла; бывали примѣры самаго возмутительнаго противоестественнаго характера (5). Такимъ образомъ, законы природы, противъ которыхъ воюютъ скопцы, остаются неизмѣнными въ своихъ дѣйствіяхъ и при лишеніи самыхъ органовъ.

Отношенія скопцовъ къ иновѣрнымъ и, въ частности, къ православнымъ носятъ на себѣ характеръ непримиримой вражды и ненависти. Можно безъ преувеличенія сказать, что всѣ отношенія скопцовъ къ иновѣрнымъ характеризуются какъ преступленія. Эти послѣднія всѣ безъ исключенія основываются на религіозно-фанатической почвѣ; на ней они зарождаются и на ней же они развиваются. Частнѣе, всѣ извѣстныя главнѣйшія преступленія скопцовъ противъ общества и государства вытекаютъ изъ ихъ фанатическаго, ничѣмъ неудержимаго стремленія пропагандировать свое физическое и нравственное уродство и только здѣсь получаютъ истинный смыслъ и значеніе.

Извѣстно, что каждое религіозное общество пропаганду своего ученія между другими иномыслящими

---

(1) Сборн. Кельс. Ш. 227 стр.

(2) Совр. Извѣст. 1877 г. № 157 и Суд.-мед. изсл. скоп. 79 стр.

(3) Чт. въ общ. ист... 1872 г. 2 № 174—175 стр.

(4) От. Зап. 1867 г. № 10, 592 стр.

(5) Сборн. Кельс. Ш. 221 стр. 304 прим.

людьми считаетъ дѣломъ добрымъ, заслуживающимъ похвалы и награды. Притомъ, пропаганда ученія или стремленіе сообщить другимъ свои убѣжденія и воззрѣнія составляетъ существенную потребность каждаго члена общества. Это фактъ психологическій. И. очевидно, что чѣмъ кто болѣе убѣжденъ въ правотѣ и спасительности своихъ убѣжденій, тѣмъ тотъ энергичнѣе ведетъ свою пропаганду. Но къ этой, такъ сказать, вытекающей изъ самаго существа человѣческой природы, потребности сообщать другимъ то, во что самъ вѣруешь, могутъ присоединяться иные мотивы. Такими мотивами могутъ быть, съ одной стороны, соціальныя условія, въ которыя поставлена извѣстная секта, а съ другой—воззрѣнія догматическія. Отрицая въ принципѣ бракъ, общество скопцовъ очевидно должно существовать и можетъ существовать только на счетъ другихъ обществъ, гдѣ бракъ не отрицается. Въ этомъ случаѣ, какъ само собою понятно, пропаганда скопческаго ученія вытекаетъ изъ соціальныхъ условій, въ которыхъ эта секта находится и въ этомъ отношеніи она одинаково вредна для государства, какъ и секта хлыстовъ. Но тогда какъ для хлыстовъ пропаганда ученія не составляетъ догмата, для скопцовъ, напротивъ, она составляетъ почти такой же общеобязательный догматъ, какъ и вѣра въ искупителя и царя Петра III Ѳеодоровича. Скопцы вѣруютъ, что когда число ихъ будетъ простираться до 144 тысячъ человѣкъ, тогда наступитъ страшный судъ, за которымъ послѣдуетъ торжество ихъ секты. Это вѣрованіе скопцовъ основывается на одномъ мѣстѣ изъ Апокалипсиса, гдѣ говорится объ Агнцѣ, стоящемъ на горѣ Сіонской, котораго окружаютъ 144 тысячи праведныхъ, съ именемъ Отца Агнца, написанномъ на челахъ ихъ (XIV. 1—4). Воображая, что тайновидецъ Іоаннъ Богословъ въ этомъ мѣстѣ своего Апокалипсиса разумѣлъ именно ихъ, скопцовъ (1), они,

(1) Чт. въ общ. ист.,.. 1872 г. 4 № 86 стр.

поэтому, съ необыкновеннымъ воодушевленіемъ и фанатизмомъ стараются, чтобы какъ можно скорѣе осуществилась таинственная цифра 144 тысячи. Поэтому и пропагандисты скопческіе считаются людьми добродѣтельными и близкими къ Богу. По производившемуся въ 1822 г. дѣлу о скопцахъ курской губ. обнаружено, что тамъ „каждый, принимаемый въ общество скопецъ, обязывается страшною клятвою совращать другихъ и тотъ, кто пріобрѣтаетъ десять послѣдователей, почитается святымъ, хотя бы онъ даже не молился Богу“ (1).

Способы или пріемы, при помощи которыхъ скопцы вербуютъ въ свое общество новыхъ прозелитовъ, весьма многоразличны и разнохарактерны. Первый способъ, менѣе преступный по своему характеру, есть сообщеніе своего физическаго и нравственнаго уродства другимъ *путемъ убѣжденія и примѣромъ видимаго благочестія*. Самъ основатель скопческой секты рекомендовалъ эти способы своимъ дѣтушкамъ, какъ полезные, по его мнѣнію, для приращенія общества скопцовъ; совѣты его относительно этого предмета мы уже имѣли случай приводить въ своемъ сочиненіи. Множество оффиціальныхъ свѣдѣній свидѣтельствуютъ, что скопцы, дѣйствительно, не брезгаютъ этими пріемами для увеличенія своего общества. Они расточаютъ все свое краснорѣчіе и знаніе съ тѣмъ, чтобы убѣдить другаго въ необходимости принятія „чистоты“. Андреяновъ говоритъ о себѣ: „я вступилъ въ путь по увѣренію божіей дѣвицы Акулины Васильевны и оная меня увѣряла изъ св. писанія; иногда же съ прочими дѣвицами сперва для меня пѣли церковныя пѣсни, и божіи ихъ въ увѣреніе давали мнѣ читать книгу „О должности христіанина“ и уговаривали меня, чтобы я безъ сомнѣнія повѣрилъ пути ихъ; и я увѣрялся слишкомъ полгода и, увидѣвъ воздержное житіе ихъ и плотскую чистоту, увѣрился

(1) Сборн. Кельс. Ш. 175 стр. 243 прим.

и вступилъ въ путь ихъ. Божіи изъ св. писанія говорятъ, что Господь нигдѣ такъ любезно обитать не желаетъ, какъ въ чистой плоти человѣческой и что *вы есте храмъ Бога живаго*“ (1). Убѣждая другихъ въ необходимости принятія чистоты, скопцы нерѣдко указываютъ на свою воздержную жизнь и противопоставляютъ послѣднюю жизни православныхъ. Скопецъ пономарь Петръ Семеновъ (калужской губ.) о побудительныхъ причинахъ своего обращенія въ общество скопцовъ писалъ въ консисторію слѣдующее: „согласился я быть тоя секты послѣдователемъ для того, что въ ней учатъ вина не пить и съ женою не имѣть плотскаго соитія. Сіе мнѣ полюбилось; ибо я весьма бѣденъ, а воспитаніе дѣтей и употребленіе хмѣльныхъ напитковъ меня совершенно бы раззорило“ (2).

Само собою понятно, увеличеніе секты скопцовъ путемъ убѣжденія и примѣромъ жизни не можетъ быть велико, такъ какъ операція оскопленія, которая неизбѣжно составляетъ удѣлъ каждаго новаго прозелита, по самому своему существу составляетъ предметъ страха и трепета для всѣхъ, дорожащихъ своимъ земнымъ существованіемъ. Поэтому скопцы, не ограничиваясь этими способами, употребляютъ и *другіе*, которые уже носятъ на себѣ *грубый, матеріальный характеръ*. По словамъ г. Бажанова, скопцы употребляютъ *три пріема* для распространенія своего ученія. Первый—самый простой и несложный состоитъ *въ простомъ подговорѣ къ оскопленію съ обѣщаніемъ за это извѣстной суммы денегъ*. Такъ, говоритъ г. Бажановъ, „арестантъ за буйство, воровство и подобныя преступленія, отправляемый въ ссылку, вдругъ во время пути своего, гдѣ-нибудь на этапѣ или въ острогѣ, до такой степени проникается забо-

(1) Чт. въ общ. ист... 1872 г. 2 № 103 стр.

(2) Кал. Епарх. Вѣдомости. 1871 г. № 13. 303 стр. 8 пр.

тою о спасеніи своей души и вѣрою найти его именно въ оскопленіи, что тутъ же и спѣшитъ оскопиться, хотя бы для совершенія операціи, за неимѣніемъ инструментовъ, приходилось употреблять кусокъ отточеной жестянки и даже стекла. Очевидно, что выставляемое арестантами, въ оправданіе своего поступка, желаніе душевнаго спасенія есть только ширма, закрывающая настоящую причину—подговоръ со стороны скопцовъ; а подговаривать они успѣвали въ то время, когда подъ видомъ благотворителей приходили къ арестантамъ для раздачи милостыни" (1). Бажановъ указываетъ и еще два примѣра, изъ которыхъ одинъ, касающійся скопцовъ ижевскаго завода, слишкомъ уже возмутителенъ по своему характеру, другой же весьма краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о той дерзости и наглости, какія составляютъ неотъемлемыя свойства скопцовъ-пропагандистовъ. 24 сентября, 1862 г., разсказываетъ Бажановъ, рядовой петербургской пожарной команды, литейной части, Иванъ Ронбейнъ, явясь въ команду, объяснилъ, что „недѣли за двѣ до 24 сентября онъ, проходя по знаменской улицѣ, былъ остановленъ двумя неизвѣстными людьми, которые склоняли его къ оскопленію, обѣщая ему за это 150 р. Согласившись на это, онъ далъ обѣщаніе встрѣтиться съ ними 24 сентября. Въ назначенный день, смѣнившись съ часовъ въ 5 часу утра, онъ пришелъ въ условленное мѣсто, гдѣ подговаривавшіе его два лица уже ожидали; съ ними онъ и отправился въ бани купца Леонтьева. Дорогою они дали выпить ему осьмушку водки, по входѣ же въ баню (трехкопѣечную) люди эти—скопцы, поднявъ двѣ доски на полкѣ, предложили ему спуститься подъ полóкъ, а такъ какъ тамъ было темно, то одинъ изъ нихъ зажегъ принесенный огарокъ свѣчки. Послѣ этого, положили его на землю и одинъ сталъ

(1) Суд.-мед. изсл. скоп. 73 стр.

держать, а другой какимъ-то инструментомъ разрѣзалъ ему scrotum. Отъ сильной боли онъ невольно вскрикнулъ и тутъ же впалъ въ безпамятство. Операція не была докончена и когда Ронбейнъ очнулся—скопцовъ уже не было. Произведенный, по горячимъ слѣдамъ, осмотръ бани подтвердилъ показанія Ронбейна“ (1). Къ этимъ свидѣтельствамъ, уже самимъ по себѣ убѣдительнымъ, мы присоединимъ еще нѣсколько фактовъ, подтверждающихъ тоже самое. Такъ, въ 1840 г. слѣдствіемъ открыто, что тамбовской губ., моршанскаго уѣзда, скопцы Плотицынъ, Дробышевъ и Загородковъ распространяли скопчество „посредствомъ выкуповъ крестьянъ изъ крѣпостнаго состоянія и приписку ихъ въ кругъ своихъ семействъ“. Тоже открыто было ранѣе относительно петербургскихъ купцовъ Ненасытьевыхъ, которые въ своихъ письмахъ къ дѣвкѣ Ефросиніи (тамбовской губ., моршанскаго уѣзда) завѣряли послѣднюю, что „кто приметъ скопческую секту, того они могутъ избавить отъ рабства, т. е. выкупить изъ крѣпостнаго состоянія“ (2). Есть нѣсколько и другихъ свидѣтельствъ, также доказывающихъ существованіе у скопцовъ подкуповъ и наградъ съ цѣлію завлеченія бѣдныхъ и нуждающихся людей въ секту. Отсюда, мнѣніе Кельсіева, что будто бы скопцы не употребляютъ подкуповъ при распространеніи своей секты (3), очевидно невѣрно и противорѣчитъ фактамъ.

Второй пріемъ, употребляемый скопцами при распространеніи своего физическаго и нравственнаго уродства, нѣсколько сложнѣе, требуетъ болѣе долгаго времени: это *незамѣтное втягиваніе нуждающагося люда въ долговыя обязательства*. „Подъ видомъ христі-

(1) Суд.-мед. изсл. скопч. 73—74 стр.

(2) Чт. въ общ. ист., 1872 г. 2 № 106—107 стр.

(3) От. Зап. 1867 г. № 10, 600 стр. и Заря 1869 г. № 6, 149 стр.

растахъ. Во 2) скопцы надъ своими дѣтьми и воспитанниками пріобрѣтаютъ вліяніе до такой степени сильное, что побывавшій въ рукахъ у скопцовъ ребенокъ—потерянный для общества: онъ быстро и глубоко заражается духомъ секты и уже, подобно настоящему сектанту, отличается смѣлостію и упорствомъ во лжи... Не безъинтересны въ этомъ отношеніи показанія двухъ 10-лѣтнихъ дѣвочекъ: одна, еще неоскопленная, объявила на судѣ, что „когда она достигнетъ совершеннолѣтія, то также намѣрена оскопиться, чтобы не разлучиться съ родителями", которые въ это время содержались въ острогѣ; другая, уже оскопленная, на вопросъ о ея оскопителяхъ „отвѣчала съ довольною стойкостію, что она сама обрѣзала себѣ соски, единственно для спасенія души своей; къ этому ее никто не соблазнялъ и не научалъ" (1). Съ мнѣніемъ почтеннаго автора нельзя не согласиться; оно подтверждается свидѣтельствомъ другаго лица, наблюдавшаго надъ скопцами, именно преосвященнаго румынскаго Мелхиседека. Послѣдній, говоря о причинахъ быстраго возрастанія числа скопцовъ въ Румыніи, между прочимъ, замѣчаетъ: „рѣдко случается, чтобы русскіе, еврейскіе, цыганскіе, а иногда и румынскіе мальчики, брошенные судьбою на услуженіе скопцамъ, вырвались оттуда невредимыми; ихъ господа (хозяева) убѣждены, что они выполняютъ свой духовный долгъ, приманивая ихъ къ своей сектѣ" (2). Далѣе, взглядъ на статистику скопчества по возрастамъ также заставляетъ предполагать, что число несчастныхъ дѣтей, сдѣлавшихся жертвами фанатизма скопцовъ, довольно значительно. Въ періодъ времени отъ 1805 по 1871 г., по вычисленію г. Венюкова, открыто дѣтей и юношей скопцовъ: отъ 5 до 10 лѣтъ — 19 муж. пола и 13 жен-

(1) Суд.-мед. изсл. скопч. 75—76 стр.

(2) Христ. Чт. 1879 г. Янв.—Февр. 40 стр.

ского; отъ 10 до 15 л. 83 м. и 32 ж. пола; отъ 15 до 20 лѣтъ 173 муж. и 111 ж. (1). Само собою понятно, что если скопцы подвергаютъ физическому и нравственному уродству чужихъ дѣтей, нанимаемыхъ ими въ услуженіе себѣ, то о ихъ собственныхъ дѣтяхъ, которыхъ они приживали до своего оскопленія, не можетъ быть и рѣчи, чтобы они оставались внѣ тлетворнаго вліянія родителей-изувѣровъ. Мельниковъ, на основаніи архивныхъ дѣлъ, категорически утверждаетъ, что „родители часто оскопляютъ своихъ малолѣтнихъ дѣтей въ такомъ особенно возрастѣ, когда они ни сопротивляться, ни жаловаться еще не могутъ“ (2).

Кромѣ указанныхъ г. Бажановымъ трехъ пріемовъ, употребляемыхъ скопцами при распространеніи своей секты, въ показаніяхъ скопцовъ можно находить указанія и на другіе пріемы, въ которыхъ фигурируетъ уже *насиліе* надъ человѣкомъ въ противоположность денежному интересу, составляющему сущность первыхъ трехъ пріемовъ. Такъ, очень многіе скопцы показывали, что оскопленіе производилось надъ ними во время нахожденія ихъ въ безчувственномъ состояніи, произведенномъ какимъ-то одуряющимъ питьемъ, усыпительной водицей или просто виномъ (3). Само собою понятно, что такія показанія скопцовъ не всегда могутъ заслуживать полной вѣры, такъ какъ во 1-хъ, между находимыми у нихъ снадобьями весьма рѣдко встрѣчались наркотическія травы или составы, и во 2) потому, что дѣйствіе извѣстныхъ наркотическихъ и анестезирующихъ средствъ совершенно не такое, какъ обыкновенно описываютъ скопцы. Далѣе, нѣкоторые скопцы показывали, что, при

(1) Изв. Импер. рус. геогр. общ. 1873 г. IX. 44 стр.

(2) Чт. въ общ. ист. 1872 г. 2 № 108 стр.

(3) См. напр. показаніе о себѣ Пороховаго и Матусова. Тамъ же, 3 № 254—255.

операціи насильственнаго оскопленія, ихъ связывали полотенцами или возжами (1). И объ этихъ показаніяхъ скопцовъ должно сказать тоже, что и о первыхъ, т. е. что они не заслуживаютъ полнаго вѣроятія и тѣмъ болѣе, что, какъ свидѣтельствуетъ Пеликанъ, „ни въ одномъ случаѣ оскопленія ни разу не замѣчено знаковъ на рукахъ или ногахъ, или вообще какихъ либо признаковъ сопротивленія со стороны жертвы оскопленія“ (2); безъ такихъ же признаковъ, очевидно, нельзя и заключать о томъ, что оскопленіе надъ извѣстнымъ субъектомъ совершено насильственно. Наконецъ, существуетъ нѣсколько оффиціальныхъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о насиліи, употребляемомъ скопцами—родителями или родственниками надъ своими подчиненными членами семействъ. Такъ, скопецъ Балиновъ (нижегород. уѣзда) „побоями принуждалъ своего сына вступить въ скопческую секту, на что жаловался мѣстному начальству и просилъ защиты“. Крестьянка Емельянова (калуж. губ.) на судебномъ слѣдствіи показывала, что „когда она отказала мужу своему поступить въ скопческую секту, о чемъ онъ ее просилъ, стоя предъ нею на колѣняхъ, то, послѣ многократныхъ побоевъ, согналъ ее со двора“ (3).

Такимъ образомъ, ясно, что скопцы на пути преступной пропаганды скопчества не останавливаются ни предъ какими средствами, только бы послѣднія достигали желаемой цѣли. Но понятно, что если цѣль вообще оправдываетъ средства, то скопцы ни мало не стѣсняются совершать во имя той же цѣли и другія преступленія противъ общества и государства, если только эти преступленія опять помогаютъ до-

---

(1) См. напр. показаніе Салтыкова. Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 3 № 220 стр.

(2) Суд.-мед. изсл. скопч. 91 стр.

(3) Чт. въ общ. ист... 1872 г. 2 № 107—108 стр.

стиженію намѣченной цѣли. Можно безъ преувеличенія сказать, что скопецъ въ своемъ отношеніи къ обществу не-скопцовъ есть воплощенная ложь и неправда. Послѣднее особенно относится къ показаніямъ скопцовъ о своемъ оскоплени. Изъ ста случаевъ, можетъ быть, только одинъ заключаетъ въ себѣ истину. И неудивительно. Самъ Селивановъ, по словамъ Андреянова, совѣтовалъ не открывать истинныхъ оскопителей, но указывать на какихъ либо вымышленныхъ лицъ, говоря, что „не грѣхъ міру солгать, но чтобы вѣрны были Богу до конца“ (1) и ложь скопцовъ въ этомъ отношеніи, дѣйствительно, иногда достигаетъ до крайнихъ абсурдовъ. Вотъ что, напр., показывалъ о себѣ ссыльно-каторжный Кудрявцевъ: „случилось чтеніе Библіи, говорилъ онъ, при которомъ, не помнитъ отъ чего, онъ самъ и всѣ его семейные лишились чувствъ и, прійдя въ себя на второй день, почувствовали боль отъ оскопленія, произведеннаго имъ вѣроятно незнакомымъ человѣкомъ, читавшимъ Библію и который въ то время исчезъ“ (2). Подобныхъ небылицъ приведено Пеликаномъ 20 случаевъ для мужчинъ и 2 для женщинъ. Около послѣдняго времени ложь скопцовъ въ этомъ направленіи приняла даже видъ нѣкоторой правильной организаціи. По наблюденіямъ судебной практики, въ настоящее время между скопческими „мастерами“ стали появляться такія лица, показаніямъ которыхъ о числѣ оскопленныхъ ими жертвъ нельзя довѣрять; таковы три „мастера“: Бирюковъ — изъ орловской губ., оскопившій, по его показанію, 43 человѣка; Носенко изъ харьковской, оскопившій 60 человѣкъ и Черныхъ изъ курской—106 человѣкъ. Нельзя не видѣть, что цифры, показанныя „мастерами“, весьма велики и невѣроятны. И дѣйствительно, какъ доказано, по крайней мѣрѣ относительно Бирюкова, не подлежитъ сомнѣ-

(1) Чт. въ общ. ист... 1872 г. 2 № 147стр.

(2) Пеликанъ, Суд.-мед. изсл. скоп. Приложенія 28 стр.

нію, что всѣ подобные этимъ „мастера“, суть не болѣе, какъ мнимые „мастера“, подговоренные скопцами принять на себя роль оскопителей. Вотъ что, между прочимъ, извѣстно о мнимомъ „мастерѣ“ Бирюковѣ: „чѣмъ ты будешь содержаться?“ уговаривалъ скопца Бирюкова коноводъ малоархангельскихъ скопцовъ, совершившій надъ нимъ оскопленіе и потомъ объявившій, что укрывать его очень опасно; „сестеръ ты не набралъ себѣ, стало быть, о тебѣ некому заботиться. Скоплять, ты говоришь, у тебя рука не наляжетъ; стало быть, тебѣ не откуда взять денегъ на содержаніе. А если пойдешь въ батюшкинъ домъ (въ острогъ), къ тебѣ очень многіе придутъ съ поклономъ и безъ зову; стоитъ только братіи провѣдать про тебя, а этому помогу я, объявивъ между братіей о твоей готовности подвизаться за вѣру (т. е. принимать на себя роль оскопителя)“ (1). Такимъ образомъ, Бирюковъ, у котораго рука не поднималась на оскопленіе, оказывается, по произведенному слѣдствію, оскопителемъ 43 человѣкъ! Причины появленія подобныхъ Бирюкову мастеровъ, а равно и слѣдствія, происходящія отъ нихъ для скопчества—понятны. „Скопцы, говоритъ Бажановъ, всегда отличались знаніемъ законовъ и умѣньемъ отыскивать въ нихъ лазейки для себя; но никогда еще смѣлость и, можно сказать, наглость ихъ не доходила до такой степени, какъ въ послѣднее время. Теперь оскопленные сами являются въ суды, объявляютъ о своемъ оскопленіи и указываютъ оскопителя, который, съ своей стороны, спѣшитъ сознаться въ взводимомъ на него преступленіи.... Благодаря такому, предварительно обдуманному и согласному обману скопцовъ, настоящіе „дѣльцы“ остаются на свободѣ, а добровольно и сознательно принявшіе оскопленіе освобождаются отъ всякаго наказанія, какъ оскопленные насильственно“ (2).

(1) Суд.-мед. изсл. скопч. 77 стр.

(2) Тамъ же, 77 и 78 стр.

Будучи лжецомъ и обманщикомъ, скопецъ вмѣстѣ съ этимъ есть отъявленный нравственный и гражданскій преступникъ. Для того, напр., чтобы отклонить отъ себя виновность въ оскопленіи другаго лица, онъ даже готовъ отказаться отъ знакомства съ этимъ лицомъ (1). Далѣе, попавшись въ руки правосудія по доносу кого-либо, онъ жестоко мститъ доносчику и нерѣдко доводитъ послѣдняго до нищеты. Примѣры скопческой мстительности надъ Матусовымъ, донесшимъ на московскихъ скопцовъ и надъ Поповымъ, донесшимъ на петербургскихъ скопцовъ могутъ прекрасно характеризовать скопцовъ въ этомъ отношеніи (2). — Наконецъ, гонимый и преслѣдуемый закономъ и обществомъ, скопецъ совершаетъ рядъ гражданскихъ и притомъ уголовныхъ преступленій. Онъ, принужденный вести скитальческую жизнь, въ большинствѣ случаевъ живетъ подъ чужимъ именемъ и фальшивымъ паспортомъ; объ этомъ преступленіи скопцовъ не разъ возникали дѣла (3). Пожираемый страстію къ деньгамъ, которые составляютъ главнѣйшее орудіе пропаганды, скопецъ покушается на вытравливаніе государственной монеты и ея передѣлку, приготовляетъ фальшивыя золотыя и серебряныя деньги и кредитные билеты, производитъ воспрещенную законами потаенную торговлю золотомъ и проч. (4). Словомъ, преступность скопческой секты и вредное значеніе ея для общества и государства не могутъ подлежать сомнѣнію. Политическій же оттѣнокъ, присущій ей, еще болѣе дѣлаетъ ее опасною для государства.

---

(1) Чт. въ общ. ист.. 1872 г. 4 № 56 стр.

(2) Тамъ же, 3 № 160—162 и 292—294 стр.

(3) См. напр. Чт. въ общ. ист... 1872 г. 4 № 56—60; 60—61 стр.

(4) Тамъ же, 82—84 стр. Показ. Будылина и Сборн. Кельс. Ш. 226 стр.

ТРЕТІЙ ОТДѢЛЪ.

КУЛЬТЪ ХЛЫСТОВЪ И СКОПЦОВЪ.

Смѣшеніе небеснаго и земнаго, божественнаго и человѣческаго, характеризующее догматическое и нравственное ученіе хлыстовъ и скопцовъ, повидимому, должно было бы привести послѣднихъ къ полному отрицанію всякой богослужебной обрядности, всего что входитъ, какъ составная часть, въ богослужебный культъ. Въ самомъ дѣлѣ, если, какъ думаютъ хлысты и скопцы, Богъ и человѣкъ — одно, если послѣдній при помощи однихъ собственныхъ силъ можетъ достигнуть не только ограниченной святости, но даже абсолютной, такъ что можетъ сдѣлаться носителемъ всей св. Троицы, то, очевидно, всякое вообще посредничество между Богомъ и людьми, особенно же посредничество въ формѣ іерархіи и различныхъ богослужебныхъ дѣйствій, имѣющихъ, какъ извѣстно, своею прямою цѣлію возносить умы вѣрующихъ отъ земнаго къ небесному, способствовать таинственному, духовному единенію человѣка съ Богомъ и Его святыми, должно быть излишнимъ. Однако, хотя строго логически слѣдовало бы быть именно такъ, на практикѣ, въ дѣйствительной жизни хлыстовъ и скопцовъ, мы встрѣчаемъ явленіе совершенно обратное. Ни хлысты, а тѣмъ болѣе скопцы (которые почти нисколько не обнаружили самостоятельности въ созданіи культа, а всецѣло заимствовали послѣдній отъ первыхъ), не отрицаютъ совершенно необхо-

димости богослужебнаго культа. Какъ у хлыстовъ, такъ равно и у скопцовъ существуетъ своего рода іерархія; у тѣхъ и другихъ, далѣе, существуетъ своеобразное богослуженіе, совершеніе котораго пріурочивается къ извѣстному мѣсту и опредѣленному времени, требуетъ даже отъ участвующихъ въ немъ извѣстныхъ внѣшнихъ отличій; тѣ и другіе, наконецъ, допускаютъ совершеніе нѣкоторыхъ таинствъ. Само собою понятно, всѣ названныя нами стороны богослужебнаго культа хлыстовъ и скопцовъ въ высшей степени своеобразны, нисколько не походятъ на истинный христіанскій богослужебный культъ; въ богослужебномъ культѣ хлыстовъ и скопцовъ такъ же, какъ и въ ихъ ученіи, можно находить много чисто языческаго, окрашеннаго только христіанскими именами; въ ихъ богослуженіи встрѣчаются такія же странныя противорѣчія, какъ и въ ученіи: съ одной стороны, въ немъ замѣтно пантеистическое міросозерцаніе хлыстовъ и скопцовъ, но съ другой — нельзя не видѣть здѣсь и грубаго дуализма.

Такъ какъ культъ скопцовъ, какъ замѣчено уже выше, почти ничѣмъ не отличается отъ культа хлыстовъ, то и изложеніе того и другаго мы не имѣемъ въ виду раздѣлять; тамъ, гдѣ встрѣтятся разности между культомъ хлыстовъ и культомъ скопцовъ, эти разности будутъ указаны. Изложеніе же хлыстовско-скопческаго культа мы начнемъ съ обозрѣнія тѣхъ частей его, которыя сами по себѣ предшествуютъ совершенію всякаго богослуженія и всякой вѣры. Именно, прежде всего мы разсмотримъ устройство хлыстовско-скопческихъ кораблей (составъ послѣднихъ, права и обязанности членовъ ихъ и проч.); далѣе опредѣлимъ мѣсто богослужебныхъ собраній хлыстовъ и скопцовъ (устройство моленной комнаты—внѣшнее и внутреннее, ея освященіе) и время, въ какое собираются хлысты и скопцы для своихъ богомоленій; наконецъ, обратимъ вниманіе на ту одежду, какую хлысты и скопцы употребляютъ во время своихъ бого-

моленій. Изложивши эти стороны хлыстовско-скопческаго культа, мы обратимся затѣмъ къ подробному разсмотрѣнію самаго богослуженія хлыстовъ и скопцовъ. И во-первыхъ, опредѣлимъ его общій характеръ и подробно разсмотримъ главныя части, его составляющія. Во-вторыхъ, укажемъ виды хлыстовско-скопческаго богослуженія и изложимъ каждое богослужебное дѣйствіе такъ, какъ оно приблизительно совершается у хлыстовъ и скопцовъ. Наконецъ, въ-третьихъ, опредѣливши взглядъ хлыстовъ и скопцовъ на таинства, совершаемыя въ православной церкви, укажемъ примѣры совершенія хлыстами и скопцами нѣкоторыхъ изъ этихъ таинствъ.

II.

1) Устройство хлыстовско-скопческихъ кораблей.

Общество хлыстовъ и скопцовъ, какъ мы замѣчали уже выше, раздѣляется на множество отдѣльныхъ общинъ, называемыхъ „кораблями“ (1). Каждый корабль въ управленіи и отправленіи богослуженія совершенно независимъ отъ другихъ. Отрицая въ принципѣ священство въ смыслѣ отдѣльнаго сословія людей, какъ противорѣчащее будто бы идеѣ о всеобщемъ священствѣ, хлысты и скопцы тѣмъ не менѣе на практикѣ не избѣжали того, что обыкновенно соединяется съ именемъ іерархіи. Въ каждомъ кораблѣ, какъ у хлыстовъ, такъ и у скопцовъ, существуютъ особыя лица, которыя являются какъ бы носителями благодати и совершителями богослуженія и которыя, такимъ образомъ, образуютъ изъ себя нѣчто въ родѣ іерархіи. Первое и самое главное мѣсто въ этой своеобразной іерархіи принадлежитъ „кормщику“ кораб-

(1) Чт. въ общ. ист... 1874 г. 1 № 68 стр. Тул. Епар. Вѣд. 1869 г. № 9. 340 и 1867 г. № 17. 92 стр.

ля (1), иначе называемому „учителемъ“ (2), „Богомъ, Іисусомъ Христомъ и Св. Духомъ“ (3), „апостоломъ“ (4), „Ильею пророкомъ“ (5) и многими другими именами. Каждый кормщикъ въ своемъ кораблѣ является лицемъ неограниченнымъ по своей власти; онъ сосредоточиваетъ въ своемъ лицѣ всѣ главнѣйшія обязанности, касающіяся вѣры и нравственности. По словамъ пѣсни, каждому кормщику, съ самаго момента избранія его на эту должность, самъ „батюшка“ даетъ „коня богатырскаго“, „въ сердце вселяетъ онъ Свята Духа“, „въ уста влагаетъ родословну книгу“ (6). Одаренный такими духовными преимуществами, кормщикъ прежде всего является неусыпнымъ блюстителемъ вѣры: онъ долженъ „по ночамъ всегда и днями крѣпко досматривати“, какъ говорится въ одной пѣснѣ. Онъ долженъ, по выраженію той же пѣсни, „садовыя деревья“, т. е. сектантовъ „пересматривати“, вновь посаженныя цвѣтки, т. е. только что обратившихся въ секту, „переправливати“, чтобы они стояли на своемъ мѣстѣ „крѣпко“ и могли бы приносить „плоды духовные своему государю-свѣту“. Цвѣтки и деревья „съ слабымъ кореньемъ, то есть липъ колеблющихся, нетвердыхъ въ вѣрѣ, „безъ царскаго приказанія за садовую ограду не выбрасывати“, но усиливши свой надзоръ за ними, онъ долженъ тщательно распрашивать „отъ чего вреды бываютъ“ и приглашать всѣхъ и каждаго къ оказанію необходимой помощи и поддержки, особенно со стороны „помощничковъ и красныхъ дѣвицъ“. Средства, какія

(1) Чт. въ общ. ист... 1874 г. 1. 68 стр. Тамъ же, 1872 г. 1. 76 стр.

(2) Тамъ же, 1872 г. 3. 301; 251 стр.

(3) Тамъ же, 307 стр. 1873 г. 1. 127 стр.

(4) Тамъ же, 1872 г. 3. 307 стр.

(5) Самар. Еп. Вѣд. 1870 г. № 23 стр. 528. Пѣсня № 5.

(6) Дух. ст. люд. бож. Барсова, № 67, 102 стр.

рекомендуются при этомъ государемъ-батюшкой каждому „садовничку“, состоятъ въ слѣдующемъ: каждый кормщикъ прежде всего долженъ раскрыть предъ колеблющимся „всѣ духовны словеса“, чтобы послѣдній, такимъ образомъ, „позналъ сердцемъ всѣ Христовы чудеса“; далѣе, онъ долженъ утверждать его въ вѣрѣ и примѣромъ жизни: „покаяніемъ, постомъ и цѣломудреннымъ умомъ“ (1). Само собою понятно, каждый кормщикъ, заботясь о чистотѣ вѣры между сектантами, долженъ не менѣе заботиться и о приращеніи своего корабля. Каждый кормщикъ считаетъ своимъ особеннымъ долгомъ совращать православныхъ въ ересь, преимущественно мужчинъ, и воспитываетъ одного изъ двухъ мальчиковъ, которые впослѣдствіи могли бы занять его мѣсто. У скопцовъ это правило даже принядо характеръ догмата. У нихъ, по словамъ Надеждина, „ревность и успѣхъ“ наставника корабля „въ окончательномъ, невозвратномъ пріобщеніи новыхъ жертвъ къ сектѣ, чрезъ совершеніе надъ ними оскопленія, почитается главнымъ средствомъ къ пріобрѣтенію даровъ духовныхъ и благодати божіей“ (2).

Являясь блюстителемъ вѣры и главнымъ распространителемъ ученія секты въ районѣ своего корабля, каждый кормщикъ есть вмѣстѣ и блюститель нравственности своихъ пасомыхъ. Самъ по возможности отличаясь предъ единомышленниками строгимъ поведеніемъ, крайнимъ воздержаніемъ въ пищѣ и питіи, онъ предписываетъ и имъ вести такую же жизнь. Дѣятельность его въ этомъ отношеніи обнаруживается цѣлымъ рядомъ мелочныхъ предписаній относительно постовъ, отношенія къ православнымъ и ихъ церкви, относительно одежды и проч. Но особенно рельефно обнаруживается этого рода дѣятельность „на округѣ“ во время радѣній, когда онъ, какъ бы

---

(1) Дух. ст. люд. бож. № 11. стр. 15—19

(2) Сборн. Кольс. III. 175 стр.

вдохновенный свыше, именемъ Бога порицаетъ различные пороки, замѣчаемые имъ въ жизни своихъ пасомыхъ. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ самъ кормщикъ нерѣдко подвергается большой опасности. Весьма обычное явленіе, что кормщикъ, обличивъ въ такъ называемой „частной судьбѣ“ братьевъ и сестрицъ во грѣхахъ, тутъ же самъ подвергается грозному обличенію со стороны обидѣвшихся. Въ одной пѣснѣ одинъ изъ такихъ случаевъ представляется такъ. Пророкъ, „завладѣвъ Богомъ“, отправился съ обличительными пророчествами къ братьямъ и сестрамъ. Сестрицы, вѣроятно, оскорбленныя его безцеремонными обличеніями соединились и, по обычаю, положили созвать съ неба „батюшку“. Послѣдній не замедлилъ явиться и грозный предсталъ предъ пророкомъ съ словами:

„Ужъ ты, братецъ, молодецъ
Ты неправдой, братъ, живешь,
Не порядки, братъ, ведешь;
Божью книгу ты читалъ,
Свою братью величалъ,
Сестеръ, братій обличалъ;
Почему же ихъ обличалъ?
Вѣдь надъ ними есть началъ—
Кто имъ ризушки тачалъ
И добру ихъ научалъ“ (1).

Наконецъ, кормщикъ есть управитель и въ нѣкоторыхъ случаяхъ совершитель богослуженія въ своемъ кораблѣ. Онъ опредѣляетъ время богослужебныхъ собраній и, занимая во время ихъ первенствующее мѣсто, даетъ распоряженіе относительно порядка, въ какомъ должны слѣдовать различные виды богослуженія. Въ качествѣ священнодѣйствователя кормщикъ корабля долженъ, по словамъ пѣсенъ, собирать сектантовъ „во святой кругъ“, читать имъ книгу „Евангелъ“, или что тоже книгу „родословъ“, иначе „божьи

(1) Добротворскій—Люди божіи. Пѣсня № 42. стр. 166.

бумажки"; онъ долженъ прорекать имъ „про житье-бытье про Христово"; трубить „въ золотую трубушку"; „зажигать воскоярые свѣчи" и „воспѣвать херувимскую пѣснь" (1).

Каждый кормщикъ соотвѣтственно своему высокому положенію и той власти, какую онъ соединяетъ въ себѣ по отношенію къ цѣлому кораблю, пользуется громадным уваженіемъ со стороны подчиненныхъ. „Невозможно описать, говоритъ г. Добротворскій, степень благоговѣнія еретиковъ мнимо божественной волѣ пророковъ. Ни одинъ корабельщикъ не задумается броситься въ огонь и въ воду, если прикажетъ это кормщикъ корабля; всякій послѣдователь ереси съ благоговѣніемъ сдѣлаетъ самый безнравственный поступокъ, по желанію пророка, въ полной увѣренности, что онъ исполняетъ волю Божію" (2). Это благоговѣніе и подчиненіе волѣ кормщика сохраняется въ теченіи всего времени его управленія. По словамъ пѣсни, только въ томъ случаѣ, когда самъ кормщикъ потеряетъ „вѣру къ радѣнью, кротость и смиренье", онъ лишается всѣхъ духовныхъ преимуществъ, дарованныхъ ему „государемъ-батюшкою" (3), а вмѣстѣ съ этимъ, очевидно, лишается и подчиненія со стороны сектантовъ, которое, по убѣжденію послѣднихъ, есть слѣдствіе перваго. Такое высокое положеніе кормщика, сопровождаемое при этомъ весьма значительными матеріальными интересами въ видѣ многоразличныхъ приношеній отъ подчиненныхъ (4), есте-

(1) Добротворскій — Люди божіи. Пѣсня № 37. 160—161 стр., 16. 132, 33. 156, 67. 186. Дух. ст. люд. бож. Барсова, № 47, 76.

(2) Люди божіи, 40—41 стр. — Многіе кормщики при этомъ пріобрѣтаютъ большую популярность и любовь въ средѣ своихъ пасомыхъ. Таковъ былъ напр. кормщикъ дубово-уметскихъ монтанъ Петръ Алексѣевъ. Онъ былъ любимцемъ женщинъ. Послѣднія, желая охарактеризовать всѣ его качества и обаятельность, выражались о немъ: «малина парень»! (Самар. Еп. Вѣд. 1870 г. № 18. 423 стр.).

(3) Духов. ст. люд. бож. Барсова, № 67. 102 стр.

(4) Тульск. Еп. Вѣд. 1867 г. № 21, 245 стр.

ственно порождаетъ очень многихъ соискателей этого званія. При отсутствіи же какой либо правильной организаціи выбора на эту должность открывается обширное поле для всякаго рода интригъ. Не рѣдко случается, что на освободившееся мѣсто кормщика въ извѣстномъ кораблѣ вдругъ является нѣсколько претендентовъ. Возникаютъ ссоры и препирательства; корабль раздѣляется на партіи, каждая изъ нихъ старается доставить праздное мѣсто кормщика своему кандидату. Слѣдствіемъ этого бываетъ раздѣленіе корабля на нѣсколько отдѣльныхъ кораблей съ независимыми кормщиками. Такъ было напр. съ хлыстовскимъ кораблемъ, къ которому принадлежалъ Преображенцевъ: изъ этого корабля вслѣдствіе недоразумѣній относительно новаго кормщика образовалось три самостоятельныхъ корабля (1). Тоже самое происходитъ и у скопцовъ. Крест. Иванъ Андреяновъ передаетъ интересный разсказъ объ одномъ изъ такихъ случаевъ. Онъ говоритъ: „учитель мой (Алексѣй Громовъ), съ двумя дѣвицами пророчицами, возилъ въ Петербургъ къ искупителю крестьянина галицкаго уѣзда, деревни Варюхина, скопца Максима Козмина, и оной Максимъ, чрезъ посредство Божіихъ, отъ искупителя получилъ учительскую честь, и отъ того изъ Петербурга въ обратный путь у нихъ сдѣлалась великая ссора, и такая, что учитель мой съ онымъ и по сіе время не могутъ видѣться, и не видятся; ибо Максимъ получилъ учительскую честь напротивъ воли учителя моего“ и т. д. (2). Можно думать, что безпорядкамъ подобнаго рода отчасти содѣйствуютъ и тѣ требованія, какія предъявляются соискателямъ званія кормщика. Обыкновенно требуется, чтобы кормщикъ былъ человѣкъ ловкій и смышленый, чтобы онъ, какъ говорится въ одной по-

(1) Тульск. Еп. Вѣд. 1867 г. № 21. 244 стр.

(2) Чт. въ общ. ист... 1872 г. 2. 90 стр.

хвальной рѣчи въ честь кормщика, „въ трубѣ, т. е. въ словѣ обличительномъ былъ громогласенъ“, въ своихъ пророчествахъ умѣлъ бы кстати „вѣрныхъ увѣрять, малодушныхъ укрѣплять и не забывать унывающихъ“ и чтобы онъ, наконецъ, обладалъ способностію въ свое время „сманивать райскую птицу“, т. е. озарять радѣющихъ мнимою благодатію Св. Духа во время радѣній (1). Такимъ образомъ, отъ будущаго кормщика требуются такія качества, которыя составляютъ принадлежность людей бывалыхъ, практичныхъ и предпріимчивыхъ. Правда, при избраніи кормщика обращаютъ вниманіе и на нравственное достоинство его; но въ этомъ случаѣ будущій кормщикъ отдѣлывается свойственною всѣмъ людямъ способностію показывать себя въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ въ какомъ въ самомъ дѣлѣ онъ находится. Относительно же умственнаго развитія претендентовъ на званіе кормщика должно замѣтить, что за весьма немногими исключеніями, къ какимъ безъ сомнѣнія относится и Радаевъ, большинство ихъ не идетъ далѣе простаго книжняго чтенія и писанія. Кормщикъ напр. саратовскаго корабля Василій Поповъ кромѣ книжнаго чтенія ничего не зналъ, но это, однако, ни мало не вредило ему; всѣ его подчиненные были убѣждены, что онъ „глаголетъ Духомъ Святымъ“ (2).

Избранный такъ или иначе въ должность кормщика обязанъ, по правиламъ сектантовъ, подвергнуться особому обряду посвященія. Способъ этого посвященія у хлыстовъ и скопцовъ различенъ. По обычаю, существовавшему во времена Селиванова, каждый новоизбранный скопцами кормщикъ прежде вступленія въ отправленіе своихъ обязанностей долженъ былъ явиться въ Петербургъ. Здѣсь самъ лжеискупитель вручалъ новоизбранному „крестъ и платокъ“, говоря:

---

(1) Дух. ст. люд. бож. Барсова, № 102, 152 стр.

(2) Чт. въ общ. ист... 1873 г. 1 № стр. 138—139.

„милость, покровъ"; онъ же давалъ ему не много „малыхъ образовъ и просфоръ". Вслѣдъ за этимъ слѣдовало благословеніе „обѣими руками" новоизбраннаго; послѣдній благоговѣйно принималъ обѣ руки на платокъ, „крестясь прикладывался и крестясь же кланялся лжеискупителю въ землю". Тутъ же „искупителевы слуги" дарили новопоставленному кормщику „волосы съ головы лжеискупителя" и „Посланіе" послѣдняго. Утвержденный такимъ образомъ въ своей должности новый кормщикъ возвращался въ свой корабль и здѣсь уже отъ себя „дѣлалъ даннымъ ему крестомъ присягу всему собранію, чтобы ему поклонялись и вѣровали". Такъ описываетъ этотъ способъ посвященія Андреяновъ (1). Какъ совершался обрядъ посвященія кормщиковъ по смерти Селиванова—намъ неизвѣстно. Впрочемъ, г. Мельниковъ, на основаніи архивныхъ дѣлъ о скопцахъ, говоритъ, что этотъ обрядъ совершался „чрезъ благословеніе благословленными прежде самимъ искупителемъ учителями" и, вѣроятно, въ той же самой формѣ (2). — У хлыстовъ обрядъ посвященія кормщика совершается иначе. Любопытный разсказъ о совершеніи этого обряда мы находимъ въ „исповѣди обратившагося раскольника изъ секты людей Божіихъ". По его словамъ, тотчасъ же по смерти „воспріемницы" люди божіи собрались на поминную бесѣду. Въ знакъ того, что у нихъ не стало главы корабля, они положили одну верву на лавку въ передній уголъ и на нее большой мѣдный крестъ. Во всѣхъ религіозныхъ случаяхъ, гдѣ слѣдовало подходить къ кресту, прикладывались и полагали земной поклонъ съ крестнымъ знаменіемъ. Въ то же время при всѣхъ религіозныхъ собраніяхъ они пѣли печальнымъ, заунывнымъ голосомъ особую, составленную примѣнительно къ случаю, пѣсню; въ

(1) Чт. въ общ. ист.... 1872 г. 3 № стр. 301.

(2) Тамъ же, 2 № стр. 89.

ней они усердно и убѣдительно просили „матушку“, чтобы она „помолилась своему сыну батюшкѣ“ о дарованіи имъ, сирымъ и несчастнымъ, „тихаго пристанища“, „церкви соборной“ и къ ней „учителя—учителя батюшки отца воспріемнаго“. Такъ продолжалось около трехъ лѣтъ. Въ праздникъ Одигитріи Божіей Матери, 28 іюля, у сектантовъ по обычаю происходила бесѣда. Въ пророческомъ дѣлѣ ходила дѣвка Дарья. Когда радѣніе происходило Дарья подошла къ нѣкоему Ѳеодору Силантьевичу; вывела его на средину комнаты и стала съ нимъ радѣть въ схватку. Лишь только окончилось это радѣніе, Дарья, какъ бы вдохновенная свыше, объявила всѣмъ присутствовавшимъ, что въ нынѣшній торжественный праздникъ „сама царица небесная“, низшедши къ нимъ „въ соборъ съ седьмаго неба“, „хочетъ“ въ лицѣ Ѳедора Силантьевича „опредѣлить имъ духовнаго пастыря“. Вслѣдъ за этимъ она взяла Ѳедора Силантьевича за руку, подвела и поставила его въ переднемъ углу на начальническое мѣсто; крестъ, замѣнявшій отсутствовавшаго кормщика, она убрала. Снявъ потомъ икону Одигитріи Божіей Матери, она приказала новоизбранному кормщику положить предъ этою иконою три земныхъ поклона и приложиться, тоже самое должны были сдѣлать и прочіе присутствовавшіе при этомъ, прикладываясь кромѣ того и къ рукѣ новоизбраннаго отца воспріемнаго въ знакъ вѣчной покорности. По окончаніи бесѣды посылались поздравленія новому отцу воспріемному, торжество было окончено общимъ пѣніемъ веселой пѣсни, въ которой выражалось ликованіе людей божіихъ, созерцавшихъ „новую свѣтлую горницу“, наполненную множествомъ „братцевъ и сестрицъ—бѣлыхъ голубушекъ“, а среди ея самого „батюшку—утѣшителя душамъ истиннымъ“, Новый кормщикъ съ братьями подъ пѣніе этой пѣсни радѣли въ расходку (1).

(1) Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 21. стр. 240—244.

Второе мѣсто въ іерархіи хлыстовъ и скопцовъ принадлежитъ „кормщицѣ“ корабля, называемой также „воспріемницей“ (1), пророчицей“ (2) „богородицей“ и т. д. Значеніе кормщицы въ каждомъ кораблѣ велико: она мать и предводительница цѣлаго корабля; во время богослуженія она занимаетъ первенствующее мѣсто (3); вмѣстѣ съ кормщикомъ она раздѣляетъ трудъ управленія общиною; въ случаѣ смерти перваго она остается единственной неограниченной управительницей всего корабля. Кромѣ этого, ей главнымъ образомъ предоставлено право принятія новыхъ членовъ въ секту; она же болѣе другихъ заботится о томъ, чтобы разженить женатыхъ и укрѣпить въ обычаяхъ холостой жизни холостыхъ (4). Въ соотвѣтствіе кормщику, кормщица воспитываетъ у себя нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ, которыя могли бы со временемъ пригодиться на служеніе общему дѣлу, могли бы притворяться вдохновенными и ловко и складно пророчествовать, а въ случаѣ смерти ея самой,—которая нибудь изъ нихъ могла бы занять ея мѣсто. Нравственное вліяніе кормщицы на подчиненныхъ необыкновенно сильно и даже неотразимо. Захеръ Мазохъ прекрасно очертилъ эту сторону въ своей повѣсти: „Пророчица“; онъ рельефно изобразилъ то вліяніе и могущество, ту способность привлекать къ себѣ другихъ и вполнѣ подчинять ихъ своему вліянію, какія вообще составляютъ необходимыя качества каждой кормщицы. — Кормщица должна быть красивой наружности и твердаго, яснаго ума. Въ кормщицы обыкновенно выбираютъ дѣвушекъ еще въ молодыхъ лѣтахъ. Способъ посвященія ихъ въ это званіе неизвѣстенъ. Однако, относительно избранія кормщицъ въ хлыстовскіе корабли нужно замѣтить,

---

(1) Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 21. 240 стр.

(2) Чт. въ общ. ист.. . 1872 г. 3. 313 стр

(3) Тамъ же, 1. 154 стр.

(4) Тамъ же, 155 стр.

что въ большинствѣ случаевъ это избраніе сопряжено съ потерею невинности для дѣвушки, удостоившейся высокой чести быть правительницей корабля. Извѣстно напр., что всѣ несчастныя дѣвушки, когда либо сдѣлавшіяся орудіями для удовлетворенія необузданнаго желанія хлыстовъ „пріобщиться самаго тѣла пречистой богородицы и ея христосика", были корифицами кораблей; нѣкоторыя изъ этихъ корифицъ пользовались особенно большею популярностію и уваженіемъ не только въ средѣ своего корабля, но и вообще между всѣми сектантами; такова была напр. „богиня" Авдотья въ курской губерніи (1). Наконецъ, по современнымъ газетнымъ извѣстіямъ видно, что у нѣкоторыхъ хлыстовъ лишеніе невинности дѣвушки—будущей „богородицы" корабля — даже почитается какъ бы священной санкціей. Такъ, по сообщенію „Саратовскаго Листка", у саратовскихъ монтанъ наблюдается обычай, по которому „деревня, имѣющая достаточное число сектантовъ, но не имѣющая богородицы, заявляетъ о желаніи своемъ имѣть богородицу и указываетъ ту дѣвицу, самую красивую во всей деревнѣ и цѣломудренную, которая предназначена для этой роли. Деревня, получивъ дозволеніе отъ Христа имѣть свою богородицу, приготовляетъ избранную дѣвицу для принятія духа св; этимъ руководитъ одинъ изъ апостоловъ. Въ назначенный день пріѣзжаетъ въ деревню духъ святой. Послѣ ѣды и питья—его оставляютъ на ночь съ будущею богородицею. На утро ее выводятъ въ другую горницу въ бѣломъ одѣяніи, гдѣ встрѣчаетъ ее цѣлый синклитъ, поетъ ей пѣсни и привѣтствуетъ какъ богородицу. Апостолы цѣлуютъ ей руки и лице, а простые сектанты ноги. Могущій быть ребенокъ отъ посѣщенія богородицы духомъ святымъ на шестомъ мѣсяцѣ вытравливается" (2).

(1) Заря. 1869 г. № 10. 1 стр.

(2) Перм. Еп. Вѣд. 1876 г. № 8. 103 стр.

По мнѣнію г. Добротворскаго, каждый кормщикъ корабля имѣетъ у себя „помощника“, роль котораго, какъ самое названіе показываетъ, вспомогательная (1). Можно допустить, что и кормщица, въ соотвѣтствіе кормщику, также имѣетъ у себя помощницу. Такимъ образомъ, кормщикъ и его помощникъ, кормщица и ея помощница составляютъ іерархію хлыстовъ и скопцовъ. Безъ сомнѣнія, однако, что эти лица далеко не исчерпываютъ всего состава іерахіи. Свящ. Сергѣевъ говоритъ, что „каждый корабль или стругъ имѣетъ.... ангеловъ, архангеловъ, апостоловъ, проповѣдниковъ, пророковъ и пророчицъ“ (2). Эти имена съ прибавленіемъ новыхъ мы встрѣчаемъ и въ пѣсняхъ хлыстовъ и скопцевъ; при описаніи различныхъ богослужебныхъ дѣйствій хлыстовъ и скопцовъ мы также встрѣтимся съ именами пророковъ и пророчицъ, которые принимаютъ въ этихъ дѣйствіяхъ особенно дѣятельное участіе, а не пассивное только, но которые, однако, вовсе не кормщики и не кормщицы кораблей, какъ можно было бы предполагать. Къ сожалѣнію, по недостатку данныхъ, мы не имѣемъ возможности представить полнаго перечня всѣхъ этихъ мнимо-священныхъ лицъ хлыстовской и скопческой іерархіи, равно какъ не имѣемъ никакой возможности точно опредѣлить и обязанности каждаго изъ нихъ въ отдѣльности. Замѣтимъ молько, что хлысты и скопцы, стремясь пріуручить внѣшнее устройство своихъ кораблей къ устройству церкви первобытной, апостольской, не оставили, кажется, ни одного священнаго библейскаго имени безъ того, чтобы святотатственно и кощунственно не усвоить его какому нибудь грубому, невѣжественному и къ тому же нерѣдко безнравственному мужику.

Подъ непосредственнымъ управленіемъ кормщика и кормщицы находятся всѣ прочіе члены корабля,

---

(1) Люди божіи, стр. 39

(2) Чт. въ общ. ист.... 1874 г. 1 № стр. 68.

извѣстные подъ общимъ именемъ „братьевъ-корабельщиковъ“ или „гостей корабельщиковъ“ (1). Кромѣ этого наименованія усвояемаго себѣ сектантами въ соотвѣтствіе названіямъ кормщика и кормщицы, они носятъ множество и другихъ названій. Болѣе распространеннымъ можно считать названіе „люди божіи“, которое усвояютъ себѣ преимущественно хлысты (2), подобно тому, какъ скопцы болѣе любятъ себя именовать „бѣлыми овцами“ (3), „голубями“ и „первенцами земли искупленными“ (4). Существуютъ и другія названія, которыя болѣе или менѣе общи какъ хлыстамъ такъ и скопцамъ. Таковы: „народъ божій“ (5), „послѣдніе сироты“ (6), „други милые, братья, сестры духовныя, Богомъ любовные, Св. Духомъ избранные, Сыномъ Божіимъ порожденные“ (7) и проч. и проч. Въ совершеніи богослуженія корабельщики принимаютъ дѣятельное участіе: они радѣютъ, поютъ роспѣвцы и нѣкоторые даже пророчествуютъ. Впрочемъ, это право участія въ совершеніи богослуженія принадлежитъ не всѣмъ въ одинаковой степени. По мнѣнію Добротворскаго, въ этомъ отношеніи можно замѣчать три особыхъ разряда; къ первому—низшему разряду—принадлежатъ тѣ, которые участвуютъ только въ простыхъ бесѣдахъ; ко второму — среднему — тѣ, которые допускаются на обыкновенныя радѣнія и, наконецъ, къ третьему — высшему — тѣ, которые допускаются на всѣ вообще

---

(1) Добротворскій. Люди божіи. Пѣсня № 3. 108 стр.

(2) Дух. ст. люд. бож. Барсова, №№ 29. 47; 42. 68; 7. 10. Люди божіи. Пѣсня № 22. 141....

(3) Люди бож. Пѣсня № 20. 138.

(4) Тамъ же. Пѣсня № 26. 146; 19. 138.

(5) Тамъ же. Пѣсня № 65. 184.

(6) Тамъ же, № 34. 35. Сборн. Кельс. Ш. Пѣсня № 21, 47.

(7) Люди божіи. Пѣсня №№ 9, 24, 38, 55 и 82. Дух. ст. люд. бож. Барсова, № 43, 69.

богослужебныя собранія (1). Кромѣ этого дѣленія на классы, опредѣляемаго, очевидно, степенью подготовленности сектантовъ въ вѣрѣ, у послѣднихъ существуютъ и другія дѣленія, опредѣляемыя уже степенью нравственнаго совершенства и приближенія къ Богу. Такъ, самарскія монтанки раздѣлялись на четыре разряда: „богоподобныхъ, ангелоподобныхъ, праведныхъ и надѣющихся“. Каждая изъ этихъ степеней предоставляла своимъ членамъ особаго покроя и цвѣта одежду, какъ внѣшній знакъ, опредѣлявшій принадлежностъ той или другой монтанки къ извѣстной степени; тогда какъ напр. одна монтанка носила бѣлую рубашку съ подоплёкою, подшитою по плечамъ крестообразно, другая, хотя носила ту же бѣлую рубаху, но съ подоплёкою, пришитою клиномъ внизъ, спереди и сзади противъ сердца (2). У скопцовъ также существуютъ особыя степени „пятикрылыхъ и шестикрылыхъ ангеловъ“, только у нихъ принадлежность къ той или другой степени обусловливается физическимъ самоуродованіемъ (3).

2) Мѣсто богослужебныхъ собраній.

„Служатъ хлысты въ подпольяхъ; для этого они, какъ кроты, изъ-подъ избицы большаго дома вырываютъ большіе покои. Иногда на цѣлую версту длиною тянутся эти покои подъ землею до выхода (гдѣ нибудь въ глухомъ лѣсу), прикрытаго такъ, что и изъ ихнихъ находить можетъ не всякій“ (4). Такъ думаетъ и говоритъ простой народъ о мѣстѣ богослужебныхъ собраній хлыстовъ, опредѣляя послѣднее по присущему ему замѣчательному чутью, которое

(1) Люди божіи, 42 стр.

(2) Эпоха. 1864 г. Іюль. 19 стр.

(3) Суд.-мед. изсл. скопч. 44 стр. 2 примѣч.

(4) Отеч. Зап. 1867 г. № 6, 501 стр.

внимательно прислушивается ко всему таинственному, страшному. Этотъ народный говоръ о совершеніи хлыстами, а съ ними и скопцами, своихъ религіозныхъ богомоленій въ какихъ-то подземныхъ покояхъ находитъ подтвержденіе себѣ и въ нѣкоторыхъ оффиціальныхъ свидѣтельствахъ, заслуживающихъ большаго вѣроятія. Свящ. Сергѣевъ о мѣстѣ богослужебныхъ собраній хлыстовъ говоритъ: „для большей безопасности, чтобы посторонніе не могли слышать стука, производимаго ногами и пѣнія и гоготанья, происходящаго во время скаканья и круженія, хлысты устраиваютъ свои горницы въ подземныхъ потаенныхъ погребахъ или на чердакахъ“ (1). Слѣдствіе о нижегородскихъ скопцахъ открыло, что послѣдніе „для совершенія богослуженія по своимъ обрядамъ, устроили подземныя комнаты“ (2). Такимъ образомъ, тотъ фактъ, что хлысты и скопцы совершаютъ свое богомоленіе въ подземельѣ не можетъ подлежать сомнѣнію.

Однако, не всѣ хлысты и скопцы и не во всѣхъ мѣстахъ отправляютъ свое богослуженіе въ такомъ таинственномъ уединеніи. Отвергнувъ православные храмы, считая ихъ „муравинымъ гнѣздомъ“ (3), которые „воры рубили, а волы возили“ (4), полагая, наконецъ, что всякій членъ секты есть „храмъ Бога живаго“ (5) и что „церковь не въ бревнахъ“ (6), хлысты и скопцы тѣмъ не менѣе всегда допускали и допускаютъ существованіе особыхъ домовъ, спеціально назначенныхъ для богослужебныхъ собраній. Эти молитвенные дома хлысты и скопцы чаще всего пред-

(1) Чт. въ общ. ист.: 1874 г. 3 № 69 стр.
(2) Тамъ же, 1872 г. 2 № 102 стр.
(3) Тамъ же, 89 стр.
(4) Моск. Вѣд. 1869 г. № 52. Скопч. акт. въ тавр. губ.
(5) Чт. въ общ. ист... 1872 г. 3 № 308 стр.
(6) Моск. Вѣд. 1869 г. № 52.

ставляютъ подъ образомъ „церкви соборной, богомольной“, которая устроена „изъ кипариса, аниса и барбориса“ (1), а также подъ образомъ „новой горенки, новой свѣтлицы, со столами со дубовыми“, находящейся „среди земнаго сада“ (2) — и усвояютъ имъ разныя аллегорическія названія. Такъ, они называютъ ихъ „сіонскими горницами“ или „сіонской горой“ (3) въ ознаменованіе той сіонской горницы, гдѣ апостолы получили Св. Духа; называютъ далѣе, „монастырями“ (4), такъ какъ въ нихъ имѣютъ доступъ одни дѣвственники или отказавшіеся отъ супружества, „соборомъ“ (5), „Іерусалимомъ“, „домомъ Давидовымъ“ (6) и пр.; кромѣ этого, петербургскій домъ, въ которомъ жилъ лжеискупитель, носилъ спеціальное названіе „святаго храма“, какъ гласила и надпись при входѣ въ него (7).

Устройство молитвенныхъ домовъ у хлыстовъ и скопцовъ имѣетъ нѣкоторыя особенности какъ съ наружной, такъ и съ внутренней стороны (8). Обыкновенно, домъ, спеціально предназначенный для богослужебныхъ собраній, устраивается или посреди двора и въ такомъ случаѣ около него нерѣдко можно

(1) Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 21, 241 стр. Люди божіи, № 35, 158 стр.

(2) Самар. Еп. Вѣд. 1870 г. № 2, 526 стр.

(3) Чт. въ общ. ист. 1874 г. 3 № 68 стр. Люди бож. № 31, 152 стр.

(4) Тамъ же, 1874 г. 3 № 68 стр.

(5) Тамъ же, 1872 г. 3 № 295 стр.

(6) Тамъ же, 300 стр.

(7) Тамъ же. Пѣсня № 17, 130 стр.

(8) Мы говоримъ здѣсь о домахъ, спеціально назначенныхъ для богослужебныхъ собраній, такъ какъ хлысты и скопцы нерѣдко собираются для своихъ богомоленій и въ обыкновенныя жилыя помѣщенія, которыя, очевидно, не могутъ имѣть внѣшнихъ отличій, хотя могутъ имѣть внутреннія, по крайней мѣрѣ, во время совершенія богослуженія. — О собраніяхъ скопцовъ въ обыкновенныхъ домахъ см. Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 2. 93—94 стр.

встрѣтить нѣчто въ родѣ „тайника“, куда можно было бы спастись въ случаѣ опасности (1), или же гдѣ либо въ огородѣ напр. около гумна (2); или, наконецъ, въ глубинѣ сада (3). Окна такого дома почти постоянно закрыты ставнями, такъ что постороннія лица, сколько бы разъ они не проходили мимо него, никогда не могутъ проникнуть своимъ глазомъ во внутренность (4). При совершеніи богомоленій домъ этотъ бываетъ обставленъ строгимъ карауломъ (5), который нѣкоторые хлысты наивно объясняютъ изреченіемъ Спасителя, заповѣдавшаго творить добрыя дѣла такъ, чтобы „лѣвая не вѣдала, что творитъ правая рука“ (6). Внутренность молитвеннаго дома хлыстовъ и скопцовъ поражаетъ перваго посѣтителя его крайнею своею пустотою: весьма обширная комната, вмѣщающая въ себѣ отъ 50 до 100 человѣкъ и болѣе, при томъ такъ, что послѣдніе свободно могутъ предаваться своимъ религіознымъ пляскамъ, заключаетъ въ себѣ нѣсколько лавочекъ, одиноко стоящихъ вдоль стѣнъ. Другой мебели „въ сіонской горницѣ“ не полагается, кромѣ единственнаго стола посреди комнаты или въ переднемъ углу ея, на которомъ всегда находятся крестъ и евангеліе (7). Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ особенно богатыхъ и многолюдныхъ корабляхъ кромѣ этой мебели находятся еще кресла, стоящія въ углахъ, на которыхъ возсѣдаютъ кормщикъ, кормщица и другія вліятельныя лица. Такъ было напр. въ кораблѣ Милютина въ

---

(1) Чт. въ общ. ист... 1872 г. 2 № 93 стр.

(2) Тамъ же, 94 стр.

(3) Тамъ же, 1873 г. 1 № 127 стр.

(4) Тамъ же, 1872 г. 2 № 101—102 стр.

(5) Тамъ же и Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 18, 118 стр.

(6) Самар. Еп. Вѣд. 1870 г. № 18, 424 стр.

(7) Чт. въ общ. ист... 1872 г. 2 № 92 и 94 стр. 1873 г. 1. 53 стр. и Рус. Вѣстн. 1878 г. № 8, 600 стр. 2 прим.

Алатырѣ (1). **Молитвенная комната у скопцовъ всегда или, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ случаевъ** раздѣляется перегородкою на двѣ половины: мужскую и женскую (2); у хлыстовъ, напротивъ, такой перегородки не существуетъ, такъ какъ у нихъ и мущины и женщины радѣютъ вмѣстѣ (3). Полъ комнаты обыкновенно содержится въ чистотѣ, нерѣдко даже онъ устилается холстомъ (4). Въ потолкѣ комнаты иногда устраиваютъ окно, которое въ нѣкоторыхъ случаяхъ служитъ для вентиляціи, въ другихъ же—удобною лазейкою на чердакъ, если бы грозила опасность собранію со стороны мѣстныхъ властей (5). Къ потолку же хлысты и скопцы привѣшиваютъ люстру, родъ „паникадила", служащую для освѣщенія комнаты; кромѣ люстры для той же цѣли употребляютъ лампы и подсвѣчники; вообще, нужно замѣтить, хлысты и скопцы любятъ большое и яркое освѣщеніе.

Изъ стѣнныхъ украшеній въ молельняхъ скопцовъ весьма часто можно находить портретъ лже-искупителя (6). Послѣдній, какъ описываетъ Надеждинъ, представляется обыкновенно „старикомъ въ темноголубомъ или зеленомъ халатѣ съ черною соболиною опушкою, съ бѣлымъ галстухомъ на шеѣ, повязаннымъ большимъ бантомъ; старикъ сидитъ въ креслахъ, положивъ правую руку на красный объ одной ножкѣ столъ, на которомъ иногда изображается корзинка съ вѣткою винограда и двумя персиками" (7). Изображается онъ и въ другихъ положеніяхъ, но

---

(1) Чт. въ общ. ист... 1873 г. 1 № 63 стр.

(2) Тамъ же, 1872 г. 2 № 92 стр. и 1873 г. 1 № 53 стр.

(3) Тул. Еп. Вѣд. 1869 г. № 20, 243 стр.

(4) Чт. въ общ. ист... 1872 г. 2 № 92 и 94 стр.

(5) Тамъ же.

(6) Такъ онъ былъ найденъ напр. у кронштадтскихъ скопцовъ. Чт. 1872 г. 2, 170 стр., въ домѣ Милютина—Тамъ же, 1873 г. 1, 62 стр., въ домѣ Плотицыныхъ—Нижг. Еп. Вѣд. 1869 г. № 4, 154 ст. и пр.

(7) Сборн. Кельс. III, 163 стр.

всегда въ образѣ старца (1). Портретъ лжеискупителя въ молельняхъ скопцовъ всегда занимаетъ почетное мѣсто рядомъ съ иконами. Этому портрету, по словамъ Андреянова, скопцы „молятся, а по окончаніи моленія крестятся и къ оному прикладываются“ (2); нѣкоторые же при этомъ лобызаніи даже ощущаютъ нѣкое „благоуханіе“, исходящее будто бы отъ портрета и чувствуютъ присутствіе на портретѣ нѣкоторой „тѣлесности“ (3). Неразлучно съ портретомъ лжеискупителя можно часто встрѣчать портреты его „духовной матушки“ Акулины Ивановны, которую скопцы чтутъ въ образѣ императрицы Елизаветы Петровны, а потому они поклоняются и цѣлуютъ полтинники съ изображеніемъ этой императрицы (4),—и Александра Шилова—„духовнаго сыночка“ его, которому скопцы также воздаютъ божеское почитаніе (5). Въ нѣкоторыхъ частныхъ, провинціальныхъ корабляхъ можно находить еще портреты наставниковъ и наставницъ этихъ кораблей. Такъ, въ кораблѣ Милютина въ Алатырѣ вмѣстѣ съ портретами Селиванова и Шилова висѣлъ портретъ и начальника этого корабля Семена Милютина (6). У Плотицыныхъ найденъ былъ портретъ Анны Софоновой, дочери первооскопленнаго Селивановымъ Софона Попова, крестьянина села Сосновки, моршанскаго уѣзда. Анна Софонова изображена въ богатомъ русскомъ кокошникѣ и въ такомъ же сарафанѣ; кромѣ того, на плечахъ у нея—нѣчто въ родѣ архіерейскаго омофора (7).

---

(1) Сборн. Кельс. Ш. 217 примѣч.

(2) Чт. въ общ. ист... 1872 г. 3 № 309 стр.

(3) Тамъ же, 2 № 171 стр.

(4) Тамъ же, 3. 310 стр.

(5) Тамъ же, 1873 г. 1. 62—63 стр. Нижг. Еп. Вѣд. 1869 г. № 4, 154 стр.

(6) Чт. въ общ. ист... 1872 г. 1. 63 стр.

(7) Нижег. Еп. Вѣд. 1869 г. № 4, 154 стр.

Далѣе, какъ у скопцовъ, такъ и у хлыстовъ стѣны моленныхъ комнатъ нерѣдко украшаются разными картинами. Эти картины частію общаго религіозно-нравственнаго содержанія, частію же сюжетъ ихъ заимствованъ изъ догматическихъ или нравственныхъ воззрѣній, принадлежащихъ исключительно хлыстамъ и скопцамъ. Къ картинамъ перваго рода можно отнести слѣдующія: 1) „Законнаго живота изображеніе", извѣстную также и подъ названіями „распятіе плоти" или „распинающійся монахъ". На этой печатной картинѣ изображается распятый на крестѣ отшельникъ съ замкомъ на устахъ (положихъ устомъ моимъ хранило), съ свѣтильниками въ рукахъ (свѣтильники горяще въ рукахъ вашихъ), на груди обнаженное сердце (законъ твой поученіе мое есть). Справа плоть въ образѣ дьявола стрѣляетъ въ него изъ лука, и самъ сатана смотритъ на него съ жезломъ въ рукахъ, налѣво міръ въ образѣ вооруженнаго всадника съ турецкой чалмой на головѣ, съ жезломъ въ одной рукѣ, и съ соколомъ въ другой; жезлъ опутанъ свиткомъ съ надписью „сниди со креста"; такіе же свитки—близъ лука и сатанинской хоругви; вверху Спаситель съ двумя ангелами, внизу адъ, наполненный грѣшниками и гробъ—съ львиной головой (1). 2) „Истинное изображеніе покаянія" или „ликовствованіе". Изображенъ І. Христосъ въ видѣ добраго пастыря, держащаго въ рукахъ овцу; Его окружаетъ сонмъ ангеловъ, изъ которыхъ одни пляшутъ, другіе плещутъ руками, третьи играютъ на гусляхъ, на свирѣляхъ, на скрипкахъ и проч., внизу царь Давидъ пляшетъ съ арфой въ рукахъ, а пророки и апостолы плещутъ руками; вверху надъ Христомъ надпись: „обрѣтохъ погибшую овцу", внизу же—„тако радость будетъ на небеси о единѣмъ грѣшникѣ кающемся,

---

(1) Прав. Обозр. 1873 г. № 2, 325 стр. Чтен. въ общ. ист... 1873 г. 1. 138 стр. Рус. Вѣстн. 1878 г. № 8, 600 стр. 2 прим.

нежели о девятидесятихъ и девяти праведникъ, иже не требуютъ покаянія“ (1). 3) „Изліяніе благодати“. Изображенъ отрокъ въ бѣлой рубашкѣ съ поднятыми къ небу руками и очами; на него изливается благодать Св. Духа въ видѣ голубя (2). 4) „Всевидящее око съ парящими окрестъ ангелами въ трехъ кругахъ, а внизу Адамъ и Ева рукоплещущіе“ (3). Къ картинамъ втораго рода, безъ опасенія погрѣшить противъ истины, можно отнести: 1) „изображеніе бездны и ключа ада“ въ такомъ видѣ, что бездну выносятъ на свѣтъ діаволы, а ключь ада—самъ сатана (4). Въ этой картинѣ не трудно замѣтить выраженіе извѣстныхъ нравственныхъ воззрѣній скопцовъ на половыя отношенія людей; скопцы, какъ извѣстно уже намъ, и самые половые органы называютъ не иначе, какъ „бездной и ключемъ ада“. 2) Къ этой же категоріи безспорно должно отнести и всѣ тѣ картины, въ которыхъ образно хлысты и скопцы представляютъ превосходство дѣвственной жизни предъ брачною. Таково напр. слѣдующее изображеніе: „архангелъ ведетъ на небо женщину и мужчину—дѣвственниковъ по лѣстницѣ, ихъ встрѣчаетъ благословляющій Спаситель; сзади ангелъ ограждаетъ путь ихъ крестомъ отъ бѣсовъ“. Но тутъ же находится и другое изображеніе, совершенно противоположное первому: „нагая женщина стремглавъ бѣжитъ въ адское жерло и тащитъ за собой своего мужа; ихъ встрѣчаетъ ликующій бѣсъ“. Смыслъ этой послѣдней картины понятенъ: злая судьба постигла ихъ обоихъ „ради нечистоты и ради непотребныхъ украшеній“,

---

(1) Чт. въ общ. ист... 1873 г. 1. 137—138 стр. Рус. Вѣстн. 1878 г. № 8, 600 стр. 2 прим.

(2) Сборн. Кельс. Ш. 162 стр. и Рус. Вѣстн. 1878 г. № 8, стр. 600, 2 пр.

(3) Сборн. Кельс. Ш. 162 стр. и Пенз. Еп. Вѣд. 1877 г. № 1, 13 стр.

(4) Сборн. Кельс. Ш. 162 стр.

которымъ они предавались во время земной жизни (1). 3) Наконецъ, сюда же можно присоединить и слѣдующую картину, въ которой довольно замѣтно проводится извѣстное хлыстовско-скопческое ученіе объ отношеніи къ православной церкви. „Изображенъ бѣгущій священникъ во всемъ церковномъ облаченіи; его ведутъ два дьявола, обнаженные люди берутъ камни; другіе же бросаютъ ихъ; священникъ бѣжитъ, осыпанный каменьемъ; еще одинъ шагъ и передъ нимъ—адскій кладязь“ (2).

Повидимому, существованіе въ молельняхъ особыхъ священныхъ портретовъ, которымъ скопцы даже молятся и лобызаютъ ихъ, существованіе особыхъ священныхъ картинъ, предъ которыми, по извѣстію нѣкоторыхъ, они возжигаютъ свѣчи и курятъ ѳиміамъ (3), должно исключить присутствіе въ этихъ молельняхъ православныхъ иконъ. Къ этому, какъ представляется съ перваго взгляда, стремится какъ будто и самое ученіе хлыстовъ и скопцовъ. Въ ихъ пѣсняхъ говорится, что иконопочитаніе есть „служеніе Іудѣ и вѣрованіе кумиру“, что они сами (хлысты и скопцы)— „писанные образа“, что Акулина Ивановна „стоитъ иконой мѣстною“ и пр. (4). Тоже самое выражается и въ показаніяхъ нѣкоторыхъ лицъ, близко знавшихъ хлыстовъ и скопцовъ. Такъ, священникъ Сергѣевъ говоритъ о хлыстахъ, что они „не почитаютъ ни животворящаго креста, ни св. иконъ, но вмѣсто этого молятся сами на себя, (говоря): лучше-де поклоняться живымъ иконамъ, нежели доскамъ неодушевленнымъ, кои ничего не говорятъ и не творятъ“ (5). Крестья-

---

(1) Прав. Обозр. 1873 г. № 2, 326—327 стр.

(2) Тамъ же, 326 стр.

(3) Пенз. Еп. Вѣд. 1877 г. № 1, 14 стр.

(4) Добротворскій—Люди божіи, №№ 17. 135; 25. 145 и Чтен. 1873 г. 1. Пѣсня № 48, 116 стр.

(5) Чт. въ общ. ист... 1874 г. 3. 65 стр.

нинъ Андреяновъ о скопцахъ выражается, что они „мало почитаютъ святые образа, говоря, что у нихъ есть живые“ (1). При всемъ этомъ, однако, не подлежитъ сомнѣнію, что какъ у хлыстовъ, такъ и у скопцовъ моленныя комнаты, между прочимъ, украшаются и иконами, почитаемыми православными. Иконы эти по изображаемымъ на нихъ лицамъ весьма разнообразны; между ними можно встрѣчать изображенія— Пресвятой Богородицы — казанской, всѣхъ скорбящихъ (2), одигитріи (3) и пр.; изображеніе свят. Николая (4), изображеніе св. живоначальной Троицы (5) и т. д. Мѣстонахожденіе этихъ иконъ въ молельняхъ хлыстовъ и скопцовъ тоже, какое и въ домахъ православныхъ христіанъ: иконы ставятся въ переднемъ углу на особую полку, устроенную для этой цѣли и извѣстную въ простонародьи подъ названіемъ „божницы“ и предъ ними такъ же, какъ и предъ портретами, возжигаютъ свѣчи и курятъ ѳиміамъ (6). Объяснять это довольно странное и противорѣчащее явленіе однимъ лицемѣріемъ хлыстовъ и скопцовъ, какъ полагаетъ г. Мельниковъ, едвали возможно (7). Лицемѣріе хлыстовъ и скопцовъ могло бы имѣть смыслъ въ данномъ случаѣ, если бы не существовало одного факта, доказывающаго искреннее, дѣйствительное, а не лицемѣрное только, почитаніе хлыстами и скопцами православныхъ иконъ. Именно, скопцы и въ особенности хлысты при совершеніи чинопринятія въ свое общество пользуются между другими своими свя-

---

(1) Чт. въ общ. ист... 1872 г. 3. 302 стр.

(2) Реутскій, Люди божіи и скопцы, 54 стр.

(3) Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 21, 241 стр.

(4) Реутскій—54 стр. Чтен. 1872 г. 2. 111 стр.

(5) Реутскій—54 стр.

(6) Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 22, 274 стр. Чтен. 1873 г. 1. 47 стр.

(7) Чт. въ общ. ист. 1872 г. 2. 85—87 стр.

щенными предметами и православными иконами: имя святаго, изображаемаго на иконѣ, новичекъ избираетъ и представляетъ обществу въ качествѣ своего поручителя, именемъ этого святаго онъ произноситъ клятву въ своей вѣрности, изображенію этого святаго онъ поклоняется и лобызаетъ его, чему слѣдуютъ и всѣ прочіе сектанты, присутствующіе при этомъ обрядѣ (1). Гораздо легче и удобнѣе, повидимому, объяснять это странное явленіе символизмомъ, по которому хлысты и скопцы, какъ и замѣчаетъ г. Н. Барсовъ, усвояютъ православнымъ иконамъ иное значеніе, чѣмъ какое соединяетъ съ ними православный взглядъ; смотря напр. на иконостасъ въ его полномъ составѣ, они видятъ въ немъ „символическое изображеніе великаго радѣнья, въ полномъ составѣ корабля“ (2) и пр. Сверхъ сего, хлысты и скопцы въ принципѣ не отвергаютъ иконопочитанія, но они отвергаютъ его въ смыслѣ православнаго иконопочитанія—„идолопоклонническаго“, по ихъ мнѣнію. Иначе сказать: одна и таже икона не заслуживаетъ поклоненія, если она находится въ храмѣ или домѣ православныхъ, но таже самая икона заслуживаетъ поклоненія, если она находится въ молельнѣ хлыстовъ или скопцовъ. Такимъ образомъ, поклоненіе и непоклоненіе иконѣ зависитъ отъ того положенія, въ какомъ находится послѣдняя; здѣсь, очевидно, высказывается тотъ же духъ отчужденія и ненависти, какой вообще характеризуетъ секты хлыстовъ и скопцовъ. Воздавая поклоненіе православнымъ иконамъ, хлысты и скопцы отнюдь не всегда усвояютъ имъ символическое значеніе; напротивъ, съ лицами, изображаемыми на иконахъ, они нерѣдко соединяютъ тѣже представленія, какія привыкъ соединять съ ними вообще необразованный народъ. Это лучше всего дока-

(1) Рус. Вѣстн. 1869 г. 3. 360 стр. Доброт. Люди божіи, 60 стр. Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 6, 203—205 стр. Сборн. Кельс. Ш. 138.

(2) Христ. Чт. 1869 г. № 9, 445—446 стр.

зываютъ пѣсни хлыстовъ и скопцовъ. Въ послѣднихъ такъ напр. описываются обязанности и значеніе святыхъ, чтимыхъ православною церковію: Борисъ и и Глѣбъ—„присылаютъ насущный хлѣбъ“; Илья пророкъ—„по седьмому небу катаетъ, собираетъ грозны тучи и посылаетъ сильные дожди“; Макарій Желтоводскій — „подаетъ хлѣбушко сиротскій“; Георгій—„воинъ, онъ не велитъ ходить въ лѣса, марать тѣлеса, а пребывать въ садочкѣ“; цѣлитель Пантелеимонъ—„составляетъ лекарства“; Кирикъ и Улита—„приносятъ небесна жита“ и пр. и пр. (1).

Извѣстія скопцовъ оставляютъ насъ въ невѣденіи относительно образа освященія домовъ, предназначаемыхъ для богослужебныхъ собраній; нельзя даже опредѣленно сказать—существуетъ ли у нихъ такой обрядъ или же нѣтъ. Судя, однако, по тому, что моленный домъ у скопцовъ почитается мѣстомъ священнымъ, можно допустить существованіе у нихъ этого обряда. Къ этому еще болѣе побуждаетъ и то обстоятельство, что у хлыстовъ такой обрядъ есть и совершеніе его сопровождается особеннымъ торжествомъ, приличнымъ самому событію. Свѣденія о совершеніи этого обряда находятся въ „испов. Преображенцева. Послѣдній такъ описываетъ освященіе моленнаго дома, происходившее 6-го декабря — въ день храмоваго праздника. Въ десять часовъ ночи, говоритъ онъ, всѣ члены корабля собрались во вновь устроенный домъ. Среди комнаты поставили столъ, покрытый бѣлою скатертью; на столѣ крестообразно разостланы двѣ спустившіяся своими концами на полъ вервы, на которыя положили большой мѣдный крестъ; около послѣдняго поставили чашу съ святой водою; къ чашѣ прилѣпили три восковыхъ свѣчи. Началась, по обычаю, „святая бесѣда“. Въ то время,

(1) Духов. ст. люд. бож. Барсова, № 98, 148—149 ст. Чт. въ общ. ист. 1873 г. 1. Пѣсни № 44, 111—112 стр. См. также Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 20, 212 стр.

когда сектанты пѣли такъ называемую „молитву Іисусову“ въ третій разъ, начальница корабля перевязалась своею вервою, взяла со стола мѣдный крестъ и чашу съ святою водою. При слѣдующемъ четвертомъ пѣніи той же Іисусовой молитвы „ангельскимъ напѣвомъ“, начальница окропила св. водою стѣны новаго „собора“, равно какъ и всѣхъ присутствовавшихъ въ немъ. Вслѣдъ за этимъ, по ея указанію, „четыре неженатыхъ молодца“ взялись за концы лежавшихъ на столѣ вервъ и, приподнявъ послѣднія вверхъ, держали ихъ въ такомъ крестообразномъ положеніи надъ головою начальницы, занявшей мѣсто стола, который этимъ временемъ былъ унесенъ изъ комнаты. Вокругъ „молодцевъ“ образовался корабль изъ пророковъ, которыхъ въ свою очередь окружилъ новый корабль, состоявшій изъ простыхъ „людей божіихъ“, еще не удостоившихся пророческаго дара. Устроившись такимъ образомъ, приступили къ радѣніямъ подъ пѣніе пѣсни, составляющей передѣлку 26-го псалма, выражающаго, какъ извѣстно, ликованіе праведника, защищеннаго Господомъ, и его готовность посѣщать домъ Божій и воспѣвать въ немъ Господа. По окончаніи радѣній, продолжавшихся около полутора часа, круги разомкнулись, начальница взяла обѣ вервы и, перевязавъ ими двухъ пророковъ, отправила послѣднихъ прорекать „частную судьбу“. Частнымъ пророчествомъ и окончилось освященіе молитвеннаго дома. На другой день устроенъ былъ у начальницы корабля общій обѣдъ въ знакъ торжества; пѣніе духовныхъ роспѣвцевъ предваряло каждое новое блюдо (1).

3) Время богослужебныхъ собраній.

Священникъ Сергѣевъ, говоря о времени богослужебныхъ собраній хлыстовъ, замѣчаетъ, что у нихъ

(1) Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 20, 208—212 стр.

существуютъ „праздники двухъ родовъ: большіе и малые. Первые имѣютъ опредѣленное время и бываютъ продолжительные. Эти праздники происходятъ во время храмовыхъ праздниковъ тѣхъ церквей, къ которымъ прихожи тѣ домы, а по городамъ, когда бываютъ крестные и публичные ходы со св. иконами. Малые праздники бываютъ случайно и время имъ назначается большею частію для какихъ либо пріѣзжающихъ гостей“ (1). На основаніи этого, правда, не совсѣмъ точнаго и яснаго свидѣтельства свящ. Сергѣева и именно первой его половины мы позволяемъ себѣ сдѣлать слѣдующія два справедливыя предположенія: во 1-хъ у хлыстовъ должно существовать и, вѣроятно существуетъ, росписаніе дней, въ которые положено ими совершать богослуженіе, и во 2-хъ это росписаніе праздничныхъ дней имѣетъ въ своемъ основаніи, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ, росписаніе такихъ же дней въ Православной Церкви. О первомъ изъ этихъ двухъ предположеній нужно замѣтить, что хотя оно и не имѣетъ въ свою пользу ни одного свидѣтельства въ доселѣ извѣстныхъ матеріалахъ о хлыстахъ, но оно находитъ себѣ подтвержденіе въ литературѣ о скопцахъ. Надеждинъ о хлыстахъ—скопцахъ Фирсовскаго корабля передаетъ, что у нихъ „были росписаны всѣ церковные праздники, съ назначеніемъ, когда, въ какую деревню и къ какому учителю съѣзжаться на моленье членамъ корабля, разсѣяннымъ по смежнымъ уѣздамъ московской и тульской губерній“ (2).—О второмъ предположеніи должно замѣтить, что оно находитъ себѣ подтвержденіе какъ въ извѣстіяхъ о хлыстахъ, такъ равно въ извѣстіяхъ о скопцахъ. Изъ тѣхъ и другихъ очевидно, что всѣ великіе праздники, общіе всей православной церкви, какъ то:

(1) Чт. въ общ. ист... 1874 г. 3 № 69 стр.

(2) Сборн. Кельс. Ш. 142 ст. 185 прим.

Рождество Христово, Богоявленіе, Пасха, Троица и т. д. (1), храмовые и вообще мѣстные праздники (2) и, наконецъ, воскресные дни (3) служили и служатъ у хлыстовъ и скопцовъ временемъ ихъ богослужебныхъ собраній, но при томъ такъ, что тѣ и другіе отправляютъ свое богомоленіе не въ самый день православнаго праздника, а въ ночь подъ него.

Кромѣ дней, опредѣленныхъ праздниками православной церкви и указанныхъ отчасти въ свидѣтельствѣ свящ. Сергѣева, у хлыстовъ и скопцовъ, безъ сомнѣнія, существуютъ еще особые дни, которые они также посвящаютъ своимъ богослужебнымъ собраніямъ и которые, поэтому, также могутъ быть названы праздниками. Сюда должно быть отнесено такъ называемое „годовое радѣніе“, которое происходитъ въ одинъ изъ должайшихъ іюньскихъ дней. Сюда же, далѣе, нужно отнести и тѣ дни, къ которымъ хлысты и скопцы пріурочиваютъ различныя событія своей прошедшей исторіи. Таковы у хлыстовъ дни, въ которые случилось что либо важное въ жизни Данилы Филиппова и Суслова, которые, однако, остаются до сего времени неизвѣстными намъ (4) и 26-е іюня, въ которое они празднуютъ память „св. мироносицы Анны, иже въ Нижнемъ Новѣградѣ“, какъ значится въ ихъ рукописныхъ святцахъ; подъ этою „мироносицею Анною“, по словамъ Мельникова, разумѣется Акулина Ивановна, жена Прокопія Лупкина, Христа людей божіихъ (5).—У скопцовъ чествуется 15-е число сентября, которое они проводятъ въ строгомъ постѣ; скопцы полагаютъ, что въ этотъ памятный день былъ высѣченъ кнутомъ ихъ искупитель

---

(1) Чт. въ общ. ист... 1872 г. 2. 99, 100, 101 стр.

(2) Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 20, 208 стр. и № 21, 241 стр.

(3) Чт. въ общ. ист... 1872 г. 2. 98, 99, 100 стр.

(4) Реутскій—82 стр.

(5) Тайныя секты. Рус. Вѣстн. 1868 г. 5. 65 стр. 2 прим.

и царь Селивановъ (1). Наконецъ, къ этой же группѣ празднествъ слѣдуетъ причислить и разнообразные случаи общественной и частной жизни хлыстовъ и скопцовъ, требующіе, по ихъ правиламъ, особеннаго молитвеннаго освященія, какъ-то: избраніе начальника, освященіе моленнаго дома, принятіе новаго члена въ общество, пріѣздъ собратьевъ по вѣрѣ, похороны, поминовенія и пр. и пр.

Въ границахъ суточнаго времени богомоленія хлыстовъ и скопцовъ совершаются всегда ночью (2). На этотъ хлыстовско-скопческій обычай собираться для богомоленій ночью, кромѣ многочисленныхъ оффиціальныхъ указаній (3), есть указаніе и въ „роспѣвцахъ". Въ одномъ изъ нихъ такъ говорится объ этомъ:

„На вечернѣй на зарѣ
А міръ народъ убрались,
А праведны собрались,
Въ соборъ-церкву сошлись;
У нихъ свѣчушки сожглись" (4).

Сами хлысты и скопцы объясняютъ этотъ обычай тѣмъ, что будтобы ночное моленіе учреждено Самимъ Спасителемъ и заповѣдано всѣмъ послѣдователямъ Его; при томъ же, мудрствуютъ нѣкоторые изъ нихъ, „дневные молитвы людей принимаютъ ангелы, святые или Богородица и приносятъ ихъ къ Богу; ночныя же принимаетъ Самъ Богъ, а потому ночная молитва не въ примѣръ доходнѣе до Бога, чѣмъ дневная" (5).

---

(1) Чт. въ общ. ист... 1872 г. 1. 95 стр.

(2) Исключеніе изъ этого общаго правила составляетъ петербургскій корабль Селиванова, гдѣ, по свидѣтельству Андреянова, собирались на богомоленіе и днемъ съ 7-го часа утра до 1 по полудни (Чт. 1872. 3. 313), а, по словамъ Васильева, съ 9 часовъ до 1 часу (Чт. 2 № 100 стр.).

(3) Чт. въ общ. ист... 1872 г. 2. 99, 100, 101 стр.

(4) Дух. ст. дод. бож. Барсова, № 4, 4—5 стр.

(5) Чт. въ общ. ист... 1873 г. 1. 63 стр. 68 прим.

На самомъ же дѣлѣ обычай этотъ есть слѣдствіе необходимости и разсчета. Въ ночь напр. православнаго праздника, когда чаще всего происходятъ хлыстовско-скопческія моленія, хлысты и скопцы, вслѣдствіе прекращенія обычныхъ работъ въ слѣдующій день, имѣютъ болѣе свободнаго времени какъ для совершенія своихъ неистовыхъ круженій, такъ равно и для необходимаго физическаго отдохновенія отъ послѣднихъ. Вообще же нужно замѣтить, что, совершая свое богомоленіе въ ночное время, хлысты и скопцы тѣмъ самымъ менѣе рискуютъ быть замѣченными со стороны православныхъ, чѣмъ какъ это послѣднее могло бы случиться во время дня. О началѣ и окончаніи хлыстовско-скопческихъ богомоленій, вслѣдствіе отсутствія единогласія въ показаніяхъ скопцовъ и хлыстовъ по этому предмету, трудно что либо опредѣленное сказать. По показанію напр. Андреянова, петербургскіе скопцы сходились въ соборъ „съ 4-го часу по полудни и пребывали въ немъ до 1 часу за полночь“ (1); по другимъ же показаніямъ, тѣже скопцы „начинали моленіе съ 6-ти часовъ вечера и продолжали оное до 6-ти часовъ утра“ (2). По свидѣтельству Преображенцева, хлысты начали свое богомоленіе по случаю освященія дома въ 10 часовъ вечера и окончили его въ 4 часа утра (3); но тѣже хлысты по случаю избранія новаго кормщика начали свое богомоленіе въ 11 часовъ вечера (4). Очевидно, такимъ образомъ, что начало и окончаніе богомоленія, зависятъ отъ различныхъ случайныхъ обстоятельствъ. Свящ. Сергѣевъ замѣчаетъ, впрочемъ, что продолжительность богомоленій зависитъ много отъ того—„каково хозяину удастся затереть пиво“, т. е., какъ объясняетъ

(1) Чт. въ общ. ист... 1872 г. 3. 313 стр.
(2) Тамъ же—2 № 100 стр.
(3) Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 20. 208 и 211 стр.
(4) Тамъ же—№ 21. 241 стр.

самъ Сергѣевъ, „какъ будетъ удаченъ и веселъ праздникъ, и какъ будутъ гости легки и свободны сердцами“. Если эти и подобныя обстоятельства сложатся благопріятно, то богомоленіе иногда продолжается, по его же словамъ, полную недѣлю (1).

4) Одежда и другія богослужебныя принадлежности.

Въ каждомъ болѣе или менѣе благоустроенномъ религіозномъ обществѣ наблюдается, чтобы священныя облаченія, употребляемыя при богослуженіи, не только не нарушали самыхъ обыкновенныхъ правилъ приличія, но и, по возможности, содѣйствовали бы достиженію той высокой цѣли таинственнаго единенія съ міромъ сверхчувственнымъ, какую вообще имѣетъ въ виду всякое богослуженіе и всякаго общества. Напрасно, однако, мы стали бы отыскивать такія качества и такую цѣль въ богослужебной одеждѣ, употребляемой хлыстами и скопцами. Ложно воображая себя апокалипсическимъ народомъ, стоявшимъ, по свидѣтельству тайновидца Іоанна, „предъ престоломъ и предъ Агнцемъ въ бѣлыхъ ризахъ и съ финиками въ рукахъ“ (Апок. VII, 9), хлысты и скопцы считаютъ вполнѣ законнымъ и ни мало не оскорбительнымъ для чувства стыдливости имѣть на себѣ во время богослужебныхъ собраній одѣяніе, едва-едва прикрывающее голое тѣло.

Обыкновенно, являясь въ соборъ для совершенія богомоленія, хлысты и скопцы снимаютъ съ себя всю обыкновенную одежду. Вмѣсто послѣдней мужчины надѣваютъ на себя бѣлую коленкоровую или холщевую рубашку съ широкими рукавами, простирающуюся по своей длинѣ до крайнихъ оконечностей ногъ (2). Рубашка эта носитъ спеціальное названіе „радѣль-

(1) Чт. въ общ. ист... 1874 г. 3. 69 стр.

(2) Тамъ же, 1872 г. 3. 295 стр. 1873 г. 1. 132 стр.

ной“ (1), но кромѣ этого она называется еще „мантіею“ (2), „парусомъ“ (3), „бѣлыми ризами“ (4) и проч. Бѣлый цвѣтъ ея, какъ и вообще все бѣлое у хлыстовъ и скопцовъ, означаетъ душевную чистоту ихъ (5). Но помимо этого значенія хлысты усвояютъ ей еще значеніе историческое. Они говорятъ, что „когда содрали съ Ивана Тимоѳеевича живаго кожу, то нѣкоторыя дѣвицы обвили его полотномъ, полотно приросло къ тѣлу его и сдѣлалась опять кожа“ (6). Въ память этого-то событія они, хлысты, и употребляютъ при богослуженіи бѣлыя длинныя рубашки.—Рубашку нѣкоторые, особенно учитель, опоясываютъ такъ называемымъ „золотымъ поясомъ“, который, по замѣчанію Надеждина, у хлыстовъ бываетъ бѣлаго цвѣта, у скопцовъ же пестраго съ примѣсью краснаго и зеленаго (7). По словамъ Будылина, скопцы, кромѣ бѣлой рубашки, надѣваютъ еще и бѣлые подштанники также, вѣроятно, особаго покроя, приспособительно къ цѣли богослужебныхъ дѣйствій (8). Женщины съ своей стороны наряжаются въ такую же бѣлую коленкоровую или холщевую рубашку и такой же длины, какъ и у мужчинъ, которая (рубашка) у хлыстовокъ застегивается на лѣвую сторону, у скопчихъ же—на правую; поверхъ рубашки женщины надѣваютъ еще бѣлый сарафанъ или бѣлую юбку; голову свою украшаютъ особымъ колпакомъ, обвязаннымъ бѣлымъ платкомъ, а на шею кладутъ

(1) Чт. въ общ. ист... 1872 г. 4. 84 стр.

(2) Тамъ же, 2. 176 стр.

(3) Тамъ же, 1864 г. 4. 54 стр.

(4) Добротворскій—№ 17. 134 стр. Барсовъ. Дух. ст. люд. бож. № 94. 144 стр.

(5) Добротворскій—№ 59. 178 стр.

(6) Тамъ же. 44 стр. 2 прим.

(7) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 3. 295 стр. Сборн. Кельс. III. 140 стр.

(8) Тамъ же, 4. 84 стр.

бѣлыя косынки (1). Всѣ, какъ мужчины, такъ и женщины во все время богомоленій остаются босые, вѣроятно, потому, чтобы не происходило стука отъ ногъ (2); впрочемъ, нѣкоторые сектанты надѣваютъ иногда на ноги нитяные чулки и даже башмаки (3). Нарядившись такимъ образомъ, каждый сектантъ въ правую руку беретъ восковую зажженную свѣчу — „апокалипсическій финикъ“, въ лѣвую же — бѣлый платокъ, иначе называемый „покровомъ“ или „знаменіемъ“ (4). Бѣлый платокъ или покровъ символически обозначаетъ, по толкованію хлыстовъ и скопцовъ, „защиту отъ іудейскихъ рукъ“ и, вообще, „отъ злыхъ злодѣевъ“ (5); на самомъ же дѣлѣ онъ имѣетъ ближайшимъ своимъ назначеніемъ то, чтобы имъ обмахиваться и отирать потъ, градомъ льющійся съ лица во время радѣній. Далѣе каждый кормщикъ и каждая кормщица корабля, а также и тѣ изъ сектантовъ, которые удостоились получить пророческій даръ, перевязываются крестообразно „вервой“ (6). Верва — это подобіе діаконскаго ораря; символическое ея значеніе неизвѣстно; однако, основываясь на многоразличномъ ея употребленіи сектантами и притомъ въ особенно важныхъ случаяхъ (7), можно предполагать о высокомъ значеніи ея въ глазахъ сектантовъ. Наконецъ, каждый сектантъ имѣетъ у себя еще бѣлое

---

(1) Чтен. въ общ. ист... 1873 г. 1. 132 стр. 1872 г. 4. 84—85 стр. Сборн. Кельс. Ш. 140 стр. Хр. Чт. 1869 г. № 9. 453 стр.

(2) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 2. 160—161 стр. 1873 г. 1. 132 стр.

(3) Добротворскій — Люди божіи. 45 стр., о чулкахъ см. у архимандр. Досиѳея. Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 1. 151 стр.

(4) Чтен. въ общ. ист... 1873 г. 1. 132 стр. 1872 г. 4. 85 стр. Самар. Еп. Вѣд. 1870 г. № 21. 489 стр.

(5) Духов. ст. люд. бож. Барсова, №№ 20. 33; 45. 73. Добротворскій — Пѣсни №№ 16. 133; 15. 131; 66. 185...

(6) Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 17. 94 стр.

(7) Тамъ же, № 20. 208 стр. и № 21. 240 стр.

полотенце; мѣстонахожденіе его неизвѣстно; впрочемъ, изъ одного свидѣтельства видно, что это полотенце полагаютъ на плечи (1). Употребленіе полотенца при богослуженіи различно: оно употребляется какъ орудіе для устроенія „престола“ по окончаніи радѣній, но особенно важное назначеніе его то, что изъ него приготовляются жгуты, употребляемые хлыстами и, быть можетъ, скопцами, во время радѣній (2). Впрочемъ, для послѣдней цѣли вмѣсто полотенца употребляютъ иногда верву, извѣстную также подъ названіемъ „золотой вервы“ (3).

Таковъ богослужебный нарядъ хлыстовъ и скопцовъ въ общемъ его видѣ. Не смотря на крайнюю неудовлетворительность его, граничащую съ грубымъ цинизмомъ, хлысты и скопцы воображаютъ, однако, что этотъ нарядъ есть „нарядъ или уборъ божій“, который кроитъ и шьетъ сама „богородица“ (4); его приносятъ съ неба сами „херувимы и серафимы“ (5); въ немъ они уподобляются небожителямъ (6) и проч. Поэтому, неудивительно, что хлысты и скопцы придаютъ особенно важное значеніе своей богослужебной одеждѣ. По ихъ мнѣнію, только въ ней одной можно совершать богомоленіе и только при соблюденіи этого условія молитва можетъ быть пріятна и угодна Богу. Насколько, въ самомъ дѣлѣ, обязательно для всѣхъ вообще сектантовъ употребленіе этой одежды, показываетъ то, что, при совершеніи обряда принятія въ секту, кормщикъ или кормщица, обращаясь къ новопринимаемому, спрашиваетъ: „обѣщаешься ли на

(1) Чтен. въ общ. ист.... 1872 г 2. 121 стр.

(2) Самар. Еп. Вѣд. 1875 г. № 15. 332—333 стр. Добротворскій—61 стр.

(3) Добротворскій—№ 44. 168 стр.

(4) Тамъ же, №№ 15. 131; 17. 134; 43. 166; 54. 174....

(5) Барсовъ—Дух. ст. люд. бож. № 94. 144 стр.

(6) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 2. 176 стр.

клятвѣ предъ богами носить рубашечки бѣленькія, сарафанчики синенькіе, поясочки красненькіе, платочки бѣленькіе?"... И въ отвѣтъ на этотъ вопросъ долженъ слѣдовать такой отвѣтъ: „Ей, Боже, обѣщаюсь отъ самой утробы своей" (1).

II.

1) Богослуженіе хлыстовъ и скопцовъ: его характеръ и главныя составныя части.

Богослуженіе хлыстовъ и скопцовъ по основной идеѣ, преслѣдуемой имъ, есть нелѣпое и смѣшное подражаніе богослуженію первенствующихъ христіанъ вообще и, въ частности, богослуженію апостольскому. Сами хлысты и скопцы опредѣляютъ эту основную идею своего богослуженія, когда поютъ во время богослужебныхъ собраній:

„Вспомнимъ апостольско время,
Когда Духъ Св. скаталъ,
И отъ сильнаго дыханья
Разносился шумный гласъ" (2)....

Извращенно понимая извѣстное повѣствованіе книги Дѣяній о сошествіи Св. Духа на апостоловъ въ сіонской горницѣ и также не менѣе извращенно толкуя 14-ю гл. 1-го посланія ап. Павла къ Коринѳянамъ, хлысты и скопцы полагаютъ, что главными составными частями апостольскаго богослуженія были: кружеиіе или радѣніе, пророчество и пѣніе пѣсенъ. Выходя изъ такихъ ложныхъ воззрѣній на апостольское богослуженіе, хлысты и скопцы воображаютъ, поэтому, что они поступаютъ по апостольски, когда во время богослужебныхъ собраній предаются неисто-

(1) Самар. Еп. Вѣд. 1870 г. № 21. 491—492 стр. Чтен... 1872 г. 1. 75 стр.

(2) Барсовъ—Духов. ст. люд. бож. № 2. 2 стр.

вому круженію, высказываютъ разнаго рода нелѣпости и поютъ пѣсни. Они думаютъ, что богослуженіе, сходное будто-бы съ богослуженіемъ апостольскимъ съ внѣшней стороны, должно быть тожественно съ послѣднимъ и по своему внутреннему характеру. Эта послѣдняя мысль весьма настойчиво проводится во многихъ духовныхъ роспѣвцахъ хлыстовъ и скопцовъ. Въ одномъ изъ нихъ высказывается, что совершеніе хлыстовско-скопческаго богослуженія сопровождается такимъ же обильнымъ изліяніемъ благодати Божіей, какъ было и во времена апостоловъ.

„Какъ въ прежніе вѣки
Шумъ слышенъ былъ съ неба,
Сокатилъ къ избраннымъ
Въ огненныхъ языкахъ".
Такъ „всѣмъ слышенъ глаголъ твой (Божій)
Отъ тѣхъ поръ до нынѣ" (1).

Въ другихъ роспѣвцахъ говорится, что въ домѣ, гдѣ собираются хлысты и скопцы, присутствуетъ „самъ Спаситель со ангелами, со архангелами, съ херувимами, съ серафимами и со всею силою небесною" (2), Онъ „всѣмъ кладетъ въ сердца вѣру крѣпости" (3), „раздаетъ свѣчи" (4) и проч.; здѣсь же присутствуетъ „самъ Богъ надъ богами, самъ царь надъ царями", который „похаживаетъ" съ сектантами при исполненіи послѣдними своей пляски (5); являетъ свое присутствіе и „самъ Духъ надъ духами", который также принимаетъ дѣятельное участіе въ круженіи (6); Онъ, какъ говорится въ пѣснѣ, „скативъ на кругъ", „на округѣ разрадѣлся, въ золотую ризу одѣлся" (7); мож-

(1) Барсовъ. Дух. ст. люд. бож. № 89 136 стр.
(2) Добротворскій—№ 45. 168 стр.
(3) Барсовъ—№ 84. 127 стр.
(4) Добротворскій—№ 31 153 стр.
(5) Барсовъ—№ 89 134 стр Добротворскій—№ 31. 153 стр.
(6) Барсовъ—№ 89. 135 стр.
(7) Тамъ же—№ 50. 79 стр.

клятвѣ предъ богами носить рубашечки бѣленькія, сарафанчики синенькіе, поясочки красненькіе, платочки бѣленькіе?"... И въ отвѣтъ на этотъ вопросъ долженъ слѣдовать такой отвѣтъ: „Ей, Боже, обѣщаюсь отъ самой утробы своей" (1).

II.

1) Богослуженіе хлыстовъ и скопцовъ: его характеръ и главныя составныя части.

Богослуженіе хлыстовъ и скопцовъ по основной идеѣ, преслѣдуемой имъ, есть нелѣпое и смѣшное подражаніе богослуженію первенствующихъ христіанъ вообще и, въ частности, богослуженію апостольскому. Сами хлысты и скопцы опредѣляютъ эту основную идею своего богослуженія, когда поютъ во время богослужебныхъ собраній:

„Вспомнимъ апостольско время,
Когда Духъ Св. скаталъ,
И отъ сильнаго дыханья
Разносился шумный гласъ" (2)....

Извращенно понимая извѣстное повѣствованіе книги Дѣяній о сошествіи Св. Духа на апостоловъ въ сіонской горницѣ и также не менѣе извращенно толкуя 14-ю гл. 1-го посланія ап. Павла къ Коринѳянамъ, хлысты и скопцы полагаютъ, что главными составными частями апостольскаго богослуженія были: кружеиіе или радѣніе, пророчество и пѣніе пѣсенъ. Выходя изъ такихъ ложныхъ воззрѣній на апостольское богослуженіе, хлысты и скопцы воображаютъ, поэтому, что они поступаютъ по апостольски, когда во время богослужебныхъ собраній предаются неисто-

(1) Самар. Еп. Вѣд. 1870 г. № 21. 491—492 стр. Чтен... 1872 г. 1. 75 стр.

(2) Барсовъ—Духов. ст. люд. бож. № 2. 2 стр.

вому кружению, высказываютъ разнаго рода нелѣпости и поютъ пѣсни. Они думаютъ, что богослуженіе, сходное будто-бы съ богослуженіемъ апостольскимъ съ внѣшней стороны, должно быть тожественно съ послѣднимъ и по своему внутреннему характеру. Эта послѣдняя мысль весьма настойчиво проводится во многихъ духовныхъ роспѣвцахъ хлыстовъ и скопцовъ. Въ одномъ изъ нихъ высказывается, что совершеніе хлыстовско-скопческаго богослуженія сопровождается такимъ же обильнымъ изліяніемъ благодати Божіей, какъ было и во времена апостоловъ.

„Какъ въ прежніе вѣки
Шумъ слышенъ былъ съ неба,
Сокатилъ къ избраннымъ
Въ огненныхъ языкахъ".
Такъ „всѣмъ слышенъ глаголъ твой (Божій)
Отъ тѣхъ поръ до нынѣ" (1).

Въ другихъ роспѣвцахъ говорится, что въ домѣ, гдѣ собираются хлысты и скопцы, присутствуетъ „самъ Спаситель со ангелами, со архангелами, съ херувимами, съ серафимами и со всею силою небесною" (2), Онъ „всѣмъ кладетъ въ сердца вѣру крѣпости" (3), „раздаетъ свѣчи" (4) и проч.; здѣсь же присутствуетъ „самъ Богъ надъ богами, самъ царь надъ царями", который „похаживаетъ" съ сектантами при исполненіи послѣдними своей пляски (5); являетъ свое присутствіе и „самъ Духъ надъ духами", который также принимаетъ дѣятельное участіе въ круженіи (6); Онъ, какъ говорится въ пѣснѣ, „скативъ на кругъ", „на округѣ разрадѣлся, въ золотую ризу одѣлся" (7); мож-

(1) Барсовъ. Дух. ст. люб. бож. № 89 136 стр.
(2) Добротворскій — № 45. 168 стр.
(3) Барсовъ — № 84. 127 стр.
(4) Добротворскій — № 31 153 стр.
(5) Барсовъ — № 89 134 стр Добротворскій — № 31. 153 стр.
(6) Барсовъ — № 89. 135 стр.
(7) Тамъ же — № 50. 79 стр.

но, наконецъ, встрѣтить здѣсь „матушку богородицу, катающую“, т. е. кружащуюся съ ними (1), Крестителя Іоанна, устанавливающаго ихъ „во единый кругъ—на радѣніе“ (2) и др. угодниковъ божіихъ.

Смотря съ такой высоты величія на свое богослуженіе, хлысты и скопцы, естественно, окружаютъ послѣднее ореоломъ необыкновенной таинственности и святости. Они усвояютъ ему разныя аллегорическія названія, которыя болѣе или менѣе, по ихъ взгляду, выражаютъ самую сущность его. Такъ они называютъ свое богослуженіе „тайною вечерію“ (3), „святой бесѣдою“ (4), „духовною бесѣдою“, „христовщиною“ (5) и т. д. Они строго, далѣе, опредѣляютъ право входа лицъ на богослуженіе, а равно и поведеніе послѣднихъ во время его. По словамъ пѣсни, на хлыстовско-скопческое богослуженіе можетъ явиться не всякій, но только тотъ, кто „на бѣло умылся—дурной пылью не пылился“ (6), т. е. кто чистъ душею и тѣломъ; тѣ же, которые по какимъ либо обстоятельствамъ запылились пылью, должны прежде принести повинную своему батюшкѣ и только послѣ этого, съ разрѣшенія послѣдняго, они могутъ явиться „въ блаженный рай“, т. е. на ихъ богослужебныя собранія (7). По предписанію Селиванова, „на бесѣду должно сходиться со страхомъ и съ благоговѣніемъ и не пивши, да не кушать хлѣбушка лишняго“ (8).—Возвышая въ своихъ глазахъ собственное богослуженіе, хлысты и скопцы параллельно съ этимъ стараются, наконецъ, по

---

(1) Добротворскій—№ 34. 137 стр.
(2) Тамъ же—№ 34. 153 стр.
(3) Чт. въ общ. ист... 1873 г. 1. 152 стр.
(4) Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 17. 97 стр.
(5) Суд.-мед. изслѣд. скопч. 117 стр
(6) Добротворскій—№ 10. 124 стр.
(7) Тамъ же—№ 69. 189 стр.
(8) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 2. 98 стр.

возможности унизить достоинство и значеніе православнаго богослуженія. Послѣднее, по ихъ мнѣнію, такъ же не истинно, какъ не истинно и ученіе православной церкви; оно исполнено обрядовъ, но „обрядъ, какъ платье, ничего не значитъ“ (1); наполненное обрядностію, оно чуждо тѣхъ благотворныхъ дѣйствій, какія будто бы присущи хлыстовско-скопческому богослуженію, а потому оно и недушеспасительно. Впрочемъ, нѣкоторые хлысты и скопцы дѣлаютъ въ этомъ случаѣ уступку; они говорятъ, что хотя православная „церковная служба взята съ ихъ Божьяго дѣла, но попы не такъ ее отправляютъ“, какъ слѣдуетъ (2).

Богослуженіе хлыстовъ и скопцовъ по своему составу не сложно. За исключеніемъ нѣкоторыхъ обрядовъ (3), не многочисленныхъ по количеству и ничтожныхъ по важности, весь составъ его опредѣляется слѣдующими тремя дѣйствіями: круженіемъ, пророчествомъ и пѣніемъ духовныхъ роспѣвцовъ. Такъ какъ круженіе, пророчество и пѣніе духовныхъ роспѣвцовъ, по взгляду самихъ хлыстовъ и скопцовъ, суть главнѣйшія и существеннѣйшія части въ составѣ ихъ богослуженія, какъ восходящія по своему происхожденію будто бы ко временамъ апостольскимъ, и такъ какъ эти дѣйствія въ богослуженіи хлыстовъ и скопцовъ, дѣйствительно, играютъ важную роль и входятъ въ каждый видъ богослуженія, какъ необходимыя его части, то предварительно изслѣдованія различныхъ формъ хлыстовско-скопческаго богослуженія мы считаемъ необходимымъ разсмотрѣть каждое изъ названныхъ дѣйствій въ отдѣльности.

---

(1) Отеч. Зап. 1867 г. № 10. 609—610 стр

(2) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 3. 305 стр.

(3) О нихъ мы скажемъ при описаніи различныхъ формъ хлыстовско-скопческаго богослуженія.

а) Круженіе и бѣганье.

Круженіе и бѣганье на хлыстовско-скопческомъ языкѣ носитъ спеціальное названіе „радѣнія“ (1). Такъ называютъ хлысты и скопцы свое круженіе и бѣганье потому, что, они по словамъ свящ. Сергѣева, при исполненіи этихъ дѣйствій „яко бы кружатся, радѣютъ Богу и себѣ, Богу работаютъ и свои грѣхи омываютъ“ (2). Кромѣ этого наименованія круженіе и бѣганье у хлыстовъ и скопцовъ называются и другими именами, выражающими туже самую мысль; таковы названія ихъ „дѣломъ Божіимъ (3) и Божіею работою“ (4). Желая выразить внутреннія дѣйствія, происходящія отъ круженія и бѣганья, хлысты и скопцы называютъ послѣднія „пивомъ духовнымъ, чувствительнымъ“ и, восхваляя его, они нерѣдко приговариваютъ: „то-то пивушко то; человѣкъ-де плотскими устами не пьетъ, а пьянъ живетъ (5). Въ этомъ же смыслѣ хлысты и скопцы иногда называютъ свое круженіе и бѣганье „духовною банею“ (6) и „банею пакибытія“ (7). Имѣя въ виду, наконецъ, показать трудность, съ какого производится круженіе и бѣганье, они называютъ ихъ „работою израильскою“ (8).—Круженіе и бѣганье хлыстовъ и скопцовъ по различію формъ, въ какихъ они выражаются, бываютъ различны. Такимъ образомъ, существуетъ круженія и бѣганья:

---

(1) Добротворскій—№№ 34..157 стр., 42. 166 стр. Барсовъ—№ 102. 152 стр. Чтен. 1873 г. 1. Пѣсня № 49, 118 стр.

(2) Чтен. въ общ. ист.. 1874 г. 3. 70 стр.

(3) Тамъ же. 1872 г. 3. 305 стр.

(4) Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 17. 93 стр.

(5) Чтен. въ общ. ист... 1874 г. 3. 70 стр. Барсовъ — № 33. 52—53 стр.

(6) Чтен. въ общ. ист.. 1872 г. 3. 305 стр.

(7) Тамъ же. 1873 г. 1. 133 стр.

(8) Сборн. Кельс. Ш. 154 стр.

1) *Одиночное*, состоящее въ томъ, что нѣкоторые изъ сектантовъ и, преимущественно изъ пророчествующихъ (1), начинаютъ, каждый особо, вертѣться на пяткѣ правой ноги, опираясь нѣсколько въ полъ лѣвою (2). При совершеніи этой формы круженія наблюдается, чтобы круженіе совершалось съ лѣва на право, т. е. по солнцу (3), чтобы вертящійся не измѣнялъ своего положенія въ пространствѣ (4), чтобы онъ, далѣе, наблюдалъ тактъ (5), который въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ подобныхъ, даютъ пѣвчіе—и чтобы, наконецъ, скорость оборотовъ, совершаемыхъ вертящимся, возрастала прогрессивно отъ меньшаго количества ихъ до возможно большаго (6). По свидѣтельству свящ. Сергѣева, нѣкоторые при исполненіи этой формы радѣнія кружатся такъ быстро, что „и глазъ ихъ невидно: волосы на головѣ поднимаются вверхъ, на мужчинахъ рубахи, на женщинахъ платья раздуваются какъ трубы и происходитъ вихрь“ (7), такъ что, по справедливому замѣчанію архимандрита Досиѳея, „машинально вертящійся столбъ“, образующійся при этомъ, „для наблюдательнаго взора представляетъ весьма странное и ужасное зрѣлище“ (8). Совершаемое большею частію въ началѣ богослуженія (9), одиночное радѣніе бываетъ непродолжительно и имѣетъ значеніе пріуготовительна-

(1) Чтен. въ общ. ист... 1874 г. 3. 69 стр.

(2) Сборн. Кельс. Ш. 150 стр. Чтен... 1872 г. 1. 151 стр. Есть, впрочемъ, одно показаніе, изъ котораго видно, что въ иныхъ кораблях вертятся на пяткѣ «лѣвой ноги» (Чт. 1872 г. 2. 127 стр.), но такой образъ совершенія одиночнаго радѣнія, вслѣдствіе физическаго неудобства его, составляетъ рѣдкое исключеніе.

(3) Чтен. въ общ. ист.. 1872 г. 1. 151 стр.

(4) Тамъ же, 1874 г. 3. 69 стр.

(5) Тамъ же, 1872 г. 1. 152 стр.

(6) Сборн. Кельс. Ш. 150 стр.

(7) Чтен. въ общ. ист... 1874 г. 3. 69—70 стр.

(8) Тамъ же, 1872 г. 1. 151 стр.

(9) Сборн. Кельс. Ш. 151 стр.

го дѣйствія къ совершенію другихъ, болѣе сложныхъ, формъ радѣнія. Впрочемъ, кромѣ этого своего употребленія, такъ сказать специфическаго, одиночное радѣніе входитъ, какъ увидимъ, въ „круговое радѣніе“, какъ его составная часть.

2) *Въ схватку*, составляющее отчасти повтореніе одиночнаго радѣнія. Обыкновенно, двое (большею частію мужчина и женщина) обоймутся и начинаютъ кружиться,—только уже не на одномъ мѣстѣ, какъ происходитъ въ одиночномъ радѣніи. а по всему пространству моленной комнаты (¹). Такимъ образомъ. радѣніе „въ схватку“ по образу совершенія нѣсколько походитъ на танецъ обыкновеннаго галопа.

3) *Стынкой* или *стыночной*. Составляется кругъ; каждый членъ послѣдняго долженъ стоять бокомъ по отношенію къ двумъ своимъ противоположнымъ сосѣдямъ. Составленный такимъ образомъ кругъ начинаетъ скорое круговое скаканіе по комнатѣ, строго наблюдая при этомъ, чтобы прыжки дѣлались всѣми, составляющими кругъ, одновременно и при томъ непремѣнно обѣими ногами разомъ; маханіе руками должно сопровождать каждый новый прыжекъ (²).

4) *Корабельное* или *Давидово*. Составляется такой же кругъ, но такъ, что каждый членъ его обращается лицемъ къ затылку другаго. стоящаго впереди. Быстрое бѣганье другъ за другомъ къ кругообразномъ посолонномъ направленіи открываетъ совершеніе этой формы радѣнія. Во все время бѣганія сектанты сильно топаютъ ногами въ одинъ шагъ, машутъ руками, стараясь при этомъ дышать по воз-

---

(¹) Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 17. 93 стр.

(²) Чт. въ общ. ист... 1862 г. 3. 296 стр. У свящ. Сергѣева «круговое» радѣніе несправедливо названо радѣніемъ «въ стѣнку»; вслѣдствіе этого и описаніе послѣдняго у него представлено иначе, чѣмъ какъ мы описали, основываясь на показаніи Андреянова (Чт. 1874 г. 3. 70 стр.). Тоже самое смѣшеніе двухъ радѣній замѣтно у Мельникова (Чт. 1873 г. 1. 109 стр.) и у Надеждина (Сборн. Кельс. Ш. 150—1 стр.).

можности сильнѣе и отрывистѣе. Скорость бѣганія усиливается, когда они, по словамъ Андреянова, „почувствуютъ въ себѣ Духъ“; въ это время скорость ихъ бѣганія равняется „скорости коней бѣгущихъ рысью“ (1). Набѣгавшись другъ за другомъ до совершенной усталости, хлысты и скопцы останавливаются, моментально оборачиваются другъ къ другу лицемъ и начинаютъ прыгать на пальцахъ своихъ ногъ, „приподымаясь“ въ тоже время „немного вверхъ по солнцу“ (2), т. е. вѣроятно по направленію отъ сѣвера къ западу, отъ запада на югъ и т. д., какъ объяснено въ показаніи другаго хлыста (3). Финалъ корабельнаго радѣнія ужасный по своимъ дѣйствіямъ. Иные сектанты въ порывѣ бѣшенства „брали, по показанію Осипова на дѣйствіи 1747 г., обухи, а другіе завернутыя въ тряпицы пушечныя ядра (4) и били себя по спинамъ, приговаривая: сокрушайся моя плоть“ (5); нѣкоторые же, какъ открыло тоже слѣдствіе, буквально рубились ножами (6).

5) *Круговое* или *хороводное*. Становятся въ рядъ отъ передней къ задней стѣнѣ: топая ногами и махая руками, хлысты и скопцы быстро бѣгаютъ другъ за другомъ; поворачиваясь у каждой противоположной стѣны, т. е. передней и задней по солнцу; набѣгавшись такимъ образомъ до усталости, всѣ разомъ останавливаются, отдыхаютъ и приступаютъ затѣмъ къ радѣнію „на кругу“ въ собственномъ смыслѣ. Такъ описываетъ начало круговаго радѣнія Андреяновъ (7).

(1) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 3. 296 стр.

(2) Тамъ же, 1. 96 стр.

(3) Добротворскій—48 стр.

(4) Въ рукахъ слѣдственной коммиссіи находились два такихъ ядра, изъ которыхъ въ одномъ было 8 фун. вѣсу, а въ другомъ—9 фунт. Оба ядра были окровавлены (Суд.-мед. изслѣд. скопч. 115 стр.).

(5) Судеб.-мед. изслѣд. скопч. 118 стр.

(6) Тамъ же, 115 стр.

(7) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 3. 296 стр.

У г. Добротворскаго описаніе его представлено иначе. По словамъ Добротворскаго, „мужчины.... составляютъ кругъ, становясь другъ подлѣ друга, подобно хороводамъ простолюдиновъ. Около круга мужчинъ составляется кругъ женщинъ.... Тѣ и другія ходятъ кругомъ другъ за другомъ.... Набѣгавшись...., круги останавливаются и нѣсколько отдыхаютъ, чтобы съ новой силой начать собственно круговое радѣніе“ (1). По отсутствію другихъ источниковъ, на основаніи которыхъ можно было бы провѣрить эти два различныя описанія дѣйствія, предваряющаго круговое радѣніе, мы съ своей стороны не можемъ сказать ничего ни за ни противъ каждаго изъ этихъ описаній, полагая, что въ однихъ корабляхъ означенное дѣйствіе производится по описанію Андреянова, въ другихъ же— по описанію Добротворскаго. — Собственно круговое радѣніе, къ которому хлысты и скопцы предварительно приготовляются такъ или иначе, есть не что иное какъ повтореніе извѣстнаго уже намъ одиночнаго радѣнія съ тѣмъ, однако, громаднымъ различіемъ, что послѣднее производится двумя, тремя человѣками, первое же всею массою участвующихъ въ радѣніи, т. е. 10, 15 и 20 человѣками въ разъ. Начинается круговое радѣніе такъ: по словамъ Андреянова, всѣ, сдѣлавши въ разъ оборотъ у стѣны по солнцу, начинаютъ кружиться (2); по словамъ Добротворскаго, „не разстраивая прежнихъ круговъ, начинаетъ вертѣться каждый по одиночкѣ, мужчины въ правую сторону, а женщины въ лѣвую“ (3). Зрѣлище, какое представляютъ при круговомъ радѣніи бѣлыя, вертящіяся, какъ жерновъ, фигуры, по свидѣтельству очевидцевъ, въ высшей степени поразительное, даже нѣкоторымъ образомъ страшное. По словамъ свящ. Сергѣева, хлысты при этомъ общемъ круженіи „вся-

(1) Люди божіи—46 стр.

(2) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 3. 296 стр.

(3) Люди божіи. 46 стр.

чески дурачатся и бѣсятся: иные изъ нихъ трясутся, кривляются, ломаются какъ бѣсноватые; другіе топаютъ ногами, присѣдаютъ къ землѣ и вдругъ какъ неистовые вскрикиваютъ, вспрыгиваютъ, приходятъ въ энтузіазмъ, нѣчто пересказываютъ и говорятъ иными языками, а какими—татарскими-ли, тарабарскими-ли, думаю, и сами не понимаютъ, кольми паче другіе ни одного слова не знаютъ, да и понимать нечего" (1). Въ другомъ мѣстѣ тотъ же Сергѣевъ замѣчаетъ, что хлысты во время этаго общаго неистовства, производятъ гоготанье, и какой то необычный тихій свистъ, повторяя безпрестанно: ой духъ! ой духъ! ой духъ! ой духъ! ой Богъ! ой Богъ! ой Богъ! Царь Богъ! Царь Богъ! Царь Богъ! Царь Духъ! Царь Духъ! Царь Духъ! а иные: о Ега! о Ега! о Ега!, чѣмъ наводятъ на слушателей нѣкоторый ужасъ" (2). Въ такомъ же смыслѣ описываетъ впечатлѣніе свое и Преображенцевъ, имѣвшій возможность наблюдать долгое время совершеніе круговаго радѣнія. По его словамъ, еслибъ можно было постороннимъ людямъ видѣть сіе религіозное богослуженіе (круговое радѣнія) сектантовъ, то каждый съ удивленіемъ и нѣкоторымъ страхомъ сказалъ бы, что происходитъ какая-то странная и нелѣпая комедія дикихъ народовъ, похожая болѣе на бѣшенство, противное благочинію религіи какой бы то ни было вѣры" (3). По продолжительности круговое радѣніе есть одно изъ длиннѣйшихъ. Оно продолжается до тѣхъ поръ, пока силы работающихъ окончательно не истощатся; обезсиленные они падаютъ на землю, будучи бѣлыми по лицу, какъ полотно. Рубашки взмокаютъ, такъ что ихъ необходимо бываетъ выжимать и нѣкоторые, сдѣлавши эту послѣднюю операцію, снова продолжаютъ

---

(1) Чтен. въ общ. ист... 1874 г. 3. 71 стр.

(2) Тамъ же, 70 стр.

(3) Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 20. 211 стр.

неистовое круженіе. Поту въ это время образуется такъ много, что, по замѣчанію Сергѣева, становится необходимымъ подтирать его ветошками" (1).

Во всѣхъ описанныхъ нами до сихъ поръ формахъ радѣнія преобладаетъ круженіе въ такомъ или иномъ его видѣ. Въ слѣдующихъ трехъ формахъ радѣнія вмѣсто круженія хлысты и скопцы бѣгаютъ только по прямому направленію.

6) *Въ расходку*, иначе называемое *крестное* или *Петровъ крестъ*. Четыре, шесть, восемь и болѣе человѣкъ становятся крестообразно и перебѣгаютъ въ противоположныя стороны; перебѣгши съ одной стороны на другую, снова начинаютъ тоже дѣйствіе въ обратномъ порядкѣ (2).

7) *Ткать цвѣты и ленточки*. Три человѣка становятся противъ другихъ трехъ и перебѣгаютъ промежъ другъ друга съ одной стороны на другую (3). Кажется, имѣя въ виду эту форму радѣнія, архимандритъ Досиѳей далъ ей названіе „экосеза" — танца, употреблявшагося въ его время (4).

и 8) *Уголышкомъ*. Въ каждомъ углу моленной комнаты становятся по одному, по два, по три человѣка и болѣе: всѣ въ одинъ разъ перебѣгаютъ изъ одного угла въ другой, немного постоятъ, потрясутся и снова бѣгутъ обратно (5).

Трудно опредѣлить, исчерпывается ли описанными формами хлыстовско-скопческаго радѣнія все разно-

---

(1) Чтен. въ общ. ист .. 1874 г. 3. 70 стр. 1872 г. 1. 152 стр.

(2) Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 17, 93 стр. Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 1. 96 стр. Сборн. Кельс. Ш. 151 стр. У Сергѣева эта форма радѣнія представлена своеобразно и къ тому же слишкомъ обще, такъ что и понять ее весьма трудно (Чт. 1874 г. 3. 71 стр.).

(3) Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 17. 93 стр.

(4) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 1. 152 стр.

(5) Тул. Еп. Вѣд. № 17. 93 стр., Добротворскій—48—49 стр, у Андреянова (Чтен. 1872 г. 3. 296 стр.) и др. Это радѣніе хотя описывается также, но оно названо у нихъ «крестнымъ» и, кажется, несправедливо.

образіе послѣдняго. Принимая, однако, во вниманіе то обстоятельство, что всѣ описанные нами формы хлыстовско-скопческаго радѣнія поражаютъ крайнимъ своимъ однобразіемъ, можно съ вѣроятностію предполагать о такомъ же однообразіи и другихъ, неизвѣстныхъ намъ доселѣ, формахъ радѣнія, если бы послѣднія, дѣйствительно, существовали. Порядокъ, въ какомъ слѣдуетъ исполненіе каждой изъ описанныхъ формъ радѣнія, безусловно зависитъ „отъ произвола и распоряженія“ кормщика и кормщицы корабля (1); ими же опредѣляется выборъ той или другой формы радѣнія съ обращеніемъ въ этомъ случаѣ особеннаго вниманія на искусство радѣльщиковъ, ихъ число, а равно и на устройство и пространство моленной комнаты. Если число радѣльщиковъ незначительно или искусство ихъ слабо, то ограничиваются простѣйшими формами радѣнія; напротивъ, если число ихъ слишкомъ велико и всѣ они обладаютъ большимъ искусствомъ, то производятъ всѣ формы радѣнія и притомъ или всѣ разомъ (исключая, конечно, избранныхъ пѣвчихъ), или же раздѣляются на двѣ равныя половины, соображаясь въ томъ и другомъ случаѣ съ пространствомъ моленной комнаты (2). Замѣчается, впрочемъ, что хлысты и скопцы особенно уважаютъ два радѣнія: круговое и корабельное (3). О первомъ изъ нихъ они говорятъ, что если кто не участвуетъ въ его совершеніи, въ того „и благодать не вселится“ (4). Кромѣ того по свидѣтельству Преображенцева, хлысты и преимущественно молодые мужчины и женщины уважаютъ также радѣніе въ „схватку“, даже добиваются послѣдняго, такъ что въ иныхъ корабляхъ

---

(1) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 1. 152 стр. Добротворскій— 49 стр.

(2) Тамъ же, 2. 127—128 стр.

(3) Тамъ же, 3. 297 стр.

(4) Тамъ же, 296 стр.

положительно воспрещаютъ эту форму радѣнія справедливо подозрѣвая присутствіе вовсе не религіозно-нравственныхъ мотивовъ у молодыхъ людей, избирающихъ этотъ видъ радѣнія (1).

Значеніе радѣній въ религіозной жизни хлыстовъ и скопцовъ весьма велико. Они не только составляютъ основу хлыстовско-скопческаго культа, но и вмѣстѣ фундаментъ, на которомъ зиждется все благосостояніе обѣихъ сектъ, ихъ настоящее и будущее процвѣтаніе. Поэтому не удивительно, что хлысты и скопцы замѣчательно упорствуютъ въ отстаиваніи правъ существованія своихъ радѣній, какъ не удивительно и то, что обнаруживаютъ необыкновенную привязанность къ послѣднимъ. По искреннимъ словамъ обратившагося изъ секты хлыстовъ Преображенцева, хлысты, а за ними, конечно, и скопцы, „всему на свѣтѣ предпочитаютъ свою плясовую молитву.... Оставить свое радѣніе они ни въ какомъ случаѣ не могутъ; они не могутъ разстаться съ милой своей радостной благодатью, которая возбуждается въ нихъ посредствомъ радѣнія; безъ сей фанатической радости секта ихъ ничтожна, мало бы она имѣла приверженцевъ“ (2).— Необыкновенной привязанности хлыстовъ и скопцовъ къ своимъ радѣніямъ вполнѣ соотвѣтствуетъ страстное, неудержимо-порывистое ихъ стремленіе на радѣнія, обнаруживаемое ими каждый разъ, какъ только представится случай присутствовать во время богослужебныхъ собраній. Вотъ какъ описывается сила этого стремленія на радѣнія въ одномъ роспѣвцѣ:

„Тошнымъ мнѣ было тошнешенько,
Грустнымъ мнѣ было грустнешенько;
Мое сердце растоскуется,
Мнѣ къ батюшкѣ въ гости хочется.
Пойду млада“....;

---

(1) Тул. Еп. Вѣд. 1868 г. № 7. 234 стр. и 1869 г. № 20. 246 стр.

(2) Тамъ же. 1869 г. № 20. 244 стр.

но тутъ встрѣчаются неодолимыя препятствія: на пути рѣки быстрыя, нѣтъ ни мостовъ, ни перевозчиковъ. Между тѣмъ, „сердце тоскуетъ, сердечный ключъ поднимается“, такъ вотъ и хочется „съ вѣрными повидаться, съ любезными побесѣдовать“ (1). Въ такомъ же духѣ описываетъ стремленіе хлыстовъ на радѣнія и упомянутый нами Преображенцевъ. По его словамъ, сектантовъ „не удерживаетъ никакая бурная погода, ѣдутъ за 20, за 30 верстъ и болѣе, радуются, что Богъ послалъ погоду, которая благопріятствуетъ имъ радѣть въ богомольномъ домѣ, сколько душѣ угодно“.... Послѣ долгихъ блужданій въ бурную зимнюю ночь „они не о томъ толкуютъ, что могли погибнуть въ полѣ, забитые снѣгомъ, не о томъ тужатъ, что отъ холода закоченѣли, а о томъ, что не удалось имъ принять участіе въ привольномъ пѣніи и радѣніи“ (2).

Мы уже отчасти видѣли, что хлысты и скопцы свое круженіе и бѣганье основываютъ на примѣрѣ и заповѣди апостоловъ. Независимо отъ этого основанія тѣ и другіе, въ оправданіе своихъ религіозныхъ неистовствъ, приводятъ нѣсколько и другихъ основаній, вполнѣ доказывающихъ будто бы законность и разумность употребленія при богослуженіи молитвы въ формѣ такого или иного круженія, такого или иного бѣганья. По мнѣнію хлыстовъ и скопцовъ, на небѣ, въ жилищахъ праведныхъ людей—ангеловъ и архангеловъ, существуютъ такія же радѣнія, какія и здѣсь на землѣ; тамъ существуютъ также и радѣльные круги; съ послѣднихъ-то, говорятъ сектанты, и слетѣлъ архангелъ Гавріилъ для благовѣщенія Пресвятой Дѣвѣ о зачатіи Ею Іисуса Христа, какъ и поется

---

(1) Добротворскій—Пѣсн. № 74, 192. См. также № 75, 192—193, гдѣ препятствіемъ является мятель, которая «замятелила всѣ пути-дороженьки», такъ что «нельзя проѣхать къ родимому батюшкѣ, къ небесному царю», т. е. быть въ соборѣ.

(2) Тул. Еп. Вѣд. 1869 г. № 20. 244 и 245 стр.

объ этомъ въ одной церковной стихирѣ (1). Поэтому, продолжаютъ хлысты и скопцы, кружась и бѣгая во время богослужебныхъ собраній, они тѣмъ самымъ уподобляются ангеламъ, „парящимъ вокругъ престола Божія“, а махая руками, они воспроизводятъ въ натурѣ „мановеніе крилъ ангельскихъ“ (2). Вообще же, по словамъ одной скопчихи, пляска, которою сопровождается богомоліе скопцовъ, знаменуетъ собою „веселіе ангеловъ и архангеловъ“ (3). Въ частности, относительно происхожденія корабельнаго радѣнія, одни хлысты и скопцы указываютъ на примѣръ царя и пророка Давида, который по выраженію хлыстовско-скопческой пѣсни, „съ ковчегомъ скакаше, играя“ (4); другіе ссылаются въ этомъ случаѣ на извѣстное евангельское повѣствованіе о плаваніи Іисуса Христа съ учениками на „кораблѣ“, не объясняя, впрочемъ, этой замѣчательно своеобразной аналогіи между двумя столь разнородными явленіями (5). Въ объясненіе же происхожденія круговаго радѣнія тѣ и другіе единогласно указываютъ на извѣстную уже намъ картину „Истинное изображеніе покаянія“, какъ на древнѣйшій будто бы письменный памятникъ этого радѣнія (6). Само собою очевидно, что всѣ эти и подобныя имъ объясненія хлыстами и скопцами происхожденія своихъ радѣній въ высшей степени неудачны и достойны только смѣха. Сами хлысты и скопцы понимаютъ неудачу своихъ объясненій, а потому не особенно и отстаиваютъ послѣднія. По ихъ мнѣнію, радѣніе имѣетъ болѣе глубокое основаніе для своего существованія; это основаніе таится въ немъ самомъ,

(1) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 1. 75 стр.
(2) Сборн. Кельс. Ш. 154 стр.
(3) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 2. 158 стр.
(4) Рус. Вѣстн. 1869 г. 3. 375 стр. Добротворскій—48 стр.
(5) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 2. 158—159 стр.
(6) Тамъ же. 1873 г. 1. 137—138 стр. Добротворскій—47 стр.

въ его религіозно-нравственномъ значеніи для человѣка. Въ одной пѣсни говорится, что совершеніе радѣній есть „исполненіе закона,—закона не простаго, но трудоваго и слезоваго". Въ „божій домъ", говорится далѣе, собираются „дружки во святы божіи кружки" для того, чтобы „Бога пѣть-воспѣвать, грѣшны плоти умерщвлять и души къ небу обращать" (1). Такимъ образомъ, радѣніе, судя по смыслу приведенной нами пѣсни, имѣетъ троякое религіозно-нравственное значеніе. Радѣніе, во-первыхъ, есть пріятная служба Богу: оно, по словамъ пѣсни, „Христа Бога утѣшаетъ и Матерь Богородицу радуетъ" (2). Далѣе, во-вторыхъ, радѣніе весьма важное орудіе противъ тѣла; имъ легче и удобнѣе поразить „злаго змѣя", таящагося внутри организма (3). Имѣя въ виду эту послѣднюю цѣль, пророкъ въ порывѣ религіозной восторженности, въ самый разгаръ „божіей работы", обыкновенно призываетъ радѣльщиковъ еще къ бо́льшему проявленію фанатизма словами:

„Ужъ вы, дѣтушки мои,
Порадѣйте для меня,
Бога ради порадѣйте!
Не жалѣйте вы плотей,
Тѣхъ нечистыхъ свиней!
Ради Бога порадѣйте,
Своимъ потомъ облейте
Матушку сыру землю!....
Вы Марію позовите,
Грѣшну Мароу прогоните" (4)!

Наконецъ, въ-третьихъ, радѣніе особенно плодотворно для внутренняго существа человѣка, для его души. Во время радѣнія, говорятъ хлысты и скопцы, болѣе, чѣмъ когда либо, представляется человѣку

---

(1) Чтен. въ общ. ист... 1873 г. 1. № 25. 97—98 стр.
(2) Добротворскій—Пѣсн. № 35, 159.
(3) Барсовъ. № 102, 152—153.
(4) Чтен. въ общ. ист... 1873 г. 1. Пѣсн. № 49. 117—118.

возможность „пролить горькія слезы, печали Господу открыть“ (1), „походить, погулять, поутѣшиться и святымъ полнымъ духомъ поувѣриться“ (2). Здѣсь-то, при радѣніи, человѣкъ какъ бы забываетъ все земное; все его мысли и чувства устремляются къ міру горнему; онъ какъ бы желаетъ всей своей „душей въ небо улетѣть“ и оттуда „птицу райскую сманить“ т. е. привлечь къ себѣ благодать Святаго Духа (3).

Тройкое религіозно-нравственное значеніе радѣнія, усвояемое ему хлыстами и скопцами, есть, очевидно, иллюзія или же маска, сознательно выдуманная хлыстами и скопцами для объясненія своихъ религіозныхъ неистовствъ. Правда, радѣніе, какъ всякій вообще сильный физическій моціонъ, можетъ возбуждать въ организмѣ нѣкоторую пріятную усталость, аппетитъ и проч., но отсюда еще далеко до прогнанія изъ него „злаго змѣя“, т. е. грѣховныхъ пожеланій, и, слѣдовательно, далеко вообще отъ религіозно-нравственнаго значенія радѣній. Въ своемъ мѣстѣ мы увидимъ, что этотъ „злой змѣй“ не только ни мало не изгоняется изъ человѣческаго организма посредствомъ радѣнія, но послѣднее, благодаря обстановкѣ, среди которой оно совершается, даже еще болѣе возбуждаетъ и усиливаетъ грубыя проявленія „злаго змѣя“. Очевидно, такимъ образомъ, что происхожденіе хлыстовско-скопческаго радѣнія и значеніе послѣдняго въ религіозной жизни сектантовъ остаются неразрѣшенными. Этихъ вопросовъ не объясняютъ и не могутъ объяснить ни историко-догматическія измышленія хлыстовъ и скопцовъ, ни выдуманное ими пресловутое религіозно-нравственное значеніе радѣній. Равнымъ образомъ, эти измышленія хлыстовъ и скопцовъ не объясняютъ и не могутъ объяснить и тѣхъ

(1) Барсовъ. № 6. 8 стр.
(2) Тамъ же. № 7. 9 стр.
(3) Тамъ же. № 21. 34 стр.

страстныхъ порывовъ, съ какими вообще они стремятся на свои радѣнія, какъ не объясняютъ вполнѣ эти измышленія и того, поистинѣ замѣчательнаго и достойнаго удивленія, фанатизма, съ какимъ хлысты и скопцы совершаютъ свое круженіе и бѣганье. Г. Андреевъ, объясняя факты необыкновеннаго стремленія хлыстовъ и скопцовъ на радѣнія и крайнее ихъ увлеченіе послѣдними, полагаетъ „почти несомнѣннымъ", что въ большинствѣ случаевъ причащеніе разнаго рода калачиками, кусочками бѣлаго и чернаго хлѣба и т. д. служило у хлыстовъ и скопцовъ вмѣстѣ и средствомъ „давать возбуждающія средства". По его словамъ, „какъ баядеркѣ въ Алжирѣ надобдо надышаться ладана изъ курительницы, чтобы придти въ восторженное настроеніе, такъ радѣніе хлыстовъ и скопцовъ едва ли могло бы совершаться такъ дружно и одновременно безъ пріема возбуждающихъ средствъ„ (какими онъ считаетъ названное причащеніе) (1). Намъ кажется, что такое предположеніе г. Андреева, хотя и осторожное по формѣ выраженія, требуетъ, однако, для себя аргументаціи, чтобы оно могло считаться болѣе или менѣе основательнымъ. Кромѣ того, это предположеніе совершенно излишне въ данномъ случаѣ, такъ какъ въ самомъ актѣ хлыстовско-скопческаго радѣнія и обстоятельствахъ его сопровождающихъ заключается достаточное объясненіе его привлекательности для человѣка, а равно и нѣкоторой машинальности его совершенія, имѣющей мѣсто впослѣдствіи; въ самомъ же актѣ хлыстовско-скопческаго радѣнія, безъ сомнѣнія, нужно искать объясненія и того мнимаго религіозно-нравственнаго его значенія, какое усвояютъ ему хлысты и скопцы.

Хлыстовско-скопческое радѣніе, очевидно, есть такое же искусство, какъ искусство фехтованія, гим-

---

(1) Расколъ и его значеніе въ народ. русск. исторіи. Спб. 1870 г. 379 стр.

настики, танцевъ и т. д. Этому искусству хлысты и скопцы первоначально учатся или, какъ говоритъ Андреяновъ, „ненавыкшаго вертѣться по кругу навыкшій беретъ подъ руки, и оба вмѣстѣ проворно вертятся на одномъ мѣстѣ, а послѣ ненавыкшій уже и одинъ вертится..... и старается, чтобы также, какъ прочіе, успѣть въ дѣлѣ ономъ“ (1); тѣхъ же, которые не оказываютъ успѣха въ этомъ искусствѣ, „укоряютъ и понуждаютъ“ (2). По своему характеру искусство радѣнія относится къ разряду усиленныхъ тѣлодвиженій. Но всѣ вообще усиленныя тѣлодвиженія въ формѣ ли верховой ѣзды или фехтованія, гимнастики или танцевъ и пр. свойственны всѣмъ людямъ и одинаково производятъ почти на всѣхъ здоровыхъ людей пріятное и благотворное дѣйствіе. Явленіе это, конечно, замѣчательное, но трудно объяснимое. „Во время самаго совершенія этихъ (усиленныхъ) движеній, говоритъ Пеликанъ, вся нервная система находится въ состояніи пріятнаго возбужденія, за которымъ, по окончаніи ихъ, начинается моментъ утомленія, сопряженнаго съ чувствомъ внутренняго благосостоянія въ тѣлѣ“ (3). Понятно, чувство тѣлеснаго благосостоянія и нѣкотораго пріятнаго возбужденія, сопровождающее всѣ вообще усиленныя тѣлодвиженія, должно быть не чуждо и хлыстовско-скопческимъ радѣніемъ, какъ одному изъ видовъ этихъ движеній. По сознанію самихъ хлыстовъ и скопцовъ, на первыхъ же порахъ своего круженія и бѣганья они ощущаютъ внутреннюю радость, бываютъ веселы и чувствуютъ въ себѣ непреодолимую охоту продолжать далѣе свое кружоніе и бѣганье (4). Здѣсь, такимъ

(1) Чтен. въ общ. ист.. 1872 г. 2. 161 стр.

(2) Тамъ же. 159 стр.

(3) Суд.-мед. изслѣд. скопч. 102 стр

(4) Мужчины и женщины, говоритъ Андреяновъ, «имѣютъ къ радѣнію большую охоту и чувствуютъ въ сердцѣ радость». Чт. въ общ. ист. 1872 г. 3. 296 стр. См. также 313 стр. Ист. Мин. внут. дѣлъ VIII т 502 стр.

образомъ, въ этихъ элементарныхъ, такъ сказать, внутреннихъ пріятныхъ ощущеніяхъ, какъ намъ кажется, скрывается зародышъ привлекательности радѣній, который при благопріятныхъ условіяхъ можетъ получить дальнѣйшее развитіе. На сколько, въ самомъ дѣлѣ, эти элементарныя пріятныя ощущенія, получаемыя отъ радѣнія, побуждаютъ человѣка, разъ испытавшаго ихъ, къ новому воспроизведенію ихъ въ себѣ, показываетъ слѣдующій примѣръ. Одинъ помѣщикъ зарайскаго уѣзда, рязанской губерніи, будучи приглашенъ на богослуженіе хлыстовъ, до того пораженъ былъ ихъ радѣніемъ, что едва не впалъ въ обморокъ и оно показалось ему чистымъ съумасшествіемъ. При вторичномъ посѣщеніи богослужебнаго собранія хлыстовъ этотъ помѣщикъ рѣшился самъ испытать на себѣ дѣйствіе „божіей работы“. Съ самаго же начала она произвела на него пріятное дѣйствіе; онъ даже пристрастился къ ней такъ, что „во всю свою жизнь, разсказываетъ Преображенцевъ, ежедневно упражнялся въ мнимой духовной работѣ царя Давида. Любимое его радѣніе было такъ назыв. „въ расходку“; оно замѣняло ему моленіе; онъ вставши отъ сна, пилъ чай, потомъ запирался въ своей верхней свѣтлицѣ, часъ и болѣе упражнялся въ радѣніи, которое знаменовало его утреннюю молитву. Въ лѣтнее время онъ производилъ эту „божію работу“ нерѣдко въ оврагѣ, называемомъ Зудень, въ вершинѣ коего облюбилъ глубокій небольшой овражекъ, гдѣ радѣніемъ его была протоптана дорожка“ (1)....

Пріятное само по себѣ, по своей, такъ сказать, природѣ, и потому совершаемое каждымъ человѣкомъ охотно и безъ принужденія, усиленное тѣлодвиженіе можетъ развиваться въ своей силѣ и подъ вліяніемъ посторонніхъ обстоятельствъ, которыя въ нѣкоторыхъ случаяхъ могутъ имѣть громадное, неотразимое зна-

(1) Тул. Еп. Вѣд. 1868 г. № 6, 202 стр. и № 7, 228 стр.

ченіе, опредѣляя самый характеръ его. Справедливость послѣдняго положенія становится особенно очевидною при наблюденіи за исполненіемъ разныхъ танцевъ. Каждому извѣстно, что танцы отличаются вялостію, чужды оживленности и быстроты движеній, если во 1-хъ мало танцующихъ, во 2-хъ нѣтъ музыки и въ 3-хъ отсутствуетъ какой либо полъ. Напротивъ, они отличаются оживленностію и совершаются съ необыкновенною стремительностію, если названныя условія обратны; при этомъ, чѣмъ благопріятнѣе для танцующихъ эти условія, тѣмъ танцы оживленнѣе и быстрѣе. Обращаясь теперь къ хлыстовско-скопческимъ радѣніямъ, которыя имѣютъ весьма близкое сходство съ танцами и даже составляютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ простое видоизмѣненіе послѣднихъ, нельзя не замѣтить въ исполненіи ихъ сильнаго и могущественнаго вліянія трехъ названныхъ условій. Радѣнія, какъ и танцы, получаютъ характеръ оживленности, совершаются быстро и неистово, когда собраніе многолюдно, пѣніе роспѣвцовъ, замѣняющее музыку, громко и складно и масса присутствующихъ представляетъ двѣ равныя половины мужчинъ и женщинъ или, по крайней мѣрѣ, приблизительно равныя. О вліяніи первыхъ двухъ условій на образъ совершенія хлыстовско-скопческихъ радѣній нечего и говорить, такъ какъ это вліяніе болѣе или менѣе очевидно для каждаго; однако, нельзя сомнѣваться во вліяніи въ этомъ случаѣ и послѣдняго. Преображенцевъ передаетъ въ своей „Исповѣди“ весьма характерный фактъ, вполнѣ подтверждающій, какъ намъ кажется, только что высказанное нами предположеніе. По разсказу Преображенцева, одинъ правитель корабля, желая предохранить своихъ подчиненныхъ отъ соблазновъ, приказалъ собираться въ соборъ для богомоленій каждому полу особо, по очереди. „Вотъ, разсказываетъ Преображенцевъ, и собрались одни братья въ соборъ для совершенія „святой бесѣды“.... Они радѣли пристально, надѣясь посредствомъ этой рабо-

ты божіей получить благодатную милость Св. Духа. Долго они упражнялись въ пѣніи и радѣніи, по лицу ихъ потъ катился градомъ, рубахи ихъ были мокры, хоть выжми; но сердце ихъ было хладно и сухо, духовной радости они не чувствовали, пророкъ пророчилъ вяло и нескладно. Также точно было и съ сестрами, когда онѣ бесѣдовали однѣ безъ братьевъ"... Обстоятельство это побудило начальника корабля снова соединить братьевъ съ сестрами во время богослужебныхъ собраній и на первомъ же общемъ собраніи „Духъ Св. посѣтилъ общество обильною благодатію: явились радостные восторги, оказалась и теплота сердечная; пророки пророчили въ полной силѣ слова Божія, какъ бывало прежде" (1). Такимъ образомъ, эротическія возбужденія въ радѣніи хлыстовъ и скопцовъ и особенно первыхъ, играютъ весьма важную, даже преобладающую роль; они придаютъ радѣнію характеръ необыкновенной оживленности, воодушевляютъ радѣющихъ, экзальтируютъ ихъ, а чрезъ это, само собою, усиливаютъ круженіе и бѣганье.— Кромѣ трехъ названныхъ условій, вліяющихъ на характеръ совершенія радѣній, важное значеніе при этомъ имѣетъ и та религіозная идея, которою бываютъ воодушевлены радѣющіе, по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ. Ложно убѣжденные въ томъ, что радѣніе пріятно Богу и полезно для души и тѣла, хлысты и скопцы естественно предаются ему со всѣмъ свойственнымъ имъ фанатизмомъ, думая, что чѣмъ быстрѣе и неистовѣе совершается радѣніе, тѣмъ оно пріятнѣе Богу и полезнѣе для человѣка. „По вступленіи въ божество т. е. въ общество хлыстовъ, говорила о себѣ одна хлыстовка, я старалась исполнять св. ученіе (секты); тогда я была покойна душею; мнѣ всегда было весело на бесѣдахъ, съ восторгомъ радостнымъ предавалась я пѣнію и радѣнію, какое

(1) Тул. Еп. Вѣд. 1869 г № 20. 242 и 243 стр.

благодатное блаженство я чувствовала въ своемъ сердцѣ!“ (¹)...

Общій законъ, наблюдаемый при совершеніи всякаго вообще рода тѣлодвиженій, между прочимъ, тотъ, что извѣстное тѣлодвиженіе, много разъ повторяясь, наконецъ, заучивается и обращается въ простое механическое упражненіе, которое мало по малу становится необходимою привычкою субъекта, производившаго это движеніе. Отъ дѣйствія этаго общаго закона не освобождаются и хлыстовско-скопческія радѣнія. „Всего смѣшнѣе, говоритъ архимандритъ Досиѳей, какъ скопецъ и внѣ общаго собранія, напившись въ своей комнатѣ крѣпкаго чаю и почувствовавъ отъ него нѣкоторое услажденіе, какъ обыкновенно услаждаются отъ того женщины (?), вскакиваетъ съ мѣста и, воображая, что онъ воодушевленъ благодатію, прыгаетъ одинъ, припѣвая: „ай у насъ на Дону самъ спаситель во дому“ (²).... Такимъ образомъ, хлыстовско-скопческія радѣнія, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ видахъ, въ своемъ крайнемъ развитіи походятъ на тѣ движенія неистовыхъ больныхъ, которыя совершаются послѣдними въ періодъ ихъ выздоровленія совершенно противъ воли и противъ желанія, а по пріобрѣтенной ими ранѣе привычкѣ. Различіе въ данномъ случаѣ только то, что тогда какъ вращательныя движенія хлыстовъ и скопцовъ, по замѣчанію Пеликана, „отличаются своимъ однообразіемъ“, движенія неистовыхъ больныхъ, напротивъ, „разнообразны и только при переходѣ неистовства въ неизлѣчимыя формы болѣзни они теряютъ это отличительное свойство“ (³).

Хотя, какъ замѣчено было впереди, хлыстовско-скопческія радѣнія по своему характеру относятся

(¹) Тул. Еп. Вѣд. 1869 г. № 24. 361 стр.

(²) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 1. 152 стр.

(³) Суд.-мед. изслѣд. скопч. 105 стр.

къ усиленнымъ вообще тѣлодвиженіямъ, но они болѣе подходятъ по своему совершенію къ группѣ вращательныхъ тѣлодвиженій. Всякое же усиленное вращательное тѣлодвиженіе, какъ показываетъ опытъ, сначала совершается болѣе или менѣе спокойно, потомъ этотъ характеръ движенія мало по малу теряется: изъ спокойнаго и медленнаго движенія становится живымъ, совершается съ какою то неудержимою стремительностію и съ необыкновенною быстротою и достигаетъ, наконецъ, наивысшаго предѣла своего развитія. Въ этой фазѣ развитія усиленное вращательное движеніе, если оно не прекращается вслѣдствіе крайняго утомленія организма, совершенно теряетъ характеръ произвольности; оно, какъ говоритъ Пеликанъ, „не возбуждается болѣе ни идеею, ни чувствомъ, и составляетъ простой рефлексъ, вызываемый различными ощущеніями, сопровождающими самый актъ вращенія“ (1). Душевный міръ вращающагося субъекта совершенно измѣняется. Въ это время, по мнѣнію Пеликана, „психическое состояніе, въ которое приходятъ люди при этихъ движеніяхъ, можно сравнить только съ состояніемъ людей, находящихся подъ вліяніемъ спиртныхъ напитковъ или сильно одуряющихъ наркотическихъ веществъ“ (2). То радостное и веселое настроеніе души, которое испытывали хлысты и скопцы въ началѣ своихъ радѣній, теперь, естественно, смѣняется полнымъ восторгомъ и совершеннымъ самозабвеніемъ. По словамъ скопческой пророчицы Устиньи, она „долго безпрерывно радѣвши, не имѣла усталости и была какъ бы внѣ себя“ (3). По сознанію хлыстовъ Никифора Майданскаго, Ѳедора Павлова и др., они предъ мнимымъ сошествіемъ Св. Духа испытывали „затмѣніе

(1) Суд.-мед. изслѣд. скопч. 104 стр.

(2) Тамъ же, 102—103 стр.

(3) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 3. 314 стр.

въ умѣ и стѣсненіе въ груди“ (¹). Это паденіе дѣятельности умственной сферы, происходящее, по мнѣнію Пеликана, отъ усиливающагося вслѣдствіе вращеній сотрясенія мозга (²), доходитъ въ своемъ развитіи до совершеннаго умоизступленія, симптомами котораго являются, съ одной стороны, разнаго рода неистовства въ родѣ самобичеванія и бичеванія другихъ обухами, ядрами, цѣпами, кнутами и проч., а съ другой — галлюцинаціи и безсвязное бормотаніе словъ. Процессъ развитія двухъ послѣднихъ явленій (галлюцинацій и безсвязнаго бормотанія словъ), близкихъ по своему характеру къ умопомѣшательству, Пеликанъ описываетъ такъ: „болѣе или менѣе ускоренныя вращательныя движенія производятъ иллюзіи тѣмъ, что по мѣрѣ продолжительности и силы, съ какой совершаются эти движенія, у человѣка теряется постепенно возможность правильно воспринимать впечатлѣнія внѣшнія, самоощущеніе измѣняется и разсудокъ лишается контроля. Всѣхъ этихъ условій достаточно для того, чтобы подъ вліяніемъ ихъ, при болѣе или менѣе преобладающемъ настроеніи духа сектанта, въ сознаніи его возникли самыя разнообразныя идеи бреда и развились самыя живые обманы чувствъ“ (³). Галлюцинаціонное состояніе, сопровождающееся при этомъ всевозможнымъ бредомъ, по мнѣнію хлыстовъ и скопцовъ, есть наивысшій и вожделеннѣйшій предѣлъ духовнаго состоянія человѣка; въ это время, по ихъ выраженію, на нихъ „сокатаетъ“ самъ Духъ Святый. Достигши этого состоянія, хлысты и скопцы прекращаютъ свои радѣнія; послѣднія теперь уступаютъ мѣсто другимъ дѣйствіямъ— пророчествамъ.

(¹) Рус. Вѣстн. 1869 г. № 3. 377 стр. 1 прим.

(²) Суд.-мед. изслѣд. скопч. 104 стр.

(³) Тамъ же.

б) Пророчества.

Именемъ пророчествъ хлысты и скопцы называютъ изреченія своихъ пророковъ, произносимыя послѣдними во время радѣній и именно въ то время, когда они отъ долгаго и быстраго круженія и бѣганья приходятъ въ состояніе совершеннаго умоизступленія. Эти изрѣченія пророковъ или пророчества носятъ на хлыстовско-скопческомъ языкѣ различныя названія. Такъ, они называются у хлыстовъ и скопцовъ „судьбою“ (1), „словомъ“ (2), „лучшими тайнами“—въ противоположность православному ученію (3), „мягкими пирогами“, вынимаемыми изъ печи, т. е. изъ устъ пророка непосредственно (4) и т. д. По своему назначенію и содержанію пророчества хлыстовъ и скопцовъ раздѣляются на два вида и извѣстны у нихъ подъ именами „общей судьбы и частной“. Обращаемая ко всѣмъ членамъ корабля, „общая судьба“ содержитъ въ себѣ и истины, общія всему кораблю. Напротивъ, „частная судьба“, предназначаемая только для извѣстнаго, опредѣленнаго человѣка, и говоритъ только объ обстоятельствахъ жизни этого послѣдняго. При несомнѣнномъ сходствѣ содержанія общей и частной судьбы хлыстовъ съ содержаніемъ общей и частной судьбы скопцовъ, то и другое имѣетъ, однако, и свое собственное отличіе, обусловливаемое, очевидно, различіемъ самаго ученія двухъ сектъ. Сходство содержанія общей судьбы у хлыстовъ и скопцовъ состоитъ въ томъ, что предметами ея какъ у тѣхъ, такъ и другихъ служатъ ученіе о покровительствѣ Бога и Его угодниковъ, обнаруживаемомъ въ сохраненіи какого либо корабля, опре-

---

(1) Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 17. 94 стр. Добротворскій—Пѣли. № 68, 188 стр.

(2) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 3. 297 стр.

(3) Тамъ же, 304 стр.

(4) Христ. Чт. 1869 г. № 9. 454 стр.

дѣленіе разныхъ невзгодъ, имѣющихъ постигнуть извѣстный корабль, предсказаніе различныхъ метеорологическихъ явленій природы, такъ или иначе вліяющихъ и на благосостояніе членовъ корабля и т. д. Таковы напр. слѣдующія общія пророчества. „Я, возлюбленные, Саваоѳъ, вамъ скажу, въ сердца ваши благодать вложу. Покровомъ васъ покрою, и отъ злыхъ звѣрей закрою. Я, Богъ, васъ награжу, и хлѣбушка на весну вамъ урожу. Я, Святый Духъ, васъ защищу, и въ Саратовъ никакихъ Араповъ не пущу“ (¹) и т. д. Еще: „молитесь, христіане: то былъ дождь, теперь я вамъ дамъ погоду, чтобы коноплю помолотить. Не переставайте молиться. Два года былъ неурожай, а теперь я вамъ дамъ великій урожай хлѣба“. Тотъ же Гробовъ, произносившій только что приведенное пророчество, говоритъ далѣе: „искушайте зеленъ виноградъ: за ваше маловѣріе пошлю сильную тучу и градъ“ (²). Говоря о покровительствѣ Бога и Его угодниковъ, скопческіе пророки почти всегда упоминаютъ и объ особенномъ покровительствѣ надъ скопцами ихъ искупителя и царя Селиванова, а равно и его ближайшихъ сподвижниковъ— Акулины Ивановны и Александра Шилова; весьма часто приплетаютъ также въ общую судьбу и предсказаніе о „разныхъ великихъ перемѣнахъ“, могущихъ случиться скоро въ этомъ мірѣ, имѣя въ виду, конечно, ожидаемое скопцами воцареніе на русскомъ престолѣ лжецаря Селиванова (³). Эти и нѣкоторые другіе предметы общей судьбы скопцовъ составляютъ существенное отличіе ея отъ общей судьбы хлыстовъ. Частная судьба какъ у хлыстовъ, такъ и у скопцовъ

(¹) Чтен. въ общ. ист... 1873 г. 1. 134 стр. Эта общая судьба приведена и въ книгѣ г. Добротворскаго съ тѣмъ, однако, различіемъ, что въ послѣдней слово «Саратовъ» выпущено и замѣнено словами «сюда» и «вселенная» (Люди божіи—55 стр.).

(²) Чт. въ общ. ист... 1872 г. 2. 134 стр.

(³) Тамъ же. 3. 297 и 298 стр.

имѣетъ въ виду преимущественно религіозно-нравственную сторону человѣка: его добродѣтели и пороки, награды и наказанія его въ будущей жизни и въ этой, что можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ частной судьбы. „Ты душечка моя, скорѣй ступай до рая; дорожка не близка, а у твоего конечка правая ножечка скользка. Ты бы за разъ дошелъ, да не на ту дорожку зашелъ“ (1). „Истинно (2), истинно, я, отецъ, тебѣ прорекаю; повѣрь, повѣрь, любезный сирота, что это истинно дѣло Божіе творится, а міръ—народъ сему дивится; истинно, истинно, я, отецъ, тебя не покину, тебѣ милость покажу и со грѣхомъ тебя развяжу, и ты будешь у меня, отца, не пустъ, посажу я тебя въ виноградный кустъ; къ тебѣ Духъ Святый будетъ прилетать, и ты изводь его узнать; и я, отецъ, не дамъ тебя въ іудейскія руки и избавлю тебя отъ вѣчныя муки, не дамъ напасть на тебя чернымъ вранамъ; ходитъ за тобой змѣя и хочется ей тебя ужалить и твою душу погубить, но я, отецъ, тебя сохраню“ (3).—Такъ какъ пониманіе нравственнаго совершенства у хлыстовъ и скопцовъ различно, то это различіе отражается и въ содержаніи частной судьбы. У скопцовъ напр. часто предметомъ частной судьбы является наставленіе о необходимости оскопленія (4). Кромѣ религіозно-нравственнаго содержанія, входящаго въ составъ частной судьбы, иногда предметами ея какъ у хлыстовъ, такъ и у скопцовъ служатъ разныя происшествія обыкновенной домашней жизни частнаго лица. Такъ напр., одинъ пророкъ предсказывалъ крестьянкѣ скорое освобожденіе ея семейства отъ рекрутской

(1) Этн. Сборн. Вып. VI. 1864 г. Смѣсь. 2—3 стр.

(2) Эта частная судьба, по словамъ Андреянова, имѣетъ въ виду человѣка, поколебавшагося въ скопческой вѣрѣ.

(3) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 3. 298 стр.

(4) Тамъ же—1. 84 стр. и 3. 313 стр.

повинности (1); чухломская же пророчица Устинья предсказывала взятіе трехъ братьевъ подъ судъ и караулъ за оскопленіе себя и другихъ (2).

По мнѣнію хлыстовъ и скопцовъ, происхожденіе общей и частной судьбы—сверхъестественно. Во время радѣній, говорятъ хлысты и скопцы, „Духъ Св. объемлетъ пророка", человѣчество послѣдняго „какъ бы умираетъ т. е. находится въ бездѣйственномъ состояніи"; такъ что въ это время пророкъ, самъ собою не можетъ ни дѣйствовать, ни говорить" и потому все, что онъ ни дѣлаетъ и ни говоритъ, то „дѣлаетъ и вѣщаетъ Духъ Св.", обитающій въ немъ (3). Въ такомъ именно смыслѣ показывали о своемъ мнимо благодатномъ состояніи всѣ хлыстовско-скопческіе пророки. „Когда, говорилъ о себѣ Осиповъ на слѣдствіи 1747 г., въ него входилъ Духъ Св., онъ говорилъ странными языки, а какими—не упомнитъ. Духа Св. сошествія онъ, Осиповъ, не видѣлъ, но присутствіе его въ себѣ, во время верченія и трясенія, онъ чувствовалъ. Чувство это выражалось трепетаніемъ сердца, аки голубь. Въ эти минуты онъ угадывалъ мысли и чувства другихъ, предугадывалъ счастіе, несчастіе, пропажи, говорилъ, что согласники его встрѣтятъ бѣду, будутъ они взяты подъ караулъ, будутъ истязаны. Подходя къ согласникамъ, знакомыхъ онъ называлъ по имени, а не знакомыхъ словомъ „вельмушка". Что значитъ и какъ по ихъ (хлыстовскому) суевѣрію толкуется это слово, онъ не знаетъ" (4). „Посредствомъ радѣнія, показывалъ о себѣ Евграфовъ въ 1846 году, онъ приходилъ въ непостижимое для него чувство, бывалъ тогда внѣ себя отъ радости и всѣмъ бывшимъ въ собраніи гово-

(1) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 2. 137 стр.

(2) Тамъ же, 164 стр.

(3) Тул. Еп. Вѣд. 1869 г. № 9. 339 стр. Чтен... 1872 г. 3. 297—298 стр.

(4) Суд.-мед. изслѣд. скопч. 118 стр.

рилъ что-то, но что именно, не помнилъ" (¹). Въ пѣсняхъ хлыстовъ и скопцовъ фактъ мнимаго сошествія Св. Духа на пророковъ передается съ такою же наивною увѣренностію въ его дѣйствительности, какъ и въ вышеприведенныхъ показаніяхъ. Выражая радость по случаю мнимаго озаренія свыше, хлысты и скопцы восторженно восклицаютъ: „эка милость, благодать, стали духомъ обладать" (²)! „пошелъ братецъ порадѣлъ и живымъ богомъ завладѣлъ" (³)! и т. д. Безусловно вѣруя въ сверхъестественное происхожденіе пророчествъ, хлысты и скопцы, поэтому, предъ временемъ произнесенія послѣднихъ всегда обращаются къ Богу съ молитвою, чтобы Онъ „избралъ Себѣ слугу на святомъ божьемъ кругу" и Самъ „проректъ бы" чрезъ него (⁴). Поэтому же, наконецъ, они строго ограждаютъ неприкосновенность пророчествъ, такъ что, по словамъ одного хлыста, никто изъ нихъ не рѣшится даже „разсуждать о правильномъ смыслѣ рѣчи", чего нерѣдко не достаетъ въ хлыстовско-скопческихъ пророчествахъ, опасаясь чрезъ это оскорбить Духа Св. (⁵).

Обстоятельства, предшествующія произнесенію пророчествъ, указываютъ, однако, на иной источникъ ихъ происхожденія, совершенно противоположный указываемому хлыстами и скопцами. Этотъ источникъ, очевидно, прежде всего кроется въ неистовомъ кружеміи и бѣганьи, которыя, какъ мы уже замѣчали, производятъ радикальное измѣненіе во всей духовной сферѣ человѣка, совершенно затемняя послѣднюю и доводя ее до полнаго изступленія. Пророчество хлыстовъ и скопцовъ, такимъ образомъ, въ первоначаль-

(¹) Ист. Мин. внут. дѣлъ VIII т 502 стр.

(²) Добротворскій—Пѣсн. № 45, 168.

(³) Добротворскій—№ 42. стр. 166.

(⁴) Чтен. въ общ. ист... 1873 г. 1. Пѣсн. № 25, 98 стр.

(⁵) Тул. Еп. Вѣд. 1869 г. 339—340 стр. 1867 г. № 17. 96 стр.

ной формѣ своего проявленія можетъ быть и есть на самомъ дѣлѣ результатъ крайняго нервнаго возбужденія. Оно есть, какъ говоритъ Преображенцевъ, „вдохновеніе фанатической силы“, такъ что и самъ пророкъ находясь въ этомъ состояніи, „произносимыя слова почитаетъ происходящими отъ вдохновенія Св. Духа“ (¹). Выражаемое въ безсвязныхъ и непонятныхъ звукахъ и словахъ, сопровождаемое при этомъ разнаго рода странными конвульсивными тѣлодвиженіями самого пророка, пророчество хлыстовъ и скопцовъ въ этой формѣ проявленія не заключаетъ въ себѣ никакого опредѣленнаго смысла. Послѣдній оно получаетъ только въ субъективномъ толкованіи того лица, къ которому бываетъ обращено и въ этомъ отношеніи, очевидно, смыслъ его также измѣняется, какъ измѣняется вообще настроеніе этого субъекта, его желанія, ожиданія и т. д. Но иногда, въ состояніи нервнаго возбужденія, хлыстовско-скопческіе пророки выражаютъ предшествующее этому состоянію расположеніе своего духа и образа мыслей, подобно тому, какъ въ состояніи сна нерѣдко предносятся человѣку разныя событія изъ его прошедшей жизни. Въ этомъ случаѣ изрѣченія хлыстовско-скопческихъ пророковъ отличаются бо́льшею содержательностію, но произносятся ими также безсознательно и противъ воли, а какъ будто по вдохновенію свыше. Аналогическое явленіе въ этомъ отношеніи представляютъ слѣдующіе два случая. „Дѣвушка, говоритъ Целиканъ, являющаяся на балъ съ цѣлью блеснуть туалетомъ и вскружить кому нибудь голову, придя отъ продолжительнаго вальса въ описанное психическое состояніе (т. е. подобное опьяненію), будетъ видѣть въ каждомъ танцорѣ влюбленнаго въ нее Адониса, а разыгравшееся воображеніе будетъ вращаться сначала около блестящихъ туалетовъ, чувства любви, но мо-

(¹) Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 17. 94 стр.

жетъ дойти наконецъ до самыхъ сильныхъ эротическихъ представленій. Дервишъ, дѣлающій свои тѣлодвиженія подъ вліяніемъ религіознаго фанатизма и ожидающій, что при посредствѣ ихъ на него сойдетъ вдохновеніе свыше, приходитъ наконецъ въ это восторженное состояніе, слышитъ небесные звуки и голоса, видитъ себя окруженнымъ ангелами и т. д. Всѣ происходящія около него явленія вызываютъ у него самыя ложныя представленія, какъ у человѣка, находящагося во снѣ, мысли у него ассоціируются въ безпорядкѣ, ускользаютъ отъ контроля со стороны разсудка" (1). Отсюда ясно, что самообольщеніе, какъ плодъ одного и того же дѣйствія, присуще не однимъ хлыстамъ и скопцамъ, но характеръ его и содержаніе, очевидно, разнообразны и видоизмѣняются, смотря по темпераменту и привычкамъ даннаго субъекта, а главное—смотря по обстановкѣ, при которой совершаются вращательныя движенія, вызывающія самообольщеніе. Такъ какъ нѣкоторые хлысты и скопцы во время совершенія своихъ радѣній ни о чемъ болѣе не думаютъ, какъ только объ озареніи свыше, ничего болѣе не желаютъ, какъ только сверхъестественнаго вдохновенія, такъ какъ, далѣе, мысли и чувства ихъ устремлены на событія, совершающіяся въ ихъ обществѣ и въ неодушевленной природѣ, то и самообольщеніе ихъ развивается именно въ этомъ направленіи: они убѣждаются въ наитіи на нихъ Св. Духа, вдохновляются и пророчествуютъ, т. е. высказываютъ то самое, о чемъ они думали гораздо ранѣе. Несомнѣнно, впрочемъ, что не всѣ пророчества хлыстовъ и скопцовъ суть плодъ нервнаго возбужденія, не всѣ они могутъ быть названы самообольщеніемъ хлыстовско-скопческихъ пророковъ. Многія пророчества, и даже большая часть, носятъ на себѣ очевидные признаки сознательнаго составленія ихъ тѣми,

(1) Суд.-мед. изслѣд. скопч. 104 стр.

которые ихъ произносятъ. По сознанію самихъ хлыстовъ и скопцовъ, пророчества ихъ въ большинствѣ случаевъ суть „произведенія собственнаго вымысла ихъ пророковъ“ (1). Этотъ вымыселъ нерѣдко является въ формѣ импровизаціи, произносимой пророкомъ въ то время, когда по вѣрованію сектантовъ должно войти на него озареніе Св. Духа. Существуетъ даже особое наставленіе относительно способа импровизація пророчествъ. Вотъ какое давалъ наставленіе по этому предмету одному хлысту другой, внутренно оставившій секту, но наружно еще державшійся ея: „Когда, говорилъ онъ, на бесѣдѣ будешь упражнять ся въ радѣніи и какъ взойдешь въ радость мнимаго Духа Св., при семъ обыкновенно всѣ стремятся мыслями къ Богу; въ семъ богомысліи имѣй слѣдующую вѣру псалмопѣвца Давида: *вѣровахъ, тѣмъ же возглаголахъ* (Пс. 115, 1). Съ такою вѣрою начинай пророчить слова свои по своему разумѣнью, сообразуйся пророчеству нашихъ пророковъ и быстрымъ соображеніемъ подводи слова въ риѳму. Вѣруй, что сіе твое пророчество происходитъ отъ Духа Св., вотъ и будешь намъ пророкъ“ (2). Упражненія въ импровизаціи пророчествъ обыкновенно начинаются съ „общей судьбы“ и притомъ вначалѣ подъ непосредственнымъ руководствомъ главнаго пророка (3). Само собою понятно, что первые опыты импровизаціи пророчествъ не отличаются достоинствами: они нерѣдко бываютъ лишены даже смысла и произносятся пророками съ видимою натянутостію и съ опасеніемъ или остановиться на полурѣчи или же сказать какую нибудь безсмыслицу. Только „слѣпое суевѣріе сектантовъ въ пророчества“, недопускающее критики послѣднихъ (4), ограждаетъ пророковъ отъ опасности

(1) Тул. Еп. Вѣд. 1869 г. № 24. 360 стр.

(2) Тамъ же, № 9. 339—340 стр.

(3) Тамъ же. 1867 г. № 17. 94 стр.

(4) Тамъ же, 1869 г. № 9. 340 стр.

уронить себя въ ихъ глазахъ своими нерѣдко безсмысленными и безтолковыми рѣчами; только оно одно открываетъ имъ широкій просторъ говорить все, что въ умъ вбредетъ. И нѣкоторые вполнѣ пользуются этимъ широкимъ правомъ. Созоновичъ такъ напр. показывалъ о своемъ пророческомъ дарѣ. „Изъ своего опыта, говорилъ онъ, я знаю, что когда продолжаешь одну рѣчь, то уже другая въ умъ непосредственно приходитъ, но дѣйствуетъ ли тогда мною какой либо духъ, того знать не могу, но полагаю болѣе, что оному пророчеству я не вдругъ научился, сначала мало по малу, а наконецъ и болѣе, такъ что нынѣ могу я какому угодно числу людей всякихъ съумасбродныхъ наговорить словъ“ (1).... Частое упражненіе въ импровизаціи пророчествъ естественно развиваетъ способности пророка говорить и въ тоже время болѣе или менѣе складно. Многіе, дѣйствительно, достигаютъ замѣчательнаго совершенства въ этомъ отношеніи. Такова напр. была чухломская пророчица Устинья, которая, по замѣчанію Андреянова, могла „пророчествовать безпрерывно весьма долго“, и „отъ высоты многими и ужасными изрѣченіями“ могла приводить своихъ слушателей „въ умиленіе и слезы“ (2). Не ограничиваясь импровизаціей, нѣкоторые, по словамъ Преображенцева, „умнѣйшіе и способнѣйшіе усвоиваютъ заблаговременно всѣ пріемы пророчества на бесѣдахъ мысленно“ (3). Какъ и слѣдуетъ ожидать, такіе пророки пророчествуютъ гораздо складнѣе и содержательнѣе, чѣмъ обыкновенные импровизаторы. Впечатлѣніе, производимое ими на слушателей, весьма велико. Для непосвященныхъ въ тайны пророчествъ пророчества такихъ пророковъ кажутся,

---

(1) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 1 97 стр.

(2) Тамъ же, 3. 313 стр. См. также замѣчанія объ этомъ у Преображенцева—Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 17, 94 стр.

(3) Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 17. 94—95 стр

по замѣчанію того же Преображенцева, „чѣмъ-то чудеснымъ, непостижимымъ“; въ новичкѣ они даже способны зародить „лестную мысль и желаніе получить въ свое сердце Св. Духа“, чтобы сдѣлаться подобнымъ же пророкомъ (1).

Догматическое основаніе для употребленія пророчествъ во время богослуженія хлысты и скопцы видятъ въ ученіи ап. Павла, который (1 Кор. XIV гл. 26. 28...) заповѣдуетъ христіанамъ, сходясь на богослуженіе, имѣть каждому псаломъ, ученіе.... и сказаніе т. е. пророчество (2). По словамъ одного учителя скопцовъ, самъ ап. Павелъ будто бы сказалъ однажды такое же „слово“ т. е. частное пророчество, какое произносятъ скопцы, равноапостольной Θеклѣ и послѣдняя „повѣрила“ этому „слову“ и „спаслася“ (3).— Обрядъ произнесенія пророчествъ какъ у хлыстовъ, такъ и у скопцовъ одинаковъ (4). Обыкновенно, какъ только окончатся радѣнія и умолкнетъ пѣніе роспѣвцевъ, всѣ присутствующіе на собраніи благоговѣйно падаютъ на колѣна предъ объявившимся пророкомъ, крестятся, кланяются ему въ землю и усердно просятъ его „сотворить имъ милость“ т. е. просвѣтить ихъ Духомъ Св., вселившимся въ него (5). Пророкъ перевязывается крестообразно „вервою“ (6), беретъ въ руку платокъ и устанавливается на опредѣленномъ мѣстѣ такъ, чтобы могъ видѣть всѣхъ присутствующихъ (7). Такъ какъ пророчество, по мнѣнію

(1) Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 17. 95 стр.

(2) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 1. 76 стр.

(3) Тамъ же—2. 162—163 стр.

(4) Единственное различіе въ этомъ отношеніи то, что, по замѣчанію Надеждина, скопческія пророчицы пророчествуютъ съ ручнымъ деревяннымъ крестомъ, тогда какъ хлыстовскія—безъ него (Сбор. Кельс. Ш. 140 стр.).

(5) Чтен. въ общ. ист.... 1872 г. 3. 297 стр.

(6) Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 17. 94 стр.

(7) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 3. 297 стр. и 1872 г. 4. 85 стр.

самого пророка и всѣхъ вообще сектантовъ, происходитъ отъ Бога, то каждый пророкъ считаетъ необходимымъ прежде начатія пророчества обратиться съ молитвеннымъ воззваніемъ къ Виновнику его. Форма этого воззванія какъ у хлыстовъ, такъ и у скопцовъ различна. Громовъ напр., по свидѣтельству Андреянова дѣлалъ воззваніе такъ: „благослови Отецъ, Савао̀въ, Богъ изъ рая, Искупитель, Богъ судья, твоимъ духомъ заселися, на округѣ объявися, соколъ съ неба сокатися, духъ небесный встрепенися“ (¹)! Гробовъ же обращался къ Богу съ такими словами: „прости солнце; прости мѣсяцъ; прости звѣзды; прости матушка сыра земля; Господь благослови мнѣ говорить не своими устами, а всели въ меня Св. Духъ Твой“ (²). Какъ только окончится это предварительное дѣйствіе пророка, онъ, обратившись лицемъ къ собранію и нѣсколько покачиваясь на одномъ мѣстѣ, начинаетъ „скоро и громко выговаривать рѣчи стихами“ т. е. изрекать общую судьбу (³). Всѣ присутствующіе слушаютъ пророка съ глубокимъ вниманіемъ, нѣкоторые даже умиляются и плачутъ (⁴). По окончаніи пророкомъ общей судьбы, всѣ присутствующіе благодарятъ его низкимъ поклономъ за изрѣченіе воли Божіей и чинно садятся на свои мѣста. Слѣдуетъ изрѣченіе частной судьбы. Тотъ, къ кому обращается „слово“ пророка, также, какъ и прежде, благоговѣйно падаетъ предъ пророкомъ на колѣна, крестится на него, нерѣдко плачетъ и внимательно выслушиваетъ все, что скажетъ мнимый провозвѣстникъ будущихъ судебъ (⁵). Обошедши всѣхъ присутствующихъ по порядку и сказавши каждому сектанту приличное

(¹) Чт. въ общ. ист... 1872 г. 2. 131 стр.

(²) Тамъ же.

(³) Тамъ же—3. 297 стр.

(⁴) Добротворскій—56 стр.

(⁵) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 3. 298 стр.

его состоянію „слово“, пророкъ оканчиваетъ свою пророческую дѣятельность новымъ обращеніемъ къ Богу, благодаря Его за помощь и прося взять обратно Св. Духа, котораго онъ былъ временнымъ носителемъ. Такъ, чухломская пророчица оканчивала свои пророчества такими словами: „пріими, Отецъ, Духа своего въ небеса, а меня, грѣшную рабу, въ грѣхахъ моихъ прости и не завини“ (1). По окончаніи пророчествъ, говоритъ Андреяновъ, „толкуютъ иногда пророчества, кому что вышло въ словѣ“ (2).

По свидѣтельству Андреянова, „пророчество всему собранію продолжается иногда безпрерывно до четырехъ часовъ“ (3). Трудно опредѣлить, о какомъ пророчествѣ говоритъ здѣсь Андреяновъ и какъ нужно понимать его свидѣтельство о продолжительности пророчества. Несомнѣнно, однако, что продолжительность общей и особенно частной судьбы весьма велика. Случается, что отъ усиленной болтовни пророкъ утомляется до того, что у рта его появляется пѣна и онъ нерѣдко падаетъ въ обморокъ. Поэтому, въ случаѣ особенно многолюднаго собранія обязанность пророческая раздѣляется между нѣсколькими способными на это дѣло сектантами. При этомъ, право пророчества предоставляется какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ,—послѣднимъ даже преимущественно (4). Существованіе, такъ сказать оффиціальныхъ пророковъ и пророчицъ не исключаетъ возможности появленія „съ словомъ“ лицъ частныхъ, не признанныхъ еще въ этомъ званіи, если на нихъ „накатитъ Духъ Св.“ т. е. если они придутъ въ состояніе восторга. Такимъ образомъ, на ряду съ оффиціальными пророками пророчествуютъ въ одно и тоже время и другіе

---

(1) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 3. 314 стр.

(2) Тамъ же—299 стр.

(3) Тамъ же—298 стр.

(4) Тамъ же—297 стр. и. 1. 154 стр. Добротворскій—57 стр.

неоффиціальные; это придаетъ особенную оживленность и радость всему собранію.

Важное значеніе пророчествъ въ религіозной жизни хлыстовъ и скопцовъ едвали можетъ подлежать сомнѣнію. Въ рукахъ опытныхъ и ловкихъ пророковъ, поставившихъ своею цѣлію подчинить и закрѣпостить за собою легковѣрныхъ сектантовъ настолько, чтобы послѣдніе были вполнѣ послушны и довѣрчивы, право пророчества является самымъ лучшимъ орудіемъ для достиженія этой цѣли. Съ другой стороны, пророчества служатъ вѣрнымъ проводникомъ ученія секты. Въ этомъ отношеніи особенно опасно вліяніе пророчествъ на людей, еще не присоединившихся къ сектѣ, но уже предрасположенныхъ къ ней. Весьма любопытные факты, характеризующіе зловредность вліянія пророчествъ на новичковъ, сообщаетъ изъ своей жизни Андреяновъ. По его разсказу, онъ неоднократно присутствовалъ во время богослужебныхъ собраній скопцовъ и вмѣстѣ съ прочими ему также бывало „слово". Цѣль и сущность этого „слова" всегда сводилась къ одному: присоединить Андреянова къ своему обществу и заставить его „убѣлиться". Такимъ желаніемъ особенно пламенѣла чухломская пророчица Устинья, — женщина ловкая и опытная. Уже наканунѣ отъѣзда Андреянова изъ Галича въ Петербургъ она, не смотря на прежнія неудачи „привести въ путь" непокорнаго Андреянова, снова обратилась къ нему съ „словомъ". Приводимъ послѣднее буквально. „Отъ оной пророчицы (Устиньи), говоритъ Андреяновъ, было мнѣ „слово", и она пророкала: какъ меня примутъ петербургскіе братья, знающіе меня и незнающіе, и оная же пророчица, во время „слова", иногда обходила кругомъ, и становилася предо мною на колѣна, и выпѣвала, что это дѣлаетъ мнѣ по власти Божіей, а не просто, и пророкала великую отъ Бога милость, и что искупитель хочетъ меня въ садъ посадить, и что Пресвятая Богородица хочетъ обручить меня за нетлѣнную невѣсту; а иногда выпѣвала, что

святой ангелъ Божій, хранитель мой, ходитъ за мною и плачетъ и молится за меня у престола Божія; и пророкала мнѣ часто со слезами, что, если я дѣлу Божію на чисто не повѣрю, и выйду изъ пути, то Богъ не дастъ мнѣ ни въ чемъ счастья и что я родился не міру служить, а Богу, то, чтобы о мірской жизни и помышленій не имѣлъ" (1).

Другую форму пророчествъ съ примѣсью нѣкоторой кажущейся чудесности составляютъ разнаго рода символическія дѣйствія, совершаемыя хлыстовскоскопческими пророками и имѣющія цѣлію или опредѣлить внутреннее, душевное состояніе извѣстнаго сектанта въ данное время или предсказать какое либо событіе, важное въ томъ или иномъ отношеніи для цѣлаго корабля. По своему характеру эти, такъ сказать, символическія пророчества представляютъ смѣсь грубаго суевѣрія и дѣтской наивности. Таковы напр. слѣдующія символическія пророчества. Пророкъ беретъ у сектантовъ платки, раскладываетъ послѣдніе на полу крестообразно и приказываетъ всѣмъ присутствующимъ идти чрезъ кресты, образовавшіеся изъ платковъ. Если кто либо при переходѣ чрезъ кресты неосторожно зацѣпитъ ногою платокъ и, такимъ образомъ, такъ или иначе нарушитъ фигуру какого либо креста, тотъ, по мнѣнію пророка, „повиненъ грѣху" и какъ такой подлежитъ публичному покаянію. Напротивъ, тотъ человѣкъ „праведной жизни" и заслуживаетъ публичной благодарности, кто, проходя чрезъ кресты, не повредитъ фигуры ни одного изъ нихъ.—Пророкъ беретъ св. воду и кадильницу съ ладономъ. Если пророкъ кропитъ св. водой всѣхъ присутствующихъ, значитъ, по мнѣнію сектантовъ, онъ отгоняетъ отъ нихъ невидимаго врага; напротивъ, если онъ кадитъ ладономъ—знакъ, что изъ общества перейдетъ душа въ будущую жизнь.—Пророкъ беретъ

(1) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 2. 136 стр.

икону и прикладываетъ ее одному къ ногамъ, другому къ головѣ, третьему къ сердцу и т. д.; для испытываемыхъ эти различные способы приложенія иконы означаютъ различные образы ихъ богопочитанія (1). Время совершенія символическихъ пророчествъ опредѣленно неизвѣстно; вѣроятно, онѣ совершаются или вмѣстѣ съ произнесеніемъ пророчествъ въ собственномъ смыслѣ или же по окончаніи оныхъ.

в) Пѣніе роспѣвцевъ.

Роспѣвцы, какъ мы уже замѣчали при обзорѣ литературы, суть произведенія большею частію самихъ хлыстовско-скопческихъ пророковъ и содержатъ въ себѣ разныя истины, относящіяся къ ученію, культу, быту и исторіи хлыстовъ и скопцовъ. По мнѣнію самихъ сектантовъ происхожденіе роспѣцевъ не-человѣческое. Послѣдніе, по ихъ вѣрованію, „уложены Духомъ Св. чрезъ уста пророковъ“ (2); поэтому же они считаютъ свои роспѣвцы какъ бы „спавшими съ неба“. Священникъ калужской губерніи Ивановъ даже въ консисторіи показалъ, что „онъ считаетъ невозможнымъ сочинить ихъ человѣку“ (3). Не удивительно, что хлысты и скопцы, такъ высоко думая о происхожденіи своихъ духовныхъ пѣсенъ или роспѣвцевъ, питаютъ къ нимъ глубокое уваженіе. О послѣднемъ могутъ свидѣтельствовать самыя наименованія, усвояемыя ими своимъ роспѣвцамъ. Такъ они называются у хлыстовъ и скопцовъ „пѣснями херувимскими и серафимскими“ (4), „пѣснями евангельскими“ (5),

---

(1) Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 17. 96—97 стр. Тамб. Еп. Вѣд. 1862 г. № 5. 212 стр. См. еще примѣры подобныхъ же пророчествъ въ Хр. Чт. 1869 г. № 9. 455 стр.

(2) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 2. 156 стр. и—3. 307 стр.

(3) Калуж. Еп. Вѣд. 1871 г. № 17. 396 стр. 2 прим.

(4) Добротворскій—Пѣсн. №№ 30. 152 стр., 37. 161 стр.

(5) Тамъ же. №№ 16. 132 стр., 35. 158 стр.

„пѣснями дорогими“ (1) и т. д. О глубокомъ уваженіи сектантовъ къ роспѣвцамъ, соединенномъ даже съ нѣкоторымъ къ нимъ благоговѣніемъ, говоритъ и Андреяновъ. По его словамъ, „они (скопцы) хранятъ ихъ (духовныя пѣсни) въ домахъ и скопищахъ секретно, никому изъ мірскихъ не показываютъ, говоря: какъ они воспоютъ пѣснь Господню на землѣ чужой“? (такою „чужою землею“ скопцы считаютъ весь православный міръ) (2). Тотъ же Андреяновъ въ другомъ мѣстѣ своего донесенія разсказываетъ о себѣ, что однажды пророчица Устинья, „давъ мнѣ тетрадку духовныхъ пѣсней, для спасенія, говорила, чтобы я постарался пѣсни ихъ знать на память: ибо у нихъ пѣсни ихъ всякій человѣкъ старается знать на память“ (3). Особеннымъ благоговѣйнымъ уваженіемъ пользуется у хлыстовъ и скопцовъ такъ назыв. „молитва Іисусова“, начинающаяся словами: „Дай намъ, Господи“.... О ея происхожденіи и значеніи даже образовалось въ хлыстовско-скопческомъ мірѣ нѣсколько легендарныхъ сказаній. Такъ, по преданію рязанскихъ хлыстовъ, „Іисусову молитву усвоилъ отъ ангеловъ божіихъ Сергѣй Игнатовъ (начальникъ корабля), когда онъ былъ на гумнѣ“. Эта молитва, по увѣренію тѣхъ же хлыстовъ, „какого бы ни была содержанія и напѣва, силу имѣетъ равную къ низведенію Св. Духа“ (4).

Въ литературномъ отношеніи роспѣвцы хлыстовъ и скопцовъ суть риемованныя стихотворенія и по своему характеру относятся къ группѣ народныхъ произведеній. Не представляя въ общей совокупности всѣхъ достоинствъ народнаго поэтическаго творчества, многіе роспѣвцы, однако, по справедливости могутъ быть названы „замѣчательными произведеніями“, на-

(1) Добротворскій—Пѣсн. № 47. 169 стр.

(2) Чтен. въ общ. ист... 1862 г. 3. 307 стр.

(3) Тамъ же, 2. 157 стр.

(4) Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 20. 209 и 242 стр.

родной поэзіи. Въ большинствѣ ихъ можно находить искусное соединеніе мысли и образа, изліяніе глубокаго лирическаго чувства, доходящаго по мѣстамъ до восторженности, живописность образовъ и стройность картинъ. Такова напр. пѣсня: „Корабль заливаетъ морскими волнами“, (1)... изображающая тяжелое положеніе сектантовъ, которыхъ какъ будто готовы поглотить морскія волны и на головы которыхъ какъ будто готовы обрушиться собравшіяся тучи. Еще болѣе дышитъ поэтическимъ чувствомъ пѣсня: „Ты, душа, душа, ты блаженная“ (2)...., прославляющая божественную любовь къ людямъ. Но, съ другой стороны, рядомъ съ этими и подобными роспѣвцами, носящими на себѣ несомнѣнные слѣды такого или иного поэтическаго достоинства, можно встрѣчать и такіе роспѣвцы, которые кромѣ жалкой риѳмы и очевидныхъ нелѣпостей не заключаютъ въ себѣ ничего другаго. Такова пѣсня: „Славенъ Питеръ, славенъ градъ“..., въ которой не только не проводится какой либо опредѣленной идеи, но даже нѣтъ двухъ отдѣльныхъ мыслей болѣе или менѣе дѣльныхъ по содержанію; вся пѣсня представляетъ наборъ пустыхъ, безтолковыхъ риѳмъ (3). Или вотъ еще пѣсня, замѣчательная по курьезному къ ней припѣву: „На седьмомъ на небеси самъ Спаситель закаталъ...: ай душки, душки, душки! у Христа-то башмачки сафьяненькіе, мелкострочennые“ (4)....

Богослужебное употребленіе духовныхъ роспѣвцевъ у хлыстовъ и скопцовъ весьма велико. Пѣніемъ роспѣвцевъ у нихъ большею частію начинается каждое богослуженіе, пѣніемъ же роспѣвцевъ оно всегда сопровождается и имъ же оно у нихъ нерѣдко оканчивается. Основаніе для такого широкаго употребле-

(1) Барсовъ. Дух. ст. люд. бож. № 31, 49—51 стр.
(2) Тамъ же, № 19, 29—31 стр.
(3) Добротворскій—Пѣсн. № 62, 181—182 стр.
(4) Чтен. въ общ. ист.. 1873 г. № 56. 122—123 стр.

нія роспѣвцевъ во время богослуженія хлысты и скопцы видятъ въ словахъ псалма (46, 2), гдѣ заповѣдывается вѣрнымъ постоянно „восклицать Богу гласомъ радованія“ (1). Но еще болѣе такое основаніе они видятъ въ 5 ст. 14 гл. Апокалипсиса Іоанна Богослова, гдѣ говорится о ста четырнадцати и о четырехъ тысячахъ дѣвственниковъ, „съ женами не осквернившихся“, которые пѣли „яко пѣснь нову предъ престоломъ и предъ четырмя животными и старцы“; подъ этими дѣвственниками хлысты и скопцы разумѣютъ самихъ себя (2). По различію времени и обстоятельствъ, когда поются у скопцовъ и хлыстовъ духовные роспѣвцы, послѣдніе бываютъ различны. Такъ, въ Милютинскомъ кораблѣ существовали пѣсни, исключительно употреблявшіяся только при радѣніяхъ; по радѣніямъ они носили и названія „круговыхъ“, „корабельныхъ“, „крестныхъ“ и т. д. (3). Изъ описанія Преображенцевымъ нѣкоторыхъ религіозныхъ обрядовъ можно также заключить, что у хлыстовъ при совершеніи различныхъ религіозныхъ празднествъ поются и пѣсни, приспособленныя по содержанію къ характеру этихъ торжествъ. Такъ, извѣстно, что при обрядѣ освященія моленнаго дома въ числѣ другихъ пѣсенъ употреблялись хлыстами и такія, которыя имѣли отношеніе только къ этому праздничному случаю, подобно тому, какъ при совершеніи молитвъ о здравіи именинника, они пѣли пѣсню, составленную въ честь послѣдняго (4). Наконецъ, въ частности, относительно употребленія вышеупомянутой нами такъ называемой „молитвы Іисусовой“ должно замѣтить, что она какъ у хлыстовъ, такъ и у скопцовъ имѣетъ значеніе сакраментальное: она употребляется въ са-

(1) Добротворскій, 48 стр.

(2) Чт. въ общ. ист... 1873 г. 1. 135 стр.

(3) Тамъ же, 123 стр.

(4) Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 7, 239 стр. и № 20, 210—212 стр.

мыхъ важныхъ, таинственныхъ, по мнѣнію сектантовъ, случаяхъ и именно тогда, когда, по ихъ вѣрованію, низпосылается на людей или на вещи благословеніе Божіе (1). Кромѣ этого своего богослужебнаго употребленія молитва Іисусова имѣетъ еще въ большинствѣ случаевъ значеніе начинательнаго роспѣвца, пѣніемъ котораго открывается самое богослуженіе.

„Для пѣнія духовныхъ пѣсенъ, говоритъ Кудимовъ, избираются у скопцовъ особые пѣвцы, кои, сидя за кругомъ, поютъ, а прочіе вкругъ пляшутъ или радѣютъ..., а пѣть (вѣроятно подпѣвать), если кто можетъ, и всѣмъ не воспрещается“ (2). Это извѣстіе Кудимова объ особыхъ пѣвцахъ по его одиночности не можетъ заслуживать безусловнаго вѣроятія. Кажется, гораздо правдоподобнѣе предположеніе, что какъ скопцы, такъ и хлысты во время радѣній раздѣляются на двѣ равныя половины, изъ которыхъ одна поетъ роспѣвцы, а другая радѣетъ; въ другихъ же случаяхъ, независимо отъ радѣній, право пѣнія пѣсенъ принадлежитъ одинаково всѣмъ сектантамъ, способнымъ пѣть. Напѣвы духовныхъ роспѣвцевъ, существующіе у хлыстовъ и скопцовъ, различны. Это различіе напѣвовъ обусловливается главнымъ образомъ душевнымъ настроеніемъ сектантовъ, которое въ свою очередь опредѣляется характеромъ событій, празднуемыхъ ими. Веселые по случаю какого либо радостнаго торжества, хлысты и скопцы поютъ и пѣсни свои весьма скоро, весело; напротивъ, печальное настроеніе, вызываемое какимъ либо несчастіемъ, полагаетъ такую же печаль и на самый мотивъ пѣсенъ: онѣ поются протяжно, „какъ бы по нотамъ“, тономъ ровнымъ, плавнымъ, нерѣдко заунывнымъ (3). Иногда,

(1) См. напр. Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 20. 209 стр. и № 7. 240 стр.

(2) Чтен. въ общ. ист.. 1872 г. 1. 76 стр.

(3) Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 23. 286 стр., Сборн. Кельс. Ш. 158 стр.

впрочемъ, хлысты и скопцы начинаютъ пѣсню протяжно, заунывно; потомъ мало по малу возвышаютъ свой голосъ, и пѣніе становится скорымъ, веселымъ: „изъ largo и pianissimo, какъ говоритъ г. Мельниковъ, пѣсня переходитъ въ vivace allegro и fortissimo“ (1). Само собою понятно, что радѣльныя пѣсни не могутъ подчиняться въ своихъ напѣвахъ такому или иному настроенію сектантовъ. Каждому особому виду радѣній долженъ соотвѣтствовать извѣстный, опредѣленный напѣвъ; такъ, радѣніе, совершаемое скоро, быстро, требуетъ, очевидно, и напѣва пѣсни, также скораго, веселаго, какъ, съ другой стороны, радѣніе медленное требуетъ и напѣва пѣсни медленнаго, ровнаго.—Характеръ исполненія хлыстами и скопцами своихъ духовныхъ роспѣвцевъ, по свидѣтельству свящ. Сергѣева, не одинаковъ; иногда, говоритъ онъ, сектанты поютъ свои пѣсни „весьма согласно и пріятно“, но иногда „какъ бы единогласно со всхлипываніемъ и съ порывистыми духа трелями“ (2). При этомъ, по замѣчанію другихъ, слышавшихъ пѣніе хлыстовъ и и скопцовъ, многіе пѣсни, особенно напѣва скораго, поются „на голосъ разныхъ грубыхъ площадныхъ мірскихъ пѣсенъ“ (3). Не смотря на такую примѣсь чуждаго напѣва, вовсе несообразнаго ни съ духовнымъ содержаніемъ роспѣвцевъ, ни съ цѣлію ихъ употребленія, сами хлысты и скопцы высокаго мнѣнія о своемъ пѣніи и даже гордятся имъ. Въ ихъ пѣсняхъ часто можно встрѣчать уподобленія своего пѣнія пѣнію пророкомъ и царемъ Давидомъ своихъ псалмовъ. Такъ, по выраженію пѣсенъ, во время богослужебныхъ собраній „гости—корабельщики“, т. е. сектанты, „въ гусли Давидовы выигрываютъ, глаголы Го-

(1) Рус. Вѣстн. 1869 г. № 3. 378 стр.

(2) Чтен. въ общ. ист... 1874 г. 3. 70 стр.

(3) Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 23. 286 стр. Чтен... 1872 г. 1. 75 стр.

сподни вычитываютъ“ (1); корабельщикамъ подражаетъ даже само „небо золотое“, гдѣ также „въ струночки играютъ“ (2) и самъ Духъ Св., гуляя по садику т. е. въ собраніи сектантовъ, „въ звончаты гусли играетъ (3).

2) Виды хлыстовско-скопческаго богослуженія и совершеніе ихъ.

При крайней ограниченности свѣдѣній, относящихся до богослуженія хлыстовъ и скопцовъ, при сбивчивости и тѣхъ не многихъ извѣстій относительно этого предмета, какія имѣются уже въ печати, раздѣленіе хлыстовско-скопческаго богослуженія на виды представляется довольно затруднительнымъ. Поэтому неудивительно, что въ извѣстныхъ до сего времени опытахъ дѣленія хлыстовско-скопческаго богослуженія на виды замѣчаются, съ одной стороны, разногласія между учеными изслѣдователями въ этомъ отношеніи, а съ другой—или положительное отсутствіе принципіальности въ дѣленіи или же противорѣчіе принятому принципу дѣленія. Наглядное подтвержденіе только что высказаннаго нами замѣчанія представляютъ опыты дѣленія богослуженія хлыстовъ и скопцовъ, сдѣланные гг. Добротворскимъ и Н. Барсовымъ. Первый все богослуженіе хлыстовъ и скопцовъ раздѣляетъ на три вида: простыя бесѣды, обыкновенныя радѣнія и чрезвычайныя (4); второй, напротивъ, видитъ въ богослуженіи хлыстовъ и скопцовъ только два вида: радѣнія, совершаемыя подъ двунадесятые и годовые праздники, и простыя бесѣды, совершаемыя въ прочіе дни года (5). Намъ ка-

(1) Добротворскій—Пѣсн. № 32, 154—156 стр.
(2) Тамъ же. № 55, 175 стр.
(3) Тамъ же. № 54, 174 стр., № 10, 125 стр.
(4) Люди божіи, 42 стр.
(5) Хр. Чт. 1869 г. № 9. 457 стр.

жется, что и то и другое дѣленіе одинаково несостоятельно; первое потому что не выдерживаетъ во всей строгости намѣченнаго принципа дѣленія, относя напр. безъ достаточнаго основанія такъ называемое годовое радѣніе, совершающееся въ опредѣленное время, къ радѣніямъ чрезвычайнымъ т. е. вызываемымъ случайными обстоятельствами и считая простыя бесѣды, вызываемыя дѣйствительно случайностями, особымъ видомъ богослуженія (1); второе потому, что самое понятіе автора этого дѣленія о простой бесѣдѣ ложно, ибо то, что онъ называетъ простою бесѣдою, есть на самомъ дѣлѣ радѣніе (2); кромѣ того, предположеніе автора о различіи характера богослуженія, обусловливаемомъ будто бы праздничными и простыми днями православной церкви, не имѣетъ въ пользу себя фактическихъ основаній и составляетъ только догадку самого автора. По нашему мнѣнію, строго придерживаясь времени и обстоятельствъ, вызывающихъ хлыстовско-скопческое богослуженіе, послѣднее можно раздѣлить только на два вида: на обыкновенныя радѣнія и случайныя или чрезвычайныя. Къ первому виду слѣдуетъ отнести обыкновенное радѣніе въ собственномъ смыслѣ и радѣніе годовое, которое всегда пріурочивается къ одному изъ должайшихъ дней іюня мѣсяца. Второй видъ хлыстовско-скопческаго богослуженія будутъ составлять: радѣніе по случаю несчастія или желанія узнать будущее, простая бесѣда, чинопринятіе въ секту и обрядъ прощенія. Къ этому же виду, безъ сомнѣнія, нужно отнести: чинъ освященія моленнаго дома, чинъ посвященія въ достоинство кормщика корабля (3), молитвословіе о здравіи именинника, чинъ погребенія и по-

---

(1) Люди божіи, 62 стр. и 42 стр.

(2) См. примѣръ бесѣды, приведенный авторомъ—Хр. Чт. 1869 г. № 9. 458—462 стр.

(3) Описаніе этихъ двухъ обрядовъ было представлено выше.

миновенія умершихъ и водосвятіе. Въ указанномъ нами порядкѣ мы и будемъ излагать образъ совершенія хлыстами и скопцами своего богослуженія. При этомъ считаемъ необходимымъ сдѣлать еще одно замѣчаніе. Совершенное молчаніе всѣхъ скопцовъ, а равно и тѣхъ, которые производили слѣдствіе надъ послѣдними, о годовомъ радѣніи, о радѣніи, вызываемомъ несчастіями, о молитвословіи въ честь именинника, заставляетъ насъ думать, что эти богослужебныя дѣйствія, описанныя г. Добротворскимъ и упоминаемыя въ нѣкоторыхъ другихъ источникахъ, совершаются только у однихъ хлыстовъ и не имѣютъ мѣста у скопцовъ. Поэтому, при описаніи образа совершенія вышеозначенныхъ дѣйствій мы будемъ имѣть въ виду однихъ только хлыстовъ, не рѣшаясь распространять совершенія этихъ дѣйствій на скопцовъ.

Обыкновенное радѣніе. Обыкновенное радѣніе или богослуженіе какъ у хлыстовъ, такъ и у скопцовъ совершается одинаково и если существуютъ въ этомъ отношеніи разности между тѣми и другими, то онѣ весьма незначительны и ничтожны. Наканунѣ того дня, въ который назначено совершеніе богослуженія, хлысты и, конечно, скопцы „подъ предлогомъ ярмарки или другой причины уходятъ изъ домовъ, говоритъ, свящ. Сергѣевъ, и незамѣтнымъ образомъ собираются въ тотъ домъ, въ которомъ предполагается радѣніе. Когда наступитъ ночь, собираются въ одну горницу“ (1). Входя въ послѣднюю, каждый сектантъ осѣняетъ себя крестнымъ знаменіемъ и полагаетъ три земные поклона. Далѣе, каждый сектантъ съ подобающимъ почтеніемъ подходитъ къ кормщику или кормщицѣ корабля, крестясь кланяется ему или ей до земли и выражаетъ свое привѣтствіе въ родѣ слѣдующихъ: „здравствуй, батюшко, красное солнышко“! или: „батюшко, нашъ Святъ Духъ, покрой насъ!“ и

(1) Хр. Чт. 1869 г. № 9. 452 стр.

цѣлуетъ въ руку, а иногда и въ уста. Всѣмъ прочимъ братьямъ и сестрамъ, если они уже находятся въ соборѣ, каждый новоприходящій также кланяется въ ноги и ему отвѣчаютъ тѣмъ же (1). Начинается переодѣванье, возженіе свѣчей, куреніе ѳиміама и проч., по окончаніи чего слѣдуетъ испрашиваніе прощенія первоначально у кормщика или у кормщицы, а потомъ другъ у друга. У хлыстовъ это взаимное прощеніе свидѣтельствуется цѣлованіемъ (2), у скопцовъ же троекратнымъ земнымъ поклономъ (3). При этомъ, говоритъ Андреяновъ, скопческій учитель, поклонившись всему собранію въ знакъ мира, обращается ко всѣмъ присутствующимъ съ просьбой „помолиться за государя батюшку, избранныхъ ихъ, сидящихъ въ темницахъ, сосланныхъ въ ссылку и живущихъ по разнымъ странамъ“ (4). Потомъ, продолжаетъ свящ. Сергѣевъ, „учитель беретъ кадильницу, кадитъ иконы и предстоящихъ; отдавши кадильницу, учитель, по образцу нашихъ іерарховъ, кладетъ себѣ на плечи полотенце, подобіе омофора....., беретъ въ одну руку крестъ, въ другую—зажженную свѣчу, и вмѣстѣ со всѣми начинаетъ пѣть: царю небесный...., многое множество моихъ, Богородице, прегрѣшеній“ (5).... По свидѣтельству Андреянова и др. скопцовъ, скопцы въ означенное время поютъ молитвы „собственнаго сочиненія“, которыхъ у нихъ извѣстно только три: первая начинается словами: „Все упованіе“...., вторая—„Царство, ты царство, духовное царство“..... и третья—„Дай-ко намъ Господа Іисуса Христа“ (6)... Осѣнив-

(1) Хр. Чт. 1869 г. № 9. 452 стр. и Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 2. 119 стр.

(2) Хр. Чт. 1869 г. № 9. 453 стр.

(3) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 3. 295 стр.

(4) Тамъ же.

(5) Хр. Чт. 1869 г. № 9. 453 стр.

(6) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 2. 122—124 стр. Тамъ же—3 № 295 стр.

ши, по окончаніи пѣнія молитвъ, всѣхъ предстоящихъ крестомъ и свѣчею и выразивъ имъ свое радостное привѣтствіе о воскресеніи Христа, учитель, говоритъ Сергѣевъ, „ставитъ крестъ и свѣчу на мѣсто“ (1); самъ онъ садится впереди, а прочіе „по достоинствамъ ихъ“ (2); каждый сектантъ разстилаетъ на колѣнахъ платокъ и полотенце; слѣдуетъ поученіе, въ которомъ кормщикъ или кормщица указываютъ на милость Божію и побуждаютъ всѣхъ присутствующихъ къ ревностному пѣнію и радѣнію. Посидѣвши за тѣмъ нѣсколько времени, въ глубокомъ молчаніи, наставникъ обращается къ хозяину дома приблизительно съ такими словами: „ну-ко-сь, господинъ хозяинъ, благоволите-ка намъ съ государемъ батюшкою повеселиться, небесною пищею его насладиться, Богомъ-свѣтомъ завладать и на святомъ кругу его покатать“. Хозяинъ, вставши и поклонившись съ своей стороны, отвѣчаетъ напр. такъ: „родимый ты нашъ батюшка, вить знаешь: народъ Божій собрался не стѣнъ моихъ смотрѣть, а мягкихъ пироговъ (т. е. пророчествъ) твоихъ покушать и слова Божьяго отъ тебя, государя, послушать“. Тогда кормщикъ или кормщица и всѣ прочіе, перекрестившись, начинаютъ пѣніе такъ назыв. сакраментальной молитвы: „Дай намъ, Господи, Іисуса Христа“ (3)...., вслѣдъ за которою слѣдуютъ пѣніе прочихъ духовныхъ роспѣвцевъ и радѣнія (4). Доведенные бѣганьемъ и круженіемъ до совершеннаго изнеможенія, хлысты и скопцы прекращаютъ свои радѣнія, разсаживаются по своимъ мѣстамъ и продолжаютъ пѣніе нѣкоторыхъ своихъ роспѣвцевъ, по окончаніи которыхъ слѣдуетъ изрѣченіе

---

(1) Хр. Чт. 1869 г. № 9. 453 стр.

(2) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 3. 295 стр.

(3) Хр. Чт. 1869 г. № 9. 453—454 стр. См. также у Андреянова—Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 3. 295—296 стр.

(4) Люди божіи. Добротв. 45 стр.

„общей“ и „частной судьбы“ (1). У ерыклинскихъ монтанъ послѣ совершенія пророчествъ устроляется „престолъ“ изъ двухъ широкихъ полотенцевъ, растянутыхъ въ плоскомъ видѣ. Этотъ престолъ обыкновенно поддерживаютъ четверо мужчинъ; по угламъ его держатъ четыре вожженныхъ восковыхъ свѣчи. Вокругъ престола становятся всѣ присутствующіе въ соборѣ и начинаютъ пѣть такъ назыв. „божіи суды“ (2). Лишь только окончатъ пѣніе послѣднихъ, „престолъ“ уничтожаютъ, всѣ присутствующіе, безъ различія пола и возраста, берутъ въ руки палки и строятся въ двѣ противоположныя колонны. Начинается кровополит-

(1) Люди божіи, Добротв. 54 стр. и Чт. въ общ. ист... 1872 г. 3. 297 стр.

(2) Такихъ «божіихъ судовъ» у ерыклинскихъ монтанъ существуетъ девять, какъ они говорятъ, «по числу девяти чиновъ ангельскихъ» (Самар. Еп. Вѣд. 1875 г. № 15. 332 стр.). Текстъ одного изъ этихъ «судовъ» мы приводимъ здѣсь. Въ немъ, въ разговорной формѣ, раскрывается мысль о таинственномъ значеніи богослуженія монтанъ и, въ частности, показывается душеспасительное значеніе радѣній. Вотъ текстъ этого «божіяго суда». «Батюшка, гость богатый дорогой и царь небесный отецъ вмѣстѣ катаются и ликуются въ Іерусалимѣ Господнемъ, и ручка за ручку они схватились, къ устамъ приложились и, какъ надобно, поликовались, покатились они къ Дарьюшкѣ во палатушку. Гдѣ бы намъ Дарьюшка припокоиться?—Припокоился на печкѣ, на колбычкѣ, царь небесный Отецъ, а Сынъ Божій изобранный за престоломъ впереди, на лавочкѣ. Вѣрны праведны пришли попраздновать, — Богу помолились, другъ другу поклонились. Гдѣ бы намъ Дарьюшка попраздновать? Подите, въ заднемъ упокойчикѣ. Вѣрны праведны разрадовались, палатушка ходенемъ ходитъ; а батюшка Сынъ Божій стрепенулся, пречистую головушку приподнялъ, сталъ на пречистыя ноженьки, подкатился къ печкѣ, колбычкѣ, положилъ свои пречистыя рученьки на печку, на колбычку. Батюшка, гость богатый, дорогой! чьи это утѣхи, чьи это забавы на матушкѣ на сырой землѣ? Эти утѣхи, эти забавы на себя не снимаю и на тебя не кладу. Батюшка, гость богатый, дорогой! чьи это утѣхи, чьи это забавы? Эти утѣхи, эти забавы съ 7-го неба превышняго Бога Саваова, отъ Его брака Господняго, отъ лица Его пречистаго, отъ престола Господняго, отъ креста распятаго, отъ трубы живогласныя,—много, много изъ ада душъ выведятъ» (Сам. Вѣд. 1875 г. № 15. 334 стр.).

ная битва; каждый сектантъ бьетъ другаго и притомъ такъ сильно, что у нѣкоторыхъ остаются всегдашніе знаки отъ побоища. У одного напр. сектанта отъ удара палкою образовалась на головѣ большая шишка, существовавшая нѣсколько лѣтъ. По окончаніи битвы палками, ерыклинскіе монтаны вьютъ изъ полотенцевъ жгуты и начинаютъ ими хлыстать другъ друга; хлыстаніе продолжается до тѣхъ поръ, пока сектанты не обезсилятъ совершенно. „Не повѣрилъ бы я сказанію о такомъ самоистязаніи людей божіихъ, говоритъ разсказывающій объ этомъ свящ. Вратскій, но въ подлинности сего удостовѣряетъ недавно обратившаяся изъ монтанской секты женщина, бывшая 12-ть лѣтъ въ монтанствѣ и свидѣтельствующая о семъ своею совѣстію. По сказанію ея, таковое жестокое біеніе себя жгутами монтаны употребляютъ для прогнанія изъ плоти бѣса, духа нечистаго, по выходѣ коего, будто бы и вселяется Духъ Божій въ душу послѣдователя монтанской секты и обитаетъ въ ней. Кромѣ сего, по мнѣнію монтанъ, біеніе жгутами имѣетъ то значеніе, что спасительные знаки добровольныхъ страданій есть какъ бы перстень обрученія съ Богомъ и будущая слава ихъ во царствіи небесномъ“ (1). По словамъ Андреянова, скопцы, по окончаніи пророчествъ и толкованія послѣднихъ, поютъ: „Христосъ воскресе“ собственнаго уложенія; „потомъ учитель кладетъ на лавку, подъ святые образа, крестъ Господень и покровы отца-искупителя. Присутствующіе покорно кланяются въ землю и прикладываются къ кресту и къ покрову и кладутъ деньги по усердію, крестятся, попарно кланяются учителю въ землю“ (2). По свидѣтельству г. Добротворскаго, „всѣ еретики по окончаніи пророчествъ становятся предъ иконами и поютъ заключительную молитву о благополучномъ

(1) Самар. Вѣд. Еп. 1875 г. № 15. 332—333 стр.

(2) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 3. 298—299 стр.

возвращеніи въ домы: „Царю, свѣтъ небесный, милосердый нашъ Богъ“ (1).... Такимъ образомъ, очевидно, что въ разныхъ хлыстовско-скопческихъ корабляхъ дѣйствія, слѣдующія за произнесеніемъ пророчествъ, бываютъ различны. Однако, всѣ хлысты и скопцы, кажется всѣхъ кораблей, сходятся въ одномъ, именно: всякій разъ по окончаніи обыкновеннаго и всякаго другаго радѣнія они всѣмъ соборомъ садятся за общій столъ „якобы за Господню трапезу въ царствѣ небесномъ, ликуя всѣ вмѣстѣ подобно ангеламъ и святымъ“. Поэтому, по правиламъ сектантовъ, каждый изъ нихъ, отправлялсь въ соборъ, обязанъ нести съ собою и что либо изъ съѣстныхъ припасовъ или изъ напитковъ, въ родѣ чаю. Изъ этихъ-то принесенныхъ сектантами матеріаловъ приготовляется хозяиномъ дома общій обѣдъ или ужинъ и чай. По мнѣнію самихъ сектантовъ, они такою общею трапезою напоминаютъ будто-бы общія трапезы первенствующихъ христіанъ и поэтому усвояютъ ей названіе „тайной вечери“. Во время самой трапезы хлысты и скопцы поютъ приличные случаю роспѣвцы и нерѣдко поминаютъ своихъ единовѣрцевъ-умершихъ и живыхъ, но находящихся гдѣ либо въ заключеніи или отлучкѣ (2). За общею трапезою радѣніе оканчивается; всѣ скопцы, поэтому, тотчасъ же удаляются изъ собора и отправляются въ свои дома. При этомъ какъ замѣчено у нѣкоторыхъ скопцовъ, каждый выходящій долженъ поклониться всему собранію и сказать: „простите родимые братцы и сестрицы“! собраніе въ свою очередь должно отвѣчать выходящему: „спаси тебя, Господи“ (3)!

---

(1) Люди божіи—57 стр.

(2) Самар. Еп. Вѣд. 1875 г. № 15. 333 стр. Добротворскій—57 стр. Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 2. 138—140 стр. Тамъ же—1. 156 стр. Сборн. Кельс. Ш. 159 стр. и т. дал.

(3) Этнограф. Сборн. VI вып. 1864 г. Смѣсь. 6 стр.

Наміченный нами порядокъ совершенія обыкновеннаго радѣнія у хлыстовъ и скопцовъ, само собою, не есть единственный; онъ видоизмѣняется почти въ каждомъ кораблѣ; только одна общая схема этого радѣнія остается, вѣроятно, неизмѣняемою. Съ такимъ именно характеромъ обыкновенное радѣніе входитъ и во всѣ другія радѣнія, такъ что эти послѣднія отличаются отъ обыкновеннаго радѣнія только нѣкоторыми дѣйствіями, вызываемыми тѣмъ или другимъ случаемъ. Поэтому, чтобы не повторяться, мы, при изложеніи слѣдующихъ за этимъ радѣній, будемъ указывать только отличительныя ихъ дѣйствія, оставляя безъ вниманія такія дѣйствія, которыя общи съ обыкновеннымъ радѣніемъ.

Годовое радѣніе. Годовое радѣніе совершается въ самый долгій іюньскій день, большею частію около дня Пятидесятницы. Оно отличается отъ другихъ радѣній, между прочимъ, и необыкновенною продолжительностію совершенія: обыкновенно, въ этотъ день хлысты радѣютъ часовъ шесть до полночи и часовъ шесть послѣ полночи. Совершеніе годоваго радѣнія окружено у хлыстовъ необыкновенною таинственностію и невѣроятными видѣніями. „Въ срединѣ моленной комнаты, говоритъ г. Добротворскій, подъ поломъ выкопана большая яма и надъ ней въ полу прикрѣплена рѣшетка; надъ рѣшеткой ставится круглый чанъ, наполненный свѣжей водой и освѣщенный восковыми свѣчами“ (1). Вокругъ этого-то чана хлысты и радѣютъ въ этотъ разъ. „Когда, говорила Анна Скочкова, всколеблется вода (въ чанѣ), то всѣ, ставъ на колѣна, видятъ надъ чаномъ туманъ, а въ туманѣ младенца, сіяющаго свѣтомъ. Въ сію минуту они приходятъ въ ужасный трепетъ, дѣлаются безъ движенія, потомъ опамятовавшись и пришедъ въ себя, кланяясь другъ другу, говорятъ: „поздравляю тебя съ

(1) Люди божіи, 60 стр.

видѣніемъ Христа“ (1). По словамъ Савченковой, хлысты предъ временемъ этого необычайнаго видѣнія дѣлали „гласомъ своимъ вой съ произношеніемъ словъ: „Боже нашъ, выйди до насъ“ и „по такомъ словамъ“ сдѣлался будто-бы шумъ воды въ чанѣ или тапликѣ, „на подобіе кипячей“; изъ чана будто-бы „вылѣзло что-то похожее на маленькаго ребенка мужеска пола нагое, сѣло на досточкѣ (которая была прикрѣплена вверху чана) и, обратившись ко всему собранію, будто бы говорило: „мнѣ кланяйтесь“ (2). Вслѣдъ за видѣніемъ чудеснаго младенца „пророчица, говоритъ г. Добротворскій, помазываетъ всѣхъ радѣльщиковъ водой изъ чана, приговаривая: „даромъ Св. Духа помазайтесь. Духомъ Св. наслаждайтесь и въ вѣрѣ не поколебайтесь“ (3). Воду изъ чана, по свидѣтельству Скочковой, хлысты „берутъ въ посудѣ по домамъ, какъ святыню“ (4). По словамъ г. Мельникова, въ нѣкоторыхъ корабляхъ въ годовое радѣніе поютъ пѣсни „матушкѣ сырой землѣ“, которую отожествляютъ съ богородицей. Богородица, одѣтая въ цвѣтное платье, выходитъ изъ подполья, вынося на головѣ чашку съ изюмомъ или другими сладкими ягодами и причащаетъ всѣхъ присутствующихъ (5). Впрочемъ, господ. Добротворскій считаетъ этотъ разсказъ Мельникова вымышленнымъ (6).

Радѣніе по случаю несчастія или желанія узнать будущее. — По образу своего совершенія это радѣніе отчасти походитъ на предъидущее. „Собравшіеся люди божіи, говоритъ г. Добротворскій подходятъ къ пророчицѣ, которая сидитъ обыкновенно впереди,

---

(1) Рус. Вѣстн. 1869 г. № 3. 381 стр. 2 примѣч.

(2) Православ. Собесѣд. 1870 г. 1 ч. 23 стр.

(3) Люди божіи, 62—63 стр.

(4) Рус. Вѣстн. 1869 г. № 3. 381 стр. 2 примѣч.

(5) Тамъ же—381 стр.

(6) Прав. Собесѣд. 1870 г. 1 ч. 21 стр.

прикладываются къ ея колѣну и потомъ становятся около чана въ два круга, мужчины ближе къ чану, а женщины позади ихъ, тѣ и другіе лицемъ къ чану". Начинается радѣніе, сопровождаемое частымъ паденіемъ радѣльщиковъ ницъ предъ чаномъ; пророкъ и пророчица читаютъ въ это время со слезами разныя молитвы. Когда наступитъ полночь, мужчины спускаютъ рубашки по поясъ, женщины же саади по поясъ, а спереди по груди; тѣ и другія опоясываются полотенцами или рукавами рубашекъ. Въ такомъ полуобнаженномъ видѣ подходятъ къ пророчицѣ, которая каждому изъ нихъ вручаетъ жгутъ, свитый изъ полотенцевъ или вмѣсто послѣдняго три вербы, сложенныя вмѣстѣ, ударяя предварительно каждаго тѣмъ или другимъ по два раза, чрезъ правое и лѣвое плечо; пророкъ съ своей стороны ударяетъ каждаго по разу. Заручившись орудіями казни, всѣ хлысты снова установливаются вокругъ чана: мужчины въ одинъ кругъ, женщины въ другой; начинаютъ совершеніе хороводнаго радѣнія, во время котораго задній бьетъ передняго приговаривая:

„Хлыщу, хлыщу, Христа ищу.
Сниди къ намъ Христе, со седмаго небесе,
Походи съ нами Христе, во святомъ во кругу,
Сокати съ небесе,
Сударь Духъ Святый"!

Такъ продолжается весьма долго, но радѣніе непремѣнно прекращается, если только замѣтятъ колыханіе воды въ чанѣ, что, впрочемъ, случается не всякій разъ. Лишь только вода заколышется, всѣ сектанты моментально падаютъ на полъ и слышатъ будто бы изъ-подъ чана какой-то глухой голосъ. Этотъ глухой голосъ пророки и пророчицы впослѣдствіи толкуютъ, примѣняясь при этомъ, конечно, къ обстоятельствамъ, въ которыхъ находятся сами они и прочіе сектанты. Радѣніе оканчивается; воду изъ чана выпускаютъ чрезъ рѣшетку; сжигаютъ при этомъ одинъ прутъ вербы на свѣчахъ, зажженныхъ вокругъ

чана, цѣлуютъ у пророчицы колѣно и расходятся. „Если кто изъ людей божіихъ усмотритъ на своей вербѣ кровь, то непремѣнно беретъ этотъ прутъ съ собой, называя его „обновленіемъ тѣла кровію“; при болѣзняхъ такой прутъ жгутъ и глотаютъ отъ него дымъ“. Даже огарки свѣчей, горѣвшихъ на чанѣ, хлысты съ жадностію расхватываютъ и хранятъ ихъ до дня смерти, когда эти огарки зажигаются снова, нѣкоторые же изъ нихъ полагаются вмѣстѣ съ умершимъ во гробъ; въ гробъ же кладутъ и вербу, употреблявшуюся на радѣніи (1).

По поводу моленія хлыстовъ предъ чаномъ и хлыстанія ихъ жгутами или вмѣсто послѣднихъ вербами, между двумя учеными изслѣдователями названной секты, господ. Мельниковымъ и г. Добротворскимъ, возникло разногласіе: первый пришелъ къ отрицанію этихъ фактовъ въ своихъ „Бѣлыхъ голубяхъ“, второй, напротивъ, отстаиваетъ существованіе у хлыстовъ и моленія предъ чаномъ и хлыстанія. Въ своемъ изложеніи годоваго радѣнія и вызываемаго несчастіями или желаніемъ проникнуть въ будущее мы придерживались мнѣній г. Добротворскаго. Дѣйствительно, послѣднимъ въ статьѣ, „Къ вопросу о людяхъ ложіихъ“ (2), собрано значительное количество, по видимому, неоспоримыхъ свидѣтельствъ въ пользу того положенія, что хлысты радѣютъ около чана и хлыщутся при этомъ. Думаемъ, однако, что и г. Добротворскій не правъ, утверждая, что радѣніе предъ чаномъ съ хлыстаніемъ допускается хлыстами только въ двухъ случаяхъ: во время годоваго радѣнія и радѣнія вызываемаго несчастіями или желаніемъ узнать будущее. Мы уже видѣли, что ерыклинскіе монтане, по окончаніи пророчествъ въ обыкновенномъ радѣніи, не только хлыщутъ другъ

(1) Добротворскій. „Дѣла божія“. 60—62 стр.

(2) Прав. Соб. 1870 г. 1 ч. 22—25 стр.

друга жгутами, но устроиваютъ между собою настоящую битву. Къ этому присоединимъ еще разсказъ свящ. Павильонова о кавказскихъ „кадушникахъ". „Религіозныя собранія кадушниковъ, говоритъ свящ. Павильоновъ, происходятъ обыкновенно ночью; въ домѣ, гдѣ они собираются, ставится кадка, въ которую предварительно и незамѣтно для постороннихъ глазъ усаживается человѣкъ, слывущій у сектантовъ за Христа, а самая кадушка покрывается бѣлымъ полотномъ или одѣяломъ. Затѣмъ собравшіяся мужчины и женщины начинаютъ вокругъ кадушки ходить, прыгать и пѣть разныя пѣсни. При этомъ они хлыщутъ себя вѣниками и приговариваютъ: „хлыстъ хлыщу, Христа ищу; выдь Христосъ наружу, вынеси денегъ на нужду" (1).... Такимъ образомъ, можно съ вѣроятностію допустить, что моленіе предъ чаномъ, соединенное при этомъ съ бичеваніемъ другъ друга, употребляется хлыстами и во время обыкновеннаго радѣнія, но сопровождается ли оно такими же странными видѣніями, какія, по суевѣрію хлыстовъ, происходятъ въ годовое радѣніе и въ радѣніе, вызываемое несчастіями или желаніемъ узнать будущее, трудно рѣшить. Однако, судя по употребленію, какое дѣлаютъ хлысты изъ мнимыхъ видѣній, можно предполагать, что такихъ видѣній не можетъ и не должно быть при обыкновенномъ радѣніи.

Къ числу обрядовъ, совершаемыхъ исключительно только одними хлыстами и опредѣленно не пріурочиваемыхъ ни къ одному изъ описанныхъ нами выше трехъ видовъ богослуженія, но, какъ намъ кажется, имѣющимъ мѣсто при совершеніи каждаго изъ этихъ трехъ видовъ богослуженія, относятся: свальный грѣхъ, причащеніе грудью дѣвицы и причащеніе тѣломъ и кровью младенцевъ. Свальный грѣхъ есть общій развратъ всего корабля. Такому

(1) Москов. Еп. Вѣд. 1876 г. № 26. 211 стр.

разврату хлысты предаются послѣ долгаго и изнурительнаго бѣганья и круженія, когда они, истомленные до крайности и физически и душевно, падаютъ на полъ и здѣсь, потушивши предварительно огонь, начинаютъ любодѣйствовать, не разбирая при этомъ ни возраста, ни узъ родства. (1) Сами хлысты усвояютъ этому противоестественному разврату какое-то священное значеніе и называютъ свальный грѣхъ не иначе, какъ „христовою любовію". Они думаютъ, что, предаваясь общему разврату, они тѣмъ самымъ „истребляютъ грѣхъ", который, по ихъ мудрованію, можетъ быть уничтоженъ только грѣхомъ же. „Христосъ принялъ плоть отъ Адама, говоритъ Радаевъ, чтобы грѣхомъ грѣхъ потребить, а я принялъ плоть и творю плотское, чтобы грѣхомъ грѣхъ истребить" (2). Впрочемъ, по другимъ извѣстіямъ хлысты практикуютъ свальный грѣхъ, между прочимъ, съ тою цѣлію, чтобы имѣть дѣтей рожденныхъ, какъ говорятъ хлысты, отъ Духа Святаго, такъ назыв. „христосиковъ". Хлысты богохульствуютъ, что дѣти, зачатыя отъ свальнаго грѣха, происходятъ не отъ крови, не отъ хотѣнія плоти, не отъ хотѣнія мужа, но отъ Бога. „Такія дѣти, говоритъ г. Добротворскій, воспитываются обыкновенно — мужескій полъ у пророковъ, а жен-

(1) Описаніе подробностей этого противоестественнаго разврата см. у Кельсіева (Заря 1869 г. № 10. 1 отд. 10 и 11 стр.). Одинъ изъ новѣйшихъ писателей — Юзовъ даже сомнѣвается въ существованіи у хлыстовъ свальнаго грѣха (Старовѣры и дух. христіане. Спб. 1881 г. 175 стр.); другіе, напр. г. Добротворскій (Люди бож., 63 стр.), допускаютъ совершеніе этого обряда только на двухъ радѣніяхъ — годовомъ и вызываемомъ несчастіями или желаніемъ узнать будущее. Намъ кажется, что ни послѣднее мнѣніе, ни тѣмъ болѣе первое, не могутъ быть приняты. По искреннему признанію самихъ хлыстовъ, свальный грѣхъ совершается ими не только въ указываемое ученными изслѣдователями время, но и послѣ совершенія обыкновеннаго радѣнія.

(2) Рус. Вѣстн. 1869 г. № 3. 383 стр. 1 примѣч.

ский — у пророчицъ, и впослѣдствіи заступаютъ ихъ мѣсто въ обществѣ еретиковъ“ (1).

Извѣстія объ обрядѣ причащенія грудью дѣвицы находятся у г. Кельсіева, барона Гакстгаузена (2) и у г. Мельникова (3). Въ этихъ извѣстіяхъ совершеніе названнаго обряда описывается такъ. Первоначально на одномъ изъ радѣній—обыкновенномъ или случайномъ происходитъ выборъ дѣвушки, долженствующей стать хлыстовской богородицей и сдѣлаться жертвою ужаснаго звѣрства. Избранную дѣвушку, которая должна быть безукоризненна по своей наружности и имѣть не болѣе 15 или 16 лѣтъ отъ рожденія, тутъ же одна изъ пророчицъ привѣтствуетъ какъ „богородицу“ и передаетъ ей желаніе всего корабля пріобщиться ея тѣломъ и имѣющимъ произойти отъ нея „христосикомъ“. Понятно, несчастная жертва звѣрскаго фанатизма ничего не возражаетъ противъ этого предложенія. Тотчасъ же старшіе пророчицы снимаютъ съ нея одежду и нагую сажаютъ на возвышенное мѣсто подъ образа. Всѣ присутствующіе сектанты—и мужчины и женщины начинаютъ боготворить объявившуюся „хозяйку“: на нее молятся, ей кланяются, цѣлуютъ ея руки, ноги, колѣнки и пр.; называютъ ее богородицей, царицей небесной, владычицей и т. п. По окончаніи боготворенія происходятъ радѣнія, вслѣдъ за которыми совершается скальный грѣхъ. Этимъ и оканчивается обрядъ избранія богородицы. Чрезъ нѣсколько времени, когда прислуживающія новоизбранной богородицѣ пророчицы замѣтятъ ея беременность, хлысты снова собираются въ моленную комнату и въ это-то время совершаютъ

---

(1) Люди божіи, 64 стр.

(2) По словамъ Гакстгаузена, этотъ обрядъ совершается „ночью на пасхѣ“ (Изслѣд. внутр. отнош. нар. жизни рус. нар. ч. 1. 227 стр. 3 пр.).

(3) По Мельникову, причащеніе грудью дѣвушки совершается только „въ нѣкоторыхъ кораблях — изрѣдка — лѣтъ чрезъ десять и болѣе“. Рус. Вѣстн. 1869 г. № 3. 382 стр.

свой обрядъ причащенія грудью богородицы. Посреди комнаты ставятъ большой чанъ, наполненный теплою водою. Послѣ совершенія нѣкоторыхъ видовъ радѣнія, въ чемъ участвуетъ и новоизбранная богородица, послѣднюю вышеозначеннымъ способомъ боготворятъ и потомъ голую ведутъ къ чану и сажаютъ въ него, предварительно связавъ ее. Здѣсь, держа въ рукахъ образъ Нерукотвореннаго Спаса или Св. Духа, она сидитъ безъ движеній, сосредоточивъ все свое вниманіе на образѣ. Между тѣмъ, хлысты въ это время исполняютъ свои радѣнія и по временамъ подходятъ къ чану, чтобы поклониться сидящей въ немъ. Наконецъ, когда умолкнутъ пѣсни и прекратятся радѣнія, одна изъ старшихъ, уже бывалыхъ въ этой роли, пророчицъ подходитъ къ чану и, обращаясь къ сидящей въ немъ съ словами: „даждь намъ, мать пресвятая богородица, пріобщиться пресвятаго тѣла твоего“, отрѣзываетъ у нея ножомъ лѣвую грудь и прижигаетъ рану раскаленнымъ желѣзомъ. Отрѣзанный членъ тѣла кладутъ на блюдо, разрѣзываютъ на мелкіе куски и раздаютъ всѣмъ присутствующимъ, которые тутъ же и ѣдятъ ихъ. Окончивши страшное причащеніе, изуродованную дѣвушку снова сажаютъ на возвышенное мѣсто подъ образа, повторяется боготвореніе; радѣніе, по Гакстгаузену, снова оканчивается свальнымъ грѣхомъ (1).—Съ рожденіемъ отъ изуродованной дѣвушки младенца мужескаго пола (2) наступаетъ еще болѣе страшное событіе. Невиннаго

(1) Заря. 1869 г. № 10. 13, 15—18, 21—22 стр. Изслѣд. внутр. отн. народ. жизни рус. народа. т. 1. Москва. 227 стр. 3 прим. Рус. Вѣсти. 1869 г. № 3. 384—386 стр.

(2) Если бы отъ изуродованной дѣвушки родился младенецъ женскаго пола, то въ такомъ случаѣ причащенія не происходитъ и сектанты, вѣроятно, избираютъ новую богородицу. Рожденную же дѣвочку отдаютъ на воспитаніе матери съ тѣмъ, чтобы послѣдняя подготовила ее къ будущей роли богородицы или пророчицы (Рус. Вѣсти. 1869 г. № 3. 387 стр.).

и беззащитнаго младенца на восьмой день отъ его рожденія „закалаютъ въ лѣвый бокъ“, „пронзаютъ ему сердце“ и съ жадностію поглощаютъ теплую кровь, истекающую изъ него. Тѣло младенца сушатъ и превращаютъ въ порошокъ, съ кототоромъ послѣ пекутъ калачи, коими и причащаются вмѣстѣ съ водой, или же добытый порошокъ раздѣляютъ каждому изъ присутствующихъ по щепоткѣ. Какъ закланіе младенца, такъ равно и причащеніе его кровію и тѣломъ хлысты производятъ во время своихъ богослужебныхъ собраній (¹).

По мнѣнію хлыстовъ, причащеніе грудью дѣвицы и тѣломъ и кровію младенцевъ совершается ими на основаніи священ. Писанія. Относительно перваго хлыстовская богиня Авдотья говорила: „богородица, сказано въ писаніи, должна быть едино тѣло и едина плоть съ церковію; значитъ, разсуждала она далѣе, плотію своею надо церковь насытить“; это „и дѣлается у божіихъ людей“, которые, такимъ образомъ, только исполняютъ то, что „показано отъ двѣнадцати апостоловъ и отъ семи вселенскихъ соборовъ“ (²). Относительно втораго таже хлыстовская богиня указывала на примѣръ Пресвятой Дѣвы Маріи, которая рожденнаго ею отъ Св. Духа Іисуса Христа на восьмой день отдала вѣрующимъ на закланіе, которое въ Писаніи обозначено именемъ „обрѣзанія“, но это „обрѣзаніе“, по словамъ Авдотьи, не есть „ни мерзость жидовская, ни мерзость скопческая“, а подъ нимъ должно разумѣть дѣйствительное закланіе, „копіемъ въ бокъ, какъ объ этомъ сказано отъ Писанія“ (³). Закланіе Іисуса Христа, по словамъ другихъ хлыстовъ, совершено было про-

(¹) Заря. 1869 г. № 10. 28—29 стр., Рус. Вѣстн. 1869 г. № 3. 387 стр

(²) Заря. 1869 г. № 10. 1 отд. 21 стр.

(³) Тамъ же, 27 стр.

рокомъ Симеономъ и пророчицею Анною (¹). Чрезъ тридцать лѣтъ послѣ закланія перваго Іисуса Христа, разсуждаютъ хлысты, желая, очевидно, оставаться вѣрными евангельской исторіи, Дѣва Марія родила духовно, т. е. обратила въ вѣру людей божіихъ новаго Іисуса, сына плотника Іосифа, который и сдѣлался Христомъ (²).

Обряды причащенія грудью дѣвицы и тѣломъ и кровію младенцевъ, совершаемые хлыстами, сами по себѣ такъ ужасны и гнусны, что справедливо могли возбудить въ нѣкоторыхъ ученыхъ изслѣдователяхъ сомнѣніе въ дѣйствительномъ ихъ существованіи. „Изъ уваженія къ человѣчеству, говоритъ г. Добротворскій, и къ здравому смыслу русскаго народа я желалъ бы отвергнуть.... хлыстовскій обрядъ.... причащенія тѣломъ и кровію... Этотъ разсказъ (т. е. о причащеніи тѣломъ и кровію) слишкомъ напоминаетъ ложные разсказы язычниковъ о яденіи христіанами младенцевъ и такіе же разсказы христіанъ о яденіи „жидами“ христіанскихъ дѣтей. Можно еще допустить причащеніе изувѣрныхъ сектантовъ грудью обожаемой дѣвицы (богородицы, богини); но причащеніе кровію младенца невѣроятно и несогласимо съ извѣстными въ жизни сектантовъ фактами“. Подъ фактами г. Добротворскій разумѣетъ между прочимъ, дѣло о крестьянскомъ мальчикѣ Зюзинѣ, который, будучи зачатъ въ свальномъ грѣхѣ, пользовался особеннымъ уваженіемъ, какъ будущій пророкъ. И, вообще, „если бы дѣйствительно хлысты закалали младенцевъ мужескаго пола, заключаетъ г. Добротворскій, такого факта между ними не было бы и они не имѣли бы пророковъ отъ чрева матери“ (³). Г. Н. Варсовъ также сомнѣвается въ существованіи у хлыстовъ обрядовъ причащенія

(¹) Рус. Вѣстн. 1869 г. № 3. 388 стр.

(²) Тамъ же и Заря 1869 г. № 10. 28 стр.

(³) Прав. Собесѣд. 1870 г. 1 кн. 25, 27—28 стр.

и грудью дѣвушки и, тѣломъ и кровію младенцевъ. Онъ приписываетъ происхожденіе молвы о существованіи у хлыстовъ подобныхъ обрядовъ „суевѣрному взгляду“ православнаго народа на хлыстовщину. Онъ рѣшительно считаетъ невозможнымъ, чтобы „такое ужасающее и омерзительное явленіе, какъ мнимое людоѣдство, хлыстовъ, осталось неизвѣстнымъ ни одному изъ составителей записокъ и донесеній о хлыстовщинѣ“ (1).... Намъ кажется, что сомнѣніе двухъ почтенныхъ изслѣдователей хлыстовской секты въ существованіи двухъ означенныхъ обрядовъ у хлыстовъ—не основательно. Извѣстія объ этихъ обрядахъ переданы тремя лицами, которыя въ свою очередь почерпали свѣдѣнія, по собственному ихъ признанію, или отъ самихъ хлыстовъ или же отъ людей близко стоявшихъ къ хлыстамъ и притомъ двое изъ нихъ почерпали свѣдѣнія не отъ одного какого нибудь человѣка, а отъ двухъ, трехъ и болѣе (2). И замѣчательно, передавая разсказъ объ однихъ и тѣхъ же фактахъ, три писателя обнаруживаютъ въ описаніи ихъ замѣчательное согласіе между собою даже въ подробностяхъ. Быть не можетъ, поэтому, чтобы всѣ извѣстія объ этихъ обрядахъ были завѣдомо ложны въ самомъ своемъ источникѣ. Странно думать также, что будто бы извѣстія объ ужасныхъ обрядахъ причащенія хлыстовъ обязаны своимъ происхожденіемъ суевѣрному взгляду православнаго народа на хлыстовщину, подобно тому, какъ такой же взглядъ древнихъ язычниковъ на христіанъ породилъ извѣстія о

---

(1) Христ. Чт. 1869 г. № 9. 464 стр.

(2) В. Кельсіевъ кромѣ богини Авдотьи слышалъ разсказъ объ обрядахъ причащенія еще отъ двухъ лицъ, какъ онъ самъ объ этомъ пишетъ (Заря 1869 г. № 10. 24 стр.); Мельниковъ слышалъ «отъ нѣкоторыхъ лицъ» (Рус. Вѣстн. 1869 г. № 9. 384 стр.); Гакстгаузенъ отъ своего писаря, который въ свою очередь даже «зналъ нѣсколькихъ дѣвушекъ», подвергавшихся страшной операціи (Изслѣд. внутр. отн. народ. жизни Россіи. т. 1. 227 стр. 3 примѣч.).

существованіи у послѣднихъ дѣтоубійства,—странно потому, что слухъ о существованіи этихъ ужасныхъ обрядовъ исходитъ не отъ православныхъ, а отъ самихъ хлыстовъ. Указываемый, далѣе, г. Добротворскимъ примѣръ Зюзина, который, будучи зачатъ въ свальномъ грѣхѣ, не только не былъ умерщвленъ, но и пользовался уваженіемъ, какъ будущій пророкъ, не имѣетъ, по нашему мнѣнію, и не можетъ имѣть опровергающаго значенія въ вопросѣ о существованіи у хлыстовъ причащенія тѣломъ и кровію. Зюзинъ былъ зачатъ въ свальномъ грѣхѣ, но неизвѣстно, происходилъ ли онъ отъ богородицы или пророчицы или же отъ простой хлыстовки, а въ данномъ случаѣ это обстоятельство имѣетъ важное значеніе, такъ какъ хлысты причащаются тѣломъ и кровію не всякаго младенца, а только рожденнаго богородицею. Далѣе, подобныхъ Зюзину, зачатому въ свальномъ грѣхѣ, въ хлыстовскихъ корабляхъ обрѣтается множество, такъ какъ извѣстно, что свальному грѣху хлысты предаются всѣ безъ исключенія; слѣдовательно, можно даже предполагать объ избыткѣ лицъ, подобныхъ Зюзину. Наконецъ, вовсе несправедливою представляется намъ догадка г. Добротворскаго о томъ, что будто бы хлысты считаютъ обязательнымъ закономъ имѣть въ своихъ корабляхъ пророковъ „отъ чрева матери“. Самъ же г. Добротворскій въ другомъ мѣстѣ своего сочиненія говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „въ какомъ нибудь кораблѣ или общинѣ людей божіихъ вдругъ ни съ того, ни съ сего является пророкъ—и всѣ члены этой общины, оказываютъ ему безусловную покорность“ (1). Очевидно, такимъ образомъ, что никакого обязательнаго закона, опредѣляемаго рожденіемъ человѣка, хлысты не наблюдаютъ при избраніи себѣ пророковъ и ни въ ученіи, ни въ практикѣ хлыстовъ мы не находили этого закона. Притомъ, существуетъ даже

(1) Люди божіи, 24 стр.

извѣстіе, и, какъ намъ кажется, вполнѣ основательное и справедливое, что хлыстовки предпринимаютъ далекія странствованія съ тѣмъ, „чтобы скрыть свой стыдъ—разрѣшиться отъ преступнаго бремени"; иныя же прибѣгаютъ, какъ намъ уже извѣстно, къ вытравливанію младенцевъ или иному средству. Ясно, что такое отношеніе хлыстовокъ—матерей къ своимъ незаконнымъ дѣтямъ нисколько не благопріятствуетъ будущности послѣднихъ, не говоритъ о ихъ будущемъ величіи въ званіи пророковъ.

Новымъ и, кажется, вполнѣ убѣдительнымъ доказательствомъ существованія у хлыстовъ обряда причащенія тѣломъ и кровію младенцевъ служитъ напечатанное у Пеликана слѣдственное дѣло „о явившихся въ Переяславлѣ Залѣскомъ квакерской ереси согласникахъ". Правда, изъ этого въ высшей степени интереснаго и важнаго документа не видно, происходили ли младенцы, употребленные хлыстами для своего причащенія отъ мнимыхъ богородицъ или же отъ простыхъ хлыстовокъ. Правда и то, что подсудимыя лица, сначала признававшіяся въ гнусномъ людоѣдствѣ, впослѣдствіи отреклись отъ своихъ показаній, какъ вынужденныхъ будто бы отъ нихъ „подъемомъ на дыбу и страхомъ" (1). Но, какъ справедливо замѣчаетъ Пеликанъ, „не смотря на упорство и отрицанія подъ огнемъ и на дыбѣ нѣкоторыхъ согласниковъ—,умерщвленіе младенцевъ и причащеніе ихъ кровію составляютъ религіозно-историческій фактъ". Измѣнчивость показаній со стороны преступниковъ, по замѣчанію того же писателя, могла произойти или „отъ увѣщанія другихъ товарищей по преступленію, или же отъ ожесточенія, могущаго быть въ человѣкѣ, когда его пытаютъ ради всякаго лишняго слова" (2). Въ этомъ, названномъ нами, документѣ указаны четыре случая умерщвленія младенцевъ съ одною и

(1) Суд.-мед. изслѣд. скопч. 120 стр.
(2) Тамъ же, 121 и 122 стр.

тою же цѣлію и притомъ какъ мужескаго пола, такъ и женскаго. Обряды, какими сопровождалось совершеніе дѣтоубійства, равно какъ и обряды причащенія во всѣхъ четырехъ случаяхъ—почти одинаковы. По рожденіи младенца (большею частію перваго) надъ нимъ главный учитель совершалъ обрядъ крещенія, который состоялъ въ томъ, что учитель, взявъ на руки младенца, ходилъ съ нимъ вокругъ стола посолонь и троекратно пѣлъ при этомъ извѣстный роспѣвецъ: „Дай къ намъ, Господи"!...; по окончаніи хожденія учитель „обводилъ вокругъ головы младенца" осьмиконечнымъ крестомъ, трижды прикладывая послѣдній къ головѣ перваго (1). Впрочемъ, другой учитель Григорій Артамоновъ не совершалъ круговаго хожденія съ младенцами; онъ производилъ только послѣдній актъ описаннаго обряда крещенія (2). Чрезъ недѣлю и даже чрезъ двѣ по рожденіи младенца производили обрядъ его закланія. По словамъ Артамонова, Прокофьевъ (учитель хлыстовъ) „кололъ младенцевъ въ груди и, разрѣзывая брюхо и кровь изъ нихъ испуская въ судно, вынималъ сердца, а тѣла зарывалъ въ кельяхъ и въ сѣняхъ ихъ въ землю" (3). Осиповъ производилъ это страшное убійство нѣсколько иначе. По сознанію его, онъ, приказавъ „дѣвкѣ" (своей любовницѣ) взять младенца на руки, прочелъ надъ нимъ стихъ: „Дай къ намъ Господи!" закололъ того младенца небольшимъ складнымъ ножичкомъ въ гортань, кровь источилъ въ оловянный стаканъ, а по истеченіи крови взрѣзалъ и поднялъ грудь и вынулъ сердце. Когда отъ выпущенной изъ гортани крови отдѣлилась вода, Осиповъ эту воду слилъ въ особенный пузырекъ, а кровь и сердце положилъ на сковороду, отдѣливъ ихъ одно отъ другой, и поста-

(1) Суд.-мед. изслѣд. скопч. 118 стр.

(2) Тамъ же, 116 стр.

(3) Тамъ же.

вилъ въ топленую печь; когда же кровь и сердце высохли, онъ ихъ истолокъ на столѣ толкушкою мелко, смёлъ со стола тряпицею, завернулъ въ бѣлую бумагу и хранилъ въ ларцѣ. Тѣло младенца завернули въ бѣлую тряпицу и схоронили съ пѣніемъ трисвятаго" (1). Изъ добытыхъ такимъ образомъ младенческой крови и сердца хлыстовскіе наставники приготовляли причастіе. Способъ этого приготовленія, а равно и самаго причащенія, довольно подробно описанъ слѣдственной комиссіей со словъ хлыста Сергѣя Осипова. „И къ тѣмъ сборищамъ (2), говорится въ донесеніи этой комиссіи, Осиповъ покупалъ пшеничной муки (5 ф.) и, замѣся изъ ней на водѣ и на дрожжахъ фунта съ два и положа въ тотъ замѣсъ слитую съ крови воду и толченое съ кровію сердце все, и говоря только едину молитву: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій и проч"., стиралъ то тѣсто и сдѣлалъ изъ него небольшихъ пять хлѣбцевъ, на подобіе булокъ, которые испекъ ночнымъ временемъ. Созвавъ согласниковъ прежнихъ и вновь обученыхъ, Осиповъ вступилъ въ начальство и началъ свои обряды. По окончаніи верченія, трясенія и говоренія рѣчей, взявъ два хлѣбца (изъ 5), изрѣзалъ на небольшіе кусочки, положилъ на блюдо, налилъ въ деревянную кружку воду, куда положилъ крошки отъ рѣзаннаго хлѣба (3) и поставилъ на скамейку. И около той чаши и кружки прилѣпилъ зажженныя восковыя свѣчи и, снявъ со стѣны мѣдный осьмиконечный крестъ, погружалъ въ ту воду трижды, говоря „во имя Отца и Сына и Св. Духа". И потомъ онъ, Осиповъ, раздавалъ каждому по единому кусочку и велѣлъ запивать тою водою, а самъ стоялъ подлѣ скамьи

(1) Суд.-мед. изсл. скопч. 118 стр.

(2) Т. е. къ сборищамъ, возобновленнымъ въ Москвѣ послѣ страшнаго разгрома хлыстовскихъ кораблей, случившагося въ 1733—1734 гг.

(3) Въ показаніи Артамонова говорится, что «кровь клали въ воду и давали запивать» (Суд.-мед. изсл. скопч. 116 стр.).

и говорилъ согласникамъ, чтобы они принимали вмѣсто тѣла и крови Христа Спасителя, ибо въ хлѣбѣ и водѣ имѣется тѣло и кровь рожденнаго и закланнаго отъ него, Осипова, младенца, яко сущаго агнца, и чтобы они принимали со страхомъ. И оное Осиповъ и согласники его поставляли свыше Св. Евхаристіи" (1).

Итакъ, фактъ причащенія хлыстами тѣломъ (собственно сердцемъ) и кровію младенцевъ не можетъ подлежать сомнѣнію; его существованіе подтверждается не только разсказами частныхъ лицъ, но даже оффиціальнымъ разслѣдованіемъ. Мы можемъ даже утверждать, что распространеніе этого въ высшей степени звѣрскаго обряда, было весьма значительно. Мы думаемъ даже, что и въ настоящее время этотъ обрядъ не исчезъ совершенно изъ практики хлыстовъ. Къ этому послѣднему предположенію приводятъ насъ нѣкоторыя извѣстія о хлыстахъ, отъ времени до времени встрѣчающіяся въ разныхъ газетахъ. Такъ, по сообщенію „Рус. Правды" изъ Екатеринбурга, въ Невьянскомъ заводѣ обнаружена въ 1878 г. кража дѣтей послѣдователями „какой-то новой секты". Уворованныхъ дѣтей „закалали" и причащались ихъ кровію. Одинъ изъ случаевъ кражи былъ обнаруженъ. Воромъ оказался какой-то проходимецъ, называвшій себя Іисусомъ Христомъ. Онъ, вызвавшись излѣчить младенца у одной женщины, отправился съ послѣднею къ ручью и здѣсь при удобномъ случаѣ убѣжалъ отъ нея, взявши съ собою и ея младенца. По слѣдамъ, полиція отыскала домъ фанатика-изувѣра и здѣсь „подъ печкой оказался гротъ, гдѣ, по всѣмъ признакамъ, производилось чудовищное безпримѣрное

---

(1) Суд.-мед. изсл. скопч. 119 стр. Въ другихъ показаніяхъ говорится, что свое причастіе учители называли лучше церковнаго, понеже де у нихъ самое тѣло и кровь Христова, и дается де для укрѣпленія и спасенія, чтобъ въ той ихъ вѣрѣ быть имъ крѣпкими» (Тамъ же, 116 стр.).

закланіе" (¹). Намъ неизвѣстно, производилось ли судебное слѣдствіе по этому весьма важному случаю и если производилось, то каковы были его результаты. Думаемъ, однако, что „подъ новою сектою" корреспондента должно разумѣть хлыстовщину.

Простая бесѣда. Составъ простой бесѣды нисколько не можетъ изобличить ея происхожденія. Вмѣсто радѣній, пророчествъ и т. п. хлысты и скопцы во время простой бесѣды читаютъ священное писаніе, писанія св. отцовъ, особенно аскетическія, житія святыхъ, разныя богослужебныя книги и это чтеніе, конечно, сопровождаютъ приличными толкованіями. Кромѣ чтенія книгъ во время простой бесѣды упражняются и въ пѣніи; поютъ обыкновенно различныя церковныя пѣсни или псалмы, иногда же и народные стихи напр. объ Іосифѣ прекрасномъ, объ Іоасафѣ царевичѣ и др. Само собою понятно, не оставляютъ въ это время и произнесенія поученій, которыя всецѣло направляются къ тому, чтобы заставить слушателей проникнуться мыслями о полномъ самоотверженіи, воздержаніи и цѣломудріи, суетности міра и мірскихъ удовольствій и т. д. (²). Такимъ образомъ, въ составѣ простой бесѣды мы тщетно старались бы отыскать что либо еретическое, принадлежащее сектамъ хлыстовъ и скопцовъ. И такой составъ простой бесѣды вполнѣ гармонируетъ съ цѣлію ея совершенія. Цѣль простой бесѣды—двоякая. Съ одной стороны, совершители простой бесѣды имѣютъ въ виду замаскировать себя—и свое богослуженіе и свое ученіе. Поэтому, простая бесѣда совершается во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда внезапно, нечаянно постигаетъ хлыстовско-скопческое собраніе какая либо опасность, въ видѣ ли посѣщенія неизвѣстныхъ лицъ или мѣстныхъ властей—свѣтскихъ и духов-

(¹) Изъ Москов. Еп. Вѣд. 1879 г. № 6. 49 стр.

(²) Добротворскій, Люди божіи, 43 стр. Нѣкоторыя указанія на составъ простой бесѣды можно найти и у Преображенцева — Тул. Еп. Вѣд. 1868 г. № 6. 199—202 стр.

ныхъ (1). Съ другой—простая бесѣда есть средство для привлеченія въ секту новыхъ прозелитовъ и въ этомъ отношеніи она, очевидно, имѣетъ связь съ прочими видами хлыстовско-скопческой пропаганды. Какъ одно изъ средствъ пропаганды простая бесѣда по достиженію цѣли можетъ быть поставлена, особенно у хлыстовъ, въ числѣ главныхъ. Если вѣрить разсказу Преображенцева, жертвою злонамѣренности хлыстовъ сдѣлался даже одинъ помѣщикъ зарайскаго уѣзда, рязанской губерніи (2). Имѣя въ виду привлеченіе въ свое общество новыхъ членовъ, хлысты и скопцы совершаютъ простыя бесѣды преимущественно въ праздники православной церкви (3). Въ эти дни, какъ извѣстно, православные поселяне и отчасти горожане прекращаютъ свои обычныя занятія и тогда какъ одни изъ нихъ предаются въ это время безобразіямъ пьянаго разгула, другіе—по самому душевному настроенію люди благочестивые, — напротивъ, ищутъ благочестивыхъ разговоровъ, спасительной бесѣды. Для этихъ-то послѣднихъ лицъ хлысты и скопцы устраиваютъ западню, носящую названіе „святой бесѣды"; они ищутъ такихъ людей и съ охотою отворяютъ имъ двери своихъ моленныхъ домовъ. И весьма возможно, что многіе изъ простодушныхъ и легковѣрныхъ православныхъ христіанъ дѣлаются жертвами хлыстовско-скопческой пропаганды и переходятъ въ ихъ общество.

Обрядъ принятія въ секту. Обрядъ принятія въ секту называется у хлыстовъ и скопцовъ „приводомъ" (4). Можно думать, что такое наименованіе это-

(1) Простая бесѣда съ такою цѣлію особенно часто практиковалась напр. скопцами въ то время, когда Селивановъ жилъ въ Петербургѣ.

(2) Тул. Еп. Вѣд. 1868 г. № 6. 199—203 стр. и № 7. 227—229 стр.

(3) Добротворскій, Люди божіи, 42 стр.

(4) Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 22. 271 стр. Барсовъ, Духов. ст. люд. бож. № 46, 74 стр., и 50, 80 стр.

го обряда составлено сектантами на основаніи религіозно-нравственнаго значенія, усвояемаго ими совершенію самаго обряда. По мнѣнію хлыстовъ и скопцовъ, совершеніе обряда принятія въ секту имѣетъ громадное религіозно-нравственное значеніе для вновь поступающаго въ секту; послѣдній, въ глазахъ сектантовъ, какъ бы „рождается во второй разъ“; вся его прежняя жизнь, всѣ его грѣхи уничтожаются, „спадаютъ“, съ совершеніемъ надъ нимъ привода (1); онъ становится человѣкомъ новымъ, „воиномъ заграничнымъ царя небеснаго“, по выраженію скопцовъ (2). По словамъ пѣсни, хлысты и скопцы по совершеніи надъ ними обряда принятія въ секту

„Во вторые родились,
Злой природы свободились (3).

Далѣе, каждый подвергшійся обряду привода долженъ считать себя всецѣло преданнымъ тому обществу, въ которое онъ поступилъ; для него не должно существовать того „грѣшнаго міра“, изъ котораго онъ вышелъ; онъ не можетъ или, по крайней мѣрѣ, не долженъ оставлять своего общества. По вѣрованію скопцовъ и, вѣроятно, хлыстовъ во время совершенія привода „сходитъ съ неба ангелъ божій и записываетъ приводимую душу въ томъ, что она обѣщаетъ служить Богу до конца жизни вѣрно“ (4). Поэтому, пророки, хлыстовъ и скопцовъ считаютъ своею непремѣнною обязанностію по временамъ напоминать своимъ единовѣрцамъ о неуклонномъ исполненіи данной на приводѣ присяги: „не забывать того, кто порукою кого“ (5). И сами хлысты и скопцы, воспоми-

(1) Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 6. 204 стр. Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 2. 117 стр.

(2) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 1 № 75 стр.

(3) Барсовъ. Дух. ст. люд. бож. № 50, 80 стр.

(4) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 3. 308 стр.

(5) Барсовъ. № 53, 85 стр.

ная время своего привода, часто, обращаясь въ своему Богу, напѣваютъ:

„Мы твои сироты,
Когда обѣщались
При нашемъ *приводѣ*
Идти за тобою
Въ тѣсные вороты,—
Дали въ томъ поруку,
Идти хоть на муку“ (1).

Естественно, придавая такое важное значеніе приводу, считая его рѣшительнымъ моментомъ для всей остальной жизни вновь поступающаго въ секту, хлысты и скопцы окружаютъ совершеніе этого обряда возможною торжественностію, таинственностію и придаютъ ему даже характеръ нѣкоторой юридической законности. Вообще же о приводѣ должно замѣтить, что онъ, не смотря на нѣкоторыя странности своихъ обрядовъ, изобличаетъ въ составителяхъ его несомнѣнное знаніе природы простолюдина, его вѣрованій, характера и практической жизни.

Обрядъ привода совершается хлыстами и скопцами не вдругъ по изъявленіи желанія новымъ прозелитомъ поступить въ ту или другую секту. Выразившаго желаніе сдѣлаться послѣдователемъ той или другой секты какъ хлысты, такъ и скопцы подвергаютъ строгому и довольно продолжительному искусу. По словамъ Преображенцева, онъ, прежде чѣмъ поступить въ общество хлыстовъ, „шесть недѣль ходилъ на ихъ собранія, гдѣ выслушивалъ только по три стиха“ (2). У дубово-уметскихъ монтанъ такое хожденіе на богослужебныя собранія продолжается „около полугода“ (3). У скопцовъ желающій поступить въ секту долженъ прожить „нѣсколько недѣль“, у скоп-

(1) Барсовъ, № 46, 74 стр.
(2) Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 6, 202 стр.
(3) Сам. Еп. Вѣд. 1870 г. № 21, 488 стр.

ца, которому отдадутъ его въ наученіе (1). Въ это время искуса новаго прозелита увѣщаваютъ мужественно переносить всѣ скорби, которые могутъ встрѣтиться на пути спасенія; часто указываютъ ему на слова Спасителя: *въ мірѣ скорбны будете; мужайтесь, Азъ побѣдихъ міръ* (2).... Съ цѣлію испытанія вѣры и готовности переносить физическія страданія, новаго прозелита подвергаютъ строгому посту и заставляютъ большую часть времени проводить въ молитвѣ и сокрушеніи о своихъ грѣхахъ (3). Само собою понятно, въ это время отчасти сообщаютъ прозелиту и нѣкоторыя свѣдѣнія, относящіяся до той или другой секты, но только отчасти. Когда замѣтятъ въ новичкѣ искреннее, нелицемѣрное желаніе сдѣлаться членомъ того или другого общества, ему позволяютъ „слушаніе духовныхъ стиховъ“ въ бо́льшемъ количествѣ сравнительно съ прежнимъ и уже послѣ этого ему усвояютъ наименованіе „названника“ (4). Приступаютъ къ избранію—„воспріемнаго отца“, если прозелитъ мужескаго пола, или „воспріемной матери„—въ противномъ случаѣ (5). Впрочемъ, относительно воспріемника и воспріемницы слѣдуетъ замѣтить, что таковыми въ хлыстовскихъ и скопческихъ корабляхъ бываютъ большею частію кормщикъ и кормщица, такъ что въ тѣхъ корабляхъ, въ которыхъ за смертію или выбытіемъ перваго управляетъ дѣлами общины вторая, нерѣдко случается, что эта послѣдняя исполняетъ обязанности воспріемника даже въ отношеніи мужчинъ—прозелитовъ. Такой обычай особенно часто можно встрѣчать у хлыстовъ, отчасти у скопцовъ (6). Воспріемникъ или воспріемница въ от-

(1) Чтен. въ общ. ист.. 1872 г. 2 113 стр.

(2) Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 22. 271 стр.

(3) Чтен. въ общ. ист.... 1872 г. 2. 113—114 стр.

(4) Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 22. 271 стр.

(5) Ист. мин. внутр. дѣлъ, VIII т. 502 стр.

(6) Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 6. 203 стр., № 7. 239 стр. Чт. въ общ. ист... 1872 г. 2. 117 стр.

ношеніи къ воспринимаемымъ прежде всего являются руководителями послѣднихъ во время совершенія надъ ними обряда привода, а потому они иногда называются „вводнымъ отцемъ“ или „вводною матерію“; тотъ или другая наставляютъ своего питомца, что говорить и какъ поступать въ извѣстныхъ случаяхъ и проч. (1). Далѣе, воспріемникъ или воспріемница суть отвѣтственныя предъ обществомъ лица за своихъ питомцевъ: тотъ или другая должны наблюдать за поведеніемъ своего питомца, за его религіознымъ развитіемъ и степенью привязанности къ сектѣ; въ случаѣ какихъ либо уклоненій или недостатковъ, замѣченныхъ въ жизни питомцевъ, воспріемникъ и воспріемница обязаны исправить ихъ или же сдѣлать извѣстными всему обществу. Поэтому, во время совершенія привода, съ вновь поступающаго въ секту воспріемникъ или воспріемница беретъ обѣщаніе, чтобы онъ въ случаѣ, если бы „вражіимъ искушеніемъ въ чемъ либо соблазнился и согрѣшилъ...., всѣ свои соблазны, грѣхи и всякое сомнѣніе“ чистосердечно открывалъ ему или ей (2). Такимъ образомъ, роль воспріемника и воспріемницы въ отношеніи къ воспринимаемымъ есть роль отца и матери и даже „духовника“. Сами хлысты и скопцы смотрятъ на своихъ воспріемныхъ отцевъ и матерей именно съ этой точки зрѣнія. По ихъ словамъ, „не тотъ отецъ, который родилъ плотію, а тотъ, который родилъ по духу“ (3). Они и называютъ своихъ воспріемниковъ не иначе, какъ „духовнымъ отцемъ“ и „духовною матерію“ (4) и даже въ знакъ презрѣнія къ плотскимъ родителямъ и глубокаго уваженія къ новымъ духовнымъ, перемѣняютъ свое отчество. Отсюда, часто

---

(1) Ист. мин. внутр. дѣлъ. VIII т. 502 стр.
(2) Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 6. 204 стр.
(3) Чтен. въ общ. ист.. 1872 г. 3. 309 стр.
(4) Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 6. 204 стр.

можно встрѣчать, что какой нибудь Василій Михѣичъ или Илья Силантьевичъ вдругъ обращаются въ Василія Ариновича и Илью Ариновича т. е. перестаютъ величаться по прежнему отчеству и называются по новому, оригинально составленному изъ имени начальницы корабля Арины (1). Воспріемникъ или воспріемница заранѣе опредѣляютъ день привода новаго члена. Въ послѣднее предъ этимъ днемъ собраніе вновь вступающій въ секту, по наученію своего духовнаго отца или духовной матери, уже не уходитъ изъ моленной комнаты по выслушаніи имъ опредѣленныхъ стиховъ; онъ обращается къ собранію и „слезно, совсѣмъ усердіемъ“ упрашиваетъ его принять въ свое общество „грѣшную, кающуюся душу“. Собраніе послѣ нѣкотораго обычнаго колебанія и сомнѣнія изъявляетъ свое согласіе на принятіе въ свое общество новаго послѣдователя (2). Въ день привода повторяется таже смѣшная исторія. Едва только „названникъ“ переступитъ порогъ моленной комнаты, тотъ же вводный отецъ или вводная мать, обращаясь къ нему, спрашиваетъ: „за чѣмъ ты пришелъ“? Названникъ, наученный ранѣе, машинально отвѣчаетъ: „душу спасти“. Начинается обычное дѣтское препирательство. „Нѣтъ, отвѣчаетъ ему отецъ или мать, ты еще годокъ погоди, не спѣши вдругъ-то. У насъ вѣдь, не какъ въ вашемъ (православномъ) басурманскомъ быту, жить трудно. У тебя есть товарищи—пріятели, есть куманьки. А у насъ, братъ, ихъ не надо“ и проч. въ этомъ родѣ (3). Само собою, это препирательство оканчивается всегда въ пользу просителя, но подъ необходимымъ условіемъ со стороны послѣдняго представить собранію поручителя. Такимъ, кромѣ вводныхъ отца или матери, каждый вновь всту-

(1) Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 7. 239 стр. и № 18. 418 стр.

(2) Тамъ же, № 6. 203 стр. Чтен... 1872 г. 3. 308 стр.

(3) Чтен. въ общ. ист... 1873 г. 1. 131 стр.; Этн. сборн. 1864 г. VI вып. Смѣсь. 2 стр. Оренб. Еп. Вѣд. 1881 г. № 1. 38 стр.

ющій въ общество долженъ избрать какого либо святаго, чтимаго православною церковію; преимущественно же избираютъ св. Николая, Матерь Божію и даже самого Христа Спасителя. Обыкновенно, послѣ выраженія согласія на принятіе въ секту, воспріемникъ или воспріемница спрашиваетъ своего питомца: „кого даешь за себя порукою“? Послѣдній называетъ имя святаго, избраннаго имъ. Спрашивающій видимо удовлетворяется отвѣтомъ спрошеннаго и выражаетъ послѣднему только свое отеческое предостереженіе оставаться вѣрнымъ во всю жизнь избранному святому, чтобы ни словомъ, ни дѣломъ не оскорблять святое имя (1). Окончивши эти предварительныя дѣйствія, приступаютъ къ совершенію самого обряда принятія въ секту. Названника одѣваютъ въ такую же бѣлую одежду, какую имѣютъ на себѣ; его ставятъ среди комнаты; всѣ прочіе сектанты, до сего времени сидѣвшіе на лавкѣ, теперь встаютъ и устроиваются въ ряды. Вводный отецъ или вводная мать беретъ пучекъ свѣчей зажигаетъ ихъ и раздаетъ присутствующимъ (2). Взявъ въ лѣвую руку крестъ или икону того святаго, котораго избралъ вводный въ своего поручителя, а въ правую — свѣчу, вводный отецъ или вводная мать становится въ переднемъ углу комнаты; предъ нимъ или предъ нею съ подобающимъ благоговѣніемъ устанавливается названникъ (3). Наступаетъ важнѣйшій моментъ торжественнаго произнесенія клятвы новичкомъ, которая должна навсегда закрѣпить его въ ряду послѣдователей той или другой секты (4). Полнаго тек-

(1) Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 6. 203—204 стр. Чтен... 1873 г. 1. 131 стр.

(2) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 3. 308 стр. У Преображенцева показано семь свѣчей—Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 6. 204 стр.

(3) Чтен. въ общ. ист.... 1872 г. 3. 308 стр. Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 6. 204 стр.

(4) Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ корабляхъ предъ этимъ дѣйствіемъ поютъ тропарь: «Благословенъ еси, Христе, Боже нашъ, иже премудры

ста клятвы ни въ одномъ изъ показаній скопцовъ, а тѣмъ болѣе хлыстовъ, у которыхъ встрѣчаются только намёки, нельзя найти. Изъ сопоставленія, однако, отрывковъ этой клятвы, встрѣчающихся въ разныхъ показаніяхъ, можно замѣтить, что они имѣютъ ближайшую связь между собою и, поэтому, могутъ быть приведены въ нѣкоторую систему. Мы представляемъ здѣсь опытъ такой систематизаціи. По словамъ Андреянова, учитель (т. е. въ данномъ случаѣ воспріемникъ или воспріемница), отдавъ приказаніе названнику: „словами говори за мной"! „самъ, крестяся рукою, начинаетъ, говорить, и тотъ, вмѣстѣ съ нимъ крестяся, говоритъ сперва: „во имя Отца и Сына и Св. Духа. Аминь". А потомъ заповѣдь ихъ, начала которой, замѣчаетъ Андреяновъ, онъ не помнитъ (1). Кажется, такимъ началомъ этой заповѣди, точнѣе клятвы, можно считать слѣдующія слова, приводимыя Созоновичемъ въ его показаніи и прекрасно дополняемыя калужскими скопцами, которыя также произносятся и вводящимъ и вводимымъ: „Пришелъ я къ тебѣ, Господи, на истинный путь спасенія не по неволѣ, но по своему желанію. Пріими мя Господи, пріими, Сынъ Божій, пріими Мать пресвятая Богородица! И обѣщаюсь тебѣ, Господи, про сіе святое дѣло никому не повѣдать: ни отцу, ни матери, ни роду, ни племени; а буде повѣдаю, не подержи меня мать сыра земля, не дай матушка, солнце красное, мнѣ свѣта бѣлаго! Дай мнѣ, Богъ, огонь и пламя, и кнутъ и Сибирь претерпѣть, а сіе дѣло не отложить, чтобы ни архіереямъ, ни священникамъ, ни роду, ни племени, ни сырой землѣ не сказать!" (2)... Далѣе

ловцы явлей»...., или же: «Елицы во Христа крестистеся»..... «Пріидите поклонимся и припадемъ ко Христу»... Чтен. 1873 г. 1. 131 стр. и 1872 г. 1. 84—85 стр.

(1) Чтен. въ общ. ист. 1872 г. 2. 109 стр.

(2) Тамъ же, 1. 85 стр.—1873 г. 1. 47 стр.

продолженіемъ клятвы можно считать слова Андреянова: „пива и вина (слѣдуетъ разумѣть: „обѣщаюсь, Господи)“ (1) не пить, жить не къ тому убо пристрастно, но безстрастно; на родины, на крестины, на никольщины, на свадьбы и на похороны не ходить. И изъ таковыхъ людей бываютъ херувимы, серафимы, архангелы и ангелы, апостолы, пророки и учители. И мнѣ грѣшному, какое дѣло Божіе откроется, чтобы никому не сказывать, и не показать ни отцу, ни матери, ни роду, ни подродку, ни попу, отцу духовному, ни другу своему мірскому, хотя огонь принять, хотя кнутъ принять. А если я, грѣшный, сіе дѣло Божіе не сохраню, и на пути Божіемъ не устою, то побѣди меня, Господи, въ семъ свѣтѣ и будущемъ вѣкѣ“ (2). За произнесеніемъ этихъ клятвъ слѣдуетъ прощаніе приводимаго въ секту со всею видимою и невидимою природою, которое выражается слѣдующими словами: „Прости меня, Господи, прости меня Пресвятая Богородица, простите меня ангелы, архангелы, херувимы, серафимы и вся небесная сила; прости небо, солнце, мѣсяцъ, звѣзды, земля, озера, рѣки, горы и вся стихія!“ (3). Въ заключеніе клятвы оба—и вводящій и вводимый—также торжественно, во всеуслышаніе, исповѣдуютъ вѣру, что „въ сіе время (т. е. при произношеніи клятвы) ангелъ Божій сходилъ съ неба и записалъ сію (т. е. вводимую) душу въ томъ, что она обѣщается служить Богу до конца жизни вѣрно“ (4). Въ знакъ всегдашней своей вѣрности данной клятвѣ вводимый, по приказанію воспріемнаго отца, полагаетъ предъ крестомъ или иконой три земныхъ поклона и цѣлуетъ тотъ или другую; точно также онъ, крестясь, поклоняется са-

---

(1) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 1. 85 стр.

(2) Тамъ же,—2. 109—110 стр.

(3) Тамъ же,—1. 85 стр. См. также 1873 г. 1. 47 стр.

(4) Тамъ же, 2. 110 стр.

мому духовному отцу и всѣмъ прочимъ сектантамъ (1). Взявъ затѣмъ новоприведеннаго за руку, воспріемникъ обходитъ съ нимъ троекратно вокругъ стола поставленнаго среди комнаты, на которомъ обыкновенно лежитъ въ это время евангеліе. Все собраніе, стоя, поетъ въ это время тропарь богоявленію: „Во Іорданѣ крещающуся“.... или стихъ: „Елицы во Христа крестистеся“ (2).... У нѣкоторыхъ скопцовъ, по окончаніи круговаго хожденія, читаютъ мѣста изъ евангелія (напр. Матѳ. X гл. 16—22 ст.; V гл. 28—30 стихи и т. д.) и другихъ книги св. писанія и произносятъ родъ ектеньи, въ которой вѣрные и праведные приглашаются помолиться объ Акулинѣ Ивановнѣ, Петрѣ Ѳеодоровичѣ и проч. (3). Когда пѣніе и чтеніе умолкнутъ, новоприведеннаго поздравляютъ „съ обновленіемъ души и тѣла“ (4), цѣлуются съ нимъ (5) и увѣряютъ его, что всѣ грѣхи, содѣянные имъ до этого времени, прощены и что онъ теперь значится „духовнымъ христіаниномъ“, „братомъ духовнымъ обществу по Богѣ“, а самому начальнику или начальницѣ корабля „духовнымъ сыномъ“. Въ удостовѣреніе всецѣлой преданности и любви всего корабля къ новому его члену, послѣдняго, по распоряженію воспріемника или воспріемницы, иногда ставятъ въ переднемъ углу, давъ ему въ руки икону и свѣчу. При пѣніи церковной пѣсни: „Упованіе наше, Матерь Божія, на тебя возлагаемъ“.... сначала самъ духовный отецъ, а потомъ и все собраніе прикладывается къ иконѣ и свѣчѣ, находящимся въ рукахъ

---

(1) Чтен. въ общ. ист.. 1872 г. 2. 110 стр. и Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 6. 204 стр

(2) Чтен. въ общ. ист.. 1872 г. 2. 111 стр. Тамъ же, 1873 г. 1. 132 стр. Добротворскій. 59 стр.

(3) Сборн. Кельс. III. 140 стр.

(4) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 3. 308 стр.

(5) Тамъ же, 2. 112 стр.

новопросвѣщеннаго (1). Этимъ и оканчивается совершеніе обряда принятія въ секту; иногда, впрочемъ, по окончаніи его слѣдуетъ совершеніе обыкновеннаго радѣнія (2). Само собою понятно, радостнымъ чувствамъ по случаю привода новаго члена въ секту нельзя положить и предѣла: всѣ сектанты ликуютъ и радуются. Андреяновъ, говоря о своемъ приводѣ, замѣчаетъ, что „божіи“ по окончаніи этого обряда, постоянно обращались къ нему съ вопросомъ: „что у Господа какой великій праздникъ бываетъ“? Такъ какъ самъ Андреяновъ не въ состояніи былъ отвѣтить на предлагаемый вопросъ, то они ему „изъ священнаго писанія“ доказывали, что „у Господа тогда великъ праздникъ бываетъ, когда грѣшная душа обратится на покаяніе, и ангели божіи на небеси радуются объ душѣ оной“ (3). Въ одномъ изъ своихъ духовныхъ роспѣвцевъ хлысты и скопцы, между прочимъ, такъ выражаютъ свои радостныя чувства по случаю совершившагося привода въ секту новой жертвы:

„Возрадуется земля,
Веселятся небеса,
Вкупѣ человѣки,
Всегда жъ и во вѣки
Со ангелы и архангелы,
Со всѣми святыми —
Апостолы, пророки, мученики божіи.
Избранная дѣвица чиста,

(1) Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 6. 205 стр.

(2) Тамъ же; Ист. Мин. внут. дѣлъ VIII т. 503—504 стр. Чтен... 1872 г. 2. 111 стр. — У ерыклинскихъ молтанъ вслѣдъ за окончаніемъ обряда принятія въ секту совершаются «просвѣщеніе грѣшной души и освященіе бѣлаго тѣла»—дѣйствія весьма нецѣломудреннаго свойства и т. наз. «почелобитствованіе», состоящее въ томъ, что вводимый или вводимая даетъ своему духовному отцу или духовной матери какой либо вещественный подарокъ (Самар. Еп. Вѣд. 1870 г. № 21. 493—494 стр.).

(3) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 2. 110 стр.

Дѣвственна душа,
Котора на свѣтѣ грѣхи тяжки обошла,
Безъ всякаго порока
Къ Создателю пришла“ (¹)....

Обрядъ прощенія. По словамъ скопца, если заподозрятъ кого нибудь въ отступленіи отъ сектаторскихъ правилъ, то виновнаго, передъ совершеніемъ богомоленія, требуютъ въ соборъ, гдѣ и заставляютъ его просить у собравшейся братіи прощенія. Обрядъ прощенія совершается такъ. Когда всѣ собравшіеся въ моленную комнату сядутъ вокругъ стѣнъ по лавкамъ,—входитъ тотъ, кто приговоренъ просить прощеніе. Сдѣлавъ три земныхъ поклона на портретъ Селиванова, виновный становится на колѣна и, оставаясь въ такомъ положеніи, говоритъ: „простите меня, братцы родимые, Христа ради“. Скопцы въ это время сидятъ, не двигаясь съ мѣстъ. Между тѣмъ, старшій пророкъ обращается къ виновному напр. съ такою рѣчью: „вотъ, Иванушко, видишь, надо помнить и впредь не забываться, потому, значитъ“ и проч. За тѣмъ, по окончаніи рѣчи, всѣ разомъ, со всѣхъ четырехъ лавокъ кланяются виновному съ причитаніемъ: „спаси, батюшка родимый“ и проч. Онъ встаетъ, раскланивается на всѣ четыре стороны, и за тѣмъ уже начинается обычное моленіе (²).

Молитвословіе о здравіи именинника. По словамъ Преображенцева, каждый сектантъ въ день своихъ именинъ сбираетъ своихъ единовѣрцевъ въ моленную комнату, приноситъ съ собою въ послѣднюю пирогъ, восковую свѣчу и деньги. Собравшіеся хлысты совершаютъ „бесѣду“, но въ чемъ она состоитъ и какъ совершается — не извѣстно. По окончаніи бесѣды, въ честь именинника поютъ скорымъ напѣвомъ духов-

(¹) Добротворскій, Пѣсн. № 84. 198 стр.

(²) Журн. роман. и повѣстей, изд. «Недѣля» 1881 г, № 1. 63—64 стр.

ный роспѣвецъ, въ которомъ, подъ образомъ пташекъ, сидящихъ на кипарисовомъ деревцѣ, среди двора, хлысты приглашаютъ самихъ себя воспѣть именинника, воздать ему должную честь. Подъ пѣніе этого роспѣвца именинникъ неистово вертится на одной ногѣ. Окончивъ пѣніе роспѣвца, всѣ присутствующіе кланяются имениннику; съ своей стороны и онъ также кланяется собранію и благодаритъ за оказанную честь. Слѣдуетъ угощеніе: столъ накрываютъ бѣлою скатертью, ставятъ на немъ принесенный пирогъ и, помолившись, садятся на лавки. Пропѣвъ стишокъ:

„Съ неба къ намъ скатилъ,
Намъ трапезу благословилъ!
Извольте вы кушать,
Словъ Божіихъ слушать“!

пирогъ разрѣзываютъ и каждый сектантъ беретъ свою часть, именинникъ же каждому берущему кланяется и проситъ о молитвѣ за него. Когда съѣдятъ пирогъ, всѣ сектанты поднимаются съ своихъ мѣстъ, снова молятся, прощаются другъ съ другомъ и расходятся (¹).

Погребеніе и поминовеніе умершихъ. По словамъ того же Преображенцева, въ то время, когда замѣтятъ, что какой либо сектантъ находится при послѣднемъ издыханіи, всѣ хлысты извѣстнаго корабля собираются въ моленную горницу и здѣсь „весьма протяжнымъ и печальнымъ голосомъ“ поютъ молитву Іисусову: „Дай намъ, Господи“...., какъ бы напутствуя отходящую душу въ жизнь будущую. Въ домѣ умершаго, надъ послѣднимъ молитву Іисусову читаютъ шопотомъ, „дабы мірскіе люди (которые, очевидно, всегда могутъ быть въ это время) не могли слышать“. Похоронивъ умершаго, конечно по православному обряду, хлысты собираются въ моленную комнату; сюда родственники умершаго, если они сектанты, приносятъ блины или бѣлый хлѣбъ, восковую

(¹) Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 7. 239—240 стр.

свѣчу и деньги. Совершаютъ „святую бесѣду“ по умершемъ. Во время бесѣды пророкъ, какъ бы вдохновленный свыше, разсказываетъ собранію о томъ, „въ какомъ состояніи находится душа умершаго“; впрочемъ, онъ всегда побуждаетъ родственниковъ къ поминовенію и подаянію милостыни за отшедшую душу. По окончаніи бесѣды, принесенные блины или хлѣбъ становятъ на столѣ, покрытомъ бѣлою скатертью или полотенцемъ, разводятъ въ чашѣ канунъ, надъ кануномъ зажигаютъ восковую свѣчу. Всѣ присутствующіе въ моленной, обратившись лицемъ къ столу, поютъ печальнымъ голосомъ туже Іисусову молитву, по окончаніи которой, каждый изъ нихъ по порядку, подходитъ къ столу и здѣсь первоначально поминаетъ усопшаго кануномъ, а потомъ беретъ блинъ или часть хлѣба; родственники умершаго каждому подошедшему къ столу кланяются въ ноги и просятъ о поминѣ души усопшаго. Когда все принесенное съѣдятъ, хлысты снова творятъ молитву объ умершемъ и расходятся по домамъ (1).—У закавказскихъ скопцовъ умершаго одѣваютъ въ „парусъ“ т. е. въ радѣльную рубаху и кладутъ по преимуществу во гробъ. Тѣлу не оказываютъ никакого уваженія, исключая тѣло, отъ рожденія оставшееся дѣственнымъ (2).

Водосвятіе. У закавказскихъ скопцовъ чинъ водосвященія совершается такъ: старшій, т. е. корщикъ корабля, поставивъ въ передній уголъ, подъ образами, сосудъ съ водою, по своему произволу, на память, читаетъ разныя молитвы; затѣмъ произноситъ нѣкоторыя мѣста изъ „Страдъ“, иногда тропарь: „во Іорданѣ крещающуся“... и погружаетъ въ воду животворящій крестъ. Освященную такимъ образомъ воду даютъ пить, а иногда и кропятъ ею (3).

(1) Тул. Еп. Вѣд. 1867 г. № 7. 240—241 стр.

(2) Чтен. въ общ. ист... 1864 г. IV. 58 стр.

(3) Тамъ же.

3) Совершеніе таинствъ у хлыстовъ и скопцовъ.

Изъ обозрѣнія догматическаго ученія хлыстовъ и скопцовъ намъ извѣстно, что какъ тѣ, такъ и другіе отрицаютъ таинства православной церкви и въ этомъ своемъ отрицаніи они руководятся тѣмъ, что послѣднія, кромѣ внѣшней обрядовой стороны, не имѣютъ будто бы ничего болѣе, совершеніе ихъ не сообщаетъ человѣку даровъ благодати, не дѣлаетъ его святымъ. Отрицая на такихъ основаніяхъ необходимость таинствъ, совершаемыхъ въ православной церкви, хлысты и скопцы вмѣсто нихъ выдумали свои. Мы уже замѣчали, что сектанты разнымъ своимъ богослужебнымъ дѣйствіямъ усвояютъ значеніе различныхъ таинствъ православной церкви. Такъ, по ихъ мнѣнію, таинству крещенія, совершаемому въ православной церкви, соотвѣтствуетъ у нихъ обрядъ „привода", которому долженъ подвергаться каждый вновь поступающій въ ту или другую секту; кромѣ того, у скопцовъ существуетъ еще крещеніе огнемъ, т. е. оскопленіе; таинству покаянія соотвѣтствуетъ „частное слово" или пророчество, въ которомъ пророкъ, предрекая судьбу того или другаго члена корабля, въ тоже время обличаетъ его во грѣхахъ, побуждаетъ къ покаянію и разрѣшаетъ; вмѣсто таинства причащенія они постоянно, въ каждомъ собраніи, слушаютъ изрѣченія своихъ пророковъ—эти „мягкіе и горячіе пироги, вынимаемые прямо изъ печи", по выраженію хлыстовъ и т. д. Само собою понятно, подобное пониманіе таинствъ равносильно полному отрицанію ихъ, какъ особаго вида богослужебныхъ дѣйствій. Но кромѣ этихъ, такъ сказать, аллегорическихъ таинствъ, у хлыстовъ, по крайней мѣрѣ у нѣкоторыхъ, существуютъ еще другія формы совершенія трехъ таинствъ: крещенія, покаянія и причащенія, у скопцовъ же—только одного послѣдняго. Такъ, у тамбовскихъ хлыстовъ таинство крещенія совершалось только надъ совершеннолѣтними и состояло въ возложе-

ніи образа на голову крещающагося и поливаніи послѣдняго водою (1). Тѣ же хлысты таинство покаянія совершали предъ своими христами, богородицами и пророками. На основаніи повелѣнія: „первенствующему христіанину надлежитъ приносить покаяніе еженедѣльно, а мірянину хотя съ принужденіемъ одинъ разъ въ годъ", они совершали покаяніе нѣсколько разъ въ годъ. Въ случаѣ смерти; когда по близости не находилось человѣка, одареннаго особою благодатію, они обращались и къ обыкновенному члену союза, который и разрѣшалъ грѣхи кающагося (2). У другихъ хлыстовъ покаяніе совершалось нѣсколько иначе. По словамъ г. Добротворскаго, для исполненія таинства исповѣди, хлысты „предварительно молятся нѣсколько дней, но не иначе какъ въ лѣтнее время; потомъ всѣ, какъ мужчины, такъ и женщины, во грѣхахъ каются богородицѣ; послѣ, каждый изъ нихъ по одиночкѣ ходитъ одинъ для исповѣди въ лѣсъ или степь, по своему желанію, и не иначе какъ въ полночь. Наконецъ, предъ причащеніемъ, вышедъ всѣ изъ моленной, входятъ въ оную по одному и тамъ, ставши на колѣна, каются еще предъ чаномъ, наполненнымъ водою, во грѣхахъ духовно" (3).—Наконецъ, кромѣ причащенія грудью дѣвицы и тѣломъ и кровію младенцевъ, у хлыстовъ существуютъ еще другія формы причащенія. Изъ послѣднихъ самою распространенною и употребительною формою причащенія можно считать причащеніе хлѣбомъ и водою, иногда вмѣсто послѣдней квасомъ. Такое причащеніе совершалось еще во времена Суслова (4). Способъ совершенія этой формы причащенія приблизительно можно описать такъ. Во время богослужебныхъ со-

(1) Тамб. Еп. Вѣд. 1862 г. № 5, 211 стр.

(2) Тамъ же.

(3) Люди божіи, 186—187 стр.

(4) Реутскій, Люди божіи и скопцы, 128 стр.

браній, и именно послѣ произнесенія пророчествъ, кормщикъ или кормщица корабля, подошедши къ столу, рѣжетъ лежащій на немъ хлѣбъ на части, а въ воду, находящуюся въ особой кружкѣ, троекратно погружаетъ осьмиконечный крестъ. Всѣ присутствующіе по порядку подходятъ къ столу; кормщикъ или кормщица, произнося слова: „пріимите, ядите“... и „пійти отъ нея вси“..., каждому подошедшему даетъ часть хлѣба, которую послѣдній тутъ же съѣдаетъ, запивая изъ кружки водою (1). По показанію тамбовскихъ хлыстовъ, хлѣбъ, употребляемый ими для причащенія, изображаетъ „слово божіе“ а вода— „слезы кающагося грѣшника“ (2). У другихъ хлыстовъ вмѣсто хлѣба употребляются для причащенія „растертыя шишечки годовой вербы“; кромѣ того у нихъ употребляется не обыкновенная вода, а непремѣнно „годовая“ (3). У ерыклинскихъ монтанъ были въ употребленіи особые пряники, по виду желтоватые, которыми они причащались, положивъ ихъ предварительно во щи. Пряники эти привозились изъ Москвы (4).—У скопцовъ веществомъ для причащенія служитъ преимущественно хлѣбъ—въ видѣ ли крендельковъ, баранокъ, сухариковъ и т. д. или же въ видѣ разрѣзанныхъ кусочковъ обыкновеннаго хлѣба. Долгое время скопцы получали подобное причащеніе отчасти изъ Суздаля и Петербурга, но главнымъ образомъ изъ Шлиссельбурга и получали его уже освященнымъ, готовымъ къ употребленію. Въ Суздалѣ и Петербургѣ оно освящалось самимъ Селивановымъ, въ Шлиссельбургѣ же — чрезъ опущеніе въ особыя отверстія, находившіяся въ плитѣ надгробнаго памятника Александра Шилова (5). Кромѣ хлѣба въ

(1) Рус. Вѣстн. 1869 г. № 3. 382 стр., Реутскій—28—29 стр.

(2) Тамб. Еп. Вѣд. 1862 г. № 5. 311 стр.

(3) Добротворскій—187 стр.

(4) Сам. Еп. Вѣд. 1875 г. № 15. 334—335 стр.

(5) Чтен. въ общ. ист. 1872 г. 2. 168—170 стр.

разныхъ его видахъ скопцы иногда употребляютъ для причащенія „порошокъ изъ сушоной рубы и сахара въ соединеніи съ водою“, нѣкоторые же скопцы удовлетворяются даже водою, предварительно, впрочемъ, освященною по особому чину (1). Въ кораблѣ Милютина причащеніе совершалось такъ. Настасья Семеновна, кормщица корабля, брала серебряную вызолоченную тарелку, сдѣланную въ родѣ церковнаго дискоса на высокомъ поддонѣ, на которой находились кубическіе кусочки сухарей изъ бѣлаго хлѣба съ нарѣзанными на нихъ изображеніями креста. Эти кусочки она раздавала всѣмъ присутствовавшимъ, которые принимали ихъ съ величайшимъ благоговѣніемъ, какъ бы даръ Божій (2). Какимъ образомъ совершалось причащеніе въ другихъ корабляхъ—неизвѣстно.

Намъ теперь остается сказать послѣднее слово о скопческой сектѣ въ ея отношеніи къ сродной съ нею сектѣ хлыстовъ. Мы считаемъ излишнимъ входить здѣсь въ полемику съ писателями о скопческой сектѣ, которые полагаютъ, что скопческая секта тожественна съ сектою хлыстовъ и отличается только однимъ внѣшнимъ признакомъ,—считаемъ излишнимъ потому, что писатели съ такимъ мнѣніемъ не представляютъ никакихъ доказательствъ въ пользу своего положенія. Мы обратимъ здѣсь вниманіе только на мнѣніе г. Е. Барсова, который полагаетъ, что „скопчество не есть самостоятельная секта, а скорѣе хлыстовскій монашескій орденъ“ (3). Свое мнѣніе Барсовъ подтверждаетъ тѣмъ, что самъ основатель скопческой секты смотрѣлъ на своихъ послѣдователей, какъ на монаховъ. Обозрѣвая доказательства, при-

---

(1) Чтен. въ общ. ист... 1872 г. 2. 168 стр.

(2) Тамъ же, 1873. 1. 124 стр.

(3) Прав. Обозр. 1873 г. № 2. 311 стр.

водимыя скопцами въ защиту ученія о необходимости для человѣка оскопленія, мы, между прочимъ, видѣли, что скопцы, желая оправдать свое преступленіе предъ обществомъ и государствомъ, дѣйствительно, приравниваютъ свое положеніе къ монашескому, смотрятъ на себя, какъ на монаховъ. Изъ этого послѣдняго воззрѣнія на себя, какъ на монашествующее сословіе, ясно открывается, изъ какихъ источниковъ проистекаетъ такое воззрѣніе скопцовъ на себя. Очевидно, что скопцы смотрятъ на себя, какъ на монаховъ не въ отношеніи къ хлыстамъ, но смотрятъ на себя такъ потому, что видятъ въ господствующей церкви нѣчто, по ихъ мнѣнію, подобное ихъ состоянію. Отсюда само собою разрѣшается и предположеніе г. Барсова о скопческой сектѣ, какъ о хлыстовскомъ монашескомъ орденѣ. Ясно, что скопчество не можетъ быть монашескимъ орденомъ хлыстовъ уже потому, что скопцы считаютъ себя монахами отнюдь не въ отношеніи къ хлыстамъ. Если присоединить къ этому еще то обстоятельство, что самъ основатель скопческой секты считалъ себя и свое общество выше хлыстовскаго общества, то мнѣніе г. Барсова падаетъ, такъ какъ съ понятіемъ ордена всегда соединяется понятіе о подчиненности тому обществу, котораго извѣстное общество составляетъ орденъ.

Не составляя хлыстовскаго монашескаго ордена, *секта скопцовъ есть отдѣльная, отличная отъ секты хлыстовъ*. Въ самомъ дѣлѣ, мы уже видѣли, что въ ученіи догматическомъ скопчество существенно отличается отъ хлыстовщины. Въ ученіи нравственномъ скопцы, правда, сходятся съ хлыстами, но сходство это только видимое, кажущееся; на самомъ же дѣлѣ нравственное ученіе скопцовъ отличается отъ ученія хлыстовъ и по цѣли, къ которой должна быть направляема нравственная дѣятельность человѣка и по средствамъ, какія служатъ для достиженія этой цѣли и, наконецъ, по самому понятію о нравственности. Отличаясь въ религіозно-нравственныхъ воззрѣніяхъ,

хлысты и скопцы отличаются между собою и какъ общество гражданское; вредъ первыхъ, очевидно, не такъ значителенъ для государства, какъ вредъ послѣднихъ. Остается сказать о богослужебномъ культѣ. Правда, какъ у хлыстовъ, такъ и у скопцовъ культъ, какъ мы уже видѣли, съ весьма немногими разностями — одинъ и тотъ же. Но очевидно, ради этого одного сходства никто не станетъ утверждать, что секта скопцовъ тожественна съ сектою хлыстовъ. Культъ имѣетъ второстепенное значеніе; онъ можетъ быть одинъ и тотъ же въ двухъ обществахъ, но въ тоже время эти общества, однако, будутъ отличны между собою. Если, такимъ образомъ, секта скопцовъ отличается отъ сродной съ нею секты хлыстовъ съ трехъ сторонъ и если эти отличія касаются существенно важныхъ пунктовъ ученія, то, само собою понятно, для признанія ея сектою отдѣльною, отличною отъ хлыстовщины не можетъ быть никакихъ препятствій.

водимыя скопцами въ защиту ученія о необходимости для человѣка оскопленія, мы, между прочимъ, видѣли, что скопцы, желая оправдать свое преступленіе предъ обществомъ и государствомъ, дѣйствительно, приравниваютъ свое положеніе къ монашескому, смотрятъ на себя, какъ на монаховъ. Изъ этого послѣдняго воззрѣнія на себя, какъ на монашествующее сословіе, ясно открывается, изъ какихъ источниковъ проистекаетъ такое воззрѣніе скопцовъ на себя. Очевидно, что скопцы смотрятъ на себя, какъ на монаховъ не въ отношеніи къ хлыстамъ, но смотрятъ на себя такъ потому, что видятъ въ господствующей церкви нѣчто, по ихъ мнѣнію, подобное ихъ состоянію. Отсюда само собою разрѣшается и предположеніе г. Барсова о скопческой сектѣ, какъ о хлыстовскомъ монашескомъ орденѣ. Ясно, что скопчество не можетъ быть монашескимъ орденомъ хлыстовъ уже потому, что скопцы считаютъ себя монахами отнюдь не въ отношеніи къ хлыстамъ. Если присоединить къ этому еще то обстоятельство, что самъ основатель скопческой секты считалъ себя и свое общество выше хлыстовскаго общества, то мнѣніе г. Барсова падаетъ, такъ какъ съ понятіемъ ордена всегда соединяется понятіе о подчиненности тому обществу, котораго извѣстное общество составляетъ орденъ.

Не составляя хлыстовскаго монашескаго ордена, *секта скопцовъ есть отдѣльная, отличная отъ секты хлыстовъ.* Въ самомъ дѣлѣ, мы уже видѣли, что въ ученіи догматическомъ скопчество существенно отличается отъ хлыстовщины. Въ ученіи нравственномъ скопцы, правда, сходятся съ хлыстами, но сходство это только видимое, кажущееся; на самомъ же дѣлѣ нравственное ученіе скопцовъ отличается отъ ученія хлыстовъ и по цѣли, къ которой должна быть направляема нравственная дѣятельность человѣка и по средствамъ, какія служатъ для достиженія этой цѣли и, наконецъ, по самому понятію о нравственности. Отличаясь въ религіозно-нравственныхъ воззрѣніяхъ,

хлысты и скопцы отличаются между собою и какъ общество гражданское; вредъ первыхъ, очевидно, не такъ значителенъ для государства, какъ вредъ послѣднихъ. Остается сказать о богослужебномъ культѣ. Правда, какъ у хлыстовъ, такъ и у скопцовъ культъ, какъ мы уже видѣли, съ весьма немногими разностями — одинъ и тотъ же. Но очевидно, ради этого одного сходства никто не станетъ утверждать, что секта скопцовъ тожественна съ сектою хлыстовъ. Культъ имѣетъ второстепенное значеніе; онъ можетъ быть одинъ и тотъ же въ двухъ обществахъ, но въ тоже время эти общества, однако, будутъ отличны между собою. Если, такимъ образомъ, секта скопцовъ отличается отъ сродной съ нею секты хлыстовъ съ трехъ сторонъ и если эти отличія касаются существенно важныхъ пунктовъ ученія, то, само собою понятно, для признанія ея сектою отдѣльною, отличною отъ хлыстовщины не можетъ быть никакихъ препятствій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

ОБЗОРЪ ЛИТЕРАТУРЫ

а) по предмету хлыстовской секты . . . . . 3.
б) по предмету скопческой секты . . . . . 17.

ПЕРВЫЙ ОТДѢЛЪ.

А.

Исторія секты хлыстовъ . . . . . 39.
Періодъ первый. 1631—1734 гг. . . . . 40.
Періодъ второй. 1734—1752 гг. . . . . 67.
Періодъ третій. 1752—1880 гг. . . . . 89.

Б.

Исторія секты скопцовъ.

1) Исторія скопчества вообще . . . . . 97.
2) Появленіе скопчества на Руси въ XVIII столѣтіи, причина его возникновенія и отличіе его отъ древняго скопчества. 106.
3) Личность основателя скопческой секты: его происхожденіе и имя; его внѣшній видъ и характеръ . . . . . 113.
4) Начало исторіи скопческой секты, общій взглядъ на нее и раздѣленіе ея . . . . . 122.
Первый періодъ исторіи скопчества 1772—1775 . . . 126.
Второй періодъ 1775—1802. . . . . 147.
Третій періодъ 1802—1820 . . . . . 172.
Четвертый періодъ 1820—1832. . . . . 218.
Пятый періодъ 1832—1880 . . . . . 234.

ВТОРОЙ ОТДѢЛЪ.

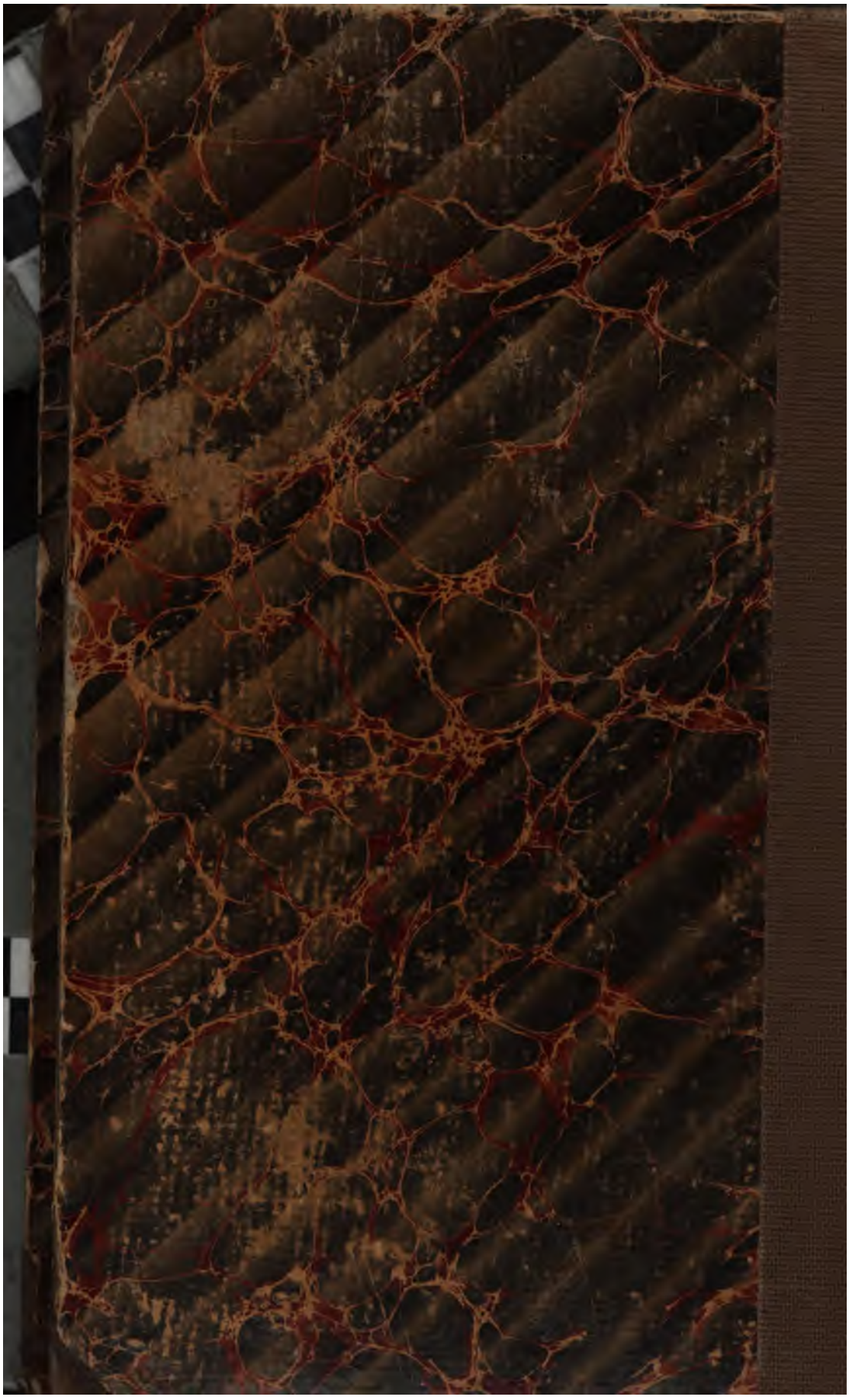
А.

Ученіе секты хлыстовъ. . . . . 269.
1) Догматическіе ученіе . . . . . 274.
2) Нравственное ученіе. . . . . 306.
3) Бытъ хлыстовъ . . . . . 323.

BR 935 .K88 C.1
Sekty khlystov i skoptsov /
Stanford University Libraries
3 6105 040 959 012

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

DATE DUE

F/S JUN 30 1996
JAN 07 1997
DOC DEC 13 1996
JUN 07 1997
FEB 07 1997
F/S JUN 1997
28D AUG 13 1997
DEC 11 1997